ВХ
5 10

Архіепископъ Антоній (Храповицкій).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора.

Томъ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1911.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, Гостиный дворъ, магазинъ № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Агрономовъ, А., прот. **Книжки для народа и школъ.** *Учебн. Ком. при Свят. Стн. допущ. къ обращен. въ народѣ и пріобр. въ библ. приходск. церквей* („Церк. Вѣд." за 1891 г. № 37). *Учил. Совѣт. при Св. Стн. допущ. въ библ. церков.-приход. школъ* („Церк. Вѣд." 1891 г. № 34). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ библ. низш. учебн. зав. и въ безплат. нар. библ. и чит.* (3 декабря, 1897 г., № 31692).

1) Благовѣщеніе Пресв. Бог., ц. 2 к.
2) Торжеств. входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, ц. 2 к.
3) Страстная седмица, ц. 4 к.
4) Свѣтлое Христово Воскр., ц. 5 к.
5) Вознесеніе Господа І. Хр., ц. 2 к.
6) Святая Пятидесятница, ц. 2 к.
7) Преображ. Господа Іис. Хр., ц. 2 к.
8) Успеніе Пресв. Богородицы, ц. 2 к.
9) Рождество Пресв. Богородицы, ц. 2 к.
10) Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня, ц. 2 к.
11) Покровъ Пресв. Богород., ц. 2 к.
12) Великое чудо милости Божіей 17-го октября, ц. 2 к.
13) Введеніе во храмъ Пр. Богородицы, ц. 2 к.
14) Рождество Госп. Іис. Хр., ц. 2 к.
15) Крещеніе Господа І. Хр.,ц. 2 к.
16) Срѣтеніе Госп. Іисуса Хр. ц. 2 к.
17) Непобѣдимая и непостижимая сила Креста Господня, ц. 2 к.
18) Грекороссійская церковь есть воистину православн. церковь, ц. 4 к.
19) О значеніи крестныхъ ходовъ и освященія воды, ц. 2 к.
20) Св. Великій постъ, какъ проповѣдникъ покаянія, ц. 4 к.

Цѣна за всѣ безъ перес. 49 к., съ пер. заказн. 70 к., съ нал. плат. 80 к. При требованіи въ большомъ количествѣ допускается уступка.

Акаѳістъ Святому Ангелу, неусыпаемому хранителю человѣческія жизни. Съ изобр. св. Ангела. Гражд. печ. Роск. изд., отпеч. на вел. бум., двумя краск., крупной печ. Спб., ц. 30 к., въ изящн. коленк. перепл. 75 к.

— Пресвятой Госпожѣ Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотв. иконы Ея, именуемыя Тихвинскія. Церк. печ. Спб., ц. 20 к., гражд. печ. ц. 20 к.

— Св. мучениц. Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви и матери ихъ Софіи. Съ изобр. Нап. двумя краск. на велен. бум. Спб., Церк. печ., цѣна 30 к., въ перепл. 75 к., гражд. печ., ц. 30 к., въ пер. 75 к.

— ко Пресв. Богородицѣ, явленія ради чудотв. иконы Ея, Казанскія, съ изображеніемъ церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

Акаѳістъ Св. прор. Божію Иліи, церк. печ. въ 32-ю д. л. Съ изображ., ц. 30 к. Въ кол. пер. 75 к. Граж. печ. 30 к., въ пер. 75 к.

— Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ Всѣхъ Скорбящ. Радости. Церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

— Св. чуд. Іоанну Воину, его же пам. праздн. Іулія въ 30 день. Гражд. печ. въ 32 д. л. Спб., ц. 20 к. Церк. печ., въ 4 д. л., съ кинов. и изображ. Ц. 50 к.

— Воскресенію Христову. Съ изобр. Воскрес. Цер. печ., въ 32 д. л. Спб., ц. 20 к. Гр. печ., ц. 20 к.

— Св. мучен. Параскевѣ. Съ изобр. Церк. печ. Въ 32 д. л. Спб., ц. 30 к. Гражд. печ., ц. 30 к.

— Свят. великомуч. Екатеринѣ. Съ изобр. Церк. печ. Въ 32 д. л. Спб., ц. 30 к. Гражд. печ., ц. 30 к.

— Свят. Иннокентію, Иркут. чуд. Съ изображ. Церк. печ. Изд. 3-е. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

— священномученику Харалампію. Съ изображеніемъ священномученика и нотнымъ приложеніемъ. Церковной печати. Спб., 1909 г., ц. 20 к. Гражданской печати; ц. 20 к.

Акаѳісты Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ. Божественнымъ страстямъ Христовымъ. Живоносному гробу и воскресенію Господню. Покрову Пресвятыя Богородицы. Святому Архангелу Михаилу. Ко причащенію Святыхъ Таинъ (для мірянъ). Съ изображ. Спб., 1908 г., ц. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 рубль.

Александровъ, Н., прот. Священная исторія Ветхаго Завѣта въ извлеченіяхъ изъ библіи. Библейскій текстъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Курсъ Закона Божія для І-го класса, средне-учебныхъ завед. Изд. 2-е. Спб., 1910 г., ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. Очерки домашней и обществен. жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, богослуженіе, праздники, обряды, талмудъ и кагалъ. Спб. 1897 г., ц. 1 р., въ коленкоровомъ изящн. перепл. 2 р.

Андреевъ, Д. Сборникъ правилъ о средствахъ содержанія духовенства и о раздѣлѣ ихъ между членами причтовъ. Спб. 1906 г., ц. 50 к.

Анисимовъ, А., свящ. Путевыя записки русскаго пастыря о свящ. Востокѣ, паломника. Въ 2 частяхъ. Иллюстрированное изданіе, съ 40 рис. Г. А. Гарпера. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ колен. переп. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. опред. допуст. вышеозаглавленную книгу въ ученич. библ. сред. и низшихъ учебн. заведеній*

Высокопреосвященный Антоній,
Архіепископъ Волынскій и Житомірскій.

ВХ
510

Архіепископъ Антоній (Храповицкій).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора.

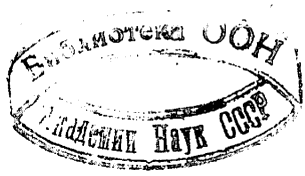
Томъ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1911.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 16-го февраля 1910 года.

Цензоръ, Архимандритъ Василій.



043
37

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Отъ издателя.

Съ Божіею помощію приступая ко второму значительно дополненному и исправленному изданію полнаго собранія сочиненій Высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Волынскаго и Житомірскаго въ трехъ большихъ томахъ, считаю нужнымъ заявить читателямъ, что въ эти три тома вошло все то, что было помѣщено въ четырехъ томахъ перваго изданія и кромѣ того сдѣлано много дополненій изъ позднѣйшихъ сочиненій Владыки, не вошедшихъ въ первое изданіе.

И. Тузовъ.

Февраль, 1910 г.
СПБ.

Слова, бесѣды и рѣчи.

РѢЧЬ

при нареченіи въ санъ епископа [1]).

Преосвященнѣйшіе архипастыри!

Когда я грѣшный началъ обдумывать, что сказать мнѣ предъ вашимъ освященнымъ соборомъ въ сей знаменательный день моей жизни, то открылъ святую Библію на удачу и прочиталъ сіи слова Апостола: *„если и всѣ соблазнятся, но не я“* (Марк. XIV, 29).

Извѣстно всякому, что отвѣтилъ Господь на это смѣлое обѣщаніе, и сколь горько посрамленъ былъ изрекшій оное. А между тѣмъ, какъ, повидимому, свойственно всякому дѣятелю, призываемому на высокое, святое служеніе, мысленно обозрѣть предстоящій свой жребій и предначертать въ сердцѣ своемъ и въ краснорѣчивомъ словѣ всѣ тѣ добрыя и мудрыя начинанія, которыя тѣснятся въ его воображеніи. Такъ и поступаютъ общественные дѣятели мірскіе, особенно въ странахъ, управляемыхъ выборнымъ началомъ: наперерывъ хвалятся они предъ народной толпой перечисленіемъ своихъ будущихъ подвиговъ, склоняя тѣмъ каждый на свою сторону выборъ народный.

Дѣятели духовные, особенно молодые, тоже нерѣдко поддаются такому же увлеченію, мечтаютъ и говорятъ о будущихъ преобразованіяхъ, о томъ, какъ они „не будутъ подобны прочимъ человѣкамъ хищникамъ, прелюбодѣямъ“; имъ ласкательствуетъ современная печать, изображая подобныхъ имъ мечтателей, осуществившихъ свои предначертанія и бывшихъ образцовыми священниками въ современномъ духѣ—лѣкарями, гигіенистами, экономистами.

Будемъ ли строго судить ихъ? Вѣдь не столько тщеславіе и самопревозношеніе, сколько незнаніе жизни, а паче того—незнаніе своей немощной человѣческой природы, увлекаютъ

---

[1]) Была произнесена въ Казанской Крестовой церкви. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ „Церков. Вѣдомости“. 1897 г., № 38.

воображеніе этихъ юныхъ. Скоро, очень скоро тяжкія испытанія, огорченія, уничиженія отвнѣ и собственныя прегрѣшенія откроютъ глаза неопытному пастырю, и увидитъ онъ, что его надежды на себя подобны надеждѣ человѣка летать по воздуху съ игрушечными крыльями. Такъ и меня многократно смирялъ въ моихъ глазахъ Господь, какъ Петра, еще прежде пошедшаго къ Нему по водамъ и тонувшаго среди волнъ разсвирѣпѣвшаго озера, а затѣмъ постыдно устрашившагося враговъ Христовыхъ.

Но вотъ, сей самый Петръ, который нѣкогда въ горячности своей отсѣкъ мечемъ ухо Малха, теперь, „*исшедъ вонъ плакася горько*“; онъ уже не обѣщаетъ ничего своему Учителю, но со слезами раскаянія и скорби вопіетъ: „*Господи, Ты вся вѣси, Ты вѣси, яко люблю Тя*“. Что же мы видимъ послѣ сего самопознанія и покаянія? Смирившійся въ сердцѣ своемъ ученикъ уже съ великимъ дерзновеніемъ свидѣтельствуетъ о Христѣ предъ Его врагами, радостно благодаритъ Бога за темничное заключеніе о имени Его, единымъ словомъ исцѣляетъ хромого, посрамляетъ лжепророка, низводитъ съ неба, вмѣсто огня, Святаго Духа, наконецъ, единою тѣнью тѣла своего исцѣляетъ болѣзни. — Чего не могла совершить естественная горячность духа, то свершила благодать Духа Божественнаго, обрѣтшая себѣ мѣсто въ сердцѣ, очищенномъ покаяніемъ, украшенномъ вѣрой, укрѣпленномъ смиреніемъ.

То, что совершилось съ первоверховнымъ Апостоломъ, есть законъ жизни, дѣйствующій во всѣхъ служителяхъ Божіихъ. Не въ смѣлыхъ предначертаніяхъ, не въ пылкомъ воображеніи раскрывается сила ихъ, но въ самомъ отреченіи отъ своей естественной силы обрѣтаетъ себѣ мѣсто сила Божія.

„*Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова*“ (2 Кор. XII, 9). Таковы да будутъ мои предначертанія въ широкой и святой дѣятельности, нынѣ мнѣ препоручаемой чрезъ ваше рукоположеніе Святымъ Духомъ. Да будетъ всегда непоколебима предъ моимъ духовнымъ взоромъ та истина, что жизнью правятъ не ухищренія человѣческія, а воля Промыслителя Бога, что Онъ для исполненія Своихъ спасительныхъ предначертаній требуетъ отъ насъ не предугадыванія событій, а внутренней чистоты, любви и смиренія, и если находитъ дѣлателя, исполненнаго сими дарами, то Самъ чрезъ него творитъ „великая и славная“. Такъ святостью своею Моисей и Ааронъ охраняли народъ свой отъ гнѣва Божія; такъ и пророкъ Іезекіиль говоритъ отъ лица Его: „*Искалъ Я у нихъ человѣка, который поставилъ бы стѣну и сталъ бы предо Мною въ проломѣ за сію землю, чтобъ Я не погубилъ ея*“ (Іезекіил. XXII, 30).

Отсюда видимъ, что духовный взоръ вновь призываемаго труд-ника нивы Его долженъ быть обращенъ не вдаль, а внутрь себя, не въ будущее, а въ настоящее: *„даждь намъ днесь... и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“*.

Неразумные люди міра въ подобныхъ правилахъ жизни видятъ причину бездѣятельности православнаго духовенства и завидуютъ кажущейся ревности еретиковъ. Но если гдѣ замѣтите бездѣятельность, то легко убѣдитесь, при лучшемъ вниманіи, и въ томъ, что ея причина есть внутренній недугъ—себялюбіе или черствость, т. е. пренебреженіе православнымъ правиломъ пастырства, а не выполненіе его. О, какъ бы дѣятеленъ былъ тотъ пастырь, который полагалъ бы заботу души своей въ томъ только, чтобы въ сердцѣ своемъ всегда пріуготовлять храмъ Духа чрезъ подвиги духовной жизни. Онъ пошелъ бы путемъ святаго Іоанна Златоуста въ любви къ людямъ, былъ бы дерзновененъ, какъ святитель Филиппъ предъ врагами истины, поколебалъ бы весь грѣшный міръ правымъ исповѣданіемъ, какъ Максимъ Исповѣдникъ, уразумѣвалъ бы тайны Промысла, какъ Іоаннъ Богословъ, привлекалъ бы къ себѣ любовію въ далекую пустыню всѣ сословія и возрасты, какъ Тихонъ Задонскій.— Эту истину уразумѣлъ я грѣшный среди испытаній своей жизни, но увы, уразумѣвалъ не чрезъ послѣдованіе ей, но чрезъ постоянное отступленіе, чрезъ самонадѣяніе, забвеніе надежды на Бога, колебаніе и тщетные страхи. Васъ, предстоящихъ святителей Божіихъ и духовно присутствующаго намъ усопшаго архипастыря града сего, учившаго меня вѣрѣ и надеждѣ примѣромъ любви своей и вѣры, прошу смиренно: вознести молитву, дабы жизнью я исполнялъ эту истину, такъ легко уразумѣваемую умомъ и такъ трудно осуществляемую волею. Вознесите молитву: *„да не како другимъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду“* (1 Кор. IX, 27).

Наипаче же тебя прошу о томъ, мой возродитель въ монашескую жизнь. Третій разъ будешь ты возлагать на меня руку; память первыхъ рукоположеній и любви твоей да даруетъ мнѣ сугубое умиленіе и упованіе въ третичномъ пріятіи сего великаго таинства. Въ пришествіи твоемъ на мое посвященіе я вижу не только подвигъ любви твоей, но и напоминаніе Божіе о томъ, чтобы я въ душѣ своей принесъ покаяніе за всѣ грѣхи свои, содѣянные въ монашествѣ, въ діаконствѣ, въ священствѣ.

Да не оскудѣетъ памятованіе о нихъ и въ дальнѣйшемъ служеніи моемъ, какъ не оскудѣетъ благодарность за твою любовь.

А) Слова общеназидательныя.

СЛОВО

въ день Святителя Николая Чудотворца [1]).

„Азъ есмь Пастырь добрый и знаю Моя и знаютъ Мя Моя“.

Эти слова Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ Самомъ, что Онъ знаетъ своихъ овецъ, т. е. истинныхъ христіанъ, а овцы эти знаютъ Его. Стало-быть, братіе, только тотъ можетъ быть овцой Христова стада, кто желаетъ знать Христа. А какъ Его можно знать? Если будемъ учиться Его святому Евангелію, потому-что оно есть такая книга, въ которой записано Св. Духомъ чрезъ Апостоловъ Христовыхъ все то ученіе Спасителя нашего, которое необходимо намъ для познанія Его воли. Видите-ли, братіе, какъ важно всякому знать Евангеліе: безъ него мы не будемъ овцами стада Христова, безъ него мы будемъ чужими овцами, обреченными на погибель. Господь сказалъ: *„се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Его-же послалъ еси Іс. Христа“*. Безъ познанія І. Христа и Его св. Евангелія нѣтъ вѣчной жизни, а есть только вѣчная смерть, вѣчная погибель.—И какъ назвать человѣка, который не хочетъ читать или слушать св. Евангелія? Вѣдь самое это слово означаетъ: благая вѣсть, т. е. радостное письмо ко всякому христіанину, написанное не людьми, но самимъ Духомъ Святымъ, — письмо о томъ, что Сынъ Божій сошелъ на землю и сталъ, какъ простой, бѣдный человѣкъ, терпѣлъ злобу и клеветы гордыхъ нечестивцевъ, а затѣмъ принялъ страшную смерть за грѣхи наши отъ людей, которыхъ Онъ самъ сотворилъ изъ пыли земной, и которыхъ всегда могъ и можетъ снова „обратить въ пыль, которою они были“, но вмѣсто этой праведной казни, призываетъ всѣхъ грѣшниковъ ко спасенію.—И эту-то благую вѣсть, это-то св. письмо, мы, неблагодарные, такъ мало читаемъ, такъ лѣниво слушаемъ!

---

[1]) Произнесено въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ 6 декабря 1886 года.

Скажите, православные христіане! еслибъ былъ такой человѣкъ, который за тяжкую вину былъ бы осужденъ по царскому закону на вѣчную тюрьму, а его добрый господинъ выпросилъ-бы у царя, чтобы онъ того человѣка простилъ, и принялъ-бы самъ на себя его наказаніе, а тотъ преступникъ остался-бы на свободѣ; и вотъ этотъ добрый господинъ прислалъ бы ему благую вѣсть, письмо, что я освободилъ тебя, и самъ за тебя принялъ отъ царя должную казнь: скажите, братіе, что сдѣлалъ-бы тотъ освобожденный человѣкъ съ этимъ драгоцѣннымъ письмомъ? Неужели онъ полѣнился-бы его прочитать или запряталъ-бы его куда-нибудь подальше въ уголъ? А еслибъ онъ всетаки рѣшился сдѣлать такъ беззаконно, то какъ мы-бы его назвали? — Мы-бы назвали его неблагодарнымъ злодѣемъ, не стоющимъ того благодѣянія, но напротивъ самой лютой казни.

Братіе! каждый грѣшный человѣкъ осужденъ Богомъ на вѣчную смерть, но милосердый Господь нашъ І. Христосъ взялъ на Самого Себя смерть всѣхъ людей и самъ умеръ за насъ на крестѣ, оставивъ намъ св. Евангеліе о томъ, какъ угождать Богу, чтобы избавиться отъ достойной казни за гробомъ. Все это Духъ Святый написалъ въ Евангеліи, какъ тотъ господинъ написалъ въ письмѣ, что онъ освободилъ виновнаго человѣка отъ тюрьмы.— Скажите-же теперь еще: развѣ мы не злѣйшіе нечестивцы, чѣмъ тотъ неблагодарный человѣкъ, если мы не хотимъ читать письма Божія о нашемъ спасеніи отъ смерти вѣчной, читать о томъ, что за наши грѣхи умеръ ни въ чемъ невиновный Господь нашъ?—О братіе! тотъ, кто не любитъ и не хочетъ читать слова Божія, тотъ видно мало вѣритъ своему спасенію. Онъ видно и думать не желаетъ о томъ, что вѣдь будетъ конецъ всѣмъ его заботамъ о наживѣ и о всѣхъ земныхъ вещахъ, что придетъ часъ, когда душа его выйдетъ изъ тѣла, ради котораго онъ столько трудился, а между тѣмъ вотъ оно сдѣлается такимъ-же прахомъ, какой-ты выметаешь со двора! О бѣдный человѣкъ! какое жалкое безуміе тебя ослѣпляетъ! Для чего ты отворачиваешься отъ той радостной вѣсти, написанной въ Евангеліи, что Господь избавилъ насъ отъ вѣчной смерти и обѣщаетъ намъ вѣчную жизнь? Вѣдь только тогда можемъ мы, по слову Христову, имѣть жизнь вѣчную, когда будемъ знать единаго истиннаго Бога, и *Его же послалъ есть І. Христа*. Поэтому, братіе, читайте по возможности чаще св. Евангеліе и слушайте его усерднѣе въ храмѣ Божіемъ!—Когда вы въ праздникъ отдыхаете отъ работы, то вмѣсто праздной бесѣды или пересудовъ, вмѣсто ссоръ и разгула, не лучше-ли взять эту святую книгу, а, если не умѣешь читать самъ, то попроси почи-

тать того, кто грамотный, да послушай самъ и еще позови кого-нибудь, потому что Господь сказалъ: *гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ буду и Я посреди ихъ.* — Неужели-же, братіе, бесѣда съ Самимъ Господомъ о Его благодѣяніяхъ не слаще для сердца христіанскаго, чѣмъ ненужныя шутки, или брань съ сосѣдями? Неужели повѣсть о страшныхъ страстяхъ, которыя Господь принялъ за насъ, и о Его славномъ воскресеніи, — менѣе дорога для тебя, чѣмъ какія-нибудь деревенскія новости? О, конечно, никакое занятіе не можетъ сравниться съ чтеніемъ слова Божія. — Оно вѣдь, какъ чудное лѣкарство, исцѣляетъ всякую духовную болѣзнь.— Напримѣръ, если ты потерпишь убытокъ и будешь огорчаться и скучать, то Евангеліе легко тебя утѣшитъ: тамъ ты найдешь слова Христовы: *не собирайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ и воры подкапываютъ и крадутъ, собирайте-же себѣ сокровища на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, ни воры не подкапываютъ, ни крадутъ* (Мѳ. VI, 20). Тогда ты поймешь, что нечего жалѣть о потерянномъ, потому-что оно, все равно, кончится и сгніетъ вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ, а не сгніютъ только добрыя дѣла, которыя всѣ записаны въ книгу жизни. — Или, если тебя напрасно осмѣяли или оклеветали предъ людьми, и бѣдная душа твоя начнетъ печалиться и тосковать: то открой св. Евангеліе; тамъ І. Христосъ написалъ для тебя: *„блаженни будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ и пронесутъ имя ваше, яко зло Сына Человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси“*. Господь не велитъ плакать изъ за напрасной обиды, потому-что тамъ на небѣ Онъ за все наградитъ насъ. Или, если осерчаешь на сосѣда за *шкоду* и вздумаешь во гнѣвѣ жестоко отомстить ему, поскорѣе возмись за Евангеліе, пока діаволъ еще не овладѣлъ душею твоею, и читай слова Господа: *„любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напастъ и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего“*.—Видишь-ли, Господь обѣщаетъ тебѣ, если простишь врагу, сдѣлать тебя Своимъ сыномъ по благодати! О, неужели-же за такое великое благодѣяніе не уступимъ мы ничтожную обиду?—Такъ-то, братіе, тѣ подвиги, что намъ кажутся тяжелыми и трудными, если мы только начнемъ усердно и съ молитвою читать св. Евангеліе, окажутся легкими, какъ и говоритъ Апост. Іоаннъ Евангелистъ, что *„заповѣди Божія тяжки не суть“*; такъ и Господь сказалъ въ Евангеліи: *„пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы, возьмите*

иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть".

Если будете знать заповѣди Христовы, тогда будете овцами Его стада, о которыхъ Онъ сказалъ: „*Азъ знаю Моя и знаютъ Мя моя*". Онъ есть Пастырь добрый, который упасетъ овецъ своихъ и спасетъ ихъ отъ злыхъ волковъ. И хотя Господь теперь же живетъ съ нами видимо, но управляетъ овцами своими чрезъ поставленныхъ отъ Духа Святаго пастырей и архипастырей, въ числѣ которыхъ былъ и Святитель Николай, во храмѣ котораго мы стоимъ. — Его прославляетъ весь міръ христіанскій, а св. Русь, нашъ великій народъ русскій, чествуетъ его особенно усердно и сегодня такъ свѣтло празднуетъ не только нашъ Холмъ, но и Москва, и Петербургъ, и Кіевъ и всѣ города и села русскіе. — А чествуетъ его народъ русскій за то, что онъ имѣлъ особенную милость ко всѣмъ бѣднымъ, къ заключеннымъ въ тюрьмѣ и тонущимъ въ морѣ, — за то, что онъ являлъ въ Россіи многія чудеса чрезъ свои чудотворныя иконы, какія есть въ Новгородѣ, въ Петербургѣ и въ разныхъ городахъ и обителяхъ русскихъ; этотъ св. угодникъ былъ, значитъ, особенно милостивъ къ народу русскому. А потому, братіе, если и вы желаете его умилостивить къ себѣ, то будьте истинно русскими православными, исполняйте переданные намъ отъ св. Отцевъ уставы, что сохраняются въ цѣлости только въ единой святой соборной и апостольской Церкви; исповѣдайте правильно св. вѣру, потому что тотъ символъ вѣры, который поется за нашей обѣдней, составленъ на соборѣ Никейскомъ, гдѣ присутствовалъ и Святитель Христовъ Николай, такъ строго осудившій еретика Арія, который вздумалъ исказить св. вѣру. А еще, братіе, если ожидаете милостей Св. Николая, то полюбите всѣмъ сердцемъ и здѣшнее достояніе Святителя. Вы знаете, что въ этомъ св. домѣ подъ невидимымъ руководствомъ Угодника Божія воспитываются ваши будущіе пастыри духовные; здѣсь насадилъ Святитель Николай для народа Холмскаго виноградникъ, чтобы напоить его виномъ Божеств. ученія. Посему, братіе, повинуйтесь всегда пастырямъ вашимъ, — иначе вы оскорбите ихъ невидимаго воспитателя Св. Чудотворца Николая, оскорбите Самого Господа Бога, рекшаго: „*повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтесь*". Итакъ, братіе, знайте, что Св. Николай, посылающій отъ Бога милость всему народу русскому, особенно милостивъ къ нашему краю, п. ч. даетъ ему, что всего нужнѣе, пастырей духовныхъ. Будемъ-же, братіе, молиться ему, чтобы онъ учащимся здѣсь ниспослалъ такую же ревность о вѣрѣ, какую имѣлъ самъ;

будемъ о томъ молиться и мы, наставники и слушатели духовной школы. — Будемъ-же молиться всѣ здѣсь присутствующіе ученые и неученые, старые и молодые, чиновные и простые, чтобы Святитель Христовъ Николай Чудотворецъ вдохновилъ-бы сей домъ свой любовью ко Христу, Богу и къ народу Холмскому, чтобы паства, руководимая отсюда исходящими учителями и священниками, вмѣстѣ съ пастырями могла достойно едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Государя Императора [1]).

Русское общество, всегда отличавшееся искреннею преданностью своему Государю, въ этотъ день его рожденія, должно размыслить о томъ, чѣмъ можетъ оно проявить свою вѣрноподданическую любовь Вѣнценосцу, начавшему сегодня новый годъ своей драгоцѣнной для отечества жизни. Патріотизмъ и преданность Государю не должны быть удѣломъ однихъ только чувствъ нашихъ, но должны отражаться на той дѣятельности, къ которой призванъ каждый изъ насъ, согласно съ словами Писанія: *„не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною“*.

Несомнѣнно, впрочемъ, и то, что русское *чиновничество* всѣхъ отраслей государственнаго управленія всегда исполняетъ возложенныя на него обязанности съ полнымъ послушаніемъ и весьма рѣдко случается, чтобы въ его дѣятельности появлялось сопротивленіе волѣ Государя. Но, братіе, всякое правительственное мѣропріятіе, всякій издаваемый законъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Можно быть точнымъ исполнителемъ всѣхъ исходящихъ инструкцій, предписаній и распоряженій—по буквѣ, и въ то-же время совершенно оставлять въ сторонѣ ихъ духъ, ихъ внутренній смыслъ, ихъ цѣль въ дѣлѣ государственнаго благоустройства. Такъ, древніе законники іудейскіе, повидимому, не оставлявшіе безъ вниманія ни одной іоты закона, проведшіе чрезъ всю свою жизнь, чрезъ весь свой бытъ различныя предписанія религіознаго характера, въ тоже время были такъ слѣпы въ уразумѣніи сущности Божественнаго ученія, такъ далеки отъ усвое-

[1]) Произнесено въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ 26 февраля 1887 года.

нія его истиннаго смысла, что они не только не узнали *„Егоже предвозвѣстиша Моисей и Пророцы“*, не узнали Того, въ Комъ было исполненіе закона, но представили Его, какъ нарушителя этого закона, какъ врага обѣтованій св. *Библіи*, и предали Его поносной смерти.

Такъ, слушатели, исполнителемъ законовъ и государевой воли является не тотъ, кто въ точности держится одной буквы исходящихъ мѣропріятій, но кто не ограничивается этимъ, а, стараясь вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ и цѣли, самъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы и въ своей, ввѣренной ему дѣятельности, проводить тѣ-же идеи, тотъ-же духъ, который открывается въ волѣ Государя Императора.

Но если, братіе, такъ поступать побуждаетъ насъ всегда вѣрноподданническая любовь русскихъ людей, то, по отношенію къ современному Правительству, мы имѣемъ, для усвоенія духа его узаконеній, еще другія, еще болѣе высокія побужденія, еще болѣе неотложный долгъ. И это потому, что направленіе или смыслъ современныхъ мѣропріятій есть именно то направленіе, которое должно быть самымъ дорогимъ, самымъ желательнымъ для русскаго человѣка, для православнаго христіанина. Это есть направленіе христіански-народное. То направленіе, которое призываетъ русскую общественную жизнь къ ея историческимъ основаніямъ, къ тому, чтобы мыслить и поступать не по указаніямъ римскаго права, проникающаго жизнь западно-европейскую, къ тому, чтобы не искажать намъ бытъ и характеръ сообразно жизни и духу иноземныхъ государствъ, но обратиться къ своему отечеству и искать въ его исторіи, въ его идеалахъ, въ его чисто христіанскомъ, а слѣдовательно и высоко гуманномъ, складѣ народныхъ понятій, искать указаній къ устроенію собственнаго русскаго общественнаго міровоззрѣнія и началъ дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ мы постоянно извѣщаемся о поднятіи уровня религіознаго воспитанія, объ устроеніи церковно-приходскихъ школъ для простого народа, объ учрежденіи поземельныхъ банковъ и о другихъ дѣйствіяхъ Правительства, изъ которыхъ становится ясно, что народность и православная религія являются предметами преимущественной заботы державной воли.—Вотъ поэтому-то, братіе, не только вѣрноподданническая исполнительность, но и русскій патріотизмъ и христіанская совѣсть каждаго русскаго дѣятеля должны въ нынѣшнее царствованіе побуждать его къ усердію въ исполненіи его обязанностей, къ исполненію не только формальному, но и искреннему, къ проникновенію самымъ духомъ порученныхъ ему распоряженій. Дѣйствительно, если послѣднее необходимо при всякомъ направленіи правительственной дѣятельности, то въ нынѣшнее

царствованіе, когда главнѣйшею цѣлью общественной жизни ставится не военная сила или экономическое благосостояніе, но возстановленіе религіозно-народныхъ основъ, — мысль эта предстаетъ намъ съ неотразимою очевидностью. Очевидно, что добрымъ исполнителемъ цѣлей Правительства можетъ быть нынѣ тотъ дѣятель, который самъ проникнутъ горячею любовью ко всему родному русскому, кто не гнушается народа, но относится съ уваженіемъ къ его высокимъ христіанскимъ идеаламъ, кому, наконецъ, и эти идеалы не чужды, кто есть истинный христіанинъ въ душѣ, кто искренно вѣруетъ въ Божественныя обѣтованія нашего Искупителя, кто не по оффиціальной обязанности только, но по влеченію собственнаго сердца исполняетъ евангельскій законъ и уважаетъ церковныя постановленія. Очевидно, что насколько и народность, и религія не ограничиваются установленіемъ внѣшнихъ порядковъ жизни, но касаются прежде всего внутренняго строя души человѣческой съ тѣмъ, чтобы руководить нашу совѣсть,—настолько притворное и, вообще, внѣшнее только исполненіе правительственныхъ предписаній религіозно-народнаго характера не только не приближаетъ эти предписанія къ ихъ цѣли, но вноситъ въ жизнь вреднѣйшіе разлагающіе элементы религіозной фальши. О такихъ людяхъ Спаситель говоритъ: *„приближаются мнѣ люди сіи усты своими и устнама чтутъ Мя, сердце-же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя“*. Слѣдовательно, братіе, не дѣятельности и исполнительности только требуетъ отъ насъ воля христіанскаго Государя нашего, не въ распоряженіяхъ и бумагахъ только должны мы быть патріотами и православными, но и въ сердцѣ, а слѣдовательно и во всей жизни. — Всякому извѣстно, что на области дѣятельности всякаго чиновника отражаются не только его правительственные принципы, но и его личный характеръ, направленіе всѣхъ его симпатій и антипатій; все это усвоивается или, во всякомъ случаѣ, имѣется въ виду подвѣдомственными его людьми, и жизнь ихъ сообразуется, по большей части, именно съ этими сторонами завѣдывающаго ими лица.—Поэтому, если мы дѣйствительно искренно готовы исполнять волю нашего Монарха относительно возстановленія религіозно-народныхъ началъ жизни, то мы не должны ограничивать отправленіе своего государственнаго долга однимъ только искреннимъ и нелицемѣрнымъ проведеніемъ этихъ началъ въ сферу нашихъ непосредственныхъ обязанностей,— нѣтъ, ихъ слѣдуетъ вносить во всю нашу частную жизнь, по нимъ слѣдуетъ опредѣлять свои личныя склонности, свою семейную и общественную жизнь, и притомъ опять-таки не на показъ только, но изъ глубины сердца, не ради только испол-

ненія воли Правительства, но по искренней личной вѣрѣ въ Бога и св. Церковь, по личной преданности и любви къ родной исторіи и быту.

Польза подобнаго пониманія своихъ обязанностей очевидна сами собою. Если русскіе правительственные дѣятели, начиная отъ самыхъ высокопоставленныхъ и кончая самыми скромными труженниками, всѣ вмѣстѣ поставятъ себѣ цѣлью не пріобрѣтеніе чиновъ и имуществъ, но славу Божію и славу отечества, если въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу будутъ имѣть мѣсто не личныя неудовольствія и борьба самолюбія съ завистью, но искреннее сочувствіе успѣхамъ другъ друга, какъ борцамъ одного и того-же великаго дѣла; если они во всей своей жизни и характерѣ будутъ для всѣхъ живыми примѣрами и побужденіями не холодной безучастности къ св. вѣрѣ и къ судьбѣ подчиненныхъ имъ, но горячей преданности евангельскому ученію, и заботъ о внутреннемъ благосостояніи зависящихъ отъ каждаго изъ людей; если, однимъ словомъ, государственная жизнь во всѣхъ ея отрасляхъ будетъ приближаться къ тѣмъ святымъ предначертаніямъ, которыя сдѣланы для человѣческой жизни Господомъ нашимъ, которыя приняты и воспѣты нашимъ народомъ и исторіей; то не только земное могущество, всегда вѣнчающее государственное единодушіе, не только общее благосостояніе, какъ удѣлъ братской любви между людьми, будутъ благословенными послѣдствіями христіанскаго патріотизма русскихъ дѣятелей: но государственная жизнь наша, соединяясь такимъ образомъ съ жизнью другого Божественнаго учрежденія на землѣ, того царства, которое основано Самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ, и называется Церковью, будетъ постепенно усвоивать отъ нея благодатныя *силы, яже животу и благочестію*, будетъ находиться въ особенно тѣсномъ общеніи съ источникомъ благодати и почерпать въ немъ вновь и вновь воду жизни, *текущую въ животъ вѣчный*, будетъ раздѣлять со св. Церковью данныя ей обѣтованія вѣчнаго существованія на землѣ до времени второго пришествія Небеснаго Царя, до времени полнаго сліянія съ царствомъ небеснымъ. Аминь.

СЛОВО

въ день сошествія Святаго Духа [1]).

Сегодня св. Церковь воспоминаетъ то событіе, которое въ одно мгновеніе сдѣлало галилейскихъ рыбаковъ всемірными проповѣдниками. Это событіе Сошествія Св. Духа дало этимъ простымъ людямъ, нерѣдко огорчавшимъ Господа своего грубостью и малодушіемъ, великую мощь духовную, такую мощь, такую несокрушимую силу, предъ которою пали въ прахъ и вѣковая религія Рима, такъ тѣсно слившаяся съ его государственною жизнью, и языческая философская мудрость съ ея представителями, и, наконецъ, самый государственный строй и бытовые обычаи, которые стремились охватить собою всю вселенную. Возлюбленные братіе! Вдумайтесь въ эту силу апостольскаго воодушевленія, ибо всѣ присутствующіе здѣсь государственные чины и учащееся юношество призваны волею Божіею и теченіемъ родной исторіи къ подобному же преобразовательному дѣлу, къ тому, чтобы возстановить въ здѣшнемъ краѣ, потерявшемъ свой религіозный и народный характеръ, русскія православныя начала. Каждый человѣкъ и общество занимаются изученіемъ той или другой спеціальности, причемъ каждая изъ послѣднихъ цѣнится съ точки зрѣнія своей пользы. Такъ, механики и физики прославились тѣмъ, что доставили людямъ гигантскія силы въ дополненіе своей природной немощи; медицина научаетъ насъ изгонять болѣзни тѣла; исторія—гражданскому опыту, языкознаніе—пониманію инородной рѣчи. Но, какъ, братіе, ничтожна эта польза разнородныхъ знаній съ тою силою вліянія на человѣческія сердца, съ тою нравственною мощью, которую получили въ нынѣшній день апостолы,—въ этомъ достаточно убѣдитъ насъ самый поверхностный взглядъ на существо человѣческое. Посмотрите, можетъ-ли любая спеціальность, любая отрасль дѣятельности вполнѣ наполнить собою духъ человѣка, вполнѣ его удовлетворить? Нѣтъ! Какъ бы ревностно ни занимался земледѣлецъ своимъ хозяйствомъ, какъ бы ни усердствовалъ воинъ къ своей службѣ, какъ бы ни увлекался ученый чистымъ знаніемъ, все-таки никто изъ нихъ не въ состояніи заглушить въ себѣ нѣкій голосъ, нѣкую высшую потребность, напоминающую чело-

[1]) Произнесено въ Бѣльскомъ каѳ. соборѣ въ 1887 г. въ Праздникъ Сошествія Св. Духа. — Въ первый разъ было напечатано въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ отъ 31 іюня 1887 года.

вѣку о самоотверженномъ подвигѣ, о томъ, чтобы стремиться къ высшему нравственному совершенству. Эту цѣль, этотъ непремѣнный долгъ человѣка, это единственное достойное его дѣло, если примется онъ исполнять, то скоро пойметъ, что исполнять его обычными, естественными средствами невозможно. Дѣйствительно, сколько разнороднѣйшихъ, возвышенныхъ цѣлей, идеаловъ носилось въ русскомъ обществѣ за послѣднее столѣтіе. Сколько молодыхъ силъ съ полнымъ самоотверженіемъ готовы были имъ отдаться. И что же? Вся русская литература переполнена подобными типами, которые, однако, въ жизни и дѣятельности остаются такимъ же игралищемъ страстей, такими же нравственно безсильными служить добру, какъ и всѣ себялюбцы. Зло настолько въѣлось въ человѣческую природу, что воистину сбываются слова апостола: „*Окаяненъ азъ человѣкъ! Не еже бо хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣлаю*“. Это нравственное безсиліе, это-то слабость духа, съ которою не можетъ справиться ни личная геніальность, ни сила одушевленія, произвела въ общественномъ русскомъ сознаніи то, что къ стыду нашему, почти всѣ стали мириться съ безцѣльнымъ прозябаніемъ въ тинѣ себялюбія, стали считать всякія иныя цѣли жизни лишь мечтой, свойственной юнымъ годамъ. Не даромъ восклицаетъ поэтъ, что намъ „суждены лишь порывы благіе, а свершить ничего не дано!“ Итакъ, братіе, самая жизнь съ настойчивостью подтверждаетъ ученье Божественнаго Писанія о томъ, что природа наша повреждена грѣхомъ, что мы требуемъ благодатнаго обновленія, высшей духовной помощи, которая и была впервые дарована нынѣ св. Апостоламъ. Только при нелицемѣрной, живой вѣрѣ въ эту высшую помощь, получаемую нами въ св. Таинствахъ, при живомъ сознаніи, что въ дѣлѣ нравственнаго подвига — ты не одинъ, что этотъ подвигъ не есть лишь твое личное оригинальное начинаніе, идущее въ разрѣзъ съ обычаями и законами жизни, что, напротивъ, служа добру и борясь со страстями, ты имѣешь Всемогущаго Помощника и Покровителя, что не людское своекорыстіе, но Его всевышняя воля управляетъ жизнью, что поверхъ суетливости и мелочности человѣческихъ страстей совершается, невидимо для насъ, Божественное промышленіе о нашемъ спасеніи,—однимъ словомъ, только въ общеніи съ Отцомъ нашимъ небеснымъ, можемъ мы удерживаться на высотѣ и личнаго нравственнаго усовершенствованія, и безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія ближнимъ. Дѣйствительно, только слово Божіе научаетъ насъ видѣть въ ближнихъ не знакомцевъ только, не подчиненныхъ, или начальниковъ, или сослуживцевъ и проч.; но братьевъ о Христѣ, сочленовъ св. Церкви, т. е. основаннаго

Господомъ священнаго союза, имѣющаго цѣлью взаимное содѣйствіе къ достиженію совершенства духовнаго. Тогда то мы научились бы пробуждать въ ближнихъ дремлющую совѣсть по слову нынѣ читаннаго Евангелія: „*Аще согрѣшитъ братъ твой, иди и обличи его между собою и имъ, и аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего*“. Мы бы поучились, стоя на христіанской точкѣ зрѣнія, не ограничиваться чисто внѣшнимъ служеніемъ ближнему, заботами о его бытовомъ и матеріальномъ благосостояніи, но питать его хлѣбомъ духовнымъ, вразумлять его относительно заблужденій и исцѣлять болѣзни его души, на что теперь, увы, столь немногіе бываютъ способны. Вотъ въ чемъ, братіе, состоитъ та наука, которая даетъ намъ силу управлять собою и сердцами ближнихъ, та наука, которой научились нынѣ ученики Спасителя. Она необходима, говорю, каждому человѣку, но особенно необходима русскимъ дѣятелямъ этого края. Посмотрите на наше молитвенное собраніе; нынѣ великій праздникъ, нынѣ въ сей градъ пріѣзжалъ нашъ іерархъ; будь это въ Великой Руси, то простой народъ переполнилъ-бы собою не только церковь, но и всю ограду, а здѣсь многіе изъ народа чуждаются св. церкви своей, ослѣпленные вѣковою ложью и жестокимъ насиліемъ. Объ этихъ скорбитъ наша дорогая отчизна и отеческое сердце нашего Монарха, какъ о той заблудшей овцѣ, что мы слышали въ сегодняшнемъ Евангеліи, о той возвращенной овцѣ, которой пастырь радуется болѣе, нежели о 99 незаблудшихъ. Искать этихъ овецъ обязаны мы, братіе, при помощи тѣхъ разнообразныхъ способовъ, которые предоставлены каждому чину, но прежде всего черезъ то религіозное одушевленіе, чрезъ ту силу духа, силу вѣры въ Бога и любви къ людямъ, которая пріобрѣтается постепенно всякимъ истиннымъ членомъ св. церкви. Мы должны, братіе, съ дѣтскихъ лѣтъ размышлять объ этомъ долгѣ, должны пріобрѣтать образованіе не для полученія житейскихъ преимуществъ, не для одного только шаткаго эгоистичнаго познанія, но для того, чтобы этими познаніями укрѣплять свой духъ и тѣмъ успѣшнѣе служить дѣлу; мы должны и во время образованія не ограничиваться собираніемъ свѣдѣній научныхъ, но прежде всего утверждать въ добрѣ свою волю, вдохновлять свое сердце религіей и патріотизмомъ, дабы не чувственность, не гордость юности, но священный жаръ самоотверженной любви наполнялъ насъ по слову сегодняшняго апостола: „*не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ, но паче преисполняйтеся духомъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ нашихъ Господеви*“. Такъ должны мыслить и чувствовать учащіеся, а служащіе должны смотрѣть на свою службу, не какъ на средство

обогащенія и пріобрѣтенія наградъ, но какъ на способъ помощи ближнимъ. Они должны не ограничиваться служебными мѣропріятіями въ дѣлѣ обрусенія края, но проводить православно-народныя начала въ жизнь посредствомъ всѣхъ своихъ отношеній къ людямъ: семейныхъ, родственныхъ, общественныхъ. Таковъ, братіе, долгъ нашъ передъ Отечествомъ и Церковью. Размыслимъ же о томъ, какъ мы его выполняемъ. Вотъ нынѣ предстоитъ нашъ руководитель нашей совѣсти, нашъ преосвященный Владыка, какой же отчетъ можетъ онъ дать Господу о состояніи душъ нашихъ. И прежде всего ты, учащееся юношество, ты надежда Россіи, нашего дорогого отечества, дѣйствительно-ли юныя сердца твоихъ представителей пылаютъ самоотверженнымъ рвеніемъ служить родному краю. Дѣйствительно-ли они согрѣваютъ въ себѣ православную вѣру и христіанскую любовь? Дѣйствительно-ли гнушаются разврата и своекорыстія? Дѣйствительно-ли и чины государственные не по обязанности только, не подъ страхомъ отвѣтственности, но по расположенію свободной совѣсти служатъ церковно-народному дѣлу? Дѣйствительно-ли тѣ и другіе, живя христіанскими чувствами, имѣютъ тотъ „плодъ духовный“, о которомъ нынѣ вѣщаетъ апостольское чтеніе, плодъ, состоящій во всякой благостынѣ, и правдѣ, и истинѣ? Если это такъ, то рано или поздно, но настанетъ иное время, настанетъ день, когда не по принятому только обычаю, но по ясному сознанію совѣсти, будемъ мы встрѣчать своего духовнаго вождя, какъ воины любимаго полководца, когда онъ не встрѣтитъ между паствой своею упорныхъ ослушниковъ, но отъ лица всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви скажетъ Богу: „*се азъ и дѣти, яже даде ми Господь*“. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ СВ. ПОСТОВЪ [1]).

Православная Церковь, переживая эти священныя седьмицы великаго поста, учрежденнаго для покаянія и освященія вѣрующихъ, предлагаетъ на воскресныхъ литургіяхъ такія чтенія изъ св. Евангелія и Апостола, въ которыхъ содержатся глубоко поучительныя вещи для людей, проходящихъ подвигъ покаянія и воздержанія. — Эти евангельскія чтенія имѣютъ цѣлью не только научить вѣрующаго истинному покаянію,

[1]) Произнесена въ Спб. Казанскомъ соборѣ въ 1887 г.

но и побороть въ немъ всѣ тѣ искушенія, которыя встрѣчаются сами собою при всякомъ добромъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе тогда, когда человѣкъ, начиная говѣть, желалъ бы разъ навсегда развязаться со своими пороками и страстями и, очистившись исповѣдью и принятіемъ св. таинствъ, начать новую, богоугодную жизнь. — Начать грѣшить очень не трудно, а отвыкать отъ грѣха—страшно тяжело. Чуть только человѣкъ рѣшится вести богоугодную жизнь — и сейчасъ множество искушеній предстанутъ ему на пути. Сначала прежніе грѣхи и страсти представятся ему особенно сладкими — начнетъ онъ жалѣть о томъ, что приходится отстать отъ нихъ, потомъ, какъ раздумается объ этомъ, ему покажется, что и не прожить ему безъ прежнихъ привычекъ, что и дѣлать-то ему нечего будетъ во время досуга, если онъ не будетъ выпивать или пересуживать. Потомъ дальше, добрая жизнь покажется ему ужъ слишкомъ тяжелой: творить милостыню — жалко, говорить всегда правду — очень ужъ невыгодно; побольше молиться, поститься — скучно и тяжело; словомъ, за какую добродѣтель ни возьмись: все не по силамъ, все мудрено. Такъ шепчетъ въ человѣческой душѣ врагъ нашего спасенія, отнимая бодрость у того, кто пожелаетъ жить богоугодно. Само собою разумѣется, что, если человѣкъ будетъ останавливаться на всѣхъ этихъ словахъ и мысляхъ, то возьмется онъ за постъ или за говѣніе вяло, безъ усердія — и стоитъ только попасться какой-нибудь приманкѣ къ прежнимъ грѣхамъ — какъ человѣкъ забудетъ свое доброе намѣреніе, броситъ молитву и постъ и опять пустится въ старый омутъ и гнѣвитъ Господа Бога своими грѣхами по старому до тѣхъ поръ, пока, опять натолкнувшись на бѣду, не одумается и опять не рѣшится остановить свои страсти. Но во второй разъ каяться ему еще труднѣе будетъ, потому что грѣхи его еще больше имъ одолѣли, силы у него меньше и, если онъ опять приступитъ къ покаянію такъ-же вяло и съ сомнѣніемъ да оглядками, какъ первый разъ, то опять ослабѣетъ, опять вернется къ прежней жизни, да еще начнетъ роптать на Господа Бога, что Онъ не хотѣлъ исцѣлить его душевныя болѣзни и избавить его отъ грѣховъ. А потомъ, погружаясь все глубже и глубже въ пучину страстей и пороковъ, человѣкъ до того подпадаетъ подъ ихъ власть, подъ власть діавола, что ему уже кажется, будто Самъ Господь теперь не можетъ его избавить отъ этого тяжелаго рабства—и злое отчаяніе входитъ въ его душу, то самое отчаяніе, которое испытывалъ Іуда предатель, думая, что уже самъ милосердный Господь Іисусъ его не проститъ.— Видите-ли, братіе, какая ужасная участь грозитъ намъ, если мы приступаемъ къ св. говѣнію, или вообще къ доброй жизни

съ сомнѣніемъ, безъ надлежащей вѣры въ то, что Господь можетъ и простить всякій грѣхъ и помочь намъ избавиться отъ самыхъ ужасныхъ и неотвязныхъ пороковъ.—Вотъ сегодняшнее евангеліе, читанное за обѣдней, и поучаетъ насъ вѣровать во всесильную помощь Божію. Вслушайтесь-же въ него внимательно, подумайте о немъ особенно тѣ, которые — сохрани Боже — бывали иногда близки къ отчаянію, которые уже теряютъ надежду избавиться отъ грѣховныхъ привычекъ.— Послѣ того, какъ Господь Іисусъ Христосъ преобразился на горѣ Ѳаворской предъ Своими учениками, показавъ имъ Свою Божественную славу, Онъ сошелъ съ горы и увидѣлъ, что тѣ изъ Его учениковъ, которые оставались внизу, спорятъ съ народомъ и Онъ спросилъ: о чемъ Вы спорите. (Марк. IX, 17—31). Одинъ изъ народа сказалъ Ему въ отвѣтъ: Учитель! Я привелъ къ тебѣ сына моего, одержимаго духомъ нѣмымъ. 18. Гдѣ ни схватываетъ его, повергаетъ его на землю, и онъ испускаетъ пѣну и скрежещетъ зубами своими и цѣпенѣетъ. Говорилъ я ученикамъ Твоимъ, чтобы они изгнали его; и они не могли. 19. Отвѣчая ему, Іисусъ сказалъ: о родъ невѣрный! доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ? приведите его ко Мнѣ. 20. И привели его къ Нему. Какъ скоро бѣсноватый увидѣлъ Его, духъ сотрясъ его; онъ упалъ на землю, и валялся, испуская пѣну. 21. И спросилъ Іисусъ отца его: какъ давно это сдѣлалось съ нимъ? Онъ сказалъ: съ дѣтства. 22. И многократно духъ бросалъ его и въ огонь, и въ воду, чтобы погубить его: но, если что можешь, сжалься надъ нами, и помоги намъ. 23. Іисусъ сказалъ ему: если сколько-нибудь можешь *вѣровать;* все возможно вѣрующему. 24. И тотчасъ отецъ отрока воскликнулъ со слезами: *вѣрую,* Господи! помоги моему невѣрію. 25. Іисусъ, видя, что сбѣгается народъ, запретилъ духу нечистому, сказавъ ему: духъ нѣмой и глухой! Я повелѣваю тебѣ: выйди изъ него и впредь не входи въ него. 26. И, воскликнувъ и сильно сотрясши его, вышелъ: и онъ сдѣлался какъ мертвый, такъ что многіе говорили: онъ умеръ. 27. Но Іисусъ, взявъ его за руку, поднялъ его, и онъ всталъ. — Остановимся пока: подумаемъ о томъ, что прочитано. Сильно овладѣлъ бѣсъ этимъ мальчикомъ; съ самаго рожденія бѣдное дитя было въ полной его власти; оно не могло даже молиться, не могло само попросить милосердія къ себѣ у благаго Учителя Іисуса. Просилъ за него отецъ: но какъ просилъ: не вполнѣ даже довѣряя силѣ Господа? Онъ только сознавалъ свое безсиліе, свое маловѣріе и, вмѣстѣ съ просьбой о милосердіи, просилъ прежде укрѣпить его вѣру. И что-же? Господь сжалился надъ его слезами, сжалился надъ несчастнымъ мальчикомъ и властно

изгналъ бѣса изъ отрока и освободилъ его отъ страшной муки... Братіе! велика сила нашего Спасителя — Сына Божія: Ему поклоняются и повинуются силы небесныя, Его имени одного трепещутъ бѣсы; Онъ есть — Слово Божіе, Которымъ созданъ весь необъятный міръ! Велика Его сила—еще больше Его милосердіе къ людямъ. Онъ ради насъ претерпѣлъ уничиженіе на землѣ и принялъ позорную, ужасную смерть, отъ тѣхъ, кого Самъ создалъ изъ праха земного. Неужели-же, братіе, Онъ Всемогущій и Всеблагій не поможетъ и намъ, когда мы, удрученные скорбями и грѣхами, падемъ предъ Его пречистымъ Ликомъ и будемъ просить прощенія нашихъ грѣховъ и благодатной помощи для богоугодной жизни! Вѣдь Онъ затѣмъ и страдалъ, чтобы облегчить всѣмъ путь ко спасенію. Ужели-же Онъ оттолкнетъ грѣшника, со слезами просящаго помощи во спасеніе? Итакъ, христіанинъ! какъ-бы ни были тяжки твои грѣхи, какъ бы ни трудно тебѣ казалось отъ нихъ избавиться — вспомни объ этомъ отрокѣ, который былъ хуже тебя подъ властью сатаны—и одно слово Христа Спасителя освободило его отъ этого рабства ради моленія его отца.— Можетъ быть ты скажешь: тогда было другое время: Іисусъ Христосъ былъ на землѣ, ближе къ людямъ и потому скорѣе давалъ имъ помощь. Это не правда: Господь всегда близокъ къ намъ: о Немъ мы движемся и живемъ; Онъ теперь, послѣ Своего страданія, смерти и воскресенія еще ближе къ сердцу человѣческому, чѣмъ къ бытность Свою на землѣ. Это подтвердилъ Онъ Своими собственными словами. Прощаясь съ учениками, Онъ говорилъ: *Я не оставлю васъ сирыми, но приду къ вамъ. Лучше вамъ, чтобы Я теперь ушелъ* (отъ земли), *потому что, если Я не пойду, то Утѣшитель* (Духъ Св.) *не придетъ къ вамъ, а если Я уйду. то пошлю Его къ вамъ... И если кто Меня любитъ, того будетъ любить Отецъ Мой и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ.* — Итакъ, братіе, Господь къ каждому изъ насъ такъ-же близокъ, какъ Онъ былъ близокъ ко всѣмъ требовавшимъ Его помощи въ бытность Его на землѣ. Поэтому не сомнѣвайся прибѣгать къ Его милосердію, какъ-бы ни тяжки были твои грѣхи, какъ-ни жестоко овладѣлъ діаволъ твоимъ сердцемъ. Господь изгонитъ изъ него всѣ пороки и страсти, какъ изгналъ ихъ изъ того отрока, лишь-бы ты самъ не предавался имъ добровольно, самъ бы не призывалъ бѣса въ свою душу, но далъ бы себѣ твердый зарокъ впредь бороться со всякими соблазнами. А какъ съ ними бороться, этому научаетъ насъ конецъ сегодняшняго евангельск. чтенія. Когда І. Христосъ исцѣлилъ его, то (28) ученики спрашивали Его наединѣ: почему мы не могли изгнать его (бѣса)? 29. И

сказалъ имъ: сей родъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста. 30. Вышедши оттуда, проходили чрезъ Галилею и Онъ не хотѣлъ, чтобы кто узналъ Его. 31. Ибо училъ Своихъ учениковъ и говорилъ имъ, что Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки человѣческія, и убіютъ Его, и по убіеніи, въ третій день воскреснетъ. Такимъ образомъ Спаситель указалъ два средства для борьбы съ бѣсомъ и съ грѣхами: молитва и постъ. Разсмотримъ, братіе, значеніе этихъ спасительныхъ средствъ повнимательнѣе, потому что нынѣ многіе легкомысленно относятся къ молитвѣ и къ посту, да еще говорятъ, что Христосъ Спаситель никогда не устанавливалъ постовъ и не велѣлъ помногу молиться. Стоитъ пожалѣть этихъ людей: они рѣшаются разсуждать объ евангеліи, очевидно, совершено не читая и не помня его. Господь не только заповѣдалъ съ полною ясностью молиться и поститься, но и научилъ насъ, какъ именно слѣдуетъ заниматься этими св. дѣлами. Онъ говорилъ, что, „когда поститесь, то не будьте унылы,... чтобы показаться людямъ постящимися... но помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, Который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“. Если Господь обѣщаетъ за постъ награду отъ Отца небеснаго, стало быть Онъ считалъ его за дѣло святое. — Только надо и то разумѣть, что Онъ не назоветъ постящимся человѣка, который въ постъ ѣстъ еще больше, чѣмъ въ мясоѣдъ, только безъ мяса, да напивается виномъ; такой человѣкъ постится не предъ Отцемъ небеснымъ, а предъ своимъ собственнымъ заблужденіемъ. А вѣдь какая польза душѣ отъ воздержанія въ пищѣ, какую свободу чувствуетъ человѣкъ отъ всякихъ плотскихъ пожеланій! Но вѣдь постъ по христіанскому ученію не въ одной пищѣ и кто только отказываетъ себѣ въ пищѣ, а ведетъ такую-же жизнь, какъ всегда, тотъ пусть не думаетъ, что онъ постился: истинно постящійся христіанинъ долженъ посвящать это время на обсужденіе своихъ поступковъ, на чтеніе свящ. книгъ, на безмолвіе и сосредоточенность, а паче всего — на молитву: постъ безъ молитвы — и не постъ. Такъ вотъ теперь иные говорятъ, что І. Христосъ велѣлъ молиться не помногу, потому что не въ многословіи спасеніе. Правда Онъ говорилъ: „молясь не говорите лишняго, какъ язычники, ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны“. Что значитъ, братіе: „не говорите лишняго“, а то, что не слѣдуетъ повторять словъ молитвы, не молясь въ сердцѣ. Вотъ язычники думаютъ, что имъ довольно языкомъ проболтать побольше словъ, или даже написать молитву на ремень, а потомъ намотать на катушку и потомъ развертывать его,

не читая—такъ для ихъ боговъ, это все равно, что молиться. Вотъ такую-то молитву и осуждаетъ Господь, а о томъ, что слѣдуетъ постоянно молиться: Онъ ясно указалъ въ притчахъ—вотъ, говорилъ Онъ, придетъ кто-нибудь къ другу своему въ полночь и начнетъ будить его, прося хлѣба взаймы, чтобы угостить гостя. Лк. XI. 7. А тотъ изнутри скажетъ ему въ отвѣтъ: не безпокой меня, двери уже заперты и дѣти мои со мною на постелѣ, не могу встать и дать тебѣ. 8. Если-же, говорю вамъ, онъ не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ, то по неотступности его, вставъ, дастъ ему, сколько проситъ. 9. И Я скажу вамъ: просите, и дано будетъ вамъ, ищите и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Изъ этой притчи мы видимъ, что Господь учитъ насъ молиться неотступно, умолять Бога о помощи неустанно, пока не получимъ просимаго. Не Богу, а тебѣ для размягченія сердца сіе нужно. — И святая молитва, соединенная съ постомъ, т. е. съ воздержаніемъ на лишнія слова, на пищу и питье, далеко отгонитъ отъ тебя злыя страсти и пороки. Но вотъ иной скажетъ: я бы радъ молиться и поститься, но для чего непремѣнно поститься всѣмъ вмѣстѣ въ опредѣленные дни года—не лучше-ли предоставить каждому молиться и поститься тогда, когда у него расположеніе явится, а не поневолѣ — вѣдь. I. Христосъ не установилъ, въ какіе именно дни надобно поститься. Дней-то Онъ, разумѣется, не установилъ, скажемъ мы, потому что одинъ постъ устроенъ въ память Его смерти, другой въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, третій въ честь подвиговъ св. Апостоловъ; стало-быть, всѣ событія, въ память которыхъ устроены посты, были послѣ земной жизни Спасителя. Поэтому Онъ, конечно, и не могъ установить въ память ихъ постовъ — ихъ установила св. Церковь, о которой Спаситель сказалъ, что ослушавшійся ея будетъ какъ язычникъ и мытарь. — А что до того, чтобы поститься лучше каждому, когда кто надумаетъ, то такъ могутъ говорить люди, у которыхъ охладѣла любовь къ ближнимъ. Вѣдь сыны св. Церкви не чужіе другъ другу — они предназначены всѣ для одного общаго дѣла — созданія взаимнаго спасенія, такъ-что всякое доброе дѣло одного передается и другимъ и любовь каждаго христіанина призываетъ милость Божію и на всѣхъ его братій. Если бы мы любили другъ друга по заповѣди Божьей, то мы бы не только не тяготились общимъ дѣломъ поста, но утѣшались и укрѣплялись духомъ сами, видя, напр., какъ съ чистаго понедѣльника всѣ добрые люди, какъ одна рать, пошли на битву съ грѣхомъ и страстями. Не Господь-ли обѣщалъ быть посредѣ двоихъ или троихъ, собравшихся во имя Его? А когда цѣлые приходы, цѣлые города, цѣлые на-

роды — однимъ словомъ — вся вселенская церковь призываетъ въ покаяніи Его св. имя — развѣ Онъ не даруетъ всякому вѣрующему сугубую благодать прощенія. Говорятъ, что на людяхъ и смерть красна — такъ неужели-же не будетъ красно такое св. дѣло, какъ спасеніе души вмѣстѣ со всѣми православными? — Еще говорятъ третьи: мы бы и молились и постились, но не можемъ понять, какъ это, если я виноватъ предъ Богомъ, то молитва къ Сыну Его можетъ изгладить мою вину? вѣдь зло сдѣлано — грѣхъ вопіетъ отъ земли на небо—я достоинъ возмездія, кары отъ всеправеднаго Судіи— и вотъ говорятъ, что только молись Спасителю—и тебѣ простится, будто ты и не согрѣшилъ. Какъ-же, спрашиваютъ, заслуги Спасителя могутъ вмѣниться мнѣ въ праведность? Этой тайнѣ поучаетъ насъ послѣзавтрашній праздникъ.—Съ сегодняшней вечерни, братіе, началось предпразднество Благовѣщенію Пресвятой Богородицы, когда Церковь празднуетъ великое событіе, состоявшее въ томъ, что Самъ Богъ, Сынъ Божій, сдѣлался человѣкомъ, вселившись во утробу дѣвы, чтобы родиться отъ нея чрезъ установленное время. Видите-ли, человѣкъ созданъ безгрѣшнымъ, но свободнымъ, чтобы жить праведно или неправедно, потому что безъ свободы какая-же можетъ быть праведность; вѣдь не похвалишь машину за то, что шибко ѣдетъ, потому что знаешь, что она ѣдетъ не сама по себѣ, не свободно, а потому, что ее такъ устроили, — равно и первый человѣкъ: чтобы преуспѣвать ему въ праведности, онъ долженъ былъ отъ себя ее исполнять, быть свободнымъ; вотъ онъ, имѣя свободу, направилъ ее не къ добру, а ко злу, т. е. согрѣшилъ и своимъ грѣхомъ отпалъ отъ блаженной райской жизни и внесъ въ земную жизнь все то зло, всѣ бѣды и скорби, которыя мы встрѣчаемъ здѣсь. Онъ, стало быть, своею грѣховностью заразилъ всю землю и всѣхъ людей, которые отъ него рождались, а тѣ, кромѣ наслѣдственнаго грѣха, грѣшили и сами по своей волѣ, и такъ вовсе подпали подъ власть сатаны и навлекли на себя всѣ кары Божія.—Въ такой тяжелой скорби люди стали просить у Господа Искупителя, какого-либо Небеснаго Посланника, Который загладилъ-бы вину человѣчества предъ Богомъ Своими страданіями. Но кто-бы могъ сдѣлать это? Вѣдь ни одинъ человѣкъ не могъ своею праведностью загладить грѣховность всѣхъ, да еще вѣдь всякій человѣкъ рождался въ грѣхѣ самъ; а вѣдь между тѣмъ, кромѣ человѣка никто и не могъ искупить человѣчества, потому что вѣдь заслуга Ангела не была бы вмѣнена человѣчеству: кто согрѣшилъ, кто виновенъ— тотъ и отвѣчай. — Но премудрость и всеблагость Господня отъ вѣка разрѣшила сію неразгаданную людьми тайну. Самъ

Богъ, Второе Лицо Св. Троицы, Сынъ Божій благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, не чрезъ грѣховное рожденіе, какимъ рождались люди, но безъ грѣха, Отъ чистой Дѣвы, безъ мужа, безсѣменно. Онъ принялъ въ Себя естество человѣческое, и затѣмъ, не сотворивъ Самъ ни единаго грѣха, благоволилъ взять на Себя вину всего человѣчества и страшными муками душевными и тѣлесными, такими муками, въ которыя сложились всѣ вины, всѣ грѣхи всѣхъ людей, начиная съ самыхъ лютыхъ грѣшниковъ; Онъ удовлетворилъ правду Божію, искупилъ родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти, примиривъ его съ Богомъ. Какъ Адамовъ грѣхъ перешелъ на всѣхъ сыновъ Его, такъ, стало-быть, нынѣ праведность Господа нашего Іисуса Христа подается всѣмъ, которые соединились Его тѣлу, т. е. св. Церкви, или обществу людей, учрежденному Христомъ на землѣ. Мы, братія, съ Господомъ Іисусомъ едино и потому Онъ можетъ своею праведностью очищать и прощать насъ, какъ голова своимъ разумомъ направляетъ разумно всѣ прочіе члены тѣла. Вотъ почему чрезъ милость Господа Іисуса мы можемъ получить прощеніе нашимъ грѣхамъ: за нихъ Онъ претерпѣлъ лютую смерть и потому теперь можетъ даровать жизнь намъ грѣшнымъ. Чтобы вамъ яснѣе понять, какъ это Христовъ подвигъ крестный можетъ замѣщать нашу праведность и искупать наши грѣхи — возьмемъ такой примѣръ. У одного почтеннаго человѣка былъ сынъ, которому отецъ поручилъ свое хозяйство на годъ, обѣщая ему по истеченіи срока великую награду. Но сынъ его, предавшись пьянству, попалъ въ драку и его совсѣмъ изувѣчили, переломавъ ему руки и ноги, такъ-что онъ вовсе почти пересталъ годиться въ работники. Тутъ-то сынъ раскаялся и со слезами просилъ прощенія у своего отца—и что-же? Отецъ сталъ лѣчить его раны, а всѣ работы по хозяйству взялъ на себя, предоставивъ сыну только такія небольшія дѣла, которыя тотъ могъ кое-какъ исправить даже больной, а когда сынъ что-нибудь портилъ не по винѣ, а по безсилію, то отецъ поправлялъ работу. И при этомъ отецъ обѣщалъ, что, если сынъ справитъ эти дѣла, какъ слѣдуетъ и своею воздержностью и осторожностью успѣетъ вылѣчиться, то онъ получитъ черезъ годъ ту великую награду, которую отецъ обѣщалъ ему до болѣзни.—Видите-ли—Отецъ, это нашъ Спаситель, І. Христосъ. Человѣкъ, какъ тотъ непокорный сынъ, сроднился съ грѣхомъ и грѣхъ, одолѣвъ его, изувѣчилъ его душу, заразивъ ее страстями, такъ-что люди, какъ тотъ сынъ—калѣка, уже не могли исполнять возложенный на нихъ подвигъ, не могли и искупить своей первой вины,—все это Господь І. Христосъ, какъ Отецъ чадолюбивый, взялъ на Себя и Своею праведностью и Своимъ крестнымъ подви-

гомъ исполнилъ все то, что должны были претерпѣть люди. Онъ ихъ излѣчиваетъ Своею благодатію и свящ. таинствами отъ грѣховъ, какъ тотъ отецъ своего сына отъ увѣчья, и помогаетъ имъ невидимо въ той небольшой работѣ, которая возложена на нихъ, которая состоитъ въ томъ, чтобы употреблять въ дѣло тѣ блогодатныя средства, какія намъ даются отъ Бога, а если наша грѣховность и тутъ что-нибудь испортитъ, то Христосъ Богъ, всегда сущій съ тобою и здѣсь, какъ пѣстунъ, руководитъ тобою чрезъ твоего Ангела Хранителя, такъ-что отъ тебя требуется только одно, — чтобы ты повиновался Ему, повиновался тому легкому бремени Христову, которое осталось на тебѣ — съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этой земной жизни получить тебѣ ту-же великую награду, которая заслужена подвигомъ Христовымъ, а тебѣ дается лишь по Его безконечной милости. — Такъ вотъ какимъ образомъ Господь Іисусъ Христосъ можетъ исправлять твои ошибки и прощать твои грѣхи. Вотъ почему Онъ, призывая къ Себѣ людей, обѣщая дать имъ покой, и говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себе и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго-бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. XI. 28—30).—Видите-ли, братіе, какое утѣшеніе, какую благодать въ подвигѣ предлагаетъ намъ Христосъ Спаситель, призывая всѣхъ принять участіе въ Его благихъ дарахъ, дарованныхъ намъ не за наши добродѣтели, а за Его земной подвигъ, начало Котораго празднуется въ свѣтлый день Благовѣщенія.—Поэтому старайтесь чаще и внимательнѣе вдумываться въ тайну искупленія, вчитываясь въ священныя строки Евангелія—особенно въ тѣ Его главы, гдѣ описываются крестныя страданія и смерть Господа Іисуса. Дѣлайте это особенно въ тѣ минуты, когда грѣхи ваши подавляютъ вашу совѣсть настолько, что діаволъ начинаетъ вамъ нашептывать, будто никто, ни даже Самъ Богъ не можетъ очистить ваши беззаконія.—Вообще, братіе, всякій грамотный долженъ имѣть св. евангеліе и читать его, потому что только въ немъ во всей полнотѣ указанъ путь спасенія, *испытывайте, что благоугодно Богу*“ — сказано въ сегодняшнемъ Апостолѣ—*дорожа временемъ, ибо дни лукавы; и такъ не будьте неразсудительны, но познавайте, что есть воля Божія*“ (Ефес. V. 10. 16. 17). И не только въ минуты сомнѣній и горя думайте о спасеніи и прибѣгайте къ чтенію свящ. Писанія и св. отецъ, какъ это обыкновенно бываетъ, что если громъ не грянетъ, то мужикъ и не перекрестится, но и въ радости опять къ Богу возводите свои мысли, потому что Онъ даетъ намъ радость по Своей милости, а не по на-

шимъ заслугамъ. Вотъ въ сегодняшнемъ Апостолѣ и сказано, что въ радости: *не упивайтеся виномъ, отъ котораго бываетъ распутство, но исполняйтесь Духомъ, назидая самихъ себя псалмами, и славословіями, и пѣснопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу*“.— Въ самомъ дѣлѣ, братіе, послушайтесь хотя для опыта сперва словъ Апостола, чѣмъ во время досуга предаваться разгулу— возьмите хоть раза три священную книжку—хотъ житіе какого-нибудь угодника,— а потомъ такъ вамъ понравится это занятіе, что будете жалѣть лишь о томъ, что давно не догадались приняться за такое пріятное и святое дѣло. Эти книжки легко достать за мѣдную деньгу вотъ въ нашей лаврской лавочкѣ, а польза отъ нихъ великая: въ нихъ указано свят. отцами все, нужное для спасенія. Вотъ въ сегодняшней бесѣдѣ мы, по мѣрѣ силъ, постарались изложить вамъ, какъ слѣдуетъ бороться съ унынiемъ и отчаяніемъ, а у св. отцевъ указанъ весь путь спасенія, какъ на картинкѣ. Напр., сегодня, въ пятую недѣлю поста, празднуется преп. Іоанну Лѣствичнику. Этотъ св. отецъ, подвизавшійся 75-лѣтъ на горѣ Синайской, далъ наставленія о всемъ порядкѣ спасенія, научая насъ восходить до святости, какъ бы на лѣстницу, по тридцати добродѣтелямъ или ступенямъ, изъ которыхъ первая — отреченіе отъ житія мірскаго, т. е. отъ слѣдованія похотямъ и страстямъ своимъ, а послѣдняя—союзъ вѣры, и надежды, и любви, приводящій подвижника къ Богу. Отсюда, братіе, намъ слѣдуетъ уразумѣть, что, принявшись за подвигъ покаянія, мы, если и исполнимъ его, т. е. и получимъ отъ Господа прощеніе грѣховъ и благодатную помощь, то наша задача еще не окончена, то еще нельзя успокоиться и предаться безпечности въ увѣренности, что мы уже достигли спасенія души: нѣтъ, спасеніе даруется подвизавшемуся до конца дней, а подвигъ, т. е. святая жизнь, не ограничивается однимъ раскаяніемъ во грѣхахъ — онъ только начинается съ этого, а самъ состоитъ въ постепенномъ усвоеніи себѣ при помощи божественной благодати всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, а это дѣло не скорое: вѣдь сразу не научишься и обыкновенному дѣлу; — говорятъ, не учась и лапти не сплетешь, такъ тѣмъ болѣе, самому важному дѣлу въ человѣческой жизни, т. е. угожденію Богу во всемъ — нужно научаться и усовершаться въ этомъ до самого гроба; эту истину должны усвоить себѣ особенно начинающіе говѣть, потому что вѣдь и покаяніе имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ намѣреніемъ, твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ — исправить свою жизнь и посвятить главную работу своей души на то, чтобы прочее время живота своего скончати въ исполненіи заповѣдей Бо-

жіихъ, которыя велятъ намъ стремиться къ полному совершенству и богоподобію. И вотъ для этой цѣли, братіе, читайте святоотеческія наставленія о праведной жизни, напр., книжки Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго, которые для всѣхъ доступны и понятны не только, какъ учители, но и какъ благій примѣръ, размышляя о которомъ, по слову Апостола Павла: *свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса* (Евр. XII, 1—2). Аминь.

СЛОВО

на Великій Пятокъ [1]).

„Поклоняемся страстемъ Твоимъ, Христе!
Поклоняемся страстемъ Твоимъ, Христе!“

Еще разъ сподобилъ Господь насъ грѣшныхъ поклониться Его „страшнымъ страстямъ“, еще разъ прослушать жалостное повѣствованіе св. Евангелія о Своемъ крестномъ подвигѣ, принятомъ за наши прегрѣшенія.

Горько намъ переживать эти воспоминанія объ ужасныхъ мукахъ Христовыхъ, при мысли, что и каждый изъ насъ не безучастенъ въ томъ жестокомъ сокрушеніи духа, которое нанесли Господу грѣхи человѣческіе, при мысли, что Онъ распятъ „насъ ради человѣкъ!“ Впрочемъ, возобновляемыя воспоминанія послѣднихъ дней Его земной жизни представляютъ намъ не одинъ только божественный образъ страждущаго Искупителя, но и другіе образы окружавшихъ Его людей, Его враговъ, Его друзей или, наконецъ, людей къ Нему равнодушныхъ. Конечно всѣ люди повинны въ страданіяхъ Христа-Спасителя, но все-таки повинны въ различной степени, а потому, слушая страстныя Евангелія, мы испытываемъ весьма различное настроеніе въ зависимости отъ того, кому изъ окружавшихъ Христа людей уподобляетъ насъ совѣсть наша. Различны были эти люди, братіе, различно ихъ отношеніе ко Христу! Но, правду сказать, мало добраго открыли души человѣческія предъ крестомъ Спасителя. Мѣра Его невинныхъ

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1888 г., № 17.

страданій должна была исполниться, чаша Его должна была быть выпита до дна, а потому Господь не судилъ, чтобы Онъ имѣлъ много утѣшеній въ окружающихъ Его людяхъ. И конечно, братіе, не столько неистовая злоба Его враговъ, безумная ярость фарисеевъ, слѣпотство народной толпы, бездушная льстивость Пилата могли огорчать нашего Господа, сколько тѣ скорби, которыя нанесены были Ему Своими же учениками, на одномъ изъ которыхъ тогда оправдалось слово Писанія: *„ядый хлѣбы Моя возвеличи на Мя запинаніе“* (Пс. XL, 10), а на всѣхъ: *„порази Пастыря и расточатся овцы стада“* (Зах. XIII). Велика была скорбь божественнаго Учителя о нетвердости тѣхъ, кого такъ любилъ Онъ, такъ заботливо воспитывалъ словомъ и примѣромъ.

Но, братіе, очи Господни смотрѣли, конечно, дальше своихъ непосредственныхъ учениковъ; сквозь туманъ вѣковъ грядущихъ прозирали они и будущихъ учениковъ истины Христовой, тѣхъ самыхъ, о которыхъ молился Господь послѣ прощальной бесѣды, говоря: *„не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ“* (Іоан. XVII, 20). На этихъ учениковъ, на насъ, братіе, были устремлены скорбныя очи Искупителя. О Своихъ одиннадцати Онъ зналъ, что имѣющій придти Духъ святый *„наставитъ ихъ на всякую истину“* (Іоан. XVI, 13) и восполнитъ своею благодатью ихъ слабость; но могъ ли не знать Господь, что въ малодушномъ настроеніи Его учениковъ въ день Его преданія выражается нѣчто большее, выражается то самое настроеніе, которое Его дальнѣйшіе ученики будутъ проявлять не въ одинъ день, не въ качествѣ временнаго ослабленія ревности, но увы — цѣлые вѣка, въ качествѣ своего обыкновеннаго состоянія?

Соберемъ же, братіе, свои разсѣянныя мірскими заботами мысли, свои разбросанныя по суетнымъ предметамъ чувства, отрѣшимся хотя здѣсь—предъ гробомъ умерщвленнаго за насъ божественнаго Искупителя, отрѣшимся хотя въ эти священныя минуты отъ грѣховной суетности нашей и провѣримъ свою совѣсть чрезъ евангельскія повѣствованія. Ученики Христовы разбѣжались, когда Его взяли подъ стражу, ап. Петръ отрекся отъ Него предъ Его врагами, но вина ихъ ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что сердца ихъ, еще не просвѣщенныя благодатью Св. Духа, не вмѣщали въ себѣ истины воскресенія Его, такъ что Его крестныя страданія поколебали было даже ихъ вѣру въ Его божественное посланничество (Лук. XXIV, 21). Но для насъ, знающихъ о прославленіи Христовомъ, пріявшихъ полноту Его божественныхъ даровъ, для насъ, братіе, нѣтъ ослабленія, нѣтъ прощенія, если мы поддаемся подобному малодушію.

Но неужели, спросите вы, и теперь Христосъ бываетъ преданъ? Неужели кто-либо теперь убѣгаетъ отъ Христа, неужели отрекается? О, братіе, лучше не спрашивать такъ. Вопросъ этотъ слишкомъ подобенъ другому страшному вопросу: „*Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ и не послужихомъ Тебѣ?*“ Да, братіе, Господь и нынѣ бываетъ поругаемъ въ жизни, бываетъ осмѣиваемъ, какъ у нечестивыхъ жидовъ; Господь и нынѣ бываетъ оставляемъ и отвергаемъ Своими учениками. Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ въ жизни насмѣшку надъ вѣрой Христовой, попраніе Его св. заповѣдей, когда видимъ возносящійся и кичащійся собою грѣхъ; всякій разъ, когда мы оказываемся настолько лишенными христіанскаго мужества, что поддаемся хулителю имени Божія или правды Божіей, когда мы ради мірского страха стыдимся исповѣдать свою вѣру въ Него, свое благоговѣніе предъ Его заповѣдями,—всякій разъ мы тѣмъ самымъ уподобляемся малодушію Его учениковъ, разбѣжавшихся при видѣ вооруженныхъ враговъ. А когда мы прямо стараемся скрыть свою вѣру предъ людьми, вмѣсто того, чтобы „исповѣдать“ ее, по слову причастной молитвы, когда мы опасаемся, чтобы люди не замѣтили нашего благочестія, не прочь бываемъ даже похвастать своимъ пренебреженіемъ къ обязанностямъ христіанина, когда мы славу міра сего любимъ больше, чѣмъ славу Божію (Іоан. XII, 43): тогда уже вина отреченія Петрова ложится на насъ двойною тяжестію, и блаженъ тотъ человѣкъ, котораго духовный слухъ еще не настолько огрубѣлъ, что—еще можетъ донестись до него возглашеніе алектора покаянія, дабы слезами омыть наши постоянныя, чуть не ежедневныя отреченія отъ нашего сладчайшаго Господа Іисуса!

Вотъ, братіе, какой винѣ подвергаются даже благочестивые люди, забывающіе исповѣданіе вѣры и заповѣдей Христовыхъ. Но если мірская корысть, или любоначаліе, или чувственныя страсти, или сердечная злоба побуждаютъ насъ прямо на сознательныя отступленія отъ Христа, если эти нечестивыя побужденія иногда доводятъ насъ до того, что мы чрезъ беззаконія наши являемся предателями Христа, живущаго между вѣрующими, если не добро, но сознательное зло вносимъ въ жизнь и вредимъ славѣ Божіей: о, тогда ужасно выговорить, чье гнусное дѣло мы повторяемъ,—дѣло злочестиваго отступника Іуды! Не возмнимъ, братіе, что это есть преувеличеніе, не будемъ поддаваться человѣческому разумѣнію вещей,—вспомнимъ еще разъ, какими словами осудитъ Господь всѣхъ грѣшниковъ на судѣ Своемъ, какъ Своихъ собственныхъ обидчиковъ, посмотримъ на свои беззаконія по суду не мірскому,

но Божьему, и помыслимъ, какъ не далеки мы бываемъ по грѣхамъ своимъ отъ грѣха предателя. Не будемъ, братіе, закрывать глаза и предъ тою участью, какую онъ себѣ приготовилъ въ самоубійствѣ, и воспоминая многочисленные случаи самоубійствъ въ наше время, убѣдимся во-очію въ богопредательскомъ состояніи всѣхъ сознательныхъ беззаконниковъ. Да, братіе, велики наши преступленія предъ Господомъ въ нашемъ постоянномъ о Немъ забвеніи, въ томъ, что мы, заботясь о всякой самомалѣйшей суетной нуждѣ нашей усерднѣе, чѣмъ объ исполненіи Его закона, какъ бы тѣмъ самымъ отрекаемся отъ званія Его учениковъ всякій разъ, когда приходится ради Него жертвовать мірскими выгодами. Но можетъ быть у насъ есть и подвиги, является и христіанское мужество? Бываетъ, братіе, и это, но едвали оно оказывается угоднѣйшимъ Богу, чѣмъ неразумная ревность Петра, отсѣкшаго ухо Малхово за минуту до своего малодушнаго бѣгства: ибо если мы что и дѣлаемъ для процвѣтанія вѣры, для добра, то столько грязи, столько гордости, честолюбія, корыстолюбія и другихъ грѣховъ пачкаютъ наше доброе дѣло, что и здѣсь бываетъ трудно сказать, служимъ ли мы Богу, или возстаемъ противъ Него.

Такимъ-то образомъ, братіе, хотя страданія Господа окончились давно, но и теперь Господь, обитающій между нами, точно также то бываетъ оставляемъ, то поругаемъ и распинаемъ и въ жизни христіанъ, какъ въ дни Своего земного подвига. И нынѣ въ ознаменованіе сего здѣсь лежитъ Его святая плащаница среди тысячъ учениковъ Его, какъ бы для просвѣтленія нашей совѣсти, для того, чтобы каждый могъ дать себѣ отвѣтъ о своемъ отношеніи ко Христу. Правда, мы всѣ съ молитвою приближаемся и покланяемся Его св. гробу, но вѣдь этого приближенія мало, *приближались* къ Нему *усты своими* и враги Его и *устнама чтили* Его; *сердце же ихъ далече отстояло отъ Него*. И наши уста, братіе, нынѣ воспѣваютъ славу Божественнаго Страдальца, но гдѣ нынѣ *сердца наши?* Не далече ли и они отъ Христа? Не земныя ли заботы ихъ наполняютъ? Не остались ли они непримиренными съ обидѣвшими насъ? Не остались ли мы и они неотрѣшенными отъ похоти плоти, отъ похоти очесъ и гордости житейской? (1 Іоан. II, 16). Однимъ словомъ, можемъ ли мы по отношенію къ страданію Христову сочесть себя съ немногими вѣрными Ему предстоятелями креста, или наоборотъ, приближаемся болѣе ко врагамъ Его? Но не будемъ, братіе, отвѣчать и на этотъ вопросъ, чтобы не отягчить унынiемъ и отчаяніемъ и безъ того слабыхъ сердецъ нашихъ, а лучше проникнемся сознаніемъ высокой важности дотолѣ

презиравшагося нами несенія въ жизни креста Христова и скажемъ въ покаяніе подобно сотнику, бія себя въ перси: *„воистину Божій Сынъ бѣ Сей“* (Мѳ. XXVII, 54). Воистину Сей, Кто научилъ насъ прощать и любить, презирать свое себялюбіе и гордость, Который говорилъ намъ, что блаженны не смѣющіеся и богатые, но нищіе духомъ и алчущіе правды; Сей, чьи слова мы считали неприложимыми къ жизни, мудреными мечтаніями; Сей, чей законъ казался намъ исполнимымъ только для отшельниковъ или нищихъ; Сей, Кого мы не стыдились забывать постоянно, Кому всегда предпочитали внушенія страстей — Сей есть Сынъ Божій, совѣчная Отцу Премудрость, устрояющая міръ и положившая начало всему доброму!

Сей осужденный, какъ опасный вводитель странныхъ ученій, осмѣянный и осмѣиваемый понынѣ, какъ безсильный мечтатель, распятый, какъ злѣйшій преступникъ, и убитый, какъ злодѣй,—Сей есть нашъ Судія, Котораго крестъ насъ или спасаетъ, или осуждаетъ, къ Которому покорное, или враждебное настроеніе наше, не Его унижаетъ или возвышаетъ, но только насъ или оправдываетъ, или предаетъ вѣчной смерти. Итакъ, принимая или отвергая Господа Спасителя чрезъ свою жизнь, мы не Его, но самихъ себя или приводимъ къ жизни или удаляемъ. Вдумаемся же, братіе, въ эту истину, что наша жизнь,— не жизнь плоти, но жизнь вѣчная, — зависитъ не отъ того, сколько мы себѣ накопимъ богатства, чиновъ или почтенія и славы отъ человѣкъ, но отъ того, насколько мы успѣемъ очистить свое сердце отъ грѣховныхъ чувствъ и наполнить добродѣтелями христіанскими. Помыслимъ, братіе, и о томъ высокомъ преимуществѣ, которое имѣетъ духовная жизнь христіанская предъ жизнью грѣховной. Вѣдь все равно, сколько ни трудись надъ влеченіями себялюбивыхъ склонностей, все равно никогда не насытишься ими: чѣмъ больше будешь достигать, тѣмъ большаго будешь желать дальше и никогда не пріобрѣтешь спокойствія души, не достигнешь духовнаго насыщенія: *„всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки“*, сказалъ Господь. Онъ сказалъ еще, что, исполняя заповѣди Его, наполняя сердце свое любовію къ Нему и къ людямъ, мы не только не лишаемся сравнительно съ тѣми, которые живутъ для плоти, но сторицею пріобрѣтаемъ въ вѣкѣ семъ и животъ вѣчный въ вѣкѣ грядущемъ. И кто, братіе, не знаетъ о томъ, что христіанинъ при всѣхъ лишеніяхъ всегда блаженнѣе нечестивца, для котораго адъ всегда начинается еще на этомъ свѣтѣ? А кому и этого довода жизни мало, тотъ пусть еще разъ вглянетъ на гробъ боже-

ственнаго Страдальца и увидитъ всю похоть мірскую попранною чрезъ Его смерть, пусть хотя здѣсь, предъ величіемъ Его священнаго подвига, предъ широтой Его всеобъемлющей любви, принявшей въ Его душу всѣ грѣхи міра, содѣланные всѣми людьми отъ начала вѣка, пусть хотя здѣсь возлюбитъ Его святѣйшій законъ, вкуситъ сладость Его небесной любви и постарается принять въ сердце свое, взамѣнъ подъятыхъ Искупителемъ съ Собою на крестъ грѣховъ нашихъ, принять Его божественныя заповѣди, понести Его благое иго, Его легкое бремя (Мѳ. XI, 30).

А если жизненная разсѣянность или малодушіе наше снова будутъ отвращать насъ отъ Него и понудятъ покидать Его предъ Его врагами: то все же не будемъ до конца удаляться отъ Его креста, но какъ мироносицы слезами орошать Его подножіе, чтобы спастись отъ отчаянія Іуды.

И нынѣ, исповѣдуя Его устами и сердцемъ за Сына Божія, обѣщаемся предъ лицемъ Его Церкви не пренебрегать впредь нашимъ Господомъ и Спасителемъ и отселѣ построить свою жизнь такъ, чтобы не утѣхи плоти и себялюбія руководили нами, но чтобы находить утѣшеніе въ помощи ближнимъ, въ утѣшеніи печальныхъ, во вразумленіи падающихъ, въ ободреніи унывающихъ, въ прощеніи обижающихъ насъ, въ питаніи алчущихъ и посѣщеніи больныхъ и заключенныхъ; чтобы, собираясь для общенія другъ съ другомъ, не въ пересудахъ и злостныхъ ухищреніяхъ проводить время, но въ обсужденіи общихъ предпріятій для славы Божіей, для благодѣяній ближнимъ; чтобы постепенно умягчать и растворять благожелательною ко всѣмъ любовью сердца наши и такимъ образомъ приготовляться къ вѣчному празднованію Воскресенія Христова въ сердцахъ нашихъ въ подражаніе Его святымъ апостоламъ, которыхъ духовныя очи всегда были устремлены къ Своему небесному Учителю и послѣ Его вознесенія.

Богу извѣстно, суждено ли каждому изъ насъ еще разъ поклониться Его честнымъ страстямъ или еще раньше того придется предстать предъ Нимъ, какъ предъ Судіей, а потому не будемъ откладывать дѣла обращенія отъ зла къ добру, рѣшимъ отнынѣ поучаться познанію и осуществленію Его закона и начнемъ съ того, чтобы въ эти священныя минуты не устами только, но и сердцемъ облобызать Его пречистыя язвы. И если сознаніе грѣховъ нашихъ настолько тяготитъ нашу совѣсть, что намъ представляется невозможнымъ присоединиться духомъ къ Его подвигу, то вспомнимъ, братіе, еще одного соучастника Его страданій, а именно покаявшагося разбойника и убѣдимся въ великой силѣ всепрощенія Христова. Убѣдимся въ ней и съ твердой покаянной вѣрой пре-

клонимся предъ Его св. гробомъ, молитвою очищая сердце свое отъ всякаго лукавства и повторяя съ сокрушеніемъ сердца слова молитвы: *„ни лобзаніе Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя Господи во царствіи Твоемъ“*. Аминь.

СЛОВО

на освященіе М. Исидоромъ новозданнаго приходскаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, Новгородской губерніи, Крестецкаго уѣзда, Каевской волости, на пустырѣ—Козловкѣ [1]).

«Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія» (Ис. LX, 1).

Великая благодать посѣтила насъ, братіе,—жители честныя веси сея: на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ безплодный пустырь, гдѣ бродили только лѣсные звѣри и летали птицы, нынѣ возсіялъ храмъ живаго Бога, устроилось мѣсто Его священнаго пребыванія для нашего духовнаго рожденія и духовной жизни.

Нынѣ въ этомъ грѣшномъ мірѣ прибавилась еще одна небесная обитель, которой трепещетъ дьяволъ, которой бѣжитъ грѣхъ, гдѣ печальный находитъ утѣшеніе, грѣшный—милостивое прощеніе, соблазняющійся — укрѣпленіе, унывающій—ободреніе;—гдѣ умягчается злостное человѣческое сердце, слыша пѣсни духовныя, прославляющія Христову къ намъ любовь;—гдѣ смиряется сатанинская гордость людей, взирающихъ на образъ Сына Божія, пріявшаго зракъ раба; — гдѣ обиженный за правду найдетъ силы за все благодарить и прославлять Бога;—гдѣ всѣ мы забываемъ этотъ грѣховный міръ и всю нашу преданность его соблазнамъ, но, вспоминая наше истинное отечество, которое на небѣ,—съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ умиленною надеждою поднимаемъ вверхъ наши духовныя и плотскія очи и взываемъ: „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!»

Благословенъ Господь, Который не оставилъ насъ, вознесшись отъ земли на небо, не покинулъ на произволъ судьбы

---

[1]) Произнесено въ означенномъ храмѣ 1 октября 1889 г.

грѣшнаго рода человѣческаго, но чрезъ святыхъ Своихъ Апостоловъ научилъ насъ созидать во славу Его и во спасеніе наше святые храмы, дабы люди хоть здѣсь-то были христіанами, хоть здѣсь-то думали о Христѣ и о вѣчной жизни, хоть здѣсь-то учились-бы любить другъ друга и ненавидѣть порокъ и всякое зло. Съ такою-же, братіе, цѣлью и на семъ мѣстѣ Господь помогъ чрезъ добрыхъ людей соорудиться святому храму, и окрестнымъ селамъ соединиться въ одинъ приходъ для общей жизни во Христѣ.

Но чтобы мы могли быть достойны такой милости Божьей, чтобы могли оцѣнить вполнѣ это къ намъ Его благодѣяніе, а затѣмъ, чтобы и съ пользою для себя Его принять — для сего размыслимъ, братіе, чѣмъ отличается общество приходское церковное отъ всякаго другого земного союза людей, чѣмъ превозносится Церковь надъ всякимъ другимъ учрежденіемъ.

Есть много обществъ или союзовъ, къ которымъ примыкаетъ человѣкъ; такъ всякій изъ васъ принадлежитъ къ Россійскому царству, къ своему сельскому обществу, наконецъ къ своей роднѣ и къ своей собственной семьѣ. Каждому, конечно, дорого то, что онъ русскій человѣкъ, подданный Бѣлаго Царя; дорого всякому и свое родное село и сосѣди, а особенно дорога своя семья, своя жена и дѣтки: но, братіе, всего этого дороже должно для насъ быть то, что мы—сыны Христовой Церкви, наслѣдники обѣтованій жизни вѣчной; всего дороже намъ долженъ быть Господь и Его заповѣди, которымъ поучаться можемъ мы въ святомъ храмѣ. Почему такъ? А потому, что всякая земная наша привязанность временная, а наше церковное единство—вѣчное. Ты дорожишь своею родиной, любишь матушку Русь? — и хорошо дѣлаешь. Но знай, что придетъ время и ты ее потеряешь, то время, когда свѣтъ земли будетъ отбѣгать отъ твоихъ глазъ и силы твои упадутъ, будетъ сжиматься твое дыханіе и приближаться страшный часъ смерти: поможетъ-ли намъ здѣсь, братіе, земная сила и крѣпость нашего государства? Увы, на томъ судѣ, который ожидаетъ каждаго за гробомъ, насъ не оправдаетъ и не поможетъ намъ сила нашего отечества; не оно будетъ отвѣчать за насъ противъ истязателя—діавола, а если что насъ защититъ и спасетъ, то развѣ молитва о насъ Христовой Церкви, поминовеніе наше предъ престоломъ Божіимъ въ этомъ святомъ храмѣ: вотъ что поддержитъ надежду нашу въ день смерти, вотъ что возвратитъ намъ жизнь въ Богѣ послѣ кончины.

Итакъ, братіе, мы должны во столько разъ болѣе цѣнить нашу духовную связь съ Церковью, чѣмъ со всякимъ земнымъ

учрежденіемъ, во сколько разъ вѣчное больше временнаго, небесное лучше земного. Люби свое мірское общество, свое родное село, люби Россію, но паче того люби свой храмъ, гдѣ ты получаешь источникъ вѣчной жизни въ словѣ Божіемъ, въ таинствахъ и въ молитвѣ: люби Вселенскую Христову Церковь, въ которой Господь открываетъ намъ Свою волю и ради молитвъ которой даетъ прощеніе душамъ усопшихъ.

Храмъ Божій и Вселенная Церковь дороже для человѣка, чѣмъ его родная семья. Спросите у стариковъ, которые поженили сыновей и повыдали дочерей замужъ; спросите, много-ли осталось у дѣтей ихъ той любви къ родителямъ, которая ихъ радовала въ прежніе годы? Горяча, братіе, супружеская и семейная любовь, но и она временная, и она не продолжается послѣ смерти, когда всѣ равны предъ Богомъ, да не только послѣ смерти, но и въ этой-то жизни она ослабѣваетъ съ годами. А Церковь Христова равно любитъ и малыхъ, и старыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и здоровыхъ, и болящихъ: всѣхъ она призываетъ на пиръ Христовъ, какъ сказано во святомъ Евангеліи: *„изыди скоро на распутія и стогны града, и нищыя и бѣдныя, и слѣпыя, и хромыя введи сѣмо“* (Лук. XIV, 21). Такъ-то, братіе, отнынѣ призываемся мы въ сей домъ Божій, чтобы духовными очами взирать на „благолѣпіе красоты Его“, чтобы сердцемъ здѣсь уразумѣть Его правду, чтобы здѣсь научиться любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, а ненавидѣть только грѣхъ и всякое зло.

Храмъ Божій долженъ быть намъ такъ дорогъ не только потому, что онъ служитъ намъ къ спасенію вѣчному, и мы должны предпочитать наше общеніе въ Церкви не по той только причинѣ, что вѣчное выше временнаго: но мы должны любить Христову Церковь и святый Его храмъ еще и потому, что все доброе, дорогое намъ на землѣ, достойно нашей любви именно потому, что оно освящается Церковью. Отчего дорога намъ Россія? Отчего мы ее называемъ Святою? А потому, что она создана подвигами угодниковъ Божіихъ, русскихъ Святителей и Святыхъ Князей; потому, что всѣ русскіе добрые обычаи основаны на Божественномъ ученіи Церкви; такова и русская любовь къ бѣднымъ и несчастнымъ, и снисхожденіе къ преступнымъ, и услужливость къ странникамъ, и вообще все то, что располагаетъ сердца всѣхъ любить и хвалить нашъ народъ и отечество.

Или тебѣ дорого твое сельское общество, ты радѣешь о его пользѣ,—но опять, Кто тебѣ поможетъ въ служеніи правдѣ, Кто тебѣ даетъ слово, чтобы усовѣстить одного, утѣшить другого, убѣдить міръ на доброе и справедливое дѣло,—Кто,

если не Господь чрезъ Свое всесильное Слово, чрезъ Святую Церковь, въ которой ты Его слышишь.

Наконецъ, даже въ семейной-то жизни развѣ не всякую семейную радость освящаетъ молитва и благословеніе Божіе, развѣ не всякую семейную печаль умягчаетъ та-же молитва, то-же небесное утѣшеніе въ храмѣ Божіемъ. Ты любишь свою жену? и въ храмѣ Божіемъ. въ таинствѣ святаго брака получаешь благодатную отъ Бога силу, чтобы всегда пребывать въ этой любви, чтобы любовь твоя была не животная, не плотская, но духовная, которая служитъ ко спасенію тебя и жены. Родилось у тебя дитя? и опять-же изъ храма Божія приносится къ тебѣ молитва о новорожденномъ и родильницѣ, а затѣмъ и самое дитя изъ храма Божія чрезъ св. крещеніе и мvропомазаніе получаетъ новую духовную жизнь, становится чадомъ Божіимъ; невидимо оно облекается въ Христа, невидимо Господь нашъ его приближаетъ къ Себѣ, обнимаетъ, какъ нѣкогда обнималъ дѣтей іудейскихъ. Выходишь-ли ты съ семьей на работы, встрѣчаешь-ли въ семейной радости праздникъ:—всюду тебя сопровождаетъ, и благословляетъ, и укрѣпляетъ Божественная благодать, приносимая пастыремъ изъ храма Божія. Что было-бы съ нами, еслибъ мы ея не имѣли? Мы бы жили, какъ звѣри вдали отъ Бога и Его милостей, жили-бы неизвѣстно для чего, умирали-бы безъ надежды на вѣчную жизнь; самый міръ казался-бы намъ мрачною темницею, потому-что весь духовный свѣтъ, всякое духовное утѣшеніе—все мы, братіе, получаемъ только изъ храма Божія. Вотъ почему мы должны его любить паче всего мірскаго, любить Церковь и Христа паче родины, паче семьи своей; вотъ почему—мы и все доброе и святое въ этомъ мірѣ должны любить любовію Христовой, любить не мірскою любовью, какъ нехристи, но любовью святою, любить чрезъ Церковь и всю эту любовь нашу къ людямъ и къ міру Божію освящать молитвою во св. храмѣ и просить здѣсь укрѣпленія въ любви.

Разумѣете-ли вы нынѣ, братіе, какая великая милость Божія къ людямъ открывается въ построеніи всякаго новаго храма? Наши села, удаленныя на 10 и больше верстъ отъ церкви, теперь имѣютъ среди себя престолъ невидимаго Бога, теперь могутъ здѣсь-же, подъ рукой, черпать обильно „воду жизни духовной отъ источника спасенія“, могутъ здѣсь принимать благодать таинствъ, изливать предъ Богомъ свою скорбь и радость въ церковной молитвѣ, могутъ просвѣщать свои умы слышаніемъ слова Божія. „*Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія!*“.

О, братіе! помолимся-же, чтобы Господь, возсіявшій намъ здѣсь нынѣ свѣтъ Своего познанія, научилъ-бы насъ и достойно пользоваться Его милостію! Научилъ-бы насъ со всякимъ тщаніемъ посѣщать священныя службы, не поддаваясь искушеніямъ грѣховной лѣности; чтобы не допустилъ насъ ожесточиться въ ней и пренебрегать храмомъ Божіимъ; — чтобы мы не были подобны христоненавистнымъ іудеямъ, которые, по слову пророка, поворотили спину предъ Господомъ Своимъ и Избавителемъ. Помолимся, чтобы всегда „наша молитва восходила со всѣмъ усердіемъ предъ Господа“, чтобы Онъ „приклонялъ ухо Свое къ моленію“ нашему въ св. храмѣ. Помолимся, чтобы онъ вложилъ въ наши сердца попеченіе о красотѣ Его жилища, дабы каждый прихожанинъ по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ нуждамъ храма и причта его. Помолимся, братіе, и о томъ, чтобы Господь благословилъ строителей храма и жертвователей, чтобы воздалъ имъ небесными дарами за ихъ труды и помощь. Наипаче-же, братіе, будемъ молиться о томъ, чтобы Богъ помогъ намъ въ семъ св. храмѣ устроять и изъ нашихъ сердецъ нерукотворный храмъ Его имени, дабы въ семъ новорожденномъ приходѣ не устами только, но и жизнью святилось имя Божіе и открывалось Его царство. *„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое...* Призовемъ, братіе, на помощь всѣмъ этимъ благимъ намѣреніямъ Предстательницу нашу предъ престоломъ Божіимъ, Пресвятую Богородицу, въ честь и память Которой освященъ нашъ св. храмъ. Да призрѣваетъ Она „на всѣхъ насъ призрѣніемъ Своего милостиваго заступленія“, да „покрыетъ насъ святымъ Своимъ Покровомъ“ и да наставитъ насъ ко исполненію заповѣдей Сына Своего, Христа Бога нашего. Аминь.

СЛОВО

на св. Пасху [1]).

«Придите новаго винограда рожденія божественнаго веселія въ нарочитомъ дни воскресенія царствія Христова насладимся.

Христосъ воскресе!

Да, велико духовное „наслажденіе“ сегодняшняго праздника. Радуемся мы тому, что поруганный и убитый нечестивцами Христосъ, Спаситель нашъ, воскресъ изъ мертвыхъ; радуемся тому, что Его воскресеніе намъ дало жизнь вѣчную; радуемся, наконецъ, и тому, что торжественный и великій день сей и наши-то души хоть не надолго пробудилъ отъ сна грѣховнаго и „пріобщилъ Христову царствію“. Посмотрите сегодня на людей, не всѣхъ, но на большинство: они какъ будто бы переродились. Гдѣ сегодня обычное между ними недружелюбіе, старанія другъ другу досадить, другъ друга осмѣять? Гдѣ присущая имъ кичливая гордость высшихъ предъ низшими? Гдѣ свойственная грѣшникамъ угрюмость и скрытность? Гдѣ всѣ эти орудія нашей духовной смерти? „*Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?*“ (Ос. XIII, 14). Вмѣсто злобы мы встрѣчаемъ сегодня взаимную между людьми ласку, вмѣсто зависти—взаимное прощеніе, вмѣсто гордости—братское лобзаніе великихъ міра сего съ простолюдинами, вмѣсто духовной смерти мы видимъ „воскресеніе и жизнь“, вмѣсто того ада, который мы устроили на землѣ въ своей грѣховной жизни, мы сегодня предвкушаемъ тотъ рай, то небесное царство, что Господь обѣщалъ любящимъ Его. „Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало“.

Благословенъ Господь нашъ І. Христосъ, Который возвелъ насъ отъ смерти въ жизнь, искупилъ насъ отъ тьмы къ свѣту; благословенъ да будетъ Онъ и за то, что установилъ въ своей церкви такой праздникъ, когда мы, хотя не надолго, хотя „отчасти“ только, можемъ вознестись на высоту христіанскаго настроенія духа, когда мы „входимъ въ радость Господа нашего“ и хоть нѣсколько приближаемся къ той жизни, которою жили древніе христіане, болѣе насъ достойные своего

[1]) Произнесено на вечерни въ первый день Св. Пасхи въ соборѣ Александро-Невской Лавры; въ первый разъ напечатано было въ журналѣ „Церк. Вѣстникъ“ 1889 г., № 15.

имени. О, если бы всѣгда жили мы тѣмъ радостнымъ всепрощающимъ, любящимъ настроеніемъ души, которое испытываемъ сегодня! Какъ бы свѣтла и богоугодна была наша жизнь! Какъ бы мы сами, кажется, должны желать этого! Вѣдь если къ сидящимъ въ мрачной темницѣ преступникамъ, голоднымъ и заброшеннымъ, на минуту придетъ добрый человѣкъ, принесетъ къ нимъ свѣтъ и сытную пищу и ласковую бесѣду,— какъ они будутъ нетерпѣливо его ждать вторично, какъ они будутъ душою стремиться къ нему, и думать о немъ днемъ и ночью, и упрашивать стражей, чтобы еще разъ и еще разъ они уговорили дорогого гостя навѣстить ихъ! Такъ и нынѣ въ нашу мрачную темницу мірской жизни пришелъ воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ, далъ намъ вкусить „новаго питія“, Своей любви, освѣтилъ насъ свѣтомъ Своей радости: намъ ли теперь не дорожить этою радостью, не беречь ея всю жизнь, какъ жемчужину, ради которой мудрый купецъ лишился всего имѣнія? Вкусивъ разъ Христа, переживъ, хоть на минуту своимъ сердцемъ всю правду Его обѣтованій, всю сладость Его закона, неужели мы вновь теряемъ ее? Неужели только на сегодняшній день останемся христіанами? Вѣдь не на одинъ же только день воскресъ Христосъ: „*Христосъ воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ*,—писалъ апостолъ,—*смертъ уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо, что Онъ умеръ, то умеръ однажды для грѣха, а что живетъ, то живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*“ (Римл. VI, 9—11).

Итакъ, если бы мы на самомъ дѣлѣ хотя сегодня-то жили „для Бога“ и были бы „мертвы грѣху“, то конечно мы бы не могли такъ легко и быстро вновь оживать для грѣха и умирать для Бога. А если однако такъ случается, если мы только на нѣсколько часовъ живемъ для Христа, то значитъ живемъ не по настоящему, встрѣчаемъ Его воскресеніе съ недостаточно ясною вѣрою, съ недовольно твердою надеждою, съ слишкомъ слабою любовью. Какъ же намъ проникнуться настоящею, а не кажущеюся только радостью, чѣмъ наполнить свою душу, чтобы встрѣтить воскресшаго *достойно*, чтобы и сегодняшнее наше „пріобщеніе царствія Христова“ было не однодневнымъ легко исчезающимъ восторгомъ, но постоянно возрастающимъ проникновеніемъ заповѣдями Божіими, „чтобы радость наша была совершенна?“ (Іоан. XVI, 24). Припомнимъ священныя повѣствованія о явленіяхъ воскресшаго Спасителя Своимъ апостоламъ и мѵроносицамъ-женамъ; вникнемъ въ то расположеніе души, въ которомъ они удостоились ясно узрѣть вновь своего Учителя, о Комъ они на-

дѣялись, что Онъ есть „хотяй избавити Израиля“ (Лук. XXIV, 21); вникнемъ въ это расположеніе и постараемся его усвоить себѣ, дабы и намъ не въ смутномъ только чувствѣ, но со всею ясностью узрѣть „въ неприступномъ свѣтѣ воскресенія Христа блистающагося и радуйтеся рекуща“.

Вотъ „еще сущей тьмѣ“ идутъ на гробъ вѣрныя Христу ученицы, чтобы почтить поруганнаго и звѣрски казненнаго Учителя своего послѣднею земною честью и любовью, „несуще, яже уготоваша, ароматы“ (Лук. XXIV, 1), и — что дороже ароматовъ—горькія слезы любви и благоговѣнія. Онѣ не презрѣли Христа въ Его поруганіи, не убоялись насмѣшекъ и ненависти Его враговъ, онѣ помнили только Его любовь и святость и съ сокрушенными сердцами спѣшили къ Его гробу. Но что же ихъ встрѣтило во гробѣ? Вмѣсто грубыхъ воиновъ—небесные ангелы, вмѣсто пещерной тьмы — невещественный свѣтъ, вмѣсто рыданій надгробныхъ — Самъ воскресшій съ привѣтствіемъ: „радуйтесь“ (Матѳ. XXVIII, 9). „Что ищете живаго съ мертвыми? Что плачете нетлѣннаго во тли? Шедше, проповѣдуйте ученикамъ Его“. Шедшія на скорбь, на позоръ и обиды возвратились благовѣстницами и научили величайшей истинѣ воскресенія тѣхъ, кому надлежало „научить вся языки“ (XXVIII, 19).

Братіе! Когда мы видѣли въ жизни поруганіе Христа, когда встрѣчали забвеніе Его закона,—соблазненіе ли дѣтей, осквернение ли святыни, превозношеніе ли порока — плакали ли мы какъ мvроносицы, оставались ли тверды въ любви своей къ Нему? Отирали ли Его тѣло ароматами добрыхъ дѣлъ, обличая поносителей, вразумляя соблазняемыхъ, утѣшая огорченныхъ? А если мы такъ не поступали, то сотворимъ такъ нынѣ, и тогда исполнится наша радость о воскресеніи, сотворимъ такъ и присно, чтобы и намъ, какъ св. женамъ, удостоиться узрѣть Христову жизнь даже при тѣхъ обстоятельствахъ, когда міру будетъ казаться, что законъ Его совершенно умеръ и попранъ въ жизни. Будемъ подражать св. женамъ въ безстрашной вѣрности къ Христу, не взирая на то, насколько Его цѣнятъ въ окружающей насъ жизни. Тогда мы, какъ всѣ истинно благочестивые, истинно Ему преданные люди, будемъ духовными очами всегда видѣть Его воскресеніе, подобно мvроносицамъ, которымъ первымъ явилъ Онъ Себя въ прославленной плоти.

Вотъ еще, къ двумъ путникамъ Лукѣ и Клеопѣ подходитъ невѣдомый третій, спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ скорби и, упрекнувъ за непониманіе пророковъ, начинаетъ имъ объяснять „наченъ отъ Моисея“, какъ „подобаше пострадати Христу и внити въ славу Свою“ (Лук. XXIV, 26, 27).

Богодухновенныя предвѣщанія древнихъ праведниковъ воспламенили духъ скорбныхъ учениковъ, въ душахъ ихъ съ новою силою отобразился нравственный обликъ ихъ возлюбленнаго Учителя—и что же? Пришедшій къ нимъ на трапезу путникъ, преломивъ хлѣбъ, вдругъ отверзъ имъ очи и они видятъ, что Самъ-то воскресшій Христосъ и былъ съ ними, Онъ-то и раскрылъ имъ сердца, разъясняя Писанія.

Братіе! Горятъ ли наши сердца при слушаніи слова Божія въ церкви? Тщимся ли мы и сами читать данное намъ въ св. Библіи откровеніе воли Господней? А если нѣтъ, то будемъ впредь поступать иначе, будемъ удѣлять хоть 15 минутъ въ каждомъ днѣ, который мы отдаемъ своимъ мірскимъ интересамъ, хоть нѣсколько минутъ для усвоенія божественнаго закона и, когда его читаемъ, будемъ горѣть сердцами, т. е. постараемся мысленно вкушать каждое слово Библіи своимъ сердцемъ, переживать въ себѣ самихъ все то, чему учитъ насъ Господь. Тогда мы будемъ всегда съ Нимъ жить, тогда нынѣ празднуемая радость Его воскресенія и впредь пребудетъ съ нами и мы будемъ носить ее всегда въ своихъ горящихъ сердцахъ, „Пасху празднующе вѣчную“.

Однако смотрите: ни мvроносицы, ни ученики Христовы не удостоились Его встрѣтить безъ испытанія и скорби; но дольшее всѣхъ испытаніе, повидимому, понесла, та, которой Онъ „явился первѣе“ (Марк. XVI, 9), т. е. Марія Магдалина. Не нашедши Господа во гробѣ, она не поняла, что пришелъ уже день и часъ Его прославленія, но рѣшила въ простотѣ души, что враги Его допустили еще новое поруганіе надъ Его тѣломъ, выбросивъ его куда-нибудь на улицу. Горько плачетъ она, такъ что отъ избытка слезъ не узнаетъ бесѣдующаго съ нею ангела, рѣшаетъ, что съ ней говоритъ садовникъ и обращается къ нему съ послѣдней надеждой: „аще ты еси взялъ Его, повѣждь, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возьму Его“ (Іоан. XX, 15). Но вдругъ она узнаетъ голосъ не враждебнаго садовника, а сладчайшаго Господа Іисуса: „Маріе“, и поклоняется воскресшему во плоти Богочеловѣку.

Братіе! Сколько разъ въ жизни намъ приходилось терять Христа, не изъ пещеры погребальной, но изъ своего многогрѣшнаго сердца! Ищемъ ли мы Его снова? Плачемъ ли о потерѣ теплыми слезами сокрушенія? Просимъ ли всякаго вновь указать намъ путь къ Христу? А если нѣтъ, то будемъ въ этомъ подражать равноапостольной женѣ, которая въ свое время была можетъ быть грѣшнѣе насъ и однако дважды обрѣла Христа и Его спасеніе. Первый разъ Онъ изъ нея изгналъ семь бѣсовъ, а другой разъ послалъ ее благовѣстить „радость благовѣщенія“: такъ и намъ, если будемъ Его искать,

если будемъ плакать при временной потерѣ къ Нему любви и надежды и твердой вѣры, если будемъ каяться и молиться и искать наученія у виноградарей церкви,—и намъ Господь откроетъ Себя, и насъ исполнитъ радостью Своего явленія, чтобы и мы „возвѣщали заутра милость Его и истину Его на всяку нощь", всякій день, всякій шагъ помнили Его воскресеніе изъ мертвыхъ, дабы имъ побѣждать искушенія житейскія, и такимъ образомъ быть христіанами не сегодня только, но всю жизнь, сохранять ту любовь, то всепрощеніе, то смиреніе передъ всѣми, чѣмъ такъ сладокъ для насъ праздникъ воскресенія, приносящій такія чувства.

Итакъ, какимъ же расположеніемъ души возможно удостоиться лицезрѣнія Воскресшаго? Вѣрностью и любовью мироносицъ, слушаніемъ Писаній съ горящими сердцами двухъ апостоловъ и неустаннымъ исканіемъ Христа Маріи Магдалины. Если мы будемъ поддерживать въ себѣ такія расположенія и съ терпѣніемъ ихъ воспитывать въ своихъ душахъ, тогда не только здѣсь на землѣ мы будемъ всегда имѣть въ сердцѣ радость Христова воскресенія, но и „истѣе Того причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Его". А когда мрачная жизнь земли вооружится на духъ нашъ, и искушенія плоти и міра начнутъ обуревать наше сердце подобно христоненавистнымъ книжникамъ, научившимъ воиновъ оклеветать чудо воскресенія, когда, т. е. злоба, или зависть, или корысть, или честолюбіе, или блудная страсть возстанутъ противъ насъ, то будемъ вспоминать нашу сегодняшнюю пасхальную радость, будемъ воспроизводить въ душѣ то небесное блаженство, что мы нынѣ испытываемъ,—и увидимъ, какъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ минутныя радости грѣха, который „показуетъ сладкая и вкушаетъ присно горькаго напоенія". Далеко убѣжимъ отъ этой горечи грѣха и крѣпче привяжемъ къ своему сердцу сладость Христова воскресенія, будемъ ее соединять съ вѣрностью, любовью, чтеніемъ св. Писанія, и тогда сбудутся надъ нами слова Христовы: „паки узрю васъ и возрадуется сердце ваше и радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ (Іоан. XVI, 22).

СЛОВО

въ Великій пятокъ [1]).

«Сбысться Писаніе, еже глаголетъ: и со беззаконными вмѣнися. И мимоходящіи хуляху Его, покивающе главами своими и глаголюще: уа, разоряяй церковь и тремя денми созидаяй: спасися самъ и сниди со креста» (Марк. XV, 28—30).

Совершилась спасительная страсть! Исполненъ ужасный приговоръ! Оклеветанъ Праведникъ, Безгрѣшный схваченъ, какъ злодѣй, Святый приведенъ на беззаконный судъ; небесный Посланникъ терпитъ поносное распятіе отъ нечестивыхъ! Но еще не выпита до дна чаша страданій! еще суждено превозмогать беззаконной неправдѣ: невинный Страдалецъ и его немногіе послѣдователи лишены даже того послѣдняго утѣшенія невинности, чтобы если не сами мучители, то хотя бы общественное мнѣніе показало сочувствіе и состраданіе Мученику. Но нѣтъ, проходятъ толпы богомольцевъ на праздникъ, останавливаются и, покивая главами на страшное зрѣлище, изрыгаютъ насмѣшки и брань. Но что еще ужаснѣе,—не недоразумѣніе, не невѣдѣніе заставляютъ ихъ допускать сіе безуміе, но только ожесточенная злоба на ту правду, на ту безконечную святость, которую принесъ Господь на землю. „Уа, разоряяй церковь!“—Ты пришелъ осудить наши преданія, вздумалъ перемѣнить порядки нашей религіозной жизни, которые намъ такъ дороги; Ты хвалился, что въ три дня создашь новые: такъ терпи же то, что терпишь: сойди съ креста и спаси Себя самъ. Намъ было Тебя не переспорить: Ты думалъ любовью и правдою устроить на землѣ миръ и не пожелалъ присоединиться къ намъ: теперь пусть видятъ всѣ, куда привели Тебя Твои добродѣтели.—Такъ думалъ поругаться Христу діаволъ, говорившій въ сердцахъ сей обезумѣвшей толпы. Казалось, что не стало на землѣ правды: ложь и злоба, вмѣнившая Христа со беззаконными, какъ будто окончательно и на вѣки воцарилась въ мірѣ. Многихъ праведниковъ казнила она, многихъ изгнала пророковъ, еще недавно обезглавила „большаго всѣхъ, рожденныхъ женами“ (Лук. VII, 28), а нынѣ пригвоздила ко кресту Святѣйшаго изъ

[1]) Произнесено въ Исаакіевскомъ Каѳедральномъ соборѣ 30 марта 1890 года. Напечатано впервые въ журн. „Церк. Вѣдомости“ 1890 г., № 16.

святыхъ, такъ что затрепетала сама природа: „и тьма бысть по всей земли и померче солнце, и завѣса церковная раздрася посредѣ“ (Лук. XXIII, 45). Никогда не видѣло солнце такого страшнаго злодѣянія, никогда не обагрялась земля Божественною кровью, ни прежде, ни послѣ сего, ни во вѣки. Но Богъ благій и праведный Судія превыше всѣхъ: и когда для плотского ума видѣлось посрамленіе правды и торжество зла, когда умирало „Солнце правды“ на поносномъ древѣ, осужденное беззаконными злодѣями, а самые злодѣи, рукоплеская, торжествовали: тогда же на небѣ совершился приговоръ на укрѣпившагося князя міра сего, тогда пришелъ судъ на всякое зло и творящаго злое (Іоан. XII, 31—34; Римл. I, 18; II, 9—11). Своею вольною страстью Господь открываетъ намъ, что стыдъ и позоръ не во внѣшнемъ уничиженіи, а въ грѣхѣ, что слава и правда не въ силѣ внѣшней, а въ чистотѣ сердца. У Него отнимаютъ земную жизнь, но здѣсь же зачинается новая жизнь благодати. „Когда душа Его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное“, говоритъ о Христѣ Исаія (LIII, 10).

Съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ Господь, всѣмъ стало ясно, въ чемъ горе и смерть, всѣ стали различать праваго отъ сильнаго, всѣ осуждаютъ не Распятаго, но его распинателей. Они стали предметомъ общаго омерзенія и ужаса, а Онъ сталъ нашимъ Свѣтомъ, нашею Жизнью, нашимъ Оправданіемъ. Поносное древо казни стало достопокланяемымъ знаменіемъ побѣды, надеждою спасенія,—а то Лобное мѣсто, на которомъ Его вмѣнили со беззаконными, изображается днесь предъ нашими глазами посреди священнаго храма, какъ святыня, и предъ изображеніемъ тѣла Его, полагаемаго во гробѣ, падаютъ ницъ на землю вельможи и цари.

Но, братіе, до конца-ли уничтожилось сходство нашего времени съ тогдашнимъ?—для всѣхъ ли открылись внутреннія очи, чтобы различать внутреннее отъ внѣшняго, сущее отъ кажущагося, чего не умѣли дѣлать безумные іудеи? Все-ли мы или, лучше сказать, всегда-ли преклоняемся предъ распятымъ Христомъ, какъ преклоняемся днесь предъ Его плащаницей? Или мы сами уподобляемся иногда христоненавистнымъ ослѣпленнымъ іудеямъ, которые тоже покланялись Ему, какъ царю, за четыре дня до того, какъ предали Его на казнь? Или наши богослужебныя хваленія бываютъ, по легкости нашего настроенія, подобны еврейскому „Осанна“ при входѣ Христа въ Іерусалимъ? Смотрите, здѣсь Христосъ всѣми покланяемый, а тамъ, за стѣнами святаго храма, тамъ мы Его вездѣсущаго какъ встрѣчаемъ, когда видимъ снова въ умаленіи? Или невразумительны сіи вопросы? Или непонятны

эти слова? Тогда, можетъ быть, ты разъяснишь себѣ ихъ значеніе другими словами: *взалкахся, и не дасте Ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене; страненъ бѣхъ, и не введосте Мене, нагъ, и не одѣясте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене* (Мѳ. XXV, 42—23). Да, когда мы встрѣчаемъ Христа не во славѣ, а въ уничиженіи, когда приходится ради Него лишиться, или потрудиться, или принять укоры и стыдъ въ обществѣ; когда Онъ толчется въ наше сердце (Апок. III, 20) и требуетъ отъ насъ чего либо, для нашихъ предразсудковъ небывалаго и даже смѣшного, когда предлагаетъ разорить грѣховный домъ нашей любострастной и горделивой души и обѣщаетъ намъ создать *тремі денми* новую жизнь всепрощенія, смиренія, любви и правды: вотъ тогда, какъ мы Его встрѣчаемъ?! Тогда мы далеки ли отъ безумныхъ іудеевъ, возлюбившихъ славу человѣческую паче, неже славу Божію. (Іоан. XII, 43)?—Вотъ о чемъ размысли въ сердцѣ твоемъ, прикладываясь устами къ плащаницѣ; вотъ о какихъ дѣяніяхъ кайся, какъ благоразумный разбойникъ. Сія, изображаемая во святомъ храмѣ, Голгоѳа да научитъ тебя, о христіанинъ, да научитъ она тебя узнавать Христа Сына Божія, не только идущаго во славѣ, но и приходящаго къ тебѣ въ уничиженіи.—Когда поднимется въ тебѣ та борьба между любовію къ міру и любовію къ правдѣ, которую не выдержалъ Пилатъ, тогда подумай — во-первыхъ, о томъ, что въ то время, какъ ты воображаешь себя судьей между Христомъ и міромъ, то на самомъ дѣлѣ надъ тобою самимъ совершается судъ на небѣ, какъ тогда совершился онъ надъ княземъ міра;—а во-вторыхъ, если жалѣешь о своемъ спасеніи, то представь себѣ вновь Голгоѳу, распятаго на древѣ Христа и іудеевъ ругающихся Ему, представь всю эту страшную картину въ день твоего искушенія, и спроси: хочу ли быть съ праведными мvроносицами, не убоявшимися мирского позора ради Христа, или со злодѣями, Его осудившими? О семъ размысли и нынѣ предъ святою плащаницей; смотри, чтобы твое лобзаніе Христовыхъ язвъ во святомъ храмѣ, при постоянномъ отвращеніи отъ нихъ въ жизни, не уподобилось цѣлованію и поклоненію нечестивыхъ ругателей воиновъ.

А если въ прошлой жизни ты знаешь за собой много такихъ христоненавистныхъ дѣлъ, каковы были дѣла іудеевъ, то обновись, покайся и, возвращаясь изъ храма, уподобися тѣмъ изъ нихъ, о коихъ сказано: *и вси пришедшіи народи на позоръ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII, 48). Возвратись и ты въ домъ твой измѣнившись подобно сотнику и иже съ нимъ, распни въ себѣ ветхаго человѣка, чтобы жить со Христомъ во вѣки. Аминь.

СЛОВО

на день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго [1]).

«Праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ, яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится» (Пс. LCI, 13).

Эти слова св. писанія, всегда подтверждаемыя славою угодниковъ Божіихъ на небѣ и на землѣ, съ особенною ясностью должны, братіе, напечатлѣться въ умахъ нашихъ сегодня, когда въ этомъ св. храмѣ предъ священною ракою благовѣрнаго князя вотъ уже ровно сотый разъ собралось благочестивое населеніе православной столицы, чтобы чествовать приснопамятное перенесеніе нетлѣнныхъ мощей святого угодника Божія Александра Невскаго въ царствующій градъ нашъ. Воистину, сей праведникъ процвѣлъ, яко финиксъ, и умножился, яко кедръ. Какъ подъ широколиственные кедры укрываются птицы небесныя и многочисленные звѣри земные, такъ и къ угоднику Божію со всѣхъ концовъ многолюднаго и многопопечительнаго города стекаются богомольцы, чтобы найти здѣсь убѣжище для истомленныхъ душъ, чтобы снискать утѣшеніе въ житейскихъ скорбяхъ, чтобы обрѣсти ободреніе въ претерпѣваемыхъ обидахъ, чтобы испросить духовныхъ силъ для борьбы со страстями, чтобы умилить сердце и склонить его къ прощенію враговъ, чтобы разогрѣть его любовью къ нуждающимся, однимъ словомъ — чтобы усвоить себѣ тѣ духовныя сокровища, которыми сіялъ блаженный духъ Александра Невскаго, и хотя бы въ молитвенномъ желаніи ему уподобляться. Въ этомъ-то смыслѣ онъ умножается, какъ кедръ, сіяя намъ примѣромъ своей жизни и молитвеннымъ предстательствомъ своимъ, произращая въ насъ тѣ духовныя силы, за которыя прославилъ его Господь.

О, братіе, какъ велика сила христіанской праведности! Смотрите, чрезъ нее умершій даетъ высшую духовную жизнь живущимъ. Ради нея нѣмой гробъ заставляетъ людей забыть кипучую дѣятельность столичнаго быта и могила даетъ живымъ то, чего не можетъ дать шумящій внѣшнею жизнью городъ.

---

[1]) Произнесено въ Александро-Невской лаврѣ на всенощной подъ 30 августа 1890 г. (день столѣтія лаврской соборной церкви). Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ 1890 г. № 35.

Взгляните на эти умиленныя лица, на эти съ надеждою устремленные ко св. ракѣ глаза молящихся, и спросите себя: есть ли на землѣ такая сила, которая могла бы влить въ насъ столько духовнаго ободренія въ жизненной борьбѣ, столько утѣшенія, столько умиленія, сколько почерпается при гробѣ угодника? Нѣтъ, ни столичная роскошь, ни ученость, ни красоты зданій, ни разумность общественныхъ учрежденій, ни тонкость благородныхъ отношеній — ничто не можетъ поддержать унывающій духъ человѣка, кромѣ благодати Божіей, такъ изобильно получаемой чрезъ молитвенное поклоненіе мощамъ Его угодника. Чему же научаетъ это явленіе? О какомъ законѣ нашей собственной жизни вѣщаетъ эта слава праведниковъ Христовыхъ, процвѣтающихъ, какъ финиксъ? О томъ законѣ, братіе, что и въ насъ, кромѣ внѣшней жизни, заложена еще иная высшая жизнь духа и совѣсти, сорадующаяся славѣ святыхъ и утѣшающаяся ею и не могущая удовлетвориться внѣшнимъ попеченіемъ. Къ этой-то истинѣ относятся Христовы слова: *„кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою“* (Марк. VIII, 36). Да, братіе, на томъ-то и зиждется слава святыхъ Божіихъ и ихъ высоко-назидательное значеніе для людей, что и въ насъ-то грѣшныхъ есть зачатки той же небесной жизни, которую вели на землѣ святые, и какъ мы ни пренебрегаемъ ею, какъ ни стараемся разсѣять себя въ пустыхъ обольщеніяхъ міра: но вотъ во дни горестей и жизненныхъ обмановъ или во дни праздниковъ Божіихъ мы съ печалью сознаемъ свою внутреннюю пустоту и духъ нашъ ищетъ прилѣпиться къ такой жизни, которая протекла въ правдѣ, въ чистотѣ, въ пренебреженіи къ міру и въ любви ко Христу, — какова была и жизнь угодника Божія Александра, жизнь, причастившаяся вѣчнаго блаженства и потому отогнавшая тлѣніе даже отъ того тѣла, въ которомъ она теплилась.

Эту-то истину, этотъ законъ жизни, по которому мы, не удовлетворяясь мірскими дѣлами, нуждаемся въ общеніи со святыми небожителями и угодниками, хорошо понимали мудрые россійскіе Государи, строители и украсители нашего царствующаго града.

Такъ усопшій Императоръ Петръ I-й, при всей силѣ своего характера и своего ума, ясно сознавалъ, что до тѣхъ поръ однако не привяжетъ сердецъ русскихъ къ новой столицѣ, пока она не будетъ покоищемъ для святого угодника. И вотъ Господь сподобляетъ его этимъ безцѣннымъ даромъ: Петербургъ становится святымъ мѣстомъ и русскій народъ спокойно и радостно спѣшитъ населять новый, дотолѣ невѣдомый городъ. Да воздастъ Господь небесными нетлѣнными вѣнцами Госу-

дарю Петру Первому за то, что онъ не понадѣялся въ своихъ великихъ предпріятіяхъ на одинъ свой умъ и на свою только волю, но преклонилъ ихъ подъ сѣнь нашего небеснаго покровителя и тѣмъ сроднилъ, хотя отчасти, свои преобразованія съ духомъ православнаго народа, съ духомъ церкви Христовой! Да даруетъ Господь вѣчный покой и душѣ Государыни Екатерины Второй за то, что она озаботилась воздвигнуть сей благолѣпный храмъ надъ гробомъ угодника, и тѣмъ дать возможность многимъ тысячамъ народа назидаться и умиляться пѣніемъ его славы вотъ уже столѣтіе! Да благословитъ и да прославитъ Господь и духъ другого строителя сего храма, великаго іерарха митрополита Гавріила, предъ памятью котораго благоговѣетъ русскій народъ! Да воздастъ Господь и всѣмъ потрудившимся для славы угодника Своего, всѣмъ воспѣвавшимъ и повѣдавшимъ предъ людьми о его подвигахъ, о его чудесахъ, священнослужителямъ и пѣвцамъ сего святого храма, пастырямъ и архипастырямъ, усопшимъ изъ нихъ да даруетъ вѣчный покой, а живымъ долгоденствіе и здравіе! Сто лѣтъ уже въ семъ храмѣ повѣдается жизнь и подвиги угодника Божія; сто лѣтъ уже призываемся мы, жители столицы, къ тому, чтобы сравнить свою суетную, мелочную и темную жизнь съ немерцающимъ и вѣчнымъ свѣтомъ праведности святыхъ. И какъ убѣдительно это сравненіе! Какъ, повидимому, неотразимъ долженъ быть для насъ примѣръ христіанской праведности? Вотъ предъ нами ея вѣчно неизмѣнная, вѣчно животворящая насъ же духовная сила. А вотъ за стѣнами обители мятется житейское море: каждое пятилѣтіе воздымаетъ тамъ новыхъ кумировъ, даже каждою новою зимою общество увлекается новыми и новыми интересами и стремленіями, горячится, споритъ, предается ради нихъ грѣхамъ легкомыслія и попираетъ священныя преданія религіи. И что же? Проходитъ пять лѣтъ, а то и два года или годъ: кумиры разбиваются, интересы мѣняются; опять изобрѣтаются новые, и такъ дальше изъ года въ годъ. Здѣсь сбываются печальныя слова Экклезіаста: „*кое изобиліе человѣку о всемъ трудѣ его, имъ же трудится подъ солнцемъ?... Родъ преходитъ и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ. Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворенное, тожде имать сотворитися*“ (Экк. I, 3—9). Такъ мятется въ сей жизни мірской человѣкъ, тщетно отыскивая въ шумѣ и суетѣ столичной жизни конечнаго удовлетворенія своему духу. А здѣсь по прежнему твердо неизмѣнно возвышается величественный храмъ, осѣняя сей благолѣпный гробъ съ нетлѣннымъ тѣломъ праведника. Здѣсь всякій, кому сподобитъ Господь хоть разъ вкусить общенія съ духомъ угодника, уже

не ищетъ затѣмъ поклоненія мірскимъ кумирамъ и новымъ мірскимъ ученіямъ, никогда не могущимъ надолго утѣшить человѣка, тѣмъ ученіямъ міра и плоти, къ которымъ примѣнимы слова Господни: *„піяй воду сію вжаждется паки“* (Іоан. IV, 13).

О, братіе, наученные исторіей послѣдняго столѣтія съ его многочисленными перемѣнами мірской, общественной жизни, и вѣчно пребывающей духовной силы сего св. храма и почивающаго въ немъ угодника, научимся же вѣчное предпочитать временному, научимся вѣрить, что эта вѣчная неизмѣнная жизнь намъ даруется только чрезъ подвиги евангельской праведности, научимся въ ея святомъ послѣдователѣ—покровителѣ нашего града, а не въ мірскихъ интересахъ минутной моды, искать руководства для дѣятельности! Воззовемъ здѣсь предъ его св. гробомъ, воззовемъ къ жизни въ душахъ нашихъ тѣ сѣмена благодатной евангельской правды, которыя и намъ всѣмъ вложилъ Господь и которыми мы сродняемся съ духомъ св. Александра Невскаго! Пусть нарождающееся новое столѣтіе его благолѣпнаго храма возродитъ и въ нашихъ сердцахъ духъ той вѣчной жизни, которой онъ научаетъ насъ примѣромъ своего житія! Пусть отнынѣ не міръ, не обольщенія свѣта руководятъ нами, но та же вѣра, которая руководила имъ, та Живоначальная Троица, которой единой онъ поклонялся и которой посвящена его церковь! Пусть не міръ, не плоть, не временное и чувственное привлекаетъ васъ, но *„благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святого Духа!“* (2 Кор. XIII, 13). Аминь.

СЛОВО

на день святителя Николая чудотворца и тезоименитства Наслѣдника Цесаревича[1]).

„Азъ знаю Моя, и знаютъ Мя Моя“ (Іоан. X, 14). Такъ говоритъ добрый Пастырь о Своихъ духовныхъ овцахъ. Между Нимъ и Его стадомъ образуется столь тѣсное духовное родство, что овцы, разбѣгающіяся при приближеніи чужого человѣка, своему истинному Пастырю не только дружно

[1]) Произнесено въ Исаакіевскомъ соборѣ 6 декабря 1890 г. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ 1890 г., № 49.

повинуются, но и сами за Нимъ спѣшатъ добровольно. Не трудно замѣтить всякому, что Пастырь имѣетъ здѣсь дѣло со Своимъ собственнымъ стадомъ, что здѣсь Онъ не чужой.

О чемъ говоритъ это подобіе, братіе? О томъ, что жизнь наша, жизнь христіанскаго общества должна идти въ такомъ постоянномъ, неуклонномъ согласіи съ жизнью нашего Пастыря—Христа, чтобы всякій легко могъ узнать въ насъ Христово стадо, Христовъ дворъ овчій. Такъ и было во времена древнія, въ вѣка мученичества, когда *„у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“* (Дѣян. IV, 32), когда общеніе ихъ съ Богомъ было настолько сильно, что даже невѣрующій или незнающій, входившій въ ихъ молитвенное собраніе, обнаруживалъ тайны своего сердца, падалъ ницъ и, покланяясь Богу, долженъ былъ сказать: «*истинно съ вами Богъ*“ (1 Кор. XIV, 25). Давно окончились времена апостоловъ и мучениковъ: нынѣ христіанская жизнь усвоена государствами и можетъ спокойно и мирно процвѣтать въ народахъ. Спрашивается, сохранилось ли прежнее тѣсное общеніе сей жизни съ Начальникомъ жизни? Восклицаетъ ли и теперь всякій, входящій въ общество христіанъ: воистину съ вами Богъ? Думаютъ ли иновѣрные такъ, напр., о настоящемъ нашемъ молитвенномъ собраніи, когда въ этотъ св. храмъ вмѣстѣ съ народомъ русскимъ собрались и представители его правительства? Скажутъ ли о насъ, что съ нами Богъ? По-видимому, должны бы сказать: молитва русскаго народа усердна и искренна; самый поводъ, по которому мы здѣсь собрались въ столь праздничномъ видѣ, тоже вполнѣ сроденъ съ закономъ Божіимъ. Собрались мы сюда, чтобы принести Господу молитвы за царствующую семью въ день ея праздника, за семью, не только избранную и вознесенную Богомъ, но и въ свою очередь дающую примѣръ искренняго усердія къ вѣрѣ Христовой и благочестивой жизни. Сей праздникъ, въ честь первенца и Наслѣдника такого Государя, который въ Высочайшихъ манифестахъ торжественно предъ лицемъ цѣлаго міра исповѣдаетъ, что опора его безопасности и мира заключается въ молитвахъ многомилліоннаго народа,—сей праздникъ молитвы народной, конечно, есть праздникъ, достойный называться праздникомъ Христовымъ, не по внѣшности только, но и по самому существу.

Но то ли мы слышимъ о нашихъ праздникахъ и о жизни нашей отъ современныхъ невѣровъ и невѣждъ? Ради чего они отъ насъ удаляются? Можетъ быть, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ отъ христіанъ древнихъ удалялись еретики? Можетъ быть, потому, что имъ ненавистна благочестивая жизнь, что они *„идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презри-*

раютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ?“ (2 Петр. II, 10).

Трудно войти въ ихъ душу и узнать подлинныя, руководящія ими, сокровенныя побужденія, но говорятъ они совсѣмъ другое, говорятъ нѣчто такое, чего давно, а можетъ быть никогда, не дерзали говорить отступники отъ церкви, еретики или язычники. Современные отступники утверждаютъ, что ихъ побуждаетъ удаляться отъ насъ наше собственное якобы забвеніе жизни Христовой, наше холодное, неискреннее отношеніе къ христіанской вѣрѣ, наше противоевангельское довольствованіе одними богослужебными обрядами, говоря кратко, сходство якобы нашей жизни и нашихъ мыслей съ тѣми, за которыя Господь такъ грозно обличалъ фарисеевъ. Итакъ, вопреки нашему предположенію, невѣры современные говорятъ, что съ нами нѣтъ Бога, что мы забыли Христа, что ихъ отъ насъ удаляютъ не злыя, но добрыя стремленія, жить такъ, какъ Господь заповѣдалъ по евангелію. Такъ дерзаютъ говорить и образованные отступники отъ церкви, вдохновляемые однимъ извѣстнымъ писателемъ; такъ не страшатся повторять за ними и люди простые, образующіе секты штундистовъ и пашковцевъ. Тщетно православные миссіонеры имъ толкуютъ, что грѣхи людей не должны вооружать никого противъ самой непогрѣшимой вѣры и церкви, что Господь, обличавшій лицемѣрную жизнь, тутъ же далъ предупрежденіе повиноваться и слушать законом ъ поставленныхъ учителей (Мат. XXIII, 3), что объ истинности нашей вѣры свидѣтельствуетъ библія и исторія: ничего этого не хотятъ слушать сектанты; они говорятъ: Бога съ вами нѣтъ, ибо вы не по божьи поступаете. Отчасти понятно такое упорство: различать вѣрованія общества отъ его жизни, и обращать вниманіе на первыя, не замѣчая второй, могутъ только люди, склонные къ отвлеченному мышленію, а такихъ вездѣ меньшинство, и святая истина нашей вѣры останется далека и неприступна для этихъ жалкихъ отщепенцевъ до тѣхъ поръ, пока наша общественная жизнь будетъ имъ давать поводъ произносить приведенныя обличенія.

Что же: повторять ли обличенія раскольниковъ и съ каѳедры церковной? Говорить ли о томъ, что русское общество не идетъ вслѣдъ благочестиваго примѣра своего вѣнценоснаго Монарха и его Высочайшей семьи? Обращаться ли къ совѣсти слушателей съ укоромъ за то, что ихъ уваженіе къ вѣрѣ христіанской мало искренно и внѣшне? Рисовать ли печальную картину общественныхъ нравовъ: безучастнаго отношенія къ общественнымъ обязанностямъ, не братолюбиваго стремленія къ ближнимъ, гордости и безпутнаго поведенія?

Увы, отъ этого мало пользы! Русскій человѣкъ, правда, не гнѣвается на обличенія: онъ готовъ самъ въ десять разъ больше прибавить къ тому, что сказалъ въ его осужденіе обличитель. Любимое чтеніе его — обличительная письменность, будь она ораторская, будь она ироническая, будь она повѣствовательная. Но что пользы въ этой любви къ обличенію? Пережитая горечь недовольства собою и жизнью составляетъ для русскаго человѣка предметъ своеобразнаго наслажденія и оно замѣняетъ ему надлежащій плодъ обличенія, т. е. дѣйствительную перемѣну жизни.

Но если обличенія безсильны, а печальная дѣйствительность слишкомъ громко заявляетъ о необходимости коренного, внутренняго обновленія нашей общественной жизни и нравовъ, ради которыхъ, какъ видимъ, „имя Божіе хулится во языцѣхъ“ (Римл. II, 24): то что дѣлать церкви, чтобы возвзать къ жизни своихъ ослабѣвающихъ сыновъ? Какъ возстановить такія условія общественнаго быта, чтобы никто, ни одинъ искренній и правдивый человѣкъ не сталъ говорить о забвеніи нами закона Божія, не хулилъ бы нашу вѣру, какъ вѣру обрядности и лицемѣрія?

Труденъ желательный переворотъ, мудрена предлежащая задача! И если въ нашихъ сердцахъ нѣтъ благопріятныхъ тому стремленій, то, конечно, ни обличенія, ни разъясненія въ родѣ того, что своею грѣховною жизнью мы губимъ души людей, отпадающихъ отъ церкви, что распространеніе ересей грозитъ поколебать цѣлость нашей народности и государства,— ничто такое не поможетъ дѣлу, ибо не напрасно сказалъ Господь: *„не можетъ дерево худое приносить плоды добрые“* (Мат. VII, 17).

Но, благодареніе Богу, русское сердце еще не умерло для христіанской жизни: пусть говорятъ, что мало у насъ христіанской добродѣтели въ быту общественномъ, но едва-ли скажетъ справедливый человѣкъ, что въ русскихъ сердцахъ нѣтъ христіанскихъ стремленій, нѣтъ стыда, нѣтъ тяжкихъ укоровъ оскорбленной совѣсти! Пусть говорятъ, что нашъ общій бытъ далекъ отъ жизни первыхъ христіанъ, но кто осмѣлится утверждать, что другіе евангельскіе образы намъ чужды: образъ кающагося мытаря, блудницы и благоразумнаго разбойника, образъ Закхея, который только ждетъ, чтобы Христова благодать его коснулась, чтобы оставить грѣховную жизнь и возродиться,—образъ Никодима и Іосифа Аримаѳейскаго, которыхъ сердца горятъ любовію къ высшей правдѣ, и только робость предъ толками сотоварищей мѣшаетъ открыто исповѣдать Христа? Кто смѣетъ отрицать, что въ глубинѣ души всѣ русскіе люди суть алчущіе и жаждущіе правды,

что они — нищіе духомъ и плачущіе въ тайникѣ своихъ сердецъ, что въ личной совѣсти своей они гораздо лучше, чѣмъ во внѣшней являемости, что не столько въ нихъ самихъ корень нашихъ общественныхъ золъ, отвращающихъ братьевъ нашихъ отъ истинъ православія, сколько въ принятыхъ иноземныхъ обычаяхъ жизни общественной, въ той видимой холодности, горделивой вѣжливости, безучастной любезности и внѣшней, кажущейся законности, къ которымъ пріучило насъ двухвѣковое иноземное вліяніе? Разумѣемъ не столько обычаи внѣшніе, усвоенные оттуда, сколько то самое настроеніе духа, холодное и горделивое, которымъ отличается образованный европеецъ. Русскими людьми оно усвоивается съ дѣтства и утѣсняетъ собою ту истинно евангельскую сердечную теплоту, искренность и трезвость совѣсти, коими отличается характеръ русскаго человѣка. Отсюда то печальное раздвоеніе, которымъ опредѣляется русская жизнь, отсюда и тѣ позорныя и грозящія общественными бѣдами злохуленія, что изрекаются на православіе современными сектантами.

Итакъ, вотъ куда надо обратить наши взоры и наше вниманіе: на внутренность души нашей, на голосъ забываемой совѣсти! Надо воззвать къ жизни все высокое, святое и искреннее, что мы туда прячемъ, и не стыдиться тѣхъ нѣжныхъ и благочестивыхъ русскихъ чувствъ, которыхъ мы такъ не любимъ обнаруживать, не стыдиться Христа и словесъ Его „въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ грѣшномъ“ (Лук. IX, 26), какъ это мы дѣлаемъ. Болѣе искренности, болѣе соотвѣтствія внѣшнихъ обнаруженій нашихъ и нашего быта съ тѣми высокими стремленіями нашего духа, которымъ противятся условія принятыхъ предразсудковъ! Много есть на Руси лицемѣрія добромъ, но еще болѣе противоположнаго лицемѣрія зломъ въ видѣ похвальбы своими грѣхами и хвастливости. Можетъ быть и первое вызывается послѣднимъ. Перестанемъ же, братіе, боязливо прятать отъ жизни всякое искренне доброе чувство, отбросимъ ложный стыдъ добраго, а устыдимся зла, устыдимся лицемѣрія, проникающаго нашъ бытъ. Конечно, преобразиться сразу очень трудно, а между тѣмъ необходимо. Разростающаяся ересь ясно говоритъ, что теперь первый общественный, какъ говорятъ, гражданскій долгъ нашъ заключается въ сердечномъ проникновеніи истинами жизни евангельской. Начнемъ это проникновеніе хотя съ малаго: вкусимъ этой жизни чрезъ самый доступный всякому подвигъ милосердія къ бѣднымъ, столь умѣстный въ виду приближающагося праздника Рождества Христова. Не о подачѣ милостыни говоримъ мы только, но о томъ, чтобы войти самому въ нужды бѣдныхъ, убѣдиться опытомъ въ этихъ нуждахъ хотя одинъ

разъ, чтобы вкусить истиннаго подвига евангельской любви и состраданія. Однажды пережитое и обнаруженное чувство братолюбія дастъ намъ возможность вкусить ту, ни съ чѣмъ несравненную сладость евангельской жизни, которая начнетъ жечь сердца наши, какъ огонь, и заставитъ насъ постепенно возрождаться внутренно, а внутреннее возрожденіе отразится всецѣло и на условіяхъ жизни общественной и заградитъ уста хулителей нашей вѣры. Съ малаго начнемъ исполнять это великое назначеніе нашего вѣка, но малостью перваго подвига смущаться не будемъ, ибо царство Божіе сначала бываетъ какъ сѣмя горчичное, а потомъ разростается въ высокое дерево, и птицы небесныя укрываются подъ сѣнью его. Если будетъ въ нашей жизни возрастать царство Божіе, то возвратятся вновь отступники православія и, присоединяясь къ нашимъ молитвеннымъ собраніямъ, скажутъ: „воистину съ вами Богъ".

РѢЧЬ,

сказанная (съ сокращеніями) на молебствіи Безплотнымъ Силамъ въ день открытія академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ" [1]).

На многія размышленія наводитъ насъ, братіе, нынѣшнее совпаденіе открытія нашего богословскаго журнала съ праздникомъ въ честь св. Ангеловъ.

Всевышній Творецъ, по единому побужденію безкорыстной любви воззвавшій къ бытію сонмы міровъ и безчисленное множество разнороднѣйшихъ тварей, — эту-же любовь и взаимопомощь поставилъ основнымъ закономъ ихъ жизни. Впрочемъ, существенная разность наблюдается между двумя частями твари: тою, которая одарена нравственнымъ сознаніемъ, и тою, которая его лишена.

Въ жизни послѣдней мы видимъ, что слабѣйшая и низшая по развитію порода идетъ на служеніе высшей; наоборотъ, въ жизни существъ сознательныхъ высшіе и разумнѣйшіе духи служатъ низшимъ и менѣе разумнымъ, такъ что страшные Херувимы и Серафимы и прочія Силы Безплотныя,

---

[1]) Произнесена 8-го ноября 1891 года въ академической церкви. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ Богословскій Вѣстникъ, 1892 г., январь.

предстоящія лицу Создателя, не только не гнушаются именоваться *„служебными духами“* (Евр. I, 14), но съ тѣмъ большимъ тщаніемъ пекутся о духовномъ руководствѣ низшихъ ихъ тварей—людей, чѣмъ въ глубочайшую бездну паденія они низвергаются, ибо сказано, что небожители радуются болѣе *„объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“* (Лук. XV, 7. 10). Поистинѣ, какъ поразительна эта мысль! Хотя небесные духи настолько превосходятъ лучшаго изъ людей, что онъ даже умомъ своимъ не можетъ представить, чѣмъ различаются ихъ боголюбезные чины, чѣмъ Херувимы разнятся отъ Серафимовъ и въ чемъ преимущество Серафимовъ предъ Началами: тѣмъ не менѣе даже слабые младенцы человѣческаго рода не лишены ихъ предусмотрительныхъ заботъ: *„блюдите*, говоритъ Господь: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, глаголю бо вамъ: яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго* (Мѳ. XVIII, 10).

Падшій родъ человѣческій забылъ этотъ законъ служенія высшихъ низшимъ и уподобилъ свою жизнь жизни животныхъ, борящихся за свое существованіе, но смотрите, для возстановленія правильнаго понятія о жизни уже не Ангелъ и не Архангелъ, но Самъ Господь воплощается въ бренную плоть и вотъ Онъ, Владыка вселенной, въ рабскомъ видѣ стоитъ среди Своихъ учениковъ предъ сосудомъ, въ коемъ умываетъ ихъ ноги и возстановляетъ истинное понятіе о законахъ общежитія: *„царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы-же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мнѣй; и старѣй, яко служай. Кто бо болій, возлежай-ли, или служай? не возлежай-ли? Азъ-же посредѣ васъ есмь, яко служай“* (Лук. XXII, 25—28).

Содѣлавшіеся *„причастниками Божескаго естества“* (2 Петр. I, 4), сыны Новозавѣтной Церкви твердо шли по начертанному пути и возстановили на землѣ законъ жизни ангельской; приближенные ко Христу Апостолы, восхищавшіеся до третьяго неба и слышавшіе тамъ *„неизреченные глаголы“* (2 Кор. XII, 4) считали себя рабами христіанъ (2 Кор. 4, 5), ихъ кормилицами (1 Сол. II, 7), ихъ многоболѣзными матерями (Галат. IV, 19); будучи отъ всѣхъ свободны, они всѣмъ порабощались, дабы больше пріобрѣсть (1 Кор. IX, 19), ибо для нихъ не было большей радости, какъ слышать, что дѣти ихъ ходятъ въ истинѣ (3 Іоан., IV). Тому-же ангельскому обычаю учили они вѣрныхъ, говоря: *„мы сильные должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать.*

Каждый изъ васъ долженъ угождать ближнему во благо къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ" (Римл. XV, 1 — 3).

Вотъ, братіе, для насъ наглядный примѣръ того, какъ и мы должны подражать дѣлу Ангеловъ въ начатомъ нами благомъ дѣлѣ. Мы не знаемъ въ подробностяхъ жизнь безплотныхъ руководителей нашихъ; но знаемъ, что сравнительно даже съ жизнію древнихъ христіанъ современный внѣшній бытъ церковный сталъ инымъ: явились новыя формы общежитія, отношенія между людьми осложнились; но все-таки ничто не можетъ освободить насъ отъ обязанности посвящать себя и свои труды на служеніе меньшей братіи, ибо хотя измѣнился внѣшній строй жизни, но пребываетъ та любовь, которая создала христіанское общество и духъ Апостоловъ, духъ Ангеловъ по прежнему долженъ исполнять тѣхъ, кому Господь открылъ разумѣніе Своей воли, кого приблизилъ къ Себѣ чрезъ познаніе законовъ бытія и Домостроительства. „*Раздѣленія дарованій суть, а той-же Духъ; и раздѣленія служеній суть, а той-же Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а той-же есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ*" (1 Кор. XII, 4 — 7).

Впрочемъ, не смотря на великую разность между вѣкомъ апостольскимъ и нашимъ, тотъ и другой имѣютъ нѣчто весьма родственное по отношенію къ задачамъ духовнаго просвѣщенія. Именно, какъ Апостоламъ Божіимъ предлежала необходимость вѣдаться съ двумя главнѣйшими направленіями умственной жизни — эллинской и іудейской и въ свою очередь становиться *то яко подзаконными, то яко беззаконными, да всяко нѣкія спасутъ* (1 Кор. IX, 22): такъ и современные дѣятели духовнаго просвѣщенія должны примирять и приводить къ истинно-христіанскимъ понятіямъ тоже два враждующихъ другъ противъ друга и другъ друга удаляющихъ отъ Христа, два направленія умственной жизни образованнаго общества.

Кто-же наши русскіе эллины и кто іудеи, и какъ должны вразумлять ихъ представители церковнаго ученія?

Наши эллины — это тѣ безпокойные умы, которые или воспитались внѣ жизненнаго вліянія Христовой вѣры и Церкви, или, не познавъ, не понявъ той и другой, отчуждались отъ нихъ по недоразумѣнію. Разумѣемъ не тѣхъ сознательныхъ противниковъ и даже ненавистниковъ религіи, которыхъ, конечно, не книгами и не учеными разсужденіями возможно обратить на путь истины, а развѣ дѣлами любви и свидѣтельствомъ живой вѣры произвести переворотъ въ ихъ волѣ. Но мы имѣемъ въ виду тѣхъ маловѣрныхъ, блудныхъ

сыновъ русской Церкви, которые просто по незнанію, по недомыслію относятся къ ней съ сомнѣніемъ или боязнью, почитая ее, по ложнымъ свѣдѣніямъ своихъ руководителей, вмѣстилищемъ лишь сухого формализма, ненавистницею просвѣщенія, утратившею священные завѣты Евангелія о любви и правдѣ. Разумѣемъ тѣ отрасли нашей свѣтской печати, служащей выразительницею и учительницею такихъ современныхъ эллиновъ, которые проповѣдуютъ высокія нравственныя идеи, призываютъ людей къ отверженію себялюбія и слѣдованію по стезямъ закона евангельскаго, — которые дѣйствительно преисполнены желаніемъ нравственнаго обновленія, но, не зная, или не понимая Церкви, не имѣютъ для него ни достаточно сильнаго побужденія, ни тѣмъ менѣе твердой почвы для борьбы съ грѣхомъ, что ими съ горечью и признается. Не таковы прежніе не церковные проповѣдники любви и человѣчности, называющіе себя либералами. Послѣдніе, обнаруживъ свое нравственное безсиліе, очень мало о немъ печалились и хотя немногіе, лучшіе изъ нихъ, сознавались, что имъ „суждены лишь порывы благіе, а свершить ничего не дано“: но въ большинствѣ совершенно спокойно относились къ своей порочной и себялюбивой жизни, усыпляя совѣсть мыслью о своихъ внѣшнихъ трудахъ, подъ коими часто разумѣлись однѣ либеральныя фразы. Нѣтъ, нынѣшніе послѣдователи независимой нравственности, столь близкіе къ духу Церкви по характеру своихъ сердечныхъ стремленій и столь далекіе отъ ней по заблужденіямъ ума,—ищутъ, напряженно и мучительно ищутъ опоры для своей религіозной и нравственной жизни, повѣряютъ источники Откровенія и обѣщаютъ быть самыми ревностными сынами Церкви, если имъ объяснятъ, какимъ образомъ всѣ ея вѣрованія и установленія, вся ея жизнь выводится изъ той основной заповѣди, на которой *„законъ и пророцы висятъ“* (Матѳ. XXII, 40). Въ такомъ разъясненіи вѣры и жизни церковной и заключается первая задача распространителей церковнаго просвѣщенія и богословской науки. Показывать не только истинность, но и святость Церкви и Православія, вотъ что должны мы дѣлать по отношенію къ современнымъ эллинамъ. Подобно великому Павлу должны мы во всѣхъ отрасляхъ православнаго богословія проповѣдать имъ Того Невѣдомаго имъ Бога. Котораго, не зная умомъ, они почитаютъ сердцемъ (Дѣян. XVII, 23) и показать, что кажущіяся новыми нравственныя понятія давно, давно имѣются въ сознаніи Церкви. Творенія святыхъ Отцевъ, заботившихся всегда о подобномъ именно толкованіи истинъ вѣры, могутъ для насъ послужить руководствомъ для сближенія съ Церковью умовъ современныхъ эллиновъ.

Но кто-же наши іудеи? Это люди преданій, строгіе поклонники внѣшняго церковнаго строя, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ его сторонъ, которыя имъ нравятся, но самовольные толкователи духа Церкви, съуживающіе его только до ученія о борьбѣ съ личными грѣхами, съ чувственными страстями. Они держатся тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, которыя были господствующими въ XI-мъ вѣкѣ въ Византіи и, конечно, сочли-бы новшествомъ и своевольными умствованіями тѣ свѣтлыя представленія о царствѣ Божіемъ, которыя проповѣдывали Вселенскіе Учители 4-го и 5-го вѣка. Ограничивая все содержаніе Божественной вѣры церковными священнодѣйствіями и выполненіями благочестивыхъ упражненій въ воздержаніи и уединеніи,—они отрицаютъ значеніе Церкви для жизни общественной, нисколько не хотятъ присматриваться къ нравственному настроенію общества, сказывающемуся въ мірской печати, и, конечно, съ непримиримою ненавистью и презрѣніемъ относятся къ вышеописанному первому направленію мысли, какъ древніе іудеи къ эллинамъ. Эта то ихъ нетерпимость и самый складъ ихъ религіозныхъ воззрѣній, холодныхъ и внѣшнихъ, служитъ главною причиной односторонняхъ понятій о самой Церкви нашей у людей противоцерковнаго направленія и поддерживаетъ ихъ упорное отступничество. Послѣдніе въ свою очередь называютъ нашихъ іудеевъ лицемѣрами, чуждыми христіанскихъ понятій, себялюбцами, и уподобляютъ два различныхъ отношенія къ христіанству тѣмъ двумъ сынамъ одного хозяина, изъ коихъ одинъ, соотвѣтствующій современнымъ іудеямъ, обѣщавъ отцу исполнить его приказаніе и идти работать въ его виноградникъ, не пошелъ, а другой, подобно будто-бы современнымъ русскимъ эллинамъ, отказавшись слушаться, на дѣлѣ исполнилъ волю отца.—Конечно, лицемѣры всегда были и будутъ въ каждомъ религіозномъ обществѣ, но все-таки эти обвиненія невѣрны точно такъ-же, какъ и то смѣшеніе современныхъ маловѣрныхъ искателей жизненнаго смысла христіанства съ прежними разрушителями нигилистами, на каковомъ смѣшеніи настаиваютъ ихъ противники. Нѣтъ, сколько глубокой вѣры въ Господа, сколько благоговѣнія предъ величіемъ Его дѣлъ, сколько подвиговъ и молитвы могутъ представить и эти ненавистники всякаго общественнаго значенія вѣры, имѣющіе нелицемѣрную ревность о ней,—хотя, подобно древнимъ іудеямъ, и не по совершенному разумѣнію! (Рим. X, 2). И когда дѣло пойдетъ о дѣйствительной помощи страдальцу, о подлежащей сейчасъ необходимости пожертвовать своимъ для добраго дѣла, то какъ часто іудеи предваряютъ велерѣчивыхъ эллиновъ, ясно свидѣтельствуя тѣмъ, что осно-

ванное на твердыхъ убѣжденіяхъ, хотя и холодное, повиновеніе долгу, все-таки прочнѣе, чѣмъ висящія на воздухѣ произвольныхъ измышленій благороднѣйшія стремленія сердца.

Но можетъ-ли мириться церковное просвѣщеніе съ такимъ несовершеннымъ со стороны русскихъ іудеевъ пониманіемъ вѣры? можетъ-ли смотрѣть равнодушно на эту препону для обращенія эллиновъ къ Церкви? Не должно-ли оно дать ревности первыхъ побольше сердечнаго простора и свѣта, объяснивъ имъ, что Господь милости хочетъ, а не жертвы (Мѳ. XII, 7), что лишенный любви, хотя и горы будетъ переставлять вѣрою и отдастъ тѣло свое на сожженіе,—останется кимваломъ бряцающимъ, будетъ какъ ничто? (1 Кор. XIII, 1—3). Имъ надо показать, что Церковь обнимаетъ собою всѣ стороны жизни человѣческой, что только злоба и грѣхъ ею не вмѣщаются, и всякое дѣло, всякая мысль, согласныя съ совѣстью, неизмѣнно включаются въ жизнь Церкви, усовершаясь благодатію вѣры, что именно такъ учили Богоозаренные Отцы, которые древнѣе и церковнѣе ихъ авторитетовъ; что вся наша жизнь должна быть продолженіемъ тѣхъ богослужебныхъ молитвъ, которыя мы всѣ такъ любимъ. Раскрывать всѣ эти истины вѣры путемъ научно-теоретическимъ весьма трудно, несравненно труднѣе, чѣмъ благочестивымъ примѣромъ, но между тѣмъ существенно необходимо, ибо оба заблужденія происходятъ вслѣдствіе недостаточно глубокаго пониманія самаго ученія Христова и его исторіи. Поэтому, сколько надо нравственной чуткости, какое нѣжное вниманіе сердца, чтобы въ дерзкихъ и иногда грубо-неосмысленныхъ, яко-бы критически-философскихъ заявленіяхъ современныхъ эллиновъ и въ неумолимомъ узкомъ фанатизмѣ іудеевъ различить среди возбужденій запальчивости голосъ совѣсти, ищущей свѣта или ревнующей о славѣ Божіей. Поистинѣ съ терпѣніемъ Ангела-Хранителя долженъ современный учитель православнаго богословія отыскивать искры правды въ современныхъ умахъ и чрезъ эти искры проницать въ умы свѣтомъ спасительныхъ завѣтовъ Церкви. Конечно, св. Церковь, сама по себѣ не нуждается въ благоволеніи къ ней какого ни было направленія современной мысли,—сама въ себѣ имѣетъ она вѣчную основу жизни и врата ада ея не одолѣютъ (Матѳ. XVI, 18): но вѣдь и св. Ангелы могли бы жить безъ насъ, многогрѣшныхъ, и однако сѣтуютъ и огорчаются, видя наше ожесточеніе. Не должны ли и мы, при видѣ погибающихъ въ отчужденіи или ожесточеніи почти цѣлыхъ поколѣній, при видѣ разбивающихся о скалы отчаянія волнъ самаго чистаго, но безсильнаго внѣ Церкви стремленія къ свѣту и добру—подобно Ангеламъ томиться и плакать и взывать съ пророкомъ: *кто дастъ*

главъ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! я плакалъ-бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего (Іер. IX, 1). *Возвратись отступница, дочь Израилева, говоритъ Господь: Я не изолью на васъ гнѣва моего; ибо Я милостивъ, говоритъ Господь: не вѣчно буду негодовать. Признай только вину свою, ибо ты отступила отъ Господа... Возвратитесь, дѣти отступники, говоритъ Господь: потому что Я сочетался съ вами!"* (Іер. III, 12—14).

Услышимъ-ли мы въ отвѣтъ кающихся *„вотъ мы идемъ къ Тебѣ, ибо Ты Господь нашъ?"* (Іер. III, 22). Это зависитъ отъ того будетъ-ли въ нашемъ словѣ, въ нашихъ ученыхъ изысканіяхъ *„явленіе духа и силы"*, (1 Кор. II, 4) будемъ-ли мы преисполнены ангелоподобной любви и смиреннаго попеченія объ умственныхъ болѣзняхъ общества, съумѣемъ-ли примирить односторонніе увлеченія мысли эллиновъ и іудеевъ и быть соработниками (1 Кор. III, 8) Того, Кто *„есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино и средостѣніе ограды разорившій"* (Ефес. II, 14).

„Союзомъ любви связуеми, владычествующему надъ всѣми Христу себе возложше", будемъ очищать молитвою сердца наши для благовѣствованія сего мира, силою истинно-богословскихъ знаній покоряя Христу и Церкви отчуждившуюся мысль и волю людей. „Свѣтозарные Ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный свѣтъ Трисіяннаго Божества" (молитва св. Григорія Богослова), не возгнушайтесь принять въ общеніе своей службы и насъ недостойныхъ и многогрѣшныхъ служителей вѣры, просвѣщая вашимъ предстательствомъ наши умы, сердца и исполняя насъ разумѣнія истины Божіей и умѣнія раскрывать ее людямъ для обращенія всѣхъ ко Христу. Аминь.

На день памяти преподобнаго Сергія [1]).

Подобно есть царствіе небесное зерну горушичну, еже вземъ человѣкъ всѣя на селѣ своемъ, еже малѣйше убо есть отъ всѣхъ сѣменъ: егда же возрастаетъ, болѣе всѣхъ зелій есть и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвехъ его (Матѳ. XIII, 31 — 32).

Эти слова Господни исполнились, братіе, на жизни угодника Его, преподобнаго Сергія, въ славную обитель котораго собралъ насъ день его пятисотлѣтней памяти. Святая обитель

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ" 1892 г., октябрь.

сія стала древомъ многовѣтвистымъ, подъ сѣнь котораго собираются обитатели земли русской со всѣхъ концовъ ея, и при томъ не ради тѣлеснаго питанія и упокоенія, но ради насыщенія духа — памятью о подвигахъ Святого, покаяніемъ во грѣхахъ и примиреніемъ съ Богомъ и съ житейскими скорбями. Видѣла ли ты, русская земля, такія несмѣтныя толпы народа на праздникахъ мірскихъ, на зрѣлищахъ или торжищахъ? Нѣтъ, поистинѣ горчишное сѣмя царствія Божія, положенное однимъ преподобнымъ отшельникомъ на семъ мѣстѣ, оказалось древомъ *большимъ всѣхъ зелій земли* — большимъ и несокрушимо твердымъ, въ противоположность скоропреходящимъ увлеченіямъ жизнью міра. А если мы къ сегодняшнему сонму собравшихся богомольцевъ мысленно присоединимъ всѣхъ тѣхъ, которые притекали въ обитель преподобнаго Сергія въ продолженіе сего лѣта и прошлаго и цѣлыхъ пятисотъ лѣтъ; если къ нимъ еще приложимъ имена всѣхъ православныхъ, хотя и не бывшихъ здѣсь, но въ другихъ храмахъ и домахъ призывающихъ и призывавшихъ имя Преподобнаго или поклонявшихся его святымъ иконамъ: то умъ нашъ затрепещетъ отъ этихъ тысячей тысячъ и тьмы темъ мужей и женъ, старцевъ и дѣтей, ученыхъ и простыхъ, вельможъ и земледѣльцевъ, праведниковъ и грѣшниковъ, которыхъ объединяло одно имя, которыхъ дѣлалъ братьями одинъ отецъ. Вотъ праведникъ, ослабѣвающій въ подвигахъ и скорбяхъ за имя Божіе, взирая на икону Святаго, находитъ въ воспоминаніи о немъ какъ бы надежный якорь; вотъ грѣшникъ, гордецъ или жестокосердый ненавистникъ, услышавъ бесѣду о чудесахъ и обличеніяхъ Святого, проникается покаяніемъ и обращается ко Христу; вотъ скорбящая мать или осиротѣлая вдова, вспоминая о любви преподобнаго Сергія къ угнетеннымъ и страдающимъ, вновь примиряется съ жизнью; вотъ умирающій въ предсмертномъ ужасѣ находитъ отраду, слушая церковную пѣснь въ честь Угодника; а вотъ и лишившіяся было спасенія, сущія въ мукахъ адскихъ, грѣшныя, но не ожесточенныя до конца души чрезъ предстательство Святого получаютъ облегченіе и, наконецъ, прощеніе отъ Бога. — Такъ многочисленны и разнообразны дарованія, что равно объемлютъ собою раздѣленныхъ вѣками и тысячами верстъ, соединяя всѣхъ въ единый несмѣтный ликъ празднующихъ. — О, великій сонмъ! о, священное братство! Поистинѣ ты лучше всякаго братства по плоти и прочнѣе всякаго кровнаго союза, ибо, хотя нынѣ мы всѣ, любовію молящіеся Преподобному, не знаемъ другъ друга, но нѣкогда узнаемъ и увидимъ, и тогда-то достойно оцѣнимъ силу той любви, которая собрала вмѣстѣ концы земли, слила во едино вѣка и

въ разнообразные умы и сердца вселила единый духъ—духъ смиреннаго покаянія и чистой любви.

Итакъ, братіе, мы, во многихъ тысячахъ собравшіеся сюда, составляемъ лишь малую часть всѣхъ живыхъ и усопшихъ, воспѣвающихъ славу преподобнаго Сергія. Поистинѣ, на немъ открылась слава Божія, слава Церкви Божіей, которой онъ служилъ. Поистинѣ, только въ ней можетъ созидаться обширное братство и прочный союзъ душъ, котораго такъ чужда жизнь земная. Смотрите, великіе герои міра—мудрецы, поэты, ораторы или могучіе завоеватели всѣмъ жертвуютъ, на все рѣшаются, чтобы создать прочное единство народовъ, упрочить надолго какое-либо ученіе, усвоить порядки общежитія. И что же? Всесокрушающее время скоро посмѣвается ихъ замысламъ: царства ихъ рушатся, мысли ихъ забываются. даже память о нихъ остается только въ книгахъ. И чѣмъ важнѣйшими и поразительнѣйшими событіями ознаменовали они свои дѣянія, чѣмъ высочайшіе построили памятники своего могущества, тѣмъ ужаснѣйшее разрушеніе ожидаетъ ихъ, тѣмъ безлюднѣйшая пустыня является наслѣдницею прежней славы. Не такова участь подвижника истинной Церкви, празднуемаго днесь нами. Здѣсь, напротивъ, пустыня создаетъ собою населенный градъ; убѣжище отшельника является дорогимъ пристанищемъ длл милліоновъ; строгій постникъ и неусыпный труженикъ — утѣшителемъ семействъ и народовъ; умерщвляемое при жизни тѣло — нетлѣннымъ поклоненіемъ для царей и святителей.

Конечно, великъ духъ преподобнаго Сергія; но одинъ духъ даже лучшаго изъ смертныхъ людей не могъ бы произвести сего чуднаго превращенія, еслибъ онъ не подвизался въ пріискреннемъ единеніи съ Духомъ Божіимъ, который живетъ на землѣ только въ Церкви Христовой и *можетъ вся,* какъ вѣчный, всемогущій и пресвятый. Ушелъ преподобный отъ людей, но не хотѣлъ уходить отъ Бога и отъ Церкви: въ ней онъ искалъ Бога, въ ея священныхъ уставахъ монашеской жизни искалъ постепеннаго возрастанія во Христа и общенія съ Духомъ Божіимъ, и Богъ былъ съ нимъ и привлекъ къ нему въ пустыню сіе множество чадъ духовныхъ, во исполненіе словъ Писанія о славѣ Церкви, которыя теперь оправдались на преподобномъ Сергіи: *На тебѣ явится Господь и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ и языцы свѣтлостію твоею. Возведи окрестъ очи твои и виждь собраная чада твоя: се пріидоша вси сынове твои издалеча и дщери твои на рамѣхъ возмутся. Тогда узриши и ужаснешися сердцемъ, яко приложится къ тебѣ богатство морское, и языковъ и*

людей... И положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ (Ис. LX, 2—6. 15). Роды родовъ духовно веселятся предъ тобою, отче Сергіе! Твоя слава, выросшая изъ смиренія, научаетъ насъ, въ чемъ должно полагать цѣль жизни. Здѣсь, предъ святымъ твоимъ гробомъ, сыны Церкви уразумѣваютъ ея силу, ея преимущество, предъ всякою земною цѣлію, ея прочность, ея могущество, ея вѣчную жизнь: только она открываетъ путь къ Богу и къ вѣчному, только въ ней можно пріобрѣсти ту силу духа, которая созидаетъ братство людей.

„О, чада свѣтообразная церковная!“ Не нова истина, открываемая намъ сегодняшнимъ праздникомъ, но сей праздникъ открываетъ намъ ее съ неотразимою ясностью. Воспоминайте о немъ, воспоминайте о славѣ преподобнаго Сергія и побѣждайте ею искушенія суеты житейской. Ты, юноша, избирающій себѣ путь жизни, поучайся, что не внѣшніе успѣхи, а смиренное созиданіе внутренняго человѣка откроетъ тебѣ доступъ къ благотворной дѣятельности; ты, уполномоченный дѣятель общества, знай, что не лесть людямъ или хлопоты о славѣ упрочатъ твое дѣло, а неуклонное послушаніе волѣ Божіей; ты, мудрецъ, изслѣдывающій науку о добродѣтели и ищущій пути совершенства, научись отъ славы преподобнаго Сергія, что только въ Церкви духъ нашъ приближается къ ангельской святости, только Церковь соединяетъ людей въ истинное братство; и ты, всякій христіанинъ, не гонись за счастьемъ жизни, не ослабѣвай въ исполненіи воли Божіей, опасаясь міра: видишь ли, что Богъ не оставляетъ ищущихъ Его; не сразу Онъ даетъ утѣшеніе и вѣнецъ подвизающимся, но за то обильно вознаграждаетъ за претерпѣнныя лишенія; скажи вмѣстѣ съ ветхозавѣтнымъ праведникомъ: *отъ Тебе побѣда и отъ Тебе премудрость, и азъ рабъ Твой* (2 Ездр. IV, 59).

Такими уроками жизни обогатила насъ слава преподобнаго Сергія, пережившая вѣка и охватившая концы міра. Вспомнимъ же, братіе, что мы стали причастниками сего ученія не по своимъ заслугамъ, а по милости Божіей, данной нашему народу и сокрытой отъ другихъ народовъ, не слышавшихъ о Христѣ и во тьмѣ пребывающихъ. Вспомнимъ, что тотъ свѣтъ жизни, который нынѣ такъ ярко горитъ предъ нашими очами, есть даръ благодати, и оцѣнимъ милость Господню къ намъ, открывающуюся въ томъ, что, по молитвамъ Его Угодника, народъ нашъ не отступилъ отъ истинной Церкви, и примемъ къ сердцу своему слова Пророка: „*Се Господа Бога твоего небо и небо небесе, земля и вся, елика сутъ на ней: обаче отцы ваши произволи Господь*

любити ихъ и избра сѣмя ихъ по нихъ васъ, паче всѣхъ языкъ въ день сей. Господа Бога твоего да убоишися и Тому Единому послужиши и именемъ Его клянешися. Той хвала твоя и Той Богъ твой, иже сотвори тебѣ великая и славная сія, яже видѣстѣ очи твои (Второз. X, 14, 15, 20, 21). Аминь.

СЛОВО

при открытіи памятника Императору Александру II [1]).

„Аще зерно пшенично падъ на землю не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ“ (Іоан. XII, 24).

Мы собрались въ сей св. храмъ, чтобы предварить молитвой гражданское торжество града нашего, устроенное въ память почившаго въ Бозѣ Государя Александра Второго. Да будетъ память его по слову Писанія, *„какъ составъ ѳиміама, приготовленный искусствомъ мироварника“* (XLIX, 1) и да славится жизнь его и кончина его на стогнахъ градовъ и въ домахъ сыновъ народа нашего; но здѣсь въ домѣ Божіемъ, въ домѣ молитвы и просвѣщенія духовнаго, направимъ свое вниманіе на ту сторону воспоминаемыхъ событій, которая можетъ служить къ нашему наученію.

Не долго придется намъ ее отыскивать: собственная совѣсть наша уже шепчетъ каждому изъ насъ два всѣмъ понятныхъ, два страшныхъ для русскаго человѣка слова: *первое марта.*

Давно совершилось позорное для всей земли нашей цареубійство и однако-же какимъ тяжелымъ, но постоянно новымъ укоромъ поражаетъ нашу душу память сего злодѣянія всякій разъ, когда мы бросаемъ взоръ на наше историческое прошлое. Мрачность этой картины усиливается именно потому, что по общему сознанію современныхъ мыслителей преступное событіе, столь сильно потрясшее сердца русскихъ людей, не стояло, однако, внѣ связи съ настроеніемъ тогдашняго общества и хотя представилось ему горестнымъ, ужаснымъ, позорнымъ, однако, не было для него совершенно чужимъ, совершенно случайнымъ единичнымъ дѣломъ, но произросло на

[1]) Сказано 30 августа 1895 г. въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

русской нивѣ, какъ колючій ядовитый тернъ среди многихъ другихъ негодныхъ злаковъ и плевелъ, насажденныхъ врагомъ, который воспользовался грѣховнымъ усыпленіемъ общественной совѣсти. Объ этомъ-то усыпленіи и должно намъ подумать, братіе, въ сей день, посвященный воспоминанію славнаго царствованія и мученической смерти незабвеннаго Государя. Какъ ни тяжела сія всенародная исповѣдь, но соединенная съ искреннимъ покаяніемъ да облегчитъ она безъисходную печаль русскихъ людей при взираніи на созданный художниками обликъ благостнаго Государя, котораго не могла сохранить отъ руки убійцы земля его, погруженная въ грѣховный сонъ и самозабвеніе.

Правда, повидимому, нельзя назвать временемъ духовнаго усыпленія первый періодъ воспоминаемаго царствованія, тѣ шестидесятые годы, которыми многіе и понынѣ любятъ хвалиться, какъ временемъ всеобщаго одушевленія, временемъ живымъ и дѣятельнымъ, исполненнымъ гражданскихъ подвиговъ земскихъ дѣятелей и высокими, самоотверженными стремленіями учившагося въ то время юношества.

Не будемъ и мы отрицать добрыхъ сторонъ того времени, пожалѣемъ вмѣстѣ съ его сынами объ утраченной впослѣдствіи живой общественности, искренности и безкорыстныхъ стремленій, но все-таки предложимъ и имъ согласиться, что именно тогда положено было начало тому нравственному опьяненію и растлѣнію, которое въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи создало безобразную секту динамитчиковъ. Пусть были искренни и чисты тогдашнія свободолюбивыя и человѣколюбивыя стремленія: но нельзя отрицать и того, что всю правду и человѣколюбіе хотѣли тогда воплотить въ учрежденіяхъ внѣшнихъ, заботились о внѣдреніи ихъ лишь въ содержаніи законовъ и въ общественномъ строѣ, а важнѣйшее условіе для процвѣтанія, какъ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ духовныхъ благъ, было забыто,—забыто и даже отвергнуто. Разумѣемъ внутреннюю жизнь человѣка, жизнь нравственной личности. Не съ тѣхъ ли именно поръ русскіе люди начали уподобляться нашимъ иновѣрнымъ сосѣдямъ по тому внѣшнезаконническому, безсердечному настроенію, при которомъ человѣкъ заботится лишь о томъ, чтобы всякій отдѣльно взятый поступокъ его не былъ нарушеніемъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ законовъ условно-просвѣщеннаго общества,— а о чистотѣ совѣсти своей, о смягченіи сердца, объ искреннемъ обсужденіи своихъ внутреннихъ побужденій—совершенно забываетъ. Да забыло о семъ наше общество, увлекаясь блестящими картинами новаго облагороженнаго строя жизни,— забыло, отдавъ свое сердце и свой умъ изысканію и уста-

новленію справедливыхъ порядковъ внѣшнихъ и возгордясь ими какъ нѣкогда Ахавъ или Навуходоносоръ своими блестящими учрежденіями. Сколько, дѣйствительно, отважной похвальбы себѣ слышимъ мы отъ представителей того времени, какимъ насмѣшливымъ презрѣніемъ стали они клеймить все прошлое нашего отечества, не разбирая худого отъ хорошаго и даже потерявъ способность понимать послѣднее.

Сначала, т. е. во время возбужденія общественной жизни шестидесятыхъ годовъ, это увлеченіе не было еще сознательно преступнымъ и порочнымъ: оно скорѣе напоминало неудержимую рѣзвость подростка, забывшаго о послушаніи своимъ родителямъ: но вотъ проходитъ первый пылъ увлеченія, новые порядки жизни, т. е. крестьянская воля, судъ присяжныхъ и земство перестали быть увлекательными новостями, пришло время собирать плоды новаго посѣва, пришли семидесятые годы, и что-же? оказалось, что грѣшная и лукавая душа человѣка, оставленная безъ испытующаго вниманія и упражненій совѣсти религіозной, быстро начала подмѣнять подъ благородныя учрежденія общественной жизни самыя низкія, самыя гнусныя побужденія. Журналы и газеты наполнились огласки того, какъ полномочія частныхъ торговыхъ учрежденій, земскихъ дѣятелей, присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ человѣколюбивыхъ профессій стали средствами лихоимства, наглыхъ обмановъ и посягательствъ, наконецъ жестокости и человѣкоубійства,—какъ воспитаніе, проникнутое духомъ свободы, но не снабженное нравственнымъ содержаніемъ, повергло юношество въ ранній, утонченный и гибельный развратъ, безвѣріе, кощунство и отчаяніе.

И вотъ среди этого общественнаго развращенія, явившагося, хотя неожиданнымъ, но неизбѣжнымъ плодомъ шестидесятыхъ годовъ, исторгавшихъ послѣдніе корни духовнаго церковнаго склада русской жизни,—среди уже не искренняго, а лицемѣрнаго провозглашенія словъ человѣколюбія и равенства,—воспитались разочарованныя, озлобленныя, исполненныя ненавистью ко всему и съ дѣтства развращенныя мрачныя исчадія духа человѣкоубійства, жаждавшія крови, чтобы отмстить за свое собственное нравственное уродство, за свои обманутыя надежды,—и нашедшія дозволеніе своему звѣрскому настроенію въ дикихъ идеяхъ соціализма. Такъ воспитались многочисленные исполнители ужаснаго преступленія, такъ оправдали они предсказаніе великаго писателя, уподобившаго ихъ гадаринскимъ свиньямъ, въ которыхъ вошли всѣ бѣсы, овладѣвшіе на время человѣкомъ, подъ коимъ сей писатель разумѣлъ русскій народъ. Оправдалось предсказаніе это въ томъ смыслѣ, что страшное паденіе этихъ несчастныхъ сы-

новъ проклятія, проявившееся въ ихъ отвратительномъ безумномъ злодѣяніи, дѣйствительно образумило русскую землю, русское общество. Образумило, но какою цѣною? Цѣною Царя-Благодѣтеля, Царя мира и прощенія, Царя милости и просвѣщенія. Образумило, но, о еслибъ, дѣйствительно исцѣлило! Тогда бы и эта драгоцѣнная кровь, и эта щемящая, мучительная память о ней была бы и жертвой не напрасной, и наказаніемъ, умягчаемымъ сладостью духовнаго возрожденія. Но въ томъ и заключается вся горечь этой утраты, вся свинцовая тягость воспоминаній, что одержимые духовными недугами, хотя и образумились въ значительной степени, но еще далеко не исцѣлѣли; хотя поняли глубину своего паденія и преступность своего удаленія отъ завѣщанной намъ церковію и предками жизни по внутреннему человѣку: но все-таки не нашли и не находятъ еще въ себѣ силы, чтобы воротиться подобно блудному сыну къ отеческому завѣту, чтобы не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ зажить новою жизнью въ преискреннемъ союзѣ съ церковію и забытымъ народомъ.

Правда, послѣ семидесятыхъ годовъ настали восьмидесятые и девяностые, когда стало принято говорить о великомъ государственномъ значеніи церкви и религіознаго воспитанія, о гибельности безвѣрія и свободомыслія, но увы! говорящіе такъ по большей части страдаютъ тѣмъ же, чѣмъ и отцы ихъ: они воплощаютъ восхваляемыя начала въ учрежденіяхъ внѣшнихъ *„сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене, всуе же чтутъ Мя“*, такъ сказалъ бы о нихъ Господь нашъ. До того разслабло сердце современнаго человѣка, что ни искренно чувствовать не хочетъ онъ того, что признаетъ умомъ, ни жить такъ, какъ чувствуетъ сердце.—И вотъ, все остается прежнее: прежняя холодность къ нуждающимся и страдающимъ, прежняя ненасытимая жажда удовольствій и увлекающая борьба неукротимыхъ честолюбій, прежнее развращеніе нравовъ, спокойная самодовольная лѣность богатыхъ при озлобленіи зависти бѣдныхъ, вотъ содержаніе нашихъ общественныхъ нравовъ.

Тяжело не знать истины, но не тяжелѣе ли, зная ее, не находить въ себѣ силы ей слѣдовать?

И это ты, ты святая Русь, достояніе князей, оканчивавшихъ дни свои въ монашеской схимѣ или въ сонмѣ мучениковъ отъ руки язычниковъ-татаръ! Ты, освященная подвигами святыхъ — духовныхъ вождей твоего народа, предметъ удивленія иностранцевъ, о которой сказано, что Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, а живетъ въ Россіи? Попрежнему воздухъ надъ тобою оглашается церковными трезвонами и наполняется молитвенными гимнами; попрежнему стези твои попираются ты-

сячами тысячъ паломниковъ богомольцевъ; попрежнему простецы изъ сыновъ твоихъ, оканчивая дни земного странствія, спокойно и торжественно переходятъ въ загробный міръ, какъ достойные благоговѣйнаго преклоненія, великіе духомъ философы.

Отчего же лучшіе изъ сыновъ народа твоего, наученные мудростямъ всѣхъ странъ и обогащенные воспитаніемъ и роскошью, исполнены духа иного, и либо пренебрежительно отвращаются отъ твоихъ завѣтовъ, отъ твоихъ святынь, либо издалека простираютъ къ нимъ неувѣренныя, безсильныя руки? Въ нихъ нѣтъ прежней продерзостной самоувѣренности. — Отеческое достояніе истрачено уже до конца блуднымъ сыномъ; позналъ онъ пагубность своего удаленія; видитъ теперь, что и познаніе само по себѣ безсильно вернуть его къ жизни. Онъ плѣненъ страстями и лѣностью, видитъ грозящую погибель и сидитъ въ безсильномъ пока раздумьѣ. Каковъ будетъ исходъ сего раздумья? Послѣдній ли порывъ отчаянія или сокрушенное покаяніе и послѣдующій затѣмъ медленный и долгій подвигъ нравственнаго отрезвленія? Пойметъ ли русское общество, сознавшее нравственное безсиліе естественнаго человѣка, что чистота совѣсти, совершенство добродѣтели достигаются не порывомъ, не единичнымъ подвигомъ, но смиреннымъ созиданіемъ своего внутренняго человѣка, что жизнь есть крестный подвигъ не въ смыслѣ отдѣльныхъ героическихъ поступковъ, а въ смыслѣ томъ, чтобы незримому для человѣческихъ похвалъ постоянно созидать въ тайникѣ сердца своего совершенство добродѣтели, немыслимое безъ всегдашняго общенія со Христомъ и поученія Его слову? — Или наоборотъ—прозрѣніе, не сопровождаемое бодростью духа, повергнетъ его въ отчаяніе, сугубый развратъ и самоубійство какъ древнихъ римлянъ,—вотъ о чемъ спрашиваетъ насъ наступающее новое столѣтіе, спрашиваетъ насъ тѣнь убитаго Царя и воздвигнутый нынѣ его памятникъ. Вотъ о чемъ спрашиваетъ насъ тѣнь и его усопшаго царственнаго сына, учившаго насъ примѣромъ жизни своей тому, чему научилъ насъ державный отецъ его своею мученической кончиной.

Отвѣтъ на эти вопросы въ совѣсти каждаго изъ насъ. И если наше общество, научаемое явными дѣлами Божественнаго Провидѣнія, наконецъ обратится къ своему внутреннему человѣку и чрезъ то возвратится къ жизни своего народа и къ служенію ему, согласно не только общественному призванію каждаго, но и въ добровольныхъ подвигахъ благотворенія: то „*пріидутъ времена отрады отъ лица Господа*“ (Дѣян. III, 20). Тогда только и великія преобразованія царствованія Александра Второго возсіяютъ во всей своей славѣ,

ибо къ братолюбивому учрежденію прибавится братолюбивый духъ и уже никто не посмѣетъ, какъ нынѣ, принижать ихъ во имя охранительныхъ началъ. И если гдѣ нибудь, хотя въ одномъ уголкѣ земли нашей, настало бы искреннее нравственное возрожденіе, то оно примѣромъ своимъ, подобно чистительному огню, пронеслось бы по всей странѣ и тогда бы сбылась вторая часть уподобленія нашего отечественнаго писателя,—т. е. вся Русь, какъ исцѣленный бѣсноватый, сѣла бы при ногахъ Спасителя, одѣтая въ одежду соотвѣтственныхъ ея духу человѣколюбивыхъ учрежденій воспоминаемаго царствованія, а самъ великій виновникъ этихъ послѣднихъ благословилъ бы насъ изъ того лучшаго міра и со свойственнымъ его царственному сердцу самоотверженіемъ и всепрощеніемъ, благословилъ бы и скорбную жизнь свою и мученическую свою смерть, послужившую духовному просвѣтлѣнію отечества во исполненіе словъ Евангелія: *„аще зерно пшенично падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще ли умретъ, многъ плодъ сотворитъ“*. Аминь.

СЛОВО

въ день Святителя Николая Чудотворца и тезоименитства Государя Императора [1]).

«Входяй дверми, пастырь естъ овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ» (Іоан. X, 2, 3).

Этими и дальнѣйшими словами Господь нашъ опредѣляетъ свойства не только истиннаго пастыря, но и добрыхъ овецъ, ибо не всѣ слѣдуютъ за добрымъ пастыремъ, какъ и за Христомъ пошли далеко не всѣ іудеи. *„Вы не вѣрите“*, говорилъ имъ Господь: *„ибо вы не изъ овецъ Моихъ, какъ Я сказалъ вамъ“* (26). Добрыхъ пастырей Христовыхъ, къ которымъ св. церковь относитъ слова сей притчи, было и есть, и будетъ очень много, но не много овецъ слѣдовали за большинствомъ изъ нихъ, такъ-что подвигъ пастырскій, подвигъ святителей Божіихъ, по большей части былъ подвигомъ сиротства, терпѣнія, изгнанія. Такая участь постигала многихъ великихъ учителей вселенной, замѣняя ихъ кратковременную (при жизни ихъ) славу, напр., св. Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Максима Исповѣдника, Филиппа

[1]) Сказано въ Казанск. Каѳедр. Соборѣ 6 декабря 1895 г.

Московскаго, Германа Казанскаго. Ихъ современники въ лицѣ знатнѣйшихъ и сильнѣйшихъ были „не отъ овецъ Христовыхъ“ и потому не шли за посланными отъ Него пастырями.

Въ нашъ маловѣрный вѣкъ еще неохотнѣе идутъ словесныя овцы къ своимъ пастырямъ, хотя и не святымъ, но все же искренно преданнымъ вѣрѣ евангельской, — осуждая послѣднихъ за присущія человѣкамъ слабости. Не радятъ онѣ и о почитаніи пастырей святыхъ, хотя и усопшихъ, но молитвенно пребывающихъ съ живущими на землѣ. Развѣ только простолюдины, да уцѣломудренныя скорбями женщины и старцы прилѣпляются душою къ памяти святыхъ, а обычный человѣкъ нашего времени почти разорвалъ уже свою духовную связь съ исторіей Св. церкви, такъ что и весь мѣсяцесловъ святыхъ, содежавшійся цѣликомъ и безошибочно въ памяти нашихъ предковъ, для сыновъ истекающаго столѣтія теряетъ свое возвышающее значеніе.

Но вотъ настаетъ день Святителя Николая. Какая-то непонятная сила вливаетъ въ сердца жажду молитвы; пустѣющіе храмы съ избытковъ наполняются богомольцами; всѣ чувствуютъ въ душѣ своей христіанскій праздникъ, т. е. торжество вѣры, любви, примиренія и прощенія. Исчезаетъ обычная сухость настроенія; сынъ западническаго просвѣщенія перестаетъ чуждаться молящагося простолюдина; онъ даже ощущаетъ внутреннее желаніе побыть истинно православнымъ, русскимъ; усваиваетъ въ сей день давно покинутые имъ обычаи отеческаго благочестія: подастъ бѣдному, поставитъ свѣчу, приложится къ образу, не съ брезгливостью, не съ видомъ снисхожденія, но съ оттѣнкомъ сердечнаго умиленія, смутно чуя, какое величіе любви и святости содержится въ жизни пренебрегаемой имъ церкви. — Что чувствуютъ въ сей день простолюдины, эти постоянные гости Божественной вечери, собираемые Его слугами на распутіяхъ и стогнахъ и халугахъ? (Лук. XIV, 23). Вмѣсто отвѣта довольно будетъ предложить вопрошателю стать около иконы Св. Николая въ храмѣ, чтобы видѣть море слезъ и цѣлую бурю молитвенныхъ воздыханій, увидѣть проявленіе той силы, которая хранила и будетъ хранить святую Русь незыбленную въ ея нуждахъ, скорбяхъ, искушеніяхъ и паденіяхъ.

Но почему-же эта сила такъ мощно проявляется въ день Святителя Николая? Почему этотъ угодникъ Христовъ и именно въ русской землѣ прославился паче причастникъ своихъ? Въ чемъ заключается тайна его воздѣйствія даже на маловѣрныя души, сокрушаемыя умиленіемъ предъ его памятью, какъ ледяныя глыбы подъ лучами весенняго солнца? Что это за великій пастырь, которому готовы повиноваться

даже тѣ овцы, что не суть отъ двора Христова? Понять эту тайну можно чрезъ разсмотрѣніе свойствъ житія Святителя по сравненію его съ житіями другихъ угодниковъ. То были по большей части мужи скорбей, мужи подвига мученическаго или отшельническаго, или же мученики человѣческой неблагодарности и ненависти. Имъ давно сказалъ Господь, что будутъ они ненавидимы всѣми за имя Его; да и самую память о нихъ Онъ намъ оставилъ для совершенствованія въ терпѣніи, въ крестоношеніи, да *„и мы толикъ имуще облежащъ насъ обликъ свидѣтелей,... терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ“* (Евр. XII, 1). Не было чуждо скорбей и житіе Святителя Николая; не было оно исполнено роскоши или веселья; напротивъ исторія сохранила намъ повѣствованіе о его постѣ, бдѣніяхъ, трудахъ и вообще суровомъ образѣ жизни. Но все-же эта жизнь пребывала подвигомъ *побѣды*; *побѣждающая любовь* — вотъ отличительное свойство сего, исполненнаго чудотвореній, приснопамятнаго житія. Законы природы уступали силѣ его любви; буря морская стихала по его слову; пространственныя ограниченія исчезали по его желанію, и что всего непонятнѣе—человѣческая ожесточенность смягчалась подъ вліяніемъ его заочнаго чудодѣйственнаго внушенія. Однимъ словомъ, всякій подвигъ любви, который принималъ на себя Святитель, приводился къ желаемому завершенію вопреки законамъ общественной жизни и даже самой природы. Очевидно, что Господь, прославляющійся въ скорбяхъ другихъ святыхъ угодниковъ, благоволилъ прославить Себя во святомъ Николаѣ радостью побѣждающей любви. Раскрывая намъ Свой законъ, какъ ученіе креста и лишеній, Господь открываетъ намъ чрезъ сего Святителя, что этотъ путь креста и лишеній, есть въ то-же время путь духовныхъ радостей, путь побѣды, путь торжествующаго братолюбія и прощенія. Премудрое попеченіе Божіе о спасеніи нашемъ не замедлило оправдаться, ибо вотъ всѣ мы видимъ и подтверждаемъ, что это прославленіе побѣды Его во святомъ угодникѣ покорило даже холодныя сердца современниковъ нашихъ и всѣхъ объединило не только въ его прославленіи, но и въ нѣкоторомъ усвоеніи его духа, что особенно цѣнно въ нашъ грѣховный вѣкъ. Во времена прошедшія сердца всѣхъ христіанъ привлекались и къ подвигамъ отшельниковъ, и къ мученичеству страстотерпцевъ; нынѣшнимъ христіанамъ эти кресты кажутся слишкомъ суровыми и страшными; лишенные всякой ревности къ Богу, многіе изъ насъ не рѣшаются и приблизиться къ памяти мучениковъ и преподобныхъ. Знаютъ они, что милость и прощеніе обрѣтетъ всякій кающійся, но на самое покаяніе нѣтъ у нихъ рѣшимости, а входить въ храмъ „съ двоящимися

мыслями“ (Іак. I, 8), они не дерзаютъ, и потому замыкаются въ собственномъ своемъ ожесточеніи, не надѣясь на побѣду въ себѣ добрыхъ чувствъ надъ злыми. И какъ часто случается, что пренебрежительное кощунство русскаго человѣка надъ вѣрой и молитвой есть лишь прикрытіе глубокаго презрѣнія къ себѣ, къ своему нравственному безсилію, къ своимъ паденіямъ! Пусть спасаются люди подвига и самоотреченія, а мы преданные честолюбію и чувственности, какіе богомольцы? такъ думаютъ о себѣ эти люди. Но вотъ приходитъ сегодняшній день, когда Господь и для нихъ находитъ средство надежды и умиленія, день торжествующаго милосердія. Конечно, люди эти, называющіе себя образованными, по большей части и не знаютъ ни житія, ни свойствъ духа Святителя Николая, но видъ торжествующаго народа воскрешаетъ въ ихъ сознаніи цѣлостный обликъ православнаго благочестія, прощающаго, смиреннаго, надѣющагося. Они видятъ, какъ грѣшнѣйшіе изъ сыновъ народа русскаго въ сей день озаряются надеждой, что св. Николай, столь дерзновенный предстатель нашъ у небеснаго престола, не пренебрежетъ и малымъ вздохомъ нашей покаянной молитвы, не отринетъ и скудной милости, приносимой хотя бы и не совсѣмъ чистыми руками. Всякая скудость наша восполняется духовнымъ богатствомъ Святителя, всякая борьба, обращенная къ его помощи, почерпаетъ отъ него силы къ побѣдѣ. Вѣра въ эту побѣду такъ сильно проявляется въ сей день въ сознаніи народномъ, что невольно охватываетъ собою и сыновъ западническаго воспитанія, соединяя ихъ въ общей молитвѣ. Радуются нынѣ сугубо люди благочестивые, проходящіе подвигъ борьбы и поста; утѣшаются скорбные душою меньшіе братья Христовы; ликуютъ вмѣстѣ съ ангелами ревнители славы Его на землѣ, убѣждаясь, что не всегда и не вездѣ святая любовь будетъ встрѣчаема ненавистью, милосердіе покрываться неблагодарностью, неправда торжествовать, порокъ оставаться необличеннымъ. Потому такъ и любятъ русскіе люди икону Святителя Николая съ мечемъ и церковью въ рукахъ, что въ ней изображается ихъ надежда на торжество истины, вѣры, любви и прощенія. Это не торжество силы, не казнь еретиковъ, не избіеніе враговъ, чего всегда домогались латины, но торжество правды, прощающей и чрезъ то побѣждающей. Поэтому неправы неразумные ругатели русскаго народа, вышедшіе изъ ложесъ его, но не бывшіе отъ него (1 Іонн. II, 19), когда они утверждаютъ, будто русскіе люди понимаютъ вѣру Христову лишь, какъ тупое терпѣніе, да ожиданіе загробнаго возмездія, а на настоящую жизнь смотрятъ чрезвычайно мрачно, какъ на царство сплошного зла.

Конечно, русскіе люди, какъ истинные послѣдователи евангельскаго ученія, чужды тѣхъ неразумныхъ надеждъ своихъ ложно-просвѣщенныхъ руководителей, въ силу которыхъ послѣдніе думаютъ, будто нѣкогда на землѣ будетъ рай, исчезнетъ грѣхъ и останется только счастье и добродѣтель. Справедливо и то, что народъ нашъ, согласно съ дѣйствительностью и словомъ Божіимъ, помнитъ, что міръ лежитъ во злѣ, но онъ знаетъ, что зло, постоянно возникая въ сей жизни, постоянно же бываетъ и побѣждаемо, обличаемо, казнимо. И онъ никогда зла не называетъ добромъ, не поклоняется ему, не хвалитъ его, какъ это часто дѣлаютъ люди образованные; но, вѣруя въ увѣнчаніе добра и истины, поклоняется мученикамъ истины Христовой, благоговѣетъ предъ ея крестоносцами, жадно отыскиваетъ добровольныхъ страдальцевъ-подвижниковъ, и утѣшается духовнымъ обликомъ Святителя Николая, вѣруя твердо, что его побѣдоносная мощь призывается въ молитвахъ, и понынѣ является рѣшительницею борьбы добра со зломъ, одолѣвая послѣднее и прославляя первое.

Впрочемъ и помимо этого и прочихъ небесныхъ утѣшеній при видѣ зла, часто торжествующаго въ жизни, народъ русскій имѣетъ утѣшеніе и на землѣ. Окружая благоговѣйнымъ чествованіемъ подвижниковъ и страдальцевъ, а также и носителей благодати Божіей и церковныхъ полномочій, народъ русскій чтитъ и любитъ еще одного человѣка, въ которомъ всегда олицетворяетъ торжествующую правду, торжествующую любовь и милосердіе, соединенное уже не съ нравственною только, но кромѣ того и съ внѣшнею силою и величіемъ. Этотъ человѣкъ есть бѣлый, православный царь, день Ангела котораго мы нынѣ празднуемъ вмѣстѣ съ памятью Святителя Николая. Совпаденіе это, поистинѣ, знаменательное, ибо какое мѣсто Св. Николай занимаетъ въ духовной жизни народа и общества, такое-же занимаетъ у нихъ представленіе о царѣ русскомъ въ жизни общественной, гражданской — представленіе о милости и правдѣ и ихъ побѣдѣ. Здѣсь опять общество сходится съ народомъ въ единодушіи и единомысліи.

Благодаря Создателю, русскіе государи, являя себя отцами русскаго народа, даже въ нашъ вѣкъ раздвоенія русской жизни, всегда помнятъ о томъ священномъ жребіи торжествующей правды и милосердія, который данъ имъ рукою Промысла, который удѣляется имъ сознаніемъ народа. Когда этотъ вѣнецъ добра и правды 15 лѣтъ тому назадъ соединился со столь драгоцѣннымъ вѣнцомъ мученичества, то любовь народа къ царямъ своимъ достигла еще высшей, дотолѣ небывалой силы. Всякая общественная бѣда или неправда нахо-

дитъ въ сердцѣ народномъ примирительный откликъ при одной мысли, что если царь узнаетъ объ этомъ, то неправда истребится, и правда снова восторжествуетъ. Усилившееся просвѣщеніе и гражданственность, вопреки надеждамъ республиканцевъ, вопреки растлѣвающему вліянію разныхъ преступныхъ радѣтелей гибели нашего отечества — явились только средствомъ къ большей и большей преданности къ престолу, такъ-что и самыя убогія жилища простолюдиновъ украшаются хоть незатѣйливыми, но глубоко трогательными картинами, изображающими то царя, то всю царственную семью, то прежнихъ монарховъ, почивающихъ во гробѣ съ иконой на груди.

Новое царствованіе, подобно прежнимъ, спѣшитъ навстрѣчу любви народной и призываетъ знатныхъ бояръ и просто достаточныхъ представителей его идти на помощь къ бѣднымъ труженикамъ. Учреждаемые нынѣ Царемъ и Царицей Дома Трудолюбія, начало которымъ положено было раньше любимѣйшимъ духовнымъ пастыремъ народа, призываютъ и насъ, братіе, присоединиться къ этому дѣлу правды и любви, дѣлу, которое при правильной постановкѣ будетъ лучшимъ, чѣмъ милостыня отцевъ нашихъ, хотя святая по своимъ побужденіямъ, но нерѣдко напрасно питавшая тунеядцевъ. Поистинѣ, это будетъ дѣло торжествующей любви, той любви, которою прославился въ народѣ нашемъ Святитель Николай, нынѣ озарившій наши сердца молитвеннымъ умиленіемъ. Это будетъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ дѣлъ, коимъ посвятивъ себя, русскіе образованные и богатые люди могли бы найти себѣ объединительный мостъ съ народомъ, отъ котораго они оторвались, могли бы найти оправданіе своимъ пока еще праздным заявленіямъ о томъ, что евангельская вѣра требуетъ не молитвы только, но и дѣлъ любви, — могли бы найти наконецъ миръ и истинное святое счастье, котораго они такъ много и тщетно ищутъ, и которое для нихъ-то именно, одаренныхъ вліяніемъ и богатствомъ, такъ доступно въ дѣлахъ милосердія, соединеннаго съ любовью.

И если слабы наши увѣщанія ихъ къ такому подвигу, то да поможетъ имъ нашъ всеобщій объединитель сердецъ въ любви и вѣрѣ, Святой Николай чудотворецъ, отъ небесныхъ круговъ назирающій наше молитвенное собраніе.

СЛОВО

въ день священнаго коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ [1]).

Въ настоящій часъ сердце всякаго русскаго человѣка стремится къ сердцу Россіи и, преодолѣвая пространство, переносится въ тотъ священный храмъ, гдѣ нынѣ совершается вѣнчаніе на царство нашего возлюбленнаго Государя. Мы съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидаемъ быстролетной вѣсти о благополучномъ совершеніи этого вѣнчанія, съ какимъ любящая невѣста—своего вѣнчанія съ избранникомъ сердца. Такія чувства любви, радости и нетерпѣливаго ожиданія раздѣляютъ всѣ истинно русскіе люди; но для того, чтобы чувства эти, внушаемыя знаменательнымъ событіемъ, тверже укоренились въ душахъ нашихъ и могли бы являться для насъ неложнымъ руководствомъ въ нашей гражданской жизни, постараемся освѣтить ихъ сознаніемъ, сознательнымъ размышленіемъ о значеніи переживаемаго нынѣ радостнаго дня.

Нѣкоторыя явленія, сопровождающія низведеніе даровъ Святаго Духа на нашихъ Государей въ XIX-мъ вѣкѣ, подобны тѣмъ, при которыхъ совершилось облагодатствованіе вселенской церкви на всѣ вѣка во дни Пятидесятницы, нынѣ воспроизводимыя въ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ.

Правда, то было событіе, по силѣ своей единственное въ исторіи вселенной, и въ этомъ отношеніи ни съ чѣмъ несравнимое; однако, мы не однажды встрѣчаемъ повтореніе хотя бы нѣкоторыхъ его сторонъ. Такъ, въ той же книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы читаемъ, что и даръ языковъ, и необычайная сила слова, и чудесныя знаменія, подобно дню Пятидесятницы, давались многимъ обращеннымъ послѣ ихъ крещенія, а иногда даже и до крещенія.

Во дни священнаго коронованія государей россійскихъ не открывается, правда, даръ языковъ, не бываетъ и *дыханія бурна*, но совершается иное, знаменательное и въ настоящій вѣкъ единственное, явленіе, нѣсколько напоминающее святѣйшій день первой христіанской Пятидесятницы. Именно въ тотъ день, пятидесятый по воскресеніи, Духъ Святый даровалъ апостоламъ такую полноту вѣры и любви, что они, желая всю вселенную обнять этою любовію и всѣхъ привести

[1]) Сказано 14 мая 1896 г. въ Казан. Каѳедральномъ Соборѣ. — Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ 1896 г., іюнь.

къ истинѣ, превзошли законы естества и, неученые, вдругъ заговорили на всѣхъ языкахъ о величіи Божіемъ, о Спасителѣ, о покаяніи. Встрепенулись многочисленные народы, наводнявшіе тогда священный градъ и, оставивъ дѣла свои, въ ужасѣ сбѣжались къ дому, гдѣ собраны были проповѣдники Евангелія. Одни умилялись, каялись и возрождались къ новой, вѣчной жизни; другіе, въ безсильной злобѣ противъ истины, старались клеветами осмѣять Божественное чудо, но самою злобою своею свидѣтельствовали, что на землѣ совершилось нѣчто великое, безпримѣрное и святое. Всѣ объединились въ чувствѣ ужаса и изумленія: откуда явилась та сила, которая сливаетъ въ одно славословіе Богу раздѣленные враждою народы? *Дивляхуся вси и чудяхуся, глаголюще другъ ко другу: не се-ли вси сіи суть галилеяне? и како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немже родихомся?.. слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія?.. что убо хощетъ сіе быти* (Дѣян. II, 7—12).

Нынѣ въ нашъ царствующій градъ тоже сошлась вся вселенная: представители не только европейскихъ державъ, но и всѣхъ частей свѣта, влекомые не столько правительственными соображеніями, сколько таинственнымъ, быть-можетъ неясно даже сознаваемымъ, чувствомъ, смутно вѣщающимъ имъ о величіи, о нравственной силѣ православной Россіи, со всѣхъ концовъ міра стекаются въ древній, тѣсный храмъ Успенія;—и одни съ живѣйшимъ сочувствіемъ, другіе съ боязливымъ недоумѣніемъ взираютъ на ту безпримѣрную въ современномъ мірѣ силу любви, которая изъ ста милліоновъ русскихъ сердецъ тѣснится къ сердцу одного человѣка, смиренно преклоняющаго колѣна предъ Живоначальною Троицею и удостовѣряющаго свою мать—святую церковь и своихъ дѣтей — русскій народъ въ искреннемъ исповѣданіи истинъ православной вѣры.

Что убо хощетъ сіе быти? спрашиваютъ другъ друга эти народы. Что значитъ, что милліонная толпа съ ревнивымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть своего Царя и когда увидитъ, то слезы радости прерываютъ ея восторженныя крики; чужіе люди бросаются другъ другу въ объятія отъ умиленія о совершившемся; враги прощаютъ другъ друга; всю вселенную заключить въ объятія готовъ русскій человѣкъ въ день сей, когда лицезрѣніе священнаго торжества, или даже одно извѣстіе о немъ пробуждаетъ въ его сердцѣ всегда ему присущее, хотя обыкновенно дремлющее, убѣжденіе о близости Бога къ нашей святой странѣ, о ея призваніи являть міру образъ Христовъ, о ея прежнихъ судьбахъ, исполненныхъ скорбей и слезъ, и кровей, но не напрасныхъ, а очистительь-

ныхъ, возводящихъ людей къ совершенству, къ примиренію, къ всепрощенію и спасенію вѣчному.

Да, когда русскіе люди видятъ Царя, окруженнаго безпримѣрнымъ на землѣ величіемъ, но не на земную силу опирающагося, а принимающаго власть свою и силу свою отъ благодатнаго благословенія Божія, по молитвѣ святителей церковныхъ; видятъ Царя, исповѣдующаго миръ, и правду и любовь: то они забываютъ всѣ печали жизни своей, свои лишенія, свои общественныя неправды; отъ глазъ ихъ отнимается покрывало и они, въ духовномъ восторгѣ, созерцаютъ перстъ Божій, ведущій ихъ, вотъ уже девять вѣковъ, путемъ страданій къ славѣ и силѣ, путемъ подвига къ вѣрности святой вѣры и къ надеждѣ вѣчнаго блаженства на небѣ. Они сознаютъ тогда, что важнѣйшее условіе къ нравственному развитію народа и къ прочности его учрежденій заключаются не въ завистливомъ стремленіи раздѣлять себѣ власть, выхватывая ее затѣмъ другъ у друга въ постоянной междуусобной борьбѣ партій: а въ томъ, чтобы окружить носителя власти любовію, чтобы вручить его самого не ревнивому надзору честолюбцевъ, а всесовершающей благодати Божіей.

Такъ происходитъ таинственное сочетаніе Царя со своимъ царствомъ. Становясь отцемъ ста милліоновъ не подданныхъ только, но сыновъ, являясь Царемъ не людей только, но и сердецъ, русскій Государь долженъ испытывать такое же таинственное возрожденіе, какъ женщина, когда она становится матерью дѣтей. И если подобное возрожденіе испытывали даже тѣ государи наши, которые съ дѣтства были воспитаны иностранцами и знакомились съ народомъ своимъ уже на царскомъ престолѣ, то насколько глубже и сильнѣе переживается оно въ Государѣ Николаѣ Второмъ, обозрѣвшемъ свое отечество отъ Тихаго океана до Атлантическаго и обнаружившемъ чувства необыкновеннаго человѣколюбія и состраданія съ первыхъ дней своего воцаренія.

Вотъ это-то таинство единенія ста милліоновъ сердецъ въ одномъ сердцѣ, это-то могучее обнаруженіе нравственныхъ силъ и вѣры народной, происходящее въ день ниспосланія благодатныхъ даровъ на Царя Русскаго, исполняетъ, иногда противъ воли, сочувственнымъ страхомъ сердца съѣзжающихся иностранцевъ и тѣмъ еще болѣе приближаетъ событіе сегодняшняго дня къ воспоминаемому нынѣ церковію дню Сошествія Святаго Духа на апостоловъ.

Ни въ одномъ народѣ міра не происходитъ ничего подобнаго, а въ народѣ русскомъ единеніе это утверждается все больше съ каждымъ царствованіемъ.

Впрочемъ, мы будемъ указывать на это явленіе не для

того, чтобы превозноситься предъ прочими народами и унижать ихъ, а для того, чтобы съ большею надеждою молить Господа, да приложитъ Онъ къ святому дню сему еще одну черту того великаго библейскаго событія, которое воспѣвается церковью, именно, — да расположитъ Онъ сердца народовъ, созерцающихъ въ нашемъ торжествѣ нравственную мощь Россіи, къ тому, чтобы и они начали усваивать основанія этой мощи, т. е. преданность Богу, подвигъ самоотреченія и истинную вѣру Евангелія, неврежденно нами сохраненную. Да обратитъ онъ къ истинѣ и сердца тѣхъ отщепенцевъ отечества, которые, подобно богохульнымъ фарисеямъ, готовы надъ нимъ издѣваться; дабы и они, созерцая дѣла Божія въ день сей, вмѣстѣ со всѣми нами, *„умилились сердцемъ“*, какъ тѣ три тысячи мужей іудейскихъ и, вмѣстѣ съ нами же, приняли къ сердцу глаголъ апостола: *„покайтесь.... и получите даръ Святаго Духа, ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ“* (Дѣян. II гл., 36—39 ст.). Аминь.

Тайна новой жизни, открытая въ день крещенія.

СЛОВО

на Богоявленіе [1]).

„Днесь небесе и земли Творецъ приходитъ плотію на Іорданъ крещенія прося, безгрѣшный, да очиститъ міръ отъ лести вражія“.

Какимъ образомъ, братіе, крещеніе Господне можетъ освобождать міръ отъ обольщенія? Мы слышимъ изъ установленныхъ въ нынѣшній день чтеній пророческихъ, что смирившійся въ крещеніи Своемъ Спаситель открылъ новую жизнь міру, новый путь, идя по которому, ученики Его *„не заблудятъ. И не будетъ тамо льва, ни отъ звѣрей лютыхъ взыдетъ нань, ниже обрящется тамо: но пойдутъ по нему избавленніи: и собранніи отъ Господа и обратятся, и пріидутъ въ Сіонъ съ веселіемъ и радостію, и веселіе вѣчное надъ главою ихъ; хвала и радованіе, и веселіе постигнетъ ихъ; отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“* (Ис. XXXV, 9—11).

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Странникъ“. 1906 г., № 1.

Отсюда видно, что путь жизни, открытый намъ подвигомъ крещенія Христова, доставляетъ идущимъ по нему и внутренній миръ въ ихъ жизни личной, и благоустройство или счастье въ быту общественномъ. У ветхозавѣтныхъ мудрецовъ было справедливое убѣжденіе или, вѣрнѣе сказать, откровеніе о томъ, что пока Самъ Богъ не ниспошлетъ на землю Духа Своего, пока не придетъ отъ Него Примиритель Небесный, до тѣхъ поръ никакія усилія мудрости, ни власти, ни богатства не исправятъ устоевъ общественной жизни, ни лйчному сознанію не дадутъ примиренія съ совѣстью никакія человѣческія добродѣтели. Такъ мудрѣйшій изъ людей, царь Соломонъ, призналъ во дни старости своей, что только внѣшній обликъ жизни могъ онъ измѣнить, а ея внутреннее содержаніе осталось исполненнымъ той-же несправедливости и злобы, какъ раньше. Видѣлъ я—говоритъ онъ: *„мѣсто суда, а тамъ беззаконіе, мѣсто правды, а тамъ неправда* (Екк. III, 16). *И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ“* (IV, 1). Прилагалъ сей богопросвѣщенный царь всю свою мудрость, чтобы исправить жизненное зло, но рѣшилъ предъ концомъ своимъ, *„что кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ и чего нѣтъ, того нельзя считать“* (I, 15). Предпріятія мудрецовъ и искателей общаго счастья или хотя бы осмысленія своей личной жизни остаются *суетой и томленіемъ духа*; жалкій человѣкъ не можетъ стать выше своей страстной рабской природы; общественная жизнь, исполненная зла, не поддается человѣколюбивымъ преобразованіямъ друзей человѣчества, но съ постоянствомъ и упорствомъ бурной рѣки сокрушаетъ на неуклонномъ пути своемъ всякое стремленіе отклонить ее къ добру и истинѣ; она вѣчно повторяетъ усвоенные ей законы бытія: *„нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ: что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться“* (Екклез. I, 9).

Такое печальное состояніе міра, отвергшагося отъ благодати Божіей, длилось до пришествія Христова, до сегодня празднуемаго событія, Его явленія — Нынѣ открытъ путь истины, нынѣ исполнилось пророчество Исаіи о томъ, что нѣкогда окончится неисправимость кривизны житейской, признанная Соломономъ: *„кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими. И явится слава Господня и узритъ всякая плоть спасеніе Божіе* (Ис. XL, 4), ибо явилось, какъ говоритъ св. Григорій, единственное *новое подъ солнцемъ*, чего напрасно искалъ Екклезіастъ въ естественной жизни. Явился Утѣшитель угнетенныхъ, ибо мы слышали,

какъ Церковь увѣряетъ насъ въ исполненіи днесь св. пророчествъ: *укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣна дрожащія. Скажите робкимъ душою: не бойтеся; вотъ Богъ вашъ, пріидетъ отмщеніе, воздаяніе Божіе; Онъ пріидетъ и спасетъ васъ. Тогда откроются глаза слѣпыхъ и уши глухихъ отверзутся. Тогда хромой вскочитъ, какъ олень, и языкъ нѣмаго будетъ пѣть, ибо пробьются воды въ пустынѣ и въ степи потоки* (Ис. XXXV, 3—7).

Нужно ли говорить, братіе, о томъ, что слова сіи исполнились и исполнятся на истинныхъ послѣдователяхъ Христовыхъ? Конечно, вы читали въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, что *„всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ, и, преломляя по долямъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа“* (II, 44—47).

Такую то блаженную среди гоненій внѣшнихъ внутреннюю жизнь принесъ сегодня Господь обществу послѣдователей Своихъ вообще и сердцу каждаго изъ нихъ въ частности. Какую же тайну открылъ онъ намъ въ день сей? — Чему именно научилъ насъ? Явленіемъ ли св. Троицы просвѣтилъ насъ? Конечно, это великая и святая истина, но она и раньше раскрывалась людямъ, въ Благовѣщеніи, а впослѣдствіи уже не одному Крестителю, но многимъ сообщалась въ прощальной бесѣдѣ и въ Пятидесятницу. Или, быть можетъ, день Крещенія великъ потому, что онъ былъ началомъ проповѣди евангельской? Нѣтъ, за нимъ вѣдь слѣдовало сорокадневное уединеніе.

Великъ, онъ братіе, потому, что нынѣ Господь открылъ тайну возрожденной, новой жизни, тотъ духъ ея, котораго никогда не зналъ естественный міръ. Эта тайна, этотъ духъ есть духъ самоуничиженія и смиренія, исполненнаго любви. Смотрите, насколько онъ противоположенъ духу міра: дѣятель мірской, выступая на дѣло свое, прежде всего старается заявить о своихъ достоинствахъ, о своихъ правахъ; онъ спѣшитъ убѣдить всѣхъ въ томъ, насколько онъ далекъ отъ людей злыхъ и невѣжественныхъ, насколько близокъ къ людямъ уважаемымъ. Затѣмъ, если онъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которые желаютъ служить благу ближнихъ своихъ, онъ обращается къ нимъ,—какъ учитель-ли или ученый, или правитель, даже, какъ отецъ семьи своей, все-таки всегда сверху внизъ, съ постояннымъ сознаніемъ и напоминаніемъ своего превосходства, своего добровольнаго подвига, приближающаго его къ людямъ, ниже его поставленнымъ въ умствен-

номъ, или нравственномъ или общественномъ положеніи.—Конечно, еслибъ эти послѣдніе всегда со всею ясностью разумѣли свою духовную пользу, то подчинялись-бы и такимъ наученіямъ, лишь-бы были они разумны; но въ томъ-то и заключается главная помѣха къ общему и личному благополучію и совершенствованію, что въ сердцахъ человѣческихъ глубже всѣхъ прочихъ чувствъ коренится гордость, ради которой люди готовы бываютъ отвернуться отъ разумнѣйшаго предостереженія, отвергнуть очевидную пользу, лишь-бы не подчиняться другому человѣку, лишь-бы не уступить своего предубѣжденія, не показать своего предпочтенія правды ближняго предъ своею неправдой. Вотъ почему они ненавидѣли мудрыхъ преобразователей, изгоняли ученыхъ, отвергали открытія: предъ ними вся польза нововведеній затѣнялась личностью дѣятеля, поступиться собой предъ другимъ препятствовала имъ естественная гордость.

Что наблюдается въ жизни общественной, тоже происходитъ и въ жизни личной. Первымъ условіемъ нашего внутренняго исправленія должно быть *окаяваніе себя*, признаніе своего глубокаго паденія, своего нравственнаго безобразія, какъ это сдѣлалъ приточный мытарь и блудный сынъ. Но и этого не хочетъ исполнить гордый человѣкъ: онъ всегда старается оправдывать себя, признать лучшимъ, чѣмъ другіе, онъ создалъ себѣ мерзкія божества, вреднѣйшія, чѣмъ всякіе Ваалы и Астарты, и назвалъ ихъ благородною гордостью, благороднымъ самолюбіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства, личною честью. Онъ намѣренно закрываетъ глаза свои предъ своими пороками, а потому и остается въ плачевномъ положеніи того недужнаго, который считаетъ себя здоровымъ, или слѣпца, почитающаго себя зрячимъ.

И вотъ, когда въ такомъ ослѣпленіи и горделивомъ взаимномъ отчужденіи коснѣли всѣ люди, когда мудрѣйшіе изъ нихъ торжественно признали безсиліе всякихъ средствъ къ умиротворенію и усовершенію жизни, и только сыны народа Божія, сохранявшіе еще жажду исправленія, окружали священнаго пророка въ пустынѣ, спрашивая его: „Что намъ дѣлать?“ въ эту годину печали и тьмы явился свѣтъ смиренія Христова. Онъ не пошелъ къ величавшимся земнымъ владыкамъ и ложнымъ мудрецамъ, но сталъ среди этихъ паломниковъ пустыни и преклонилъ главу Свою предъ Крестителемъ, какъ-бы нуждающійся въ очищеніи.

О люди! какъ бы говорилъ Онъ: не бойтесь признать себя ничтожными, павшими; не превозноситесь одинъ предъ другимъ, не заявляйте о своемъ превосходствѣ ко взаимному досажденію. Смотрите, Я, святой и предвѣчный Сынъ Божій,

котораго присно воспѣваютъ серафимы, Я не только не гнушаюсь вашего общенія, но готовъ быть признанъ за подобнаго вамъ искателя очищенія! Идите-же за Мною къ проповѣднику покаянія, а потомъ придите ко Мнѣ *„и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ“* (Мѳ. XI, 29).

При такихъ словахъ, братіе, поднимается наше сердце: оно уже не влечетъ насъ на борьбу, на отстаиваніе себя предъ Тѣмъ, Кто заранѣе Себя унизилъ предъ всѣми, Кто не укоряетъ насъ Своимъ превосходствомъ, Кто „безъ огня изваряетъ и назидаетъ безъ сокрушенія“. Мы съ отвращеніемъ выбрасываемъ застарѣлую въ насъ гордыню, взирая на Божественный Его Ликъ, преклоненный подъ руку раба, и сразу проникаемся ощущеніемъ новой жизни.—Какъ лодка, освободившаяся отъ тяжелаго груза, свободно возносится духъ нашъ надъ житейской борьбой. Мы не боимся за каждый шагъ нашей жизни, не боимся, что насъ не уважутъ, обойдутъ, осмѣютъ. То сочувствіе ближнимъ нашимъ, которое робко пряталось за это опасливое самолюбіе и, быть можетъ, ни разу еще не могло обнаружить себя, теперь безпрепятственно распростираетъ свои братскія объятія къ людямъ. Наша вѣра въ Бога, которая прежде проникала насъ почти враждебнымъ страхомъ за свое будущее, теперь, освободясь отъ стѣснявшей ее гордыни нашей, въ духовномъ восторгѣ мысленно влечетъ насъ на Іорданъ. Мы смотримъ на смирившагося Христа и, изливая предъ Нимъ умиленныя слезы, въ то же время оплакиваемъ свое прежнее заблужденіе. Зачѣмъ, о, зачѣмъ отравляли мы сами свою жизнь? зачѣмъ, вдавая себя предразсудкамъ самолюбія, строили сами для себя темницу духовнаго одиночества среди ближнихъ нашихъ? зачѣмъ, ненавидя въ душѣ кощунство или развратъ, служили имъ для того, чтобы не потерпѣть насмѣшекъ и уколовъ самолюбію? зачѣмъ скрывали святую любовь изъ ложнаго стыда, похваляясь предъ другими дѣлами, достойными ужаса и посмѣянія?

Теперь открылись наши умственныя очи: мы видимъ, что въ томъ и заключается истинное величіе человѣка, чтобы не бороться за свое превосходство, но уничижать себя предъ всѣми, богатѣть не превозношеніемъ, но состраданіемъ, не похвалами другихъ, но любовію къ другимъ. Вотъ въ чемъ явилось *единственное новое подъ солнцемъ*, вотъ въ чемъ исправленіе жизненной кривизны, вотъ кому изъ униженныхъ жизнью дается истинное утѣшеніе, вотъ въ чемъ тайна крещенія Господня! „Крещается Христосъ и восходитъ изъ воды, совозводитъ съ Собою міръ“.

Не одни пророки со Крестителемъ ликовали и ужасались

предъ этимъ священнымъ событіемъ: даже мертвая природа не могла пребывать въ своемъ естественномъ покоѣ при видѣ того, какъ разрушенъ былъ установившійся въ ней законъ человѣческой гордыни. Іорданъ убоялся приблизившагося Владыки, воды Его готовы были ринуться прочь отъ входившаго въ нихъ Богочеловѣка; небо разверзлось надъ Нимъ и, во время торжественнаго свидѣтельства Отца и Святаго Духа, страшные Херувимы и Серафимы, закрывая въ священномъ трепетѣ свои лица, служили Крещаемому, воспѣвая Его Божественную славу. „Крещается Христосъ съ нами, Иже всякія вышнія чистоты и всѣмъ просвѣщеніе даруетъ... дланію раба рукополагаемый и страсти міра исцѣляетъ“.

Исцѣленіе это и просвѣщеніе Господь даруетъ всѣмъ, по Немъ шествовати хотящимъ, но сугубую истину и сугубый разумъ открываетъ Онъ чрезъ Свое крещеніе тѣмъ, которые желаютъ служить ближнимъ своимъ, воспитывать дѣтей своихъ или чужихъ, или управлять своими согражданами или пасомыми. Только тѣ изъ этихъ послѣднихъ будутъ истинными друзьями людей, будутъ мощными повелителями сердецъ, будутъ дѣйствительными усовершителями содержанія жизни общественной, которые возьмутся за дѣланіе свое такъ же, какъ открылъ Христосъ Спаситель Свое служеніе міру, — которые распнутъ себя, уничижать себя въ сердцѣ своемъ и въ умѣ своемъ, которые напишутъ на своей совѣсти обѣтъ—служить не своей чести или славѣ, а самоотверженной любви въ смиреніи; для которыхъ будутъ чужды радости прославленія и преклоненія, но которые будутъ знать только одну радость, чтобы дѣти ихъ ходили въ истинѣ, какъ говоритъ Божественный Апостолъ; которые не будутъ стремиться къ господству и своими прихотями требовать подчиненія, но будутъ чувствовать такъ, какъ другой Апостолъ, сказавшій: „будучи отъ всѣхъ свободенъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсть... Для всѣхъ я былъ всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. IX, 19—23). Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?“ (2 К. XI, 29).

Для такихъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ не будетъ житейскихъ разочарованій, какъ для Екклезіаста: ихъ слова и дѣла будутъ жечь человѣческое сердце, жизнь заволнуется вокругъ нихъ, все доброе укрѣпится и возстанетъ на борьбу со зломъ; все потемненное грѣхомъ, но не сроднившееся съ нимъ всецѣло, увидѣвъ въ такомъ посланникѣ полное отсутствіе укора или унижающаго превозношенія, раскается и преклонится предъ нимъ, а все озлобленное въ конецъ, сознательно ненавидящее правду, будетъ обличено и

выдѣлено, и если подниметъ съ двойною злобою возстаніе на истину и даже умертвитъ ея носителя, то все же не уничтожитъ дѣла его, но только прославитъ послѣднее, какъ это было со св. мучениками.

Таковъ, братіе, новый путь жизни общественной и личной, открытый намъ въ тайнѣ крещенія Христова. „Гласъ Господень на водахъ вопіетъ, глаголя: пріидите, пріимите вси духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, явльшагося Христа“. Можемъ-ли мы принять духа сего? Можемъ-ли принять Христа? Богата Его трапеза, обиленъ даръ. Но если ты колеблешься, какъ богатый юноша, если еще не рѣшился отнынѣ жить духомъ служенія и самоуничиженія, чтобы пріобрѣсть истинное благо жизни, то все же преклони главу свою предъ Христомъ и скажи Ему, какъ хананеянка: „Господи, я недостойна трапезы сыновъ Твоихъ, но не лиши меня хотя тѣхъ падающихъ съ нея крохъ, которыя подбираютъ псы“. *И онъ отвѣтитъ тебѣ: „блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся“. Аминь.*

СЛОВО

на день восшествія на престолъ Государя Императора [1]).

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, прошенія, молвнія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за вся, яже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе пожиземъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 1—3).

Эти слова Св. Писанія, которыя собрали насъ сегодня на общую молитву за возлюбленнѣйшаго Государя нашего, научаютъ насъ, братіе, той истинѣ, что общественное благоустройство и общенародный, для всѣхъ вожделѣнный, миръ находится въ тѣснѣйшей зависимости не отъ одной только гражданской доблести облеченныхъ властью лицъ, но и отъ свойствъ ихъ нравственной, внутренней жизни, отъ ихъ моленій, прошеній, благодареній.

Строй государства языческаго рѣзко раздѣлялъ внутреннюю жизнь каждаго гражданина отъ его общественныхъ обязанностей и вполнѣ довольствовался, если въ этихъ послѣд-

[1]) Произнесено 21 октября 1896 г. въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ на литургіи; въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Дѣятель“ 1896 г., № 11-й.

нихъ граждане руководятся началомъ внѣшней видимой законности, нисколько не стараясь о томъ, чтобы различать добро и зло по существу, чтобы воздавать людямъ, кромѣ справедливости еще и любовь и состраданіе. Единственнымъ сильнымъ побужденіемъ или точнѣе понужденіемъ къ исполненію своихъ обязанностей всѣмъ служило тогда начало отвѣтственности или напротивъ поощренія; а естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка явилось то, что даже внѣшняя-то справедливость сохранялась лишь постольку, поскольку была связана съ такою отвѣтственностью. Всѣ дѣла государственныя, особенно-же дѣла судебныя, разсматривались правителями не съ той стороны, чтобы усмотрѣть въ нихъ сущую правду или общую пользу, а съ той, какимъ образомъ такое или иное рѣшеніе отзовется на участи, на благополучіи самаго правителя или судіи: похвалитъ-ли его за такое рѣшеніе его начальникъ, понравится-ли оно толпѣ народной, которая тоже имѣла вліяніе на участь государственныхъ лицъ. Интересовались и тѣмъ, чтобы иногда показать въ дѣлахъ свой произволъ и безнаказанность, дабы устрашить всѣхъ силою своей власти; иногда мудрили, чтобы представить себя хитрыми и потому опасными для своихъ враговъ людьми. Однимъ словомъ, сообразно съ устройствомъ всего государственнаго порядка, всѣ правительственныя лица сосредоточивали заботы только надъ собою, только о томъ и старались, чтобы избѣжать отвѣтственности предъ начальствомъ и предъ толпою, чтобы получить отъ того и отъ другой какъ можно больше поощреній, такъ что всѣ ихъ слова и дѣла, предпринимаемыя ими, имѣли только эту себялюбивую цѣль, а ихъ должность и вообще всѣ народныя нужды, къ нимъ обращенныя, являлись только средствомъ для такой цѣли. Подобное положеніе вещей въ противовѣсъ съ порядкомъ жизни христіанской съ поразительною живостью изложено въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, при описаніи допросовъ Св. Апостола Павла римскими правителями Феликсомъ, Фестомъ и царемъ Агриппой. Всѣ они говорятъ пышныя слова о справедливости, всѣ хвалятся другъ другу своими заботами о благѣ народномъ, о защитѣ угнетенныхъ, а на самомъ дѣлѣ стараются нажить неправедную мзду, угодить толпѣ народной, выслужиться предъ правительствомъ своею ложью, и потому оставляютъ въ позорныхъ узахъ Того, Котораго недостоинъ былъ ни ихъ горделивый, безбожный Римъ, ни даже весь міръ. Клевеща на святого, и восхваляя другъ друга, они влачили изъ города въ городъ этого свѣтильника вселенной, какъ бы творя судъ во имя законности и справедливости, а на самомъ дѣлѣ повергая самихъ себя вѣчному осужденію, какъ враговъ истины, враговъ Божіихъ.

Мы сказали, что этотъ строй жизни былъ противоположенъ строю христіанскому. Въ какомъ отношеніи? О, эта противоположность поражаетъ насъ на первыхъ же строкахъ повѣствованія Дѣписателя. Насколько лживы, льстивы и напышены слова и дѣла римлянъ, настолько прямы и дерзновенны отвѣты и поступки блаженнаго Апостола. Онъ далекъ отъ самой мысли добиться свободы чрезъ подарокъ или льстивое слово, онъ бодро идетъ въ заключеніе неправедное и спокойно пускается въ далекое плаваніе на новый судъ къ нечестивому царю.

Но это все еще не столько поражаетъ насъ, братіе, сколько то слово его, которое начертываетъ онъ послѣ всѣхъ этихъ истязаній къ своему любезному ученику и духовному сыну Тимоѳею: „*молю прежде всѣхъ творите молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за вся, иже во власти суть*“. Дивное завѣщаешь Ты, божественный Павелъ! тамъ нечестіе, а здѣсь молитва, тамъ хищеніе, а здѣсь благодареніе, тамъ лесть, а здѣсь благочестіе и чистота, тамъ завистливая и злостная борьба за власть, за преобладаніе, а здѣсь тихое и безмолвное житіе.

Поистинѣ, не знаемъ, чему болѣе удивляться, высотѣ-ли жизни христіанъ того времени или тому, какъ эта святая жизнь могла умѣщаться въ развращенномъ, безбожномъ царствѣ римскомъ, да притомъ не только умѣщаться, но даже не враждовать противъ послѣдняго, даже пользоваться нѣкоторыми его условіями, чтобы укрѣпляться въ благочестіи и чистотѣ.

Это тѣмъ непонятнѣе для насъ, братіе, что мы постоянно оправдываемъ свое нерадивое, нехристіанское отношеніе къ ближнимъ ссылками на житейскую неправду; мы указываемъ со злорадствомъ нѣсколько извѣстныхъ намъ случаевъ, когда боровшіеся за правду и добро дѣятели терпѣли отъ своихъ начальниковъ; мы съ злобною горечью припоминаемъ и такія явленія, когда люди недостойные и нечестные были награждаемы властью и получали высшія полномочія. „Такія явленія должны насъ научить, говоримъ мы обыкновенно, должны научить относиться къ нашему служебному долгу чисто внѣшнимъ образомъ, соблюдая въ немъ лишь внѣшнюю законность, дабы никто не могъ къ намъ придраться и обвинить насъ. Не можемъ мы не руководиться и мыслію объ отвѣтственности предъ начальникомъ, взамѣнъ даже дѣйствительной пользы дѣла, потому что всѣ, слишкомъ прямо служившіе истинѣ, наживали только огорченія и служебныя непріятности“. Вотъ въ виду такого-то самооправданія мы и вспомнили порядки древняго Рима и подвиги св. Апостола. Пусть и въ наше время остается много неправды въ устроеніи земного, гражданскаго

общежитія: но вѣдь какъ бы далеко ни заходили мы въ печальной русской привычкѣ клеймить укоризнами отечественные порядки, все-же ни одинъ, сколько-нибудь правдивый и разумный человѣкъ не станетъ опровергать той истины, что строй царства римскаго былъ безъ сравненія грѣховнѣе, порочнѣе, лживѣе всякаго христіанскаго государства. И вотъ смотрите: съ тѣмъ строемъ входитъ въ соприкосновеніе общество святыхъ и святѣйшій Апостолъ; обличаютъ они лживыхъ судей, но повинуются суду; скорбятъ о недостойныхъ правителяхъ, но молятся за всѣхъ, кто во власти, дабы жить безмятежно, благочестиво, чисто.

Изъ этого сопоставленія нельзя не убѣдиться, братіе, въ томъ, что оправдывающіе свое нерадѣніе къ общественному благу ссылкою на неправые порядки прежде всего виноваты сами въ холодности къ участи ближнихъ своихъ и своего отечества; въ этомъ убѣдимся мы еще непоколебимѣе, если присмотримся поближе къ нимъ и вообще къ современнымъ обличителямъ общественнаго строя. Дѣйствительно, пусть бы они такъ извиняли свое равнодушное отношеніе къ дѣламъ служебнымъ, но вѣдь они тѣ-же извиненія приводятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ призываютъ къ какому-либо доброму начинанію, не касающемуся ни ихъ службы, ни ихъ служебныхъ отношеній. Приводить такія извиненія любятъ и тѣ современные люди, которые совершенно независимы отъ какого-либо казеннаго учрежденія, люди совершенно свободные и по званію своему, и по имущественному состоянію. „Да развѣ можно что-нибудь доброе устроить при нашихъ старинныхъ порядкахъ“, кричатъ они, нетерпѣливо отмахиваясь отъ благихъ предпріятій и стараясь воспользоваться случаемъ, чтобы перейти къ трескучимъ толкамъ о нашемъ, якобы, неблагоустройствѣ.

Не къ нимъ, конечно, простирается и сіе слово наученія, ибо ихъ никогда и въ храмѣ Божіемъ не бываетъ, да и чувства ихъ настолько чужды всякаго благожелательства, настолько пріучены къ тому только, чтобы возбуждаться раздраженіемъ и осужденіемъ, что, если бы они и прикоснулись къ доброму дѣлу, то развѣ напортили бы только, внеся въ него самолюбіе, ссору, недоброжелательство. Не къ нимъ, братіе, а къ намъ, вѣрнымъ слугамъ престола, сіе предостереженіе. Будемъ помнить, что примѣръ древнихъ христіанъ воспрещаетъ намъ всякое извиненіе своей холодности къ общественному благу ссылками на несовершенство правленія или правителей, отъ коихъ зависимъ мы. Будемъ помнить и то, что лишь тогда можемъ мы подняться на совершенное исполненіе своего долга, взамѣнъ только видимой правоты, если не будемъ

раздѣлять жизни служебной отъ жизни внутренней, отъ христіанской совѣсти, исполняя дѣло свое съ молитвами, моленіями и благодареніями, не страшась преслѣдованія за правду, не ища похвалы отъ людей, но хвалясь крестомъ Христовымъ, т. е. радуясь о всякомъ страданіи, переносимомъ за Его правду. Будемъ помнить, что грѣшный человѣкъ, поставленный во главѣ учрежденія или дѣла общественнаго, лишь въ томъ случаѣ можетъ вносить въ жизнь умиротворяющій, тихій свѣтъ состраданія и надежды, если къ внѣшней законности своихъ поступковъ прибавить сердечное, самоотверженное участіе къ тѣмъ, кто отъ него зависитъ, если будетъ работать не надъ бумагами только, но и надъ своимъ нечистымъ сердцемъ, очищая его воздержаніемъ, молитвой и мыслью о будущемъ судѣ, всѣми тѣми средствами, о которыхъ Павелъ говорилъ судьѣ Феликсу; но тотъ *„пришелъ въ страхъ и отвѣчалъ: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя“* (Дѣян. XXIV, 25).

Но, если и на все сіе не хватаетъ еще у насъ достаточнаго усердія и мужества, то начнемъ хотя-бы съ меньшаго и вспомнимъ о томъ, что помимо служебной области есть область другихъ общественныхъ отношеній, то тихое и безмолвное житіе, которое было принесено въ міръ христіанствомъ, какъ царство не отъ міра сего, та область благочестія и чистоты, гдѣ за добрыя дѣла никто не укоритъ и не остановитъ. Вотъ что говоритъ блаженный Апостолъ объ этихъ отношеніяхъ: *умоляемъ также васъ, братіе, вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ, будьте долготерпѣливы ко всѣмъ. Смотрите, чтобы кто кому не воздавалъ зломъ за зло, но всегда ищите добра и другъ другу, и всѣмъ. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Іисусѣ. Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошаго держитесь. Удерживайтесь отъ всякаго рода зла“* (1 Сол. V, 14—22).

Видите, сколько даровъ можемъ мы приносить Богу и ближнимъ. Вступимъ въ эту область новыхъ отношеній Новаго Завѣта. Тогда новую жизнь будемъ мы вносить и въ строй отношеній служебныхъ, тогда къ сегодняшнему благодаренію и моленію за Царя нашего приложимъ и истинную жертву любви къ нему. Аминь.

СЛОВО

въ день открытія Святыхъ Мощей Святителя Ѳеодосія Черниговскаго [1]).

Днесь радостью великою радуется святая Церковь и небесная и земная. Радуется Господь, ввѣрившій десять талантовъ вѣрному рабу Своему, св. Ѳеодосію, и нынѣ поставившій его не надъ десятью городами, а на одномъ изъ небесныхъ престоловъ для ходатайствованія о кающихся и свидѣтельства противъ нечестивыхъ.

Радуются ангелы, пророки, апостолы и всѣ святые о томъ, что вѣрный рабъ вошелъ въ радость Господа своего. Ликуютъ и люди, праведные и грѣшные, и счастливые въ Богѣ, и нищіе міра.

Радуются они и тому, что имъ дарованъ новый предстатель, и тому, что въ недавнее еще грѣшное время Господь повелѣлъ жить на землѣ святому человѣку.

Но еще высшую радость, братіе, чувствуемъ всѣ мы по поводу событія дня сего, когда слышимъ вновь дерзновенный гласъ Церкви, вѣщающій намъ откровеніе воли Божіей, властно свидѣтельствующей намъ о святости своего сына, своего столпа. Отнынѣ всѣ, сподобившіеся чудесной помощи отъ Святителя, а равно и чающіе отъ него исцѣленій и предстательства, будутъ призывать святого мужа уже не въ стѣсненной заупокойными прошеніями молитвѣ, но съ умиленнымъ восторгомъ повторять дерзновенныя, просительныя и прославительныя пѣснопѣнія матери Церкви къ святому угоднику. Съ сугубымъ довѣріемъ и уваженіемъ будемъ мы взирать нынѣ и на ея предстоятелей, съ сугубой любовью будемъ благоговѣть предъ Церковью помѣстной, съ сугубой вѣрой будемъ исповѣдывать истину о Церкви православной вселенской, созерцая воочію ея дерзновеніе къ Богу, ея близость къ Главѣ своей и слову Его: *„дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“* (Матѳ. XVI, 19).

Внидемъ же всѣ въ радость Господа! опять предъ нами открывается жизнь Его Церкви, Его живого духовнаго тѣла, какъ во времена прежнія. Опять всѣ мы, искренно молящіеся Ему во всемъ мірѣ, чувствуемъ себя объединенными во единомъ упованіи званія нашего, не странными и пришельцами, но сожителями святыми и присными Богу. Такъ во единое

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Правосл. Собесѣдникъ“, 1896 г., ноябрь.

дружное стадо собираетъ насъ блаженный и святый Ѳеодосій, являющійся по смерти своей пастыремъ вселенной, ибо не одной только своей паствѣ, но и всему вѣрующему міру предстоитъ нынѣ его нетлѣнный ликъ, призывая всѣхъ къ надеждѣ будущихъ благъ.

Поистинѣ, когда въ день сего великаго событія его прославленія мы представимъ себѣ колѣнопреклоненныя сотни тысячъ исцѣляемыхъ больныхъ, обращающихся невѣрныхъ, ликующій градъ, то сколь ясно сознаемъ превосходство жизни духовной предъ земною, какъ блѣднѣютъ въ глазахъ нашихъ прелести міра — богатство, слава, попеченіе о плоти и всѣ прочія приманки, удалявшія насъ отъ Бога и отъ попеченія о душѣ. Близкимъ намъ представляется небо, близкою Божественная помощь, воздаяніе и судъ.

Такой высокій подъемъ духовной жизни испытываемъ мы, братіе, въ событіи прославленія Угодника. Но еслибъ вы пожелали научиться частнѣйшимъ добродѣтелямъ чрезъ подражаніе вѣрѣ его и жизни, то и въ такомъ духовномъ дарѣ не отказалъ бы вамъ новоявленный чудотворецъ. Правда, при чтеніи краткихъ свѣдѣній о житіи его, сохраненныхъ намъ современниками, мы, пожалуй, не найдемъ сразу чего либо особенно назидательнаго. Узнаемъ мы, что св. Ѳеодосій жилъ во второй половинѣ XVII-го столѣтія, учился въ Кіевской Академіи, управлялъ затѣмъ Кіевскимъ Выдубецкимъ монастыремъ, а потомъ былъ помощникомъ епископа черниговскаго, въ епископскомъ же санѣ, который воспріялъ чрезъ рукоположеніе патріархомъ Адріаномъ и наконецъ, не за много лѣтъ до собственнаго преставленія, былъ возведенъ на каѳедру архіепископовъ черниговскихъ, въ каковомъ званіи и переселился въ міръ горній, въ не старомъ еще возрастѣ. Знаемъ еще, что его Архипастырь, преосв. Лазарь, такъ опредѣлилъ его богоугодный нравъ: „мужъ благій, украшенный добродѣтелями монашеской жизни, которую ведетъ съ молодыхъ лѣтъ... исполненъ страха Божія и духовной мудрости“. Сказать просто, житія Святителя Ѳеодосія и не сохранилось, а имѣются лишь свѣдѣнія о томъ, какія должности онъ проходилъ.

Но насколько смиренно и малоизвѣстно житіе его, настолько же многосодержательно и свято. Насколько неизвѣстна его земная жизнь, настолько велика слава его по преставленіи. Такъ, ближайшій преемникъ служенія его, архіепископъ черниговскій Іоаннъ Максимовичъ вскорѣ послѣ погребенія святого исповѣдалъ всѣмъ его чудесную помощь себѣ и, прославивъ его какъ святого, оставилъ надпись съ молитвеннымъ призываніемъ имени св. Ѳеодосія. Послѣ сего вскорѣ начались исцѣленія отъ его гроба, и вотъ цѣлыхъ 200 лѣтъ не оску-

дѣваютъ они отъ святыхъ мощей Угодника, уже давно изъятыхъ изъ нѣдръ земли и торжествующихъ надъ законами бреннаго естества своимъ чудеснымъ нетлѣніемъ, привлекая тысячи богомольцевъ отъ „конецъ“ земли.

Итакъ, въ чемъ нарочитая назидательность житія его? Въ исполненіи на немъ евангельскаго слова: *„царство небесное подобно зерну горчичному,.... которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и скрываются въ вѣтвяхъ его“* (Матѳ. XIII, 31, 32). Слова эти, братіе, въ своемъ примѣненіи къ жизни св. Ѳеодосія имѣютъ особо важное значеніе для указанія истиннаго пути жизни сынамъ современности—для примиренія ихъ съ жизнію, которою они обыкновенно бываютъ такъ недовольны.

Есть два взгляда на жизнь: при одномъ взглядѣ человѣкъ цѣнитъ послѣднюю по ея внутреннему, нравственному достоинству, не заботясь ни о внѣшнемъ положеніи своемъ, ни о томъ, что говорятъ о немъ другіе,—лишь бы достойно и нелицемѣрно преуспѣвать въ исполненіи принятаго служенія. Наградой за трудъ является тогда созерцаніе растущаго около дѣятеля добра; наградой за трудъ пастырскій — общее спасеніе. Таково очевидно было отношеніе къ своей дѣятельности новоявленнаго святого. Онъ не старался о сохраненіи памяти дѣлъ своихъ для грядущихъ поколѣній и не былъ знаменитъ среди современниковъ, но смотрите, какъ глубоко было вѣяніе его святой жизни, его духа на окружающихъ: одни сейчасъ послѣ смерти его называютъ святымъ, другіе, привыкшіе пользоваться его любовію при жизни, не хотѣли и по смерти прекратить свои прошенія къ нему и взамѣнъ совѣтовъ и милостыни получаютъ благодатныя исцѣленія и утѣшенія. И вотъ, чѣмъ болѣе прошедшее отходитъ въ область забвенія, чѣмъ болѣе меркнутъ и блѣднѣютъ облики современныхъ св. Ѳеодосію дѣятелей, знаменитыхъ и славныхъ въ мірѣ семъ, дѣятелей столь много заботившихся объ увѣковѣченіи своей памяти: тѣмъ болѣе возрастаетъ слава святого мужа, живущаго среди насъ и по смерти, предлежащаго нетлѣнно взорамъ молящагося народа и ставшаго близкимъ для всякаго, независимо отъ временъ и пространства. Не такъ складывается жизнь дѣятелей, намъ современныхъ. Очень немногіе изъ нихъ ищутъ *„славы, которая отъ единаго Бога“* (Іоан. V, 44), а большинство, прежде чѣмъ начнутъ свое дѣланіе, уже безпокоются о томъ, будутъ ли они достойно прославлены на землѣ и знамениты. Ихъ умъ и сердце обращены не на свое послушаніе, не на данный имъ отъ Бога жребій,

но или вверхъ, на стоящихъ у власти, или вширь—на толпу, на повременную печать. А такъ какъ и предъ начальствомъ, и предъ общественнымъ мнѣніемъ они встрѣчаютъ соперниковъ, то жизнь ихъ, и безъ того суетная и безпочвенная, становится сугубо-смущенною, праздною гоньбой за повышеніемъ, знатностью, богатствомъ, — самое же дѣло имъ порученное, является лишь средствомъ къ достиженію этихъ соблазнительныхъ благъ земныхъ. Конечно, искусственно поддерживаемое благоволеніе властей, или извѣстность, не прочны, и вмѣсто наслажденія доставляютъ лишь вѣчную неутомимую тревогу, побуждаютъ къ безчестнымъ поступкамъ, къ безславной борьбѣ, къ небратолюбивому соперничеству; истинный долгъ службы забывается и попирается окончательно; порученное дѣло, иногда святое и великое, остается въ небреженіи, нуждающіеся въ полномочной помощи забытыми. Подобныя явленія, наблюдаемыя въ жизни у дѣятелей государственныхъ, и ученыхъ, и писателей, и учителей, оставляютъ тройное сожалѣніе: во-первыхъ, страхъ за участь злыхъ виноградарей, во-вторыхъ, печаль о попираемомъ вертоградѣ, а въ третьихъ, жалость о томъ, что люди въ погонѣ за земнымъ счастьемъ оставляютъ вслѣдъ за собой самое счастье, становятся неспособными понять, что всякая общественная дѣятельность, исполняемая отъ чистаго сердца, даетъ труженику гораздо больше радости, чѣмъ погоня за богатствомъ и славой. На землѣ еще онъ сродняется съ дѣломъ своимъ и порученными ему людьми, какъ съ родной семьей, а на небѣ уготовляется ему вѣнецъ правды. Его величіе не бываетъ предметомъ зависти, какъ при мірскомъ соперничествѣ, но всѣ приимаютъ участіе въ славѣ избранника Божія.

Наиболѣе поразительно исполняется это на тѣхъ, которыхъ Господь прославилъ святостію. Вѣнчается одинъ, но въ немъ награждаемся всѣ мы, молящіеся одному. Въ противоположность мірскому здѣсь, чѣмъ болѣе стремленій, чѣмъ болѣе просящихъ, тѣмъ болѣе и дарованій. „Любочестивъ бо сый Владыка и оному даетъ и сему дарствуетъ, и дѣла пріемлетъ и намѣреніе цѣлуетъ“. Внидемъ же всѣ въ радость Господа! Забудемъ въ день сей нашу мірскую борьбу, зависть и честолюбіе и обратимся умомъ и сердцемъ къ нравственному облику новоявленнаго святого мужа. Будемъ просить его помощи въ нуждахъ нашихъ, а того паче въ томъ, чтобы отклонить нашъ жизненный путь отъ началъ суетнаго тщеславія и своекорыстія къ началамъ чистоты и смиренія по образу св. Ѳеодосія. Аминь.

СЛОВО

въ Великій Четвергъ о любви къ ближнимъ [1]).

Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами (Лук. XXII, 15).

Среди печальныхъ воспоминаній Страстной седмицы одинъ только нынѣшній день, четвертый, преизобилуетъ событіями и воспоминаніями — не то чтобы совсѣмъ радостными, но утѣшительными. Въ этотъ день мы, слушатели евангельскихъ чтеній и пѣснопѣній церковныхъ, нѣсколько отвлекаемся отъ мрачныхъ картинъ іудейской злобы на Спасителя и вводимся въ горницу Сіонскую, зримъ Христа среди друзей Его, слышимъ глаголы любви Его, внимаемъ тому, какъ Онъ, „*возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ*“ (Іоан. XIII, 1).

Сообразно съ болѣе свѣтлыми евангельскими воспоминаніями, и храмы Божіи, и напѣвы церковные, и составъ службы въ день сей принимаютъ видъ и духъ праздничный. Не скорбь, а тихая, примиряющая надежда и смиренное благодареніе вселяются въ наши сердца: мы преклоняемся въ сознаніи собственной немощи предъ величіемъ любви Христовой, которая и въ эти страшные дни, почти въ самый часъ преданія, восторжествовала надъ ужасною скорбью оклеветанія, заушеній, оплеваній, распятія и смерти, — восторжествовала настолько, что могла во всей божественной красотѣ, съ отеческою нѣжностью излиться на учениковъ Христовыхъ. Сія-то торжествующая любовь и есть причина церковной радости во дни скорбей. Вотъ Господь устрояетъ ученикамъ праздничную вечерю, умываетъ имъ ноги, какъ послѣдній рабъ; Онъ говоритъ имъ объ общей ихъ измѣнѣ, но сейчасъ же прощаетъ имъ ихъ немощь и Самъ же утѣшаетъ ихъ въ томъ, что Онъ ими же будетъ оставленъ. Вы оставите Меня одного, но Я буду не одинъ—Отецъ со Мною; итакъ, имѣйте во Мнѣ миръ, но не впадайте въ отчаяніе отъ своей немощи: Я буду ждать васъ по воскресеніи въ Галилеѣ.—Господь называетъ ихъ чадцами, называетъ друзьями, завѣщаетъ любить другъ друга—и, войдя въ садъ Геѳсиманскій, когда уже приближался къ Нему предатель, молится небесному Отцу, чтобы всѣ Его ученики и даже всѣ тѣ люди, которые увѣруютъ во Христа по слову ихъ,

[1]) Произнесено въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ; въ первый разъ напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ 1897 г., іюнь.

соединились вмѣстѣ, въ одно таинственное общеніе съ Нимъ и Отцемъ Его, подобно тому, какъ во Святой Троицѣ сохраняется вѣчное единство между Божескими Лицами.

Вотъ она святая, Божественная, Христова любовь; ей не страшна приблизившаяся позорная казнь; она не хочетъ сокрушаться о предстоящемъ сегодня плѣненіи со оружіемъ и дрекольми, о заушеніи въ домѣ нечестиваго первосвященника, о веревкахъ, о бичеваніи, о терновомъ вѣнцѣ, о поруганіи и страшномъ распятіи крестномъ. Она знаетъ только то, что пришли послѣдніе часы земного общенія съ немощными и непросвѣщенными, но чистыми сердцами учениковъ и вотъ она возгорается предсмертнымъ пламенемъ святой ревности о ихъ просвѣщеніи и гласитъ имъ о святомъ таинствѣ евхаристіи, учитъ ихъ смиренію, взаимной любви, надеждѣ на Бога, терпѣнію скорбей и утѣшенію отъ Святаго духа.

Не къ однимъ апостоламъ, братіе, но и ко всѣмъ намъ, христіанамъ, распростираетъ объятія свои любовь Божественнаго Спасителя нашего, грядущаго на вольную страсть: „*якоже азъ возлюбихъ вы, да и вы любите себе; о семъ уразумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*“ (Іоан. XIII, 35). Идя на страшную смерть и страсть, я всю душу Свою влагаю на любовь къ вамъ, какъ бы такъ говоритъ Господь: любите же и вы другъ друга, какъ Мои послѣдователи; такова Моя заповѣдь.—Да, братіе, заповѣдь крѣпкая, приказаніе властное, ибо скажите теперь, какая, хотя бы и самая лукавая, совѣсть можетъ освободить себя отъ такого долга любви, благотворенія, благоснисхожденія и самозабвенія?

Сказалъ бы я, что не нуждаюсь въ ближнихъ; довольно того, что, я самъ буду чистъ отъ лжи, безпутства и неправды; но препятствуетъ мнѣ примѣръ святѣйшаго Сына Божія, за правду Свою влекомаго на казнь, но все-же устремляющаго взоръ любви и слово утѣшенія къ ученикамъ и ученицамъ Своимъ.

Сказалъ бы я, что не могу благотворить людямъ, потому что они грубы, глупы и неблагодарны, что не оцѣнятъ любви; но и здѣсь евангеліе замыкаетъ уста мои, обнаруживая немощи, неразумѣніе и измѣну тѣхъ, къ кому была обращена нѣжная любовь Спасителя.

Наконецъ, сказалъ бы я то, что такъ любятъ повторять сыны нынѣшняго маловѣрнаго и нетерпѣливаго вѣка; сказалъ бы: мнѣ самому тяжко, скорби облегаютъ меня — ни любить, ни благотворить я не могу, а только быть любимымъ: самъ я нуждаюсь въ утѣшеніи—мнѣ не до другихъ.—Но, какимъ жгучимъ стыдомъ покроются слова эти, лишь только я вспомню

о тайной вечери, о прощальной бесѣдѣ, о словѣ утѣшенія къ Пречистой Матери, къ ученику со креста и къ покаявшемуся разбойнику!

Такъ, братіе, связанный и обвиненный Христосъ связалъ наши сердца, чтобы они не уклонялись „въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ". Онъ, Котораго не могъ оправдать двоедушный Пилатъ предъ Его врагами, отнялъ всякое оправданіе отъ нашего двоедушнаго сердца, если-бъ оно пожелало освободиться отъ узъ любви и самораспятія.

Чѣмъ болѣе, братіе, мы слышимъ, или читаемъ Евангеліе, или созерцаемъ въ церковной службѣ плѣненнаго Христа, тѣмъ болѣе становимся Его плѣнниками во исполненіе неложныхъ словъ Его: *„аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32).

Тяжела, братіе, жизнь того плѣнника, который не слушаетъ своего владыки: всякое непослушаніе его карается тяжкими побоями.— Плѣнъ духовный, плѣнъ сердца, можно, правда, освободить не отъ этихъ бичеваній, не отъ укоровъ просвѣщенной Евангеліемъ совѣсти, но отъ того, чтобы ощущать ея удары. Можно оглушить свое сердце, сдѣлать выю свою желѣзною и лобъ мѣднымъ, и самую совѣсть сожженною (Іез. III, 7; (Тим. IV, 2). Но знайте, братіе, что для слышавшихъ слово Божіе въ этомъ страшномъ ожесточеніи заключается единственное, не скоро пріобрѣтаемое, средство къ тому, чтобы освободить свой умъ отъ плѣненія въ послушаніе Христу (2 Кор. X, 5), ибо безъ этого страшнаго условія ваша совѣсть при каждомъ жестокомъ и небратолюбивомъ дѣлѣ вашемъ будетъ напоминать вамъ объ умовеніи ногъ, о садѣ Геѳсиманскомъ, о крестѣ и Голгоѳѣ, и Христосъ, плѣнившій сердце ваше, будетъ поражать его нѣмыми укорами, какъ въ ту ночь поразилъ Онъ отступившаго Петра воззрѣніемъ очей Своихъ.

Ей, Господи! Ты Своею святою жизнію, Своею всепрощающею любовію, Своимъ самозабвеніемъ навсегда осудилъ всякій грѣхъ, всякое себялюбіе! Хотя и тернистъ тотъ путь, по которому Ты зовешь насъ за Собою, но для слушателей Твоего Евангелія нѣтъ иного пути, кромѣ этого, или же пути сознательной погибели, по подобію предателя Іуды. Итакъ, мы не будемъ избѣгать Твоего плѣна, заключающагося въ храненіи любви другъ къ другу. Но Ты насъ укрѣпляй всегда Твоими святыми глаголами, которыми утѣшалъ учениковъ Своихъ въ день преданія. Да не смущается наше сердце, да вѣруемъ всегда во Отца и въ Тебя, да не убоимся скорбей міра, да не лишимся помощи Утѣшителя Духа, чтобы Онъ и намъ вспоминалъ всегда тѣ слова, которыя Ты говорилъ на землѣ!

Такова, братіе, да будетъ нынѣ исповѣдь нашихъ сердецъ и наша молитва къ страждующему за насъ и о насъ Спасителю. Возлюбимъ плѣнъ Его, возлюбимъ другъ друга отъ дня сего, и пусть эта любовь, не требующая благодарности и не знающая собственныхъ печалей, а только нужды ближнихъ нашихъ, начнетъ вселяться въ сердца насъ, поющихъ и воспѣвающихъ спасительную смерть Христову, дабы и мы, хотя бы ко днямъ приближенія смерти нашей, могли сказать съ апостоломъ: „*я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*“ (Римл. VIII, 38—39).

СЛОВО

предъ благодарственнымъ молебствіемъ по окончаніи III-го Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда [1]).

Господь помогъ намъ закончить совѣщательные труды наши въ навечеріе праздника Своего преславнаго Преображенія. Духовный смыслъ этого чудеснаго событія изъясненъ въ церковной пѣсни: „*На горѣ высоцѣ преображся Спасъ, верховныя имѣя ученики, преславно облисталъ есть, показуя, яко высотою добродѣтелей облиставше и божественнѣй славы сподобятся*“.

Ученики Христовы, удрученные, истомленные постояннымъ уничиженіемъ на землѣ своего Учителя, увидѣли въ день сей раскрытіе Его внутренней силы, Его неземной красоты и поняли, что эта красота, эта святыня не нуждается ни въ земной славѣ, ни въ чести, ни въ богатствѣ, что сама по себѣ она безконечно превосходитъ всякую земную красоту настолько, что всякій, проникнувшій однажды духовнымъ взоромъ своимъ въ эту небесную славу, не пожелаетъ уже больше земныхъ наслажденій, но воскликнетъ: „*Господи, добро намъ есть здѣ быти!*“

Отцы и братіе, да даруетъ Господь намъ всѣмъ многократно узрѣть въ благовѣстническихъ трудахъ нашихъ пре-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Правосл. Собесѣд.“ 1897 г., сентябрь.

ображеніе славы Его, прикасаться духомъ своимъ къ Его божественной жизни, видѣть *царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ*, бывать свидѣтелемъ умягченія злыхъ сердецъ, служителемъ возрожденія отпадшихъ, раскаянія грѣшныхъ, смиренія гордыхъ душъ, однимъ словомъ — созерцать то чудное измѣненіе человѣка, совершаемое словомъ благодати Божіей, которое подобно облачному осѣненію учениковъ на горѣ Ѳаворской.

Но знайте, братіе и отцы, что это раскрытіе силы Божіей въ насъ и въ слушателяхъ достигается не иначе, какъ путемъ страданій и ими же снова сопровождается. Не съ первыхъ дней удостоилъ Господь Своихъ учениковъ показать славу Своего Преображенія, но послѣ многократныхъ уничиженій Своихъ отъ людей. Уже неоднократно былъ Онъ укоренъ отъ фарисеевъ; Его чудеса бывали приписываемы силѣ бѣсовской; Его ревность о проповѣданіи была осмѣяна всенародно; въ Назаретѣ Его хотѣли низвергнуть со скалы. Немало наболѣли сердца учениковъ Его; Онъ увѣщеваетъ ихъ не стыдиться Его *въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ* и только тогда показываетъ имъ славу Свою на горѣ Ѳаворской. Но и послѣ сего событія немедленно напоминаетъ имъ о немощи человѣческой, о молитвѣ, о постѣ, о естественномъ ихъ маловѣріи, воспрепятствовавшемъ имъ исцѣлить бѣсноватаго отрока.

Эти-то огорченія, эти колебанія и эта потреба подвиговъ и вѣры, испытанныя учениками Слова, являются постоянными условіями жизни и преемниковъ ихъ, и всѣхъ вообще христіанъ, проводящихъ духовную жизнь. Одушевляемые ревностью о славѣ Божіей, объ обращеніи невѣрныхъ, служители Слова, долго томятся созерцаніемъ уничиженія Его отъ людей, прежде чѣмъ сподобятся узрѣть славу Его въ людяхъ сихъ. „*Печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ законъ Твой*“ (Пс. 118, 53), жалуется псалмопѣвецъ. „*Доколѣ путь нечестивыхъ спѣется?*“ вопіетъ пророкъ Іеремія. Ему вторитъ весь сонмъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей. Вся исторія житія ихъ, наполнившая листы святой Библіи и Миней не есть ли тотъ свитокъ скорби, который проглотилъ Іезекіиль? „*и вотъ свитокъ исписанъ былъ внутри и снаружи и написано на немъ: плачь, и стонъ, и горе*“ (Іез. II, 10).

Тогда лишь только, когда эта печаль о Бозѣ пройдетъ во всѣ внутренности подвижника, когда распнется въ немъ ветхій человѣкъ, тогда лишь начинается около него возрастаніе духовной нивы изъ умершаго сѣмени пшенична, тогда видитъ онъ около себя преображеніе славы Божіей. Такъ и сказалъ

апостолъ: *„смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ“* (2 Кор. IV, 12). Насколько вымираетъ въ ежечасныхъ страданіяхъ естественная жизнь проповѣдника или пастыря, настолько лишь и только такимъ путемъ насаждается жизнь духовная въ слушателяхъ въ паствѣ во исполненіе словъ Христовыхъ: *„егда вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“*.

Будемъ же, отцы и братіе, всегда утѣшаться сею истиною. Будемъ помнить, что безъ скорбей и подвига не можетъ быть и плода духовнаго, а одно только самообольщеніе или прелесть, какъ учили святые отцы Церкви, повторяя слова апостола о томъ, что только незаконныя дѣти не терпятъ наказанія (Евр. XII, 5—9). Эту истину унесите въ сердцахъ вашихъ отъ нынѣшняго блестящаго собранія въ мрачные притоны ереси и раскола, въ глухія деревни и недоступные хутора, гдѣ вамъ приходится бороться со звѣрьми и умирать каждый день (1 Кор. XV, 31).

И чѣмъ больше будетъ возставать на васъ ожесточенная злоба и упорное коварство ересеучителей, чѣмъ грубѣе будутъ приступы невѣжественнаго, озлобленнаго народа, тѣмъ крѣпче уповайте, что въ васъ и около васъ совершаются муки духовнаго рожденія. Не здѣсь, не въ нашемъ торжествующемъ собраніи единомысленныхъ сотрудниковъ, зачинается таинство св. вѣры, а въ душной избѣ, наполненной сѣрымъ народомъ, или, лучше скажу, въ скорбящемъ, измученномъ сердцѣ проповѣдника, если только оно не съ ропотомъ и унынiемъ, но съ благодареніемъ и упованіемъ несетъ свой апостольскій крестъ. Пусть его святые порывы встрѣчаются издѣвательствомъ; пусть любовь его клеймится, какъ лицемѣріе; пусть его ревность обзывается жестокостью: если все это удостоишься претерпѣть, то знай, что этотъ самый внутренній вопль наболѣвшей души есть крикъ возрожденія въ жизнь духовную для многихъ. Не прежде Богъ раскрылъ тайну любви Своей ко всему человѣческому, какъ исторгнулъ такой вопль отъ пророка Своего во чревѣ кита. Не прежде открылъ Онъ обѣтованіе о вселенской Церкви Своему посланнику Ездрѣ, какъ показалъ ему видѣніе жены, возопившей въ скорби о смерти своего сына.

Предсмертный вопль благоразумнаго разбойника былъ рожденіемъ его въ вѣчную жизнь, а вопль глубокой скорби объ ожесточеніи ближнихъ бываетъ чрезъ содѣйствіе благодати началомъ ихъ обращенія.

Возлюбимъ же, отцы и братіе, не торжества наши только, но паче и скорби наши; облобызаемъ съ любовію, вѣрою и упованіемъ кресты нашихъ поношеній, и уничиженій, и осмѣя-

ній. Въ нихъ наша сила, ими даетъ намъ Господь побѣду; послѣ нихъ показываетъ намъ преображеніе Своей славы.

Но не забудемъ, братіе, и о томъ, что во время Преображенія Своего Господь говорилъ со Своими загробными собесѣдниками о крестномъ исходѣ Своемъ; не забудемъ и объ искушеніи, постигшемъ апостоловъ по возвращеніи съ горы Ѳаворской. Не однажды и не дважды, а многократно повелѣваетъ намъ Господь испытывать тяжкія скорби видимаго безплодія трудовъ нашихъ и прямыхъ оскорбленій и клеветъ. Всегда съ любовію будемъ вдавать *плещи свои на раны и ланиты на заушенія* (Ис. L, 6), ибо всякій разъ Господь воздастъ намъ за это пріобрѣтеніе брата,—либо самого устыдившагося обидчика, либо свидѣтелей его беззаконій, или же насъ самихъ наградитъ внутреннимъ духовнымъ плодомъ; ибо только послѣ такихъ скорбныхъ испытаній раскрываются намъ тайны Божественнаго промысла, только страдальцамъ бываетъ суждено какъ бы перстами своими прикасаться къ подножію Вседержителя. Будемъ же, братіе, молитвой и постомъ хранить души наши отъ унынія и лѣности, дабы не падать подъ бременемъ испытаній. „*Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваши печальми житейскими и найдетъ на вы внезапу день той... Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти и стати предъ Сыномъ человѣческимъ*“ (Лук. XXI, 34—36). Аминь.

СЛОВО

въ день Преображенія Господня [1]).

Церковныя пѣснопѣнія нынѣшняго дня убѣждаютъ насъ, братіе, въ томъ, что Господь явилъ свое чудное преображеніе съ тою именно цѣлью, чтобы убѣдить своихъ послѣдователей, какъ могутъ и они сами, украсивъ свой внутренній обликъ добродѣтелью, просіять нѣкогда и внѣшнею духовною красотой. Въ душѣ нашей есть неутолимая жажда видѣть соотвѣтствіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, и вотъ, до пришествія на землю Сына Божія, праведники недоумѣвали, почему имъ суждено быть всегда въ приниженномъ состояніи, въ убогомъ,

[1]) Произнесено 6-го августа на литургіи въ Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ первый разъ было напечатано въ „Таврич. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1898 г., № 16.

скорбномъ видѣ, а грѣшникамъ допускаетъ Богъ украшаться и величаться. Самые современники Спасителя ожидали съ нетерпѣніемъ того дня, когда онъ отброситъ видъ уничиженный и скорбный, освободится отъ бѣдности и бездомовности, и могущественнымъ царемъ, блистая красотою одеждъ и пышностію окружающей обстановки, вступитъ на престолъ Давида, отца своего, попирая злочестивыхъ враговъ своихъ и враговъ Израиля.

Но вотъ Господь являетъ нетерпѣливымъ послѣдователямъ своимъ иную, духовную красоту облика своего, всегда присущую ему, но сокрываемую отъ очей человѣческихъ въ обычное время. Онъ восходитъ съ тремя учениками на гору, и когда духъ Его возносится въ молитвѣ къ Отцу, вдругъ лицо Его просіяло, какъ солнце и одежды стали бѣлы, какъ снѣгъ. Изъ загробнаго міра предстали Ему Моисей и Илія, и райскій облакъ объялъ ихъ и учениковъ, въ благоговѣйномъ ужасѣ взиравшихъ на видѣніе. Это приближеніе неземной намъ райской красоты привело учениковъ въ состояніе неизъяснимаго блаженства, такъ что Петръ восклицалъ, не помня себя отъ радости: *Учителю, добро есть намъ здѣ быти.* Здѣсь пересталъ онъ сожалѣть о красотѣ царскаго или вельможескаго положенія, отъ котораго уклонялся Спаситель; здѣсь онъ понялъ, насколько красоты его Божественной святости выше суетныхъ украшеній міра, насколько жалки были воздыханія учениковъ о внѣшней нищетѣ и убожествѣ своего Учителя, преисполненнаго неземной, вѣчной, райской красоты и небесной славы.

Вспоминай же, о христіанинъ, это священное событіе изъ жизни твоего Учителя! Утѣшайся въ своихъ скорбяхъ надеждою на то, какъ нѣкогда онъ облечетъ подобной же славою всѣхъ вѣрныхъ его заповѣдямъ. Не мѣняй той внутренней красоты, которая накопляется здѣсь подвигами любви и благочестія, на суетную красоту мірскаго богатства или мірскаго величія, достигаемыхъ отступленіемъ отъ евангельскаго закона, потемнѣніемъ внутренней красоты твоего духа. Не завидуй тѣмъ, которые величаются красотою домовъ своихъ, или одеждъ, или сытымъ видомъ своего празднаго тѣла, или преклоненіемъ зависящихъ отъ нихъ прислужниковъ, или праздным удивленіемъ толпы. Вспоминай притчу о Богачѣ и Лазарѣ, не забывай того, что скоро всѣ эти украшенія міра будутъ достояніемъ червей, а уничиженный образъ праведниковъ, согбенныхъ трудомъ, состарѣвшихся безвременно отъ страданій, опечаленныхъ насмѣшками или даже изувѣченныхъ нечестивцами, этотъ образъ, который носитъ праведникъ, *не имущій вида, ниже доброты*,—возсіяетъ красотою вѣчною и ни

съ чѣмъ на землѣ несравнимою, но реченному: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ.*

Впрочемъ, если пожелаешь удостовѣриться въ истинности сего обѣтованія и чрезъ разсмотрѣніе вещей земныхъ, то не останешься неудовлетвореннымъ, ибо то чудесное преображеніе, которое обѣщано намъ за гробомъ по образу Преобразившагося на Ѳаворѣ, въ нѣкоторой, хотя малой степени, можемъ наблюдать и на людяхъ, измѣнившихъ грѣховное, злостное, и блудное, и горделивое содержаніе душевной жизни своей на святое и богоугодное, а еще болѣе на тѣхъ, которые отъ юности жили добродѣтельно. Вотъ посмотри на эти прекрасныя иконы угодниковъ Божіихъ, разставленныя по святому храму. Видишь ли эти лица, старческія, изнуренныя постомъ, нахмуренныя отъ бывшихъ печалей, испещренныя ранами? И смотрите, однако, какою неотразимою красотой они осіяваются! Въ этихъ чертахъ сіяетъ блаженное упокоеніе въ Богѣ, въ нихъ свѣтится любовь, блистаетъ надежда, видится полное торжество надъ мірской суетой. Таковы ли лица міролюбцевъ, отягченныя излишествами, исполненныя гордостей, обезображенныя блудною страстію или злобой, искаженныя страхомъ за свое благополучіе, омраченныя ревностію или завистью и, вообще, носящія отпечатокъ грѣховной страсти?

Святые угодники жили во времена прошедшія, и ихъ было меньше, чѣмъ обычныхъ грѣшныхъ людей. Но взгляни на окружающую тебя жизнь, на знаемыхъ твоихъ и на себя самаго. Зналъ ли ты людей, измѣнившихъ грѣховный обычай или вообще пустой образъ жизни на постоянный подвигъ благочестія, на побореніе страстей, на благотворительность и цѣломудріе? Если видѣлъ, то подтвердишь слова мои о томъ, что и лица людей сихъ преображались, что въ глазахъ ихъ и во всѣхъ чертахъ ихъ, и въ обращеніи ихъ и въ голосѣ, засіялъ тотъ тихій свѣтъ духовной, безсмертной жизни, который несравненно привлекательнѣй чувственной красоты грѣшниковъ и дѣйственнѣе, нежели дѣланныя рѣчи и льстивое обращеніе сыновъ міра сего. Припомни такія измѣненія въ обликѣ знаемыхъ твоихъ и въ твоемъ собственномъ обликѣ и возжелай этой духовной красоты, этого неземного свѣта больше, чѣмъ всякихъ земныхъ красотъ, пренебрегай послѣдними для перваго, а не наоборотъ, какъ, вѣроятно, дѣлалъ ты доселѣ, и предайся подвигу духовнаго дѣланія во Христѣ, дабы пріобрѣтать постепенно на лицѣ своемъ отблескъ этой божественной славы Его, которую днесь явилъ Онъ на горѣ Ѳаворской. Подвигъ внутренняго измѣненія или преображенія называется дѣланіемъ во Христѣ, потому что безъ того невозможно духовное дѣланіе. *Кто пребудетъ во Мнѣ* — говоритъ Гос-

подь — „*тотъ принесетъ много плода, а та вѣтвь, которая не пребудетъ на лозѣ, высыхаетъ и извергается вонъ и сгараетъ; такъ и вы, если во мнѣ не пребудете*“.—Правда, въ наше маловѣрное время много говорятъ о нравственной жизни безъ вѣры во Христа и молитвы, но слова эти не осуществляются на дѣлѣ.

Нравственное одушевленіе людей невѣрующихъ, основанное на неопредѣленныхъ поэтическихъ ощущеніяхъ молодости, на вычитанныхъ изъ книгъ нравоученіяхъ, непрочно, непродолжительно, какъ зелень оторванной отъ корня вѣтки. Въ первыя минуты эта зелень свѣжа, какъ прежде, но проходитъ день и она обращается въ негодную ветошь. Таковы и первые порывы доброй настроенности человѣка невѣрующаго, отъ которыхъ очень скоро остается одно лишь разочарованіе или горделивое притворство, тщеславное лицемѣріе, тщетно силящіеся надѣвать на себя личину человѣколюбія, будучи исполнено внутри себя злобной зависти, или тупого отчаянія, какъ у Каина, или Саула, или Ирода. Это знаютъ по собственному опыту всѣ вѣрующіе и невѣрующіе, пережившіе юность свою, потому что они испытали нравственное безсиліе человѣческой природы, лишенной помощи свыше. Вотъ почему, люди пожилые или обращаются къ вѣрѣ, отказавшись отъ неосуществимыхъ притязаній на добродѣтель естественную, — или не желая увѣровать, отказываются отъ стяжаніи добродѣтели, видя ея недостижимость безъ вѣры.

Итакъ, нѣтъ духовной красоты въ томъ сердцѣ, въ которомъ нѣтъ Христа. Какъ же могутъ стяжать ее сердца, вѣрующія Христу? Сему, братіе, научаетъ насъ Христосъ преобразившійся на Ѳаворѣ. Лицо Его просвѣтлилось во время молитвы, во время бесѣды Его о пророчествахъ, во время размышленія Его о грядущихъ страданіяхъ во Іерусалимѣ. Вотъ путь восхожденія къ духовной красотѣ нашей. Должно молитвенно призывать Божественную помощь, должно наполнять свой умъ Божественнымъ словомъ, открытымъ намъ въ священномъ Писаніи и во всемъ ученіи церкви; должно, наконецъ, бодрственно рѣшиться на перенесеніе скорбей, не избѣжныхъ по пути восхожденія къ славѣ Божіей.

Будемъ же, братіе, стремясь къ этой славѣ, не на свои силы полагаться, но молиться и вникать въ Божественное ученіе, будемъ готовы принимать скорби за Христа по заповѣди, и Онъ сподобитъ насъ участія въ своей вѣчной славѣ на небѣ; и тогда мы, подобно Петру на Ѳаворѣ, забудемъ свои печали и лишенія, и будемъ восклицать вѣчно въ духовномъ восторгѣ: „*Наставникъ, добро есть намъ здѣ быти*“. Аминь.

РѢЧЬ

при вступленіи въ управленіе Уфимскою епархіею.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, суждено мнѣ недостойному вступить въ рядъ архипастырей Уфимскихъ, преемственно управлявшихъ мѣстною церковью въ продолженіе всего истекающаго XIX столѣтія. Сподобитъ-ли меня Господь быть добрымъ пастыремъ Его стада, обогативъ мою худость обильными дарами Своей всесовершительной благодати, или, напротивъ, лишитъ меня за грѣхи мои Своей помощи и попуститъ быть пастыремъ непотребнымъ, — это теперь извѣстно лишь Ему Единому; я же съ своей стороны могу только чистосердечно исповѣдать вамъ, братіе, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время имѣю пламенное желаніе исполнять долгъ пастырскій чистосердечно и самоотверженно—такъ именно, какъ разумѣю его, согласно съ ученіемъ Церкви Христовой; а Церковь учитъ, что служеніе пастырское, служеніе святительское есть единственное на землѣ, ни съ чѣмъ несравнимое по своей высотѣ и глубинѣ. О немъ-то хочу вамъ сказать нынѣ нѣсколько словъ, дабы впослѣдствіи могли вы правильно судить о моихъ отношеніяхъ къ паствѣ.

По Христову ученію, содержимому въ православной Церкви, пастырь есть продолжатель дѣла Его на землѣ, соработникъ Богу, какъ выражается апостолъ Павелъ. Поэтому-то и Господь нашъ Свое служеніе человѣческому роду назвалъ служеніемъ пастырскимъ, а Себя—Пастыремъ добрымъ, Начальникомъ христіанскихъ пастырей (1 Петр. V, 4). Какъ-же совершалъ Онъ служеніе пастырское? Онъ его обнаруживалъ въ словѣ назиданія, въ примѣрѣ Своей святой жизни, въ подвигахъ любви, въ дѣлахъ чудотворенія, но это были лишь внѣшнія обнаруженія того внутренняго пастырскаго дѣланія, коимъ незримо совершалось возрожденіе людей. Совершалось это возрожденіе посредствомъ того внутренняго огня, огня сострадающей скорби о грѣхахъ людей, которымъ горѣлъ духъ Спасителя нашего. Любя всѣхъ людей и обнимая Своимъ Божественнымъ Духомъ, Своимъ всевѣдѣніемъ всѣ безчисленные милліоны жившихъ на землѣ при Немъ, до Него и имѣвшихъ жить послѣ Него человѣческихъ личностей, нашъ Милосердый Господь скорбѣлъ о грѣхахъ каждаго, какъ-бы о Своихъ собственныхъ, ревновалъ о спасеніи, о духовномъ совершенствованіи каждаго ревностію

огненною и говорилъ: *огонь пришелъ Я низвести на землю и какъ томлюсь, пока онъ не разгорится!* (Лук. XII, 49).

О, родъ невѣрный и развращенный! доколѣ буду съ вами, доколѣ буду терпѣть васъ! (Мѳ. XVII, 17). Такъ оплакивалъ Онъ человѣческое несовершенство и косность и также горячо радовался, когда встрѣчалъ доброе чувство людей. *Въ тотъ часъ*, — сказано, — *возрадовался духомъ Іисусъ, и сказалъ: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ* (Лук. X, 21).

Вотъ въ этомъ то полномъ сліяніи Христомъ Спасителемъ Своей жизни съ нравственною жизнью каждаго человѣка, съ внутреннею борьбою каждаго и заключалась та таинственная, всесокрушительная сила, которая грѣшниковъ приводила къ покаянію и исправленію, въ равнодушныхъ и безпечныхъ пробуждала нравственное сознаніе, а расположенныхъ къ добру возводила къ святости. Силу эту сразу чувствовали не только люди добрые, но и грѣшники, какъ Закхей и Марія Магдалина, да и не грѣшники только, но и сами страшные демоны, которые съ трепетомъ выходили изъ одержимыхъ ими несчастныхъ жертвъ, свидѣтельствуя съ великимъ воплемъ о пришедшемъ Искупителѣ.—Таково было то *крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ*, для котораго Господь пришелъ на землю и для продолженія котораго на землѣ поставилъ апостоловъ и святителей.

Апостолы, взирая на *Начальника вѣры и Совершителя Іисуса* (Евр. XII, 2), усвоили Его огненную ревность о спасеніи людей, и вотъ Его возлюбленный ученикъ свидѣтельствуетъ, что для него нѣтъ большей радости, какъ слышать, что духовныя дѣти его ходятъ въ истинѣ (3 Іоанн. IV). А другой апостолъ восклицаетъ: *Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* (Галат. IV, 19).

Итакъ, видите, въ чемъ заключается пастырское служеніе, а наипаче служеніе преемниковъ апостольской власти—архіереевъ: не въ дѣланіи внѣшнемъ, не въ назначеніи клириковъ, не въ постройкѣ церквей или школъ, не въ писаніи резолюцій или посѣщеніи престольныхъ праздниковъ; — правда, все это также нужно, но все это будетъ цѣннымъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если сіе внѣшнее дѣланіе будетъ обнаруженіемъ того внутренняго дѣланія, въ которомъ заключается сущность пастырскаго служенія,—если именно пастырь будетъ въ душѣ своей сострадательною любовію переживать нравственную жизнь, нравственную борьбу своей паствы, если всю радость жизни своей положитъ въ томъ, чтобы ввѣренные его водительству

люди восходили къ духовному совершенствованію, если о грѣхахъ ихъ будетъ скорбѣть и молиться, какъ о своихъ собственныхъ. Тогда только каждое слово его будетъ исполнено несокрушимаго вліянія на сердца, тогда и распоряженія его и различныя мѣропріятія будутъ согласоваться съ дѣйствительными духовными нуждами паствы и образъ жизни его будетъ побуждать христіанъ къ подвигамъ. Напротивъ, если пастырь, хотя бы и одаренный отъ природы свѣтлымъ умомъ и участливымъ сердцемъ, положится на свои силы и предначертаетъ себѣ рядъ внѣшнихъ преобразованій, а о внутренней жизни своей будетъ нерадѣть, то возбудитъ только противленіе и раздраженіе вокругъ себя, *яко безъ Мене не можете творити ничесоже*, какъ сказалъ Господь (Іоанн. XV, 5). Правда, возможно, что и разсѣянный, внѣшній дѣлатель добьется какихъ-либо измѣненій во внѣшнемъ строѣ жизни, но спасенію людей онъ не принесетъ существенной пользы.

Таковы законы пастырства, установленные Господомъ на всѣ времена и для всѣхъ православныхъ народовъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ время и бытъ народный измѣнили проявленія пастырскаго духа. Такъ, во времена древнѣйшія вездѣ, а донынѣ—въ епархіяхъ заграничныхъ, паствы церквей были сравнительно такъ немногочисленны, что епископъ былъ непосредственнымъ руководителемъ духовной жизни всякаго пасомаго и могъ *глашать по имени* всякую словесную овцу своего стада. Это, конечно, облегчало ему внутренній подвигъ любви и духовнаго состраданія немощамъ человѣческимъ. Нынѣ такое непосредственное знакомство съ каждымъ пасомымъ невозможно для русскихъ архипастырей, пасущихъ милліонныя стада овецъ Христовыхъ. Но это не снимаетъ съ нихъ пастырскаго долга и отвѣтственности, а только обязываетъ умножать духовные подвиги, подвиги молитвы и любви, дабы настолько возвысился духъ ихъ, чтобы заочно чуять нравственныя нужды пасомыхъ и при сношеніяхъ съ ними, хотя-бы и незнаемыми лично, всетаки давать чувствовать свою къ нимъ сердечную близость.

Другая внѣшняя разность современнаго пастырскаго служенія, сравнительно съ прежнимъ, заключается въ томъ, что въ прежнія времена русскіе архипастыри, какъ и понынѣ православные архипастыри заграничные, ставились къ паствѣ своей на всю жизнь, согласно правиламъ церковнымъ, допускавшимъ чрезвычайно рѣдкія исключенія. Нынѣ по разнымъ причинамъ въ русской Церкви эти исключенія стали повторяться постоянно, но конечно и такое положеніе вещей не должно ослаблять пастырской любви и преданности духовнаго дѣлателя своей паствѣ. Повинуясь высшей церковной

власти, онъ долженъ идти туда, куда ему велятъ, но съ своей стороны онъ долженъ при вступленіи на паству расположить свою душу и дѣла свои такъ, какъ приступающій къ дѣлу цѣлой своей жизни, а не къ временному назначенію. Посему и я съ своей стороны, готовый всегда принять всякое возлагаемое на меня законною властью послушаніе, считалъ бы, однако, для себя весьма предосудительнымъ, еслибы сталъ прямо или косвенно содѣйствовать удаленію отъ сей паствы на другую, но напротивъ, имѣю намѣреніе принять управленіе церковью Уфимскою съ такими чувствами, чтобы по слову святаго апостола *жить и умереть съ вами*, — чтобы духъ мой во время подобное отошелъ къ Пастыреначальнику среди этой, первой паствы моей, а бренное тѣло мое успокоилось подъ папертью сего святаго храма. Если же тѣлесныя немощи или нравственныя препятствія когда-либо сдѣлаютъ дальнѣйшее служеніе мое невозможнымъ, то я долженъ буду искать себѣ пристанища въ монастырскомъ уединеніи, а не въ хлопотахъ о переходѣ на другую епархію.

Таковъ, братіе, мой взглядъ на служеніе, какъ архипастыря вашего. Не столько вамъ, значитъ, сколько себѣ самому сказалъ я поученіе въ этомъ святилищѣ. Но поученіе и къ вамъ приложимо. Приложимо оно почти во всей полнотѣ своей къ предстоящимъ здѣсь отцамъ іереямъ, приложимо и къ мірянамъ. То попеченіе, которое святитель долженъ имѣть о ввѣренныхъ ему душахъ, забывая ради нихъ все остальное и самого себя, въ равной степени обязательно для каждаго христіанина, по крайней мѣрѣ, относительно собственной души своей. *Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою, или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей?*—Душу свою, спасеніе свое храните, братіе! Суетная жизнь современная, какъ у аѳинянъ, когда пришелъ къ нимъ Павелъ, развлекаетъ умы людей по распутіямъ тщетности и, занимая ихъ всякими суетными новинками, заставляетъ забывать о важнѣйшемъ въ жизни—о душѣ, о чистотѣ и совершенствованіи ея. —Придя къ вамъ сегодня, мы сказали уже слово и о исходѣ своемъ въ жизнь будущую. Завѣщаемъ и вамъ, братіе, всегда памятовать часъ смертный и будущій судъ ужасный. Это второй выводъ для вашего назиданія изъ нашей пастырской исповѣди. Современные лжеучители разсѣваютъ духъ сомнѣнія во всемъ, но кто можетъ заставить тебя усомниться въ томъ, что ты умрешь и что придетъ роковой конецъ всѣмъ твоимъ житейскимъ попеченіямъ? Измѣряйте же и оцѣнивайте мыслью о часѣ смертномъ всѣ свои дѣла и стремленія сердечныя! Это лучшая философія жизни; это правило, котораго подорвать не можетъ никакое хитросплетеніе лжи;

это лучшій путь къ добродѣтели и твердая опора постоянной вѣры въ Бога и въ Спасителя нашего Іисуса Христа!

А третій назидательный выводъ изъ моей исповѣди да будетъ вотъ въ чемъ, братіе... Мы говорили о служеніи пастырскомъ, о созиданіи пастыремъ спасенія ближнихъ. Такое взаимное созиданіе въ нѣкоторой мѣрѣ предписано и всякому христіанину по слову апостола: *кійждо ближняго своего да созидаетъ*, а многимъ, даже большинству, оно предуказано и самою жизнью. Родители непремѣнно вліяютъ такъ или иначе на дѣтей своихъ, учители на учениковъ, начальники на подчиненныхъ, хозяева на работниковъ, старшіе на младшихъ, образованные на болѣе простыхъ и такъ далѣе. Земныя власти и земныя выгоды понуждаютъ людей направлять это вліяніе къ цѣлямъ земнаго благополучія, но совѣсть, но Богъ, взирающій съ неба на дѣла и мысли наши, требуетъ, чтобы и это земное вліяніе мы направляли ко взаимному спасенію; того же требуетъ и естественная привязанность наша къ слабѣйшимъ насъ ближнимъ. Для того, чтобы утверждалось сіе взаимное содѣйствіе нашему духовному совершенству, потребны тѣ же условія, что и для служенія пастырскаго. Потребна любовь, потребно состраданіе, потребна молитва, потребно отверженіе всякаго себялюбія и гордыни, потребно постоянное смиренное исповѣданіе Богу своей немощи и надежда на Его благодать. Будемъ же, братіе, помнить, что Господь всѣхъ христіанъ называетъ „царствомъ священниковъ, народомъ святымъ, людьми взятыми въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенства Бога, призвавшаго насъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ“ (1 Петр. II, 9) и говорившаго такъ даже о тѣхъ, которые стояли только въ преддверіи благодати: *не прикасайтесь къ помазаннымъ Моимъ, и пророкамъ Моимъ не дѣлайте зла* (Псал. CIV, 15).

Будемъ помнить, что, какъ личное спасеніе, такъ и взаимное содѣйствіе въ этомъ другъ другу не есть исключительная обязанность духовнаго чина, но общее дѣло всѣхъ христіанъ, дѣло важнѣйшее, дѣло единственно цѣнное на землѣ, по требованію котораго мы должны располагать всѣ дѣла своей жизни. Да укрѣпитъ насъ въ этихъ мысляхъ благодать Божія и да поможетъ намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати имя Его. Аминь.

РѢЧЬ,

произнесенная въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ при вступленіи на Волынскую паству.

Среди различныхъ дѣятелей, приходящихъ трудиться на сію окраину земли русской, примите, братіе, и меня грѣшнаго. То дѣло, та отрасль жизни, которою руководить мнѣ предназначено Божественнымъ Промысломъ, среди прочихъ отраслей жизни общественной и личной есть, конечно, самая первая и важнѣйшая, ибо о ней сказалъ Господь нашъ: *„кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою, или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей?“* И если бы мы здраво и серьезно взирали на жизнь, тогда бы попеченіе о нашей душѣ и, вообще, жизнь церковная не представлялась бы намъ какъ только одна изъ многихъ отраслей жизни, какъ спеціальность людей извѣстнаго только званія, въ родѣ напримѣръ медицины, или инженернаго дѣла,—а какъ *сама жизнь*, какъ то начало общественной и личной жизни, которое проникаетъ собой всѣ многоразличныя отрасли той и другой и всѣмъ этимъ отраслямъ опредѣляетъ цѣну, смотря по ихъ большей или меньшей близости къ этому всеобщему началу жизни. Въ немъ вѣдь, въ этомъ началѣ, сосредоточивается присущее душѣ нашей стремленіе къ совершенству; на него опирается голосъ нашей совѣсти; имъ освѣщаются и осмысливаются наше сочувствіе ко всему доброму, наше участіе къ человѣческимъ страданіямъ, наша скорбь о человѣческихъ порокахъ. Все это лучшее содержаніе человѣческой души живетъ и процвѣтаетъ только тогда, когда душа эта находится въ живомъ общеніи съ Богомъ и съ Богочеловѣкомъ. Было время въ нашей странѣ, когда духовная жизнь народа, или жизнь Церкви Христовой была для нашихъ предковъ дѣломъ общимъ и самымъ первымъ, когда все, не входившее въ эту церковную жизнь, представлялось народу малоцѣннымъ и ничтожнымъ, когда въ церковной жизни одинаково участвовали всѣ люди, а не духовенство только, ибо тогда и слова этого „духовенство“ не существовало, а былъ только церковный народъ россійскій, дѣлившійся на епархіи и приходы, конечно, руководимые избранными изъ среды народной пастырями, но состоявшіе изъ всеобщаго сознательно и дѣятельно участвовавшаго въ духовной жизни всенароднаго, всесословнаго пра-

вославнаго братства, такого братства, въ коемъ всѣ члены его отъ Царя и Царицы и до послѣдняго крестьянина-землепашца и старушки нищей, считали себя каждый прежде всего христіаниномъ, сыномъ Вселенской Церкви, а уже потомъ сыномъ своей земли, области, сословія и т. д.

Мы съ любовью вспоминаемъ и благословляемъ это старое до-Петровское время не потому, что тогда былъ особенно высокъ авторитетъ іерарховъ: напротивъ, при всемъ томъ смиренномъ благоговѣніи, съ какимъ народъ русскій чтилъ священный санъ, представители послѣдняго всегда оставались подъ самымъ строгимъ надзоромъ всей паствы своей, гораздо болѣе свѣдущей въ церковныхъ законахъ и въ прочихъ богословскихъ истинахъ, нежели паства современная, причемъ тогдашняя паства относилась несравненно строже къ нравственному повѣденію пастыря, чѣмъ въ настоящее время. Древняя Русь, готовая всегда смиряться передъ пастыремъ въ личномъ настроеніи своихъ сыновъ, единодушно возставала противъ него, лишь только онъ забывалъ, что онъ представитель Церкви, а не ея начальникъ, лишь только онъ дерзалъ самовольно разрушать церковный строй, какъ это сдѣлалъ въ XV вѣкѣ митрополитъ Исидоръ, праведно низложенный и изгнанный своею паствою. Но тѣ времена прошли для образованнаго русскаго общества: имъ остался вѣренъ лишь простой народъ нашъ, не отрекшійся отъ древне-русской, или, лучше сказать, отъ христіанской культуры и не измѣнившій ее на культуру правовую, полуязыческую, которою жила Европа среднихъ вѣковъ и живетъ Европа современная, а также дворянская Россія XVIII вѣка и вся интеллигентная Россія XIX вѣка. Вотъ почему въ настоящее время церковный пастырь уже не является для русскаго общества выразителемъ его же собственнаго наиболѣе высокаго и дорогого и всеобъемлющаго начала жизни, но спеціалистомъ извѣстной условной отрасли жизни, къ которой люди обращаются лишь по мѣрѣ желанія или во время семейныхъ горестей и радости.

Но не унывать слѣдуетъ поэтому намъ пастырямъ, а умножать свою ревность о дѣлѣ Христовомъ. Да, не унывать, не смотря на то, что добавокъ ко всему въ этой западной окраинѣ не только образованное общество, но и простой народъ не можетъ похвалиться во всемъ своемъ составѣ тою всецѣлою преданностью православной Церкви, которою еще богато племя великорусское; — не смотря на то, что латинское вліяніе положило свою печать на религіозное сознаніе здѣшняго народа, сдѣлало его подавленнымъ и въ значительной степени безучастнымъ, готовымъ болѣе повиноваться слѣпо, чѣмъ сознательно усовершенствоваться;—не смотря на то, что

вліяніе польской свѣтскости и суетности отражается здѣсь на образованныхъ людяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ.—Не на эти скорбныя стороны жизни будемъ взирать мы уныло, а лучше будемъ почерпать бодрость въ двухъ другихъ обстоятельствахъ мѣстной простонародной жизни и общерусской жизни общественной, на которыя сейчасъ и укажемъ.

Здѣсь подъ толстой корою различныхъ наслоеній, сперва татарскаго, а потомъ латинскаго ига, народный бытъ и народный характеръ сохранилъ, преимущественно предъ Великороссіей, нѣсколько чертъ самой древней, самой свѣжей, новоблагодатной Владимірской Руси, Руси до-монгольской, свободной и жизнерадостной, воспѣтой нашимъ лучшимъ стихотворцемъ. Это было время высокаго христіанскаго нравственнаго одушевленія, высокаго героическаго подвига, когда новопросвѣщенная Русь не хотѣла знать ничего, кромѣ евангельской святости, когда лучшіе сыны ея, оставляя всякій страхъ земной, по неизвѣданнымъ путямъ шли смотрѣть далекую землю, въ которой жилъ нашъ Спаситель, и орошать слезами умиленія слѣды Его пречистыхъ ногъ,—когда государи не хотѣли казнить преступниковъ и монашескую схиму предпочитали царскому вѣнцу,—когда подвижники добродѣтели ради умерщвленія страстей обрекали себя на жизнь въ подземныхъ пещерахъ, а великіе князья предпочитали ихъ общество, ихъ скудную трапезу, царственной обстановкѣ своихъ дворцовъ. По истинѣ къ тогдашней Руси можно было примѣнить слова Господни народу израильскому: *„я вспоминаю о дружествѣ юности твоей, о любви твоей, когда ты была невѣстою, когда послѣдовала за Мною въ пустыню, въ землю незасѣянную“* (Іер. II, 2). Впослѣдствіи татарское иго и географическая отрѣшенность отъ постояннаго общенія съ церквами Востока немного съузили и помрачили эту серафимскую восторженность ново-просвѣщенныхъ русскихъ христіанъ въ племени великорусскомъ, но здѣсь на Волыни, гдѣ на ряду съ Кіевомъ и Галичиной былъ центръ древнѣйшаго русскаго христіанства и гдѣ сохранялась зависимость отъ восточныхъ патріарховъ до конца XVII вѣка,—здѣсь, говоримъ мы, сохранилось нѣсколько чертъ церковно-народнаго быта и нѣсколько оттѣнковъ народнаго религіознаго чувства столь древнихъ и столь драгоцѣнныхъ, что вскрывать ихъ изъ подъ твердой коры латино-польскаго вліянія, а, вскрывши, вызывать къ жизни, есть не только весьма полезное, но и въ высшей степени радостное и усладительное для христіанскаго пастыря дѣло. Такъ малороссы, преимущественно передъ великороссами, взираютъ на Церковь Христову, какъ на Церковь не

только русскую, но именно вселенскую и лучше великороссовъ уживаются на космополитическомъ Аѳонѣ, да и самую религіозную жизнь усваиваютъ прежде всего, какъ жизнь духовную, нравственную и этимъ именно началомъ одушевляютъ и внѣшній строй христіанскаго быта. Вотъ почему, когда видишь здѣсь народныя толпы въ расшитыхъ войлочныхъ одеждахъ тысячелѣтней древности, спѣшащія во святую обитель для молитвы и причащенія святыхъ Таинъ, то душа наполняется надеждой на то, что въ народѣ этомъ суждено еще проснуться великому богатырскому духу не для воинской брани, а для подвига сознательной добродѣтели христіанской, для показанія міру Божественной славы, открывающейся въ евангельской жизни.

Найдется ли залогъ такой надежды въ характерѣ и бытѣ столь чуждаго нашему народу просвѣщеннаго общества, по большей части весьма равнодушнаго, а иногда и враждебнаго апостольской Церкви? Да, найдется. Найдется именно въ томъ неискоренимомъ изъ русскаго сердца стремленіи къ нравственной правдѣ, въ той неспособности поглотиться всецѣло интересами земного благополучія, коими и до нынѣ русскій образованный человѣкъ отличается отъ западно-европейца матеріалиста, на что съ особенною силою убѣдительности постоянно указываютъ современные французскіе романисты и публицисты. И они правы. Не говоримъ уже о томъ, что и въ настоящее время не оскудѣваетъ среди общества такой типъ русскаго человѣка всѣхъ половъ, и возрастовъ, и сословій, который совмѣщаетъ въ себѣ европейскую просвѣщенность, иногда даже блестящую, съ простонародною преданностью евангельскимъ завѣтамъ, съ простонароднымъ глубокимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ, съ прекрасною самоотверженною простотою и горячею правдивостью, наконецъ, съ полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ земнымъ благамъ. Недавно еще, именно 2 мая, скончался одинъ великій представитель такого типа С. А. Рачинскій, и если подобныхъ людей найти не легко среди насъ, то не потому, чтобы ихъ было слишкомъ мало, а потому что они по своей скромности живутъ такъ же непримѣтно среди людей грѣшныхъ, какъ жилъ до 30-ти лѣтъ мнимый Сынъ плотника въ Назаретѣ. Да, не безнадежна та страна, въ которой есть такіе люди, а напротивъ, много надеждъ внушаетъ намъ то особенно отрадное обстоятельство, что подобный евангельскій типъ не въ такой ужъ степени чуждъ и противоположенъ обычному типу русскаго интеллигента, какъ это представляется съ перваго раза. Правда, подъ вліяніемъ ложной школы, ложныхъ взглядовъ на жизнь вообще, на русскую въ частности, подъ вліяніемъ ложныхъ книгъ и

преданій общественныхъ, а также ложнаго семейнаго воспитанія русскіе люди перестаютъ искать въ Христовой Церкви источника духовной жизни, а многіе даже забыли о Церкви; но никакая ложь не могла вытравить изъ русской души самаго *различенія добра и зла*, самаго стремленія быть добрымъ или, по крайней мѣрѣ, глубокаго, иногда тщательно скрываемаго, внутренняго отвращенія къ тому злу, къ тому грѣху, въ который неизбѣжно погружается душа, отрѣшившаяся отъ Христа и Церкви, хотя и желающая быть доброй. И если иностранные нравоописатели Россіи въ XVII вѣкѣ изумлялись тому, что русскіе цари и бояре такъ мало интересовались политикой, а только богословіемъ и духовнымъ подвижничествомъ, то современные наши французскіе нравоописатели почти съ такимъ же изумленіемъ указываютъ на ту черту русскаго человѣка, въ силу которой умъ его всегда бываетъ устремленъ къ вопросамъ нравственнымъ, а всякое иное увлеченіе является у него либо какъ минутная измѣна самому себѣ, либо какъ плодъ разочарованія. Съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ пересталъ быть русскимъ и тотъ писатель нашъ, который въ настоящее время составляетъ предметъ глубокой скорби всѣхъ лучшихъ русскихъ людей, какъ горячій врагъ Церкви, открыто ею отлученный отъ общенія,—ибо и въ немъ это различеніе добра и зла, не смотря на столь глубокое увлеченіе германскимъ пантеизмомъ, сохраняетъ всю свою силу, и самыя кощунства его противъ Церкви, запальчивыя и не обоснованныя, являются скорѣе болѣзненнымъ крикомъ бурной души, истерзанной разочарованіемъ, нежели окончательнымъ выраженіемъ извѣстнаго образа мыслей. Правда, въ самое послѣднее время многіе представители слова и мысли идутъ у насъ еще далѣе въ своемъ разрывѣ съ христіанской правдой. Они открыто проповѣдуютъ безразличіе добра и зла и ожесточенно распространяютъ сочиненія германскаго безумца, провозгласившаго это ученіе на порогѣ дома умалишенныхъ. Но и это безобразное бѣснованіе, эта вакханалія литературы не есть дѣйствительное выраженіе чьей-либо постоянной настроенности, а скорѣе голосъ глубокаго отчаянія послѣ многихъ безсильныхъ попытокъ быть добрымъ безъ Христа, быть честнымъ и цѣломудреннымъ безъ благодатной помощи Св. Духа. Такимъ же образомъ объясняемъ мы усиливающійся развратъ юношества, учащагося въ высшихъ школахъ и разложеніе семействъ. На нихъ исполняются слова апостола: „*и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла... и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ: то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства*“ (Рим. I, 24—28). Справедливость подобнаго

сужденія доказывается тѣмъ, что когда подобные нравственно расшатанные люди случайно встрѣчаютъ искреннее слово правды и уразумѣваютъ, гдѣ должны искать побѣды надъ страстями и осмысленнаго подвига, то они съ замѣчательною готовностью и быстротою отрекаются заразъ отъ прежнихъ своихъ заблужденій, какъ Закхей отъ неправеднаго стяжанія, и обновляются духомъ съ такою же полнотою и искренностью, какъ первые русскіе христіане, Ольга и Владиміръ.

Церковному пастырю, обнаруживающему въ нашихъ простолюдинахъ малороссахъ прекрасную душу древнихъ кіевскихъ христіанъ изъ подъ наслоеній татарскаго и латинскаго ига, надлежитъ имѣть попеченіе и о томъ, чтобы пробудить такую же душу, правдивую, чуткую, мягкую, и въ представителяхъ современной интеллигенціи, освобождая ее отъ ига европейскаго нигилизма; и если самъ пастырь умѣетъ изложить божественное ученіе и разъяснить строй нашей Церкви именно съ этой точки зрѣнія, какъ единственнаго доступнаго всѣмъ смертнымъ пути къ тому, чтобы быть добрымъ, честнымъ и чистымъ не на словахъ, а на дѣлѣ, если онъ въ своей собственной жизни и въ своей душевной настроенности представитъ тому живое доказательство, то онъ уже будетъ пастыремъ не для простого народа только, но и для всѣхъ русскихъ людей, вокругъ него живущихъ, такъ что даже и въ глазахъ маловѣрующихъ и невѣрующихъ онъ не будетъ представляться только спеціалистомъ своей профессіи, но выразителемъ того, что, по общему сознанію, явится тогда, какъ *единое на потребу*.

Посему и мое и ваше, достолюбезные собратія іереи, стараніе должно быть о томъ, чтобы намъ самимъ усовершенствоваться въ уразумѣніи ученія и жизни церковной, какъ единаго пути къ добродѣтели, а наипаче усовершенствоваться еще и въ томъ, чтобы въ себѣ самихъ отражать лучи божественной правды и въ дѣлахъ своихъ обнаружить силу Христовой благодати. И это все намъ дастъ Господь не ради нашихъ заслугъ предъ Нимъ, а ради спасенія душъ многихъ, если только мы сами черезъ смиренномудріе, черезъ самоосужденіе, чрезъ молитву и изученіе Его словесъ будемъ открывать двери сердецъ нашихъ для принятія Его благодатной помощи. Предстоящіе здѣсь благочестивые міряне да содѣйствуютъ намъ въ томъ, чтобы умножить на землѣ Царствіе Божіе, ибо и имъ вѣщаетъ Апостолъ: „*каждый да назидаетъ ближняго своего*“. Да поможетъ же всѣмъ намъ Господь усовершенствоваться въ Его Истинѣ, „*доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющи-*

мися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія“ (Ефес. IV, 13—14).

„*Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да пріидетъ Царствіе Твое*“. Аминь.

СЛОВО

въ недѣлю св. Женъ Мироносицъ, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 20 апрѣля 1903 года.

Радостный и воспримиряющій праздникъ Воскресенія Христова продолжается; закончилось прославленіе Ѳомы, впервые исповѣдавшаго Іисуса истиннымъ Богомъ, и началось воспѣваніе подвига Мироносицъ, не нарушившихъ вѣрности Христу во дни Его преданія и убіенія, и возвѣстившихъ апостоламъ Его воскресеніе. Апостолы просвѣтили міръ проповѣдью воскресенія, но святыя жены просвѣтили ею самихъ апостоловъ. Прославляя ихъ вѣру, Церковь призываетъ всѣхъ насъ подражать ихъ подвигу, участвовать въ проповѣди о Воскресшемъ, проникаться радостью о Немъ и въ этой радости не только забывать о злобѣ на насъ враговъ, но и отъ всего сердца прощать ихъ ненависть; не только прощать, но и любить враговъ своихъ, съ любовью обнимать всѣхъ людей, призывая ихъ дѣлиться съ нами духовнымъ восторгомъ о томъ, что намъ явно открыта новая жизнь, жизнь непрестающая, вѣчная, исполненная блаженнаго общенія съ Богомъ, какъ предсказалъ Исаія объ участникахъ блаженнаго воскресенія: „*и радость вѣчная надъ главою ихъ; отбѣжде болѣзнь, печаль и воздыханіе*“ (Ис. XXXV, 10).

Благодать воскресенія Христова даже въ нашъ растлѣнный вѣкъ посѣщаетъ благочестивыхъ христіанъ, не только благочестивыхъ впрочемъ, но даже и безпечныхъ. Въ эти дни молятся даже не молившіеся раньше; цѣлуютъ другъ друга даже черствые душою; прощаютъ обиды даже злопамятные, и находятъ удовольствіе оказать любовь ближнимъ даже не милосердные и скупые. „Воскресе Христосъ и жизнь жительствуетъ“, какъ вѣщаетъ богоглаголивый Златоустъ.

Но вотъ среди столь утѣшительныхъ явленій жизни христіанской доходятъ до насъ печальныя, позорныя вѣсти о томъ, что въ городѣ Кишиневѣ въ самый день Христова Воскресенія, въ день прощенія и примиренія, происходило жестокое, безчеловѣчное избіеніе несчастныхъ евреевъ.

Въ то время, когда во святыхъ храмахъ воспѣвали: „другъ друга обымемъ, рцемъ братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ“, въ это самое время за стѣнами храмовъ пьяная озвѣрѣвшая толпа врывалась въ еврейскія дома, грабила имущество жильцовъ, терзала людей, и трупы ихъ выбрасывала изъ оконъ на улицу вмѣстѣ съ товарами еврейскихъ магазиновъ. А тамъ другая жадная толпа, не замѣчая окровавленныхъ тѣлъ, бросалась чрезъ нихъ къ одеждамъ и украшеніямъ и хватала себѣ все, что попадалось подъ руку; грабители обогащались вещами, облитыми кровью несчастныхъ жертвъ!

О Боже! Какъ потерпѣла Твоя благость такое поруганіе Твоей спасительной страсти и преславнаго воскресенія. Ты совершилъ Свой подвигъ, чтобы мы были мертвы грѣху и жили бы только для Тебя (Рим. VI, 11), а здѣсь избивались, жестоко и звѣрски, Твои сродники по плоти, хотя и не познавшіе Тебя по нашему небреженію, но любезные Твоему сердцу, какъ говорилъ Ты незадолго до Твоихъ страданій: „*колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, яко же кокошъ собираетъ пшеницы своя подъ крилѣ своя* (Матѳ. XXIII, 37).

О семъ, братіе, и хочу вамъ разъяснить нынѣ подробнѣе, чтобы вы знали, какъ и понынѣ отвергнутое племя еврейское дорого Духу Божію и какъ прогнѣвляетъ Господа всякій, кто пожелалъ бы обижать его. Чтобы никто не подумалъ, будто мы пристрастно выбираемъ священное ученіе Библіи, я приведу вамъ слова того человѣка, котораго сами іудеи ненавидѣли болѣе всѣхъ людей, ибо многіе изъ нихъ давали клятву—до тѣхъ поръ не вкушать пищи, пока они не убьютъ этого человѣка,—разумѣю св. ап. Павла (Дѣян. XXIII, 12). До того сильна была ихъ ненависть къ нему, что когда онъ открылъ имъ, какъ явившійся Спаситель повелѣлъ ему проповѣдывать Евангеліе презрѣннымъ въ ихъ глазахъ язычникамъ, то они бросали пыль на воздухъ и кричали — не долженъ жить такой человѣкъ (Дѣян. XXII, 23).

И такъ слушайте слова сего человѣка, слова Духа Божія, вѣщавшаго чрезъ него. „*Истину говорю во Христѣ, не лгу; свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть израильтянъ, которымъ принадлежатъ усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе и обѣтованія; ихъ и отцы и отъ нихъ Христосъ по плоти, сущій надъ всѣми Богъ, благословенный во вѣки, аминь*“ (Рим. IX, 1—5).

Слова изумительныя и страшныя! Ты ли написалъ ихъ, Павелъ, возлюбившій Христа, въ Которомъ ты жилъ и Который жилъ въ тебѣ? Ради кого соглашаешься ты быть отлученнымъ отъ Него? Не ты ли написалъ двумя строками выше: *„ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ“* (Рим. VIII, 38—39). Итакъ, самые Ангелы не могли бы сдѣлать того, на что ты добровольно рѣшаешься ради спасенія іудеевъ, іудеевъ—твоихъ враговъ, твоихъ предателей, отъ которыхъ ты принималъ удары палокъ, и оковы, и темницу, и изгнаніе, и смертельное увѣчье.

Смотрите, братіе, и дивитесь: вѣдь слова эти сказаны объ іудеяхъ отверженныхъ, о врагахъ Христовой вѣры! Но да не продлится ваше недоумѣніе, ибо тотъ же мученикъ-апостолъ въ слѣдующей главѣ начинаетъ разъяснять причину своей любви къ израильскому племени. *„Братіе, желаніе моего сердца и молитва къ Богу объ Израилѣ во спасеніе. Ибо свидѣтельствую имъ, что имѣютъ ревность по Богѣ, но не по разсужденію“* (X, 1—2).

Эти слова и понынѣ подтверждаются жизнью іудеевъ. Взирайте на ихъ преданность своему закону, на храненіе субботы, на вѣрность своимъ женамъ, на трудолюбіе, на любовь къ дѣтямъ, на возбужденіе, на послушаніе. Было время, и недавно еще, когда христіане превосходили ихъ во всемъ этомъ, но въ нашъ растлѣнный и безпутный вѣкъ съ какимъ уваженіемъ должны мы взирать на всѣ эти свойства еврейскаго быта въ городахъ нашихъ, гдѣ большинство христіанъ не различаютъ будней, и праздниковъ, и постовъ, постоянно предаваясь пьянству, разврату, праздности. Правда, есть такіе и среди евреевъ, но отъ кого они научились пути беззаконному? Увы, отъ тѣхъ, которыхъ отцы исповѣдаютъ Христа, отъ европейскихъ и русскихъ нигилистовъ, которыми, какъ жабами, кишитъ земля наша, которыхъ книги и газеты отравляютъ воздухъ вокругъ насъ, какъ чума и холера!

Да, должно уважать евреевъ—караимовъ и евреевъ талмудистовъ, но горе и намъ, и имъ самимъ отъ евреевъ нигилистовъ, которые растлѣваютъ и семьи и общество своихъ единоплеменниковъ, которые сѣютъ заразу свою и среди русскаго и среди польскаго юношества, и которые являются главной причиной ненависти къ потомкамъ святыхъ праотцевъ и любезныхъ Господу пророковъ! Впрочемъ, не о нихъ наше слово. Слушайте, какъ далѣе поясняетъ блаженный апостолъ причину своей горячей самоотверженной любви къ этому народу,

какъ онъ поясняетъ причину ихъ невѣрія и ожесточенія противъ Христа. „*Спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсѣмъ пасть? Никакъ. Но отъ ихъ паденія спасеніе язычникамъ, чтобы возбудить въ нихъ ревность*“ (XI, 11). Если бы іудеи всѣ приняли вѣру Христову, то отъ нея отреклись бы язычники, ненавидѣвшіе евреевъ. Если бы евреи всѣ увѣровали, то и мы, братіе, не были бы христіанами, а кланялись бы Юпитеру и Венерѣ, Перуну и Велесу, какъ наши поганые предки. Итакъ остерегайтесь поносить невѣріе іудеевъ; скорбя о немъ, молись, чтобы Господь открылся имъ, но не враждуй съ ними, а повинуйся апостольскому слову о вѣтвяхъ израильскаго народа, отломившихся отъ корня Христа. *Они отломились невѣріемъ, а ты держишься вѣрою: не гордись, но бойся. Ибо если Богъ не пощадилъ природныхъ вѣтвей, то смотри, пощадитъ ли тебя*“ (XI, 20—21).

Страшись же, христіанинъ, обижать священное, хотя и отвергнутое племя. Страшная казнь Божія постигнетъ тѣхъ злодѣевъ, которые, проливаютъ кровь, родственную Богочеловѣку, Его Пречистой Матери, апостоламъ и пророкамъ. Не говори, что эта кровь священна только въ прошедшемъ, а знай, что и въ будущемъ ихъ ожидаетъ пріобщеніе Божескому естеству (2 Петр. I, 4), какъ далѣе свидѣтельствуетъ Избранный Сосудъ Христовъ. „*Не хочу оставить васъ, братіе, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей, чтобы вы не мечтали о себѣ, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти, до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ: и такъ весь Израиль спасется, какъ написано: пріидетъ отъ Сіона Избавитель и отвратитъ нечестіе отъ Іакова; и сей завѣтъ имъ отъ Меня, когда сниму съ нихъ грѣхи ихъ*“ (XI, 25—27).

Ни объ одномъ народѣ — ни о русскихъ, ни о грекахъ не сказано, что всѣ потомки ихъ спасутся въ свое время, а объ евреяхъ это сказано. Пусть же знаютъ жестокіе кишиневскіе убійцы, что они истребляли будущихъ христіанъ, находящихся въ чреслахъ теперешнихъ евреевъ, что они явились дерзкими противниками Промысла Божія, мучителями народа, *возлюбленнаго Богу* и по самомъ его отверженіи (XI, 28).

Такъ грѣховна вражда противъ іудеевъ, основанная на незнаніи закона Божія, но она совершенно непростительна, если исходитъ изъ другихъ побужденій, побужденій гнусныхъ и позорныхъ, какъ это, къ сожалѣнію, выясняется въ послѣднее время. Грабители евреевъ не столько отмщали имъ за противленіе христіанамъ, сколько алкали пріобрѣтенія чужого имущества. Подъ видомъ ревности о вѣрѣ они служили демону корыстолюбія. Они уподоблялись Іудѣ: тотъ цѣлованіемъ пре-

далъ Христа, омраченный сребролюбія недугомъ, а эти, прикрываясь именемъ Христа, избивали Его сродниковъ по плоти для того, чтобы ограбить ихъ стяжанія! Никогда не бывало подобнаго изувѣрства. Въ средніе вѣка казнили еретиковъ и евреевъ, но не ради ограбленія; пытали и жгли враговъ вѣры, но не для того, чтобы наполнять свои карманы чужимъ добромъ, а утробу свою виномъ и водкой. Такъ поступаютъ только людоѣды, готовые на убійство, чтобы насытиться и обогатиться!

Впрочемъ, возможно ли вразумить людей, могущихъ заглушать въ себѣ и совѣсть, и жалость, и страхъ Божій, — всегда ненасытимыхъ, вѣчно пьяныхъ, и удаляющихся св. храма даже въ Свѣтлый день Христова Воскресенія, посвящая сей день прощенія и любви на грабежъ и убійства? Конечно, мудрено ихъ образумить, но помнимъ мы глаголъ Божій къ пророку Іезекіилю: „*сынъ человѣческій, Я поставилъ тебя стражемъ дому Израилеву, и ты будешь слушать слово изъ устъ Моихъ и будешь вразумлять ихъ отъ Меня. Когда Я скажу беззаконнику—смертью умрешь!—а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника отъ беззаконнаго пути его, чтобы онъ живъ былъ: то беззаконникъ тотъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а Я взыщу кровь его отъ твоихъ рукъ. Но если ты вразумлялъ беззаконника, а онъ не обратился отъ беззаконнаго пути своего, то онъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а ты спасъ душу свою*“ (Іез. III, 17—19).

Итакъ, знайте всѣ тѣ, кто не хочетъ вразумиться словами апостола о Божіихъ обѣтованіяхъ евреямъ, о спасеніи, которое ожидаетъ всю ихъ народность, — что не прощаетъ Богъ врагамъ народа Своего, даже и послѣ его отверженія. Не буду напоминать вамъ, какъ отмстилъ Господь египтянамъ, ассиріянамъ и вавилонянамъ, порабощавшимъ и избивавшимъ Израиля, какъ иногда прощалъ Израилю грѣхи его, чтобы посрамить его враговъ: слушайте, что предрекъ Онъ чрезъ Моисея послѣ того, какъ предсказалъ отверженіе народа израильскаго за его нечестіе. Отвергнутаго Израиля „*отвнѣ будетъ губить мечъ, а въ домахъ ужасъ, и юношу, и дѣвицу, и груднаго младенца, и покрытаго сѣдинами старца. Я сказалъ бы — разсѣю ихъ и изглажу изъ среды людей память о нихъ; но отложилъ это ради озлобленія враговъ, чтобы враги его не возмнили и не сказали: наша рука высока, и не Господь сдѣлалъ все сіе... Когда изострю сверкающій мечъ Мой и рука Моя пріиметъ судъ, то отмщу врагамъ Моимъ и ненавидящимъ Меня воздамъ! Ибо Онъ отмститъ за кровь рабовъ Своихъ и воздастъ мщеніе вра-*

гамъ Своимъ и очиститъ Господь землю Свою и народъ Свой“ (Второзак. XXXII, 25—27, 41, 43).

Вѣрующіе въ Бога и во Христа Его! Бойтесь мести Господней за народъ Свой. Страшитесь обижать наслѣдниковъ обѣтованія, хотя и отвергнутыхъ. За невѣріе ихъ будетъ ихъ судить Господь, а не мы. Мы же, взирая на ихъ ревность, хотя и неразумную, будемъ лучше вспоминать отцевъ ихъ: праведныхъ Авраама, Исаака, Іакова, Іосифа и Моисея, и Давида, и Самуила, и Илію, вознесшагося съ плотію на небо, Исаію, принявшаго добровольную смерть за вѣру, Даніила, устрашившаго звѣрей во рвѣ львиномъ, и Маккавеевъ-мучениковъ, съ радостью умиравшихъ за надежду воскресенія. Будемъ не людей избивать и грабить, но сокрушать ихъ ожесточеніе противъ Христа и христіанъ исполненіемъ нашего закона. Умножимъ молитвы, возлюбимъ постъ, явимъ милостыню и участіе страдальцамъ, будемъ ревновать о вѣрѣ; пусть просвѣщается свѣтъ нашъ предъ людьми, чтобы они славили Отца нашего небеснаго и единаго Учителя-Христа. Будемъ посрамлять невѣріе и нечестіе среди самыхъ христіанъ, и тогда смягчится ожесточеніе іудеевъ, „*да придутъ времена отрады отъ лица Господа, и да пошлетъ Онъ предназначеннаго вамъ Іисуса Христа, Котораго небо должно было принять до временъ совершенія всего, что говорилъ Богъ устами всѣхъ святыхъ Своихъ пророковъ отъ вѣка*“ (Дѣян. III, 20—21).

СЛОВО,

сказанное 30 января 1904 г. въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ во время молебствія о побѣдѣ на супостатовъ.

Насталъ день Божьяго испытанія для русскаго народа; намъ объявили войну и дерзостною рукою язычниковъ уже пролита русская христіанская кровь.

Да, грянулъ громъ, началась буря, но все же не скорбное, а напротивъ, торжественное настроеніе духа переживаетъ нынѣ русская земля. И посмотрите, даже въ нашемъ отдаленномъ, пограничномъ городѣ, что совершается въ сей знаменательный моментъ исторіи? Нашъ обширнѣйшій соборный храмъ въ этотъ будничный день, въ этотъ небогослужебный часъ переполненъ одушевленно молящимися толпами народа, какъ въ свѣтлую ночь Св. Пасхи, а газетныя вѣсти сообщаютъ намъ,

что и вся Русская земля отъ океана до океана исполнена тѣмъ же благочестиво-восторженнымъ чувствомъ.

Отнынѣ, какъ и во время прежнихъ подобныхъ событій, уже нѣтъ въ Россіи ни барина, ни простолюдина, ни богача, ни бѣднаго, но есть только Русскій православный народъ. Какъ осенній иней подъ лучами утренняго солнца, исчезъ сегодня тотъ мерзкій и постыдный космополитизмъ, то презрительно-равнодушное, а иногда и прямо враждебное отношеніе къ нашей великой и священной родинѣ, которымъ сквернили себя самихъ, свои уста и свои души многіе недостойные и неблагодарные сыны отцевъ, отстаивавшихъ родную землю потомъ и кровью.

Проснулась Русь, великая и святая, подняли голову лучшіе сыны ея, дотолѣ смиренно переносившіе глумленіе нечестивцевъ. Но и эти послѣдніе, какъ грязную одежду, сразу отбросили отъ себя навѣянное отъ западныхъ растлителей нашей жизни и притворно надѣтое на себя обличіе нигилизма.

Теперь всѣ мы, старые и малые, ученые и простые, знатные и безродные, поняли, почувствовали, что у насъ есть отечество, есть Богъ, есть Спаситель Христосъ, есть Царь, заключающій насъ всѣхъ въ своемъ сердцѣ, есть самоотверженное воинство, устремившееся, по его мановенію, за десять тысячъ верстъ, въ страну невѣдомую и ради послушанія ему ввѣрившее себя коварной морской стихіи, на которой одна вражеская бомба можетъ уничтожить тысячи жизней.

И въ этомъ воинствѣ теперь уже нѣтъ раздѣленія на благородныхъ, живущихъ по укладу западной жизни, и представителей крестьянскаго, смиреннаго быта, а есть одна только Христолюбивая, православная рать, одно неразрывное братство, объединенное не тщеславіемъ, не корыстію, не мстительною злобой, а вѣрою и надеждою на Бога, преданностію Его Помазаннику и безстрашіемъ предъ смертію въ ожиданіи помилованія за гробомъ.

Въ войнѣ бываетъ побѣдителемъ тотъ, кто не боится умирать, а умирать не боится тотъ, кто исповѣдуетъ вѣру въ Искупителя и усваиваетъ отъ Его Евангелія равнодушное отношеніе къ этой временной жизни. Такимъ именно настроеніемъ была прежде исполнена вся русская жизнь, но и теперь, въ наше грѣховное время, оно охватываетъ сердца нашихъ воиновъ, сожигая въ нихъ тернія грѣховныхъ страстей, а чрезъ то дѣлаетъ ихъ неустрашимыми, а, слѣдовательно, и непобѣдимыми.

Впрочемъ, и независимо отъ будущей побѣды или, напротивъ, уроновъ, наши воины, пролившіе свою молодую кровь, явились славнѣйшими побѣдителями для своей родины, убивъ

ъ ней тотъ антихристовъ духъ—духъ нравственнаго разложенія, духъ кощунственнаго безразличія къ добру и злу, къ отчизнѣ и къ врагамъ ея, который, какъ египетская тьма, какъ скверный смрадный туманъ, началъ распространяться среди русскаго общества за послѣднее десятилѣтіе и еще раньше.

Да будетъ же благословенна та христіанская кровь, которую добровольно отдало русское воинство за нравственное обновленіе своего отечества. Блаженны воды морскія, принявшія въ свои глубокія нѣдра тѣла нашихъ просвѣтителей—воиновъ русскихъ. Дорога утрата, но обиленъ ея плодъ! Высока цѣна, но безцѣнна купленная за нее духовная жемчужина!

Теперь всѣ мы—одна семья, одинъ народъ, одинъ духъ, одно сердце, одна стѣна противъ враговъ, одно молитвенное кадило за Православнаго Царя и его воиновъ.

Таково значеніе войны для Россіи, но немаловажно оно и для нашего непріятеля.

Онъ зналъ насъ давно: вотъ ужъ болѣе сорока лѣтъ благовѣствуетъ Христа въ его землѣ одинъ нашъ святѣйшій епископъ, извѣстный всей Японіи преосвященный Николай, примѣромъ жизни своей и словомъ своимъ, раскрывающій тому народу евангельскій путь спасенія. Дѣло его не безплодно: 30.000 японцевъ присоединены имъ къ Христову стаду.

Но если даже богоизбранный народъ Іудейскій не столько слушалъ пророковъ Божіихъ, сколько своихъ развратителей—сосѣднихъ язычниковъ: то весьма понятно, что народъ японскій, издревле обольщенный сквернымъ идолослуженіемъ, предпочелъ сближаться не съ проповѣдниками неповрежденнаго христіанства, а съ гордыми западными еретиками, хотя именующими себя христіанами, но давно утратившими духъ Христова смиренія, духъ Христовой любви, возлюбившими нынѣшній вѣкъ, и живущими по внушенію своихъ страстей, а не по глаголу Евангелія.

Они явились туда съ различными приспособленіями къ житейскимъ удобствамъ, перенявъ которыя японцы рѣшили, что они уже ничѣмъ не хуже просвѣщеннѣйшихъ, по ихъ мнѣнію, народностей, и усугубили свою языческую гордыню языческою культурой ложныхъ христіанъ.

Но вотъ, они видятъ, что съ этимъ западнымъ міромъ ихъ раздѣляетъ огромная страна и многочисленнѣйшій народъ, усвоившій европейскія усовершенствованія внѣшняго быта, но исполненный совершенно иного духа, чѣмъ ихъ новые друзья,—духа смиреннаго и безкорыстнаго, равнодушный къ земнымъ

услажденіямъ, на которыя съ такою жадностью бросились японцы вслѣдъ за своими руководителями на ихъ новомъ гибельномъ пути.

И, конечно, не торговыя затрудненія, не одно только коварное вліяніе нашихъ европейскихъ недруговъ, а причины болѣе сокровенныя и глубокія внушили этимъ культурнымъ дикарямъ то безумно дерзкое нападеніе на Русь, въ которомъ обнаружилась ихъ постепенно возраставшая ненависть къ кореннымъ основамъ русскаго духа, столь противоположнымъ западному строю.

Богъ или міръ, жизнь будущая или наслажденіе въ настоящемъ, Евангельская вѣра или современный языческій нигилизмъ, Христово смиреніе и воздержаніе, или англо-саксонская гордыня и узаконенная чувственность; Россія или Европа,— вотъ вопросы, представшіе сознанію проснувшихся дикарей. Они смѣло пустились по отрицательному теченію ихъ и скоро познаютъ свое безуміе, утопая въ морской пучинѣ, какъ дерзостные Египтяне, возставшіе противъ народа Божія.

Мы же, подобно древнему Израилю, вразумлявшемуся Божественными посѣщеніями и съ раскаяніемъ возвращавшемуся къ забытому Закону Божію, принесемъ прежде всего покаяніе въ томъ измѣннически равнодушномъ отношеніи къ нашей Богопреданной вѣрѣ, къ нашей священной землѣ, которую мы дерзновенно осквернили водвореніемъ на ней нечестиваго и растлѣннаго обычая нашихъ западныхъ враговъ, преклоняясь предъ внѣшнимъ лоскомъ лживаго строя ихъ жизни, и отрываясь отъ Евангельскаго духа, которымъ исполненъ бытъ нашего народа.

Затѣмъ, пусть каждый приметъ посильное дѣятельное участіе въ военныхъ нуждахъ нашего отечества; пусть всякій изъ насъ, кто не можетъ по разнымъ причинамъ идти туда самъ и пролить свою собственную кровь за Царя и Отчизну, пусть каждый умножитъ молитвы, во первыхъ—объ упокоеніи Христолюбивыхъ воиновъ, пожертвовавшихъ собою за Вѣру и Отечество, во вторыхъ—за нашего возлюбленнаго и миролюбиваго Царя и Его воиновъ, чтобы Господь даровалъ имъ скорую и славную побѣду, чтобы утѣшилъ вдовъ и сиротъ убіенныхъ; чтобы вразумилъ враговъ нашихъ познаніемъ превосходства истиннаго христіанства надъ языческимъ укладомъ ихъ древней жизни и ихъ новаго западнаго европейскаго направленія; чтобы Онъ Милосердый и въ нашихъ грѣшныхъ и неблагодарныхъ сердцахъ, не только во времена бѣдствій и войны, но и во времена мирныя обновлялъ духъ правый и духомъ владычнимъ утверждалъ насъ, чтобы помраченіе западною ложью навсегда далеко отошло отъ насъ, и чтобы не просвѣ-

щенный еще Христовымъ Закономъ Дальній Востокъ чрезъ нашъ христіанскій бытъ позналъ бы Солнце Правды, и чтобы ему возсіялъ Христосъ, какъ Истинный Свѣтъ Разума. Аминь.

СЛОВО

въ день четырехъ Московскихъ святителей и Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 5 октября 1904 года.

I.

Многократно собираясь во св. храмъ для молитвы за Царя и отечество во дни патріотическихъ праздниковъ, какъ сегодня, дадимъ себѣ, братіе, отчетъ въ томъ, *что значитъ любить Россію?*

Не будемъ разбирать политическихъ ученій по этому предмету, потому что на почвѣ такого разсужденія мудрено въ краткомъ словѣ привести къ соглашенію спорящія партіи. Нѣтъ, мы постараемся выразить въ понятіяхъ то, что чувствуютъ, быть-можетъ смутно, всѣ Русскіе люди, независимо отъ того направленія мыслей, котораго они держатся.

Но нѣкоторые скажутъ: „Да у меня вовсе нѣтъ любви къ Россіи, я жалѣю, что Россію не завоевала просвѣщенная Французская нація въ 1812 году, да и при объявленіи настоящей войны болѣе сочувствовалъ Японіи, нежели Россіи".

Безутѣшно горько было бы слышать такія рѣчи, еслибы въ нихъ выражались дѣйствительныя строго обдуманныя убѣжденія; но дѣло обстоитъ не такъ плохо, хотя и не совсѣмъ хорошо.

У Русскихъ людей есть неразумная привычка выражаться въ самыхъ парадоксально-отрицательныхъ сужденіяхъ всякій разъ, когда имъ не удается разобраться въ своихъ убѣжденіяхъ по вопросамъ сложнымъ и труднымъ, а не удается имъ это прежде всего отъ легкомыслія и лѣности, а затѣмъ вслѣдствіе ложнаго направленія мысли въ школѣ и въ повременной печати, того западническаго направленія, которое не только не можетъ разъяснить вопросъ окружающей русской дѣйствительности, но еще и запутываетъ естественный здравый смыслъ

наблюдателя. И вотъ чувствуетъ нашъ современникъ, что Россія хотя и хороша, но чужда его образу мыслей, его школьной мѣркѣ сужденій; сердится, но, къ сожалѣнію, не на самаго себя, а на неповинное въ томъ Отечество, и заявляетъ себя его отщепенцемъ, заглушая голосъ совѣсти безумными ругательствами, какъ пьяница—виномъ.

Справедливость подобнаго взгляда на нашихъ отщепенцевъ доказывается тѣмъ, что подобное настроеніе бываетъ временнымъ, бываетъ достояніемъ „безумныхъ лѣтъ“ юности и является свойствомъ лишь такихъ молодыхъ людей, которые вообще не имѣютъ никакихъ серіозныхъ убѣжденій, а если затѣмъ пріобрѣтаютъ убѣжденія, то со стыдомъ и скорбію вспоминаютъ о кощунственной болтовнѣ прежняго времени своей безтолковой жизни.

Аще себѣ быхомъ разсуждали, не быхомъ осуждени были (1 Кор. XIV, 29), говоритъ св. апостолъ. Если бы русскіе люди, называющіе себя образованными, выслушивали бы хотя то, что говоритъ имъ ихъ собственное сердце, если бы не заглушали безпутнымъ поведеніемъ и словеснымъ гаерствомъ тѣхъ сокровищъ истины, которыя безъ труда, а даромъ преподаны ихъ душамъ въ качествѣ полусознательнаго достоянія бытовой наслѣдственности и соприкосновенія съ христіанскою вѣрой, и съ вѣрующимъ народомъ, и съ нашею литературой,—то они узнали бы, что, вопреки собственнымъ заявленіямъ, Россію они всетаки любятъ, но за что любятъ или что они любятъ въ Россіи?—на это не съумѣютъ отвѣтить многіе, даже открытые и горячіе патріоты. Чувство ихъ сильно, цѣльно и ясно, но выразить его словами мало кто съумѣетъ.

Гдѣ же намъ искать отвѣта? Поучимся ему отъ сегодняшняго праздника.

Сегодня въ сердцѣ русскихъ людей слились три начала, охватывающія собою все содержаніе русской жизни въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Прошедшее — это память Московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, настоящее—это молитвы о благопріятномъ исходѣ войны, а будущее—тезоименитство будущаго Царя Россіи.

II.

Знакомые съ отечественною исторіей знаютъ, что цѣлокупность русской жизни держалась въ средніе вѣка не мірскимъ правительствомъ, не князьями и полководцами, а святителями стольнаго града.

Болѣе трехсотъ лѣтъ Россіи не было, какъ единой державы, но была Россія, какъ единая митрополія, да и впослѣдствіи, до времени Петра Перваго, единство Россіи, какъ рели-

гіознаго общества, было гораздо дѣйствительнѣе, надежнѣе и крѣпче, нежели ея единство государственное, колебавшееся то самозванцами, то междуцарствіями.

Еще болѣе замѣчательно то явленіе, что выразители, или точнѣе, виновники духовнаго и бытового единства русской жизни, святители митрополиты, сложившіе затѣмъ и ея политическую цѣльность, не были разсчетливыми политиками въ родѣ прелатовъ римской куріи или кардиналовъ Франціи XVII вѣка; нѣтъ, это были прежде всего и по преимуществу подвижники личнаго спасенія, заботившіеся не объ отдаленномъ будущемъ (хотя иногда и прозиравшіе въ него чрезъ озареніе свыше), но о томъ, чтобы „въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ“. Оставляя въ юности мірское званіе, они поступали не въ архіереи, а въ послушники-чернорабочіе; они были не роскошные духовные вельможи, но согбенные и смиренные старцы, общники нашихъ пустынножителей и сильные обличители царей, если послѣдніе забывали Божій законъ. Плохо понимаютъ ихъ тѣ историки, которые главнымъ дѣломъ святителей считаютъ подчиненіе удѣльныхъ князей великому князю: они стояли только за правду Божію, а постепенное объединеніе государственной жизни Россіи явилось лишь, какъ естественное слѣдствіе внутренняго тяготѣнія къ ея нравственному сосредоточію около святительскихъ престоловъ, возглавляемыхъ праведниками.

При жизни своей они были дороги всей Руси, а по смерти становились еще драгоцѣннѣе не только своимъ нравственнымъ обликомъ, своими нетлѣнными тѣлами, но и храмомъ, въ которомъ были погребены, и градомъ, который украшался ихъ Успенскимъ храмомъ, единодушно почитавшимся отъ нашихъ предковъ, какъ земное небо, какъ явное вмѣстилище чудодѣйственной Божественной благодати.

Исторія Греціи, Рима и государствъ европейскихъ протекала въ борьбѣ правительства и народа, монархіи и олигархіи, а наша отечественная исторія болѣе знакома съ противоположною картиной. Народъ изъявляетъ безусловную покорность Царю, готовъ умирать по его слову, а Самодержавный Царь согбенно держитъ главу свою въ постоянномъ опасеніи внести произволъ или вообще личное начало въ то общенародное дѣло, которое поручено Ему Богомъ. Онъ раздѣляетъ со Своимъ народомъ строгіе подвиги христіанской вѣры и во дни святой четыредесятницы добровольно алчетъ и жаждетъ болѣе, нежели любой бѣднякъ. Стараясь выражать своими приказаніями только равнодѣйствующую различныхъ нуждъ народной жизни, Онъ былъ неумолимо строгъ къ нарушителямъ ея православнаго строя и исполнялъ глаголъ Сказавшаго: *болій въ васъ, да будетъ всѣмъ слуга.*

Быть можетъ, еще замѣчательнѣе то обстоятельство нашего прошлаго, что, при безусловномъ преобладаніи религіозныхъ, церковныхъ началъ общественной жизни надъ всякими другими, нашему отечеству былъ неизвѣстенъ захватъ послѣднихъ въ руки духовенства, какъ это было на латинскомъ Западѣ. У насъ преобладала Церковь, но не духовенство, религія, но не клиръ. Всѣ были служителями вѣры—и священники, и народъ, и патріархи, и Цари, но царствовалъ Христосъ, церковный законъ, а не его духовные выразители. И въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда послѣдніе измѣняли своему призванію, ихъ отвергалъ самъ народъ, какъ уніата Исидора.

Законы Церкви, правила вѣры знали всѣ, а потому никто не могъ ими злоупотреблять. Кромѣ нихъ ничего не знали и ни предъ чѣмъ условнымъ не преклонялись. Жизнь Россіи была жизнью Церкви; слова молитвы Господней: *да пріидетъ царствіе Твое*, осуществлялись непрестанно.

Вотъ какое содержаніе русской жизни сложили ублажаемые четыре святителя, великіе не по высокому сану, но высокій санъ получившіе за великую душу, за святую жизнь. Меньшіе ихъ по сану, но равные по добродѣтели, въ одинаковой мѣрѣ съ ними, были вождями русской жизни и творцами русской исторіи, какъ препод. Сергій, Кириллъ, или раньше Ѳеодосій Печерскій.

III.

Таково прошедшее Россіи, открывающееся въ сегодняшнемъ праздникѣ. Что же открываетъ онъ объ ея будущемъ.

Будущій Царь Россіи рождается при условіяхъ необычныхъ, но давно изъясненныхъ въ Божественномъ писаніи. Онъ—давно желанный Первенецъ мужскаго пола Царственной Четы и Русскаго народа. Но не скоро даровалъ Его Господь Державнымъ Родителямъ и землѣ: Онъ родился пятымъ у Матери Своей, предупрежденный четырьмя сестрами, радовавшими, конечно, сердце Родительское, но не успокаивавшими сердце Царское.

Такая медлительность Промысла многократно повторялась въ Священной Исторіи, когда ожидался нѣкто великій. Такъ, патріархи Ветхаго Завѣта: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іуда, Іосифъ, стремившіеся передать своему первенцу таинственныя обѣтованія грядущаго всеобщаго избавленія, не получали въ первенцы тѣхъ, кого сами желали. Не Измаилъ, не Исавъ, не Рувимъ, не Иръ, не Зара, не Манасія были преемниками священнаго залога первенства, но ихъ младшіе братья. Сіе Господь творилъ тогда, когда хотѣлъ показать Своимъ избранникамъ, что не отъ нихъ, не отъ человѣка зависятъ судьбы

грядущія и направленіе Божественнаго Промысла, но только отъ Его всемогущей воли.

Такъ и нынѣ Онъ даровалъ Царю Сына-наслѣдника лишь на десятомъ году его супружества, послѣ совершеннаго Царственною Четою духовнаго подвига въ видѣ путешествія на открытіе святыхъ мощей преподобнаго Серафима.

Я не пророкъ и не сынъ пророка (Ам. VII, 14), будущихъ событій нашей жизни не знаю, но намъ указано отъ Бога, что, насколько это зависитъ отъ людей, они должны пріуготовлять ихъ, руководствуясь духовными цѣлями, а не земными, какъ руководились наши предки, шедшіе по стопамъ своихъ духовныхъ вождей.

Наслѣдникъ Престола нареченъ именемъ Алексія въ честь одного изъ нихъ, но это имя, данное будущему Царю Россіи, напоминаетъ намъ и Алексія Перваго, Михаиловича, любимѣйшаго изъ древнихъ Царей, Московскаго Царя по преимуществу, бывшаго образомъ, или, выражаясь по современному, идеаломъ Русскаго Царя, совмѣщавшаго въ себѣ всѣ благія чаянія русскаго сердца, смиреннаго въ личной жизни, но твердаго и грознаго въ исполненіи долга своего званія.

IV.

Таковы молитвенныя чаянія будущихъ судебъ Россіи, соединенныя съ сегодняшнимъ днемъ: что же говоритъ онъ намъ о настоящемъ?

Телеграфныя извѣстія, съ лихорадочною поспѣшностью расхватываемыя и читаемыя русскимъ народомъ, тоже открываютъ намъ ту истину, что не земными разсчетами, а десницей Божіею управляется Россія.

Мы ожидали легкой побѣды надъ азіатскими язычниками, но намъ сообщаютъ о тяжеломъ подвигѣ нашего самоотверженнаго воинства, о потокахъ крови, о десяткахъ тысячъ убитыхъ. О семъ печалью раздирается наше сердце, но и оно и сладость находитъ въ горечи сообщеній, потому что эти самыя извѣстія говорятъ намъ о сохранившейся силѣ древнерусскаго духа, о безстрашіи нашихъ воиновъ въ ожиданіи смерти, объ ихъ великодушіи, о самоотверженіи и, что всего важнѣе, объ ихъ *долготерпѣніи*, то-есть той самой непонятной современникамъ добродѣтели, которою сложилась святая Русь, которая является главнымъ средствомъ спасенія христіанина по сказанному Петромъ-апостоломъ: „*и долготерпѣніе Господа нашего почитайте спасеніемъ, какъ и возлюбленный братъ нашъ Павелъ по данной ему премудрости написалъ вамъ*“ (2 Петр. III, 15).

Здѣсь именно раскрылась русская духовная природа изъ-

подъ сора суеты, изъ-подъ несродныхъ ей наслоеній ложнаго воспитанія и исходящаго изъ городовъ распутства; тутъ настоящая, неискаженная, святая Русь открылась изъ-подъ офицерскихъ и солдатскихъ мундировъ, и въ нихъ, въ нашихъ христолюбивыхъ подвижникахъ-герояхъ, узнала себя самое мирная Россія, дотолѣ закрытая отъ собственныхъ глазъ печатною ложью еврейскихъ и лжелиберальныхъ газетъ и журналовъ.

И какъ далека эта беззавѣтная преданность Отечеству, Царю и присягѣ отъ всѣхъ тѣхъ праздныхъ рѣчей о правахъ и гарантіяхъ, о довѣріи и недовѣріи, о разныхъ свободахъ и несвободахъ, отъ этихъ совершенно чуждыхъ нашей народной жизни заграничныхъ рамокъ, въ которыя насъ хотятъ втиснуть журналисты, какъ будто наша страна есть завоеванная, какъ будто Правительство есть чуждое землѣ нашей учрежденіе.

Нѣтъ, ей, напротивъ, чужды всѣ эти придуманныя, навязанныя намъ понятія; ей чужда лжелиберальная печать, не знающая народа, тайно его ненавидящая, *якоже ненавидитъ блудница жену мудру и добру зѣло* (3 Ездры XVI, 50).

V.

Но можетъ кто-либо скажетъ:

„Не знаю, кто кого ненавидитъ, а я люблю Россію; но не эту допетровскую, мужицкую Россію съ ея смиреніемъ и терпѣніемъ, не эту Русь славянофиловъ съ ея проселочными дорогами, лаптями, постами и богомольцами, а Россію реформированную, цивилизованную; я цѣль своей любви къ Отечеству полагаю въ томъ, чтобы пересаживать на родную почву блага европейской культуры, дабы она была во всемъ подобна могущественнымъ государствамъ просвѣщеннаго Запада“.

Да, многіе готовы повторять подобныя слова и, пожалуй, искренно, но не отъ глубины сердца. Такъ говорятъ, либо довѣрчивые, не знающіе жизни читатели либеральныхъ передовицъ въ газетахъ и „внутреннихъ обозрѣній“ въ журналахъ, либо скорые, но неглубокіе умы, блуждающіе всегда на поверхности явленій и не обращавшіе никогда своего вниманія на внутренній голосъ собственнаго духа.

Впрочемъ, въ жизни подобныхъ людей происходитъ замѣчательное явленіе, если только они искренни. Побывавъ за границей, они сразу отказываются отъ своего поклоненія заморскимъ порядкамъ. Тамошнее религіозное и нравственное *вырожденіе*, отмѣченное ихъ собственными писателями, поражаетъ Русскихъ людей явленіями всеобщаго себялюбія, черствости, сухости и подобныхъ свойствъ самаго мелкаго скряж-

ничества, прикрытыхъ надутыми словами благородной независимости и притворнаго великодушія.

Отъ Государя Александра Перваго до любого современнаго студента всѣ правдивые Русскіе люди возвращаются оттуда иными, чѣмъ отправлялись туда. Теперь они начинаютъ прислушиваться къ тому внутреннему, прежде заглушенному, голосу, который говорилъ имъ:

„Подожди, не хай свою Россію, не поноси нашего мужика, вѣдь ты чувствуешь въ нихъ нѣчто правдивое, святое, родное, чему смутно сорадуется твое сердце. Ты только не хотѣлъ разобраться въ этомъ ощущеніи, понять, что, взамѣнъ внѣшняго казарменнаго порядка европейскаго быта, у насъ люди опираются на нравственную правду, преклоняются не предъ формальнымъ узаконеніемъ, какъ тамъ, а предъ святыми заповѣдями Евангелія; заботятся о благоустроеніи своей жизни въ вѣчности, а потому равнодушны къ благамъ жизни временной. И хотя ты, быть-можетъ, осмѣивалъ ихъ настроеніе, какъ безплодную мечтательную отвлеченность отъ насущныхъ интересовъ жизни, но и прежде, а особенно теперь, въ виду постылаго западнаго матеріализма, самъ благоговѣешь предъ подвижниками высшихъ началъ, которыхъ ты тамъ не встрѣтишь, а у насъ узнаешь во всякой богомолкѣ съ посошкомъ и котомкой, во всякомъ „дядѣ Власѣ“ или смиренномъ отшельникѣ. Черно, сѣро все это, но помни, кто были „званные на вечерю Господню“, кому труднѣе войти въ царство небесное, чѣмъ верблюду въ игольныя уши, кому обѣщано блаженство, и кому горе въ грядущемъ вѣкѣ“.

Кто умѣетъ такъ бесѣдовать съ самимъ собою, тотъ скоро познаетъ и то, что не только душа народа, сохраняющая начала прежней чисторусской культуры, но и душа мыслящаго интеллигента во многомъ сроднѣе первой, нежели тѣмъ теоретическимъ началамъ, которыя онъ проповѣдуетъ. Такъ, онъ благоговѣетъ предъ подвигомъ самоограниченія и самоотверженія, хотя бы и исповѣдывалъ утилитаризмъ, негодуетъ отъ всей полноты души на себялюбіе и черствость къ страдальцамъ, хотя бы и превозносилъ выдуманнаго сумасшедшимъ нѣмцемъ безжалостнаго сверхъ-человѣка, преклоняется предъ безстрашнымъ обличителемъ стяжаній, предъ добровольнымъ нищимъ, хотя бы и мнилъ себя послѣдователемъ голландскаго ученія о капитализмѣ.

Вотъ въ какой степени правъ современный французскій писатель, завѣряющій, что всѣ русскіе и до сего времени въ сущности ищутъ только духовной религіозной правды жизни, хотя бы въ теоріи и отрицали догматы религіи. Такъ называемая реальная жизнь, то-есть благополучіе земное, очень

мало интересуетъ типичнаго Русскаго человѣка, какія бы заблужденія онъ ни проповѣдывалъ.

VI.

Итакъ, не растлилась еще русская природа въ душахъ нашихъ *и она-то, именно она, есть предметъ нашей любви къ Отечеству.*

Правда, намъ, кромѣ того, дорога наша Отчизна въ ея государственной цѣлости, въ ея необъятно великомъ географическомъ пространствѣ, въ крѣпости ея государственныхъ учрежденій. Но это лишь оболочка духовнаго содержанія, внутренняго сокровища, именуемаго святою Русью. Если хозяинъ сберегаетъ драгоцѣнное вино, то заботится и о сохраненіи сосуда, безъ котораго оно разлилось бы по полу. Если добрый христіанинъ любитъ Бога и усерденъ къ молитвѣ, то оберегаетъ и украшаетъ храмъ, въ которомъ ему преподаются дары благодати: но потому только и дорогъ сосудъ, что въ немъ хранится прекрасная влага, потому и святъ храмъ, что въ немъ учимся познавать Бога.

Такъ и Россію мы любимъ потому, что она хранитъ въ себѣ русскую идею, русскую духовную природу, русскій бытъ. Эта идея есть царствіе Божіе, эта природа есть стремленіе къ святости, этотъ бытъ выражаетъ собою усиліе семисотлѣтней жизни страны и девятисотлѣтней жизни народа водворять на землѣ праведность евангельскую, отвергнуться всего, чтобы найти Христа, ставить Его волю, каноны Его Церкви закономъ общественной жизни.

Разнообразны и неисчислимы тѣ бытовыя и душевныя явленія, въ которыхъ сказывается эта историческая идея Россіи, немногіе съумѣютъ отмѣтить и опредѣлить ихъ, но это стремленіе къ внутренней духовной правдѣ въ личной и общественной жизни, эта отчужденность отъ западной гордыни и самолюбія, главныхъ рычаговъ тамошней жизни, это равнодушіе къ земному благополучію, — всѣ эти особенности нашей русской жизни и русской души, хотя бы и искаженной порочными паденіями личности, складываютъ въ ней особую настроенность, выражающуюся въ тягостной неудовлетворенности западническими началами жизни и въ нѣжной, хотя и смутно сознаваемой, сыновней любви ко всему родному и Родинѣ.

Сію любовь испытываютъ, вопреки самимъ себѣ, даже такіе завзятые западники, какъ Некрасовъ, Герценъ, Тургеневъ и если они и подобные имъ современники наши бранятъ Россію, то они скользятъ лишь по поверхности своей души подобно подросткамъ, злословящимъ своихъ родителей, но го-

товымъ умереть отъ горя, когда родители подвергаются опасности или тяжкимъ страданіямъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ выступаетъ наружу таившееся природное глубокое чувство, которое трудно вытравить празднымъ злословіемъ.

Да выступитъ же это чувство въ насъ, слушатели, въ эти священные часы общей нашей молитвы, въ которой соединяется откровеніе судебъ нашей Родины — прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Наша Родина есть воплощающееся въ народномъ характерѣ и народномъ бытѣ Евангеліе, воплощающееся Царство Божіе; наша Русь не есть только юридическое цѣлое или государство, нѣтъ — это всемірная, всеобъемлющая идея.

Ее любить, ее разумѣть, ее проводить въ нашу душу и въ зависящія отъ каждаго изъ насъ отрасли жизни, вотъ въ чемъ нашъ долгъ, вотъ въ чемъ наша истинная радость, вотъ въ чемъ примиреніе всѣхъ и съ жизнью вообще и со своимъ жребіемъ, вотъ о чемъ должна возноситься наша общая молитва въ день сей и во всѣ дни жизни. Аминь.

СЛОВО

о Страшномъ Судѣ и современныхъ событіяхъ, произнесенное въ Исаакіевскомъ соборѣ 20-го февраля 1905 г.

Господь, долготерпящій о нашихъ грѣхахъ, сподобилъ насъ дожить до предверія св. Четыредесятницы и еще разъ услышать въ храмѣ Божіемъ Его предсказанія о Своемъ второмъ пришествіи.

Страшный Судъ! О, горестное слово для сыновъ суетной современности.

Страшный Судъ! Какъ они не любятъ напоминать объ этомъ Судѣ! Даже тѣ, которые согласны тебя слушать, пока ты говоришь о нѣкоторыхъ евангельскихъ заповѣдяхъ, лишь только услышатъ о Страшномъ Судѣ, или о неизбѣжной для каждаго смерти, сейчасъ же омрачаютъ свои лица, стараются перемѣнить разговоръ или даже отвѣтить тебѣ какимъ-нибудь грубымъ кощунствомъ.

Увы, они испытываютъ при этомъ то же настроеніе духа, какъ нѣкогда нечестивый язычникъ Феликсъ, любившій слушать Апостола Павла, но когда послѣдній *говорилъ о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ, то Феликсъ пришелъ*

въ страхъ и отвѣчалъ: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя (Дѣян. XXIV, 25).

Иначе, братіе, относились къ мысли о Страшномъ Судѣ древніе христіане. Не страшнымъ, а вожделѣннымъ представлялся онъ имъ. Они не отворачивались съ ужасомъ отъ представленія Суда Божія, но радостно простирали къ нему руки. Когда Господь вознесся на небо, и обликъ Его исчезъ изъ глазъ Святыхъ Апостоловъ, то они не могли отвести своихъ взоровъ отъ небесныхъ высотъ до тѣхъ поръ, пока не явились два свѣтлые ангела и удостовѣрили ихъ въ томъ, что *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте Его, идуща на небо* (Дѣян. I, 11).

Тогда святые Апостолы обратили къ земнороднымъ свое слово и имъ посвятили свои труды, но свою силу и свое терпѣніе почерпали въ томъ блаженномъ ожиданіи грядущаго съ небесъ Вѣчнаго Судіи, каковое они завѣщали и своимъ ученикамъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Этимъ же ожиданіемъ жили первые христіане, безропотно перенося житейскую неправду, тяготясь данною въ удѣлъ людямъ многострастною плотью и созерцаніемъ человѣческихъ беззаконій. Они утѣшали себя увѣренностью, что придетъ конецъ сему безбожному вѣку, что возвратится на землю сладчайшій Господь Іисусъ и Своимъ нелицепріятнымъ судомъ посрамитъ возносящееся нечестіе, вознесетъ и прославитъ угнетаемую правду. Подобное ожиданіе по временамъ охватывало христіанскія общины съ такою нетерпѣливостью, что люди оставляли свои обычныя занятія и ни о чемъ не хотѣли слышать, кромѣ какъ объ ожидаемомъ Спасителѣ и *наступающемъ днѣ Его*, такъ что Апостолъ Павелъ принужденъ былъ особымъ посланіемъ охлаждать ихъ неумѣренный пылъ (2 Солун.). Да и та книга, въ которой заключены слова нашего спасенія, т. е. Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, заканчивается мольбой къ Нему о скорѣйшемъ возвращеніи на землю для послѣдняго суда. *И Духъ и невѣста говорятъ: пріиди! и слышащій да скажетъ: пріиди! Ей, гряди, Господи Іисусе!* (Апок. 22, 17, 20).

Скажи теперь, современный христіанинъ, почему же ты испытываешь иныя чувства при мысли о второмъ пришествіи Господнемъ? почему они болѣе подобны чувствамъ врага Христова Феликса, а не Его блаженныхъ Апостоловъ и ихъ учениковъ? почему ты содрогаешься, когда слышишь о томъ, какъ небеса съ шумомъ падутъ, какъ будутъ распадаться гробы и возставать умершіе по трубному звуку Архангела, какъ море отдастъ своихъ мертвыхъ, и всѣ нагими предстанутъ предъ Сына Человѣческаго? Вѣдь не для тебя должно казаться все

это страшнымъ, вѣдь тебѣ, какъ христіанину, сказано иное: *когда же начнетъ это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваша, потому что приближается избавленіе ваше* (Лук. XXI, 28). Зачѣмъ же ты трепещешь, слыша то, чему долженъ радоваться? Не тебѣ должно страшиться и плакать, а врагамъ Христовымъ, язычникамъ; не будь же подобенъ тѣмъ, о коихъ сказано: *тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ, и тогда восплачутся вси племена земныя* (Матѳ. XXIV; 30), и еще: *се грядетъ съ облаками, и узритъ Его всяко око и тѣ, которые пронзили Его, и возрыдаютъ предъ Нимъ вси племена земныя* (Апок. I, 7).

Ты тоже страшишься и плачешь? Плачь же, но не о Судѣ Божіемъ, а о своемъ отступленіи. Исповѣдай Богу, что сердце твое отступило отъ Его Евангелія, что возлюбилъ ты нынѣшній вѣкъ съ его неправдой, что отвратился ты дѣлами своими отъ Христа и Его правды, что ты ложно носилъ Его имя, а служилъ Веліару, у котораго нѣтъ общенія со Христомъ. Принеси покаяніе Богу, вступи въ предстоящее поприще поста и молитвы, какъ возвращающійся въ домъ отца блудный сынъ, бей себя въ перси, какъ кающійся мытарь—и тогда не потеряна твоя надежда, ибо небесное царствіе восхитили и благоразумный разбойникъ и покаявшаяся блудница, и мытарь, отрекшійся отъ своего стяжанія. Спѣши и ты подражать ихъ примѣру.

Но увы, еслибъ ты былъ близокъ къ нимъ по духу, то не отвращалъ бы ушей своихъ отъ слушанія о Страшномъ Судѣ. А если, слыша о немъ, нахмуриваешь лице свое, то вижу въ немъ не покаянное чувство, столь мало доступное сынамъ нашего горделиваго, лживаго вѣка, но злобное упорство, выражающееся въ попыткѣ найти отговорку своему невниманію. Кто изъ насъ, духовныхъ, не знаетъ этихъ отговорокъ, чьи уши не были поражаемы ими, какъ ударами бича? Мы не суда грядущаго боимся,—такъ говорятъ теперешніе люди: мы не союзники враговъ Христа и Его ученія, но мы беремъ изъ послѣдняго лишь высокія заповѣди о правдѣ и любви къ меньшей братіи, а туманными предсказаніями о концѣ міра мы не интересуемся, и потому не любимъ слушать этихъ мрачныхъ предвѣщаній, сжимающихъ сердце безотрадными ужасами.

Но зачѣмъ же вамъ ужасаться, если такъ? Вы любите правду и милосердіе? Тогда Страшный Судъ будетъ днемъ вашего торжества. Тамъ откроется высшая правда, тамъ упразднится разность между людьми по сословіямъ и состоянію: цари предстанутъ вмѣстѣ съ рабами, іерархи съ простецами, старцы съ юношами, богачи и нищіе вкупѣ. Если вы избрали милосердіе къ бѣднымъ знаменемъ своей жизни, то для чего бои-

тесь суда Божія? Вѣдь на немъ только объ этомъ и будетъ спрашивать Господь. Ни о благочестіи, ни о молитвахъ, ни о постахъ, ни даже о цѣломудріи,—вообще ни о чемъ, что вамъ такъ не по душѣ, не спроситъ васъ Небесный Судія, а только о напитаніи алчущихъ, о посѣщеніи больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ.

Или вы смутно чувствуете, что не устоять вамъ на этомъ допросѣ, что ваше правдолюбіе было лишь личиной вашего мятежнаго духа, вашего внутренняго человѣконенавистничества, что о любви къ меньшей братіи вы только говорили, а любили исключительно себя самихъ, и пышныя слова, которыми питали свое тщеславіе, и подъ которыми укрывали свою себялюбивую праздность?

Помилуйте, мы ли не работали для общественной правды и для меньшей братіи? Мы ли не старались о введеніи равенства, участвуя въ современномъ „освободительномъ движеніи", мы ли не боролись противъ чиновническаго произвола? такъ заговорятъ представители передовыхъ слоевъ общества, оправдывая себя отъ нашихъ обвиненій.

О, еслибъ они не говорили такъ! О, еслибъ эти несчастные безумцы такими словами не осуждали невольно самихъ себя прежде, чѣмъ услышатъ осужденіе отъ Господа! Вѣдь тѣ, которыхъ онъ признаетъ исполнившими заповѣдь любви, тѣ блаженные праведники, которыхъ Онъ призоветъ въ Свое царство, не найдутъ въ своей памяти дѣлъ любви, а будутъ въ смиренномъ покаяніи только грѣхи свои вспоминать, и скажутъ Христу: *Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили или жаждущимъ и напоили?* и прочее (Мтѳ. XXV, 37). Напротивъ того, нечестивые будутъ проникнуты тѣмъ же духомъ мрачнаго самооправданія, какимъ исполнены наши несчастные современники. *Когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ?* (44).

Да, чѣмъ болѣе самооправданія у людей, тѣмъ ближе они подходятъ къ изображенію участи осужденныхъ навѣки.

Горе, горе вамъ, лукавые, хвастливые лжецы! Не столь ужасны ваши беззаконія, вашъ развратъ, ваша черствость, ваше забвеніе Бога и вѣчности, сколько пагубный духъ самооправданія, закрывающій предъ вами всѣ пути къ исправленію себя, всѣ двери къ покаянному воплю.

А духомъ этого горделиваго оправданія себя и осужденія другихъ проникнута вся современная жизнь; ему научаютъ дѣтей отъ школьнаго возраста, имъ извращаютъ русскій народный характеръ, народный духъ, тотъ духъ смиренномудрія, терпѣнія и любви, въ которомъ русскіе познали Христа, въ

которомъ пребывалъ Христосъ, какъ принято говорить, родившійся въ Виѳлеемѣ и живущій въ Россіи.

Но этотъ духъ смиреннаго самоосужденія давно вытравленъ изъ нашего общества языческимъ бытомъ (культурой) еретическаго Запада, и оттуда общая ненависть къ слышанію о Страшномъ Судѣ Божіемъ, когда никакая ложь не поможетъ самооправдывающейся гордынѣ, но она будетъ изобличена, посрамлена и осуждена предъ лицемъ цѣлой вселенной.

Но чтобы и теперь явить безотвѣтными носителей сего горделиваго духа въ глазахъ людей искреннихъ и благоразумныхъ, подвергнемъ безпристрастной оцѣнкѣ предметъ ихъ ложной похвальбы, то-есть ихъ общественную дѣятельность, ихъ общественныя стремленія. Это ли дѣло любви? Исполненные исконною злобой, ненавистью ко всему русскому, руководители этого движенія не останавливаются ни предъ чѣмъ, чтобы такою же злобой исполнить сердца юношей студентовъ и тѣхъ слоевъ простолюдиновъ, которые могутъ быть доступны ихъ вліянію. Пользуясь легкомысленною неопытностью однихъ и обманывая другихъ чрезъ разнаго рода переодѣтыхъ, самозванцевъ, они влекутъ ихъ къ участію въ уличныхъ безпорядкахъ, подъ пули и плети, имѣя въ виду лишь ту единственную цѣль, чтобы потомъ кричать о строгой расправѣ начальства и поселять озлобленіе противъ Правительства.

Разгоряченные, разочарованные юнцы, какъ учащіеся, такъ и фабричные, дѣйствительно не могутъ разобраться въ томъ, кто виновники ихъ бѣды, и готовы вѣрить, со словъ своихъ лукавыхъ руководителей, будто неизбѣжная строгая расправа съ ними есть произволъ Правительства, на которое они озлобляются еще болѣе, и затѣмъ еще болѣе слѣпо отдаются во власть зачинщиковъ мятежа, какъ кролики, бросающіеся въ пасть удава.

А что сказать о преобразовательныхъ толкахъ въ нашей печати и въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ?

Можетъ быть здѣсь видно попеченіе о благополучіи Родины? Увы, нѣчто совершенно противоположное! О чемъ хлопочутъ они во всѣхъ своихъ постановленіяхъ? Только о томъ, что выгодно для самихъ мятежниковъ. О томъ, чтобы раздѣлять власть съ законнымъ Правительствомъ, да о безпрепятственномъ распространеніи мятежныхъ идей чрезъ печать и другія средства, такъ чтобы никто не имѣлъ права ограничивать такихъ преступниковъ иначе, какъ посредствомъ судебной волокиты. Вотъ что легко уразумѣть подъ криками о свободѣ печати и объ отмѣнѣ административной высылки и административныхъ арестовъ.

Больше они ни о чемъ и говорить не умѣютъ, да и что сказать имъ о Россіи, о русскомъ народѣ, котораго они не знаютъ, котораго изучать не хотятъ, котораго въ душѣ своей глубоко ненавидятъ.

И вотъ такіе люди пользуются теперь самымъ широкимъ вліяніемъ на наше юношество, на наше общество. Попущеніемъ Божіимъ оно предано *въ неискусенъ умъ творити неподобная и исполнено всякой неправды* (Рим. I, 29).

Не такъ, совсѣмъ не такъ совершилось въ сегодняшній день февраля сорокъ четыре года тому назадъ дѣйствительное освобожденіе меньшихъ нашихъ братій отъ крѣпостной зависимости. Тамъ не было ни скандаловъ, ни крамолы, ни борьбы за свое собственное право, а нѣчто совершенно обратное, возможное только въ жизни Русскаго Государства: былъ государственный и общественный, добровольный и самоотверженный *подвигъ*. Царь и лучшіе люди просвѣщеннаго общества, никѣмъ не понуждаемые, руководимые единственно Божіею правдой и милосердіемъ, напомнили помѣщикамъ о томъ, какъ незаконно держать въ рабствѣ православный народъ — своихъ братьевъ, за которыхъ умеръ Христосъ, и которыхъ многіе изъ нихъ не только мучили непосильнымъ трудомъ и жестокимъ обращеніемъ, но и калѣчили нравственно, заставляя сыновъ народа, вмѣсто любезныхъ ему священныхъ молитвословій, заниматься кривляніемъ на своихъ театрахъ, — растлѣвая чистоту дѣвъ и разрушая священныя узы брака.

И вотъ помѣщики, въ огромномъ большинствѣ своемъ, дружно откликнулись на Царскій призывъ, и народъ, получивъ свободу, не домогаясь ея, получилъ не какъ завоеванное право, но какъ добровольный даръ. Вотъ это по-нашему, это по-русски, это достойно Россіи, объединенной не чрезъ формальное право, но посредствомъ правды Божіей и добровольнаго послушанія.

Не то мы видимъ теперь. Теперь почти всѣ слои общества, какъ голодные волки, требуютъ себѣ всякихъ правъ и льготъ, не желая знать нашей общей бѣды на Дальнемъ Востокѣ, да и собственныхъ своихъ правъ, своей настоящей пользы вовсе не разумѣя.

Да, воистину, это общественное помраченіе, эта нравственная эпидемія, охватывающая просвѣщенные слои русской жизни, достойны многихъ слезъ, если у кого еще остались слезы по прошествіи нынѣшней печальной годины. Всегда холодные къ своей Родинѣ, передовые сыны Россіи обрушились на свою мать, увидѣвъ ее угнетенною внѣшнимъ врагомъ. Чего не сдѣлалъ бы ни одинъ болѣе благородный непріятель страны, на то дерзаютъ ея неблагодарные сыны. Они зло-

радствуютъ всякой малѣйшей неудачѣ нашей на войнѣ въ то время, какъ ихъ самоотверженные братья, измученные, истомленные продолжительнымъ походомъ, видятъ постоянную смерть предъ глазами и спокойно бросаются въ ея холодныя объятія за Вѣру, Царя и Отечество.

Итакъ, смотрите, какое право имѣютъ хвалиться правосудіемъ и братолюбіемъ наши безумные современники. О, печальное, горестное время! О, непростительное, жестокосердное легкомысліе! Поистинѣ, мы видимъ нѣчто напоминающее послѣдніе дни земной жизни Спасителя, когда народъ, возглашавшій Ему сегодня: *„осанна“*, черезъ пять дней кричалъ: *распни Его, кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!* Не подобную ли противоположность представляютъ собой народныя шествія въ нашей столицѣ: въ началѣ прошлаго года патріотическія и вѣрноподданическія, а въ началѣ нынѣшняго года мятежныя, исполненныя себялюбивыхъ требованій.

И пусть бы сходили съ ума уже давно опьяненные мятежнымъ духомъ крайніе либералы, люди никогда не имѣвшіе ни общественной почвы, ни вѣры, ни воспитанія, ни Отечества: но вѣдь теперь слова ихъ повторяютъ и мирные граждане, которые сами ужаснулись бы, еслибъ услышали отъ когонибудь подобныя рѣчи полтора года тому назадъ. Тьма общественнаго одурманенія сгустилась до такой степени, что если Самъ Господь не умилосердится надъ бѣдною, оскверненною, оплеванною страной нашей, то неоткуда намъ ждать избавленія. Многіе старые люди, любящіе свою Родину и свой народъ, при видѣ возносящагося нечестія, молятся теперь только объ одномъ, — чтобы Господь послалъ имъ скорѣе смерть, да не видѣть нравственнаго растлѣнія своей Отчизны: *довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцовъ моихъ* (3 Цар. XIX, 4).

И вотъ, среди такихъ печальныхъ размышленій, дожили мы до недѣли Страшнаго Суда. Теперь мы понимаемъ, почему о немъ не желаютъ слышать современные люди, почему и вовсе невѣрующіе среди нихъ, и тѣ, которые еще не отрѣшились отъ нѣкоторыхъ вѣрованій, одинаково смущаются и злобятся, когда вспоминаютъ о томъ, что нѣкогда долженъ придти день, когда Господь *во свѣтѣ приведетъ тайныя тьмы и объявитъ совѣты сердечные* (1 Кор. IV, 5). Они чувствуютъ, что все ихъ поведеніе, всѣ ихъ рѣчи есть сплошная ложь, что имъ чужды всякая любовь и сочувствіе къ братьямъ, что они дышутъ себялюбіемъ, ненавистью и злорадствомъ, и что обманывать людей возможно лишь въ продолженіе недолгаго времени, а вѣчность откроетъ для всѣхъ ихъ злодѣйское настроеніе.

Но что переживаемъ, что думаемъ о Страшномъ Судѣ мы, хотя грѣшные, но вѣрующіе христіане? Скорбь о томъ, что приходится слышать и видѣть, пересиливаетъ въ насъ страхъ предъ Праведнымъ Судіей, и мы снова испытываемъ то нетерпѣливое желаніе дождаться Его пришествія, которымъ исполнены были древніе христіане. *Ей, гряди, Господи Іисусе*, посрами свѣтомъ Твоей правды, обнажи сердца и помышленія развратителей народа и юношества. Пусть труба Твоего Архангела пробудитъ уснувшую совѣсть общества, дабы оно воспользовалось послѣдними минутами земного бытія для покаянія въ своемъ себялюбіи, въ своей гордынѣ, въ своемъ развратѣ, бывшихъ причинами его теперешняго помраченія.

Такова наша первая молитва; но если Господь еще будетъ медлить Своимъ праведнымъ судомъ, то будемъ умножать свои молитвенныя воздыханія о томъ, чтобы Онъ не попустилъ простому Русскому народу заразиться общественнымъ омраченіемъ — чтобы народъ продолжалъ ясно сознавать, кто его враги, и кто его друзья, чтобы онъ всегда хранилъ свою преданность Самодержавію, какъ единственной дружественной ему Высшей Власти, чтобы народъ помнилъ, что, въ случаѣ ея колебанія, онъ будетъ несчастнѣйшій изъ народовъ, порабощенный уже не прежнимъ суровымъ помѣщикамъ, но врагамъ всѣхъ священныхъ ему и дорогихъ ему устоевъ его тысячелѣтней жизни, — врагамъ упорнымъ и жестокимъ, которые начнутъ съ того, что отнимутъ у него возможность изучать въ школахъ Законъ Божій, а кончатъ тѣмъ, что будутъ разрушать святые храмы и извергать мощи Угодниковъ Божіихъ, собирая ихъ въ анатомическіе театры.

Предвѣщанія такихъ ужасныхъ дѣйствій обнаруживались неоднократно на глазахъ у всѣхъ въ послѣдніе годы нашей печальной дѣйствительности.

Впрочемъ, конечно, прежде чѣмъ они успѣли бы это сдѣлать, сама Россія, черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ отмѣны Самодержавія, перестала бы существовать какъ цѣлое государство, ибо, лишенная своей единственной нравственно-объединяющей силы, она распалась бы на множество частей, начиная отъ окраины и почти до центра, и притомъ даже отъ руки такихъ народностей, о которыхъ наши газетные писаки даже ничего и не знаютъ, каковы, напримѣръ, Татары Казанскіе, Крымскіе и Кавказскіе, такъ смѣло проявившіе себя за послѣднее время. Такого распаденія нетерпѣливо желаютъ наши западные враги, вдохновляющіе мятежниковъ, чтобы затѣмъ, подобно коршунамъ, броситься на разъединенные предѣлы нашего Отечества, на враждующія его племена и обречь ихъ на положеніе порабощенной Индіи и другихъ западно-европейскихъ колоній.

Вотъ то печальное будущее, которое ожидаетъ Россію, еслибъ она довѣрилась внутреннимъ врагамъ своимъ, желающимъ сдвинуть ее съ вѣковѣчныхъ устоевъ.

Не забывай же о нихъ, Русскій народъ, берегись богохульниковъ, кощунниковъ, мятежниковъ, желающихъ оторвать тебя отъ вѣчной жизни, отъ ожиданія грядущаго Суда Божьяго и Царствія Христова, котораго да не лишитъ насъ Господь, котораго память да хранитъ Онъ въ насъ,—котораго памятью да оградитъ Онъ насъ отъ современнаго развращенія. Аминь.

СЛОВО

предъ молебствіемъ на заключеніе мира съ Японіей, произнесенное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 9-го октября 1905 года.

Государь призываетъ насъ, братіе, воздать благодареніе Господу за миръ, заключенный съ Японіей. Не радостенъ тотъ миръ, которымъ заключается неудачная война, но послѣ такой небывало-печальной войны условія заключеннаго мира настолько благопріятны для насъ, что нельзя не благодарить за нихъ Милосерднаго Творца, не до конца прогнѣвавшагося на насъ.

За что же проліялся на насъ Его гнѣвъ, выразившійся въ столькихъ неожиданныхъ пораженіяхъ нашего войска? Оно ли виновато въ недостаткѣ мужества? На него ли должно устремляться наше огорченное чувство? Правда, намъ могутъ сказать, что въ прежнихъ войнахъ русскіе обнаруживали болѣе неустрашимости, побѣждали съ меньшими силами многочисленнѣйшихъ враговъ.

Но разница между тѣми войнами и нынѣшнею заключается не въ духѣ нашихъ ратниковъ, а вотъ въ чемъ: тогда, во время войны съ турками въ 1877 году и раньше, во время Крымской кампаніи, за войскомъ стояла единодушная Россія, вдохновляя героевъ однимъ чувствомъ какъ бы изъ одной материнской, любящей груди; тогда они чувствовали за собою всенародное одушевленіе, какъ одну каменную стѣну. Тогда они защищали единую святую Русь, ту самую, за которую прежде умирали ихъ предки, за которую стояли святые угодники.

А нынѣ чѣмъ сдѣлалась ихъ родина, въ значительной части своего передового общества? не вертепомъ ли разбой-

никовъ—вмѣсто храма молитвы? Не скопищемъ ли злорадствующихъ недоброжелателей вмѣсто сочувствующихъ братьевъ и сестеръ? За кого должны были умирать юноши-солдаты? За кого сиротить свои семьи? За кого отдавать свои тѣла на увѣчье. За ту страну, которой передовые слои, и особенно просвѣщенное юношество, сегодня боготворитъ того, отъ кого завтра съ презрѣніемъ отвернется за то только, что онъ, долго льстившій общественнымъ страстямъ, наконецъ самъ ужаснулся послѣдствій своей работы и осудилъ общественное безуміе, какъ это случилось со Львомъ Толстымъ, котораго поносятъ теперь за первую искренно выраженную мысль о глубокомъ нравственномъ паденіи русскаго общества.

Да, таково это общество, котораго юноши, уморивъ сегодня грубыми оскорбленіями своего руководителя, поклоняются завтра его праху, какъ новому кумиру, но не со стыдомъ и раскаяніемъ, а съ похвальбой и безобразными выходками. Здѣсь вполнѣ приложимо Господне обличеніе: *„Горе вамъ, книжницы и фарисее, лицемѣри, яко зиждете гробы пророческія, и красите раки праведныхъ, и глаголете: аще бихомъ были во дни отецъ нашихъ, не бихомъ убо общницы имъ были въ крови пророкъ. Тѣмже сами свидѣтельствуете себѣ, яко сынове есте избившихъ пророки... Змія, порожденія ехиднова, како убѣжите отъ суда (огня) геенскаго“* (Матѳ. XXIII,, 29—31, 33).

Конечно, Трубецкой вовсе не былъ ни пророкомъ, ни праведникомъ, но тѣмъ только усугубляется ложь послѣднихъ событій, гдѣ измѣнили личину не потомки предковъ, имъ подобныхъ, но тѣ же самые люди, и притомъ въ одну недѣлю. Да, это порожденія того самаго общества, которое взамѣнъ поддержки бодрости нашихъ подвижниковъ-воиновъ, взамѣнъ сочувственныхъ къ нимъ посланій осыпало ряды ихъ мятежническими прокламаціями, убѣждая ихъ не повиноваться своимъ начальникамъ и стрѣлять въ нихъ.

А они, безотвѣтные, покорные, долготерпѣливые сыны нашего великаго и святого народа стойко выносили превосходящія силы враговъ и умирали за неблагодарныхъ соотечественниковъ на сушѣ и на морѣ.

О, не тому дивимся мы, что прежніе солдаты стремительнѣй бросались на врага и одолѣвали его, сравнительно съ борцами Японской войны, но тому, что эти послѣдніе всетаки держались и бились, изумляя враговъ своимъ безстрашіемъ, бились за родину, которая платила имъ зломъ за добро.

Что предстанетъ ихъ взору по возвращеніи въ родные города и села? Тамъ они видѣли язычниковъ, незнающихъ Христа, а здѣсь встрѣтятъ Іудъ, отрекшихся отъ Него; тамъ

плѣнники ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда они воротятся въ родную среду съ христіанскими вѣрованіями, а найдутъ здѣсь нѣчто менѣе сродное имъ, чѣмъ тамъ среди идолопоклонниковъ — японцевъ.

И вотъ что всего ужаснѣе: въ общественномъ нравственномъ опьяненіи вовсе утрачивается различеніе добра и зла, истины и лжи. Враги Россіи достигли того, что надежда нашей будущности, нѣжный возрастъ нашего юношества, всегда прежде отличавшійся самоотверженнымъ и чуткимъ стремленіемъ къ добру и истинѣ, и не скоро подвергавшійся общественнымъ предразсудкамъ среды и духовному одебеленію, теперь — увы! — обезумѣлъ болѣе своихъ злокозненныхъ развратителей и ходитъ, какъ озвѣрѣлый, потерявъ всякій стыдъ и всякую совѣсть.

Все это, конечно, ослабляло руки нашихъ воиновъ, но еще больше прогнѣвляло нашего Творца и посему не только превосходство силъ противника, но и самыя стихіи природы, и сочетаніе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ — были нашими побѣдителями.

Да и будетъ ли Господь жалѣть Россію, когда самые вѣроломные сыны ея не только не жалѣютъ своей матери, но несытымъ окомъ взираютъ на нее, израненную и опозоренную; подобно дикимъ звѣрямъ, окружившимъ раненнаго воина, каждая группа людей, даже каждый отдѣльный дѣятель, смотрятъ, чтобы схватить себѣ, при общемъ смятеніи, прикрывъ свою безстыдную алчность громкими словами о свободѣ и равноправности.

О печальнѣйшее время! О лютое горе отступничества отъ Бога, отъ родины, отъ совѣсти!

Быть можетъ, вы бы желали перебить мою рѣчь и сказать: „зачѣмъ ты указываешь на провинности одной только стороны населенія, развѣ она одна только виновата предъ Богомъ?“

Охотно отвѣчу Вамъ. Съ радостію прерву свою рѣчь, потому что не хватитъ ни словъ для описанія нашего растлѣнія, ни слезъ для его оплакиванія.

Итакъ, буду говорить о томъ, въ чемъ виноваты предъ Богомъ не одни только измѣнники отечества, скажу то, что говорилъ пять лѣтъ тому назадъ, когда предсказывалъ, что именно тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, должны мы ждать особенной Божіей кары. Но буду говорить не съ злорадствомъ, какъ наши противники, но съ грустью и со стыдомъ, какъ христіанинъ и русскій священникъ.

Въ Благовѣщенскѣ, на Амурѣ, пять лѣтъ тому назадъ, мы допустили жестокое дѣло. Нѣсколько тысячъ китайцевъ,

бывшихъ въ услуженіи у русскихъ гражданъ, для общей безопасности послѣднихъ, были обманомъ выведены изъ города и загнаны въ рѣку, гдѣ нашли свою неминуемую гибель... Не для того Господь раскинулъ предъ нами предѣлы далекаго Востока, отъ Волги до Охотскаго моря, чтобы мы удивляли инородцевъ своею безсердечностью. Напротивъ, тамъ на Востокѣ, а не на Западѣ, миссіонерское и даже мессіанское призваніе нашего народа; этого призванія не хотѣли понять русскіе люди — не простецы конечно, а считавшіе себя просвѣщенными, которые, по примѣру своихъ западныхъ просвѣтителей, не позволили бы себѣ ни малѣйшей невѣжливости по отношенію къ любому европейскому проходимцу, но смиренныхъ и прямодушныхъ и трудолюбивыхъ жителей Востока не считаютъ даже за людей. Мы должны были имъ являть—Христа, должны были показать имъ русскую широту духа, русское человѣколюбіе, русскую довѣрчивость, а показали имъ только животное самосохраненіе, ни предъ чѣмъ не останавливающееся. Это первая вина наша, ибо Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ на цѣломъ народѣ вымещалъ грѣхопаденія его полководцевъ.

Вторая вина заключается въ измышленіи ложныхъ чудесъ со стороны людей двоедушныхъ, но знакомыхъ съ благочестіемъ нашихъ солдатъ. Кто не слышалъ о Портъ-Артурской иконѣ Божіей Матери, написанной будто бы по видѣнію стараго моряка, явившейся въ Кіевѣ, въ февралѣ прошлаго года, при чемъ будто бы 10 тысячъ богомольцевъ Лавры, сложивъ по пяти копѣекъ, соорудили эту икону, написанную съ такими странными и чуждыми православію особенностями, съ какими Матерь Божія никогда никому не являлась.

И что же? По справкѣ выяснилось, что никакого матроса, ни видѣнія, ни складчины богомольцевъ въ Кіевской Лаврѣ не было, да и не бываетъ ихъ тамъ въ большомъ количествѣ въ мѣсяцѣ февралѣ. А просто одинъ досужій господинъ выдумалъ эту басню и обманывалъ ею и духовныхъ особъ, и свѣтскихъ лицъ.

Столь же ложенъ пущенный слухъ о томъ, будто бы преподобный Серафимъ Саровскій изрекъ пророчество о войнѣ съ Англичанами и побѣдѣ надъ ними русскихъ черезъ годъ послѣ открытія его мощей. Такого пророчества преподобнаго Серафима не было, оно вымышлено въ прошломъ же году.

Говорить ли еще объ измышленномъ видѣніи кому-то изъ солдатъ, согласно коему, по взятіи русскими Японской столицы, долженъ всплыть корабль съ адмираломъ Макаровымъ, а затѣмъ послѣ торжественнаго парада всей русской эскадрѣ, снова опуститься на дно? Если бы подобныя небылицы стали разсказывать лѣтъ двѣсти или триста тому на-

задъ, то, конечно, никто бы имъ не повѣрилъ; всякій бы сказалъ, что видѣнія не бываютъ съ военной музыкой, и воскресеніе мертвыхъ не вѣроятно на морскомъ парадѣ, но въ „нашъ просвѣщенный вѣкъ“ отчего же не вѣрить и такому вымыслу, когда образованнѣйшіе люди вѣрятъ въ то, что можно, повертѣвъ столы и стулья, вызывать души давно умершихъ и бесѣдовать съ ними о всякихъ непристойностяхъ.

Вотъ за эти суевѣрія, за это поруганіе истины и вѣры глупыми современными баснями — вотъ за что Господь не внималъ и искреннимъ молитвамъ „живущихъ и оставшихся русскихъ людей“.

Праведенъ гнѣвъ Твой, Господи, и велико Твое милосердіе, что Ты не до конца отдалъ насъ въ руки враговъ нашихъ. Они дальновиднѣе насъ самихъ и, быть можетъ, понимаютъ Россію глубже, чѣмъ ея просвѣщенное общество. Они испугались своихъ собственныхъ побѣдъ, сообразили, что чѣмъ глубже рана нанесена спящему, но могучему народу, тѣмъ страшнѣе будетъ его духовное пробужденіе. Вотъ почему они обнаружили такую, неожиданную для многихъ, уступчивость въ возстановленіи мира.

О, если бы мы понимали духъ нашей страны, нашего народа, хотя бы настолько, насколько понимаютъ его наши непріятели! О, если бы мы вразумились нашимъ нежданнымъ полтора года тому назадъ пораженіемъ! О, если бы мы помнили въ какую бездну мы стремимся и куда влечемъ свою бѣдную родину! О, если бы услышали тѣ проклятія, какими заклеймятъ наше время и наше общество потомки Россіи!

„*О, если бы они разсудили, подумали о семъ, уразумѣли, что съ ними будетъ! Какъ бы могъ одинъ преслѣдовать тысячу и двое прогонять тьму, если бы Заступникъ ихъ не предалъ ихъ, и Господь не отдалъ ихъ!*“ (Второз. XXXII, 29—30).

Будемъ же благодарить, что Господь мало покаралъ насъ, Будемъ благодарить и каяться во всѣхъ нашихъ отступленіяхъ, будемъ благодарить Бога и горько оплакивать наше растлѣніе. Будемъ благодарить Его и исповѣдывать предъ всѣми, что мы были достойны стократной кары. Будемъ благодарить и помнить, что Господь умилосердился надъ Россіей ради достойныхъ ея сыновъ, ради простого, чернаго народа, неизмѣнявшаго Ему и ради нашего благостнаго, праведнаго и всепрощающаго Государя! Аминь.

СЛОВО,

сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 21-го октября 1905 г.

Мы собираемся, братіе, въ храмъ для молитвы и для назиданія. Сегодняшнюю молитву мы уже приводимъ къ окончанію, а назиданіе желаю вамъ предложить особенное, необычное. Раньше вы слышали поученіе объ усопшихъ святыхъ, а нынѣ поучитесь примѣру здравствующаго праведника.

Кто были праведники древности? Сперва св. мученики, а затѣмъ, послѣ торжества христіанства при Константинѣ Равноапостольномъ, Господь сталъ являть Церкви Своихъ угодниковъ преимущественно двухъ родовъ: во-первыхъ—преподобныхъ отшельниковъ, а во-вторыхъ—святителей и Царей. Тѣ, и другіе, и третіе распяли себя міру ради Христа, умертвили плоть и совлеклись ветхаго человѣка. Первые достигали сего, удаляясь въ пустыню или въ затворъ, предаваясь молитвѣ, богомыслію, посту и бдѣнію, а вторые умерщвляли себя, воспринимая въ свое сердце жизнь своей паствы, своихъ подданныхъ, и черезъ то умерщвляли въ себѣ всякую личную жизнь, всякое движеніе ветхаго человѣка. Они могли говорить вмѣстѣ съ божественнымъ апостоломъ: *„Я каждый день умираю: свидѣтельствуюсь въ томъ похвалою вашею, братія, которую я имѣю во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“* (1 Коринѳ. XV, 31). *„Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ!“* (Галат. IV, 19).

Итакъ, та самая власть, которая столькихъ людей подчиняетъ духу гордыни и тщеславія, доставаясь въ удѣлъ душамъ возвышеннымъ и благороднымъ, возноситъ ихъ на такую-же степень самоотверженія, которой достигали пустынники и постники. Это именно тѣ представители власти, которые взирали на нее согласно съ Господнею заповѣдью: *„Царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старѣй, яко служай“* (Лук. XXII, 25—26).

Такимъ именно правиломъ руководствовался въ своей жизни и нашъ возлюбленный Государь Николай Александровичъ.

Итакъ, слово будетъ о Царѣ.

Да, о Немъ, о нашемъ возлюбленномъ Монархѣ. Пора мнѣ сказать о Немъ, братіе; ибо въ то время, когда самодержавіе у насъ хранилось непоколебимымъ и по царскимъ днямъ во всѣхъ соборахъ столичныхъ и губернскихъ городовъ раздавались пышныя похвалы самодержавію и Самодержцамъ—Александру III-му и Николаю II-му, я предпочиталъ говорить о словахъ св. Евангелія, читавшихся въ тѣ дни, о Николаѣ Чудотворцѣ, объ Александрѣ Невскомъ, о Маріи Магдалинѣ, о Праведномъ Іовѣ, о Преподобномъ Иларіонѣ и о другихъ святыхъ, коимъ творилась память, ибо боялся я отступить отъ глагола Давидова: *„да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ, за словеса устенъ Твоихъ азъ сохранихъ пути жестоки“* (Пс. XVI, 4). Но съ тѣхъ поръ, какъ враги Россіи стараются поколебать самодержавіе, нашъ долгъ открывать вамъ глаза на истинное положеніе дѣлъ, особенно, когда оно является для насъ столь обильнымъ источникомъ назиданія.

Сегодня окончился одиннадцатый годъ царствованія нашего Монарха и настаетъ двѣнадцатый годъ съ нѣсколько измѣнившимися условіями правленія, обозначенными въ послѣднемъ манифестѣ. Оглянитесь-же, русскіе люди, на сей, закончившійся первый періодъ царствованія нашего Государя, оглянитесь на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами предъ крестомъ и Евангеліемъ присягу, и нынѣ, когда густая тьма безсовѣстной лжи и разнузданнаго себялюбія обложила небосклонъ нашей жизни, воззрите мысленно на Того, Кому такъ мало вы подражали въ добродѣтели и Кому столь неблагодарными оказались многіе.

Нашъ Государь вступилъ на отеческій престолъ въ юномъ возрастѣ, но оказался мудръ предъ искушеніями власти. Большею частью цари и другіе высокіе начальники, достигая власти, стараются о томъ, чтобы сразу выдвинуть предъ глазами всѣхъ свою личность въ противовѣсъ личности предшественника, чтобы показать ожидаемыя преимущества своего управленія сравнительно съ предшественникомъ. Они смѣняютъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, а особенно тѣхъ, которые были преданы прежнему властителю, и поощряютъ тѣхъ, которые были имъ обижены. Подобные пріемы дѣйствій особенно свойственны государямъ молодымъ, какъ это и было при первыхъ царствованіяхъ въ народѣ библейскомъ.

Не такъ, совсѣмъ не такъ поступилъ нашъ, тогда еще юный Государь, сдѣлавшись властителемъ величайшаго въ мірѣ царства. Онъ обѣщалъ слѣдовать во всемъ примѣру и указаніямъ своего въ Бозѣ почившаго родителя и постоянно ссылался на его авторитетъ. Онъ сохранилъ при себѣ его совѣт-

никовъ и не только не старался о томъ, чтобы выдвигать самолюбиво свою личность, но, напротивъ, постоянно смирялся предъ своимъ Отечествомъ, исповѣдывалъ свою сердечную привязанность къ старинной Москвѣ и первый изъ русскихъ императоровъ не усрамился распространять свои изображенія въ старинной русской одеждѣ.

Смиреніе, эта первая заповѣдь Евангелія, эта первая ступень изъ девяти блаженствъ, черезъ которыя открывается намъ Господень рай—сколь рѣдкая, сколь цѣнная эта добродѣтель въ нашъ горделивый, изолгавшійся вѣкъ! И если мы справедливо цѣнимъ ее такъ высоко среди простыхъ смертныхъ, то какъ она вожделѣнна въ могущественнѣйшемъ Императорѣ.

Учись же, русскій народъ, у твоего Царя этой великой мудрости быть смиреннымъ, ибо въ этомъ великая мудрость: тотъ уже мудрецъ, кто смирилъ свое сердце, а пріобрѣтающій много познаній, но пребывающій въ ослѣпленіи гордыни, рано или поздно обнаружитъ свое безуміе. Сильная воля и быстро воспринимающій умъ, если они лишены смиренномудрія, не могутъ быть полезными для ближнихъ, но всюду вносятъ разстройство и неправду, и разрушаютъ одною рукою то, что созидали другою.

Какъ-же сохранить въ себѣ духъ смиренномудрія? Какъ сохранилъ его въ себѣ нашъ Государь? Хранить такой духъ можетъ лишь тотъ, кто боится Бога, кто всѣмъ сердцемъ вѣритъ во Христа, кто благоговѣетъ предъ святыми угодниками.

И сему учитесь у своего Царя, русскіе люди!

Нашъ Государь началъ царствовать въ сегодняшній день 21-го октября, причастившись въ храмѣ святыхъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Вторично причастился Онъ Божественныхъ Таинъ черезъ три недѣли, въ день своего бракосочетанія. Сіе необычно земнымъ царямъ, которые хотя и стараются всегда показать, что они не чужды вѣры въ Бога, но весьма опасаются прослыть слишкомъ благочестивыми, ибо это не очень нравится европейскимъ народамъ, а Господню слову о томъ, что невозможно вмѣстѣ работать Богу и мамонѣ, они не придаютъ значенія. Такая раздвоенность совершенно чужда нашему Монарху: Слава Божія являлась главнымъ направляющимъ началомъ Его дѣятельности. Ревнуя о прославленіи святыхъ угодниковъ съ тѣмъ же безкорыстнымъ упованіемъ, съ какимъ относится къ нимъ народное сердце, Онъ съ радостью разрѣшилъ открытіе мощей святаго Ѳеодосія Черниговскаго въ годъ своей коронаціи, а затѣмъ самъ приложилъ старанія къ тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божія—Преподобнаго Серафима Саровскаго. Но и на семъ не успокоилось сердце Царево: оно повлекло Его съ ца-

рицей Супругой и съ царицей Матерью въ далекую Саровскую пустынь и понудило Его собственными руками поднять священный гробъ Чудотворца и вмѣстѣ со своимъ народомъ, собравшимся туда въ количествѣ трехсотъ тысячъ, проливать слезы умиленія, открывать свою совѣсть смиренному духовнику-монаху и причащаться Святыхъ Тайнъ у одной чаши съ простолюдинами.

Слышалъ ли ты что-либо подобное, о русскій народъ, за послѣднее столѣтіе и болѣе? Часто ли встрѣчалъ такую силу вѣры среди людей знатныхъ и богатыхъ, и укажешь ли мнѣ во всей вселенной нѣчто подобное въ жизни царей, именующихъ себя христіанскими? Учись-же у своего Царя вѣрѣ и умиленію, и молитвѣ. Учись, ибо силу этой молитвы засвидѣтельствовалъ Угодникъ Божій Серафимъ, даровавъ нашему Царю давно желаннаго Сына и Наслѣдника, ровно черезъ годъ по возвращеніи его изъ святой обители.

Искреннее благочестіе остается неполнымъ, если не украшается любовью и состраданіемъ къ ближнимъ. И сію любовь нашъ Государь проявилъ въ первые же мѣсяцы по своемъ воцареніи, когда, по примѣру всероссійскаго праведника, отца Іоанна Кронштадтскаго, началъ повсюду учреждать дома трудолюбія для бѣдныхъ; ибо именно въ этомъ нуждается городская бѣднота, тогда какъ простое разбрасываніе милостыни поощряетъ тунеядство и пьянство. И если бы въ этомъ нашъ народъ учился у Царя, то сколько бы было отерто слезъ бѣдняковъ, сколько остановлено вздоховъ ропота во время безработицы, сколько людей удержано отъ паденія! Но—увы!—у насъ любятъ только говорить о страданіи несчастныхъ, а оказывать имъ дѣйствительную помощь никто не хочетъ.

Нашъ Государь, желая распространить свое примиряющее доброжелательное настроеніе на весь міръ, созвалъ правительства всѣхъ народовъ на Гаагскую конференцію для обсужденія мѣръ къ полному прекращенію международныхъ войнъ или, по крайней мѣрѣ, къ возможному ихъ облегченію. Достигнуть перваго, конечно, было невозможно, ибо, по слову Господню, войны не только не прекратятся, но весьма умножатся къ концу временъ; но все-таки эта конференція въ значительной степени облегчила жестокости и коварство военныхъ столкновеній между народами. Такое столкновеніе, и при томъ весьма неудачно для своего отечества, пришлось перенести и нашему Государю, и сія неудача зависѣла въ значительной степени отъ того, что духъ нашего Монарха до такой степени былъ чуждъ военнаго задора, что онъ и другія правительства считалъ миролюбивыми, а потому Россія подверглась нападенію японцевъ совершенно не подготовленной.

Однако, не любя войны, какъ любитъ нашъ Государь Своихъ воиновъ! Благодаря этой войнѣ, Его удостоились видѣть многочисленные захолустные уголки нашей отчизны, которые раньше не видѣли не только Высочайшихъ Особъ, но даже министровъ, ибо опять нѣчто новое и необычайное для царей совершаетъ нашъ Монархъ: взявъ св. иконы, онъ объѣзжаетъ всю нашу необъятную страну, чтобы лично благословить всѣ свои вѣрные полки, чтобы своею царскою нѣжною лаской ободрить всѣхъ своихъ воиновъ.

Учись же, русскій народъ, у своего Царя любви къ меньшей братіи, учись любить *„не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною“* (1 Іоанна III, 18).

Послѣдніе годы своего царствованія Государь ознаменовалъ довѣріемъ къ доброму сердцу и къ разуму русскаго населенія, и вотъ оно, не освоившись съ новыми порядками жизни, теперь повсемѣстно бушуетъ. Не наше дѣло обсуждать, насколько подходятъ сіи порядки къ современной Россіи, ибо говорю вамъ о Царѣ-человѣкѣ и христіанинѣ, а не о дѣлахъ государственныхъ; но ясно для меня то, что духъ нашего Государя не склоненъ требовать послушанія за страхъ, но за совѣсть, что, имѣя самъ душу чистую, Онъ вѣритъ и въ другихъ людей и поступаетъ согласно такому довѣрію.

Учись и сему, русскій человѣкъ, у твоего Государя; старайся о томъ, чтобы все меньше и меньше добиваться добрыхъ цѣлей черезъ страхъ и принужденіе и не переставай взывать къ разуму и къ совѣсти твоихъ ближнихъ. Насколько сіе удобоосуществимо въ дѣлахъ государственныхъ, о семъ говорить мы не рѣшаемся, но тѣ, которые связаны съ ближними властью, личными отношеніями, т. е. родители, учителя и хозяева, пусть знаютъ, что только тогда они достигли своего назначенія, когда не за страхъ, а за совѣсть повинуются имъ дѣти, ученики и подчиненные служащіе. Въ этомъ заключается истинный, сочувствія достойный либерализмъ, а никакъ не въ томъ предосудительномъ и пакостномъ безразличіи къ добру и злу, не въ томъ безнравственномъ расширеніи правъ молодого поколѣнія, благодаря которому недавно перестали учиться ученики и ученицы нашей средней школы и предаются нынѣ уличнымъ безчинствамъ, а высшая школа уже пять лѣтъ не учитъ и не учится, а лишь проѣдаетъ, пропиваетъ и проигрываетъ казенные оклады и стипендіи.

Итакъ, смотри же, русскій народъ, сколькимъ добродѣтелямъ могъ бы ты научиться у своего Государя, — и сколь далеко ты отступилъ отъ нихъ. Говорить ли еще о томъ, что Его семья является однимъ изъ немногихъ безупречныхъ се-

мействъ въ современномъ обществѣ? Говорить ли объ Его отзывчивости, щедрости, простотѣ и правдивости?

Или лучше сказать о томъ, сколь неблагодарною оказалась Ему современная просвѣщенная Россія, о томъ, какъ безотвѣтны будутъ предъ Богомъ присягавшіе Ему въ свое время нынѣшніе крамольники, ибо, если Божественный Духъ повелѣваетъ повиноваться *„владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“* (1 Петр. II, 18), то какая кара ждетъ тѣмъ, которые возстали на благостнѣйшаго и кротчайшаго изъ русскихъ царей? Они подобны врагамъ Христовымъ, которые въ тѣмъ большую приходили ярость, чѣмъ болѣе свѣтилась кротость и незлобіе нашего Спасителя.

Впрочемъ, не одни только прямые мятежники и забастовщики виновны предъ нашимъ Государемъ: виновны и всѣ тѣ, кто недостаточно смѣло имъ противился, кто своимъ невниманіемъ и небреженіемъ прямо или косвенно помогалъ развиваться крамолѣ.

Но, теперь, когда она открыто безчинствуетъ въ нашихъ городахъ, когда нагло заглушаетъ своими выходками всю русскую землю, когда она плюетъ тебѣ въ глаза, о родная Русь,— теперь стыдомъ и раскаяніемъ исполнены сердца наши. Теперь мы понимаемъ, какъ должны были мы беречь Тебя, о вождѣленный нашъ Государь, теперь мы понимаемъ, что Ты одинъ, Ты и никто болѣе, надежный щитъ нашей растерзанной Родины, и Твои враги суть злѣйшіе враги Россіи.

О, Государь! если-бы Ты зналъ, какъ безраздѣльно преданъ Тебѣ Твой народъ и лучшіе люди общества.

О, Государь! если бы Ты зналъ, сколько милліоновъ русскихъ сердецъ дали бы себя изрѣзать на мелкіе кусочки за Тебя, за Твое благополучіе.

Тогда бы Ты утѣшился въ эту тяжелую годину испытанія; тогда бы Ты увѣрился въ томъ, что не растлился еще Твой народъ, въ томъ, что подъ плѣсенью, покрывшею часть верхней поверхности нашей жизни, бьется здоровое народное сердце, бьется оно любовью къ Тебѣ, нашему красному солнышку.

О, братіе, дай Богъ, чтобы Царь удостовѣрился въ этомъ: тогда, быть можетъ, и Его кроткое сердце найдетъ въ себѣ силы къ тому, чтобы простить Своихъ неблагодарныхъ и легкомысленныхъ подданныхъ и не замкнуться для нихъ навсегда. Молитесь объ этомъ, русскіе люди, ибо если будетъ такъ, то и Господь не отвернется отъ насъ за премногія наши беззаконія, но если долготерпѣніе царственнаго праведника истощилось, и Онъ въ Своемъ сердцѣ проклянетъ насъ, то этотъ вопль праведника достигнетъ неба и низведетъ на насъ проклятіе Божіе, какъ говорилъ Господь Моисею, и тогда ужъ

никто не спасетъ русскую землю отъ конечной погибели, въ которую стараются вовлечь ее внутренніе враги.

Молитесь, братіе, о своемъ Царѣ, чтобы Господь хранилъ Его благополучнымъ и благодушнымъ; молитесь, братіе, о себѣ, чтобы Господь научилъ васъ подражать Его добродѣтелямъ, Его смиренномудрію, Его благочестію, Его миролюбію, Его братолюбію, Его долготерпѣнію, Его всепрощающей любви. Молитесь, чтобы Богъ укрѣпилъ насъ непоколебимо исполнять данную нами клятву въ вѣрности Ему, чтобы оградилъ насъ отъ искушенія предательства Іудина, чтобы избавилъ Россію отъ лукаваго демона мятежей и крамолы. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

въ ночь святой Пасхи.

Внидите вси въ радость Господа своего.

Это слово, этотъ побѣдоносный пасхальный призывъ Божественнаго Златоуста отъ временъ древнѣйшихъ и до послѣднихъ дней не былъ призывомъ напраснымъ. Радостная вѣсть воскресенія воспринималась вѣрующими, и даже маловѣрующими, не только, какъ воспоминаніе о давно происшедшемъ священномъ событіи, но и какъ вновь переживаемое общеніе со Христомъ — Побѣдителемъ, какъ предвкушеніе того пріискреннѣйшаго единенія съ Нимъ въ небесномъ раѣ, которое обѣщано вѣрующему. Вотъ почему святые угодники именуютъ праздникъ Пасхи великимъ таинствомъ.

Благодатная сила этого дня заключается въ томъ, что она даже безъ усилій воли, безъ подвиговъ, проникаетъ въ сердце христіанина, иногда даже какъ бы противъ его воли. „Постившіеся и не постившіеся празднуйте вкупѣ, усердные и лѣнивые почтите день“,— восклицаетъ Златоустый учитель. И поистинѣ, — чѣмъ, какъ не благодатнымъ воздѣйствіемъ свыше, можешь ты объяснить, какъ въ Эту Святую ночь, неожиданно для тебя самого, твое сердце вдругъ освобождалось отъ старой затаенной вражды, отъ озлобленія и ропота, ради служебной или иной житейской неудачи, — какъ давноневѣдомыя слезы умиленія оросили твои глаза во время церковной молитвы, какъ твоя душа исполнилась горячимъ желаніемъ приласкать своихъ присныхъ, утѣшить скорбящихъ, помочь бѣднымъ.

Ты сталъ христіаниномъ почти поневолѣ,—не ты, а благодать, раздаваемая туне въ эту ночь Воскресшимъ изъ мертвыхъ. „Вси насладитесь пира вѣры, вси воспріимите богатство благости", — продолжаетъ Златоустый учитель.

Не думай, что ты испыталъ только вліяніе одушевленной толпы богомольцевъ; не лги себѣ, говоря, что въ тебѣ, теперь маловѣрномъ, проснулись воспоминанія вѣрующаго дѣтства, когда, посѣщая храмъ ежедневно на этой седмицѣ, ты въ душѣ своей распинался со Христомъ, умиралъ съ Нимъ, воспринималъ богатно дары воскресенія Его. Нѣтъ, не безсознательное очарованіе наполнило твою душу, но пелена страстнаго горделиваго ослѣпленія спала съ нея, и ты опять созерцаешь истину, опять бесѣдуешь съ Богомъ, какъ это доступно бываетъ тѣмъ, кто не ожесточалъ себя постоянною ложью, жестокостью и чувственными паденіями. Ты какъ бы воспрянулъ отъ сна, какъ бы воскресъ изъ мертвыхъ и, съ удивленіемъ оглядываясь на свое недавнее прошлое, самъ недоумѣваешь, для чего ты обманывалъ себя, оправдывая постоянно свои паденія, удаляясь нарочно отъ Бога, прячась отъ Него, какъ падшій праотецъ предъ своимъ изгнаніемъ изъ Едема.

О, если бы всѣ мы оставались такими, какими бываемъ въ священную ночь Воскресенія! Вѣдь можемъ же мы быть такими всегда, если бываемъ такими ежегодно! Но, скажешь, это дѣло благодати, а не нашей силы; конечно, такъ: вотъ, наконецъ, ты призналъ то, что отрицалъ раньше, но жалѣю, что ты призналъ истину только тогда, когда уже пытаешься уклониться отъ ея спасительнаго призыва къ полному духовному возрожденію.

Да, это даръ благодати! Это откровеніе Бога, это яснѣйшее доказательство Его бытія и воздѣйствія на насъ. Да, это Онъ говоритъ въ тебѣ, это Онъ, воплотившійся, умершій и воскресшій для твоего спасенія — раскрываетъ тебѣ Себя и тебя же самого, и говоритъ: „смотри, какъ хорошо быть христіаниномъ! Зачѣмъ будешь ты мѣнять радость общенія со Мною и торжествующую любовь ко всѣмъ, которую только Я могу вложить въ твое сердце,—зачѣмъ будешь ты мѣнять это предвкушеніе рая, это предчувствіе присносущнаго царствія на скверныя наслажденія, на продажную любовь, на ложь тщеславія, на погоню за корыстью, которая остается достояніемъ отступниковъ?" Да, это плодъ благодати! Не что-либо чужое она открываетъ тебѣ. Она говоритъ тебѣ о тебѣ же самомъ — объ истинномъ человѣкѣ, какимъ ты могъ бы быть и какимъ быть желаешь, хотя и не всегда признаешься въ этомъ себѣ самому. Зачѣмъ ты изгонялъ ее изъ своего сердца, служа духу похвальбы и гордыни, стараясь представить себя

обществу людей со многими любезными толпѣ качествами, которыя тебѣ были чужды? Постоянно надѣвая личину, постоянно пряча свое сердце, ты все-таки и другихъ ни въ чемъ не убѣдишь, ибо въ этой лжи всѣ люди почти одинаково опытны, и обмануть другъ друга можно развѣ ненадолго. А между тѣмъ, гоняясь за этой тщетою, ты потерялъ себя самого и мучительная пустота и безцѣльность жизни — вотъ что явилось возмездіемъ твоихъ гибельныхъ стараній.

Ты лицемѣрилъ и скрывалъ себя, но Христосъ тебѣ открылъ сегодня, что самъ ты лучше, чѣмъ то, что хотѣлъ ты изобразить собою. Онъ открылъ тебѣ, что образъ Его неизреченной славы не изгладился еще отъ язвъ твоихъ паденій, твоего равнодушія къ благочестію, твоего отступничества отъ спасительной вѣры, твоего постояннаго пренебреженія къ Спасителю всѣхъ людей. Онъ открылъ тебѣ, что ты причастникъ Божескаго естества, какъ засвидѣтельствовалъ Его Апостолъ Петръ, что ты Его сынъ по благодати, что ты членъ Его пречистаго тѣла. Онъ открылъ тебѣ, что полнота Его святости и любви тебѣ еще не чужды; что если ты приложишь стараніе къ тому, чтобы быть во всѣ дни года такимъ, каковъ ты сегодня, то будешь настолько лучше, чѣмъ ты старался ложно представить себя предъ другими, насколько прекрасное лицо ребенка лучше безобразной накрашенной личины.

Но, повторишь ты: вѣдь сегодня я одѣянъ благодатью, а завтра буду тѣмъ же, чѣмъ былъ раньше. Мой другъ, это зависитъ отъ тебя. Благодать Господня не удаляется отъ христіанъ и во всѣ дни года. Сегодня она дается всѣмъ туне и часто какъ бы поневолѣ, а завтра и послѣзавтра и во всѣ дни жизни твоей будетъ даваться тебѣ, если будешь о ней просить Бога. Не бойся этого труда: онъ не тяжелъ; не уклоняйся отъ Христова ига и въ дальнѣйшіе дни твоей жизни: Его иго благое.

Вѣдь ты много трудишься, суетишься и даже совѣсть свою продаешь, чтобы тебя хвалили и любили люди. Не лишай же Христа того, что ты дѣлаешь для людей. Неужели Онъ хуже ихъ, чтобы Ему одному ты не угождалъ, столько дней и лѣтъ потративъ на погибельное угожденіе людямъ?

Его благодать умиленна и возродила тебя сегодня, она одарила тебя вдохновеніемъ, всепрощеніемъ, любовію. Иди къ Нему и проси о томъ же завтра и послѣ-завтра. Ты будешь просить усердно, потому что оцѣнилъ цѣнность дарованія. А если будешь усердно просить, то и даръ получишь несомнѣнно.

О христіанинъ, будь такимъ всегда, какимъ былъ ты сегодня! Живи Христомъ и радостію Его воскресенія. Житей-

скія бури, злорадство беззаконниковъ, торжество невѣрія, мятежи и безстыдный развратъ, окружающіе тебя, какъ клокочущее море, — все это останется безсильнымъ оторвать тебя отъ Источника жизни. Твои очи будутъ устремлены въ вѣчность, твое сердце будетъ обнимать вселенную. Ты не одинокъ! Съ тобою архангелы и ангелы, апостолы и пророки, мученики и преподобные, а также множество живущихъ на землѣ, которые не преклонили колѣнъ Ваалу. Они вмѣстѣ съ тобою воспѣваютъ Воскресеніе Христово. Злоба нынѣшнихъ годовъ и мѣсяцевъ ничто въ сравненіи съ вѣчною побѣдою Христа, умертвившаго смерть. „Воскресе Христосъ и падоша демоны, воскресе Христосъ и ликуютъ ангели, воскресе Христосъ и жизнь жительствуетъ". Итакъ, живи съ Нимъ, христіанинъ, и не пріобщайся той духовной смерти, какую видишь вокругъ себя. Жива Христова Церковь и побѣждаетъ міръ Христомъ. Аминь.

РѢЧЬ,

сказанная въ засѣданіи Предсоборнаго Присутствія 1 іюня 1906 г.

Прошу собраніе удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія прежде, нежели мы разойдемся. Сегодняшній день, есть день знаменательный въ исторіи Церкви Россійской, день, ожидавшійся добрыми ея сынами болѣе двухсотъ лѣтъ. Приближается конецъ печальному вдовству нашей Церкви, лишенной своей главы съ кончиной патріарха Адріана. Печально было это вдовство и съ грустью взирали на него православные христіане, а я болѣлъ этою скорбью съ семилѣтняго возраста. Именно, тогда, привезенный родителями изъ родной деревни въ древній священный Новгородъ, я возлюбилъ Христову Церковь, являвшую въ себѣ Божественную славу въ древнихъ храмахъ, въ мощахъ святыхъ Угодниковъ и въ благолѣпіи архіерейскихъ служеній. Не могъ я тогда выразить въ точныхъ понятіяхъ, но чувствовалъ своею младенческою душою величіе Божіе и возвышенную истину нашей вѣры, открывавшуюся въ таинственныхъ священнодѣйствіяхъ архіерея. И вотъ, съ любознательностью узнавалъ я все, доступное мнѣ о жизни святыхъ, о священныхъ, церковныхъ чинопослѣдованіяхъ и о высшихъ церковныхъ санахъ епископа, архіепископа, митрополита. „А у восточныхъ, не русскихъ, христіанъ есть еще святѣйшіе патріархи", разъясняли мнѣ старшіе. — Отчего же

нѣтъ ихъ у насъ? — „Были прежде, но упразднены Царемъ Петромъ Первымъ". Для чего?—На этотъ вопросъ слѣдовали попытки разъясненій крайне неопредѣленныхъ, въ которыхъ и тогда мнѣ чуялась неправда, а по мѣрѣ того, какъ я приходилъ въ возрастъ, я понялъ со всею ясностью, что полнота православной церковной жизни кому то мѣшала, мѣшала нашему западному не христіанскому бытовому укладу, а повторяемые мнѣ софизмы Регламента не только не оправдывали для меня отмѣну патріаршества, но своею фальшью рѣзали мнѣ сердце и слухъ, какъ противный визгъ неочищеннаго грифеля по скользкой аспидной доскѣ.

Я не былъ одинокъ въ своей печали о церковномъ вдовствѣ.

Съ дѣтства и до нынѣшнихъ дней я любилъ разспрашивать тѣхъ лучшихъ послѣдователей православія, которые почитаютъ для себя священнымъ долгомъ проникнуть въ святый Градъ и поклониться Живоносному Гробу нашего Господа. Разсказывая съ великимъ умиленіемъ и истинными слезами о томъ, какъ они лобызали источникъ нашего воскресенія, какъ поклонялись мѣсту, *„идѣже стоястѣ нозѣ Его"*, пригвожденныя къ Животворящему Древу, — эти люди, простые и чиновные, мірскіе и духовные, мущины и женщины, — съ равнымъ восторгомъ говорили о томъ, какъ они удостоились лицезрѣнія, благословенія и бесѣды и съ тѣмъ, на комъ отпечатлѣлась Божественная слава, кто по слову древняго толкователя каноновъ изображаетъ для воинствующей Церкви, для народа Божія,—Самого Христа, невидимо среди насъ пребывающаго. Хвалясь радостно своимъ ознакомленіемъ съ личностью Святѣйшаго Патріарха и съ чиномъ его священнодѣйствій, наши богомольцы всегда при этомъ выражали свою глубокую печаль о томъ, что у насъ нѣтъ такого отобразителя Божественной славы и любви. Они свидѣтельствовали, что личность патріарха, обаяніемъ своего высокаго жребія, торжествуетъ надъ бушующимъ моремъ племенныхъ взаимновраждебныхъ страстей и разрозненности народовъ, но всѣхъ примиряетъ въ любви и благоговѣніи предъ собою, отображая въ себѣ Христа, распявшагося за наше спасеніе, и оправдывая этимъ Его предреченіе *„егда вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ"*.

Вмѣщающая въ своемъ сердцѣ полноту помѣстной Церкви, облагодатствованная личность почти непроизвольно отрѣшается отъ земного себялюбія и, нося въ своемъ сердцѣ Христово достояніе, отражаетъ на лицѣ своемъ Божественную славу, какъ Моисей Боговидецъ, сошедшій съ Синая послѣ бесѣды со Всемогущимъ.

И этой красоты Церкви мы были лишены въ продолженіе

двухсотъ лѣтъ, сперва черезъ насиліе, а потомъ по недоразумѣнію. Коллегія не можетъ замѣнить Божія Пастыря и безъ главы не бываетъ Церковь въ очахъ Божіихъ, но Церковь наша пребывала въ двухвѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишенъ права ихъ проявлять, такъ что и узнать его было бы трудно христіанамъ. Церковь помѣстная казалась обезглавленною, а потому она не имѣла приличествующаго ей одушевленія и дерзновенія, а лучшія силы ея удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ и люди, лишенные свѣта въ храминѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды Церкви.

Но вотъ въ ночи нашей засіяла утренняя звѣзда надежды. Наше Собраніе не вольно поставить Патріарха, но уже то, что оно громко высказалось за него вслѣдъ за прошлогоднимъ заявленіемъ о томъ же Святѣйшаго Синода, вселяетъ въ насъ свѣтлую надежду, что скоро „нощи прешедшей возсіяетъ день“ и обновится чрезъ обновленіе церковнаго строя весь нашъ народный бытъ. Онъ повернулъ на ложную дорогу заимствованій не христіанскихъ правилъ жизни отъ Запада вмѣстѣ съ кончиной послѣдняго патріарха и съ тѣхъ поръ развилъ съ логическою послѣдовательностью себялюбивыя, горделивыя и чувственныя начала быта языческаго, онъ выработалъ типъ *русскаго* нигилиста, изъ размноженія коего возникъ теперешній ужасающій всю вселенную безобразный мятежъ противъ родины и противъ христіанской вѣры.

Исполнился Божій глаголъ: „*поражу пастыря и разыдутся овцы*“. Но я уповаю, что съ возрожденіемъ установленнаго Божественнымъ Духомъ на Вселенскихъ Соборахъ церковнаго строя опять умножится вѣра, окрѣпнетъ надежда и процвѣтетъ любовь на христіанской Руси. И какъ лишеніе Церкви ея главы положило начало отступленію отъ благочестія, такъ возстановленіе главы ея положитъ начало возвращенія общественной жизни къ истинно-христіанскимъ началамъ. И да будетъ это возвращеніе еще болѣе славно, чѣмъ въ древней Руси! Пусть возродится прежняя ревность о спасеніи, прежнее евангельское смиренномудріе и воздержаніе, искренность и всепрощеніе, но обогащенныя болѣе зрѣлымъ разумомъ, и наукой, и общественнымъ развитіемъ. И да возсіяетъ снова надъ землею нашею церковная, Божественная слава, и исполнится наша ежедневная молитва: „*да пріидетъ царствіе Твое*“.

ПОУЧЕНІЕ

сельскимъ прихожанамъ противъ безпорядковъ.

(Для прочтенія во всѣхъ храмахъ Волынской епархіи).

Святые Апостолы, научая христіанъ Божественнымъ заповѣдямъ, предостерегали ихъ отъ ложныхъ учителей, которые попущеніемъ Божіимъ будутъ по временамъ нападать, какъ хищные волки, на Христово стадо, чтобы его отторгнуть отъ истиннаго Пастыря (Дѣян. XX, 29). „*У васъ будутъ лже-учители*“, писалъ святой Апостолъ Петръ (2-ое посл. II, 1—3); „*которые введутъ пагубныя ереси... И многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи. И изъ любостяжанія будутъ уловлять васъ льстивыми словами; судъ имъ давно готовъ и погибель ихъ не дремлетъ*“. Такими льстивыми словами и нынѣ обольщаютъ васъ, братіе, различные самозванные учители, насмѣхающіеся надъ святою вѣрою Христовою, побуждающіе васъ къ непослушанію законнымъ властямъ и къ грабежу чужого имущества, и обѣщая вамъ богатство и полную свободу отъ всякой обязанности. Ихъ, сказано, строго покараетъ Господь, „*а наипаче тѣхъ, которые идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ*“. Видите, какими словами Апостолъ Божій описываетъ ихъ привычки? не таковы ли именно теперешніе возмутители народа? видѣли ли вы среди нихъ людей смиренныхъ, богомольныхъ, постящихся, уважительныхъ къ начальству, Царемъ поставленному, и къ самому Государю, Богомъ помазанному? Конечно, нѣтъ, не таковы они сами и не тому учатъ своими рѣчами и газетами, которыя они раздаютъ и разсылаютъ, — но, по слову Апостола: „*произнося надутое пустословіе, уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ... обѣщаютъ свободу, будучи рабами тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ*“.

Не правда ли, то именно и случается съ молодыми людьми, которые дружатъ съ мятежниками и зачитываются ихъ прокламаціями: они перестаютъ слушать отца съ матерью, повторяютъ изъ газетъ надутое пустословіе, предаются разврату и пьянству и такъ становятся рабами вина, денегъ и лѣности, хотя постоянно хвалятся свободой.

Таковы теперешніе лжеучители, братіе. Господь научилъ насъ различать истиннаго учителя отъ злодѣя не потому, пріятно ли ихъ слушать или нѣтъ, но по плодамъ ихъ ученія: если слушатели учителя сдѣлаются трудолюбивы, честны, трезвы, родителямъ послушны, къ храму Божію усердны, ко всѣмъ уступчивы и смиренны,—такой учитель, значитъ, добрый, Богу угодный. Но иные плоды современныхъ учителей мятежниковъ. Гдѣ ни побываютъ они, молодой народъ начинаетъ терять христіанскій обликъ, не различаетъ уже зла и добра, идетъ грабить и жечь помѣстья чужія и казенныя земли и лѣса, никого не слушаетъ, Богу уже не молится, о смерти и о судѣ Божіемъ и вспоминать не хочетъ.

Что, еслибъ встали изъ гробовъ отцы и дѣды ваши, которые учили васъ въ терпѣніи нести Христовъ крестъ и полагать сокровище сердца своего не на землѣ, а на небѣ? Признали ли бы они теперешнихъ завистливыхъ грабителей и поджигателей своими чадами? признали ли бы они ихъ русскими людьми, христіанскимъ народомъ? Нѣтъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Исаіей они бы горестно восплакали о землѣ русской и сказали бы:„ *какъ сдѣлалась блудницей вѣрная столица, исполненная правосудія! Правда обитала въ ней, а теперь—убійцы*“ (I, 21).

Другой пророкъ Божій Іеремія, когда язычники плѣнили св. землю, написалъ цѣлую книгу: „Плачъ“, въ которой описывалъ плѣненіе своего народа; а намъ, пастырямъ Церкви приходится описывать плѣненіе душъ народа Божія, захваченныхъ тяжкими грѣхами: бѣсовскою завистливостью, непокорствомъ, безстыдствомъ. „*Объ этомъ плачу я; око мое, око мое изливаетъ воды, ибо далеко отъ меня утѣшитель, который оживилъ бы душу мою*“ (Плачъ I, 16).

И не отъ того происходятъ всюду преступленія — убійства на улицахъ и грабежи по селамъ, — не отъ того, чтобы бѣдняки были забыты и оставлены безъ участія. Нѣтъ, самъ радѣтель народа русскаго, христолюбивый Царь нашъ, обѣщалъ принять къ сердцу попеченіе о томъ, чтобы увеличить надѣлъ безземельнаго народа; по его повелѣнію издано и напечатано всюду Правительственное Сообщеніе о томъ, какъ будетъ производиться сіе дѣло; и все-таки многіе неразумные люди хотятъ силою забрать себѣ то, что не имъ принадлежитъ и такъ оскверняютъ святую Русь никогда еще не слыханными на ней грабежами, пожарами, убійствами. „*Не полагайся на имущество неправедное, ибо оно не принесетъ тебѣ пользы въ день посѣщенія*“ (Сир. V, 10). „*Не говори: „я грѣшилъ, и что мнѣ было?“ Господь долготерпѣливъ*“ (ст. 4). „*Ибо милосердіе и гнѣвъ у Него, и на грѣшникахъ пребываетъ ярость Его. Не медли обратиться къ Господу и не откладывай со*

дня на день: ибо внезапно найдетъ гнѣвъ Господа и ты погибнешь во время отмщенія“ (7—9 ст.).

Подумайте, братіе, о тѣхъ, которые цѣлыми деревнями жгли и грабили. Награбленное у нихъ снова отняли и ихъ наказали; пользы они не пріобрѣли отъ грабительства, но окончилась ли бѣда ихъ наказаніемъ отъ начальства? Нѣтъ, они показали семьѣ своей и дѣтямъ своимъ примѣръ безстыдства и тѣмъ навсегда отогнали Ангела мирнаго отъ своего дома. Развѣ дѣти ихъ будутъ теперь слушаться и уважать такихъ отцевъ, когда они своими глазами видѣли ихъ злодѣянія? Отцы ихъ грабили помѣщика или казенный лѣсъ, а дѣти будутъ воровать и пропивать добро отцевъ своихъ. Отцы грубо спорили съ увѣщателями — начальниками, а дѣти не позволятъ отцамъ себя оговаривать во всякихъ безобразныхъ дѣлахъ, но отвѣтятъ каждый своему отцу: а самъ ты развѣ не такой же воръ и ругатель? Такъ и сказано въ Писаніи: „*Въ сборищѣ грѣшниковъ возгорится огонь, какъ и въ народѣ непокорномъ возгорался гнѣвъ*“ (Сир. XVI, 7). „*Не убѣжитъ отъ него* (отъ Бога) *грѣшникъ съ хищеніемъ* (грабитель), *и терпѣніе благочестиваго не останется тщетнымъ*“ (стихъ 14).

Итакъ, возлюбленные братіе, русскіе люди, Христовы рабы, почитатели св. угодниковъ Божіихъ! не принимайте къ сердцу словъ искусителей, ведущихъ васъ на непослушаніе и грабежи. Богъ Самъ взыщетъ съ тѣхъ богачей, которые не помогаютъ бѣднымъ и затворяютъ сердце свое отъ нуждающихся тружениковъ, а вы поступайте по Писанію: „*не отвращайся отъ трудной работы и отъ земледѣлія, которое учреждено отъ Всевышняго, и не прилагайся ко множеству грѣшниковъ*“ (Сир. VII, 15, 16).

Ждите, братіе, съ долготерпѣніемъ царскаго обѣщанія о прирѣзкѣ вамъ земли покупной или арендной, дабы не потерять того, что дороже земли, т. е. совѣсти христіанской, чтобы душу свою не губить, чтобы не совратить навсегда дѣтей своихъ съ пути истиннаго, чтобы нашу Св. Русь изъ храма молитвы не обратить въ вертепъ разбойниковъ, чтобы не поколебать нашего православнаго царства, не отдавать его, разслабленнаго разбоями, въ руки злодѣевъ—мятежниковъ, или въ руки иноземцевъ, чтобы Бога не сдѣлать врагомъ самимъ себѣ. Закрывайте, братіе, уши свои отъ рѣчей мятежниковъ, гоните ихъ прочь отъ жилищъ своихъ; слушайтесь давнишнихъ друзей вашихъ — священниковъ Божіихъ, Духомъ Святымъ на то поставленныхъ. „*Итакъ, будьте покорны*“, по слову Апостола: „*всякому человѣческому начальству, для Господа: царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія*

дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные: не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите" (1 Петр II, 13—17).

И если Господь унизилъ страну нашу столь многими преступленіями народа, и пришлось намъ плачемъ Іереміи оплакивать его паденіе, то да сподобитъ насъ Господь чистымъ сердцемъ принести Ему покаяніе о грѣхахъ нашихъ и да утѣшитъ насъ, какъ того-же Іеремію пророка, который сказалъ такъ, насытившись слезами: „*вотъ что я отвѣчаю сердцу моему и потому уповаю: по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердіе Его не истощилось; оно обновляется каждое утро: велика вѣрность Твоя. Благъ Господь къ надѣющимся на Него, къ душѣ, ищущей Его*". (Плач. III, 21—25). „*Обрати насъ, Господи, какъ древле. Неужели Ты совсѣмъ отвергъ насъ, прогнѣвался на насъ безмѣрно?*" (V, 21—22).

Покаемся, братіе, предъ Богомъ за себя и за всѣхъ грабителей, ослушниковъ, кощунниковъ! Восплачемъ объ утраченномъ мирѣ страны нашей, станемъ крѣпкою стѣной къ охранѣ Церкви Христовой и православнаго Царя нашего, и будемъ вѣровать, что надъ нами и надъ всѣмъ народомъ нашимъ исполнится пророчество Моисея: „*Господь будетъ судить народъ Свой и надъ рабами Своими умилосердится*" (Второз. XXXII, 36). Аминь.

СЛОВО

на Рождество Христово [1]).

«Жизнь явилась, и мы видѣли, и свидѣтельствуемъ, возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ» (Іоан. I, 2).

Эта новая жизнь есть родившійся нынѣ въ Виѳлеемѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Онъ и говорилъ въ послѣдніе дни Своей земной жизни: „*Я есмь путь, и истина, и жизнь*" (Іоан. XIV, 6).

Въ чемъ же, братіе, новая жизнь? и почему она вожделѣнна для людей? Потому, что прежнею жизнью люди до Христа были недовольны, да и теперь бываютъ недовольны

[1]) Напечатано въ „Вол. Епарх. Вѣдомостяхъ", 1907 г., 21 января.

всѣ, кто только отдѣляется отъ Христа; недовольны же они бываютъ потому, что земная жизнь не соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ. Они желаютъ быть здоровыми и сытыми, а жизнь обременяетъ ихъ болѣзнями и голодомъ; они желаютъ богатства и высокихъ чиновъ, но ихъ стережетъ бѣдность и безславіе, а если и не впадаютъ они въ эти бѣды, то все-таки остаются недовольными тѣмъ, что имѣютъ, и желаютъ большихъ благъ.

Впрочемъ, люди не всѣ искали благъ внѣшнихъ: были и такіе, что тяготились беззаконною жизнью своею и всеобщею; тяготились незнаніемъ того, что будетъ съ ними послѣ смерти; оплакивали пораженіе или погибель своей отчизны, жалѣли о томъ, что на землѣ нѣтъ правды, а обманъ и насиліе. Такимъ людямъ жилось еще тяжелѣе, чѣмъ себялюбцамъ: послѣдніе въ своихъ горестяхъ искали хоть временнаго утѣшенія въ пьянствѣ, распутствѣ, дракахъ и разбояхъ, а тѣ лучшіе люди нигдѣ не видѣли просвѣта; тяготилась ихъ душа собственными и чужими грѣхами, а потомъ, послѣ раскаянія, злая воля снова ихъ влекла ко грѣху. Мало-по-малу вытравлялись изъ ихъ душъ святое упованіе и добрыя желанія, а грѣховныя страсти постепенно вконецъ порабощали ихъ, но удовольствія полнаго все-таки имъ не доставляли, потому, что всѣ эти мерзости не могутъ усладить души возвышенной и благородной, а только умножаютъ ея внутреннія муки. Подобную же скорбь умножали въ себѣ эти люди, когда изучали бытъ жизни народной; они видѣли, что никогда не будетъ на землѣ человѣческой правды, какъ сказалъ мудрый Соломонъ: *„и обратился я, и видѣлъ подъ солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда, не мудрымъ хлѣбъ, и не у разумныхъ богатство, и не искуснымъ благорасположеніе, но время и случай для всѣхъ ихъ“* (Еккл. IX, 11). А случай этотъ достаютъ обыкновенно хитрецы, льстецы, обманщики и грабители.

Много еще можно привести житейскихъ картинъ, чтобы раскрыть, какъ мало жизнь безъ Христа соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, добрымъ ли, злымъ ли. Ради сего вы тяготитесь обычною жизнью, а особенно тяготитесь тѣмъ, что, зная человѣческую злобу, понимали, какъ невозможно людямъ надѣяться на болѣе разумную, справедливую жизнь. Придумали противъ злодѣевъ законы, чтобы казнить ихъ, а злодѣи ухитрялись такъ, чтобы подъ казнь подводить невиноватыхъ, обманывая судей, либо закупая ихъ взятками и угрозами. Карали людей за воровство, а они стали вмѣсто воровства спаивать другъ друга, такъ что жертва ихъ злобы отдавала имъ свое добро, да и душу свою губила въ винѣ; пытались

люди учить другъ друга разуму чрезъ философію, а хитрая злоба обманщиковъ и сюда проникала и подъ именемъ философіи учила юношей самымъ сквернымъ понятіямъ, убѣждала ихъ, что добра и зла нѣтъ на землѣ, а только есть выгода и невыгода. Вотъ такъ и маялись люди, какъ птица, привязанная за ногу: машетъ она крыльями, хочетъ летѣть, да снова падаетъ на свою веревку.

Теперь поймете, почему св. Апостолъ Іоаннъ спѣшитъ обрадовать своихъ слушателей и читателей своего посланія, увѣряя ихъ, что явилась новая жизнь въ родившемся Спасителѣ. Ждали такого Посланника, или Мессію, давно всѣ вѣрующіе іудеи, ждали и мудрѣйшіе изъ язычниковъ. Они уповали, что Мессія и каждому человѣку облегчитъ путь добродѣтельной жизни, и справедливость водворитъ на землѣ, такъ что уже не грѣшники будутъ властвовать надъ праведниками, не язычники надъ правовѣрующими іудеями, но, напротивъ, они уповали, что явившійся Сынъ Божій Самъ сдѣлается праведнымъ царемъ-побѣдителемъ и, покоривъ язычниковъ, водворитъ на землѣ справедливость, общее счастье и, вообще, принесетъ новую блаженную жизнь на землю.

Дѣйствительно, Онъ и принесъ новую жизнь и Себя Самого назвалъ жизнью всѣхъ. И тѣ, которые приняли Его жизнь, пошли по Его стопамъ и соединились съ Нимъ, дѣйствительно перестали испытывать то недовольство жизнью, которымъ томились и томятся люди, не познавшіе Христа. Что же? сдѣлались они сразу богатыми, знатными, здоровыми, свободными отъ борьбы съ грѣховными страстями? Нѣтъ, братіе, они стали бѣднѣе и безславнѣе всѣхъ; пребывая въ трудахъ и пощеніи, не знали наслажденія тѣлеснаго здоровья, а борьбу со страстями еще умножили, потому что боролись и съ такими пожеланіями и мыслями, которыхъ прежде и за грѣхъ не считали, напр., съ самолюбіемъ, съ гнѣвомъ, съ блудною похотью.

Отчего же стали они блаженны? отъ какихъ скорбей избавила ихъ Христова благодать, и какое условіе счастья принесла имъ?

Одно условіе счастья, братіе,—чтобы добровольно отказаться отъ счастья, отъ богатства, отъ славы, отъ желанія здоровья, отъ покоя. Они отвратили сердце свое отъ всего, къ чему стремились прежніе люди, кромѣ добродѣтели, и возлюбили все, примирились со всѣмъ, что прежніе люди считали за величайшее горе, кромѣ грѣха и порока. А когда такъ расположили они свое сердце, то грѣхъ пересталъ быть такъ заманчивъ, добродѣтель перестала быть тягостна; напротивъ, въ ней они начали постепенно находить тотъ источникъ радости, которую язычники находили только въ земныхъ насла-

жденіяхъ. Таковъ смыслъ словъ Господнихъ: *„не заботьтесь и не говорите — что намъ ѣсть? и что намъ пить? или во что одѣться? потому что всего этого ищутъ язычники... Ищите же прежде царствія Божія и правды Его“* (Матѳ. VI, 31 — 33). Не напрасно же, братіе, сказано, что Христосъ принесъ новую жизнь на землю. Видимъ, Онъ переворотилъ совсѣмъ душу человѣческую; какъ бы измѣнилъ совершенно ея природу. Раньше накопляли богатства, теперь стали его раздавать; раньше боялись тюрьмы и истязаній, теперь апостолы восторженно благодарятъ за нихъ Бога; раньше боялись скорбей, теперь св. Іаковъ пишетъ христіанамъ: *„съ великою радостію принимайте, братіе мои, когда впадаете въ различныя искушенія“* (I, 2). Попрежнему на землѣ неправда, и болѣзнь, и бѣдность, и всякія обиды, и всего этого будетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, какъ предсказалъ Господь и св. апостолы Петръ, Іуда, Павелъ и Іоаннъ. Но всѣми этими скорбями не убивались, не подавлялись души христіанъ. Другое блаженство—внутреннее духовное познали они, а если о чемъ скорбѣли, то только о своихъ грѣхопаденіяхъ и о грѣхахъ своихъ ближнихъ.

Чѣмъ же, какими дѣлами Своей жизни Спаситель нашъ измѣнилъ всю сущность нашей души, нашей жизни?

Прежде всего, самымъ Своимъ рождествомъ.—То преобразованіе души и жизни человѣческой, которое Онъ совершилъ Собою, отразилось со всею ясностью во градѣ Виѳлеемскомъ. Сей малый градъ въ эти дни отражалъ въ себѣ весь міръ, а событія Рождества Христова — всю жизнь всего человѣческаго рода.

Жизнь людей есть всеобщая борьба за удобства и выгоды житейскія. Множество людей, сошедшееся въ Виѳлеемъ, тѣснилось въ холодную ночь по жилищамъ; навѣрно, бѣдные завидовали богатымъ въ ихъ просторѣ, богатые съ грубостью прогоняли лишнихъ постояльцевъ изъ своихъ домовъ, сердились, когда тѣснота помѣщеній понуждала ихъ поневолѣ дѣлить свое помѣщеніе съ чужими. Такъ, по крайней мѣрѣ, вездѣ бываетъ, гдѣ скопляется много народа.

Посмотрите, что бываетъ по обычаю жизни новой. Тотъ, Кому принадлежатъ всѣ дома, всѣ грады, вся вселенная, Онъ лишаетъ себя послѣдняго человѣческаго жилища и вселяется вмѣстѣ съ скотами, полагаясь вмѣсто престола херувимскаго въ ясляхъ безсловесныхъ. О, люди! Вамъ ли бороться и угрызать другъ друга за преимущество чести, чистоты и удобства, когда Богъ не гнушается быть недопущеннымъ къ людямъ и довольствоваться скотскимъ загономъ! Человѣкъ! ты ропталъ на свое убожество, ты завистливымъ окомъ взиралъ на бога-

тыхъ и знатныхъ, ты оплакивалъ нищету твоей хижины, ты скорбѣлъ, что вмѣняешься съ простолюдинами. Опустись еще ниже въ житейскомъ положеніи, и ты вмѣнишься съ Богомъ! Ты почиталъ за великую честь приблизиться къ порогу вельможи, но смотри, какъ легко тебѣ получить жилище, равное Божіему дому! Ты съ вожделѣніемъ взираешь на дворцы, потому что въ нихъ живутъ или жили цари; воззри лучше на хлѣвъ и на ясли и въ нихъ обиталъ воплотившійся Сынъ Божій! Видишь, гдѣ начало новаго ученія, новой жизни, новыхъ обычаевъ. Если будешь такъ слѣдовать за Христомъ, тебѣ нигдѣ не будетъ тѣсно. Если всѣ примутъ къ сердцу образъ жизни Христовой, то всѣмъ будетъ на землѣ просторно и безобидно.

Но, скажешь ты: о бѣдности я не скорбѣлъ бы, но убиваетъ меня тяжелый трудъ поденщика. Я сѣю и жну хлѣбъ, а люди его ѣдятъ, я пасу стадо, а хозяева пьютъ молоко, я работаю сукно, а носятъ его другіе. — Можетъ быть, врагъ искушалъ такими же мыслями и пастырей виѳлеемскихъ, которые бдѣли ночью около города, погруженнаго въ сонъ, и пасли стадо горожанъ; но если бъ они приняли такія мысли, то не стали бы блаженнѣйшими изъ людей. Много было тогда въ городѣ людей знатныхъ, богатыхъ и ничѣмъ незанятыхъ, но не къ нимъ явился ангелъ, возвѣщающій рожденіе Превѣчнаго, не они, а эти, лишéнные ночного сна бѣдняки, сподобились небеснаго видѣнія; они научили весь родъ человѣческій воспѣвать тѣ блаженные глаголы, которые раздавались на небѣ: *„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“* (Лук. II, 14). Они, первые послѣ родившей Пресущественнаго—сподобились узрѣть Его и поклониться Ему и прославить Пречистую Матерь Агнца и Пастыря.

И далѣе, христіанинъ, пройди мысленными взорами все, что возвѣстило намъ Евангеліе о Рождествѣ Христовомъ, и найдешь здѣсь измѣненіе къ новой жизни всего человѣческаго естества всѣхъ нашихъ обычаевъ, всѣхъ понятій. Скорбишь ли ты о томъ, что подвергся неправедному гоненію? Но вѣдь не правѣе же ты, чѣмъ Христосъ, преслѣдуемый злочестивымъ Иродомъ. Скорбишь объ изгнаніи и ссылкѣ? Вспоминай бѣгство во Египетъ. Тяготишься ли игомъ закона? Взирай на обрѣзаніе Господа и принесеніе въ храмъ въ 40-й день. Или тебя огорчаетъ, что долженъ ты повиноваться худшему тебя, будучи самъ просвѣщеннѣе и лучше другихъ? Но болѣе тебя превосходилъ Іисусъ старца Іосифа и, однако, повиновался ему. Почитаешь ли твоего наставника или начальника человѣкомъ случайнымъ, недостойно занявшимъ начальство? Но Господь Іисусъ мнимаго отца чтилъ, какъ истиннаго. Итакъ, пойми, что тя-

гота жизни не въ трудѣ, не въ бѣдности, не въ послушаніи, не въ перенесеніи обидъ и даже гоненія,—нѣтъ, но въ томъ, чтобы считать для себя потребнымъ праздность и богатство, своеволіе и постоянное веселіе. Все это отнимаетъ у человѣка радость бытія, все это и бываетъ причиною и питаніемъ въ немъ злыхъ страстей и пороковъ, и отъ всѣхъ этихъ заблужденій избавилъ насъ Господь, освѣтивъ Своимъ рождествомъ и бѣдность, и терпѣніе обидъ, и тяжкій трудъ и униженіе. Вотъ почему воспѣваетъ нынѣ вселенная: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума". Не могутъ сего понять тѣ, кто справедливою считаетъ зависть; не могутъ понять и тѣ, которые, получивъ въ мірѣ семъ достатокъ и честь, не хотятъ добровольно уступать хотя бы части того и другимъ, но притѣсняютъ бѣдныхъ, унижаютъ подчиненныхъ, вытѣсняютъ пришельцевъ, надмѣваются надъ простецами. Жалкіе люди! вы несчастнѣе тѣхъ, надъ кѣмъ издѣваетесь: эти очищаются скорбями и приближаются къ родившемуся Спасителю, а вы удаляетесь отъ Его новой жизни и пребываете въ прежней смерти, какъ и сказано: „*нелюбящій брата пребываетъ въ смерти*" (1 Іоан. III, 14).

Итакъ, новая жизнь во Христѣ заключается въ томъ, чтобы самому добровольно отказываться отъ благъ мірскихъ и не скорбѣть, когда ихъ отъ нихъ отнимаютъ силой. Быть можетъ, не сразу сможешь ты такъ направить свой умъ. Но по мѣрѣ того, какъ будешь, хотя бы скрѣпя сердце, добровольно лишать себя житейскихъ наслажденій: поститься, обижать себя, подавая бѣднымъ или уступая приснымъ, не сердиться и не мстить за униженіе, но претерпѣвать молчаливо обиду; — по мѣрѣ того, какъ будешь распинать въ себѣ ветхаго человѣка, умерщвлять ветхую жизнь, — до мѣрѣ сего иной источникъ жизни благодатной будетъ исходить изъ твоего сердца „*Кто вѣруетъ въ Меня*, сказалъ Господь: *у того, какъ сказано въ Писаніи, потекутъ изъ чрева рѣки воды живой*" (Іоан. VII, 38). Уже ни богатство, ни здоровье, ни слава, ни погибель враговъ будетъ радовать тебя, но подобно тому, какъ хозяинъ радуется на спѣющую ниву, или охотникъ на множество порхающей дичи, или художникъ на красоту солнечнаго заката, — такъ будетъ тебя радовать молитва, духовное чтеніе и возможность оказать ближнему ласку, либо благодѣяніе, утѣшить скорбящаго, усмирить гнѣвающагося, вразумить злодѣя. Злочестивые іудеи не хотѣли принять этой новой жизни: они желали счастья земного, и погибели враговъ, и человѣческой славы, и суетнаго богатства. Того же, увы, того же самаго желаютъ и теперь ихъ неразумные ученики, европейцы разныхъ народностей, и многіе у насъ на Руси. Они

забыли Христа и, возненавидѣвъ Христово поношеніе, возлюбили сокровища Египетской земли, не какъ великій Моисей (Евр. XI, 26), но „яко же древніе неразумніи люди въ пустыни".

И не только сами они возвращаются къ прежнему языческому безумію, но и пылкихъ юношей и народъ нашъ стараются отвратить отъ пути евангельскаго, и въ ослѣпленіи своемъ обѣщаютъ имъ общее богатство и счастье чрезъ отнятіе имѣній у богатыхъ въ общее пользованіе.—Если-бъ было это раздѣленіе богатствъ возможно, то и тогда какой миръ, какое счастье возможны между завистниками? И если-бъ люди усмотрѣли свое счастье въ такомъ довольствѣ, то были бы это не люди, а звѣри, которымъ ничего не надо, кромѣ сытости и покоя.

Знаютъ эти люди, что они пошли противъ Евангелія, хотя лицемѣрно и отрицаютъ это; отрицаютъ, но чувствуютъ, что нѣтъ для нихъ болѣе враждебнаго ученія, чѣмъ ученіе Христово,—какъ это чувствовали книжники іудейскіе, возбуждавшіе народъ противъ римлянъ въ погонѣ за собственной властью, богатствомъ и честью. Не справедливость, а завистливую злобу сѣютъ они и теперь на землѣ, и домогаясь правъ, умножаютъ неправду. Насъ же, братіе, Христосъ Богъ научилъ вразумлять другихъ не исканіемъ правъ, но отреченіемъ отъ нихъ, не требованіемъ равенства со знатью, но униженіемъ себя, не борьбою, но уступкой, не преступленіями, но перенесеніемъ обидъ. Вотъ въ чемъ явившееся Солнце Правды „*дало намъ свѣтъ и разумъ*" (1 Іоан. V, 20), открыло намъ путь къ жизни вѣчной и блаженной, вотъ на чемъ основывается и всякая правда въ человѣческомъ обществѣ. Прославимъ же, братіе, явившагося Господа, возрадуемся о Рождествѣ Его! Этой радости ничто не отниметъ отъ насъ—ни бѣдность, ни обиды, ни труды денноночные: все это Онъ благословилъ, и возвеличилъ, и освятилъ Собою во градѣ Виѳлеемскомъ. Намъ да будетъ отсюда ученіе, а Ему, возлюбившему насъ, слава и держава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Духомъ во вѣки. Аминь.

СЛОВО

на молебствіи 6-го февраля 1907 года предъ выборами членовъ Государственной Думы отъ Волынской губ. [1]).

Нѣкогда, еще задолго до пришествія въ міръ нашего Спасителя, люди различныхъ народностей и вѣръ плыли по морю вмѣстѣ съ пророкомъ Іоной, который, ослушавшись повелѣнія Божія, хотѣлъ бѣжать отъ лица Его въ другую землю. Море, по повелѣнію Божію, взбушевалось и страшная буря грозила потопить корабль. Тогда, сказано, *„устрашились корабельщики и взывали каждый къ своему богу“* (Іон. I, 5).

Въ этой горницѣ нынѣ собрались тоже люди различныхъ племенъ и различныхъ вѣръ; они призваны, чтобы послать въ государственную думу мудрыхъ совѣтниковъ, которые могли бы вывести къ тихой пристани корабль нашего отечества, бросаемый страшною бурею мятежа и всякаго неустройства. Пусть же всѣ, призванные сюда для столь важнаго дѣла, взываютъ каждый своему Богу о вразумленіи и помощи.

Наше отечество, нашъ народъ повергнутъ въ тяжкую бѣду. Сколько злодѣяній, сколько убійствъ, грабежей и поджоговъ совершено за эти два года! Конечно, больше, чѣмъ за 20, за 50 лѣтъ нашей прежней мирной жизни. Какъ теперь люди потеряли страхъ Божій, какъ дѣти и юноши плюютъ въ глаза своимъ родителямъ, бьютъ своихъ учителей, воруютъ и развратничаютъ! Церкви пустѣютъ, а притоны пьянства и безпутства умножаются. Какъ всѣ изолгались, какъ ожесточились! Съ такимъ-то великимъ зломъ придется бороться новой думѣ, если въ нее соберутся люди благонамѣренные, а если соберутся люди злонамѣренные, то такъ легко имъ будетъ теперь губить вконецъ нашу потрясенную родину, добивать все, что еще живетъ въ ней добраго.

Направить думское дѣло къ добру навѣрняка, знать впередъ, что вамъ удастся избрать лучшихъ людей, и что избранные потомъ не измѣнятъ правдѣ—конечно невозможно. Дѣло это не въ нашихъ рукахъ, а въ рукахъ Божіихъ. Въ Его всесильной десницѣ спасти или погубить корабль нашего отечества, обуреваемый волнами злобы человѣческой. Но Богъ слышитъ молитву вѣрующихъ, преклоняется и къ моленію мало-

[1]) Напечатано въ «Вол. Епарх. Вѣдомостяхъ» 1907 г., 21 февраля.

вѣрныхъ, если возносится оно отъ чистаго сердца. — Теперь, слушатели, вы стоите предъ лицомъ всеправеднаго Бога, предъ лицомъ родной земли и полуторастомилліоннаго разноплеменнаго народа ея. Да будетъ же сердце ваше и намѣреніе ваше чисты предъ Богомъ. Пусть ничто не руководитъ вами, кромѣ желанія послужить благу земли нашей.

Если какая либо партія чувствуетъ себя въ силѣ и увѣрена, что ея избранники пройдутъ въ думу, да творитъ она дѣло свое безъ злорадства и насмѣшекъ, да вводитъ она своихъ избранниковъ въ думу съ намѣреніемъ не обижать никакого племени или сословія, но, распредѣляя права всѣмъ по мѣрѣ ихъ пользы для Россіи, обезпечитъ всѣмъ безобидное существованіе.

Если суждено туда войти инородцамъ, пусть и они не забываютъ, что они призваны служить странѣ съ тысячелѣтнею исторіей не для того, чтобы развращать и разстраивать русскій народъ, пріютившій ихъ подъ своею державой, но для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ устраивать миръ и благополучіе и исполнять заповѣди Божества, какъ каждый ихъ понимаетъ.

Если же здѣсь предстоящіе иноплеменные избиратели видятъ себя въ меньшинствѣ и не въ силѣ, пусть исполняютъ свое дѣло безъ ожесточенія и зависти, покоряясь волѣ Божіей, ибо изъ злобы не можетъ выйти пользы ни для кого.

Сосредоточьте всѣ свои мысли и вопросите свою совѣсть, какъ направить свое дѣло. Тогда Богъ будетъ руководить вашею рукой и направитъ ее для разумнѣйшаго выбора. Какъ отрадно будете вы себя чувствовать, когда узнаете, что избранники ваши стоятъ за правду, за милосердіе, за любовь къ отечеству; какъ больно и стыдно будетъ вамъ за себя и сосѣдей вашихъ, если избранники ваши будутъ предателями и мятежниками. Отгоняйте отъ сердецъ своихъ честолюбіе и зависть. Если кто либо подходитъ къ тебѣ съ угрозами или съ подкупомъ, не слушай его. Лучше доживать вѣкъ свой въ бѣдности, лучше навлечь на себя злобу сильныхъ людей, чѣмъ нажившись или получивъ иную выгоду, нести на своей совѣсти укоръ за то, что помогъ злому человѣку стать у власти и подтачивать благополучіе твоего отечества. Совѣсть неумолимый судія: она будетъ грызть тебя за преданіе родины въ руки злымъ людямъ постоянно и омрачитъ твою жизнь навсегда, навсегда, потому что не молчитъ она, когда и одного человѣка напрасно обидишь, а за обиду родинѣ не дастъ она тебѣ покоя во всю твою жизнь.

Молись же теперь каждый своему Богу, чтобы Онъ научилъ тебя отбросить отъ души твоей всякую ложь, всякую злобу, всякое злорадство, всякую зависть, и хитрость, и часто-

любіе. Мы разно учимъ о Богѣ, каждый по своей вѣрѣ, но почти одинаково учатъ всѣ вѣры о добрѣ и злѣ, и если каждый постарается по своей вѣрѣ быть справеливымъ въ сегодняшній день, то, конечно, добрыхъ и разумныхъ людей будетъ онъ избирать въ думу. Собравшись въ думу, такіе люди будутъ обсуждать пользу страны нашей единодушно, потому что всякое затрудненіе и разномысліе наладится, когда всѣ будутъ желать знать правду.

Отчего теперь люди такъ злостно спорятъ другъ съ другомъ о предметахъ государственныхъ? Отчего этого не было прежде? Оттого, что прежде старались убѣдить одинъ другого правдивостью своихъ мыслей, старались въ словѣ узнать истину, а теперь истины никто знать не желаетъ, а старается только смутить и запугать собесѣдника, доказать ему, что теперь всѣ думаютъ по моему, и по моему будетъ, а если ты не согласишься со мною, то останешься одинъ. Но вы, любезные слушатели, не того опасайтесь въ будущей дѣятельности и въ сегодняшнемъ важномъ государственномъ дѣлѣ, не того, чтобы остаться въ меньшинствѣ, а бойтесь того, чтобы не разстаться съ совѣстью, съ правдою, съ волею Божіей. Не будьте рабами толпы, рабами крикуновъ, рабами угрозъ и насмѣшекъ. „*Правды, правды ищи, дабы ты былъ живъ и владѣлъ землею, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ*“ (Втор. XVI, 20), такъ завѣщалъ Господь народу Своему чрезъ Моисея.

Итакъ, подобно корабельщикамъ—спутникамъ пророка Іоны, всѣ молитесь въ сердцѣ своемъ своему Богу: и русскіе православные, и католики, и лютеране, и евреи, молитесь и тѣ, которые давно отвыкли молиться и назвали себя невѣрующими, потому что въ такой торжественный часъ, конечно, и вашего сердца коснулся перстъ Божій. Будемъ молиться, чтобы Богъ ввелъ въ думу Царскую добрыхъ и умныхъ людей, чтобы успокоилъ бурю, наполняющую корабль земли русской и послалъ ей Свой миръ и благословеніе на славу русскаго народа и на благо всѣмъ племенамъ, живущимъ на его землѣ.

СЛОВО

на благодарственномъ молебнѣ 7-го февраля послѣ выборовъ членовъ Государственной Думы [1]).

Въ этомъ священномъ храмѣ св. Анастасіи предъ ея чудотворною ракою размыслите, братіе—выборщики и выбранные,—о своемъ долгѣ предъ Богомъ и родиной. Съ двумя мыслями пригласилъ я васъ сюда, именно, въ эту подземную церковь св. мученицы. Первая мысль моя заключалась въ томъ, чтобы напомнить новоизбраннымъ членамъ думы, какъ надо стоять за истину. Юная дѣва, св. Анастасія, привлеченная на беззаконное судище язычниковъ, не послушалась ни прельщеній ихъ, ни угрозъ, не отступила отъ истиннаго исповѣданія, когда ее жгли медленнымъ огнемъ, когда ей вырывали волосы и зубы, отрубали руки, сосцы, вырывали языкъ и повлекли на убіеніе.

Она восклицала среди мученій: „*Христосъ—мое богатство и похвала*“. Вспоминайте, братіе, какъ страдали св. мученики за истину и не поддавайтесь духу лжи и лести, ни угрозамъ, ни насмѣшкамъ, но знайте, что постоять за истину невозможно безъ скорбей и лишеній.

Вы, сельскіе выборщики, показали здѣсь достойное добрыхъ христіанъ мужество и безкорыстіе. Вы отвергли льстивыя обѣщанія недобрыхъ людей, не пошли къ нимъ пожить эти дни въ покоѣ и довольствѣ, хотя васъ они приглашали еще на пути въ городъ и даже въ домахъ вашихъ; вы предпочли тѣсноту и лишенія во святой обители Богоявленской и всѣ до одного крестьяне-выборщики стояли дружно вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ, причемъ не старались попасть самому въ высокое званіе членовъ государственной думы, но прилагали попеченіе о томъ, чтобы выбрать туда полезнѣйшихъ для земли нашей людей. „*Се что добро и красно, но еже жити братіи вкупѣ*“, какъ сказано во святомъ псалмѣ (XXXI, 1). Оставайтесь же такими и вы, избранники народа волынскаго, тамъ въ далекой столицѣ. Стойте не за себя, а за правду. Держитесь родной страны и святой вѣры, а не поддавайтесь растлѣвающему духу роскоши, праздности и свободы. Помните, что васъ посылаетъ родная земля и угодники Божіи, защи-

[1]) Напечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ № 7, 1907 г.

щавшіе православную вѣру: преп. Іовъ Почаевскій, Ѳеодоръ Острожскій, Макарій Овручскій и пр., посылаютъ на подвигъ, а не на пиръ, на служеніе, а не на обогащеніе. Лихіе люди будутъ тамъ васъ запугивать и осмѣивать, обольщать и стараться закупить, но вы вспоминайте сей священный часъ предъ мощами мученическими, какъ мы здѣсь всѣмъ народомъ молились, чтобы Богъ отстоялъ васъ отъ предательства и омраченія и соблюдалъ вѣрными Царю и отечеству.

Вотъ мы возложимъ на васъ тѣльные кресты; носите ихъ на себѣ и когда сомнѣніе будетъ вкрадываться въ душу вашу, прижимайте ихъ къ груди своей и просите вразумленія отъ Бога, а Онъ наставитъ всегда васъ на путь правый, озаривъ вашу совѣсть свѣтомъ Своей истины, хотя бы и пришлось за нее страдать, какъ св. мученица Анастасія.

Съ этою мыслью я призвалъ васъ на молитву въ ея св. храмѣ, а другая мысль моя была такая. Старики ваши помнятъ время, когда въ этомъ городѣ не было ни одной каменной православной церкви и архіерейскія служенія совершались во временной церкви-баракѣ. Подобное было тогда и по всѣмъ городамъ Волыни, а св. Лавра наша была больше ста лѣтъ отнята отъ православныхъ христіанъ и отдана уніатамъ, мощи преп. Іова были замурованы и люди не могли къ нимъ прикладываться; христіане по селамъ забыли было православные обычаи, крестились латинскимъ крестомъ и говорили по-польски. Нынѣ нашъ Житоміръ украшенъ многими благолѣпными храмами и этимъ огромнымъ соборомъ; онъ сталъ городомъ русскимъ православнымъ, а недавно сталъ и среди православныхъ городовъ городомъ священнымъ, потому что здѣсь въ соборномъ храмѣ покоится въ благолѣпной ракѣ глава св. Анастасіи Рымляныни, уже прославившаяся нѣсколькими исцѣленіями и привлекающая дважды въ годъ множество богомольцевъ со всей Волыни. Мы уповаемъ, что она прославится въ странѣ нашей и прославитъ городъ, какъ славится св. Варвара въ Кіевѣ. Еще болѣе процвѣтаетъ въ славѣ Божіей и въ любви народной св. Лавра Почаевская, куда на всякое лѣто собираются сотни тысячъ людей, иногда въ одинъ разъ по 50 тысячъ.

Далѣе, народъ нашъ утверждается въ исполненіи православныхъ обычаевъ, учится грамотѣ, не боится всѣхъ и каждаго, какъ прежде.

Такъ на вашихъ глазахъ, братіе, растетъ вокругъ насъ православная вѣра и русская сила, какъ растетъ весной на солнышкѣ озимь, являются трава, кусты и деревья, и не у насъ только въ Малороссіи творится ростъ земли русской. Нѣтъ, Христова вѣра и сила русская могуче и неудержимо

разливалась и на Востокъ, и на Югъ, и на Западъ, и на Сѣверъ. Одни племена радостно принимали нашу вѣру и нашъ обычай, другіе узнавали то и другое, третьи принимали въ свои азіатскіе города и селенія русскихъ переселенцевъ съ церквами православными и русскою рѣчью. Крѣпла и росла православная Русь, впередъ и вширь распростиралась она, никого не уничтожая и не обижая, но привлекая къ себѣ любовь и почтеніе всѣхъ.

Но вотъ за эти послѣдніе два года пріостановилось и поколебалось возрастаніе земли нашей. И въ училищахъ, и въ газетахъ, и особенно въ прошлогодней думѣ обезумѣвшіе люди начали кричать, что любить Россію и русскую вѣру вовсе не нужно; пусть всѣ племена и вѣры распространяютъ на нее свое вліяніе и расхищаютъ себѣ ея сыновъ.

Да не будетъ такъ, братіе! Если больно видѣть пахарю, какъ спѣющую ниву вдругъ побьетъ градъ, какъ прекрасные колосья онъ втопчетъ въ грязь и перемѣшаетъ золотистую солому, посмѣявшись надъ трудами и молитвами земледѣльцевъ; то во сто разъ больнѣе слышать намъ угрозы противъ духовной нивы, которую насѣялъ Сынъ Человѣческій для жатвы жизни вѣчной. Пусть и другія вѣры строютъ свои храмы, пусть живутъ благополучно и другія племена. Мы не боимся съ ними состязаться объ истинахъ вѣры нашей; но они не выйдутъ съ нами на честный споръ никогда, но ложью, клеветами и потачками хотятъ смущать слабыя души, какъ это дѣлали многіе лихіе обманщики въ прошлогодней думѣ. Знайте, и на будущее время, что злобу и ложь они будутъ сѣять, прикрываясь ласковыми словами, какъ бы отстаивая общую пользу, свободу и равенство, а на самомъ дѣлѣ добиваясь одного—уничтожить св. Русь, ея вѣру, ея цѣлость, ея исконный обычай. Среди васъ, братіе, есть священникъ Божій. Слушайте его тамъ, когда будете среди многихъ льстецовъ и обманщиковъ. Помните, что Господь повелѣлъ слушаться даже тѣхъ священниковъ и духовныхъ учителей, которые были Его врагами (Матѳ. XXIII, 3). Тѣмъ болѣе подобаетъ слушать совѣтовъ и указаній священниковъ Христовыхъ, которые научатъ васъ добру и правдѣ, потому что сами вы, привыкшіе къ деревенской простотѣ, деревенской правдѣ, не скоро научитесь различать правдивыхъ и честныхъ людей отъ лживыхъ обманщиковъ. Вѣдь не напрасно сказалъ св. апостолъ: „*самъ бо сатана преобразуется въ ангела свѣта*“.

Таковы всѣ тѣ, которые начнутъ говорить вамъ противъ вѣры православной и противъ Царскаго самодержавія. О немъ мое послѣднее слово. Помните, братія, что, когда 300 лѣтъ тому назадъ русскій народъ самъ избавилъ родину и цар-

ствующій градъ Москву отъ плѣненія врагами и мятежниками, разогналъ ихъ и снова овладѣлъ городомъ и землею, то чего онъ началъ искать прежде всего, чтобы установить благополучіе страны? Началъ искать царя православнаго, самодержавнаго и наслѣдственнаго. Въ далекую Кострому устремились русскіе святители, крестьяне и бояре и долгое время упрашивали и умоляли монахиню Марѳу, чтобы она благословила юношу Михаила Ѳеодоровича Романова принять подъ свою десницу русское царство. Не цари наши завоевали русскую землю, а земля русская почти что силою взяла къ себѣ въ цари ихъ родоначальника.

Можетъ быть, есть такія страны, которыя лучше управляются не царями, а временными многими начальниками, но наше царство, состоящее изъ множества племенъ, разныхъ вѣръ и обычаевъ, другъ другу враждебныхъ, можетъ стоять только тогда, когда во главѣ его будетъ одинъ Божій помазанникъ, никому не дающій отчета, кромѣ Бога и Его заповѣдей. Иначе всѣ племена, населяющія русскую землю, пойдутъ другъ на друга съ ножами и не успокоятся, пока не истребятъ другъ друга сами или не подпадутъ власти враговъ Россіи. Только одного бѣлаго царя чтутъ всѣ народы Россіи и ради Него исполняютъ законы гражданскіе, идутъ въ войска, платятъ подати. Цари наши — друзья народа и охранители св. вѣры, а нынѣшній Государь Николай Александровичъ, кротчайшій и тишайшій изъ всѣхъ царей всего міра—онъ вѣнецъ нашей преданности родной землѣ и за него стойте до послѣдней капли крови, не дозволяя никому попытаться уменьшить его священную власть, ибо съ паденіемъ сей власти падетъ и Россія.

И знайте, что всякій, кто иначе будетъ говорить вамъ о Царѣ и о Россіи, или врагъ своего отечества, либо глупъ и ничего не видѣлъ, кромѣ Петербурга и нѣмецкихъ городовъ, а русской земли и русскаго народа не знаетъ. Если такой человѣкъ и назовется крестьяниномъ, то не вѣрьте ему: можетъ быть, крестьянами были его отецъ, и мать, дѣды, но самъ онъ уже не крестьянинъ, а ученикъ безбожниковъ заграничныхъ, и не русскій человѣкъ. Любите Царя, избранники народа, любите его въ столицѣ такъ, какъ любили здѣсь въ деревенской простотѣ. Чѣмъ больше сохраните вы въ думѣ своего мужицкаго разума, мужицкой правдивости, и мужицкой вѣры, тѣмъ больше пользы принесете родной странѣ, потому, что понять ее можно именно деревенскимъ мужицкимъ сердцемъ. И вамъ, избранники-дворяне, то-же скажу: несите туда въ столицу тѣ наблюденія и опытъ, которыми вы обогатили свой духъ здѣсь въ деревнѣ; тогда скажете въ думѣ

свое полезное, разумное слово.—Пусть ни одно племя, живущее на землѣ русской, не будетъ обижено, но пусть жизнь земли нашей направляется по тѣмъ завѣтамъ православной вѣры, смиренномудрія, чистоты и правды, которымъ учили народъ святые угодники наши.

Господь, по молитвамъ св. Анастасіи, да умудритъ, да оградитъ, да сохранитъ васъ, избранные волынскимъ народомъ Царскіе совѣтники, въ вѣрности и безкорыстной преданности св. вѣрѣ, самодержавному Царю и родинѣ. Аминь.

Слово на Пасху [1]).

Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало!

Понимаешь ли, христіанинъ, смыслъ этихъ словъ? разумѣешь ли, чему такъ свѣтло радуешься въ эти спасительные дни воскресенія Христова? Тому ли только, что оплаканный тобою во дни Страстной седмицы Божественный Страдалецъ воскресъ во славѣ? что враги Его не остались побѣдителями? Тому ли, что событіе воскресенія подтвердило Его Божескую сущность? тому-ли, что оно удостовѣрило собою безсмертіе и нашихъ душъ?

Поистинѣ, радуешься всему этому, но и чему-то еще большему. Христіанинъ мыслится всегда, какъ борецъ за правду и добродѣтель. Но борецъ сей не бываетъ въ этой жизни видимымъ побѣдителемъ. Со своею жаждою правды, чистоты и любви онъ скитается среди грѣшниковъ, какъ Авраамъ; работаетъ у Лавана, какъ Іаковъ; продается братьями, какъ Іосифъ; отвергается соплеменниками, какъ Моисей; изгоняется дѣтьми своими, какъ Давидъ. Лишь къ самому концу жизни нѣкоторые праведники начинаютъ созерцать благіе всходы своихъ духовныхъ насажденій; лишь немногіе видятъ посрамленіе и обличеніе враговъ. Но въ это время неумолимая смерть уже отверзаетъ имъ самимъ холодный гробъ, уравнивающій для земли и праведныхъ и грѣшныхъ. Они только что созрѣли для разумной жизни и для наученія другихъ, какъ должны съ нею разстаться. Другіе же разстаются съ нею въ безсильной борьбѣ противъ злобы и лжи вокругъ себя и въ себѣ самихъ; умираютъ, какъ бы слыша злорадный смѣхъ

[1]) Напечатано въ „Вол. Епарх. Вѣдомостяхъ“ № 14, 1907 г.

нечестивцевъ, кощунственную похвальбу безнаказанныхъ грѣшниковъ. Они разстаются съ земною жизнью, понимая со всею ясностью, какъ неправы тѣ мыслители, или, точнѣе, — риторы, которые стараются утѣшить правдолюбцевъ, говоря, что созданное ими добро продолжитъ свою жизнь въ ихъ друзьяхъ и дѣтяхъ. Они знаютъ, что это неправда, что крутую лѣстницу добродѣтели каждое поколѣніе и всякій человѣкъ проходитъ съ начала и въ тяжкой борьбѣ среди претыканій и паденій; знаютъ, что обличенная ложь, посрамленное зло обличены только въ глазахъ ихъ поколѣнія, а потомъ эта же ложь поднимается въ общественной жизни, какъ поднимается весной скошенная или потоптанная прошлымъ лѣтомъ крапива или бѣлена, вопреки современнымъ баснямъ о послѣдовательномъ духовномъ совершенствованіи поколѣній или, такъ называемомъ, прогрессѣ. Откровеніе живописуетъ намъ противоположную печальную истину жизни. Противъ Бога и святыхъ Его выступаетъ страшный звѣрь, а прежде господствовавшій въ мірѣ драконъ передаетъ ему свою власть; у звѣря семь головъ, и вотъ одна изъ нихъ получаетъ смертельную рану, но рана исцѣлѣваетъ и вся земля дивится, слѣдя за звѣремъ, и рабски поклоняется дракону и звѣрю, говоря: *кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ? И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно* (Апок. XIII, 1 — 2). Правда, недолго властительствуетъ звѣрь, но потомъ появляется новый звѣрь съ ложными чудесами, и такъ далѣе. Они получаютъ свое праведное воздаяніе; ихъ ложь обнаруживается, но одну ложь замѣняетъ другая, и такъ жизненное поле все остается въ обладаніи неправды. Вотъ, въ какомъ смыслѣ и святый Павелъ говоритъ: „*если мы только въ этой жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣйшіе изъ людей*“ (1 Кор. XV, 19). Хочешь-ли наглядныхъ подтвержденій сей истинѣ? О, ихъ такъ много предъ нашими глазами! Могло-ли русское общество, возрожденное и просвѣщенное жертвою 1881 г., допустить, что къ нему вернется, и вернется такъ скоро, безуміе нигилизма, безуміе злобной ненависти къ родинѣ, къ Церкви? а бредъ вызыванія духовъ? а бредъ чужебѣсія? Не казалось-ли все это разъ навсегда заброшеннымъ, постыднымъ заблужденіемъ? Звѣрь былъ пораженъ въ главу, но глава его исцѣлѣла, „*и дано ему было вести войну со святыми и побѣдить ихъ; и дана ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ, и племенемъ*“ (Апок. XIII, 7).

Итакъ, какъ общественная жизнь съ ея борьбою добра и зла, такъ равно и жизнь личная христіанина-подвижника, не имѣютъ своего разумнаго завершенія здѣсь на землѣ. Здѣсь,

на землѣ правды нѣтъ и никогда не будетъ, а Господь и апостолы Его предсказываютъ, что зло будетъ все укрѣпляться и что Онъ, возвратясь на землю, едва ли обрящетъ и вѣру у кого-либо (Лук. XVIII, 8). Если есть правда, если есть побѣда для добра и истины, то не здѣсь ихъ утвержденіе. Здѣсь явившагося Бога не позналъ Его избранный народъ, Его приговорили къ смерти, какъ преступника Его-же собственные первосвященники. Трепетала земля, не снося такого злодѣянія, померкло солнце, раздиралась завѣса, отверзались гробы мертвыхъ, но злоба человѣческая не вразумлялась, и соборъ суеты исполнялъ мздою десницу первыхъ свидѣтелей воскресенія, чтобы они говорили, будто Мертвецъ украденъ учениками, когда они спали.

Имъ Онъ болѣе не являлся. Его „*Богъ воскресилъ въ третій день и далъ Ему являтися не всему народу, но свидѣтелямъ предъизбраннымъ отъ Бога*“, какъ говоритъ апостолъ Петръ: „*намъ, которые съ Нимъ ѣли, пили по воскресеніи Его изъ мертвыхъ*“ (Дѣян. X, 40).

Да! имъ—свидѣтелямъ уже не страшна видимая побѣда звѣря, звѣря заблужденія, злобы, упорства, лжи и народнаго обмана. Надъ всѣми этими звѣрями прежде царствовала смерть, а Онъ, ихъ возлюбленный Учитель и Его ученіе, царствуютъ надъ самою смертью. Вотъ Онъ между ними, даетъ Себя осязать и принимаетъ пищу, обличаетъ ихъ маловѣріе и ихъ же прощаетъ и ободряетъ!

Прежнихъ правдолюбцевъ и мудрецовъ смерть въ своемъ неодолимомъ господствѣ научала презирать суетныя приманки жизни, но она же и обезцѣнивала значеніе добродѣтели, погибающей подъ ея косою вмѣстѣ съ порокомъ. Избранный народъ зналъ отъ Бога нѣчто лучше, — зналъ о безсмертіи душъ и о загробной жизни и ожидалъ воскресенія праведниковъ въ далекомъ будущемъ, какъ увѣряютъ насъ книги Маккавеевъ. Но все это было такъ далеко отъ насущной жизни и отъ ея подвига, который любить научила людей евангельская проповѣдь. Послѣдняя повелѣваетъ любить жизнь и людей, она научаетъ насъ чистоту дѣтства ставить выше земной мудрости и богатства, лобызать покаяніе, прощать грѣшника и радоваться обращенію беззаконныхъ. Она учитъ, какъ бы собирать крупинки блага и добра, идти со свѣтильникомъ чистоты и милосердія сквозь тьму житейской неправды; она требуетъ, чтобы вѣчное воздаяніе было бы не гдѣ-либо далеко, въ совершенно иныхъ формахъ жизни, но уповаетъ на воскресеніе плоти, на новое небо и на новую землю, въ которыхъ живетъ правда (2 Петр. III, 13). И вотъ Господь возвратился живымъ къ Своимъ друзьямъ изъ того міра правды,

съ плотію и костями, со знакомъ тѣхъ язвъ, которыя нанесли Ему злодѣи! Значитъ, смерть безсильна убить Его, убить тотъ подвигъ, которымъ подвизался христіанинъ. Она сравниваетъ во едино все земное, царя и нищаго, старца и младенца равно возвращаетъ персти, но для живущаго со Христомъ нѣтъ смерти! „*Вѣруяй въ Меня, аще и умретъ, оживетъ, и всякъ живый и вѣруяй въ Мя не умретъ во вѣки*“ (Іоан. XI, 25). Въ иной свѣтлой и чистой жизни продолжается и усовершается полнота любви и чистоты христіанина, предначатая здѣсь подвигомъ борьбы. Этотъ подвигъ внѣ предѣловъ смерти. Кто умертвился добровольно міру, тому нѣтъ смерти. Только тѣло его будетъ истлѣвать во прахѣ, но вѣдь онъ еще при жизни распиналъ свою плоть съ ея страстями и похотями (Гал. V, 24), а все то духовное сокровище добродѣтели, которое онъ стяжалъ себѣ здѣсь во Христѣ, оно будетъ жить съ нимъ тамъ со Христомъ, и вмѣстѣ съ Нимъ, обладающимъ и небомъ и землею, праведники будутъ продолжать свое участіе въ борьбѣ добра противъ зла, молитвою и любовію участвуя въ спасеніи другихъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ (1 Кор. IX, 22, 23).

Эти мысли и эти чувства охватываютъ во дни воскресенія всѣхъ вѣрующихъ могучимъ порывомъ. Воскресшій Христосъ какъ-бы обнажаетъ предъ нами чертоги Своего небеснаго царства, какъ-бы даетъ предвкушать радость вѣчнаго общенія съ Нимъ въ животѣ грядущемъ, и вотъ мы возносимъ Ему торжественную пѣснь: „*О Пасха велія и священнѣйшая, Христе! о мудросте, и Слове Божій, и сило! Подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего*“.

Такое чувство живого общенія со Христомъ и Его вожделѣннымъ раемъ и наполняетъ нашу душу восторгомъ въ эти дни. Оно-то и изливается во взаимныхъ, исполненныхъ братской любви, привѣтствіяхъ, въ прощеніи враговъ, въ стремленіи весь міръ обнять любовію Христовой. Да, такое предвкушеніе рая Божія въ день Пасхи, такое побѣдное радостное чувство конечно связано съ размышленіемъ о событіи Христова воскресенія; но этимъ ли размышленіемъ оно внушается намъ? многіе ли изъ насъ способны углубляться въ священные догматы вѣры? Нѣтъ—благочестивое размышленіе только содѣйствуетъ святому чувству у тѣхъ немногихъ, которые способны богословствовать, а тѣ многіе, которые способны чувствовать, но не богословствовать, да и сами богословствующіе, получаютъ радость Христову, какъ *даръ благодати*, ниспосылаемой вѣрующимъ въ эту святую ночь отъ Источника благодати. Этимъ-то Господь каждогодно свидѣ-

тельствуетъ Церкви истину Своего воскресенія, что Онъ таинственно измѣняетъ сердца вѣрующихъ, даетъ имъ вкусить райской радости, дѣлаетъ ихъ какъ-бы вдохновенными пророками, провозвѣстниками грядущаго вѣчнаго житія, начало котораго они непосредственно чувствуютъ въ своихъ сердцахъ. О, христіанинъ! Не ищи Бога въ дали отъ себя! Вотъ Онъ, вотъ Онъ открывается тебѣ и всѣмъ въ ночь воскресенія! Ты ничего новаго не узналъ сегодня отвнѣ, но внутренно ты обновленъ: тебѣ стало ясно твое общеніе со Христомъ, прежде потемненное суетой жизни! Утверди его въ твоемъ сердцѣ, закрѣпи его подвигомъ любви и чистоты, не дай святого сѣмени на расхищеніе птицамъ при пути. Пусть это начало вѣчнаго житія, какъ свѣтлый уголекъ, сокрытый въ душѣ твоей, согрѣваетъ и освѣщаетъ дальнѣйшіе дни твоего земного странствія. Пусть изъ года въ годъ ночь Святой Пасхи, опираясь на новые и новые подвиги твоей жизни, все шире и шире открываетъ предъ тобою завѣсу грядущаго житія, блаженнаго, святого и вѣчнаго,—дабы не обманчивыя мечтанія объ ожидаемомъ несбыточномъ счастьѣ на землѣ руководили твоею душою, но стремительная жажда грядущаго единенія со Сладчайшимъ Іисусомъ и всѣми Святыми въ царствѣ небесномъ. *„Подавай намъ истпе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!“* Аминь.

СЛОВО

на благодарственномъ молебнѣ послѣ выборовъ въ 3-ю Государственную Думу [1]).

Среди многихъ печальныхъ и горестныхъ для Россіи дней послѣдняго трехлѣтія Господь сегодня послалъ намъ, русскимъ жителямъ Волыни, день радостный, благодатный. О семъ свидѣтельствуетъ ваше торжественное собраніе, братія, въ нашъ священный соборный храмъ, который переполнился въ этотъ вечеръ, какъ въ пасхальную ночь, и богомольцами, и хоругвями, и крестами. Радостныя лица всѣхъ насъ тоже напоминаютъ священную ночь Воскресенія. И не напрасно. У насъ воскресла св. Русь, воскресла преданная вѣрность православію, воскресла святая любовь къ родной странѣ! Жители Житоміра и окрестныхъ селъ узнали, что Богъ помогъ вы-

[1]) Напечатано въ „Волын. Епар. Вѣдомостяхъ“ № 31, 1907 г.

борщикамъ земли волынской избрать въ Царскую Думу людей, достойныхъ такового предназначенія, людей, преданныхъ св. вѣрѣ, вѣрныхъ подданныхъ православному Царю и любящихъ родину. Не случайные, невѣдомые избирателямъ обманщики, враги Престола и церкви, не честолюбивые искатели собственнаго благополучія пойдутъ отъ нашего имени къ Царю, а такіе люди, какихъ хотѣлъ туда послать народъ волынскій, которыхъ онъ знаетъ, которымъ вѣритъ. Да, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, отъ нашей окраины тамъ не будетъ такихъ наглыхъ крамольниковъ, изолгавшихся ненавистниковъ своей родины, безстыдныхъ развратителей своего народа, какіе составляли едва-ли не большинство первой и второй думы или, по крайней мѣрѣ, успѣли выдать себя за представителей большинства. Они тогда кощунственно дерзали отъ имени русскаго народа изрыгать хуленія на Божьяго Помазанника, они общими усиліями забивали въ гробъ нашу дорогую родину, они старались пробудить среди благочестиваго народа всѣ скверныя страсти: зависти, непокорства, праздности и распутства! Они развратили нашихъ юношей, вооружили ихъ противъ родителей, противъ Царя, противъ Христа и Бога. Они науськивали изъ всѣхъ темныхъ угловъ и тюремъ убійцъ и грабителей, обратили смиренную и тихую страну нашу въ вертепы разбойниковъ и руками ихъ лишили жизни десятки тысячъ неповинныхъ гражданъ! И эти изверги рода человѣческаго выдавали себя за выразителей народной воли! Что общаго у нихъ съ вѣрующимъ трудящимся незлобивымъ народомъ нашимъ, преданнымъ Царю, какъ отцу родному, дорожащимъ не правами своими, а только благополучіемъ своего Царя? Навѣрно у китайцевъ найдется больше родственнаго съ народомъ русскимъ, чѣмъ у этихъ выродковъ, настойчиво старавшихся объ одномъ только: какъ бы уничтожить Россію!

Подобнаго ничего нѣтъ и не было въ другихъ странахъ. Правда тамъ злыхъ людей больше, чѣмъ у насъ, у насъ добрыхъ больше, чѣмъ у нихъ; людей благочестивыхъ и праведныхъ тамъ у нихъ почти вовсе нѣтъ, но при всемъ томъ тамъ невозможно въ думахъ и парламентахъ возставать на свое отечество; тамъ нѣтъ безумцевъ, которые бы открыто кричали о желательности мятежа, — которымъ бы вторили и рукоплескали ихъ товарищи по преступной измѣнѣ. А у насъ подобные люди успѣшно пролѣзали въ число представителей народныхъ, пользуясь простотою и равнодушіемъ населенія къ выборному дѣлу, они еще раньше гоняли по городамъ толпы обезумѣвшихъ подъ ихъ вліяніемъ или просто нанятыхъ ими мальчишекъ съ красными тряпками и съ ругательными кри-

ками противъ вѣры христіанской и православнаго Царя,— пока не всталъ самъ настоящій народъ и не разогналъ ихъ съ тяжкими побоями. Но и этимъ не заградили ихъ безстыдныя уста, нагло именовавшія себя устами народа.

Но вотъ теперь посмотрите на русскій народъ: вотъ онъ здѣсь предъ нами. Онъ пришелъ сюда въ градскій соборъ за десять, за двадцать верстъ со святыми иконами своего храма, со своими пастырями пришелъ сюда, какъ человѣкъ, узнавъ, почуявъ, что настоящее русское дѣло началось у насъ на Волыни для Царской Думы.

Посмотрите на этотъ народъ русскій, сельскій и городской, сѣрый и благородный, мірской и освященный: вы увидите одно выраженіе четырехъ тысячъ лицъ, одну мысль, одно чувство, въ восьми тысячахъ глазъ. Душа народная раскрылась! Раскрылась и трепещетъ радостно и въ тѣхъ, кто вѣренъ былъ русскимъ завѣтамъ за все это тяжелое время, и въ тѣхъ, кто по юношескому неразумѣнію или слабости духа колебался налѣво и направо и временами не зналъ, куда ему пристать. Нынѣ всѣ мы чувствуемъ свое единство съ нашей землей, съ нашей исторіей и другъ съ другомъ; всѣ мы одно Христово стадо, всѣ мы чада единой Церкви, всѣ подданные одного Царя.

Приложи свое ухо къ родной землѣ, русскій человѣкъ: что она говоритъ тебѣ? „Отъ праведной княгини Ольги, отъ равноапостольнаго Владиміра и до дней Серафима Саровскаго и до дня настоящаго и на будущіе вѣка всѣ мудрые вожди народа моего думаютъ и говорятъ одно“, такъ отвѣтитъ тебѣ земля... „Они учили своихъ современниковъ и ихъ потомковъ одинаково: и князья, и цари, и святители, сидѣвшіе на церковныхъ каѳедрахъ, и отшельники, скрывавшіеся среди лѣсовъ и острововъ морскихъ, и военачальники, и воины, и бояре, и простецы: всѣ они учили взирать на эту жизнь, какъ на проходной дворъ къ жизни будущей, всѣ учили располагать ее такъ, чтобъ не плоть свою тѣшить, а душу возводить къ евангельской добродѣтели, охранять неврежденную апостольскую вѣру; блюсти чистоту нравовъ и правдивость слова, чтить царей и ими поставленныхъ, слушать и уважать священный и иноческій чинъ, не завидовать богатымъ, но соревновать праведникамъ, любить земледѣліе, какъ указанное Богомъ роду нашему чрезъ Адама и Ноя, а къ прочимъ ремесламъ обращаться только по нуждѣ или по особенному таланту; не перенимать развратнаго обычая иноземцевъ, ихъ горделиваго, лживаго и блуднаго нрава, но хранить чинъ отеческій, исполненный смиренномудрія, простоты и любви евангельской; стоять безбоязненно за родную землю на полѣ брани и изучать въ священныхъ книгахъ волю Бо-

жію". Вотъ чему учитъ насъ земля, вотъ что завѣщали мудрецы и праведники всѣхъ временъ нашей исторіи, въ чемъ между ними не было розни, но полное единомысліе. Не мы одни, здѣсь собравшіеся, такъ чувствуемъ. Вся Русь думаетъ такъ же. Но знаетъ она, что хранить такой духъ и ограждать его отъ враговъ видимыхъ и внутреннихъ долженъ единый Помазанникъ своею крѣпкою десницею. И вотъ чуть онъ отступился отъ жизни, какъ полномочія народныя обманомъ и насиліемъ захватили было его враги и враги народа. Да, одно думаетъ и чувствуетъ народъ русскій: въ его глазахъ общественная жизнь есть общій подвигъ добродѣтели, а не раздѣлъ житейскихъ наслажденій, она есть трудовое умноженіе царствія Божія среди насъ самихъ и насажденіе его въ племенахъ непросвѣщенныхъ, а не уравненіе всѣхъ вѣръ и суевѣрій. Знаетъ и чувствуетъ это народъ православный. Знаетъ онъ, что безъ единой правящей Царской десницы невозможно и существовать нашей разноплеменной землѣ, въ которой есть 102 разныя вѣры, 102 племени, которыя сейчасъ воспылаютъ злобной враждой противъ другъ друга, лишь только перестанутъ чувствовать надъ собою правящую десницу Бѣлаго царя. Пусть онъ можетъ выслушивать доклады народныхъ выборныхъ, пусть отдаетъ имъ на отзывъ разныя дѣла царства, но окончательно рѣшать ихъ будетъ самъ и давать о томъ отчетъ только своей совѣсти да Господу Богу. Одно только подчиненіе, одно ограниченіе его власти нужно народу, чтобъ онъ открыто въ день своего вѣнчанія на царство исповѣдалъ Богу и народу свою православную вѣру по отеческому символу,—дабы не свое человѣческое произволеніе, а евангельскій законъ Божій имѣлъ онъ непремѣннымъ руководствомъ своихъ державныхъ рѣшеній и начинаній. Вотъ какое намъ нужно царство, и это понимаютъ не только русскіе люди, но и тѣ иновѣрцы, которые живутъ на землѣ нашей здравымъ народнымъ разумомъ, а не ложью и обманомъ: и татары, и киргизы, и старые, вѣрующіе по своему, евреи и далекіе тунгузы. Всѣ они знаютъ, что поколебать Самодержавіе Царское значитъ положить начало разрушенію всей Россіи, что и подтвердилось за эти три года. Много слезъ пролили въ эти годы русскіе люди, но зато сегодня мы радуемся и ликуемъ о томъ, что земля Волынская не будетъ постыжена предъ лицомъ Царевымъ своими выборными, что они, именно, эти мысли будутъ поддерживать въ Его думѣ; будутъ охранять духъ русскій, православный, будутъ, отстаивать Его Самодержавіе. Обижать другіе народы и племена, среди насъ живущіе, мы не желаемъ. Простору и корму у насъ для всѣхъ хватитъ, а если

когда и не хватило бы по пущенію Божію, то мы и голодъ съ ними вмѣстѣ раздѣлимъ безъ ропота и обиды, пусть никто не проклинаетъ за это нашу Русь — ни евреи, ни католики, ни сектанты, ни магометане. Но пусть никто не посягаетъ на наши святыни, пусть никто не препятствуетъ разростаться русскому обычаю шире и дальше; пусть славится по всей вселенной истинное христіанство, содержимое церковью, пусть утверждается Самодержавіе нашего Царя!

Мы благодаримъ Господа, что съ такими желаніями, съ такой молитвой пойдутъ къ Царю наши выборные: но сверхъ того заключимъ наше славословіе Господа еще и смиренною молитвой о томъ, чтобы благоуспѣшная въ такихъ выборахъ по духу народному наша Волынь оказалась не единственною среди русскихъ губерній и не одною изъ немногихъ, но чтобы и прочіе предѣлы родной земли преодолѣли козни внутреннихъ своихъ враговъ и обманщиковъ и послали въ столицу не самозванцевъ—обольстителей, а настоящихъ выразителей думъ и чувствъ русскаго народа, какъ то помогли сдѣлать намъ святые угодники земли волынской, подвизавшіеся за православную вѣру и за русскій обычай. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на поминовенный день по князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, 13-го февраля 1908 года [1]).

Восхвалимъ убо мужи славны и отцы наши въ бытіи: многу славу созда Господь въ нихъ величіемъ Своимъ отъ вѣка. Господствующе въ царствіихъ своихъ и мужи имениты силою, совѣтующе разумомъ своимъ (Сир. XLIV, 1—3).

Это, братіе, слова ветхозавѣтнаго мудреца Іисуса, сына Сирахова; сими словами онъ предваряетъ свое прославленіе древнихъ посланниковъ Божіихъ, начиная отъ Моисея, которые утвердили истинную вѣру въ народѣ Божіемъ, и установили правила благочестія. Ихъ за это и помнили сыны Израилевы, а затѣмъ и всѣ христіане, и помнятъ донынѣ.

А помните-ли, знаете-ли вы, братіе, тѣхъ русскихъ людей,

---

[1]) Напечатано въ «Почаевскомъ Листкѣ» № 7, 1908 г.

которые у насъ на Волыни и по всей Малороссіи утверждали православіе, защищали его противъ татаръ, латинянъ и евреевъ? Такихъ защитниковъ вѣры и у насъ было много и одинъ изъ главныхъ между ними—это благочестивый князь Острожскій, Константинъ Константиновичъ, преставившійся къ вѣчной жизни ровно 300 лѣтъ тому назадъ—13 февраля 1608 года.

Тогда, братіе, когда онъ жилъ въ городѣ Острогѣ, наша Волынь была подъ властію королей польскихъ, и католики старались всѣхъ русскихъ людей отвратить отъ истинной вѣры и совратить въ свою ересь. Знали они, что невозможно это исполнить безъ обмана, потому что народъ русскій дорожитъ Христовою вѣрой. Поэтому они изобрѣли различныя хитрости, чтобы погубить православіе. Король не дозволялъ ставить въ епископы и въ игумены людей мудрыхъ и благочестивыхъ, но маловѣрныхъ и трусливыхъ. Помѣщикамъ русскимъ предлагали обучать дѣтей у нѣмецкихъ и польскихъ учителей католиковъ и лютеранъ, съ тѣмъ, чтобы, понемногу, незамѣтно, отвращать ихъ отъ благочестивой вѣры, въ чемъ и преуспѣли эти учителя настолько, что вскорѣ послѣ смерти князя Константина во всей Малороссіи не оставалось уже почти ни одного православнаго магната или пана, а только крестьяне да священники сельскіе; высшее же духовенство, которое смолоду училось также въ католическихъ школахъ, имѣло вѣру нетвердую; а тѣ, которые были тверды въ православіи, подвергались всякимъ притѣсненіямъ, изгнанію, а иногда и темницѣ и пыткамъ. Развративъ русскихъ главарей, католики затѣмъ ложно представились какъ бы друзьями русскаго народа и чрезъ двухъ нечестивыхъ русскихъ епископовъ — Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго говорили такъ: „не будемъ мы, католики, раздѣляться съ православными въ вѣрѣ; покоритесь только власти римскаго папы и держите прежнюю свою церковную службу, а, мы, католики, свою, и составимъ вмѣстѣ одно стадо, это будетъ называться унія, т. е. единеніе“. Многіе русскіе повѣрили такому предложенію и не поняли, что, хотя русскимъ оставили прежнюю службу, но вѣру навязали новую, ложную, католическую, т. е. они уже должны были подъ властью папы исповѣдывать ложные католическіе догматы объ исхожденіи Духа отъ Отца и Сына, о томъ, что папа римскій есть намѣстникъ Христа надъ всею землею и прочее; затѣмъ они должны были отречься отъ правилъ св. Соборовъ Вселенскихъ, отъ которыхъ отступили католики: поститься по субботамъ, преклонять колѣна въ Пасху, жениться на католичкахъ и многое другое, что прокляли св. отцы на Вселенскихъ Соборахъ; также должны были русскіе от-

речься отъ святыхъ Угодниковъ, которые прославились за послѣднія 300 лѣтъ и защищали православную вѣру: отъ преп. Іова Почаевскаго, отъ Макарія Овручскаго, Ѳеодора Острожскаго, а почитать еретическихъ, ложныхъ праведниковъ — Антонія Падуанскаго, Іоанна Непомука и др., проклятыхъ св. отцами. Не всѣ русскіе поняли эту хитрость іезуитскую, не всѣ поняли, что, совершая по православному службу, а содержа ложную вѣру, не будешь православнымъ. Вѣдь, если-бы евреи читали наши молитвенники, а вѣровали бы по своему, то отъ этого не стали-бы христіанами. Такъ нельзя назвать христіанами православными и тѣхъ, кто, молясь по нашимъ служебникамъ, содержитъ католическую вѣру. Тѣ, которые изъ православныхъ поддались такому обману, названы уніатами, а православныхъ католики назвали схизматиками; уніатамъ стали оказывать всякія милости, а православныхъ угнетать и мучить.

Вотъ тогда-то на защиту православныхъ христіанъ и православной вѣры возсталъ князь Острожскій, Константинъ Константиновичъ, бывшій воеводой Кіевскимъ, т. е. намѣстникомъ польскаго короля надъ Кіевщиной, Волынью и другими окрестными странами. Когда объявили унію на собраніи русскихъ епископовъ, священниковъ и гражданъ въ городѣ Брестѣ, онъ заранѣе разослалъ по всѣмъ русскимъ церквамъ свое печатное посланіе, въ которомъ обнаружилъ предъ всѣми лукавое значеніе уніи, — пояснилъ, что принять унію значитъ отречься отъ истиннаго христіанства и впасть въ нечестивую ересь. Прочитавъ это посланіе, лучшіе изъ русскихъ епископовъ, которыхъ тогда всего было 5 — 6 въ русскихъ провинціяхъ Польскаго королевства, отказались пойти на собраніе къ уніатамъ, но вмѣстѣ съ доблестнымъ княземъ Острожскимъ и православными священниками и мірянами собрали въ Брестѣ другой Соборъ, на которомъ унію осудили и уніатовъ прокляли.

Еще задолго до этого славнаго осужденія нечестивой уніи князь Константинъ Острожскій устроилъ при своемъ дворцѣ въ Острогѣ типографію и напечаталъ по славянски всю Св. Библію и много другихъ духовныхъ книгъ, чтобы христіане могли сами ихъ читать и утверждаться въ православной вѣрѣ. Это была первая русская типографія, а раньше каждую книгу писали своею рукой писцы и потому книгъ было очень мало и народъ оставался темнымъ.

Но благовѣрный князь Константинъ Острожскій просвѣщалъ народъ малорусскій не только печатными книгами и своими посланіями, а и примѣромъ собственной жизни. Онъ старался склонять главу предъ пастырями церкви, искалъ святыхъ и праведныхъ иноковъ и іереевъ для наученія себя благочестію, и именно онъ призвалъ на Волынь преп. Іова

Почаевскаго изъ Галиціи и сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцемъ и учителемъ. Этотъ алмазъ духовный, эту священную жемчужину земли Волынской принесъ къ тебѣ, русскій народъ, не иной кто, а именно князь Константинъ, за что да будетъ ему вѣчная память и царство небесное!

Тогда преп. Іовъ управлялъ православнымъ монастыремъ въ Дубнѣ и князь Острожскій ежегодно поселялся къ нему на весь Великій Постъ и вмѣстѣ съ монахами проходилъ подвиги молитвы и воздержанія, смиряя себя предъ Богомъ, какъ добрый христіанинъ. Онъ старался также о томъ, чтобы православные получали духовную помощь и просвѣщеніе отъ Святѣйшихъ Патріарховъ Восточныхъ, умолялъ ихъ пріѣзжать на Русь, посвящать намъ православныхъ архіереевъ и ободрять ихъ въ борьбѣ съ латинскою ересью. Благодаря такимъ подвигамъ князя Константина Константиновича, нечестивая унія, устроенная въ Брестѣ, болѣе 100 лѣтъ была почти безуспѣшна на Волыни и только потомъ удалось латинянамъ обмануть на время русскихъ людей и навязать имъ унію, но лишь только русскіе разрушили Польшу и забрали подъ власть Русскихъ Царей и Царицъ Волынь, Кіевщину, Подолію и другія страны, какъ русскіе дружно отреклись отъ уніатскаго нечестія и облобызали снова св. православіе, которое раньше защищалъ доблестный князь Острожскій.

Тяжела была его жизнь, а особенно его старость. Онъ прожилъ болѣе 80 лѣтъ, но до самой смерти не переставалъ отстаивать св. Церковь и истинную вѣру. Подобно древней Есѳири дерзнулъ онъ явиться къ польскому королю въ его дворецъ и говорилъ ему грозно обличительную рѣчь за обиду православныхъ русскихъ людей и попраніе вѣры, за мученіе истинныхъ христіанъ и потворство нечестивымъ обманщикамъ-уніатамъ. Князь скончался вскорѣ послѣ этого въ Острогѣ и погребенъ въ Богоявленскомъ Соборѣ, который былъ построенъ его прадѣдомъ, но его собственныя дѣти и внуки были уже католиками и, выкопавъ его кости, перенесли ихъ въ Галицію, такъ-что у насъ не осталось его праха.

Не осталось у насъ на Волыни его праха, но да пребудетъ у насъ его духъ, духъ истиннаго православія, духъ молитвы, духъ воздержанія, духъ ревности объ истинной вѣрѣ и отчужденія отъ злочестивой ереси! Смотрите, братіе, какъ стояли за святую истину наши предки! Они не искали славы человѣческой, но славы Божіей. Свои богатства Константинъ Константиновичъ не тратилъ на роскошь и удовольствіе, а на построеніе храмовъ Божіихъ и на печатаніе священныхъ книгъ. Свою знатность и мудрость направлялъ не на то, чтобы возвышаться среди людей и родниться съ королями, а на то,

чтобы защищать предъ ними меньшую братію, защищать отъ обидъ святую вѣру православную!

Теперь насъ за вѣру мучить не будутъ, теперь насильно никто не можетъ затянуть русскихъ людей въ нечестивую ересь. Какой же отвѣтъ понесутъ предъ Богомъ тѣ изъ русскихъ людей, которые скверныя ради корысти отрекаются отъ истиннаго христіанства и становятся еретиками или даже вовсе безбожными! Ихъ незримо проклинаетъ изъ гроба своего ревнитель православія благовѣрный князь Острожскій и посылаетъ ихъ въ то мѣсто, куда осужденъ „христопродавецъ Іуда", какъ онъ и писалъ объ уніатахъ и отступникахъ-латинянахъ въ своемъ Окружномъ Посланіи.

Всѣхъ васъ, братіе, да сохранитъ и спасетъ Господь отъ погибели нечестивыхъ! А тѣмъ, которые возгрѣютъ въ сердцѣ своемъ святой огонь ревности о православной вѣрѣ, — тѣмъ, которые будутъ усердствовать въ защитѣ ея противъ еретиковъ и безбожниковъ, тѣмъ, которые будутъ помогать созиданію святыхъ храмовъ Божіихъ, чтить священный санъ, помогать бѣднымъ и ободрять колеблющихся: имъ да будетъ память о праведной жизни избранника Божія князя Константина какъ бы знаменемъ для радостнаго святого подвига! Да сподобитъ ихъ Господь жребія Своихъ избранныхъ, да сотворитъ имъ по Своему неложному глаголу: *„иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небеснѣмъ"*. Любите, братіе, св. вѣру православную, св. Русь, украшенную подвигами столькихъ великихъ праведниковъ, стойте за нее безъ страха и сомнѣнія до смерти! Призывайте въ помощь себѣ Святыхъ, прославленныхъ. Богомъ за ихъ болѣзни и труды во славу Церкви, и молитесь объ упокоеніи души тѣхъ, кто подобно нашему Волынскому батькѣ, князю Острожскому, всю жизнь свою посвятилъ защитѣ Православ. Церкви на родинѣ среди своего русскаго народа. Аминь.

РѢЧЬ

при поднесеніи иконы Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ 14-го іюня 1908 года [1]).

Ваше Императорское Высочество!

Братія Почаевской лавры и почаевскій союзъ русскаго народа, насчитывающій въ своей средѣ безъ малаго два мил-

[1]) Напечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ" № 25, 1908 г.

ліона членовъ, постановили въ праздникъ св. Троицы, когда въ св. лаврѣ нашей собираются тысячи богомольцевъ союзниковъ, выразить свою умиленную радость о Вашемъ присоединеніи къ св. Церкви поднесеніемъ Вашему Высочеству точнаго списка съ чудотворной иконы Почаевской, этой самой дорогой святыни нашей окраины. Именно такіе списки съ такой отдѣлкой жители Волынской епархіи любятъ пріобрѣтать въ складчину для своихъ сельскихъ церквей. Они не удовлетворяются ежегоднымъ, по возможности, посѣщеніемъ святой лавры, а желаютъ имѣть постоянно предъ своими глазами точный списокъ родной святыни.

Нынѣ, глубоко-обрадованные вступленіемъ Вашего Высочества въ ограду святой Церкви, они вмѣстѣ съ братіей лавры Почаевской пожелали, чтобы такой-же списокъ нашей святыни украшалъ и Вашъ дворецъ.

Этимъ они желали-бы выяснить, какое тѣсное духовное единство устанавливается Вашимъ обращеніемъ въ православіе съ внутренней жизнью православнаго народа русскаго.

Нашъ народъ, Ваше Высочество, есть единица не политическая, не этнографическая, но вѣроисповѣдная, религіозная. Взглядъ нашего народа на жизнь личную и общественную, есть взглядъ евангельскій, святоотеческій, съ точки зрѣнія котораго главное дѣло человѣка и народа есть вѣчное спасеніе; истинная жизнь, которую мы должны себѣ устраивать, есть жизнь будущая, загробная, а эта земная жизнь есть только ея преддверіе, есть крестъ, который мы должны нести для пріобрѣтенія жизни вѣчной по руководству Церкви Божіей. Что-же касается земныхъ условій общественной жизни, то народъ русскій предоставляетъ ихъ власти и распоряженію своего боговѣнчаннаго Самодержца, какъ неограниченнаго Властителя, котораго требованіямъ въ дѣлахъ мірскихъ повинуется безпрекословно. Впрочемъ, народъ нашъ не смотритъ на своего Государя лишь какъ земного Властителя: онъ желаетъ въ Немъ и въ Царствующемъ Домѣ видѣть и примѣръ христіанскаго благочестія. Народъ нашъ восторженно любуется царственной силой, покорствующей заповѣдямъ Божіимъ, убѣжденно смиряющей себя подвигами православнаго благочестія. Съ безпрекословнымъ послушаніемъ движется народъ по велѣнію Царскаго мановенія, потому-что онъ убѣжденъ и вновь убѣждается въ томъ, что воля его Царя повинуется закону Христову, какъ въ личной своей жизни, такъ и въ жизни всего Царствующаго Дома. Народъ нашъ, слышавшій, насколько ему это доступно, о давнишнемъ расположеніи Вашего Императорскаго Высочества къ православной вѣрѣ, о многократныхъ путешествіяхъ Вашихъ на далекія богомолія въ наши

святыя обители, теперь съ восторгомъ принялъ извѣщеніе Царскаго манифеста о вступленіи Вашемъ въ Церковь, которая ему дороже всего на свѣтѣ.

Эту икону Пресвятой Богородицы Почаевскій союзъ русскаго народа подноситъ Вашему Высочеству чрезъ нашихъ депутатовъ, избранныхъ Волынью въ государственную думу, а депутаты эти, предстоящіе предъ Вами въ полномъ своемъ составѣ одиннадцати человѣкъ, находящихся въ столицѣ, изъявили радостную готовность быть представителями союза Почаевскаго въ столь почетномъ порученіи. Предъ Вашими Высочествами предстоятъ сегодня не случайные побѣдители въ предвыборной борьбѣ, но сознательно, освѣдомленно избранные представители дружнаго населенія Волыни, представители, вѣдомые народу и провѣренные имъ — священники, интеллигенты и крестьяне. Они, вмѣстѣ съ братіей Почаевской лавры и всѣми союзниками почаевскими, возносятъ молитву къ Пресвятой Богородицѣ, чтобы она помогла Вамъ такъ-же усовершиться въ православномъ благочестіи, какъ Вашимъ Высочайшимъ родственницамъ, которыя принявъ св. вѣру нашу въ зрѣлые годы, превзошли въ усердіи къ ней исконно-православныхъ христіанъ. Разумѣю Вашу державную, высокодобродѣтельную свекровь, въ Бозѣ почившую Государыню Императрицу Марію Александровну; разумѣю приснопамятную для всей Руси, а особенно для юго-западнаго края усопшую монахиню Анастасію, въ мірѣ Великую Княгиню Александру Петровну, смиренную труженицу и молитвенницу, изумлявшую даже монахинь своими неустанными подвигами. Этими подвигами умиляется нашъ русскій народъ, и Ваше присоединеніе къ Церкви, основанное на убѣжденіи и предваренное личнымъ ознакомленіемъ съ подвижниками православія, дѣлаетъ и Вашу Высочайшую особу для русскаго народа родною, дорогою, своею, близкою.

Удостойте-же Ваше Высочество, принять эту святыню, подносимую съ такими горячими святыми чувствами.

Да хранитъ Пресвятая Дѣва Васъ и Ваше Высочайшее семейство и весь Царствующій Домъ нашъ въ мирѣ и здравіи и да руководитъ Его къ вѣчному спасенію.

РѢЧЬ,

произнесенная при открытіи Миссіонерскаго Съѣзда въ Кіевѣ 12-го іюля [1]).

(Въ сокращеніи).

Преосвященнѣйшіе архипастыри, любезные отцы и братіе! Къ тѣмъ словамъ, которыми привѣтствовали васъ старѣйшіе архипастыри, я хочу прибавить въ началѣ вашихъ работъ одно слово утѣшенія.

Тяжела жизненная скорбь миссіонера, которому вѣчно приходится говорить съ врагами церкви Божіей, какъ выражается апостолъ Павелъ, бороться со звѣрьми. Въ послѣдніе годы эта скорбь стала еще тяжелѣе. Разумѣю измѣненіе нравовъ общественныхъ подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій.

Прежде вы, кромѣ общихъ христіанскихъ утѣшеній и обѣтованій евангелія, утѣшались и той постепенной, хотя и медленной, но постоянной побѣдой православія надъ иными вѣрованіями, которая заключалась въ обращеніи иновѣрцевъ, язычниковъ и еретиковъ къ православной церкви.

За послѣдніе три года число обращеній уменьшилось, а отпаденія весьма умножились.

Это — одна сторона. Но она еще не такъ печальна, какъ другая, обусловленная паденіемъ нравовъ.

Прежнія отпаденія православныхъ христіанъ въ штунду, расколъ и магометанство были плодомъ недоразумѣнія, невѣжества и очень часто наказаніемъ Божіимъ за нерадѣніе мѣстныхъ пастырей о томъ, чтобы ограждать своихъ чадъ духовныхъ отъ нападеній враговъ.

На этой почвѣ образовалась штунда, на этой же почвѣ усиливался расколъ, по тѣмъ же причинамъ отпадали тюркскіе народы въ магометанство и язычество.

Нерѣдко отпадали люди, искавшіе истиннаго благочестія, только потому, что попадали въ сѣти лжеучителей и не были достаточно ревностнѣе увѣщаемы со стороны пастырей церкви. А если подвергались разумнымъ увѣщаніямъ, то часто снова возвращались, потому что уходили по недоразумѣнію. Та же горячность сердца, которая увлекла ихъ въ водоворотъ иновѣрія, она же снова возвращала ихъ къ божественной истинѣ и дѣлала ихъ ревнителями православной церкви.

---

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“ № 31, 1908 г.

Теперь отъ церкви Божіей отворачиваются не по недоразумѣнію, а по злой волѣ. Правда, и прежде, кромѣ этихъ, отпадавшихъ отъ одной вѣры въ другую, — хотя ложную, но все-таки вѣру, — отпадали многіе въ невѣріе, отпадало часто учащееся юношество и образованное общество.

Но прежде это не было выраженіемъ одной только злой воли, а по большей части было плодомъ непросвѣщенности въ отношеніи истинной вѣры и неумѣнья отличать слова науки отъ словъ научной внѣшности, отъ словъ научнаго притворства и обмана. Теперь же люди отворачиваются отъ церкви потому, что они стали злы и безчестны. То безкорыстіе, та идеальность жизни и, хотя посильное, но искреннее желаніе послужить въ жизни человѣчеству добромъ, — весь этотъ русскій подъемъ духа, который отличалъ и вѣрующую и даже не вѣрующую часть русскаго общества отъ иноземцевъ, — онъ теперь близокъ къ паденію и къ замѣнѣ своекорыстіемъ, чувственностью, гордостью и ложью. Теперь люди, какъ книжники и фарисеи, противятся Спасителю, противятся церкви потому, что въ нихъ развились злыя чувства.

Намъ приходится бороться уже не съ заблужденіемъ, а со злобой человѣческой, и, если бы не было у православнаго миссіонера другого выхода, — того духовнаго оружія, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ, то пришлось бы руководствоваться, повидимому, латинской поговоркой: „Ne persuadere nolentem“ — не доказывай не желающему. Чтобы устоять твердымъ въ борьбѣ съ развращеніемъ человѣческаго сердца, вамъ, отцы и братья, нужно выдвинуть на знамени вашей дѣятельности два начала.

Первое начало заключается въ постоянномъ сознаніи того, что только православная церковь въ своемъ ученіи есть церковь истинная, православная, святая и не по ученію своему только, но и въ своей жизни. Общество церковное всегда носитъ въ себѣ высокій духъ самоотверженія, чистоты и покаянія, который ни одно другое общество никогда не имѣло и имѣть не будетъ.

Это — только внѣшность, только поверхность жизни, которая у новообращенныхъ сектантовъ представляется чѣмъ то возвышеннымъ, близкимъ къ Евангелію.

Только сумѣйте срывать личину съ протестантскихъ и сектантскихъ проповѣдниковъ и увидите, что они внутрьуду исполнены лицемѣрія и беззаконія.

Испытайте ихъ терпѣніе, испытайте ихъ незлобіе, — и вы увидите, что подъ этой личиной — заядлое самолюбіе, заядлое нетерпѣніе, заядлая злоба. Попробуйте сказать имъ слово обличенія, — этимъ представителямъ христіанства, —

сейчасъ же они потеряютъ равновѣсіе духа, обозлятся, затрясутся и не скоро успокоятся.

Не то нашъ простой русскій христіанинъ, который терпѣливо васъ слушаетъ, котораго вывести изъ себя очень трудно, даже невозможно: не дождетесь отъ него отвѣта раздраженія, а только остроумной шутки на ваши нападки. Да, сектанты любятъ говорить о разложеніи нашей церкви, но они не видятъ, какой запасъ самоотверженія и подвига несетъ въ себѣ общество православныхъ христіанъ.

Вотъ на нашъ, на святой праздникъ мученицы Христовой Варвары и на наше миссіонерское собраніе соединилось множество тружениковъ миссіи, собралось свыше 30 іерарховъ, изъ которыхъ одни преодолѣли свой восьмидесятилѣтній возрастъ, другіе, — семь тысячъ верстъ разстоянія и поспѣшили на соутѣшеніе вѣры нашей, зная, что никакой выгоды земной, ничего, кромѣ утружденія для плоти, они не пріобрѣли и не пріобрѣтутъ для внѣшней жизни, а только для жизни духовной.

Только святая любовь, божественная вѣра, божественная ревность и желаніе получить ту божественную благодать, которую Господь милосердный всегда низводитъ на собравшихся во имя Его, какъ сказано въ Евангеліи, — вотъ что привлекло ихъ сюда Духомъ Божіимъ. Затѣмъ посмотрите другъ на друга, слуги Христовы! Вотъ въ васъ я признаю своихъ прежнихъ сотрудниковъ и друзей: однихъ — посѣдѣвшими, другихъ согбенными, однихъ отъ трудовъ, а другихъ отъ пуль вражескихъ, которыми прострѣлена ихъ грудь. Мы сегодня помянули въ молитвѣ о вѣчномъ успокоеніи іерарха Божія, который шелъ на губительный Кавказъ, на вѣрную смерть, который зналъ, что будетъ убитъ, не скрывалъ этого и не ропталъ, что его посылали въ невѣдомый край умирать, умирать за славу Христову. Да, сила христіанскаго воодушевленія и подвига еще велика въ народѣ русскомъ и во всемъ православномъ мірѣ — велика и неистощима.

У гроба Господня, у святынь нашихъ угодниковъ, — вездѣ она сіяетъ, вездѣ призываетъ пренебрегать земнымъ и достигать небеснаго. Она заставляетъ и нашъ русскій народъ вмѣсто осенняго отдыха послѣ работы лѣтней страды спѣшить къ далекимъ святынямъ. Она и васъ держитъ на этой плохо оплачиваемой и очень мучительной работѣ, которая называется службой миссіонерской. Нѣтъ, отцы и братья, много я видѣлъ людей, своихъ и чужихъ, но истинное христіанство, настоящая вѣра въ истиннаго Бога есть только у православныхъ христіанъ. У еретиковъ — только минутное одушевленіе. Какъ дерево, оторванное отъ корня, не сразу

вянетъ; какъ оторванные отъ корня цвѣты еще нѣкоторое время красуются въ стаканѣ, но скоро становятся ненужнымъ гніющимъ сырьемъ и выбрасываются въ нечистое мѣсто, — такъ бываетъ и съ кажущимся благочестіемъ сектантовъ. Но истинная сила духа, братья, это благодатное умиленіе, этотъ огонь, который горитъ и свѣтитъ въ сердцахъ и въ очахъ искреннихъ православныхъ неземнымъ свѣтомъ, этого нигдѣ не найдете внѣ единой церкви православной. Но горитъ онъ только въ тѣхъ сердцахъ, которыя отдались св. вѣрѣ всецѣло, и чуждъ тѣмъ, въ которыхъ соединяется часть великихъ вѣрованій съ заблужденіями современныхъ лжеученій „по преданію человѣческому, а не по Христу".

Если въ чистое молоко положить кусокъ хлѣба или бросить другой кислый продуктъ, то прежде прекрасный напитокъ сейчасъ-же дѣлается негоднымъ для питья, кислымъ.

Такъ и въ церкви Христовой: „аще кто согрѣшитъ во единѣмъ, всему повиненъ".

Церковь подаетъ благодатныя силы, подаетъ духъ умиленія и самоотверженія и силу слова только тѣмъ, кто вмѣстѣ съ Карѳагенскимъ соборомъ исповѣдуетъ, что она есть единая мать всѣмъ христіанамъ, содержащая таинства божественныя и вѣчныя, которыя для отступниковъ священнодѣйствія являются еще болѣе омрачающимъ и отдаляющимъ ихъ отъ Бога началомъ.

Итакъ, если иногда унываетъ ваша душа въ тяжелой борьбѣ; если слушателей вашихъ побѣждаетъ злоба ересей, облеченныхъ въ красивую одежду, и еретики стараются изобразить себя побѣдителями церкви, — не вѣрьте и не печальтесь: побѣдителями они не будутъ. Правда, возможны ихъ побѣды видимыя внѣшнія, ибо, хотя мы вѣримъ, что Господь поможетъ нашему горю, поможетъ преодолѣть всѣ нестроенія нашей церковной и государственной жизни, что Россія попрежнему процвѣтетъ множествомъ православныхъ христіанъ и обращенныхъ еретиковъ, но все въ рукахъ Божіихъ. Быть можетъ, суждено православію въ будущемъ подвергнуться преслѣдованію и православнымъ остаться въ маломъ числѣ, но и это еще не пораженіе, не смерть, лишь бы самое православіе наше осталось чистымъ и не поврежденнымъ; тогда среди немногихъ будетъ та же нравственная сила, тотъ же священный огонь божественной ревности, та же святость жизни, тѣ же чудеса исцѣленія и изгнанія бѣсовъ, и сила эта снова покажетъ себя міру, снова привлечетъ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ быть добрыми и знать истину.

Нужно смотрѣть не на количество, а на качество, на чистоту, неповрежденность ученія. Храните же его неповре-

жденность, храните себя въ церкви и смотрите, св. Апокалипсисъ увѣряетъ насъ въ томъ, что въ каждомъ поколѣніи побѣждаетъ въ концѣ борьбы его Божія истина, хотя и въ каждомъ поколѣніи лжеучители бываютъ на землѣ и приспѣваютъ на горшее, но всѣ же они посрамляются въ каждомъ поколѣніи, какъ Арій или иконоборцы.

И здѣсь на землѣ истинные христіане видятъ уже начинающуюся побѣду истины. Окончаніе этой побѣды—на небѣ.

Съ этой мыслью начнемъ мы труды наши по выработкѣ пріемовъ борьбы съ невѣріемъ и нечестіемъ. „Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша".

Изъ поученія, сказаннаго въ Житомірскомъ кафедральномъ соборѣ 15-го іюля, въ день св. равноап. князя Владиміра [1]).

Недостаточно оцѣнены всѣ великія заслуги великаго просвѣтителя земли русской, св. равн. кн. Владиміра, память котораго сегодня празднуемъ. Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ учителей, у насъ, даже въ учебникахъ исторіи, предназначенныхъ для воспитанія нашего юношества, значительно умалена заслуга его; въ нихъ указывается на то, что будто-бы народъ русскій только внѣшне принялъ христіанство, оставшись въ глубинѣ души невѣжественнымъ язычникомъ. Лютеране говорятъ, что дѣйствительныхъ христіанскихъ учителей Россія получила только въ нихъ, нѣмцахъ, насаждавшихъ просвѣщеніе въ нашихъ корпусахъ, институтахъ и пр. учебныхъ заведеніяхъ. Они говорятъ, что остатки язычества сохранились до сихъ поръ въ нашемъ простонародьи, въ его суевѣріяхъ, какова вѣра въ лѣшихъ, русалокъ, во всевозможные предвѣстники несчастій, бѣдъ, дурной или хорошей погоды. Конечно, лучше, если бы и этого не было въ народномъ сознаніи, но большой бѣды нѣтъ въ этихъ суевѣріяхъ; они не мѣшаютъ народу имѣть чисто христіанскіе воззрѣнія на всѣ стороны жизни, оцѣнивать все сообразно ученію евангельскому, любить Христа и слушаться Его заповѣдей.

Не у народа нашего языческія суевѣрныя воззрѣнія, а именно у нашихъ европейскихъ просвѣтителей. Эти суевѣрія касаются нравственной оцѣнки жизни и идутъ въ полный разрѣзъ съ ученіемъ евангелія. Христосъ говоритъ: „Блаженни нищіе духомъ", они-же считаютъ позоромъ не отвѣтить обид-

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ" № 34, 1908.

чику или даже не смыть кровью нанесеннаго оскорбленія. Заповѣдь повелѣваетъ: „не укради"—а у насъ считаютъ ее обязательною лишь въ той мѣрѣ, когда ея нарушеніе ведетъ человѣка подъ судъ; сказано: „не прелюбы сотвори", а у насъ смѣются надъ цѣломудріемъ и боготворятъ всѣ сильныя и увлекательныя страсти.

Что же касается до суевѣрій миѳологическихъ, то въ обществѣ ихъ не меньше, чѣмъ въ народѣ, только они переняты отъ нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ; тринадцатый гость за столомъ, тяжелый день-понедѣльникъ; всякія свадебныя примѣты — чѣмъ-же все это отличается отъ суевѣрій мужицкихъ? А столоверченія? А магнетизмъ съ его безумными вызовами умершихъ? Здѣсь-ли язычество или у народа, который ждетъ помощи отъ Бога и святыхъ, а не отъ безумныхъ выдумокъ психопатовъ. Народъ русскій, вопреки учебнымъ выдумкамъ о немъ, съ изумительною, безпримѣрной въ исторіи народовъ, быстротой усвоилъ христіанскія воззрѣнія, христіанскую мудрость. Онъ уже въ XI вѣкѣ превратилъ всю Русь въ одинъ громадный монастырь и исполнилъ на дѣлѣ слово Златоуста о томъ, что міряне должны отличаться отъ монаховъ только тѣмъ, что живутъ съ женами.

Сыновья Владиміра, Борисъ и Глѣбъ прочитывали ежедневно, даже во время походовъ, всѣ дневныя службы; самъ Владиміръ раздавалъ имущество бѣднымъ, ходилъ по городамъ съ проповѣдью христіанства и даже разбойниковъ не рѣшался казнить, въ надеждѣ на ихъ покаяніе. По своей вѣрѣ, горячей и глубоко смиренной, Россія наша можетъ быть сравнена съ тѣмъ сотникомъ, вѣрѣ котораго удивился Самъ Христосъ. Сотникъ сказалъ Ему: „Господи, я не достоинъ, чтобы Ты вошелъ въ домъ мой, но скажи слово и слуга мой будетъ здоровъ". Христосъ обернулся къ евреямъ и сказалъ: „истинно говорю вамъ, что и во Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры". Наша русская жизнь была чисто православная, свободная отъ языческихъ заблужденій, а все грязное и языческое идетъ къ намъ широкой рѣкой съ запада и вливается въ русскую жизнь чрезъ разные пріемники новыхъ учрежденій.

Можетъ быть это духовное разложеніе убьетъ и вовсе христіанскую вѣру у насъ, но за свою собственную вѣру каждый самъ отвѣтитъ, а потому будемъ хранить ее, какъ величайшее сокровище, независимо отъ того, какое начало будетъ одолѣвать въ жизни общественной, и будемъ знать, что не древность наша, а новое время подобно ненавистному христіанамъ язычеству.

Рѣчь, произнесенная послѣ 21-й бесѣды миссіонеровъ со старообрядцами — въ Петербургѣ, въ залѣ Калашниковской биржи [1])

(въ сокращеніи).

Согласно условіямъ бесѣдъ я не могъ вмѣшиваться въ споръ, а только дѣлать заявленія, когда собесѣдники касались меня лично; на ихъ же отвѣты по моимъ заявленіямъ я тоже не считалъ себя въ правѣ возражать, хотя сердце мое наполнялось избыткомъ словъ, которыя просились на уста. Теперь скажу прощальное слово, чтобы, во-первыхъ, вложить въ сердца слушателей, какъ православныхъ, такъ и старообрядцевъ мирныя чувствованія, если они возмущены горячностью споровъ, а во-вторыхъ, чтобы исполнить послушаніе владыкѣ-митрополиту, благословившему—мнѣ закончить бесѣду. Ни слова о преимуществахъ нашей вѣры предъ старообрядчествомъ я не скажу, дабы не нарушить принятыхъ условій бесѣдъ: но всѣмъ вамъ, добрые люди разныхъ вѣръ, скажу спасибо за ваше вниманіе, за ваше усердіе къ слову Божію. Вы переполняли огромной толпой наши обширныя залы; по 4 часа выстаивали почти ежедневно въ теченіе цѣлаго мѣсяца въ глубокомъ вниманіи къ духовной бесѣдѣ, забывая объ утомленіи трудового дня, а нерѣдко и лишая себя дневного заработка. Не театры, не увеселенія развратнаго города привлекали ваши сердца, а разсужденіе о томъ, что есть единое на потребу.

Хвалю васъ особенно за то, что вы такъ твердо слѣдовали своей преданности слову Божію въ нашѣ безвѣрное время. О, конечно, многіе и даже большинство изъ васъ слышали безумные глаголы: „чего вы слушаете о томъ, что касается жизни загробной, которой можетъ быть и нѣтъ, занимайтесь вопросами современной жизни, политической и торговой, а вѣру оставьте старухамъ и дѣтямъ“. Вы не пошли, русскіе люди, за этими голосами безбожниковъ, для коихъ „богъ — чрево“ (Фил. III, 13); вы помнили, что все, о чемъ они суетно заботятся, не пойдетъ за нами въ гробъ, а для души безсмертной вся эта суета ничего не даетъ, кромѣ грѣха и страстей. „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, отвѣчали вы имъ: „но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Матѳ. IV, 4).

Да и не дивлюсь я тому, что не всѣ жители столицы „послѣдовали современному нечестію и разврату“ (2 Петр.

[1]) Напечатана въ „Прибавленіяхъ къ Почаевскому Листку“ № 52, 1908 г.

II, 2); трудно изъ русскаго сердца вырвать любовь ко Христу, стремленіе къ небу, благоговѣйную память о святыхъ и ревность о подражаніи ангеламъ. Болѣе дивлюсь тому, что вы отвергли другое искушеніе, болѣе опасное, которое, какъ сладкій ядъ, вливаютъ въ уста народа лицемѣрные сектанты и многіе глупые наши интеллигенты. „Зачѣмъ вы ходите на бесѣду о догматахъ, о соборахъ, о постановленіяхъ отеческихъ, о старыхъ книгахъ, о перстахъ? Слушайте о Христѣ, о спасеніи души, читайте только Н. Завѣтъ, а не церковное преданіе, носите Христа въ сердцѣ, а не въ пальцахъ", вотъ что говорили они вамъ. Какъ будто бы и разумныя слова, но нѣтъ въ нихъ правды. „Умякнуша словеса ихъ паче елея, и та суть стрѣлы" (гл. LIV, 22). Что имъ отвѣчали вы, добрые слушатели? Вы чувствовали, что неправильно они говорятъ, а отвѣтить, пожалуй, и не съумѣли. Отвѣчайте же имъ такъ: Христа мы и сами знаемъ, словеса Его сладчайшія лобызаемъ и омываемъ слезами, заповѣди Его чтимъ, пречистой страсти Его поклоняемся умиленно и о воскресеніи его радуемся. Не умѣемъ мы чувствительно говорить объ этомъ: проста и сурова наша рѣчь—застѣнчива наша бесѣда о сердечныхъ чувствахъ, но память о Христѣ Богѣ и внутреннее призываніе Желаемаго и Сладчайшаго не покидаетъ нашего сердца, а если оно иногда и отступитъ отъ Него, то паки притекаетъ, терзая себя покаянною скорбію. Вотъ у васъ такъ Его нѣтъ въ сердцѣ, а только въ устахъ вашихъ, привыкшихъ къ лицемѣрію, ибо устами вы чтите Его, а сердце ваше, исполненное озлобленіемъ, противленіемъ и гордынею, оно, черствое и замкнутое, далече отстоитъ отъ Него.—Мы потому не споримъ о нашемъ Спасителѣ, что въ любви къ Нему не разнствуемъ между собою — православные и старообрядцы всѣхъ согласій: но знаемъ мы изъ святого Евангелія, что дойти до Него невозможно, внѣ Его церкви, и въ ней-то мы желаемъ утвердиться—одни; или ее отыскать—другіе. Всѣ мы знаемъ, что со Христомъ жила наша священная древность, когда были Вселенскіе Соборы, когда были исповѣдники и мученики, когда преп. отцы распинали плоть со страстьми и похотьми, когда терпѣли всякую тѣсноту и скорбь царствія ради небеснаго, когда не лгали, а истинно любили, когда не хвалились а дѣлали. Вотъ мы и хотимъ знать, кто ближе соприкасается къ той благодатной жизни древней церкви, гдѣ сохранился тотъ священный огонь, то общеніе со Христомъ и святыми, которыми опредѣляется истинная церковь. Сомнѣвающіеся ищутъ ее, а удостовѣренные призываютъ въ нее заблуждающихся, по ихъ мнѣнію, братій.

А посему, если всѣ мы исполнены такою ревностію, то

не держите злой памяти другъ на друга, если въ спорѣ о вѣрѣ были иногда допускаемы слова гнѣва, даже лукавства или насмѣшки. Лучше, если бъ этого не было, но если что и было, то это допущено по ревности, хотя и не по разуму (Рим. X, 2). Вѣдь мы говорили о предметахъ для насъ не безразличныхъ, но о томъ, что всего дороже, о путяхъ спасенія. И если не объединились между собою многіе въ избраніи пути сего, то будьте братіе едино, хотя бы въ томъ, чтобы этотъ духъ ревности о Богѣ, о церкви, о святыхъ, о Пресвятой Богородицѣ хранить и возгрѣвать, а Онъ, нашъ Милосердый Отецъ, и Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, и Божественный Духъ, озаряющій наши умы, да приведетъ всѣхъ въ познаніе истины по молитвамъ святыхъ.

Наставленіе новобранцамъ изъ Волынской епархіи [1]).

Христолюбивые воины! Господь призвалъ васъ на подвигъ: учиться военному искусству и защищать нашу родную землю отъ враговъ видимыхъ—иноплеменниковъ, а враговъ внутреннихъ—бунтовщиковъ. Въ мирное время должны вы въ трудѣ и послушаніи, вдали отъ родныхъ домовъ и семействъ, упражняться въ военномъ дѣлѣ; а во время военное, если нашъ Царь пошлетъ васъ въ походъ на непріятелей, или на усмиреніе мятежниковъ, вы должны жертвовать и здоровьемъ и самою жизнью для исполненія священной присяги и для спасенія Руси православной.

Тяжелый подвигъ, но и великая честь! Печально удаленіе отъ родни своей и своего дома, но зато близка вамъ будетъ вся земля русская, которую оберегать и защищать судилъ вамъ Господь. Идите-же на подвигъ съ радостною покорностью волѣ Божіей; помните, что безъ Его воли и волосъ не упадетъ съ головы человѣка. Если Онъ всеблагій устроитъ такъ вашу жизнь, чтобы идти вамъ на военную службу, то значитъ это нужно было для вашей души для вашего спасенія. Богъ такъ и жизнь нашу устраиваетъ, и смерть намъ тогда посылаетъ, чтобы все служило на пользу душѣ нашей. Только, если мы сами противимся волѣ Божіей, это бываетъ намъ во вредъ и погибель; также, если, хотя и покоримся, но съ ропотомъ или досадой. Посему скажите каждый самъ въ себѣ: „Господи, я съ покорностью иду на

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“ № 39—40, 1908 г.

тяжкій подвигъ и радъ по Твоей волѣ умереть за вѣру, царя и отечество: только помоги мнѣ достойно понести военное послушаніе и безбоязненно встрѣтить врага, если суждено мнѣ идти на войну или на усмиреніе".

Если такъ, братіе, помолитесь Богу, если заранѣе обречете себя на смерть, то будете славными храбрецами и побѣдителями. Не то войско одолѣваетъ врага, которое ищетъ земной славы или хищнической наживы, а то, которое заранѣе обрекло себя на смерть, если бы она потребовалась для пользы отечества. Войско, не боящееся смерти, непобѣдимо: оно спокойно, разсудительно, исполнено единодушія и и послушанія.

Васъ русскихъ людей нечего много учить тому, какъ устроить свою душу, чтобы не бояться смерти. Отцы и дѣды ваши не знали наукъ мірскихъ, не знали и грамоты, но эту великую науку, какъ жить и какъ умирать, знали твердо. Смерти простые русскіе люди не боялись вотъ уже 900 лѣтъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ приняли Христову вѣру. Они знали, что смерть есть переселеніе отъ временной жизни къ вѣчной и готовились къ этому переселенію покорно и радостно. Они понимали земную жизнь, какъ крестъ, который положенъ на насъ отъ Бога, и знали, что отъ этого креста облегчается человѣкъ только при кончинѣ, а потому всего болѣе заботились о томъ, чтобы кончина ихъ была праведная. Вотъ почему они умирали безъ страха во время мирное и были непобѣдимы на ратномъ полѣ по своему безстрашію. Знаменитый французскій завоеватель Наполеонъ Бонапартъ ни одному народу такъ не дивился за его храбрость и стойкость, какъ народу русскому. „Русскій солдатъ", говорилъ онъ: „и убитый стоитъ предъ тобой, пока врагъ его убитаго не свалитъ".

И вы, любезные новоначальные воины, будете непобѣдимою арміей нашего Царя, если сохраните вѣру своихъ отцевъ и дѣдовъ. А чтобы ее сохранить, чтобы помнить, что наша земная жизнь не праздникъ, а крестъ, посланный отъ Бога, для этого надо хранить воздержаніе и чистоту души, какъ хранили наши предки; для этого надо любить работу и ученье, а не полагать свое счастье въ томъ, чтобы отдохнуть побольше, или напиться пьянымъ или путаться съ развратными женщинами. Отъ такихъ пороковъ душа распадается, становится привязанною ко всему земному, а во время смертной опасности впадаетъ въ страхъ и отчаяніе.

Былъ у древняго Израиля великій богатырь, благословенный Богомъ Сампсонъ: онъ одинъ избавилъ цѣлыя полчища враговъ, имѣя отъ Бога чудесную силу. Но когда онъ

отдалъ сердце свое распутной женщинѣ и она обольстила его, то Господь отнялъ отъ него эту силу и богатырь былъ взятъ въ плѣнъ язычниками и ослѣпленъ.

Не дай Господи, чтобы служба военная развратила ваши души! не дай Господи, чтобы вы вернулись послѣ нея испорченными, нечестивыми безстыдниками, лѣнтяями! Тогда загублена будетъ и ваша жизнь, и ближніе будутъ тяготиться вами, будутъ называть перевертнями, французами, пьяницами.

Старайтесь же о томъ, чтобы на военной службѣ сохранить все то доброе, русское-святое, чему научили васъ въ деревнѣ родители, священникъ и всѣ православные христіане: сохранить русское терпѣніе, благочестіе, смиренномудріе, правдивость, прощеніе обидъ, почитаніе начальства, послушаніе старшимъ, упованіе на Бога и безстрашіе къ смерти. А сверхъ того пріобрѣтайте и новую мудрость на службѣ военной. Учитесь грамотѣ, учитесь Божію закону, узнавайте всякую разумную науку книжную, сохраняя въ чистотѣ и ту неписанную науку христіанской добродѣтели, которую видѣли у своихъ смиренныхъ отцовъ и дѣдовъ. Тогда исполните слово Господне о томъ, что христіанская мудрость должна соединять и старое и новое. (Матѳ. XIII, 52).

Но внимая ученію, которое будутъ вамъ преподавать ваши начальники, удаляйтесь лжеучителей, которые тоже будутъ вязаться къ вамъ, желая погубить ваши души. Кто же эти лжеучители? Это бунтовщики, желающіе разстроить русское войско, а воиновъ переманить на свою сторону и натравить ихъ противъ своего православнаго русскаго Царя.

Они представятся вамъ друзьями, доброжелателями, начнутъ сѣтовать: „какая тяжкая ваша служба, какъ васъ скудно кормятъ и плохо одѣваютъ, какъ васъ обижаютъ, обходятся съ вами грубо, не жалѣютъ“ и прочее. Такъ обольщалъ и змѣй нашихъ праотцевъ Адама и Еву; они послушались его, нарушили волю Божію и изгнаны были изъ рая вмѣстѣ со всѣмъ человѣческимъ родомъ.—Никогда не считайте другомъ своимъ того, кто разслабляетъ вашу душу, кто внушаетъ вашему сердцу злую зависть, кто научаетъ роптать на свою судьбу и противиться начальству. Скажите ему такъ: „если любишь меня, то поддержи во мнѣ бодрость, научи Христову терпѣнію, внуши мнѣ усердіе къ работѣ, а съ помощниками дьявола-искусителя я и говорить не желаю и читать вашихъ книжекъ не буду, потому что это все равно, какъ если бы пить змѣиный ядъ, и даже того хуже: ядъ убиваетъ здоровье, а ваши скверныя книжонки и прокламаціи убиваютъ совѣсть въ человѣкѣ и ведутъ къ погибели его душу“. Особенно опасайтесь тѣхъ, которые постараются васъ разжалобить напо-

минаніемъ о семействѣ, о томъ, въ какомъ сиротствѣ оно останется, если васъ убьютъ на походѣ. Таковымъ отвѣчайте словами 36-го псалма Давидова: „*я былъ молодъ и состарѣлся, и не видѣлъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба*“ (ст. 25). По слову Божію у Господа незабыта и малая птичка, а христіанскія дѣти и сироты христолюбиваго воина никогда въ бѣдѣ не будутъ.

Есть, братіе, еще другой видъ лжеучителей, которые начнутъ говорить тебѣ о Христѣ и о евангеліи, и о добродѣтели, но постараются отвести душу твою отъ православной вѣры и сдѣлать тебя штундистомъ, т. е. преслушникомъ Православной Церкви, о которой сказалъ Господь: если же кто Церковь преслушаетъ, да будетъ онъ для тебя, какъ язычникъ и мытарь (Матѳ. XVIII, 17). Эти притворщики не чтутъ заповѣдей Божіихъ: не постятся, не крестятся, не причащаются св. Таинъ, не миропомазуются, не почитаютъ Пресвятую Богородицу и святыхъ угодниковъ; представляясь ласковыми, они злы и горды. Если начнешь обличать ихъ за обманъ, они такъ и задрожатъ отъ злобы и тѣмъ обличаютъ, что нѣтъ въ нихъ евангельскаго духа, а одно сатанинское притворство, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: „*Самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта; а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды, но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ*“ (2 Кор. XI, 14. 15). Чтобы распознать такого лжеучителя, если-онъ не признается, что онъ штундистъ или иной сектантъ, вели ему осѣнить себя крестомъ и сказать молитвенно: „Пресвятая Богородица, спаси насъ“. Этого онъ ни за что не сдѣлаетъ и тѣмъ обличитъ себя.

Еще третьяго рода бываютъ лжеучители, свои же испорченные товарищи-солдаты, именно тѣ, которые будутъ подговаривать тебя на обманъ начальства, на воровство, или на пьянство, или на развратъ. Они постараются воспользоваться твоею деревенскою робостью и осмѣять твою трезвость и цѣломудріе; начнутъ тебя убѣждать въ томъ, что тотъ и не солдатъ, который не бываетъ пьяный и не таскается съ блудницами. Не вѣрь такимъ и не стыдись ихъ насмѣшекъ, постыдись того, о чемъ говоритъ Писаніе: „*Стыдитесь предъ отцемъ и матерью блуда, предъ начальникомъ и властелиномъ міра, предъ судьей и княземъ — преступленія, предъ церковью и народомъ — беззаконія, предъ товарищемъ и другомъ — неправды, предъ сосѣдями — кражи; стыдитесь сего и предъ истиной Бога и завѣта Его*“ (Сир. XLI, 21—23), и далѣе сказано: „*Стыдись обмана при займѣ и отдачѣ... смотрѣнія на распутную женщину, отвращенія лица*

отъ родственника, отнятія (чужой) доли и дара, помысла на замужнюю женщину (24—26).

Вотъ если будешь такъ чувствовать и жить, то будешь истинный православный воинъ, русскаго народа достойный защитникъ и Царю нашему вѣрный слуга. А Царь нашъ и родная земля наша нуждается теперь въ христолюбивыхъ безстрашныхъ воинахъ больше, чѣмъ прежде. И знаютъ наши враги-революціонеры, что не одолѣть имъ Руси православной, которую они такъ злобно ненавидятъ, пока не развратятъ ея воинства.

Стѣной, дружной, братской стѣной стойте противъ нихъ, Христовы воины! На васъ съ отеческою любовію взираетъ Царь православный. Какъ родныхъ дѣтей своихъ навѣщалъ онъ четыре года тому назадъ свои полки по всей широкой землѣ Русской и раздавалъ имъ отъ себя на благословеніе святыя иконы.

Не посрамите же собой царскаго довѣрія, не обманите православнаго народа, который положился на вашу защиту! Народъ русскій надѣляетъ васъ святыми крестиками на подвигъ ратный и освященная рука возложитъ эти кресты на ваши груди. Носите и въ сердцахъ своихъ Христовъ крестъ, вспоминайте о немъ во дни печали или искушеній и осѣняйте себя знаменіемъ крестнымъ. Обреките себя на подвигъ съ молитвой, и подвигъ будетъ для васъ не тяжекъ, а радостенъ; служба будетъ не мукой, а свѣтлымъ утѣшеніемъ, и вернувшись въ свое время опять къ домамъ своимъ, будете вы съ любовію и благодарностью разсказывать о военной службѣ своимъ дѣтямъ и внукамъ и ихъ учить вѣрности Богу любви къ святой родинѣ и послушанію Самодержавному Царю нашему. Аминь.

Слово въ честь святой великомученицы Варвары [1]).

„Велія Твоихъ, Господи, мучениковъ сила, во гробѣхъ бо лежатъ, и дѣйствуютъ въ мірѣ и духи прогоняютъ, и упраздниша вражію власть“.

Такими, братіе, словами, прославляемъ мы въ различныхъ стихирахъ мучениковъ Христовыхъ, исповѣдуя свою вѣру въ ихъ благодатную молитву за насъ, въ ихъ невидимую помощь въ нашей борьбѣ со зломъ житейскимъ и со злыми демонами.

---

[1]) Сказанное 11 іюля 1908 г. въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ и произведшее на слушателей огромное впечатлѣніе. Напечатано въ журналѣ „Мирный Трудъ“ № 10, 1908 г.

Но кромѣ этой незримой силы святыхъ мучениковъ, на землѣ обнаруживается иногда и видимая мощь ихъ на сердцахъ человѣческихъ, на народной жизни. Такова и сила духовнаго облика святой Варвары въ общественной жизни русской и особенно въ жизни малорусскаго племени.

Если желаете знать, какъ любятъ наши малороссы, въ частности — жители поуніатскаго юго-западнаго края, святую Варвару, то оставьте мысленно этотъ прекрасный благолѣпный храмъ съ его богатою живописью, съ драгоцѣнною утварью, многолюднымъ клиромъ и искуснымъ хоромъ пѣвцовъ, и пойдите въ одну изъ тѣхъ маленькихъ, убогихъ церковокъ, которыя остались на Волыни, въ Подоліи и въ Галиціи отъ 17-го и 18-го вв. Эти церкви не высятся на холмахъ, какъ у насъ на Великой Россіи: они прячутся въ кусточкахъ за горкой въ лѣску, среди строеній, чтобы порѣже попадаться на глаза столь сильныхъ прежде враговъ православія, на обиды отъ которыхъ нашъ народъ не могъ найти ни суда, ни расправы. Войдите въ такую церковку, вы не найдете въ ней ни простора, ни благолѣпія. Иногда десятокъ только иконъ могли собрать безправные ея прихожане въ тяжелое время иноземной паньщины, иконъ небогатыхъ, неискусныхъ, иногда даже почти безобразныхъ. И вотъ среди этихъ немногихъ иконъ всегда найдется тамъ и образъ св. Варвары, по большей части на боковой стѣнѣ церкви, или сзади, — икона, тоже неискусно намалеванная доморощеннымъ мастеромъ, но зато дорогая по любви къ ней прихожанъ. Повремените уходить изъ церкви послѣ службы: вы увидите, какъ останавливаютея предъ этимъ образомъ смиренные богомольцы, какъ матери, поднимая на руки дѣтей, показываютъ имъ пальцами на изображеніе и шепчутъ имъ на ухо свои немудрыя объясненія рисунковъ. Да, здѣсь, есть на что посмотрѣть. Икона величиной въ квадратную сажень; посреди ея стоитъ святая мученица въ нетлѣнной славѣ, благословляемая съ неба Спасителемъ, Который простираетъ Свои руки къ уневѣстившейся Ему праведной дѣвѣ; вокругъ этого изображенія, и сверху, и снизу, и по сторонамъ небольшія картины житія святой отроковицы; страшныя картины! И онѣ-то привлекаютъ вниманіе простолюдиновъ.

Кто не знаетъ этого житія? Воспитанная вельможнымъ отцомъ, богатымъ вдовцомъ, положившимъ въ дочери всю радость своей языческой жизни, любовавшимся ея красотою и разумностью, святая Варвара, во время его отсутствія, познакомилась съ преслѣдуемыми отъ римскихъ властей христіанами и, познавъ отъ нихъ евангельскую истину, отвергла нечестіе языческое, раздала, что могла, изъ своего достоянія

бѣднымъ, начертала чудесно пальцемъ крестъ на каменномъ полу своихъ чертоговъ и бань, и всѣ эти символы отцовскаго тщеславія, всѣ эти проявленія роскоши, ознаменовала символами христіанскихъ истинъ. Когда о томъ узналъ ея нечестивый отецъ, то горячая любовь его къ дочери смѣнилась такою-же горячею ненавистью, онъ билъ ее и рвалъ ея волосы, безжалостно влачилъ ее по землѣ, и не было конца тѣмъ измышленіямъ жестокой злобы, которыми онъ терзалъ чистое тѣло отроковицы, не щадя ни ея нѣжнаго возраста, ни дѣвственнаго стыда. Сдѣлавшись самъ доносчикомъ или свидѣтелемъ противъ нея на судѣ, безсердечный мучитель не удовлетворился и этимъ. Наслаждаясь муками Христовой агницы, которымъ подвергали ее злочестивые властители-язычники, онъ вызвался предъ ними быть палачемъ своей дочери, и не дрогнула рука злодѣя-отца отсѣчь главу невинному своему дѣтищу.

Беззащитная, всѣми оставленная, кромѣ Бога, чистая, прекрасная дѣва, почти еще дитя, подвергнутая столь ужаснымъ мукамъ и казненная роднымъ отцомъ, радостно и безъ всякаго сожалѣнія отвратившая лицо свое отъ богатства, наслажденій брачныхъ и земной славы, и устремившая свой взоръ къ одному только сладчайшему Іисусу, страдавшая безропотно и безмолвно, мужественно претерпѣвшая сверхчеловѣческія муки и добровольно, безтрепетно пошедшая на встрѣчу смерти отъ руки отцовой, о, конечно, этотъ обликъ можетъ умилить сердце; этотъ образъ можетъ привлекать къ себѣ взоры! Но блаженны и тѣ сердца, которыя влекутся къ подобнымъ священнымъ воспоминаніямъ, блаженны взоры, сюда устремленные и орошенные слезами сострадательнаго умиленія, блаженны руки, поднимающія дѣтей къ умилительному облику, и уста благоговѣйно цѣлующія изображенія ранъ, принятыхъ за вѣру во Христа.

Однако, этимъ не исчерпывалось значеніе житія святой Варвары для предковъ нашихъ крестьянъ. Была еще другая причина тому, за что они предпочитали ее всѣмъ прочимъ святымъ, почему ея только образъ изъ всѣхъ святыхъ мучениковъ украшалъ всѣ ихъ церковки. Предки наши были сами мучениками вѣры и, подобно святой Варварѣ, мучениками совершенно одинокими, совершенно беззащитными. Не только дѣйствительной защиты, но и нравственной опоры они ни въ комъ внѣ своей среды не находили, кромѣ Бога и святыхъ. Ихъ князья и помѣщики, нерѣдко потомки Рюрика, отреклись отъ истинной вѣры, отъ строгаго монашескаго православія. „Ихъ прельстили, ихъ сманили Польши шумные пиры“, — и вотъ, вмѣсто покровителей своего народа, они стали его лютыми мучителями и

врагами. Духовные владыки народа, архипастыри и архимандриты сперва отдалены были отъ народа ложною латинскою школой, а потомъ болѣе чистые и честные изъ нихъ были удаляемы въ ссылку и заключаемы въ тюрьмы, а на мѣсто ихъ польскіе короли ставили завѣдомыхъ безчинниковъ и безбожниковъ, иногда тайныхъ уніатовъ, а потомъ и уніатовъ явныхъ. Христіанъ, нашихъ предковъ, не только разоряли, заключали въ тюрьмы, били и убивали, но и унижали нравственно, кощунствовали надъ вѣрой и святынями народа, поносили его исповѣданіе, какъ плодъ азіатскаго невѣжества, какъ выраженіе мужицкой грубости. Его церкви сдали жидамъ въ аренду, и священный радостный праздникъ Воскресенія Христова, какъ и прочіе праздники нашего искупленія, здѣшніе русскіе люди должны были предварять унизительнымъ выкупомъ церковныхъ ключей у жида-арендатора, нарочно медлившаго явиться на церковный погостъ и понуждавшаго православную паству по нѣсколько часовъ дожидаться на паперти запоздалаго благовѣста. Но народъ, угнетенный и обиженный, все-таки отъ Христа и отъ евангелія не отступился; онъ только просилъ у Бога терпѣнія. Онъ зналъ, что христіанъ унижаетъ ни рабство, ни страданіе, а грѣхи и нечестивыя страсти. Онъ зналъ, что всѣмъ такимъ и еще тягчайшимъ униженіямъ и мукамъ подвергался его Богъ, пришедшій на землю спасти родъ человѣческій. Впрочемъ, Господь страдалъ за другихъ и на то пришелъ, но вотъ Онъ вѣнчаетъ вѣчной славой и тѣхъ, кто за Его вѣру тоже испиваетъ чашу Его страданій. Тамъ, въ дорогомъ русскому сердцу, священномъ Кіевѣ, красуется златоверхая церковь и въ ней священная рака когда то беззащитной, всѣми оставленной мученицы — отроковицы Варвары. Вотъ и здѣсь, на селѣ, предъ нимъ ея образъ съ начертаніемъ ея страшныхъ мукъ и ея нетлѣнной славы, этими муками заслуженной. Смотрѣли на этотъ образъ наши предки-мученики, и не могли насмотрѣться, какъ не могутъ насмотрѣться и ихъ потомки. Смотрѣли и почерпали бодрость въ несеніи тяжелаго креста своего рабства у польскихъ пановъ и жидовъ, смотрѣли и умиленно лобызали неповинныя страданія, и научили почитать и любить эти страданія своихъ потомковъ, уже свободныхъ, хотя еще и очень робкихъ. Правда, и этимъ посейчасъ приходится цѣловать руки евреямъ-кредиторамъ, цѣловать ноги (колѣно или носокъ сапога) своихъ надменныхъ пановъ католиковъ, приходится и имъ биться съ нуждой и горемъ, съ безпомощностью при болѣзняхъ, неурожаяхъ или пожарахъ: но имъ свѣтитъ ликъ святой Варвары; они въ своемъ униженіи, въ своей бѣдѣ не рабы; они несутъ съ покорностью обиду, но несутъ

какъ крестъ, посылаемый Богомъ, для очищенія страстей, для стяжанія вѣчной славы. Они покорны, но они не рабы, они свободны духомъ, зная, что надъ всѣми есть праведный Господь, безъ воли Котораго ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка. Вотъ чему учитъ ихъ святая Варвара со своихъ неискусныхъ изображеній въ сельскихъ храмахъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Вотъ почему ни къ одной святынѣ въ завѣтномъ Кіевѣ не спѣшатъ они съ такимъ умиленнымъ нетерпѣніемъ, какъ къ ея священной ракѣ. Взгляните здѣсь на лица богомольцевъ изъ деревни: вы прочитаете въ ихъ взорахъ восторженную пѣснь, въ которой соединяется и сострадательное чувство, и восторженное умиленіе, и мольба о помощи, и покорность своему нелегкому жребію предъ видомъ добровольныхъ страшныхъ мукъ Христовой невѣсты Варвары. И это умиленіе, эта вѣра народная, какъ электрическій токъ, какъ свѣтъ молніи, какъ потокъ морскихъ волнъ врывается въ сердца и тѣхъ слоевъ общества, которымъ мало свойственно народное благочестіе, которые стыдятся молиться вмѣстѣ съ невѣжественными мужиками, которые говорятъ, будто народъ нашъ христіанинъ только по внѣшности, а вѣрованій христіанскихъ не знаетъ, но погруженъ въ языческія суевѣрія.

Но здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, люди общества, вовлеченные во всенародную молитву, такъ не скажутъ. Здѣсь, взирая на одухотворенныя лица богомольцевъ, они поймутъ, что хотя и не сумѣетъ крестьянинъ разъяснить символа вѣры, хотя мало знаетъ наизустъ молитвъ (а много ли ихъ знаютъ люди просвѣщенные?): но все-жъ не по видимости только онъ христіанинъ, а по существу своихъ убѣжденій и привязанностей, и, конечно, христіанинъ въ болѣе совершенномъ смыслѣ, нежели тѣ, которые именуютъ его язычникомъ. Сущность христіанства есть отреченіе отъ житейскихъ наслажденій; оно замѣчается въ стремленіи къ чистотѣ, въ готовности страдать за истину, въ достиженіи чувства постоянной любви къ Богу и людямъ и въ прощеніи обидъ врагамъ. Эти заповѣди, эти догматы благочестія нашъ народъ знаетъ и лобызаетъ, онъ лобызаетъ неповинныя страданія за истину; его сокровище на небѣ, въ вѣкѣ грядущемъ и блаженномъ, а въ этомъ и заключается все христіанство. Онъ знаетъ первую заповѣдь новаго завѣта, первую заповѣдь Христа: „блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное“. А люди общества, напротивъ, еще съ дѣтства, съ первого же школьнаго года, да и того раньше, слышатъ иную, языческую, противохристіанскую заповѣдь: „имѣй благородное самолюбіе, сохраняй чувство собственнаго достоинства“.

Христіанство не въ томъ состоитъ, чтобы признавать Іисуса Христа великимъ посланникомъ или даже Сыномъ Божіимъ; Его считаютъ таковымъ и магометане, Ему молятся съ вѣрою черемисы-язычники, но духа Его, Его смиренія и призыва къ жизненному кресту они не знаютъ, какъ не хотятъ знать и наши русскіе современники, но народъ русскій, народъ простой, это знаетъ, знаетъ твердо, и повинуется.

Впрочемъ, не будемъ обличать общества въ томъ самомъ внутреннемъ язычествѣ, въ которомъ оно, со словъ нѣмцевъ, неправо обличаетъ нашъ христолюбивый народъ. Скажемъ только, что не еретикамъ-лютеранамъ, сознательно выбросившимъ изъ своего ученія понятіе о подвигѣ жизни, не имъ, чувственнымъ и равнодушнымъ, судить о тебѣ, нашъ родной народъ!

„Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ простотѣ твоей смиренной".

Лучше укажемъ на отрадную картину того духовнаго единенія и сліянія общества и народа, которое наблюдается постоянно предъ святыми мощами мученицы Варвары въ этомъ святомъ храмѣ. Здѣсь не одни деревенскіе богомольцы-пѣшеходы. Здѣсь молится вмѣстѣ съ ними, проникнувшись ихъ вѣрой, и важная барыня, и заѣзжій петербургскій гвардеецъ, и робко осматривающійся по сторонамъ студентъ, который боится, какъ-бы его не увидѣли товарищи, ложные поборники свободы совѣсти и вообще всякой свободы, и не подвергли наказанію, какъ погромщика и реакціонера. Пусть не падетъ на него грозное Христово слово: „*иже постыдится Меня и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, постыдится его и Сынъ Человѣческій, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со ангелы святыми*" (Марк. VIII, 38). Лучше пожелаемъ, чтобы онъ усовершился въ вѣрѣ и исповѣданіи постепенно, какъ „Никодимъ, князь жидовскій" и „Іосифъ иже отъ Аримаѳеи, сый ученикъ Его потаенъ страха ради іудейска", и, въ свое время обратившись, утвердилъ братію свою (Лук. XXII, 32).

Да подастъ-же сія святая всѣмъ намъ, всѣмъ слоямъ общества и народа, объединяющую благодать своего дерзновеннаго исповѣданія, своей всецѣлой преданности Христу. Какъ ни далека, повидимому, наша дѣйствительность отъ осуществленія такихъ молитвенныхъ пожеланій, но не можетъ русское общество коснѣть и въ той измѣнѣ себѣ самому, въ какую повергъ его революціонный переворотъ послѣднихъ лѣтъ; не можетъ русское общество примириться надолго съ тѣмъ

грубымъ оміршеніемъ, съ тою жадною погоней за житейскими наслажденіями и житейскимъ успѣхомъ, которая въ послѣдніе годы такъ безраздѣльно его охватила и такъ глубоко понизила нравственной и умственный уровень его жизни и сдѣлалась его богомъ. Теперь для большинства какъ-бы не существуетъ высшихъ интересовъ знанія и добродѣтели; теперь даже забыли ссылаться на нравственную или научную правду, когда стараются въ чемъ-либо убѣдить другъ друга, но только смотрятъ и ищутъ, на чьей сторонѣ будетъ внѣшній успѣхъ и выгода, и бѣгутъ туда безъ оглядки на свои недавнія заявленія въ противоположномъ духѣ,—нисколько не стыдясь своего притворства. Постыдное, жалкое время, но не долго ему владѣть общественнымъ настроеніемъ. Русская душа, русское сердце, хотя и давно отдалилось отъ послушанія вѣрѣ православной, но, въ противовѣсъ западнымъ иностранцамъ, сохранило въ себѣ стремленіе къ высшему, хотя и не ясно представляемому подвигу жизни. Оно не можетъ на долго отказаться отъ *нравственной* оцѣнки и жизни, и себя самого, и въ послѣдній годъ нашего времени уже совсѣмъ разочаровалось въ нанесенномъ сюда сорѣ новѣйшихъ языческихъ ученій. Теперь всѣ ищутъ глазами людей твердыхъ и правдивыхъ, которые остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ среди житейскаго водоворота. Быть можетъ, никогда такъ высоко не цѣнилась неподкупная убѣжденность, какъ теперь. Какъ свѣжая малина зимой, какъ лѣтомъ чистый снѣгъ, такъ-же удивленно привѣтствуется теперь безстрашная послѣдовательность безкорыстно убѣжденнаго человѣка; предъ нимъ все разступается, предъ нимъ все преклоняется. Ему не съ кѣмъ больше бороться лицомъ къ лицу: изступленный фанатизмъ враговъ вѣры и отечества испарился и противъ исповѣдника истины остались только грязныя кучи нравственнаго мусора и всякихъ отбросовъ. Конечно, борьба его за вѣру и за историческую, народную Россію можетъ окончиться и теперь для него многими жизненными лишеніями и даже насильственнымъ лишеніемъ его жизни: но его идея, его убѣжденіе—оно торжественно будетъ сіять среди общественныхъ сумерекъ общественнаго разслабленія, и призоветъ себѣ новыхъ послѣдователей.

Да не лишитъ-же и насъ, братіе, святая Варвара того одушевленія въ борьбѣ съ общественнымъ отступленіемъ отъ вѣры и народности, въ которомъ она сохраняла и сохраняетъ поколѣніями нашъ народъ! Да пріобщитъ она и насъ къ народному восторженному поклоненію ея мученическому подвигу, ея любви ко Христу и пренебреженію къ житейскимъ благамъ! Да не допуститъ она насъ склонить свою главу предъ воз-

высившимъ свой рогъ современнымъ язычествомъ, да низложитъ она послѣднее чрезъ вѣру народную, какъ вмѣстѣ съ прочими мучениками низложила древнихъ идоловъ въ своемъ отечествѣ. *Аминь!*

Рѣчь при представленіи Государю Императору депутаціи отъ Почаевскаго союза.

(Записано по памяти).

Вѣрноподданная Волынь, въ лицѣ Почаевскаго Союза Русскаго Народа утверждающая начала православія и русской монархической государственности на пограничной окраинѣ Вашей, Государь, Державы и исполняющая то же дѣло въ Вашей столицѣ, въ Государственной Думѣ, чрезъ своихъ тринадцать представителей, близкихъ и дружественныхъ Почаевскому Союзу, вновь добилась сегодня великаго счастья предстать предъ Ваши свѣтлыя царскія очи въ числѣ 28 человѣкъ, а именно:—полнаго состава своего думскаго представительства, выборныхъ отъ каждаго уѣзда Волынской губерніи—12 крестьянъ, двухъ сельскихъ священниковъ и наконецъ предсѣдателей Почаевскаго и Житомірскаго Союза Русскаго Народа; послѣдній — отставной генералъ Красильниковъ удостоивается прочитать предъ Вашимъ Величествомъ всеподданнѣйшій адресъ отъ Волынской земли, коего копіи, покрытыя сотнями тысячъ подписей крестьянъ домохозяевъ (за себя и за семьи свои), переплетенныя въ тринадцать большихъ книгъ, держатъ въ рукахъ выборные представители уѣздовъ, чтобы сложить ихъ къ ногамъ своего возлюбленнаго Государя и стоящаго съ Нимъ Наслѣдника, на Котораго они радостно любуются.

Рѣчь, сказанная Его Императорскому Величеству, Государю Императору при всеподданнѣйшемъ представленіи мѣстнаго населенія на станціи Коростень 25 іюня 1909 года [1]).

Благочестивѣйшій Государь!

Древнѣйшій удѣлъ Святой Ольги въ первый разъ послѣ своего возвращенія подъ державу своихъ природныхъ царей, Твоихъ предковъ, имѣетъ счастье привѣтствовать своего Государя на своей Древлянской землѣ.

[1]) Напечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ № 27. 1909 г.

Почти 120 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ прадѣды предстоящаго Тебѣ здѣсь смиреннаго народа освободились отъ чуждой имъ иновѣрной власти и наслаждаются свободнымъ исповѣданіемъ нашей Божественной вѣры, но и до сего дня еще не вполнѣ успѣли они отрѣшиться отъ нѣкоторой подавленности и робости духа, не вполнѣ еще слились съ широкою душой единокровнаго и единовѣрнаго съ ними великорусскаго племени.

Но въ одномъ отношеніи они ничѣмъ не различаются отъ потомковъ старой Московской Руси. Одно убѣжденіе, одно чувство съумѣли послѣдніе очень скоро привить всѣмъ своимъ освобожденнымъ собратьямъ, чрезъ предѣлы которыхъ Ты, Государь, прослѣдовалъ вчера и сегодня. Ты видѣлъ, Государь, по Твоему пути различныя русскія племена, въ различныхъ одеждахъ, съ различными нарѣчіями, но всѣ они объединены этимъ общимъ со всею Россіей чувствомъ.

Что-же это за чувство? Чувство безпредѣльной, умиленной, нѣжной любви къ своему Царю, Божіему Помазаннику, Самодержавному Преемнику престола Св. Ольги и Равноапостольнаго Владиміра. — Это чувство, Государь, потому такъ безкорыстно, такъ возвышенно и свято, что оно зиждется на глубокомъ всенародномъ убѣжденіи въ чисто христіанскомъ значеніи Твоего Самодержавія.

Претерпѣвая различныя житейскія нужды и обиды, неизбѣжныя для всѣхъ людей, но особенно многочисленныя и тяжелыя въ жизни людей простыхъ и бѣдныхъ, Твой народъ, почерпаетъ себѣ источникъ утѣшенія и терпѣнія въ той увѣренности, что сила и богатство могутъ подавлять правду не вездѣ. Онъ убѣжденъ, что не только на небѣ у Господа Бога, но и на землѣ у его Бѣлаго Царя, Божія Помазанника, власть совпадаетъ съ правдою, сила руководится милосердіемъ;—что здѣсь не можетъ случиться обиды бѣдняку, ни поддержки лукавству и нечестію.

Вотъ при какомъ убѣжденіи живутъ различныя россійскія племена, вотъ какою мыслью утѣшаютъ они себя въ своихъ невзгодахъ и лишеніяхъ: Твоею, Государь, славою, облеченною въ одежду евангельской правды, утѣшаются народы, какъ-бы своею собственною, и въ этомъ заключается объясненіе тому, почему они съ такимъ ненасытимымъ восторгомъ любуются на Тебя, любуются безкорыстно, молчаливо, благоговѣйно.

Изъ лѣтописей Твоей страны, Государь, мы знаемъ, что впервые Царственная власть на Руси преклонилась въ послушаніе Христовымъ заповѣдямъ правды и милосердія въ лицѣ Святой Ольги, которой память свято хранится здѣсь въ ея

древнемъ удѣлѣ. Прими-же отъ земли Древлянской ея святую икону, а ея святыя молитвы да укрѣпляютъ Тебя въ Твоемъ царственномъ подвигѣ на радость и утѣшеніе Твоего народа".

Привѣтственная рѣчь е. к. в. наслѣднику сербскаго престола при прощаніи на вокзалѣ желѣзной дороги.

Ваше высочество! Какъ воспитатель многихъ сербовъ въ русскихъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, я считаю долгомъ воздать хвалу вашимъ будущимъ подданнымъ за ихъ высокій, примѣрный патріотизмъ, который особенно поучителенъ для ихъ русскихъ товарищей по школѣ, поддавшихся въ послѣдніе годы растлѣвающему вліянію нигилистическаго космополитизма. Патріотизмъ сербскій поучителенъ во первыхъ, потому, что онъ не подобенъ европейскому безпринципному націонализму, который является просто расширеннымъ себялюбіемъ, коллективнымъ эгоизмомъ, коллективною гордыней. Нѣтъ, не напрасно нашъ лучшій современный писатель написалъ намъ типъ студента серба Райко, любящаго свою родину, свою майку любовію сердечною, нѣжною, сыновнею, любовію евангельскаго состраданія, любовію, соединенною не съ горделивымъ себялюбіемъ, но со святымъ самоотверженіемъ. Вторая черта сербскаго патріотизма заключается въ томъ, что онъ не отрываетъ сердецъ своихъ послѣдователей отъ другого духовнаго отечества всѣхъ насъ православныхъ христіанъ, т. е. отъ вселенской Христовой Церкви, которую мы исповѣдуемъ въ Символѣ Вѣры; вотъ почему сербы-патріоты, объединившись въ отдѣльное государство, не перестали быть глубокими почитателями высшаго церковнаго чина—вселенскаго патріарха и весьма высоко цѣнятъ его святой авторитетъ.

Эти свойства вашего народа я ставилъ въ примѣръ русскому юношеству и привѣтствовалъ за нихъ юношество сербское. Въ настоящее время тяжелое испытаніе постигло сербовъ-патріотовъ, и скорбящая душа ихъ устремилась къ вамъ, желая именно въ вашей особѣ видѣть народнаго героя и дѣятеля сербскаго объединенія... Жизнь народныхъ героевъ часто подвергается опасности, а по вѣрѣ русскихъ людей въ случаяхъ такой опасности слѣдуетъ прибѣгать съ молитвой къ святой Великомученицѣ Варварѣ, избавляющей вѣрныхъ отъ напрасной или внезапной смерти. Ея св. образъ въ этомъ

складнѣ смиренно прошу ваше высочество принять по обычаю нашихъ русскихъ благочестивыхъ воиновъ: они берутъ съ собою образа св. Варвары или кольца отъ ея св. мощей и надѣваютъ ихъ на себя въ опасныхъ предпріятіяхъ, напр., въ путешествіяхъ среди невѣдомыхъ дебрей и лѣсовъ; во время бури на морѣ, когда выступаютъ на битву съ непріятелемъ. Да хранитъ же и вашу царственную юность св. Варвара на многіе годы на славу и на радость всему православному Сербству.

Храмъ славы и храмъ скорби [1]).

Отрадно намъ, братіе, молиться вмѣстѣ въ этомъ святомъ храмѣ, который воздвигла благоговѣйная рука, какъ пріятную жертву Богу за души убіенныхъ безбожниками христіанъ—вѣрныхъ русскихъ гражданъ. Съ этого года два храма въ первопрестольной столицѣ являются памятниками знаменательныхъ событій нашей гражданской исторіи: древній Покровскій соборъ, именуемый „Василія Блаженнаго“, и этотъ, вновь построенный въ честь Пресвятыя Богородицы „Отрада и Утѣшеніе“. Эта двоица святыхъ храмовъ знаменуетъ собою и свѣтъ, и тѣни нашей родной исторіи, нашей земли.

Скажемъ прежде о первомъ. Не всѣмъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, что сегодняшній праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы сталъ великимъ праздникомъ не издревле, а со времени того событія, въ память котораго созданъ тотъ Покровскій храмъ, т.-е. со времени взятія татарской Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Событіе это было великое потому именно, что съ него началось постепенное одолѣніе христіанства надъ исламомъ, уже поработившимъ церкви Восточныя и все еще не уступавшимъ до того дня Московскому царству. Разоривъ теперь осиное гнѣздо татарскаго богоборнаго племени, наши предки поняли, что этимъ событіемъ со всею уже ясностью опредѣлилось великое призваніе русской земли объединять постепенно у подножія Христова всѣ восточныя народности, всѣ восточныя культуры подъ водительствомъ Бѣлаго Царя. Немедленно отправились въ Казань, въ сопровожденіи церковныхъ святынь, великіе подвижники благочестія: Гурій, Варсонофій и Германъ, устроили тамъ церкви и монастыри и свѣтомъ своего вдохновеннаго ученія и ангельской святости

---

[1]) Слово, произнесенное 1 окт. 1909 г. на праздникѣ русскихъ монархистовъ въ Богородичной церкви, сооруженной въ память слугъ царевыхъ, убіенныхъ крамольниками. («Напечатано въ газетѣ «Колоколъ»).

привлекали ко святому крещенію толпы за толпами различныхъ инородцевъ. Русскіе поняли, что теперь уже не отдѣльными ручейками, а широкою волною будетъ вливаться въ церковное море жизнь и вѣра племенъ Заволжья и Сибири и будетъ безпрепятственно продолжаться дѣло св. Стефана Пермскаго и подобныхъ ему богопроповѣдниковъ прежнихъ вѣковъ.—И вотъ наши предки рѣшили, съ одной стороны, отклонить отъ себя всякую тѣнь превозношенія славною побѣдою и завоеваніемъ, но все это приписать Божественному промышленію, а съ другой стороны—запечатлѣть свое свѣтлое упованіе на то, что Москва, готовившаяся тогда провозгласить себя третьимъ и послѣднимъ Римомъ, должна стать средоточіемъ грядущаго всемірнаго и свободнаго единенія людей въ прославленіи Божественнаго Искупителя. Свое рѣшеніе Царь и народъ выполнили построеніемъ благолѣпнаго собора на Красной площади, справедливо признаваемаго восьмымъ чудомъ въ свѣтѣ. Благоговѣйное вдохновеніе русскихъ мастеровъ превзошло всѣ ожиданія и понынѣ изумляетъ зрителей. Предъ нами стоитъ церковное зданіе, котораго части представляютъ собою полное разнообразіе отъ земли до верхнихъ крестовъ, но въ цѣломъ составляютъ дивное единство—единый стройный вѣнокъ—вѣнецъ Христовой славы, провозсіявшей въ побѣдѣ русскихъ надъ агарянами. Множество куполовъ возглавляютъ ту церковь: есть тамъ куполъ мавританскій, есть индійскій, есть очертанія византійскія, есть и китайскія, а посрединѣ высится надъ всѣми ними куполъ русскій, объединяющій все зданіе.—Ясенъ замыселъ этой геніальной постройки: святая Русь должна объединить всѣ восточные народы и быть ихъ водителемъ къ небу. Замыселъ этотъ, это сознанная нашими прадѣдами задача, данная Богомъ нашему народу, стала надолго руководящимъ началомъ ихъ государственнаго управленія, и внутренняго, и внѣшняго: царствованія послѣднихъ Рюриковичей и первыхъ Романовыхъ ознаменовались благодатнымъ просвѣщеніемъ магометанъ и язычниковъ Сѣвера и Востока, поддержкой древнихъ христіанъ Востока и Юга и защитой русскихъ христіанъ Запада, угнетенныхъ еретиками. Расширялась и крѣпла святая Русь, распростиралась она вширь, какъ орлиныя крылья; все ярче блисталъ въ глазахъ сыновъ ея крестъ родной главы у Василія Блаженнаго, трепетали ея нечестивые враги на Югѣ и на Западѣ; поднимались къ ней умоляющія руки подъяремныхъ братьевъ-христіанъ: грековъ, славянъ и арабовъ; Москва видѣла въ своихъ стѣнахъ въ разное время всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ и на многихъ языкахъ слушала литургію въ своихъ храмахъ. Но вотъ насталъ

печальный переломъ, плачевное отклоненіе русской жизни отъ своего призванія; столица перешла къ предѣламъ пакостныхъ чухонцевъ; удалилась отъ древнихъ святынь и чудотворныхъ ликовъ, отъ хранимаго здѣсь Христова хитона и „земнаго неба", подъ сводами котораго помазываются цари на царство. Да! и вмѣсто того, чтобы просвѣщать истиннымъ христіанствомъ бусурмановъ, правящая Россія сама пошла на выучку къ еретикамъ, стала чужда своей исторіи и своей церкви, и своему народу, котораго надолго обратила въ раба онѣмеченнымъ барамъ.

Но и этому недоброму увлеченію началъ приходить конецъ. Сперва шарахнулся, отшатнулся отъ новой столицы народъ русскій, но затѣмъ, перекрестясь, двинулся въ нее со своимъ русскимъ духомъ, а когда провели въ нее заморскую желѣзную дорогу, то, почуявъ въ ней уже свое владѣніе и затѣмъ свободу отъ крѣпостнаго права, нашъ мужикъ двинулся туда широкою волною и залилъ собою, своимъ русскимъ, мужицкимъ бытомъ нѣмецкій городъ. Появились и тамъ русскія святыни, взлетѣли подъ самое небо высокія колокольни, загудѣли тысячепудовые колокола, засіяли оклады на новоявленныхъ чудотворныхъ иконахъ, задымился ѳиміамъ надъ могилами мѣстныхъ праведниковъ и праведницъ; обрусѣлъ и приморскій Питеръ. Пошелъ онъ вслѣдъ за Москвой исполнять старое русское дѣло — вызволять христіанъ изъ-подъ власти турокъ. Оставалось и въ той столицѣ ставить подобіе Покровскаго собора,—хотя бы и на мѣстѣ убіенія Царя-мученика, котораго кровь, вмѣсто ожидавшагося нашими внутренними врагами колебанія Верховной Власти, еще болѣе привязала къ ней народъ, еще крѣпче связала послѣдній съ древними упованіями и преданіями нашей страны и съ Царственною Династіей. Слава нашей страны опять загремѣла по вселенной: друзья взирали на нее съ надеждой, а враги съ трепетомъ. Но... но настали попущеніемъ Божіимъ и ухищреніями нашихъ внутреннихъ враговъ времена иныя. Когда заканчивался многоглавый славный храмъ на крови Мученика-Царя въ новой столицѣ, пришлось въ старой столицѣ закладывать церковь другую, церковь великой скорби, храма слезъ и горестнаго покаянія, тотъ храмъ, въ которомъ предстоимъ мы сегодня — русскіе люди!

Прекрасенъ и этотъ храмъ: строго византійскій его стиль возноситъ мысль къ небу, къ ангеламъ, къ свѣтлому раю; но, кромѣ прекрасныхъ иконъ Божіихъ угодниковъ, мы видимъ здѣсь и нѣчто необычное: мы видимъ множество огромныхъ мраморныхъ досокъ съ безчисленными надписями именъ и фамилій, — цѣлыя книги именъ. Что это за книги? Увы, это

книги „великой скорби“ нашей! — Это имена убитыхъ мужественныхъ воиновъ, слугъ царевыхъ и мирныхъ гражданъ, даже иногда незлобивыхъ дѣтей, звѣрски умерщвленныхъ, не турками, не японцами, а своими же согражданами, которые, стали для отчизны своей лютѣйшими врагами, возненавидѣвшими Россію и всѣхъ ея защитниковъ, всѣхъ ея мирныхъ гражданъ.

Пусть же украсится этотъ благолѣпный храмъ еще однимъ священнымъ изображеніемъ. Пусть во всю его западную стѣну напишется въ свое время, взамѣнъ образа Страшнаго Суда, изображеніе иное. Я желалъ бы найти на ней видѣніе апостола Іоанна изъ Апокалипсиса, видѣніе небеснаго жертвенника и предъ нимъ души убіенныхъ за свидѣтельство Іисуса и вопіющихъ Богу: „доколѣ, Господи, Ты не отмщаешь за кровь нашу живущимъ на землѣ?“

А этой крови, какъ свидѣтельствуютъ надписи на стѣнахъ, цѣлое море. Тутъ и кровь царственная, пролитая въ Кремлѣ московскомъ, и кровь святительская, пролитая на погибельномъ Кавказѣ, кровь въ городахъ, кровь въ селеніяхъ, кровь въ мирныхъ домахъ, и въ темномъ лѣсу, и на пути, и на морѣ, и въ храмахъ Божіихъ.

Но, если храмъ сей, въ противоположность храму Василія Блаженнаго, является не памятникомъ исторической радости нашей страны, а памятникомъ ея горя, ея униженія, ея позора внутри и снаружи, предъ нашими враждебными сосѣдями: то все же онъ сохраняетъ свое подобіе съ тѣмъ древнимъ памятникомъ нашей славы въ томъ отношеніи, что онъ, подобно тому храму, все-таки является выразителемъ и свѣтлаго упованія.

Богу преклонили наши предки свою славу. „Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу“, возопили они, увѣнчивая крестами разнообразные тринадцать куполовъ Покровскаго собора. И за это свое смиренное отреченіе отъ самолюбиваго чувства побѣдителей они были взысканы обильнымъ исполненіемъ своего упованія на полтора вѣка и болѣе. Точно также и нынѣ предъ Господнимъ подножіемъ повергаетъ Русь свою скорбь благословеннымъ усердіемъ великодушнаго строителя сей благолѣпной церкви. Вседержителю приносимъ мы свою жалобу на злодѣевъ и отъ Него ожидаемъ защиты! Тотъ народъ еще не погибъ, который можетъ такъ чувствовать и сыны котораго умѣютъ такъ увѣковѣчить свое чувство. Эти камни, эти своды, эти надписи вопіютъ на небо и потрясаютъ души молящихся призывомъ къ тому, чтобы, не взирая ни на что, держаться твердо завѣщанія нашихъ предковъ, завоевателей агарянскаго царства, любить и отстаивать Русь святую,

православную, а не ту смрадную, грязную клоаку, въ которую хотятъ обратить ее наши внутренніе враги.

Съ такимъ именно намѣреніемъ собрались на эти дни въ Москву на совѣщаніе, а сегодня въ сей святой храмъ на молитву, русскіе патріоты. Будетъ ли успѣхъ ихъ предпріятію? Будетъ, но вотъ при какомъ условіи.

Въ прежнія времена, задаваясь какимъ-либо дѣломъ, русскіе спрашивали: согласно ли оно съ Божьими законами? и этимъ вопросомъ опредѣляли свое къ нему отношеніе. Во времена недавнія многіе изъ нашихъ соотечественниковъ замѣнили этотъ вопросъ, эту оцѣнку иною, низшею, но все же благородною: согласно ли то или иное намѣреніе съ долгомъ просвѣщеннаго человѣка, съ требованіями разума и науки? Ну, а въ настоящее время люди современные забыли о Божьихъ заповѣдяхъ, и о нравственно-разумномъ долгѣ, и о наукѣ, и проповѣдуя устами свободу, усвоили себѣ такую рабскую душу, что все поставили на оцѣнку выгоды и внѣшняго успѣха. Вмѣсто разумныхъ доводовъ за или противъ какого нибудь начинанія, они говорятъ: „большинство примкнетъ сюда: общество отнесется къ этому съ сочувствіемъ“, или, напротивъ: „здѣсь вы останетесь одиноки; ваша мысль не будетъ никѣмъ принята“. О томъ, вѣрна ли эта мысль? честна ли? право-ли будетъ большинство, одобривъ то и не одобривъ другое?—объ этомъ теперь нѣтъ дѣла современному русскому человѣку, а въ Европѣ и въ Америкѣ такіе вопросы и понимать перестали.

Дай Богъ, чтобы патріоты русскіе въ этомъ смыслѣ не были „современными“. Но если и мы только такою логикой будемъ подкрѣплять наши симпатіи, наши убѣжденія, то дѣло наше погибнетъ, и лучше отойти отъ него, чѣмъ браться за него, подобно либераламъ-западникамъ, грязными руками выгоды и корысти. Наше дѣло будетъ успѣшно въ томъ лишь случаѣ, если на притворно-ироническій вопросъ глупца ка-дета: неужели вы надѣетесь возстановить теократическій патріотизмъ? вы отвѣтите такъ, какъ всѣ мы должны чувствовать, исповѣдывать и проповѣдывать.

„Мы вѣрны Христу и святымъ Его, и Родинѣ, и Самодержцу, и исконнымъ упованіямъ нашихъ предковъ, независимо отъ того, какая внѣшняя участь ожидаетъ насъ и Россію. Являемся-ли мы, какъ эта священная Церковь, первыми провозвѣстниками народнаго возрожденія, предтечами славнаго будущаго, когда Россія снова станетъ Русскою и православною благовѣстницею Христа для всей Азіи и Юго-Восточной Европы; или мы, напротивъ, послѣдніе исповѣдники этихъ высокихъ и святыхъ побужденій въ несчастной развращенной странѣ, обреченной въ скоромъ будущемъ на конечную поги-

бель отъ червонныхъ валетовъ еврейской революціи, но мы останемся вѣрны тому, что требуетъ отъ насъ Божья правда, и не здѣсь, а на небѣ ожидаемъ себѣ вѣнцовъ. Мы будемъ радоваться, если образумившееся общество и народъ будутъ дружно возвращаться къ своимъ историческимъ основамъ: мы будемъ горько плакать, если зараза безбожнаго и безнравственнаго возстанія русскихъ безумцевъ противъ своей родины начнетъ умножаться, какъ чума: но если и огромное большинство добровольно кинется въ эту погибель, какъ Панургово стадо, какъ Гадаринскія свиньи, то мы за ними все-таки не пойдемъ".

Да, такъ говори русскій гражданинъ! Говори, какъ нѣкогда тѣ три блаженные отрока предъ Навуходоносоромъ, какъ Максимъ Исповѣдникъ предъ еретиками-моноѳелитами. „Если и вся вселенная пойдетъ по пути этого безумія, я одинъ не пойду за всѣми!" И какъ тѣ три великіе подвижника, истинно одни во всемъ мірѣ остались вѣрными Богу и прославили Его правду посреди огненной пещи, такъ и мы останемся вѣрны основамъ христіанской жизни русской, много ли, мало ли насъ будетъ.

Не убоимся мы стоять за истину, если и нашимъ именамъ суждено вписаться на эти страшныя мраморныя доски, если и нашей крови суждено слиться съ тою кровью, въ память которой воздвигнутъ сей храмъ.

И мы знаемъ, что если не на землѣ, то на небѣ, на послѣднемъ Божіемъ судѣ оправдано будетъ наше дѣло и обозначится благословенный успѣхъ нашего предпріятія. Но пусть знаютъ и враги наши, что и на землѣ непродолжителенъ и ненадеженъ успѣхъ тѣхъ, кто гонится за нимъ, а не за правдой; но онъ самъ отдаетъ себя въ руки тѣхъ, кто добровольно отъ него готовъ отречься, дорожа единою правдой, и если такъ мы опредѣлимъ свое отношеніе къ жизни, то не только для нашихъ душъ въ животъ грядущимъ, но и для нашей вѣры, для нашей родины въ жизни настоящей. При насъ ли, или послѣ нашей смерти наша самоотверженная ревность объ истинѣ явится зиждительною силою въ строеніи Церкви Божіей и Русской правды, какъ кровь древнихъ мучениковъ была сѣменемъ новыхъ христіанъ. И если суждено будетъ, чтобы православная страна нѣкогда увѣнчалась новымъ храмомъ Покрова, съ русскимъ главнымъ куполомъ среди куполовъ иностранныхъ, не какъ выраженіемъ надежды на будущее, а какъ обнаруженіемъ ея славы въ прошедшемъ и настоящемъ, то въ числѣ строителей сего духовнаго храма будутъ и ваши имена. Аминь.

О націонализмѣ и патріотизмѣ [1]).

Заканчивая заупокойную молитву объ убіенныхъ собратьяхъ нашихъ по любви къ родинѣ и приступая къ началу молебнаго пѣнія нашему небесному покровителю, Святому Архистратигу Михаилу, сосредоточимъ свою мысль на значеніи этого событія въ жизни нашего народнаго союза.

Народный духъ или націонализмъ у другихъ современныхъ племенъ Европы является преобладающимъ началомъ ихъ общественной и государственной жизни, или, выражаясь по мірскому, ихъ политическою аксіомой, на которую стараются опираться всѣ вліятельныя политическія партіи. У насъ, напротивъ это начало должно завоевать себѣ право на признаніе, потому что противоположная ему космополитическая подражательность уже издавна овладѣла умами русскаго общества и оторвала его отъ народа, такъ что самое кажущееся возвращеніе нашихъ либеральныхъ партій къ началамъ національнымъ явилось у насъ тоже въ подражаніе народностямъ западнымъ.

Совсѣмъ инымъ духомъ проникнуты тѣ наши народные союзы, которые возникли на подлинныхъ историческихъ основахъ жизни народной, союзы консервативные, патріотическіе. Существенное различіе патріотизма русскаго да и вообще патріотизма восточныхъ народовъ и культуръ, отъ патріотизма племенъ и государствъ западныхъ, выросшихъ на началахъ римскаго язычества, заключается въ томъ, что для послѣднихъ самосохраненіе и внѣшнее усиленіе государства или племени является конечнымъ предметомъ ихъ вожделѣній, высшею цѣлью ихъ дѣятельности. Высока-ли такая цѣль? Что представляетъ она собою, какъ не расширенное себялюбіе, какъ не стадный эгоизмъ? Что за смыслъ бороться за силу и преобладаніе чеховъ среди нѣмцевъ или испанцевъ надъ португальцами, когда и та и другая народность имѣетъ и ту-же религію, и ту-же культуру.

Работать и бороться за одну изъ нихъ противъ другой только потому, что то мое, а то не мое,—это иногда пожалуй и естественно, но здѣсь нѣтъ ничего высокаго, вдохновляющаго, святого. Чѣмъ отличается эта борьба отъ прежнихъ боевъ Большой Охты съ Малой Охтой? Почему я долженъ былъ бороться за ту группу людей, которые лишь

[1]) Рѣчь, сказанная на годичномъ праздникѣ Русскаго Народнаго Союза имени Архангела Михаила 8-го ноября за панихидой по убіеннымъ крамольниками патріотамъ. (Напечатано въ журналѣ „Голосъ Истины“ № 49—50, 1909 г.).

тѣмъ отличаются отъ своихъ и моихъ противниковъ, что говорятъ на одинаковомъ со мною нарѣчіи? Почему я не обязанъ объединяться съ тѣми людьми, которые подобны мнѣ, напр., по наружности? Почему вмѣсто швейцарцевъ или бельгійцевъ не объединяться между собою, напр., всѣмъ курносымъ всего міра, всѣмъ рыжимъ и т. п.? Скажутъ: у тѣхъ есть общіе интересы, а у этихъ нѣтъ ничего, кромѣ внѣшняго сходства. Вѣрно, хотя и то не всегда, но въ такомъ случаѣ и не старайтесь придавать вашему западническому патріотизму характера нравственнаго, этическаго, а поставьте его на одинъ уровень съ любой акціонерной компаніей или торговымъ союзомъ.

Не такъ чувствовалъ и чувствуетъ свою любовь къ родинѣ народъ русскій. Не цѣлью своей дѣятельности мыслитъ онъ свою страну и себя самого, а служебною силой для иной высшей цѣли, цѣли святой, божественной и всемірной. Нося въ себѣ непоколебимую увѣренность въ невредженномъ сохраненіи ученія Христова, народъ русскій защищалъ и отстаивалъ съ такимъ самоотверженіемъ свою страну именно, какъ хранилище божественной истины, какъ служительницу евангельскаго благочестія: не себя самого, не свое благополучіе, а это духовное сокровище ему ввѣренное, его охраненіе и расширеніе почитаютъ русскіе люди высшимъ направителемъ своей и личной, и общественной, и государственной жизни. Самосознаніе русское, народное—есть самосознаніе не рассовое, не племенное, а вѣроисповѣдное, религіозное. Начните убѣждать русскаго въ необходимости уважать евреевъ уже потому, что Пресвятая Богородица, св. Апостолы и Пророки были евреями, а не русскими: что онъ вамъ на это отвѣтитъ? Неправда, скажетъ онъ: „это было давно, когда евреи были русскими“. Онъ отлично знаетъ, что древніе евреи по-русски не говорили и о русскихъ не слыхали, но онъ считаетъ ихъ своими предками, а себя ихъ потомкомъ именно по своему вѣроисповѣдному самосознанію. И въ этомъ онъ правъ, любезные слушатели. Да, не удивляйтесь: онъ чувствуетъ и говоритъ согласно Христову глаголу, который отнялъ у евреевъ отступниковъ право сыновства Аврааму (Іоан. VIII, 39), и возложилъ на лоно его многіе народы (Матѳ. VIII, 11); не тоже ли говоритъ и Предтеча Христовъ (Матѳ. III, 9) и Апостолъ Павелъ, возглашая съ настойчивостью: *„познайте же, что вѣрующіе суть сыны Авраама“* (Гал. III, 7 ср. Рим. IV, 16).

Скажу вамъ нѣчто еще болѣе знаменательное о русскомъ патріотизмѣ. Въ Кіевопечерской лаврѣ въ каждую субботу на заутренѣ читается акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, а затѣмъ восторженная благодарственная молитва, въ которой Матери Божіей воздается хвала за то, что Она защищала Свой

царствующій градъ, т. е. Константинополь, отъ нашествія сѣверныхъ варваровъ язычниковъ, „отъ скиѳскаго воеводы звѣрообразнаго лукаваго вепря, предстателя бѣсомъ, онаго прегордаго кагана... и многочисленныя воинства потопила еси и паки съ небесе одожденіемъ горящихъ камыкъ тьмы кораблей въ морѣ рѣющемся разварила еси". О чемъ здѣсь рѣчь? о побѣдѣ грековъ надъ русскими во второй половинѣ IX вѣка.

Ясно, что народъ нашъ считаетъ своими духовными предками не древнихъ русскихъ язычниковъ, а греческихъ христіанъ, и ихъ враговъ—своими врагами. Ясно, что такому народу невозможно привить только рассоваго націонализма; ясно, что истинно народнымъ можетъ оказаться только тотъ союзъ русскихъ людей, который, подобно союзу имени Архистратига Михаила, примыкаетъ къ его религіозному, вселенскоцерковному патріотизму. Широкъ такой патріотизмъ, безпредѣльно такое общеніе! Вотъ мы молились за своихъ умершихъ... они для насъ, вѣрующихъ патріотовъ, живы. Ихъ смерть—начало новой лучшей жизни, наши молитвенныя воздыханія проливаютъ отраду въ ихъ души. Мы даже не скажемъ со стариннымъ поэтомъ:

Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію — были.

Нѣтъ, они не „были" только, но и суть теперь съ нами! Это только для дѣятелей исключительно политическихъ, для жалкихъ западниковъ смерть прекращаетъ всякую значимость дѣятеля. Это только для нихъ цѣнится жизнь и дѣятельность измѣряется капризнымъ наклономъ минутнаго успѣха; это только къ нимъ относятся слова другого великаго поэта:

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!

Для нашего дѣла, для возстановленія въ жизни общественныхъ началъ и устоевъ народныхъ—ни потеря политическаго вліянія, ни самая смерть не можетъ явиться остановкой духовному росту русскаго дѣла, лишь бы мы взялись за него искренно и дружно. Мы не боимся смерти, потому что дѣло наше въ союзѣ съ умершими, въ союзѣ съ небомъ и безсмертными ангелами. *Наше сокровище на небѣ* (Лук. XII, 33); тамъ наше истинное *жительство* (Фил. III, 20), а здѣсь мы только отблески его стараемся усвоить и посильно насаждать въ общественномъ быту.

И стараемся мы не напрасно. Не смотрите на то, что огромное большинство нашихъ союзовъ составляетъ простой народъ. Вспомнимъ слово Писанія къ первымъ христіанамъ: «*посмотрите, братіе, кто вы призванные: не много изъ*

васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и уничтоженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ» (1 Кор. I, 26—29).

Исторія двухъ тысячелѣтій и далѣе создана первыми христіанами. Но могли ли это предвидѣть гордые римляне? Въ ихъ глазахъ христіане были жалкою толпою нищихъ, бездомныхъ оборванцевъ, беззащитныхъ рабовъ, ничтожныхъ мечтателей, которые не могли даже защитить своихъ братьевъ отъ жестокихъ терзаній палачей. А теперь весь міръ знаетъ, что то были свѣтъ міру и соль земли, которыхъ кости, разбросанные палачами по вѣтру, благоговѣйно лобызаютъ цари, какъ величайшую святыню. Презирали и нашихъ русскихъ предковъ могущественные татары, но и ихъ владычество, не основанное на подвигѣ добродѣтели, пропало также безслѣдно, какъ и римское, а терпѣніе, и молитвы, и слезы русскихъ выростили громадную державу.

Итакъ пусть никто не называетъ насъ мечтателями, которые гонятся за тѣнями. Не мечта, а величайшее въ мірѣ государство создано именно на такихъ духовныхъ упованіяхъ, на такомъ церковномъ вѣроисповѣдномъ патріотизмѣ русскихъ царей, русскихъ монаховъ, воиновъ и гражданъ. Напротивъ, лихорадочная погоня за успѣхомъ въ данный моментъ политической борьбы, кратковременное возвышеніе, исполненное страха за себя и за свои фантазіи, а затѣмъ глубокое и долгое забвеніе, — то слава, то безчестіе, то радость, то безнадежная скорбь: вотъ удѣлъ тѣхъ мечтателей, которые не вѣрятъ нашимъ обѣтованіямъ, открытымъ въ евангеліи, а сами гонятся цѣлую жизнь за собственною тѣнью. За обманомъ они гонятся и обманъ они сѣютъ въ умахъ.

Они, напр., любятъ говорить о свободѣ личности, но ихъ взгляды на жизнь, ихъ дѣла обнажаютъ въ нихъ рабскую, холопскую душу. Въ области свободнаго, непосредственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, они совершенно безсильны. Здѣсь они могутъ только разрушать, только развращать, только ссорить. Свой успѣхъ они могутъ изображать только тѣми внѣшними узаконеніями жизни государственной, которыя имъ удается провести всѣми неправдами жизни на горе и погибель Россіи, а чтобы прикрыть свое полное безсиліе воздѣйствовать на нравы, они самыя понятія жизни общественной, общественнаго развитія, общественныхъ интересовъ воровскимъ образомъ слили съ понятіемъ государственной жизни, госу-

дарственнаго развитія и т. д., и тѣмъ показали, какъ мало они имѣютъ права на проповѣдь свободы, если не признаютъ никакого начинанія, позади котораго не стоялъ бы полицейскій съ разносною книгой. Не таковы воззрѣнія и пріемы дѣятельности истинно народныхъ союзовъ и ихъ представителей. Не отрицая, подобно Л. Толстому, отраслей жизни государственной (т. е. принудительной), не отказываясь служить посильно, русскіе патріоты знаютъ, что государственное воздѣйствіе прочно только тамъ, гдѣ встрѣчаетъ соотвѣтственную своимъ предположеніямъ крѣпкую *бытовую основу*. Они знаютъ, что истинные благодѣтели народа—это тѣ, кто можетъ воздѣйствовать непосредственно на эти глубины его духа, кто вліяетъ непосредственно на бытъ общества и народа, на его понятія, на его нравы. Они знаютъ, что не государственныя узаконенія, а личное и общественное убѣжденіе, свободный энтузіазмъ, свободный подвигъ, создаютъ тѣ высокія проявленія духа, какъ науку, поэзію, живопись, архитектуру, музыку, которыя отражаются на общественномъ бытѣ, предоставляя государству лишь внѣшнее, частичное благоустройство его проявленій. Они знаютъ, что сильнѣе и преимущественнѣе всѣхъ этихъ благородныхъ проявленій человѣческаго генія на общественный бытъ вліяетъ *религіозная вѣра*, что именно ею держится и ею созидается бытъ народностей всего міра и что, дѣйствительно, добрыми двигателями его, а не разрушителями, могутъ быть только тѣ, и въ такой степени, кому и въ какой степени присуще это таинственное общеніе съ Божествомъ, эта чуждая сомнѣній связь съ небомъ, которую такъ разумно и такъ благоговѣйно поставилъ на своемъ знамени нашъ народный союзъ, посвятивъ себя Небеснымъ силамъ и ихъ Архистратигу Михаилу.

Итакъ, призывая ихъ молиться о насъ и о нашемъ дѣлѣ, возносясь духомъ къ ихъ святой и блаженной жизни, посвященной славословію Господа и незримой помощи людямъ въ ихъ борьбѣ съ грѣхомъ и демонами, выступимъ мужественно на эту борьбу, не уклоняясь отъ посильнаго укрѣпленія и огражденія исконныхъ началъ русской жизни законами государственными, но не унывая и въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ не удаваться нашимъ единомышленникамъ, на то уполномоченнымъ, такъ какъ помимо государственнаго законодательства наше духовное общеніе съ великимъ народомъ нашимъ чрезъ исповѣдуемаго нами Господа Христа и Его св. Ангеловъ даетъ намъ широкій доступъ къ всегдашнему непосредственному вліянію на общественные нравы и бытъ чрезъ живое слово, чрезъ печать, чрезъ учрежденія благотворительныя, воспитательныя и экономическія, чрезъ муже-

ственный примѣръ, чрезъ безкорыстную ласку и ободреніе. Таково обширное и разнообразное поприще для дѣятельности союза Архангела Михаила! Вотъ почему на него радостно откликнулись, къ нему прильнули столь многія мѣстныя общества по лицу всей родной земли нашей! Вотъ что разбудило и потянуло сюда далекую Сибирь, и что всего труднѣе,— даже туманный Петербургъ. Только бы намъ самимъ крѣпко держаться этого духа; только бы намъ не забывать превосходства надъ всѣмъ прочимъ цѣнностей нравственныхъ; только бы намъ познать, что для нихъ нѣтъ смерти на землѣ, потому что онѣ черпаютъ жизнь отъ самаго неба. Оттуда намъ будутъ тогда помогать святые Ангелы, и тамъ будутъ утѣшаться нашею вѣрностью убитые за вѣру, Царя и отечество наши дорогіе единомышленники и друзья, туда перейдемъ и мы, если сподобимся здѣсь одной съ ними участи, которой никто изъ насъ не боится, но многіе ревниво желаютъ.

Мы знаемъ, что борьба наша не кончена. Подавлено вооружейное возстаніе на внѣшнюю цѣлость нашего государства, но продолжается то несравненно болѣе гибельное разшеніе внутренняго содержанія русской жизни, ради котораго собственно ненавистна бунтовщикамъ и государственная власть, какъ его защитница. Именно, продолжается разрушеніе св. вѣры, народныхъ нравовъ, русской правдивости, русской чистоты, терпѣнія и всепрощенія; развращаются сердца учащихся дѣтей, отравляются умы юношей, попираются узы священнаго брака, внушается злобная ненависть къ родинѣ и къ церкви, стараются разслабить и разложить наше воинство.

Вотъ въ чемъ главная цѣль человѣконенавистнической революціи! Вотъ съ кѣмъ бороться выступаемъ мы подъ покровительствомъ Архистратига Михаила. Кто способенъ на такую борьбу кромѣ тѣхъ, кто искренно и сердечно вѣруетъ и любитъ, и молится, и борется со своими страстями, — кто не боится смерти, кто презираетъ земное счастье, кто любитъ нашу Русь, Русь святую, древнюю, народную! Такой дѣятель будетъ побѣдителемъ; онъ не измѣнитъ своему знамени, если бы даже одинъ остался съ нимъ на всей землѣ. Но онъ не останется одинъ, потому что вѣчное пребываніе обѣщано Христу Своей церкви и въ ея сокровищницу входитъ все доброе, что теплится въ сердцахъ ея работниковъ, входитъ какъ дѣйственная сила для современниковъ и для дальнѣйшихъ поколѣній. Ангелы Божіи да помогаютъ намъ на землѣ, а отошедшихъ отъ насъ съ пролитіемъ своей крови за святыя убѣжденія—да упокоитъ Господь въ селеніяхъ праведныхъ. Аминь.

Б) Слова воспитанникамъ духовной школы.

СЛОВО

въ день академическаго акта, къ студентамъ С.-Петербургской Академіи [1]).

Православные слушатели! Въ этотъ день, когда Академія встрѣчаетъ новый, нынѣ уже 78-й годъ своего существованія мысль невольно оборачивается на прошлое. Припоминаются образы великихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ подъ священнаго крова этой мирной обители, ихъ плодотворная пастырская и ученая дѣятельность, приходитъ на мысль и другая скромная дѣятельность тружениковъ воспитанія духовнаго юношества, которые незамѣтно, тихо, какъ ревностные муравьи, строятъ великое зданіе религіозно-нравственнаго просвѣщенія отечества чрезъ своихъ питомцевъ, выходящихъ въ сельскіе пастыри. Окидываешь мысленнымъ взоромъ и ту пылкую работу, которая выпала на долю учившагося здѣсь столичнаго духовенства, трудящагося надъ сорною нивой, что называется образованнымъ обществомъ.—При всей разнородности этихъ дѣятелей, мы однако легко можемъ замѣтить ту, общую всѣмъ участь, что кто погонится за внѣшнимъ благополучіемъ, тотъ не достигаетъ внутренней удовлетворенности, а кто стремится жить по совѣсти, тому приходится отказаться отъ внѣшнихъ благъ. — Осуществляются, слѣдов., слова Спасителя: „*никто не можетъ работать двумъ господамъ, или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить—или одному усердствовать, а другому нерадѣть*“...

И вотъ предъ всякимъ вступающимъ въ жизнь простираются два пути; а Міродержитель какъ-бы вновь говоритъ каждому: „*предложихъ ти огнь и воду и на неже хощеши возложиши руку твою*“.—Конечно, братіе, всякій студентъ нашей Академіи всею душею стремится идти въ жизнь путемъ правды и самоотверженнаго служенія добру, но наблюденія

---

[1]) Назначено къ произнесенію 17 февраля 1886 г., но произнесено, кажется, не было.

надъ жизнію, надъ трудностями удержаться на этомъ пути, смущаютъ его умъ и поставляютъ вопросъ о самой разумности и законности благородныхъ стремленій его сердца.—Вѣдь не мы первые, не мы послѣдніе—нашептываетъ ему недремлющій никогда искуситель—всѣ юноши мечтаютъ о великомъ и всѣ въ жизни перестаютъ достигать его.—Насколько практическіе выводы изъ этого положенія гибельны для нравственной жизни, насколько они „угашаютъ духъ“ и ослабляютъ волю—это понимаетъ каждый; но посмотримъ, нельзя-ли бороться съ ними на основаніи той-же самой посылки, изъ которой ихъ выводятъ.—Вѣдь, если всякой молодой душѣ свойственно мечтать и стремиться къ высокому, предначертывать себѣ жизнь, какъ подвигъ, а не какъ поприще для удовлетворенія себялюбивыхъ стремленій, то подобнаго рода настроеніе не есть прививное, нѣтъ, оно есть законное требованіе человѣческой природы, быть можетъ, откликъ того „дыханія жизни“, которое вдохнулъ Творецъ въ человѣка. Мы смѣемся надъ дѣтьми, когда они не хотятъ вѣрить побѣдѣ злыхъ надъ добрыми, когда у нихъ представленіе о жизни слагается не потому, какъ бываетъ на дѣлѣ, а потому, какъ должно бы быть: но вѣдь и эта, не оправдываемая наблюденіемъ надъ жизнью, вѣра во всепобѣждающую силу добра — есть опять-же лишь естественное обнаруженіе или запросъ человѣческой природы, а слѣдовательно—она должна находить себѣ оправданіе въ дѣйствительности.—Поэтому будетъ вполнѣ законно спросить, кто болѣе достоенъ смѣха: дитя-ли, которое не вѣритъ въ возможность побѣды зла, или испытанный въ жизни мужъ, переставшій вѣрить въ жизненное значеніе добра?—*„Если вы не обратитесь, и не будете, какъ дѣти, то не войдете въ царство небесное“*, говорилъ Спаситель, уча подражать дѣтской вѣрѣ въ побѣду добра тѣхъ, чей жребій, братіе, выпадаетъ и намъ грѣшнымъ. И ученики Его сохранили эту вѣру, ею путеводились они въ непроглядной тьмѣ языческаго міра, ею жили, въ ней умирали отъ руки палачей; однако не только не отступили отъ ней подъ давленіемъ жизни, но, напротивъ, самую жизнь покорили этой вѣрѣ, создавъ христіанскую общину, утвержденную на началахъ самоотверженной любви ея членовъ ко всѣмъ людямъ. И тотъ, кто принялъ эту вѣру такимъ-же юношей, какими мы поступаемъ сюда, тотъ писалъ въ глубокой старости *„сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“*.

Въ побѣду добра, въ самодовлѣемость нравственнаго начала вѣрили не только одушевленные ученики Христовы — апостолы, мученики, аскеты, не только религіозные энтузіасты, не желавшіе знаться съ дѣйствительностью, не только

тѣ, которыхъ проповѣдь была „іудеемъ соблазнъ, эллиномъ-же безуміе“, нѣтъ. эту мысль провозгласилъ и великій представитель разума естественнаго; мало того — онъ положилъ ее въ основаніе всей философіи, всего человѣческаго знанія и дѣятельности. Онъ говорилъ, что, пока человѣкъ располагаетъ свой разумъ по законамъ теоретическаго познанія, пріобрѣтаемаго чрезъ внѣшній опытъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ познать сущности вещей, потому что предметы внѣшняго опыта не имѣютъ въ себѣ истиннаго значенія, но суть лишь явленія, которыхъ сущность остается непознаваема. Гдѣ-же истина вещей? Какъ она познается? Чрезъ наше нравственное сознаніе—отвѣчаетъ мыслитель—ее должно выводить изъ запросовъ нашей нравственной природы, вовсе не соображаясь съ видимой стороною міра и жизни. Отсюда получается предписаніе—опредѣлять свою дѣятельность не по внѣшнимъ, чрезъ внѣшнія чувства получаемымъ, удовольствіямъ и выгодамъ, не подъ давленіемъ внѣшняго, видимо господствующаго направленія,—но свободно—по указанію собственнаго нравственнаго сознанія или совѣсти. Итакъ, сама наука должна признать, что добрыя, идеальныя начала въ человѣкѣ имѣютъ творческое, самодовлѣющее значеніе, которое потому-то и цѣнно, что не нуждается ни въ какой поддержкѣ изъ области познаваемыхъ явленій, но напротивъ—само приводитъ человѣка къ предположенію лежащаго въ основѣ ихъ нравственнаго міропорядка, который по свидѣтельству того-же сознанія можетъ исходить только отъ личнаго Существа, поскольку нравственное начало не имѣетъ для насъ никакого значенія и смысла внѣ личности. А если такъ, то не смѣха достоенъ младенецъ, который не допускаетъ побѣды зла, не подлежитъ высокомѣрнымъ насмѣшкамъ и юноша—студентъ, который вѣритъ, что жизнь есть крестъ, даваемый человѣку Богомъ, не соблазнъ и не безуміе исповѣдуетъ христіанинъ вообще, если онъ вѣритъ, что надъ этимъ царствомъ мамоны есть другой высшій Царь Правды, изгоняющій князя міра сего, котораго власть есть лишь суета и обманъ, какъ царство отца лжи.—Да, не глумиться должно надъ христіанами за то, что они стараются быть просты, какъ дѣти, но — видѣть въ этомъ ихъ стремленіи мысль, къ которой съ необходимостью приходитъ человѣческое сознаніе чрезъ углубленіе въ сущность вещей.—Печально однако то, братіе, что убѣжденіе еще не ручается за исполненіе, за проведеніе въ жизнь того, въ чемъ бываешь убѣжденъ: легко быть философомъ въ сознаніи, но трудно—философомъ въ дѣятельности, много есть послѣдователей ученія о нравственной свободѣ, но кто изъ нихъ свободенъ отъ рабства грѣху или страстямъ? Так.

обр., если внѣшняя наука и можетъ осмыслить нравственную, самоотверженную жизнь, то она все-же далеко не въ состояніи дать естественному „человѣку, тлѣющему въ похотѣхъ прелестныхъ", силы для исполненія своихъ благихъ намѣреній. Поэтому и нельзя удивляться паденію подъ бременемъ житейскихъ искушеній тѣхъ изъ вступающихъ въ жизнь, которые желаютъ опираться на одно сознаніе долга; виновны не столько они, сколько „живущій въ нихъ грѣхъ".—Но не въ такомъ душевномъ состояніи находимся мы, братіе. По неисчетной и ничѣмъ незаслуженной милости Господа, мы воспитаны въ православномъ христіанскомъ направленіи, которое даетъ для святой жизни именно то, чего не можетъ дать философія, т. е. она предлагаетъ какъ истинную дѣйствительность такое міровоззрѣніе, каковое есть лишь требованіе нравственнаго сознанія. Оно говоритъ намъ, что все, происходящее въ мірѣ помимо воли человѣка не есть дѣйствіе сочетанія слѣпыхъ силъ, но Домостроительство человѣческаго спасенія. Самого-же человѣка оно представляетъ не игралищемъ безсознательной природы, но союзникомъ Божественнаго Промысла; мало того — оно обѣщаетъ ему даровать „вся силы, яже къ животу и благочестію", чрезъ св. таинства. Но не будемъ разъяснять со всѣхъ сторонъ преимущества христіанства для нравственной жизни; посмотримъ на то изъ нихъ, какое намъ даетъ наше призваніе, какъ строителей Церкви, какъ представителей церковности.

Къ сожалѣнію послѣднее понятіе настолько слабо усвоено современнымъ сознаніемъ, что оно не только не служитъ вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности, но напротивъ, представляется часто, какъ препятствіе къ духовной жизни, какъ собраніе формальныхъ предписаній, лишенныхъ нравственнаго значенія. Для избѣжанія такого печальнаго недоразумѣнія мы должны ставить точкой отправленія своихъ разсужденій объ этомъ предметѣ самый догматъ Церкви. Вѣровать въ Церковь, значитъ вѣровать, что искупленное Христомъ человѣчество есть единое живое тѣло, оживляемое Духомъ Святымъ чрезъ взаимную любовь ея сыновъ, подобно тому, какъ душа поддерживаетъ жизнь тѣла чрезъ взаимодѣйствіе его членовъ. Отсюда слѣдуетъ, что каждое дѣло любви одного сына Церкви: будь это молитва пустынножителя, или гражданскій подвигъ общественнаго дѣятеля, или втайнѣ преоборенная страсть, или ласковая улыбка младенцу— имѣетъ не личное только, но и общественное и даже общечеловѣческое значеніе. Тѣло Церкви созидается любовью и подвиги каждаго отдѣльнаго человѣка споспѣшествуютъ дѣлу Домостроительства.

Вотъ эта-то вѣра въ Церковь, въ совершаемое самимъ Творцемъ и Промыслителемъ міра дѣло общаго спасенія чрезъ взаимную любовь даетъ и намъ бодрость и силу для самоотверженнаго служенія добру.—Поэтому, братіе, будемъ проникаться идеей спасающей Церкви, будемъ самимъ духомъ жить въ Церкви, чтобы не ослабѣть въ борьбѣ съ искушеніями жизни, чтобы не пасть одинокимъ борцемъ, но сознавать себя членомъ побѣжденной рати, воинствующей противъ князя міра сего, „сожителями святыхъ и присными Богу". Внося эту идею, эту вѣру, въ жизнь, мы бы освѣтили ее себѣ такимъ свѣтомъ, который смѣло можно было бы противопоставить суетнымъ блесткамъ искушеній своекорыстія. Тогда-бы мы могли руководиться дѣтскою вѣрою въ побѣду добра не въ сознаніи только, но и въ жизни, и не подвергаться общей участи вступающихъ въ жизнь дѣятелей.—Мы бы могли презирать то, что называютъ умѣніемъ жить, мудрость „міра сего, которая есть безуміе предъ Господомъ", представилась бы намъ еще болѣе смѣшною и жалкою, чѣмъ представляются юношескіе идеалы житейскимъ мудрецамъ.—То, что послѣдніе называютъ жизнью, мы бы назвали смертью. Мы бы не знали другой жизни, кромѣ жизни въ Церкви для вѣчности, какъ дѣти мы-бы вѣрили, что всякія внѣшнія неудачи и пораженія имѣютъ лишь временный, призрачный характеръ, что, „*блажени нищіи духомъ, яко ваше есть царстіе небесное, блажени алчущіи нынѣ, яко насытитеся, блажени плачущіи нынѣ, яко возсмѣетеся; блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше, яко зло, Сына Человѣческаго ради*". *Аминъ.*

СЛОВО

о крестѣ пастырскаго служенія [1]).

Братіе! Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть". (1 Кор. I . 18).

Между различными предметами благоговѣйнаго чествованія св. Церкви св. Крестъ особенно много говоритъ нашему сердцу,—мы въ немъ видимъ не только напоминаніе о давно прошедшемъ, но и указаніе для личной жизни каждаго изъ

[1]) Произнесено въ Церкви Холмской Духовной Семинаріи 14-го сентября 1886 г. Напечатано впервые въ Холмско-Варшавскомъ Епарх. Вѣстн. 1886 г., № 19.

насъ. Поклоняясь Животворящему Древу, воспѣвая страсти Распятаго на немъ, мы должны помнить, что и намъ не чуждъ крестный подвигъ, что каждый христіанинъ, уповающій на спасеніе, долженъ „сраспинаться Христу, сообразуяся смерти Его".

Кто не желаетъ погрязнуть въ мутной тинѣ низкихъ страстей, кого разумъ влечетъ на иной, высшій путь жизни, кто не можетъ относиться къ дѣлу искупленія и освященія человѣчества, какъ холодный посторонній зритель, лишь *покивающій главою своею* предъ голгоѳской картиной, кто хочетъ идти во слѣдъ Христу: тотъ *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ему*.

Да, братіе, для христіанина земная жизнь не есть путь къ удовлетворенію своихъ мелочныхъ прихотей, она не есть, какъ у язычниковъ, постоянный самообманъ съ забвеніемъ смерти,—нѣтъ, она есть подвигъ; радости ея не въ прелестяхъ міра сего, но въ томъ, чтобы идти за возлюбленнымъ Господомъ Іисусомъ. *„Аще кто Мя любитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ и идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой да будетъ"*. Пути слѣдованія Христу различны по своимъ внѣшнимъ опредѣленіямъ, но всѣ они сводятся къ одному—къ повиновенію по чистой совѣсти Божественному закону при постоянномъ препобѣжденіи себялюбивыхъ, своекорыстныхъ желаній. Законъ этотъ, согласно ученію Св. Писанія, самъ по себѣ не чуждъ существу человѣческому, *онъ написанъ на скрижаляхъ его сердца*. Поэтому каждому важнѣйшему правилу христіанской жизни отчасти соотвѣтствуетъ то или другое естественное стремленіе души, хотя-бы оно само по себѣ, внѣ вѣры и благодати, неспособно было осуществить своей великой задачи. Такъ и указанному главнѣйшему долгу христіанина, долгу полнѣйшаго самоотверженія и повиновенія во всемъ просвѣщенной Евангеліемъ совѣсти можно найти въ сердцѣ человѣческомъ нѣчто соотвѣтствующее, а именно въ сердцѣ молодомъ, не испорченномъ еще житейскими мелочами и борьбой изъ за куска хлѣба. Я хочу указать на тотъ юношескій идеализмъ и энтузіазмъ, который при всемъ различіи его въ различныхъ характерахъ, заключается обыкновенно въ заоблачныхъ мечтаніяхъ о великихъ подвигахъ, въ стремленіи къ полному самоотверженію во имя великой идеи.—Конечно, этотъ идеализмъ, эти мечтанія весьма неопредѣленны и нетверды, а потому тѣ изъ пожилыхъ людей, которые, навсегда покинувъ ихъ, затѣмъ насмѣхаются надъ юношами—мечтателями, всегда будутъ имѣть къ тому основанія. Конечно, прибавимъ, мало кто изъ юношей и во время своего увлеченія идеей дѣйствительно проводитъ ее въ жизнь, еще меньше

найдете такихъ, которые оставались-бы ей вѣрны по выходѣ изъ школы на службу: но все-же это идеальное настроеніе заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ ему обыкновенно удѣляется. Обратимся-ли къ исторіи: большинство міровыхъ великихъ подвиговъ явились не какъ логическіе выводы изъ какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, но были завѣтной мечтой своихъ виновниковъ отъ лѣтъ ихъ юности. Почти всѣ, напримѣръ, завоеватели, политики, художники, поэты, философы, наконецъ, даже праведники, аскеты отъ юныхъ годовъ со всею свойственною возрасту пылкостью предавались тому, чѣмъ прославились впослѣдствіи. Возьмемъ-ли бытъ обыкновенныхъ смертныхъ: что служитъ предметомъ постоянныхъ, согрѣвающихъ сердце, воспоминаній для стариковъ, какъ не школьные годы? какія отношенія самыя дружественныя, какъ не отношенія бывшихъ товарищей, единомышленниковъ? Да и чѣмъ-бы красилась жизнь обычныхъ, скромныхъ тружениковъ, какъ не тѣми нѣсколькими годами, которые прожиты были въ школѣ на высшихъ вопросахъ? — Стало быть, этотъ юношескій идеализмъ, это безотчетное стремленіе къ чему-то высшему, не есть ошибка возраста, а естественное проявленіе богосозданной природы человѣческой, естественное указаніе на ея высшее назначеніе, чѣмъ ежедневныя будничныя потребности. И вотъ, горячему воображенію юноши представляется множество путей жизни. Вотъ его манитъ прежде всего сила: онъ любуется на сильныхъ знаніемъ и наукой, на сильныхъ богатствомъ или славой, на сильныхъ красотой или остроуміемъ. Привлекаетъ его къ себѣ и высшее стремленіе чести,—самоотверженныхъ гражданскихъ подвиговъ: онъ представляетъ себя политическимъ благодѣтелемъ человѣчества, врачемъ, учителемъ, правителемъ. Картина за картиной разстилаются предъ его сознаніемъ—онъ колеблется въ выборѣ между различными, одинаково высокими и одинаково лестными представленіями—какъ вдругъ взоръ его палъ на крестъ и висящаго на немъ въ предсмертныхъ мукахъ Богочеловѣка. „Отвергнись самого себя, — слышитъ онъ — и иди вслѣдъ Меня“. Слышите-ли сей голосъ въ своей совѣсти, слышители вы, искупленные этою великою жертвою отъ вѣчной смерти, отъ вѣчной слѣпоты духовной.

Увы, немногіе слышатъ его, немногіе изъ немногихъ повинуются сему гласу. Знать евангельскую исторію не значитъ еще сознавать ее; вѣдь знали ее и видѣли глазами своими и тѣ, которые равнодушно покивали главами предъ Голгоѳой, и проходили мимо, точно такъ-же не удѣливъ ей вниманія, какъ, къ сожалѣнію, многіе нынѣшніе путники жизни. Но что естественно для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ воспитаніе шло

лишь около церковной жизни, т. е. для людей свѣтскихъ, то невозможно для васъ, слушатели духовной школы. Куда направлены ваши пути жизни? гдѣ находится лелѣемый каждымъ изъ васъ идеалъ? Пусть размыслитъ объ этомъ каждый. Вотъ ты стоишь предъ крестомъ Богочеловѣка, вотъ Онъ зоветъ тебя взять крестъ свой... пройти Его невниманіемъ ты не можешь, ты можешь или взять его, облегчить эту тяжкую ношу, какъ Симонъ Киринейскій, или... или поругаться Распятому, какъ Анна и Каіафа!

Да, други, это не преувеличеніе, не риторическій пріемъ, но самое существо дѣла. Воспитываемые на Божественномъ ученіи Спасителя, имѣя всегда предъ духовными очами Его искупительную жертву, вы не должны отдѣлять своего идеала отъ Его Лица. Мы сказали, что крестъ Христовъ состоитъ въ неуклонномъ слѣдованіи Его волѣ, а по внѣшнимъ способамъ осуществленія оно различно: какой же путь служенія Господу предложитъ вамъ, братіе? Чтобы уже ничто не удержало насъ отъ него, разсмотримъ этотъ вопросъ чрезъ изслѣдованіе свойственнаго юнымъ сердцамъ *естественнаго* стремленія самоотверженно служить ближнимъ, посвятить себя на благо человѣчества. Въ чемъ, спросимъ, это благо? Мы довольно знаемъ случаевъ самоубійствъ людей богатыхъ и ученыхъ, славныхъ и знатныхъ: стало быть благо не въ наукѣ, не въ богатствѣ, не въ славѣ, а во внутреннемъ довольствѣ, въ богатствѣ духовномъ. Да, братіе, не хлѣба и не обстановки требуютъ отъ насъ люди, они требуютъ хлѣба духовнаго, или христіанскаго просвѣщенія, столь чуждаго даже образованному русскому обществу, а тѣмъ болѣе далекаго отъ простого народа. Утвердите-же мысль на томъ, что только вы, имѣющіе получить знаніе Божественнаго закона, только вы явитесь обладателями того всеисцѣляющаго лѣкарства, которое одно можетъ бороться съ разъѣдающею міръ болѣзнію нравственнаго зла, лежащаго въ основаніи золъ физическихъ. Вотъ вашъ жребій, вашъ крестъ, слушатели! Быть благовѣстителями Христовой любви въ мірѣ, въ частности въ этомъ краѣ, гдѣ истинно православныя понятія только начинаютъ прививаться къ народной жизни, послѣ тяжкаго рабства прошлыхъ вѣковъ. Вотъ куда должна быть направлена цѣль вашей жизни, идеалъ вашей юности. Не слава, не богатство, не чувственность, не искусство, нѣтъ,—а несеніе креста Господня, несеніе Его подвига есть ваша задача. Представляя вамъ познаніе Своего закона, Господь тѣмъ самымъ уже призываетъ васъ быть Его проповѣдниками для всѣхъ сихъ нищихъ духомъ,— Онъ тѣмъ самымъ, говорю, уже „помазалъ васъ благовѣствовать нищимъ и послалъ васъ исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ,

проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу и проповѣдывать лѣто Господне благопріятно". Примете-ли вы сей крестъ пастырства и учительства, крестъ Христовъ? Или отречетесь отъ Него, какъ Іуда? или останетесь равнодушными зрителями Его распинанія вновь чрезъ мірскія беззаконія? Помните однако, что кто, имѣя въ рукахъ хлѣбъ, допускаетъ брата своего умирать съ голоду предъ собою, тотъ есть убійца, а кто, имѣя „слово жизни", нерадитъ объ умирающихъ духовно, тотъ есть убійца духовный, тотъ не жди милосердія; онъ есть лжецъ, если говоритъ о долгѣ и чести, объ идеалахъ и высшихъ задачахъ жизни! — Да, изученіе Божественнаго Откровенія полагаетъ неизбѣжное обязательство благовѣстить, обязательство пастырства и учительства, или вообще такого или иного служенія Богу. „Горе мнѣ, аще не благовѣствую", долженъ думать каждый изъ васъ.—Иначе, если отречешься отъ служенія Богу, если будешь жить ради собственной корысти, то ты повиненъ будешь во всемъ міровомъ злѣ „отъ крове Авеля, до крове Захаріи", отъ невинной крови Господа Іисуса до нынѣ проливаемой крови людей, живущихъ безъ вѣдѣнія Божественнаго закона, до всякой напрасной обиды, всякой слезы вдовы и сироты, до всего того, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться воину Христову. Подумайте о семъ, братья! Подумайте здѣсь предъ Крестомъ Господнимъ — вѣдь это не слова, а сущность жизни! Если прежде оно не приходило на мысль всегда, то знайте, что обычный разсѣянный человѣкъ живетъ въ постоянномъ самообманѣ, ибо онъ менѣе всего думаетъ о томъ, что всего несомнѣннѣе, т. е. о смерти.

Но если столь многое должно отвращать насъ отъ искушенія покинуть Христовъ подвигъ, то еще болѣе основаній мы имѣемъ, чтобы дерзновенно слѣдовать за Христомъ. Здѣсь прежде всего, и только здѣсь, найдетъ свое жизненное осуществленіе высокій идеалъ юности—идеалъ служенія добру. Не туманныя мысли объ общечеловѣческомъ благѣ, не фантазіи различныхъ политиковъ будутъ лежать въ основѣ вашей дѣятельности, какъ это бываетъ у всѣхъ прочихъ народниковъ, строющихъ зданіе не о Христѣ, нѣтъ—вы твердо будете знать, что вы должны дѣлать, для чего именно, и что имѣете достигнуть. При всѣхъ неудачахъ, при всякой бѣдѣ отъ міра и діавола, вы не впадете въ унынie—вы будете знать, что „се не воздремлетъ храняй тя Господь", что „власъ главы вашея не погибнетъ" безъ Его воли. Вы будете имѣть ободряющее начало въ мысли о церковномъ союзѣ, о томъ, что не стихіи міра сего управляютъ судьбами того дѣла, которому вы служите, но Самъ Св. Духъ проникаетъ и освящаетъ силою

Своей благодати все, что дѣлается вами по указанію закона Господня. А что всего важнѣе, вы всегда будете имѣть источникъ нравственныхъ силъ для осуществленія желаемаго, имѣть, стало быть, то, чего лишены всѣ прочіе, исходящіе на путь жизни идеалисты, почему и падаютъ они такъ скоро подъ тяжестью искушеній. Если вы останетесь вѣрны Христову ученію, то ваши идеалы служенія меньшей братіи окажутся не фантазіей молодыхъ лѣтъ, надъ которыми смѣются опытные люди, нѣтъ, они будутъ всегда съ вами не въ умѣ только, но и въ самомъ дѣлѣ. Тогда вамъ нечего будетъ вспоминать дни школы, какъ единственной свѣтлой полоски въ сѣренькой жизни, тогда сами вы будете „свѣтомъ міру и солью земли". Разъ вы возьмете со смиреніемъ и молитвой крестъ Христовъ, разъ будете побѣждать имъ свое себялюбіе, и вамъ сторицей будетъ воздано не только въ будущемъ вѣкѣ, но и въ настоящей жизни, не въ смыслѣ, конечно, внѣшняго благополучія, но въ смыслѣ духовныхъ утѣшеній, превышающихъ всякое внѣшнее счастье. Нѣтъ радости выше той, чтобы давать другимъ жизнь духовную. Эта-то радость дѣлаетъ тяжкій крестъ „игомъ благимъ и бременемъ легкимъ". Тогда, при такомъ преуспѣяніи въ пастырствѣ, онъ будетъ не тяжелою ношею, но знаменемъ побѣды, вѣнцемъ великаго подвига.

Имѣйте, однако, въ виду, братья, что подобное духовное удовлетвореніе дается не сразу, а по мѣрѣ воспитанія въ себѣ любви къ людямъ, по мѣрѣ того, какъ вы потеряете жалость о понесенныхъ лишеніяхъ и скорбяхъ. Поэтому, братіе, одно разумѣніе Божественнаго закона еще недостаточно, чтобы съ успѣхомъ исполнять служеніе любви Христовой. Приготовляясь къ нему чрезъ изученіе Откровенія, мы должны съ юныхъ, съ отроческихъ лѣтъ, заботиться о томъ, чтобы самихъ себя сдѣлать достойными носителями этихъ знаній, иначе, — проповѣдуя ихъ міру, ты самъ останешься холоднымъ кимваломъ и проповѣдь твоя, не возгрѣваемая любовью, не будетъ ложиться на сердце слушателей.

Какъ-же готовиться къ этому? А посредствомъ проведенія въ свою школьную жизнь изучаемыхъ заповѣдей Христовыхъ. Пусть иные ученики свѣтскіе думаютъ объ однѣхъ забавахъ, пусть тѣ юноши предаются „влеченію сердецъ своихъ и видѣнію очей своихъ" — *вы-же не тако*, вы должны всегда имѣть предъ собою мысль о томъ, что за каждый проведенный день и часъ вы отвѣтственны не только предъ Богомъ и совѣстью, но и предъ тѣми, кому суждено быть вашею паствою, вашими учениками. Каждая злая мысль, каждое похотливое мечтаніе, пренебреженное дѣло, все это отражается въ жизни ослабленіемъ воли, притупленіемъ чувства, все это

нанесетъ ущербъ характеру будущаго пастыря, а слѣдовательно и духовному преспѣянію паствы. Можетъ быть, если иной пастырь, напримѣръ, не проникается состраданіемъ къ осиротѣвшему ребенку настолько, чтобы найти ему слово утѣшенія, то потому, что когда-то въ юности онъ самъ не любилъ останавливать мысль на человѣческихъ страданіяхъ, а вѣчно искалъ веселыхъ развлеченій. Теперь онъ-бы и сознавалъ, что поступалъ тогда неразумно, но что дѣлать?—прошлаго не воротишь, сердце очерствѣло и приходится лишь сокрушаться о томъ, „что было такъ близко — возможно и утрачено такъ безвозвратно". — Чтобы избѣжать подобнаго состоянія, мы должны всегда имѣть въ умѣ и въ совѣсти мысль о нравственномъ совершенствѣ и молитву о помощи Божіей.

Быть можетъ, братья, такая жизнь покажется вамъ скучною, жестокою, тяжелымъ добровольнымъ заключеніемъ, но что великое достигается безъ труда? Если желаешь вѣрить своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ, если ты не согласенъ видѣть въ нихъ лишь игру молодой крови, если ты не намѣренъ посвятить себя на служеніе мамонѣ, но стремишься къ горнему: то отъ лѣтъ отроческихъ покинь стихійное безсознательное прозябаніе, не подчиняйся всякому случайному впечатлѣнію извнѣ.—Вотъ вы живете вмѣстѣ—что вамъ препятствуетъ поддерживать другъ друга во всемъ добромъ, созидать свою дружбу не въ мальчишескихъ шалостяхъ, не въ общемъ разгулѣ, не въ винѣ, *не въ водкѣ*, какъ это бываетъ въ кружкахъ свѣтской молодежи, но на началахъ идеальныхъ, на единствѣ общихъ стремленій, на взаимномъ одушевленіи великою идеей предстоящаго пастырскаго служенія? Тогда, поистинѣ вы будете собраны въ этихъ священныхъ стѣнахъ во имя Христово и Христосъ будетъ посредѣ васъ.

Да, други, вы призваны къ великому апостольскому дѣлу—„*блюдите убо, како опасно ходите, не яко немудри, но якоже премудри, испытующе, что есть воля Божія*".— Богъ и правда Божія не въ шумѣ, не въ вихрѣ, не въ огнѣ, но „*во гласѣ хлада тонка*"—поэтому и великое дѣло нравственнаго воспитанія человѣчества совершается не кровавыми войнами, не культурными открытіями, нѣтъ, оно выносится на согбенныхъ плечахъ скромныхъ служителей слова Божія; въ частности твердыня нашей отечественной Церкви, историческая сила нашего народа, опирается не на крѣпости или университеты, но на алтари Божіи съ предстоящими имъ тружениками-пастырями. Каждый смиренный сельскій священникъ совершаетъ не малое дѣло: отъ него зависитъ созидать, или расшатывать основы церковной народной жизни. Поэтому тотъ

семинаристъ, который когда-то мечталъ о міровыхъ подвигахъ, а попалъ на эту скромную дѣятельность въ глухую деревню, можетъ смѣло сказать, что онъ осуществляетъ свои мечты, если только ходитъ достойно своего званія.—А чтобы ходить достойно его, надо теперь, пока вы молоды и чисты душой, пока гнусное сладострастіе и корыстолюбіе еще не овладѣло вами, теперь, пока вы свободны отъ житейскихъ дрязгъ и нуждъ, возгрѣвать огонь св. ревности въ своемъ сердцѣ, усердно занимаясь науками и нравственною жизнью. Внимайте сему дѣлу, возлюбленные братія, внимайте, пока не поздно. „*Ходите въ свѣтѣ, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не иматъ и ходяй во тьмѣ не вѣстъ, камо идетъ; дондеже свѣтъ имате, вѣруйте въ свѣтъ, да сынове свѣта будете*“. Не отлагайте дѣла нравственнаго самовоспитанія: изъ этого св. храма выходите съ животворящимъ крестомъ въ своихъ сердцахъ и побѣждайте имъ искушенія міра. „*Побѣждающаго*—говоритъ Спаситель (Откр. III, 12)—*сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего и онъ уже не выйдетъ вонъ*“ Аминь.

Слово на 14-е ноября [1]).

Въ высокоторжественные царскіе дни, слушатели, сердце русскаго человѣка воспламеняется особеннымъ патріотизмомъ и всякій жаждаетъ съ своей стороны сдѣлать что-либо для блага своего отечества. Тѣмъ болѣе такое настроеніе свойственно бываетъ людямъ молодымъ, готовящимся вступить въ жизнь. Но какой лучшій путь служенія Россіи, служенія Престолу? Отвѣтъ на это намъ даетъ исторія династіи нашего царствующаго Дома. — Едва-ли, братіе, не только русская, но и всемірная исторія могла бы указать царственный родъ, столь дорогой, столь любимый народомъ, какъ домъ Романовыхъ. Слава „Бѣлаго Царя“ гремитъ и на Камчаткѣ, и въ невѣдомой Европѣ сердцевинѣ дикой Азіи, и въ Царьградѣ, и на Бѣломъ морѣ.—Вотъ это то названіе Бѣлаго Царя указываетъ на то свойство доброты и благодатнаго освященія, которое соединяетъ народъ съ мыслью о царѣ. И дѣйствительно, братіе, исторія царственнаго дома имѣетъ освященный церковью ходъ событій. Въ тяжкое, смутное время междуцарствія, кто первый указалъ на Романовскій родъ, какъ достойный, чтобы спасти гибнущую Россію? Великій Гермогенъ, въ польскихъ оковахъ ожидавшій смерти. Откуда взятъ былъ затѣмъ избранникъ Россіи? Изъ

[1]) Произнесено въ церкви Холмской духовной семинаріи 14 ноября 1886 г.

монастыря, отъ рукъ монахини матери вышелъ онъ на царство въ преднесеніи чудотворныхъ иконъ, взятыхъ изъ Москвы и и Костромы. Ему предстояла, въ его отроческіе годы, мудренная задача опять собрать вновь распавшуюся Русь, въ которой многія области, насмотрѣвшись постояннаго низведенія царей, не очень то были склонны къ подчиненію новой власти. Но была власть, которой никто тогда не смѣлъ противиться изъ считавшихъ себя русскими, это власть Патріарха. Вотъ такое-то лицо и было родоначальникомъ новой династіи и оно-то укрѣпило ей вѣрность въ сердцахъ русскихъ. Извѣстно, сколько незамѣнимыхъ услугъ оказалъ престолу Никонъ патріархъ, какъ велико было значеніе его въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи, и въ дѣлѣ начала народнаго образованія, которое въ то невѣжественное суевѣрное время могло быть принято народомъ не иначе, какъ подъ крѣпкимъ даннымъ авторитетомъ іерархіи, ибо въ иномъ случаѣ отъ него отвернулись-бы, какъ отъ ереси. Хорошо понималъ это Петръ I, хорошо понимали и исполняли эту просвѣтительную задачу современные ему святители Димитрій Ростовскій, Іовъ Новгородскій, Стефанъ Рязанскій, которые, несмотря на крайнее стѣсненіе въ денежныхъ средствахъ, устраивали училища, и сами воспитывали учителей народу. Понимали они и то, что даже добрая и полезная сторона Петровской реформы не будетъ принята народомъ, если они не покажутъ ей своего сочувствія. И вотъ, великій угодникъ Божій св. Митрофанъ первый влагаетъ лепту на устройство Черноморскаго флота. Важныя при новомъ строѣ войскъ побѣдоносныя битвы восхваляются іерархами въ рѣчахъ церковныхъ, а дѣло народнаго объединенія совершается даже въ далекой Сибири подвигами двухъ великихъ праведниковъ, Митрополитовъ, — Филоѳея Тобольскаго и св. Иннокентія Иркутскаго.—Такъ введена была реформа при содѣйствіи русскихъ Святителей, такъ и новые порядки не искоренили духа народнаго благодаря тому, что іерархія и на нихъ положила церковное освященіе. Въ послѣдующіе годы прошлаго вѣка то иностранное вліяніе и сила иностранныхъ министровъ подавляла интересы народа, то вновь прорывалось въ высшихъ сферахъ патріотическое сознаніе, и опять польза отечества ставилась на первое мѣсто. И здѣсь мы видимъ, что сообразно этимъ колебаніямъ, то возвышалось, то умалялось значеніе духовенства: оно первое подвергалось общенародной бѣдѣ, напримѣръ, при Биронѣ, но и первое дѣлило съ нимъ царскія милости, напримѣръ, при Елизаветѣ Петровнѣ. Настало время Отечественной Войны 12-го года, когда, дотолѣ презираемый, простой, сѣрый народъ проявилъ великую силу своего духа и своею партизанскою

дѣятельностью побѣдилъ гордаго покорителя Европы. И это движеніе героизма народнаго получило первый толчекъ въ лицѣ уже умиравшаго старца Митрополита Платона, и затѣмъ было питаемо явленіемъ ему святыни церковной, такъ-что и для главной Бородинской битвы одушевляющимъ желаніемъ было принесеніе Чудотворной иконы Богородицы Смоленской.— Здѣсь-то и образованное общество начало уразумѣвать, что въ простомъ народѣ русскомъ главная опора отечества и престола, что народъ сознательно жертвуетъ собою за царя своего, что царь ему дорогъ именно по тому изобилію благодати Божіей, которое изливалъ Господь на его родъ, начиная съ самаго его воцаренія. Эти-то взгляды о церковномъ характерѣ народнаго духа, народной преданности престолу, взгляды, опредѣлявшіе уже сами по себѣ и то направленіе внутреиней политики, которое наиболѣе полезно для отечества, и начали проповѣдывать наши великіе патріоты пятидесятыхъ годовъ: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковъ, Самаринъ. Они проводили ихъ въ богословскихъ и въ филосовскихъ, и въ историческихъ, и въ политическихъ, и литературныхъ произведеніяхъ, проводили ихъ въ дѣятельности административной, ученой и воспитательной, внѣдрили подобное направленіе во всѣ отрасли отечественной жизни. — Ихъ труды не остались безслѣдны, и въ прошлое царствованіе Государевы милости начали сыпаться на народъ въ изобиліи: онъ былъ освобожденъ отъ двухсотлѣтняго рабства, ему дарованъ равный со всѣми судъ и школы, и облегченіе солдатчины. Въ нынѣшнее царствованіе ему даются милости, еще болѣе ему дорогія, различныя преимущества въ жизни церковной т. е. церковно-приходскія школы, внѣбогослужебныя собесѣдованія, облегченіе хожденія къ св. мѣстамъ и пр. Такъ-то наши государи истинно по-царски воздаютъ сторицею народу за его преданность къ ихъ роду, такъ что и общество начинаетъ сознавать уже повсемѣстно, что народъ нашъ любитъ то и тѣхъ, кто идетъ къ нему отъ Бога. Въ этомъ съ особенною силою убѣдительности онъ удостовѣрилъ всѣхъ, съ негодованіемъ изгнавъ своихъ противоцерковныхъ учителей шестидесятыхъ годовъ, не смотря на обѣщанія золотыхъ горъ.—Вотъ, братіе, какой великій урокъ даетъ намъ исторія и дѣятельность нынѣ царствующаго дома! Изъ нея должны уразумѣть и мы свою задачу, свой долгъ по отношенію къ народу, къ отечеству, къ престолу.

Вотъ сегодня, когда Церковь собираетъ насъ въ священныя свои стѣны для молитвы за царицу русскую, когда сердца нашихъ соотечественниковъ пылаютъ патріотическимъ жаромъ, теперь-то, братіе, подумайте о своемъ призваніи, о томъ слу-

женіи, котораго ждетъ отъ насъ народъ и отчизна, котораго ждетъ отъ насъ и другой Царь — Небесный, по выраженію современныхъ грековъ, родившійся въ Виѳлеемѣ, но живущій въ Россіи. Да, братіе, Христосъ Спаситель обитаетъ въ народѣ русскомъ, обитаетъ потому, что послѣдній, какъ мы видѣли, есть не столько политическая, сколько религіозная, церковная единица, потому что нѣтъ знамени, подъ которымъ собрался-бы народъ русскій, кромѣ знамени Христова. Христосъ обитаетъ въ народѣ русскомъ, т. е. нѣтъ народа, столь преданнаго Его подвигу самоуниженія, самоотверженія и милосердія. Христосъ будетъ обитать наипаче въ тѣхъ, кто продолжитъ подвигъ Его въ качествѣ русскаго пастыря и учителя, и будетъ свѣтить міру свѣтомъ Его совершенствъ, дабы имя Его славилось на землѣ. „Тако да просвѣтится и свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца Вашего, иже есть на небесѣхъ“.—Итакъ, братіе, нашъ родъ служенія народу и отечеству еще тѣмъ выше всякаго иного служенія, что переходитъ предѣлы мѣстъ и времени и возносится къ Вездѣсущему, Вѣчному Богу. Аминь.

Слово въ день апостола Матѳея [1]).

Сегодня, братіе, св. Церковь празднуетъ память Апостола Христова и Евангелиста Матѳея. Намъ, готовящимся къ апостольскому служенію, эти праздники должны быть особенно близки и назидательны, но служеніе св. Апостола Матѳея имѣетъ еще частнѣйшія черты сходства съ нашимъ будущимъ служеніемъ. Дѣло въ томъ, что тогда, какъ другіе Апостолы проповѣдывали Христа язычникамъ, проповѣдывали, стало-быть, новую вѣру — св. апостолъ Матѳей обратился съ проповѣдью къ іудеямъ и для нихъ то главнымъ образомъ написалъ свое евангеліе, въ которомъ Духъ Божій указываетъ, что Іисусъ есть именно обѣтованный въ Ветхомъ Завѣтѣ Мессія, что Его ученіе не нарушаетъ закона и пророковъ, но исполняетъ ихъ, что для сыновъ Израиля Его ученіе не есть иное, чуждое Моисею, но напротивъ подлинное исполненіе того, о чемъ гадали пророки. Братіе! и Ваша будущая паства, подобно іудеямъ, потеряла истинное разумѣніе своей древней вѣры, такъ-что послѣднее и понынѣ представляется для ней новой, чуждой вѣрой. И вамъ — будущимъ пастырямъ уніатскихъ приходовъ, какъ Евангелисту Матѳею, придется дока-

---

[1]) Произнесено 16 ноября 1885 г. въ церкви Холмской дух. семинаріи.

зывать имъ, что православная вѣра не есть иная, чѣмъ та, которой они преданы, что уніатское исповѣданіе носитъ въ себѣ гибельное раздвоеніе, а все истинное въ ней имѣетъ свое дѣйствительное оправданіе въ вѣрѣ православной, что какъ истинный ученикъ Моисея долженъ былъ слѣдовать за Христомъ, такъ и истинный чтитель грековосточныхъ уніатскихъ обрядовъ долженъ стремиться въ ту Церковь, Церковь Православную, въ которой эти обряды только и получаютъ свой смыслъ и значеніе. Но, братіе, только та проповѣдь даетъ плоды, которая не расходится съ жизнью проповѣдника, такъ и св. Матѳей, проповѣдуя единство обоихъ завѣтовъ, обоихъ ученій: Христова и Моисеева, — самъ былъ истымъ израильтяниномъ, не переставая быть христіаниномъ, самъ совмѣщалъ въ духѣ своемъ оба Завѣта, а вовсе не сближалъ ихъ ради одной популярности, или ради одного только воздѣйствія на соотечественниковъ. Поэтому, тяжело грѣшитъ предъ истиной Христовой и проповѣдникъ, если онъ позволяетъ себѣ говорить то, во что самъ не вѣруетъ, ради только возбужденія ревности въ слушателяхъ, какъ это допускается въ Церкви латинской, дозволяющей священнику распространять различныя даже суевѣрія и насаждать нехристіанскія чувства, чтобы крѣпче подчинять паству власти церковной. Вотъ почему, братіе, готовясь быть проповѣдниками святости древнихъ чиновъ и учрежденій нашей Церкви, т. е. привлекать къ ней народъ на основаніи его привязанности къ родной, къ *своей* старинѣ, мы и въ себѣ обязаны, неотложно обязаны воспитывать нелицемѣрную, искреннюю и сердечную любовь къ Православному богослуженію, къ установленному церковью способу нашего молитвеннаго воспитанія въ вѣрѣ и христіанской жизни для улучшенія вѣчнаго спасенія. — Я не буду говорить, братіе, о томъ, насколько поистинѣ назидательна, свята и дѣйственна служба Божія — въ этомъ съ неотложною и неизбѣжною необходимостью убѣждается каждый, кто хоть сколько-нибудь печется о главной цѣли человѣческаго существованія, т. е. о своемъ нравственномъ развитіи. Да, кто пытается бороться со страстями плоти, со страстями гнѣва и самолюбія, тотъ скоро пойметъ совершенную невозможность этой борьбы безъ молитвы, безъ вѣры въ дары божественной благодати, тотъ скоро оцѣнитъ и незамѣнимое для сей цѣли достоинство содержанія нашихъ молитвъ и пѣснопѣній. Я не буду говорить объ этихъ достоинствахъ, но укажу, братіе, на то удобство, которымъ мы всѣ пользуемся здѣсь въ семинаріи для развитія въ себѣ любви къ учрежденіямъ церковнымъ, любви *къ своему*, къ родному, столь необходимой для проповѣдника или пастыря уніатскаго прихода.—Вездѣ хороша

и умилительна православная служба Божія; но особенно сильно дѣйствуетъ она на сердце, когда ея совершители и слушатели не чужіе другъ другу люди, когда о ея благолѣпіи заботятся и тѣ и другіе вмѣстѣ посредствомъ общаго пѣнія и очереднаго чтенія, когда, такимъ образомъ, общество, объединенное какою-либо единою цѣлью, здѣсь во св. храмѣ Божіемъ, объединяется еще тѣснѣе, объединяется общимъ прославленіемъ Бога и Создателя, объединяется Самимъ Христомъ, „Который и нынѣ посредѣ насъ, сохраняяй вхожденіе твое и исхожденіе твое". А если обратить вниманіе еще на то, что самое-то общество наше объединено не *какою-нибудь* цѣлью, но цѣлью Апостольскаго служенія, то какъ сердечно должны мы умиляться, присутствуя здѣсь подъ осѣненіемъ благодати Христовой и участвуя вновь и вновь въ Его жертвѣ, которой проповѣдниками мы готовимся быть. Здѣсь-то мы должны думать о своемъ призваніи, здѣсь-то вспоминать, обращенныя къ намъ, слова апостола: „нѣсте странни и пришельцы, но сожители святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу". И горе, братіе, тѣмъ ученикамъ, которые не желаютъ сознавать своего единства со школою, горе тѣмъ, которые стараются лишь указывать себѣ и другимъ на промахи и отступленія своихъ руководителей и товарищей! И промахи эти и отступленія не только бываютъ, но и всегда будутъ, п. ч. дѣло воспитанія, а тѣмъ болѣе воспитанія духовнаго, столь трудное, что во мнѣніяхъ о немъ не сходились между собою великіе мудрецы и праведники между іерархами; но вѣдь на то и существуетъ любовь и молитва, ради которой мы сходимся въ этотъ храмъ, чтобы просить Господа помощи — для принятія къ сердцу лишь добрыхъ и должныхъ отношеній къ намъ людей, и для прощенія дурныхъ, чтобы молиться другъ за друга, а не гнѣваться, молиться особенно за тѣхъ, кому поручено управленіе ближними, наипаче-же душами ближнихъ, какъ дѣло столь трудное, столь неудобоисполнимое безъ высшей помощи. Не утаимъ и мы — наставники, что къ сожалѣнію далеко не всегда встрѣчаемъ съ вашей стороны должнаго исполненія вашихъ гораздо простѣйшихъ обязанностей, чѣмъ наши, что готовы бываемъ впасть иногда въ унынie, терять надежду на то, что воспитаемъ изъ васъ добрыхъ пастырей, а не обыденныхъ наемниковъ — эгоистовъ. Но здѣсь въ этомъ св. храмѣ, когда вы въ тѣсныхъ рядахъ юношескими голосами славите Господа въ пѣснопѣніяхъ церкви Православной, когда видишь молитвенное оживленіе на вашихъ юныхъ лицахъ, то вновь возгорается надежда, вновь не желаешь думать, что всему этому доброму суждено безвозвратно

погибнуть въ тинѣ житейскихъ страстей и дрязгъ, и вновь съ надеждой взываешь мысленно ко Господу: „Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси намъ, да будутъ едино. Не мало да возьмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни. Святи ихъ во истину Твою, слово Твое истина есть“. Да, братіе, учитесь же здѣсь во св. храмѣ сознавать свое единство съ вашею духовною школою, научайтесь здѣсь любить и прощать, и такимъ образомъ въ полнотѣ уразумѣвать и всѣмъ сердцемъ привязываться къ православному храму, къ православнымъ учрежденіямъ, чтобы прививать эту любовь къ тѣмъ будущимъ прихожанамъ вашимъ, которые потеряли ее по недоразумѣнію, какъ іудеи, не узнавшіе во Христѣ исполненія своего собственнаго закона Моисеева. Тогда-то вы будете достойными носителями жребія апостольства и, какъ таковые, получите данныя апостоламъ обѣтованія въ прощальной молитвѣ нашего Спасителя, заключившаго ее словами: „Отче ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу, юже далъ еси Мнѣ, якоже возлюбилъ еси Мене прежде сложенія міра. Отче Праведный, и міръ Тебѣ не позна, Азъ же тя познахъ и сіи познаша, яко Ты Мя послалъ еси. И сказахъ имъ имя Твое и скажу, да любы, еюже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ“. Аминь.

Бесѣда въ навечеріе свв. Праотецъ [1]).

Православные слушатели! Сегодняшняя воскресная служба есть послѣдняя въ этомъ году, которую большинство слушаетъ въ семинарской Церкви. Слѣдующая чрезъ недѣлю—воскресное навечеріе встрѣтитъ васъ на разныхъ концахъ Польши и Волыни, подъ кровлею отеческихъ домовъ.—Вы вѣроятно съ нетерпѣніемъ ожидаете той минуты, когда снова увидитесь съ близкими сердцу родными и предадитесь покою послѣ четырехмѣсячныхъ трудовъ. Эти чувства, эти ожиданія разумѣется вполнѣ естественны и законны, но не законны-ли и естественны и нѣкоторыя другія мысли и чувствованія съ Вашей стороны? Вѣдь вы не просто ученики, школьники, дожидающіеся роспуска по домамъ, васъ ожидаетъ, о васъ волнуется не одна только семья каждаго изъ васъ; нѣтъ—вы надежда цѣлой Холмской Руси, ваша семья—это весь народъ Холмскій; ваша школа не есть только мѣсто, въ которомъ заучиваютъ и отвѣчаютъ уроки—нѣтъ, это

[1]) Произнесена 13 декабря 1886 г. въ церкви Холмской Дух. Семинаріи.

священный разсадникъ высшаго духовнаго, евангельскаго просвѣщенія! Изъ всѣхъ этихъ особенностей или, вѣрнѣе сказать, высокихъ преимуществъ вашего ученическаго быта, понятно, съ какими чувствами и съ какими намѣреніями должны вы разставаться со своею alma mater на рождественское время.—Сознавая то высокое назначеніе, которое соединяетъ васъ подъ ея священнымъ кровомъ, вы должны любить свою семинарію, независимо отъ всѣхъ кажущихся вамъ или дѣйствительныхъ непріятностей, которыя вы соединяете съ представленіемъ о ней, потому-что подобнаго рода непріятности отсутствуютъ только въ блаженномъ обществѣ духовъ рая. Вы должны любить свою семинарію и, покидая ее на время вакацій, не рваться всѣми силами души прочь отсюда, но съ благоговѣніемъ оглянуться на святой крестъ, возглавляющій это зданіе и подумать о томъ крестѣ, который вы приняли на себя, поступивъ въ число учениковъ духовной школы, по слову Господа: „той рабъ, вѣдый волю Господа своего, и не сотворивъ, не уготовавъ волю Его, біенъ будетъ много“. Вы должны затѣмъ, обративъ свой взоръ внизъ на домъ, подумать о томъ, какъ слѣдуетъ вамъ относиться въ продолженіе вакаціи къ жизни, къ людямъ и въ частности къ народу. — Большая часть юношества не предначертываетъ себѣ опредѣленныхъ правилъ жизни, а поступаетъ по внушеніямъ минутныхъ чувствъ, то добрыхъ, то порочныхъ, и такимъ образомъ, поддаваясь всякому впечатлѣнію, является, яко трость, вѣтромъ колеблема, лишенная всякаго постоянства. Не такъ должно поступать намъ, братіе! Какъ представители школы церковной, воспитанія христіанскаго, мы обязаны въ своемъ поведеніи и бесѣдахъ проявлять христіанское настроеніе. Посмотрите на нашъ народъ, посмотрите съ какою охотою готовъ онъ слушать о Богѣ, о святыхъ Его, о Церкви, о Евангеліи. Посмотрите и на то, какъ рѣдко исполняется его стремленіе къ благочестію, какъ мало образованныхъ людей изъявляютъ готовность споспѣшествовать религіознымъ интересамъ народа. Вотъ вамъ - то предлежитъ служить народу, алчущему духовно, этою духовною пищею. Немного нужно житейской опытности и знанія, чтобы одному понимать Евангеліе или духовную книжку, разсказать что-нибудь о святомъ и т. д. Это можетъ сдѣлать даже ученикъ младшаго класса, даже мальчикъ. А кто имѣетъ полномочіе произносить поученія съ церковной каѳедры, тотъ не долженъ лѣниться и небречь о селѣ. Не должно отговариваться ни молодостью, ни неопытностью въ назиданіи. Назиданіе бываетъ различнаго рода. Если оно состоитъ въ изложеніи своего духовнаго опыта, то такого рода назиданіе

приличествуетъ разумѣется старцу, лицу, облеченному въ священный санъ. Но назиданіе чрезъ заимствованіе истинъ изъ Божественнаго ученія доступно всякому изучающему его, чтобы оно было дѣйственно-достаточно добраго желанія, молитвы къ Богу и любви къ ближнимъ. Желаніе порождаетъ соотвѣтствующее настроеніе, а настроеніе — наученіе. Чтобы сохранять такое благочестивое настроеніе, братіе, нужно расходиться изъ этой святой обители не съ нетерпѣливымъ легкомысліемъ, но съ молитвой о помощи Божіей для доброй жизни. — Такъ именно всегда и разставались другъ съ другомъ люди, соединенные общимъ подвигомъ. Такъ древнихъ обителей иноки, имѣвшіе обыкновеніе на весь великій постъ уединяться по окрестнымъ пещерамъ и пустынямъ, въ прощальное воскресенье послѣ вечерней трапезы, воспѣвали пасхальныя пѣсни съ тѣмъ, чтобы подѣлиться радостью воскресенія Христова предъ разставаніемъ, можетъ быть послѣднимъ, ибо каждому изъ нихъ грозила одинокая смерть въ пустынѣ отъ непогоды, или голода, или дикихъ звѣрей. Затѣмъ, когда праздникъ Пасхи снова соединялъ ихъ другъ съ другомъ въ обители, то они, вдохновленные молитвенными и созерцательными подвигами, не удручались горемъ, если не досчитывали нѣкоторыхъ изъ среды своей, твердо уповая, что ихъ скончавшіеся братія уже непосредственно лицомъ къ лицу видятъ воскресшаго Господа. Такъ временное разставаніе ихъ служило не къ умаленію ихъ ревности, но къ возвышенію ея, потому что оно совершалось при общей молитвѣ, при ясномъ напечатлѣніи цѣли уединенныхъ подвиговъ. Такъ и вы, братіе, разставаясь съ семинаріей, вслушивайтесь въ воспѣваемыя ублаженія рождающагося Господа и соединяйте съ ними мысль о томъ, чтобы ходить достойно званія будущаго проповѣдника Христова. Есть русская пословица: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь; итакъ, если вы пойдете отсюда по весямъ Привислянскимъ и Волынскимъ для того, чтобы, наблюдая жизнь, еще болѣе назидаться евангельскимъ духомъ братолюбія, то, вмѣсто того, чтобы губить въ эти недѣли тѣ познавательныя и нравственныя сокровища, которыя вы пріобрѣтаете здѣсь, вы-бы еще пріумножили ихъ, соотнося евангельскія истины съ дѣйствительною жизнью. Сегодняшнее утреннее Евангеліе повѣствуетъ намъ о прощаніи Господа Іисуса съ учениками Своими; говорится, что они возвратились съ радостью великою съ горы Елеонской, послѣ Его вознесенія на небо. Чѣмъ-же объяснить эту радость? А тѣмъ, что св. Апостолы, принявъ чрезъ дуновеніе устъ Господнихъ просвѣщеніе Духа Сватаго, уразумѣли въ полнотѣ Христову истину и, нося ее въ сердцѣ, сознавали свою близость къ Божественному Учителю еще

живѣе, чѣмъ во время своей внѣшней тѣлесной близости съ Нимъ. Такъ и вы, братіе, если будете вносить, по мѣрѣ силъ и средствъ, въ народную жизнь тѣ христіанскія начала, которыя преподаются вамъ въ семинаріи, то будете съ нею всегда въ духовномъ единеніи не только во время временной разлуки, но и по окончаніи курса ученія. А это единеніе будетъ вдохновлять васъ ревностью въ дѣлѣ насажденія царствія Божія. Аминь.

Слово на день св. Димитрія Ростовскаго [1]).

Православія ревнителю и раскола искоренителю. Россійскій цьлебниче и новый къ Богу молитвенниче, цьвнице духовная, Димитріе Блаженне!..

Между безчисленнымъ сонмомъ угодниковъ Божіихъ Св. Димитрій Ростовскій особенно долженъ быть близокъ намъ и задачѣ нашей жизни. Онъ не далекъ отъ насъ и по времени, и особенно близокъ намъ по мѣсту и по предметамъ своей дѣятельности. Жилъ онъ менѣе, чѣмъ 200 лѣтъ назадъ, въ царствованіе Петра Великаго, былъ ученикомъ Кіевской Академіи, а затѣмъ, наперерывъ приглашаемый изъ города въ городъ свѣтскими и духовными властями, равно цѣнившими его высокія дарованія и св. жизнь, онъ, въ санѣ молодого іеромонаха и потомъ игумена, переходилъ изъ одного города въ другой,—изъ Кіева въ Черниговъ, Вильну, Слуцкъ, Батуринъ, Новгородъ Сѣверскій, проповѣдуя и утверждая православіе. Сынъ малороссійскаго сотника, обладавшій богатыми талантами, онъ оставилъ мірскую жизнь и, принявъ монашество, при всемъ множествѣ своихъ ученыхъ и проповѣдническихъ трудовъ, охотно предался не менѣе труднымъ аскетическимъ подвигамъ. Строгій къ самому себѣ, онъ для своихъ современниковъ былъ яркимъ отблескомъ Того Добраго Пастыря, Который душу свою полагаетъ за овцы. Вотъ, братіе, съ этой стороны ревностнаго, неутомимо просвѣтительнаго служенія, характеръ Св. Димитрія долженъ служить намъ высокимъ примѣромъ во всѣхъ его чертахъ. И первою изъ нихъ—была его любовь къ народу, который онъ поучалъ, назидалъ и утѣшалъ своимъ словомъ.—А когда онъ призванъ былъ на высокое служеніе въ санѣ митрополита Ростовскаго, тогда подвиги его пастырской ревности обнаружились въ еще выс-

---

[1]) Произнесено въ церкви Холмской духовной Семинаріи. Напечатана впервые въ „Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстникѣ“, 1887 г., № 1.

шей степени. Съ мудростью и кротостью св. Димитрій несъ возложенное на него иго, неустанно заботясь о просвѣщеніи и спасеніи ввѣренной ему паствы. Здѣсь онъ встрѣтилъ невѣжественныхъ раскольниковъ и обратилъ на нихъ свое ревностное вниманіе и попеченіе, чтобы словами снисхожденія и любви привлекать ихъ въ лоно св. Церкви. Плодами пастырской просвѣтительной дѣятельности св. Димитрія были его многочисленныя высоко назидательныя писанія, въ которыхъ высота евангельскихъ истинъ соединена съ простотою изложенія и приближена къ народному разумѣнію. Чтобы доставить своей паствѣ просвѣщенныхъ пастырей и наставниковъ, Св. Димитрій открылъ въ Ростовѣ при своемъ домѣ духовное училище, бывшее самою дорогою для его сердца святынею. Онъ часто посѣщалъ учениковъ, испытывалъ ихъ въ успѣхахъ и часто самъ принималъ на себя труды наставника. Онъ смотрѣлъ на учениковъ своего училища, какъ на удѣлъ Божій, принесенный въ жертву Господу.—Вотъ почему Св. Димитрій Ростовскій близокъ къ намъ, братіе, вотъ почему этотъ любвеобильнѣйшій наставникъ народа русскаго долженъ мыслиться вами, какъ вѣрный образъ пастырскаго служенія и какъ живой укоръ для тѣхъ, кто отнесется къ этому служенію съ небреженіемъ; о такихъ Святитель сказалъ бы: „позна волъ стяжавшаго его, Израиль-же не позна Господа своего“. Память о Св. Димитріи должна быть жива въ каждой русской семинаріи, точно такъ же, какъ въ Ростовскомъ училищѣ, гдѣ и нынѣ виситъ лампада на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Вспомните, братіе, что и въ послѣдній день своей жизни онъ призвалъ къ себѣ своихъ учениковъ-пѣвчихъ для пѣнія составленныхъ имъ самимъ духовныхъ пѣсней: „Іисусе Мой прелюбезный! Надежду Мою въ Бозѣ полагаю, Ты Мой Богъ, Іисусе, ты моя радость!“ Затѣмъ, отпустивъ своихъ пѣвцовъ, онъ уединился и, преклонивъ колѣни, предалъ духъ свой Господу. Господь сторицею воздаетъ любящимъ Его, и вотъ, на мѣстѣ кончины Святителя въ теперешнемъ Ростовскомъ училищѣ виситъ неугасимая лампада уже не за упокой его души, но предъ его св. образомъ! Этотъ образъ, братіе, долженъ носить въ сердцѣ своемъ всякій семинаристъ русскій и мысленно взирать на него, исходя на воздѣлываніе той сорной нивы, надъ которой трудился св. Димитрій. Вы, будущіе продолжатели его дѣла, вы, „сожители святымъ и присніи къ Богу“, всмотритесь въ черты жизни сего св. мужа! Помните, что онъ не изъ пустыни вышелъ, а былъ такимъ-же семинаристомъ, какъ каждый изъ васъ, вращался въ такомъ-же разсѣянномъ, мірскомъ обществѣ, но при всемъ томъ онъ умѣлъ такъ себя настроить,

чтобы видѣть духовными очами возлюбленнаго ему Господа Іисуса, видѣть грѣхъ, разъѣдающій человѣчество, видѣть это, но не унывать и не щадить себя, ради спасенія людей, всѣми своими силами, всѣми знаніями, всею жизнью. Подкрѣпленіе для своихъ нравственныхъ силъ онъ съ юныхъ лѣтъ находилъ въ житіяхъ святыхъ, собраніемъ и изданіемъ которыхъ онъ доставилъ всему русскому народу любимѣйшее чтеніе, а себѣ безсмертную славу. При этомъ чтеніи пусть подражаетъ ему всякій юный борецъ жизни! И такъ, братіе, „толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей", жизнь коихъ описана св. Димитріемъ, а въ томъ числѣ и его самого,—„терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ",—на подвигъ борьбы съ княземъ міра сего, на подвигъ насажденія святой вѣры и добродѣтели! Да останется неизгладимо въ сердцахъ и умахъ вашихъ свѣтлый образъ мудрой и любвеобильной пастырской дѣятельности св. Димитрія! Пусть св. молитва его, нынѣ съ высоты небесъ презирающаго на тѣхъ, кто готовится продолжать дѣло его въ нашемъ отечествѣ, ниспошлетъ намъ благодатную помощь отъ Начальника вѣры и Совершителя Іисуса. Аминь.

Слово на день св. апостола Іоанна Богослова [1]).

Православные слушатели! Сегодняшній праздникъ въ честь св. апостола Іоанна Богослова считается по преимуществу семинарскимъ праздникомъ на Руси; потому что празднуемаго нынѣ св. апостола церковь Христова отличила наименованіемъ Богослова и онъ былъ и на всѣ времена останется образцомъ истинно-христіанскаго, православнаго богословія, которое составляетъ главнѣйшій предметъ семинарскаго образованія. Потому-то многія изъ церквей семинарскихъ посвящены сему св. апостолу; потому-то и мы совершаемъ нынѣ высокопоучительное торжество въ честь сего небеснаго покровителя нашей обители наукъ.

Чѣмъ-же именно поучительно для насъ настоящее торжество? Къ ясному отвѣту на этотъ вопросъ послужитъ разъясненіе другого вопроса: почему именно Церковь Христова усвоила святому апостолу Іоанну отличительное наименованіе Богослова?—Въ Евангеліи замѣчено о немъ, какъ объ ученикѣ, *котораго любилъ Іисусъ* (Іоан. XIII, 23), преимущественно

[1]) Произнесено въ церкви Холмской духовной Семинаріи. Напечатано впервые въ „Холмско-Варшав. Епарх. Вѣстникѣ" 1887 г., № 6.

предъ другими учениками. Но любовь Христова отличается отъ обыкновенной любви человѣческой; она чужда всякаго пристрастія; она любитъ столько, сколько предметъ того заслуживаетъ. Кто творитъ волю Отца Небеснаго, какъ сказалъ Самъ Спаситель, тотъ Ему братъ, и сестра и матерь (Матѳ. XII, 50). Значитъ, основаніе преимущественной любви Христовой къ апостолу Іоанну заключается въ собственной его любви къ Богу и посланному Имъ Іисусу Христу. Одушевленный сею святою любовію ученикъ Христовъ не отсталъ отъ своего возлюбленнаго Учителя и тогда, когда Онъ висѣлъ на крестѣ, когда всѣ другіе ученики Его разбѣжались отъ страха. Сему-то одушевленію святою любовію должно приписать ту глубину и высоту боговѣдѣнія, которыя усматриваются во всѣхъ писаніяхъ Св. Іоанна. Онъ писалъ такъ потому, что зналъ сердце Христа Спасителя, а зналъ это потому, что собственное сердце его исполнено было небеснаго чувства любви къ Господу. Любовь приблизила Іоанна ко Христу Спасителю. Любовь открыла ему тайны Божественнаго лица Христова и Его дѣяній: вѣчное бытіе, рожденіе отъ Отца и божественность Слова, соединеніе Его съ человѣчествомъ въ лицѣ Господа Іисуса, дѣйствительность присутствія тѣла и крови Богочеловѣка подъ видомъ хлѣба и вина,—эти тайны Божественнаго лица Христова никѣмъ не описаны съ такою ясностью, какъ святымъ Іоанномъ. И вотъ почему св. Церковь отличила сего апостола любви наименованіемъ Богослова.

Не тоже ли качество должно отличать и всякаго богослова и всякаго учащагося богословію? Можно знать истины вѣры однимъ умомъ и памятью; но какъ бѣдно и безплодно такое знаніе! Только святая любовь производитъ тѣсный и дѣйствительный союзъ человѣка съ Богомъ и Христомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — твердую вѣру и живое упованіе. По свидѣтельству Самого Христа Спасителя на любви къ Богу и ближнимъ утверждаются законъ и пророки (Матѳ. XXII, 40). Помните же, братіе, что вамъ, посвятившимъ себя на изученіе закона, пророковъ и апостоловъ, — если это изученіе не утвердитъ васъ въ любви и не утвердится вашею любовью,— помните, что вамъ придется дать строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ, когда Праведный Судія всѣмъ чуждымъ любви къ Богу и ближнимъ скажетъ: „*Взалкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене, страненъ бѣхъ, и не введосте Мене, нагъ и не одѣясте Мене, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене... Идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его; понеже-бо не сотвористе единому братій моихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе*“. Убоимся-же, братіе,

этого страшнаго гласа, и посвятимъ всю свою жизнь, всѣ свои силы и труды на служеніе меньшей братіи Христовой, будемъ воспитывать въ себѣ искреннее къ ней сочувствіе, чтобы на пастырскомъ или, сначала, на учительскомъ поприщѣ свѣтить міру тою-же любовью, которою свѣтилъ празднуемый нынѣ покровитель нашей школы, апостолъ Іоаннъ Богословъ. Если вы теперь—въ лѣтахъ юности воспитаете въ себѣ любовь къ людямъ, то и не нужно будетъ устрашать васъ грознымъ судомъ Божіимъ для возбужденія ревности. Почему? А потому, отвѣчаетъ апостолъ Іоаннъ, что *„въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ“*. Эта любовь открыла-бы вамъ доступъ въ сердца всѣхъ окружающихъ васъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно подготовила бы васъ къ великому служенію пастырскому; эта любовь, прибавляю еще, удобно привела бы васъ къ ближайшей цѣли вашего здѣсь воспитанія, т. е. къ изученію Божественнаго закона; ибо, гдѣ любовь, тамъ и богопознаніе. Это не мои слова, это слова нашего св. учителя Іоанна: *„Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога; и всякъ любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; потому что Богъ есть любовь. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга; то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ“*. Недаромъ же св. Церковь ему—апостолу любви усвоила имя Богослова. Вотъ значитъ въ чемъ тайна богословія—въ любви. Эта любовь возвышаетъ въ насъ вѣру въ Бога, а послѣдняя снова возгрѣваетъ въ насъ любовь, и такимъ-то образомъ любовь и богопознаніе, укрѣпляя другъ друга взаимно, приготовятъ васъ къ высокимъ подвигамъ пастырскаго служенія, гдѣ любовь должна горѣть яркимъ свѣтильникомъ, гдѣ любовь къ людямъ во Христѣ свѣтитъ міру и согрѣваетъ всѣхъ вѣрующихъ. Вотъ почему, братіе, нашъ небесный покровитель, нашъ великій учитель любви, когда уже столѣтняя старость и недуги отняли у него ноги для хожденія въ церковь и замкнули его уста для продолжительныхъ поученій, велѣлъ приносить себя въ церковное собраніе и только взывалъ: дѣти, любите другъ друга! А когда у него спросили, зачѣмъ онъ повторяетъ всегда одно и то же, онъ отвѣчалъ: „это заповѣдь Господня; если ее исполните во всей широтѣ, то и весь законъ Христовъ будетъ исполненъ нами“. И къ намъ нынѣ повторяетъ онъ извѣстныя свои слова: *„возлюбленные, пишу вамъ не новую заповѣдь, но заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала. А заповѣдь Божія та, чтобы вѣровали во І. Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ“*; онъ зоветъ

насъ идти со словомъ утѣшенія и участія ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, скорбящимъ, озлобленнымъ, унывающимъ, отчаявающимся и погибающимъ, чтобы всѣхъ оживлять любовію Христовою. Помните же, братіе, что любовь открываетъ намъ тайны богословія, что самыя высокія истины боговѣдѣнія усвояются умомъ нашимъ только при чистотѣ сердца, какъ сказалъ Спаситель: *„чистіи сердцемъ Бога узрятъ“*. Не оставляйте же, братіе, готовиться къ предстоящему вамъ служенію пастырскому въ духѣ нашего небеснаго покровителя, наставника любви и Богослова. Возгрѣвайте сердца свои любовью, дабы затѣмъ свѣтить міру боговѣдѣніемъ, какъ апостолъ Іоаннъ. Тогда не напрасно вы здѣсь учитесь, тогда вы будете въ правѣ сказать съ апостоломъ Іоанномъ: *„Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви—въ Богѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“* (Іоан. I, 4, 16). Аминь.

Слово къ студентамъ Петербургской Дух. Академіи [1]).

Когда благоустроенная семья соединяется въ родномъ домѣ на общемъ праздникѣ и наслаждается дружеской бесѣдой вокругъ обильной трапезы, и если въ это время лютая мятель завываетъ на дворѣ, и мерзлые хлопья снѣга стучатъ въ окна: то не обратится-ли мысль празднующихъ собесѣдниковъ отъ своего радостнаго торжества къ положенію тѣхъ, которые въ это время блуждаютъ на трескучемъ морозѣ въ полѣ по занесеннымъ дорогамъ, съ трудомъ, а то и совершенно тщетно, отыскивая пути, тщетно ожидая, что кто-либо выйдетъ изъ села избавить ихъ отъ совершенной погибели въ снѣжной пустынѣ?

Нынѣ, братіе, Академія наша, собравшаяся въ нашъ родной храмъ праздновать годовой день своего рожденія, объединенная христіанскимъ просвѣщеніемъ и взаимною любовью, подобна той семьѣ, пирующей въ непогоду. Окинемъ-же и мы мысленнымъ взоромъ внѣшнюю намъ общественную жизнь, на полѣ которой свирѣпствуютъ всякія невзгоды. Въ этотъ день, когда общее торжество окрыляетъ духъ каждаго, отрѣшаетъ его отъ мелочныхъ своекорыстныхъ заботъ минуты и расширяетъ сердца наши взаимнымъ объединяющимъ ихъ со-

---

[1]) Произнесено въ церкви С.-Петер. Дух. Академіи въ день годичнаго акта 17 февраля 1888 г.

чувствіемъ, въ эти священныя минуты, когда мы готовимся заключить наше благодарственное богослуженіе: — подумаемъ о разнаго рода путникахъ, погибающихъ въ духовномъ заблужденіи и холодѣ. Кто эти путники? О, ихъ много, очень много! Это, во-первыхъ, ближайшее къ намъ по внѣшнему положенію учащееся юношество свѣтское, почти вовсе лишенное религіозно-нравственнаго руководства, блуждающее безплодно и нерѣдко безнадежно по распутіямъ разныхъ вѣчно смѣняющихся обманчивыхъ направленій мысли и жизни. Свѣтское юношество, съ четырнадцати лѣтъ подпадающее разврату, съ шестнадцати лѣтъ скептицизму, съ двадцати лѣтъ практическому пессимизму въ смыслѣ подрыва вѣры въ общія правила честности и человѣколюбія—это тѣ несчастные, которые, ища истины и тщетно стараясь ее найти, съ отчаянія бросаются въ крамольническія шайки и губятъ себя и другихъ, или, терзаясь отсутствіемъ вѣры и руководителей къ ней, рѣшаются покончить съ собственною жизнью. Это одни путники. Другіе— ихъ-же слѣпые вожди, различные общественные дѣятели — педагоги и публицисты, лишенные всякихъ твердыхъ принциповъ, аффективно вѣрующіе или, не вѣря, проповѣдующіе какія-либо фантастическія теоріи, имѣющія перевернуть міръ; а на самомъ дѣлѣ столь легковѣсная, что въ нихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ разувѣряются и сами проповѣдники, послѣ чего и мѣняютъ одну теорію на другую, пока не доходятъ до безысходнаго пессимизма и вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ отрицательной европейской философіи объявляютъ жизнь безсмысленнымъ коловращеніемъ, проклинаютъ всѣ свои прежнія знамена и съ саркастическимъ мучительнымъ ожесточеніемъ сходятъ въ могилу, окружаемые недоумѣнною печалью своихъ умныхъ почитателей. Это второй родъ путниковъ жизни. Третій родъ—это тѣ руководители общества, которые, забывъ свои обязанности о самоотверженномъ служеніи государству, заковываютъ подчиненныя имъ области народной жизни въ рамки мертвой казенщины, обнимая свое сердце жаждой денегъ и отличій. Они не признаютъ себя блуждающими по сугробамъ, увѣрены, что идутъ по прямому пути, но на самомъ дѣлѣ удаляются отъ теплыхъ жилищъ и влекутъ за собою въ погибель все имъ подчиненное. Обращаемся къ религіозной жизни общества: вотъ одна его часть, соблазняемая событіями церковнаго формализма, отожествляетъ съ ними самое православіе, созидаетъ фантастическія духовныя церкви, не удовлетворяясь ими, бросается отъ заблужденія къ заблужденію, пока не остановится на скептицизмѣ, на бѣшеномъ піитизмѣ; вотъ другая часть, не видѣвшая ничего, кромѣ церк. церемоніала, полагаетъ въ немъ всю религію, во

имя ея отказываетъ въ любви и участіи всѣмъ мыслящимъ иначе, а потому и сама черствѣетъ сердцемъ и погрязаетъ въ страстяхъ. Обратимся мы къ народу: тамъ насъ встрѣтитъ фанатикъ раскольникъ, съ пѣной у рта проклинающій Церковь, безумный хлыстъ, возсозидающій культъ Афродиты, упрямый штундистъ, высокомѣрно считающій свое тупое упорство за высшую духовную религію. А православные? вотъ они: вотъ цѣлыя деревни, погибающія въ позорной болѣзни, вотъ толпы молодыхъ и стариковъ, избивающія евреевъ по городамъ, вотъ и другіе, потерявшіе по фабрикамъ и трактирамъ все, что далъ имъ родной домъ. Но гдѣ перечислить всѣ главнѣйшіе виды блужданій общества и народа? Имъ нѣтъ конца, нѣтъ числа! Уже не говоримъ о нашихъ единовѣрныхъ братіяхъ, о единокровныхъ нашихъ ренегатахъ истинной вѣры, не говоримъ объ иновѣрцахъ и инородцахъ, которые вѣдь тоже наши братья, которымъ „проповѣдывать евангеліе“ тоже повелѣлъ Господь.

Да, разнообразны, печальны блужданія людей, велики ихъ житейскія скорби, тяжки ихъ пороки и преступленія. Собираясь здѣсь вокругъ свѣта Божественной истины, мы съ трудомъ можемъ проникнуть взоромъ въ ту мрачную тьму, въ тотъ духовный морозъ и гладъ, въ который брошены наши близкіе и дальніе о Христѣ братья. Много причинъ этихъ бѣдствій, раздирающихъ міръ, много мечей проливаютъ кровь по лицу земли: посмотрите, сколько въ этой жизненной мятели заблудшихъ и замерзшихъ не потому, чтобы отвергали помощь провожатаго, но потому, только потому, что никто не хотѣлъ имъ указать дороги. Не мы, но мірская литература показала, что въ самомъ ужасномъ нравств. состояніи можно встрѣтить высокія, благородныя души, искавшія свѣта, но не получившія, а потому и погибшія. И въ страшныхъ подземельныхъ каторжныхъ шахтахъ, и въ мрачныхъ тюрьмахъ, и въ притонахъ гибельнаго разврата и пьянства, и на всѣхъ перекресткахъ жизни встрѣчаются эти блѣдныя, измученныя лица съ вѣчнымъ вопросомъ на исхудаломъ лицѣ, съ воспаленными отъ духовной и тѣлесной муки глазами, съ вопросомъ о томъ, да неужели-же никто, ни добродѣтельный и ученый мужъ не выведетъ его на путь истинный? И тысячами погибаютъ они, тысячами замерзаютъ, заведенные въ даль гудящею мятелью зимней ночи... О, братіе, неужели могутъ, зная это, спокойно сидѣть въ горницѣ тѣ, кого Богъ держалъ въ эту ночь въ родномъ домѣ, не будутъ ли они виновны въ смерти тѣхъ, которые погибаютъ не по собственной злобѣ, а п. ч. никто ихъ не наставилъ изъ тѣхъ, кому заповѣдано учить людей. Каинъ, гдѣ братъ твой?—вопросъ, котораго слышаніе

страшно, который не можетъ быть обращенъ къ каждому изъ насъ, но къ намъ въ цѣломъ, какъ носителямъ разумѣнія истины, носителямъ (настоящимъ и будущимъ) даровъ благодати, этотъ роковой вопросъ имѣетъ свое отношеніе. Кровь брата твоего вопіетъ отъ земли на небо! кровь всѣхъ впадшихъ въ невѣріе по нашему небреженію и безучастной сухости, по неспособности раскрыть жизненную силу христіанства; кровь отпадшихъ по скудости церк. учительства въ разныя ереси, кровь идейныхъ самоубійцъ, кровь отчаявшихся искателей истины. Выйдемъ же изъ нашего теплаго покоя, со свѣтильникомъ вѣры, добродѣтели и просвѣщенія въ ненастную тьму заблужденій нашихъ братьевъ! выйдемъ изъ нашей внутренней замкнутости на распутія жизни, научимся созывать путниковъ понятною имъ рѣчью, т. е. постараемся объ усвоеніи и приведеніи къ христ. идеалу всего того, чѣмъ живутъ наши братья. А для этого надо, во-первыхъ, понять внутреннюю жизнь простого народа, полюбить то, что ему дорого, заговорить его мужицкою рѣчью и усвоить его искренность. Надо, во-вторыхъ, изучать и понять всѣ тѣ духовныя нужды, которыя сказываются въ жизни общественной, усвоить способы воздѣйствованія на нихъ, съумѣть популяризировать нашу христ. науку, создать общественную и народную современную христ. литературу и беллетристику; дать руку общенія тѣмъ изъ членовъ мірскаго общества, которые вліяютъ на него въ благопріятномъ для христіанства смыслѣ, а главное, въ душѣ своей, въ своемъ отношеніи къ ближнимъ быть согрѣтымъ духомъ христіанской безкорыстной любви и сердечнаго участія къ спасенію каждаго. И если мы начнемъ собирать въ нашъ родной домъ вѣры и любви всѣхъ блуждающихъ во тьмѣ и холодѣ жизни, если хотя не сами увидимъ приведенными къ намъ всѣ господствующія направленія, но изъ начатой дѣятельности будемъ имѣть возможность предчувствовать зорю того будущаго нѣкогда священнаго дня, когда и поклонники „духовнаго“ христіанства, и искатели свободы и равенства, и преклоняющіеся предъ разумомъ и наукой, и проповѣдники космополитизма, и поборники патріотизма: однимъ словомъ всѣ, кто живетъ не ради одного себялюбія, поймутъ, что все, что есть добраго въ ихъ идеалѣ, имѣется здѣсь у насъ въ источникахъ Божественной истины, и придутъ къ намъ, если говорю, будемъ дѣятельно приближать это время, мало по малу обнимая нашимъ свѣтомъ различные идеалы, или пути жизни: тогда, о какъ счастливо будемъ мы праздновать годовщины нашихъ разсадниковъ христіанскаго просвѣщенія, и съ какимъ твердымъ упованіемъ будемъ мы тогда всѣ силы свои посвящать на воспитаніе сво-

его сознанія и своего сердца къ нашей великой цѣли, состоящей въ томъ, чтобы на всѣхъ добрыхъ въ этомъ мірѣ осуществились слова Христовы: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь*.

Слово въ день Богоявленія Господня о томъ, какими средствами усовершенствуется общественная жизнь [1]).

Возлюбленные братіе! Конечно, вы ожидаете отъ меня, какъ отъ новаго пришлеца въ вашу академическую семью, ожидаете исповѣданія тѣхъ духовныхъ побужденій, коими я, по долгу своего званія, намѣренъ привлекать васъ къ общему дружному и одушевленному служенію богословской наукѣ и пастырству, которыя Московская Академія исполняетъ съ такою честью уже болѣе двухъ вѣковъ.—Конечно, вы ожидаете, что такихъ побужденій я буду искать въ области, наиболѣе доступной для вашихъ молодыхъ и горячихъ сердецъ, въ области кипучей современности, въ послѣднихъ словахъ науки и общественной жизни.

Правда, въ наше время не было-бы недостатка въ подобныхъ побужденіяхъ, ибо при всей расшатанности современныхъ умовъ и упадкѣ нравовъ давно, а можетъ быть никогда въ жизни русскаго народа и общества не замѣчалось такого напряженнаго исканія правды, правды именно нравственной и религіозной, какъ въ наше время. Жизнь сама сокрушила тѣхъ идоловъ, которымъ въ слѣпотѣ поверхностнаго полуобразованія поклонилось наше общество, а враждебныя Божественной нашей вѣрѣ теоріи матеріализма и позитивизма поддерживаются теперь только по старой памяти, только какъ показатели того, что многіе не въ силахъ найти въ современномъ быту слѣдовъ иной высшей жизни, основанной на откровеніи вѣчной и безусловной истины христіанства. Но съ какою томительной жаждой современные люди ищутъ и ожидаютъ доступнаго раскрытія этой истины, можно видѣть по тому быстрому и сильному, пожарамъ подобному вліянію на нихъ всякаго вновь появляющагося убѣжденнаго, хотя-бы и грубо заблуждающагося, учителя вѣры или жизни, — будь это сектантскій проповѣдникъ въ простомъ народѣ, будь это

---

[1]) Сказано въ Московской Духовной Академіи, при первомъ служеніи въ академической церкви 6-го января 1891 года.

Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Московск. церковн. вѣдомости“. 1892 г., № 1-й.

проповѣдникъ какихъ-либо нравственныхъ понятій въ обществѣ образованномъ. — Но, конечно, ложь не можетъ долго обманывать народную совѣсть, минутное удовлетвореніе ея оканчивается разочарованіемъ и вотъ по небосклону народной жизни или общественной письменности раздаются глухіе раскаты философіи отчаянія, приносятъ ужасныя вѣсти о самоубійствахъ отъ безвѣрія или, точнѣе говоря,— отъ тщетнаго исканія вѣры, отъ неумѣнія обрѣсти проповѣдуемую церковью благодатную жизнь, утоляющую духовную жажду.

Да, много и очень много можно бы говорить о томъ, что даже наиболѣе печальныя явленія современной жизни представляются, какъ ясныя доказательства для самыхъ невѣрующихъ, что жить безъ вѣры нельзя:—тѣмъ убѣдительнѣе они должны доказывать намъ, проповѣдникамъ благодати, что *„се нынѣ время благопріятно“* (2 Кор. VI, 2) для призванія нашей школы.

Можно бы говорить вамъ, братіе, и о томъ, что современное исканіе Бога, являющееся плодомъ разувѣренія въ воздвигнутыхъ идолахъ безрелигіозной культуры, простирается далеко за предѣлы нашего отечества и проявляется съ особенною силою въ современномъ Вавилонѣ, въ распущенной столицѣ мятежной Франціи, что тамъ все чаще и чаще слышатся вопли отчаянія о безбожныхъ устояхъ современнаго просвѣщенія и быта, что въ частности извѣстнѣйшій писатель Парижа, котораго съ жадностью переводятъ на всѣ языки Европы, ожидаетъ нравственнаго обновленія для цивилизованнаго міра ни откуда, кромѣ Россіи, ни отъ кого другого, какъ отъ нашихъ народныхъ писателей-патріотовъ, учащихъ презирать низменные интересы міра сего и исповѣдывать вѣру въ евангельскіе и апостольскіе завѣты, которые и названный писатель считаетъ въ то-же время свойствами нашего народнаго историческаго генія [1]). Конечно подобныя чаянія еще глухи и туманны, эти обращенные къ намъ взоры Россіи и Европы еще исполнены блужданій и попеченій житейскихъ, но если бы вникнуть въ дѣло поглубже, то легко можно было-бы увидѣть, что дѣйствующимъ началомъ въ вѣкъ этихъ болѣзненныхъ блужданій жизни является та сторона человѣческаго духа, которая всегда была и будетъ лучшею почвою для насажденія Божественнаго слова, а именно *совѣсть,* пробудившаяся нынѣ съ такою силой.

Итакъ, раскрывать-ли мнѣ въ подробностяхъ эти раны общественной жизни, дающія надежду исцѣленія и безмолвно призывающія духовныхъ врачей къ самоотверженному труду

[1]) Разумѣется, Эдуардъ Родъ.

апостольства? искать-ли для насъ побужденій къ такому труду чрезъ исповѣдываніе вамъ собственнаго, хотя непродолжительнаго, но довольно сложнаго опыта служенія Слову? Говорить-ли о томъ, что при всѣхъ скорбяхъ и тяжелыхъ ударахъ, наносящихся въ самое сердце служителю церкви, при постоянномъ его духовномъ распятіи и умираніи (Гал. II, 19, 1 Кор. XV, 30) нѣтъ въ сей жизни высшей радости и утѣшенія, какъ служеніе Христу и проповѣдь Его ученія, что здѣсь и грѣшный человѣкъ, еще уязвляемый ангеломъ сатаны (2 Кор. XII, 7), бываетъ восхищаемъ въ рай христіанской любви и столь яснаго и сладостнаго ощущенія Божественной Промыслительной десницы, какое воспѣто въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, почему и рѣчь ея становится вполнѣ понятной обручникамъ Христовой Церкви?

Да, братіе, душа моя готова бы излиться предъ вами, излить выношенное разумѣніе жизни внѣшней, а равно и свой малый внутренній опытъ, чтобы по мѣрѣ силъ и вамъ привить жажду той жизни, которую вливаетъ въ человѣка благодать священства,—и такого открытія своего упованія, конечно, вполнѣ естественно вамъ ожидать отъ меня, какъ новаго къ вамъ пришельца: но удержусь днесь отъ сего ради иного Высшаго Пришельца, срѣтаемаго нынѣ, не нашею только духовною семьею, но всею Церковью. Буду-ли говорить о себѣ, когда нынѣ „*грядетъ крѣпшій мене, Ему же нѣсмь достоинъ преклонься разрѣшити ремень сапогъ Его*“ (Марк. I, 7). Днесь изнемогаетъ всякое человѣческое слово, ибо открылось Слово Божіе, днесь-ли ограничить свою рѣчь явленіями минутной современности, когда открыта вѣчная истина? днесь-ли поднимать свой свѣточъ разумѣнія, когда открывается Свѣтъ предвѣчный, „*Просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка грядущаго въ міръ?* (Іоан. I, 9).—Впрочемъ, братіе, сей свѣтъ ничего добраго не затмѣваетъ собою, не угашаетъ и курящагося льна (Матѳ. XII, 20), но все хорошее привлекаетъ къ Себѣ (Іоан. XII, 32), къ Нему приходитъ все, что отъ Отца, а грядущаго къ Себѣ Онъ не изгоняетъ вонъ (Іоан. VI, 37). А потому не опасайтесь, чтобы, обращая свое слово къ явившему Себя днесь Господу, мы до конца оставили-бы ободреніе вашихъ юношескихъ надеждъ на плодотворное служеніе людямъ. Правда, явившійся на Іорданѣ Христосъ не открываетъ намъ тѣхъ внѣшнихъ средствъ, которыми нынѣ люди стараются овладѣть умами общества или народа: но Господь показалъ намъ нынѣ ту внутреннюю силу, которая одна можетъ насаждать жизнь. Слышите ли сегодняшнее исповѣданіе Церкви? разумѣете-ли въ какомъ смыслѣ насталъ нынѣ часъ, о которомъ сказалъ пророкъ: „*возвеселится пустыня и сухая*

земля, и возрадуется страна необитаемая и расцвѣтетъ какъ нарциссъ. Великолѣпно будетъ цвѣсти и радоваться; будетъ торжествовать и ликовать... Укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣна дрожащія. Скажите робкимъ душею: будьте тверды, не бойтесь... Тогда откроются глаза слѣпыхъ и уши глухихъ отверзутся. Тогда хромой вскочитъ, какъ олень и языкъ нѣмаго будетъ пѣть!" (Ис. XXXV, 1—7). Итакъ, зачѣмъ намъ искать далеко средствъ для улучшенія жизни? вотъ эти средства принесены Христомъ! Смотрите, нынѣ открыта тайна дѣйствительнаго исправленія жизни благодатью, та тайна, которой тщетно добивались, и добиваются, и будутъ добиваться естественные друзья человѣчества. Не мудрѣе-ли всѣхъ былъ Соломонъ? не достигалъ-ли онъ всего, чего желала душа его? (Эккл. II, 10). Но вотъ онъ ясно признаетъ тщету всѣхъ естественныхъ, человѣческихъ усилій измѣнить грѣховное и гибельное содержаніе жизни: преобразованія касаются только внѣшняго ея строя и внѣшнихъ порядковъ, по существу же неправда и беззаконіе (Эккл. III, 16) будутъ всегда наполнять жизнь внѣ благодати: *„кривое нельзя сдѣлать прямымъ и чего нѣтъ, того нельзя считать"* (I, 15).

Но вотъ мы слышимъ, что нынѣ исполнилось другое пророчество: кривизны выпрямились и неровные пути сдѣлались гладкими (Ис. XII, 4). Чего не могло сдѣлать естество, то совершила благодать, чего тщетно искали люди, то открылъ явившійся Господь. Итакъ, братіе, благодатное начало перерожденія жизни, къ которому, конечно, стремятся и ваши молодые сердца, и котораго такъ жадно ищетъ современность, хотя и безуспѣшно, открыто Самимъ Господомъ: намъ остается только войти въ Его жизнь, только усвоить это таинственное средство. Въ чемъ-же содержаніе этой жизни? чѣмъ совершилъ Господь нашъ всеобщее обновленіе? чему радуется Церковь?—Тому-ли, что Онъ провозглашенъ съ неба Сыномъ Божіимъ? но такихъ свидѣтельствъ было нѣсколько еще до Крещенія.—Тому-ли, что Онъ открылъ людямъ чрезъ проповѣдь Предтечи? Но такія откровенія были и раньше: откровеніе Волхвовъ и Богопріимца. Церковь торжествуетъ и эти прославленія Спасителя на землѣ, но главное содержаніе ея торжества составляетъ то, что нынѣ Господь открылъ новое и невѣдомое естественному міру начало, которымъ Онъ дѣйствуетъ въ жизни: начало это есть *смиреніе*,—смиреніе и самоотреченіе, по которому „крещеніе пріемлетъ не вѣдый грѣха" и Безгрѣшный Владыка, подклонивъ главу подъ руку раба, вмѣсто того, чтобы страшнымъ крещеніемъ опалить богомерзкихъ грѣшниковъ, Самъ становится среди нихъ, какъ-бы нуждаю-

щійся въ покаянномъ крещеніи, дабы призвать къ покаянію человѣка.

Естественныя усилія лучшихъ людей не могли и не могутъ внести міра въ родъ нашъ *„смѣшанный въ единомыслiи зла“* (Прем. X, 5), потому-что себялюбіе и гордость сопровождаютъ естественнаго человѣка всюду, даже въ самоотверженную смерть за ближнихъ, и никакія средства не могутъ его вырвать изъ гибельной борьбы за превосходство. Единственное средство вырваться изъ этихъ когтей грѣховнаго себялюбія и приносить дѣйствительное благо людямъ—это отреченіе отъ своего превосходства, любовь и смиреніе нынѣ открытыя Христомъ человѣческому роду. Убивая богопротивное себялюбіе, смиреніе насъ вводитъ въ благодатную жизнь, какъ сказано въ св. Писаніи: *„гордымъ Богъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать“* (Іак. IV, 6). И какъ-бы ни мѣнялась жизнь, какъ-бы ни усложнялась культура, но только участіе въ благодатной жизни Христовой можетъ вносить въ нее дѣйствительное, а не кажущееся, улучшеніе. Разнообразятся внѣшнія проявленія служенія людямъ, но разумъ и совѣсть откроютъ тебѣ, что надо всякій разъ дѣлать, лишь-бы ты носилъ въ сердцѣ твоемъ — благодать Христову, чрезъ духъ смиренія и самоотреченія. Въ нихъ и только въ нихъ, то, чего тщетно ищутъ люди подъ названіемъ прогресса, гуманизма, альтруизма и др. словъ, которыя создаются ими именно теперь, когда совершенно утрачивается изъ жизни ихъ настоящее содержаніе. О, братіе, примите-же не отъ меня, но отъ другого, сегодняшняго Гостя Небесъ эту заповѣдь для построенія своихъ жизненныхъ предначертаній, и вмѣсто послѣдняго слова мірской культуры изъ шумной сѣверной столицы примите и меня съ этимъ глаголомъ благодати. Усмотримъ въ духовномъ значеніи сегодняшняго праздника Церкви указаніе Господне о томъ, какъ построять и жизнь нашей академической семьи, и вашу дальнѣйшую общественную дѣятельность. Отринемъ идоловъ естественнаго міра и возлюбимъ Новый Завѣтъ благодати! Возьмемъ Христово смиреніе, какъ неложный свѣточъ для нашего служенія Ему и людямъ и будемъ твердо вѣрить, что по мѣрѣ такого усвоенія Христовой жизни, — и никакимъ инымъ способомъ, — намъ суждено будетъ вносить всюду ту духовную радость, то духовное оживленіе, котораго тщетно добивается міръ и о которомъ нынѣ съ такою увѣренностью вѣщаетъ церковь. Чрезъ Христову благодать принесемъ мы людямъ *„радость и веселіе, а печаль и воздыханіе удалятся“* (Ис. XXXV, 10). Аминь.

Слово на молебнѣ предъ началомъ ученія [1]).

„Обновленіе духа сердцамъ и просвѣщеніе внутреннимъ даруй". (Кондакъ Обновленія Храма, 13-го сентября).

Такова, братіе, молитва Вселенской Церкви, воспѣваемая въ завтрашній день, когда для нѣкоторыхъ изъ васъ возобновится, а для нѣкоторыхъ впервые начнется высшее богословское ученіе въ академическихъ аудиторіяхъ. Церковь въ сей день молится объ обновленіи нашей добродѣтели и духовнаго вѣдѣнія, исходя изъ того неложнаго убѣжденія, что именно для этихъ двухъ высшихъ началъ нашей жизни, и притомъ только для нихъ, среди текучей измѣнчивости всего земного не должно быть дряхлости и тлѣнія, но постоянное обновленіе и жизнь. Для добродѣтели сія жизнь продолжается послѣ смерти на небѣ, ибо *любовь никогда не перестаетъ*,— но продолжается и на землѣ въ ея благотворномъ вліяніи на ближнихъ, на подобіе ростковъ умершаго сѣмени пшеничнаго (Іоан. XII, 24), а также и въ общеніи взаимной молитвы предъ Богомъ; *Богъ же нѣсть мертвыхъ, но живыхъ, вси бо Тому живи суть* (Лук. XX, 38). — Не умираетъ и знаніе, ибо хотя *испразднятся* (1 Кор. XIII, 8) въ будущей жизни, но передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, живетъ и обновляется здѣсь въ жизни церкви воинствующей.

Наглядное проявленіе этого постояннаго обновленія любви и духовнаго вѣдѣнія представляетъ собою настоящая наша общая молитва, когда его носительница и провозвѣстница, Духовная Академія, отпустивъ отъ себя на служеніе Церкви усовершенствованныхъ въ ученіи юныхъ трудниковъ духовнаго просвѣщенія, какъ бы молодой рой пчелъ изъ улья, — и давъ время отдыха учащимся, снова созвала послѣднихъ воедино и кромѣ того открываетъ свои двери для вновь пришедшаго и соединившагося для упражненія въ вѣдѣніи и благочестіи братства юношей, нынѣ сливающагося со всей духовной семьей нашей. Конечно радостная картина, радостная смѣна духовнаго сѣянія и собиранія духовныхъ плодовъ. Но для всѣхъ ли вполнѣ безпечальная? Увы, только для самыхъ юныхъ; помнимъ и мы, съ какимъ безмятежнымъ восторгомъ вступали мы впервые въ священныя стѣны воспитав-

[1]) Произнесено въ церкви Московской дух. Академіи 12 сент. 1893 года. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ 1893 г., октябрь.

шей насъ Академіи: какъ яркіе цвѣты, насаженные вокругъ нея и красовавшіеся среди осенняго увяданія природы, такъ ликовали наши молодыя сердца и горѣли радостью лица между озабоченными и часто угрюмыми, встрѣчавшимися на пути, горожанами.

Но вотъ, дальнѣйшіе годы, обогащавшіе насъ печальными опытами сей плачевной жизни, все болѣе и болѣе понуждали омрачаться сію радость при видѣ смѣняющихся поколѣній учащагося юношества и, наконецъ, настолько сраствори-ли ее съ грустными воспоминаніями о многихъ напрасно погибшихъ жизняхъ и безплодно извратившихся сердцахъ, что нынѣ даже тѣ самыя времена года и тѣ картины природы, съ которыми совпадаютъ начало и конецъ учебнаго года, вмѣстѣ съ робкою надеждою, производятъ чувство щемящей тоски. Тому содѣйствуетъ и самый видъ весенней и осенней природы, одновременно показывающей намъ и жизнь, и смерть. Когда повѣетъ весеннимъ тепломъ и яркіе лучи солнца начнутъ увеселять взоръ нашъ, то на ряду съ этимъ мы видимъ разрушительную смерть прекрасныхъ по виду глыбъ серебристаго снѣга и обнаженныя черныя вершины холмовъ съ гніющими остатками прошлогодней растительности и мутными потоками холодной и грязной воды. Приходитъ обильная плодами осень, но картина смерти и опустошенія снова отвлекаетъ взоръ нашъ отъ осеннихъ красотъ — созрѣвшихъ трудовъ земледѣльцевъ и садовниковъ.—Не должно бы быть этого печальнаго сочетанія въ жизни духа, въ жизни Духовной Академіи, но постоянное обновленіе сердецъ должно бы въ ней совершиться безъ всякаго омраченія смерти. Тѣмъ не менѣе мы видимъ другое; видимъ во многихъ и очень многихъ, сколь кратковременны оказываются тѣ благія намѣренія и добрыя стремленія, съ которыми они вошли сюда и вышли отсюда. Не тверда и неустойчива оказалась ихъ любовь, погасла жизнь духа, а потому и разумѣніе поблекло, творчество мысли остановилось, ибо оно невозможно безъ одушевленія нравственнаго, безъ живого сочувствія добру, безъ сострадательной скорби о міровомъ злѣ.—Итакъ, далеко не всѣ, чтобы не сказать немногіе, обновляются духомъ, и торжествуютъ надъ измѣнчивостью своего земного положенія. Какой же выводъ, возлюбленные, изъ указаннаго явленія? О чемъ проповѣдуетъ оно, хотя безмолвно, но столь убѣдительно? Говорить ли вамъ паки и паки о необходимости духовнаго бдѣнія надъ собою, о молитвѣ, о чтеніи Слова Божія и Отцевъ, о господствованіи надъ порывами страстей и всякаго раздраженія, какъ о необходимыхъ условіяхъ къ плодотворной дѣятельности пастырства, воспитанія и всякаго вида человѣколюбія,

включая сюда и сознательное изученіе и разъясненіе другихъ истинъ вѣры и знанія?

Блаженъ, кто отъ юности понесъ спасительный яремъ духовной жизни, у кого не столько во внѣ, сколько во внутрь обращенъ духовный взоръ его. Для него сей день новой годины ученія есть день не скорби, но радости, день духовнаго обновленія, не упраздняющій и прежде собранныхъ сокровищъ духа и знанія, такъ что къ нему вполнѣ примѣняются слова Христовы о томъ, что *„всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“* (Матѳ. XIII, 52).— Но кто по собственному опыту не оцѣнилъ сей истины, для того малоубѣдительными представятся увѣщанія, столь неотразимыя для болѣе пожившихъ на сей грѣшной землѣ и въ собственныхъ отступленіяхъ или паденіяхъ познавшихъ немощь естества человѣческаго, даже въ наиболѣе возвышенныхъ и облагороженныхъ его проявленіяхъ, если они не утверждены и не освящены подвигомъ духовной борьбы и молитвой.—Но если значеніе сей истины само по себѣ не всегда оказывается удобопріемлемымъ для юношества, которое рвется умомъ и сердцемъ во внѣшній, повидимому, столь обольстительный міръ, то въ наше время тому же самому научаетъ насъ и наблюденіе надъ этимъ внѣшнимъ міромъ, въ самыхъ новѣйшихъ, въ самыхъ современныхъ явленіяхъ его жизни въ послѣднихъ словахъ его мысли. Но во имя ложнаго знанія и науки отдѣляется нынѣ міръ отъ Церкви; смиреніе и воздержаніе перестали быть предметомъ его глумленія, а напротивъ, признаются въ качествѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію донынѣ міромъ отвергавшагося, а нынѣ признаваемаго за единую достойную цѣль жизни—нравственнаго совершенства личности и общества. Правда, въ воззрѣнія и стремленія эти, повидимому, столь сродныя Церкви, а на самомъ дѣлѣ ей весьма враждебныя, входитъ не мало скрытой лжи и обольщенія, но можемъ ли, братіе, равнодушно взирать на то, что великое множество людей искреннихъ и простодушныхъ изъ общества и народа, которое, проникаясь этимъ краснорѣчивымъ и увлекательнымъ лжеученіемъ, отторгается отъ истинной вѣры и Церкви, какъ бы отъ началъ, чуждыхъ настоящей добродѣтели? Грустно было слышать, когда прежде нашу вѣру называли невѣжествомъ, а церковность невоспитанностью, но все-же далеко не такъ больно, какъ то, что у Православія хотятъ отрицать его святость, у Церкви—нравственно возрождающую силу ея руководства. Правда, дѣйствительность скоро обличаетъ нравственное безсиліе самовольныхъ толкователей евангельскихъ заповѣдей, слѣпыхъ руко-

водителей къ невѣдомому имъ совершенству. Лишь только приступили они къ дѣятельному руководству другихъ къ добродѣтели, то оказалось, что они не пошли далѣе проведенія двухъ трехъ, давнымъ давно извѣданныхъ еще языческими мыслителями правилъ воздержанія и трудолюбія, но вовсе не оказались способными научить своихъ послѣдователей достойному отношенію къ разнымъ сторонамъ жизни: оградить ихъ отъ мучительства плоти, отъ раздраженія и взаимной ненависти, примирить со смертію близкихъ и своею собственною, охранить отъ гордости и унынія и согрѣть сердца ихъ любовію къ ближнимъ, дабы она была не на словахъ только и не въ холодныхъ дѣлахъ долга, но въ тепломъ чувствѣ, сродняющемъ людей въ одно братство. Неудивительно поэтому, что создаваемыя ими общества труда и воздержанія распадаются въ два-три года и исполненные взаимной вражды, когда то столь пламенные и самоотверженные, члены этихъ обществъ оправдываютъ собою слова Христовы о томъ, что *всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится* (Мѳ. XV, 13).

Но тѣмъ не менѣе на насъ, на насъ, братіе, ляжетъ отвѣтъ за тѣ уловленныя лжецами души, которыя проявили столько готовности лишаться, трудиться и нести скорби для ложно проповѣданнаго имъ спасенія, что еслибъ имъ было благовременно раскрыто истинное спасеніе, они, можетъ быть, оказались бы въ числѣ лучшихъ людей, въ числѣ достойнѣйшихъ сыновъ Церкви, на подобіе прежняго гонителя, ставшаго первоверховнымъ Апостоломъ Господа. А теперь смотрите, сколько словесныхъ овецъ Христова стада разсѣялись по горамъ и дебрямъ заблужденій (Іезек. XXXIV, 5—7), и—о горестное ослѣпленіе — предпочитаютъ въ исканіи совершенства минутныя затѣи, изолгавшихся празднослововъ вѣчному живительному пути и всеисцѣляющему врачевству Церкви! Конечно, причина тому не оскудѣніе жизни въ самой Церкви, ибо оно невозможно по слову Божественнаго ея Зиждителя (Мѳ. XVI, 18), но священное и возрождающее содержаніе жизни церковной остается вдали отъ взоровъ увлекаемаго ложью общества; хранясь въ обычаяхъ благочестивыхъ приходовъ и семействъ, оно требуетъ теперь того, чтобы люди, одаренные вѣдѣніемъ, раскрывали его въ опредѣленныхъ и ясно выраженныхъ понятіяхъ, доступныхъ пытливымъ умамъ современности, показали бы неразрывную и ничѣмъ не замѣнимую связь церковности и совершенствованія въ добродѣтели, пользуясь для сего жизненнымъ проникновеніемъ во внутренній смыслъ Божественныхъ Писаній и Твореній Отеческихъ, изучая въ Исторіи Церкви и народовъ постоянную борьбу христіанина съ ду-

хомъ міра, изслѣдуя чрезъ изученіе богослуженія нашего истинный путь духовнаго возношенія человѣка къ Богу и совершенству, и, наконецъ, построяя правильные законы познанія и мысли чрезъ изученіе наукъ философскихъ. Не ясно ли теперь, что даже для теоретической борьбы съ современными заблужденіями, требующей раскрытія нравственнаго содержанія нашей вѣры и Церкви, необходимо и для самого изучающаго тѣснѣйшее сродство съ подвигомъ христіанской жизни, дабы не быть по отношенію къ богословскимъ наукамъ въ положеніи слѣпца, желающаго изучать живопись, или глухого, силящагося усвоить музыкальныя познанія. — Научно-богословскій трудъ, не сопровождавшійся соотвѣтственнымъ настроеніемъ изучавшаго и писавшаго, является для всѣхъ и не глубокимъ и не убѣдительнымъ и ужъ вовсе безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на душу читателя или слушателя. Въ этомъ раскрывается смыслъ изреченія апостольскаго: *проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. II, 4). Дѣйственность нравственнаго вліянія даруется Богомъ, сообразно съ нравственнымъ содержаніемъ учителя независимо отъ его внѣшнихъ качествъ, какъ удѣльный вѣсъ различныхъ тѣлъ измѣряется ихъ массою независимо отъ величины и внѣшняго вида.

Пудъ песку вѣситъ столько же, сколько пудъ золота, не больше и не меньше: подобно этому, если ты не стяжалъ себѣ должнаго количества любви и вѣры, то ни разнообразіе познаній, ни образованность, ни краснорѣчіе не покорятъ сердецъ твоихъ слушателей; на твою долю достанутся, быть можетъ, похвалы, извѣстность и внѣшнія отличія, но *пріобрѣсти брата* (Мѳ. XVIII, 15) ты не будешь въ силахъ.

Но если такъ, спросишь ты: то можетъ быть не нужна и наука? Нѣтъ, мы видимъ, что именно въ научномъ освѣщеніи нравственнаго содержанія вѣры нуждаются заблудшіе братья; наука и особенно наука духовная, если изучается на ряду съ духовнымъ совершенствованіемъ, облегчаетъ человѣку сіе послѣднее: не напрасно говорилъ Господь апостоламъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (Іоан. XV, 3), и не книжный подвижникъ путемъ многолѣтнихъ подвиговъ поста и бдѣнія освояется съ какой либо истиной вѣры, которую другой уразумѣваетъ чрезъ благоговѣйное изученіе отеческихъ писаній въ одно лѣто.

Итакъ, да будетъ благословенна наука, образованность или знаніе жизни и краснорѣчіе! Пусть процвѣтаетъ и славится домъ сей, въ которомъ эти три средства духовной милости нашли себѣ столь долговременный пріютъ, но да не

отдѣляются они отъ молитвы, послушанія, братолюбія и трезвеннаго цѣломудрія, безъ коихъ для нихъ нѣтъ ни произрастанія, ни жизни. Пусть процвѣтаетъ у насъ ученость, но пусть яркимъ пламенемъ горитъ и исполненная сострадательной любви ревность объ общемъ спасеніи, пусть не предается забвенію печаль объ отпадшихъ и колеблющихся, пусть подавляется всякій порывъ недружелюбія, неуступчиваго самомнѣнія и зависти, дабы общеніе наше другъ съ другомъ служило не къ расхищенію духовныхъ сокровищъ, но ко взаимному созиданію по слову Апостола: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ* (Галат. VI, 2), и еще: *„кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію“* (Рим. XV, 2).

Послужитъ ли всѣмъ этимъ великимъ обязанностямъ нашимъ вновь наступившая учебная година или, напротивъ, еще далѣе отодвинутъ насъ наше небреженіе и грѣхи отъ предуставленнаго Господомъ назначенія? То знаетъ Онъ, Владыка временъ, у Котораго въ книгѣ записаны всѣ наши грядущія движенія и мысли (Пс. CXXXVIII, 16), но мы въ умиленной молитвѣ вознесемъ сердца наши къ Богу о дарованіи „добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ“, дабы „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати“. Какъ бы ни слабы были наши нравственныя силы, но если мы съ вѣрою просимъ этихъ и другихъ даровъ у Господа, то конечно не оставитъ насъ безъ плода Тотъ, Кто гору обѣщалъ сдвинуть по исполненной вѣры молитвѣ: велики житейскіе соблазны, но сильнѣе Божественная благодать.

При размышленіи о борьбѣ этихъ неравныхъ силъ въ жизни нашей духовной семьи, — вспоминается одно повѣствованіе, правда, мірского писателя, но исполненное высокаго состраданія къ людямъ. Одно дитя узнало отъ матери о заповѣдной рощѣ въ ихъ селѣ, въ которой условлено было не ловить пѣвчихъ птицъ для того, чтобы онѣ безпрепятственно увеселяли жителей; и вотъ дитя спрашиваетъ, нѣтъ-ли для людей такихъ безопасныхъ пріютовъ? Мать отвѣчаетъ отрицательно и прибавляетъ, что если бы были для людей такія рощи, свободныя отъ податей и рекрутчины, то всѣ крестьянки поспѣшили бы принести туда дѣтей своихъ.

Не о податяхъ вещественныхъ думаемъ мы, братіе, но о той горестной дани страстямъ и облѣненію духовному, о той постыдной для созданія Божія рабской службѣ діаволу, отъ которыхъ не ограждены почти нигдѣ бѣдные сыны Адама. Но чѣмъ горестнѣе это сравненіе, тѣмъ теплѣе и неустаннѣе да будетъ молитва о томъ, чтобы не ради нашихъ достоинствъ, но ради блага Церкви Божіей, благодать Господня содѣлала

нашу Академію такимъ оплотомъ противъ искушеній житейскихъ, такою твердыней противъ нападеній невидимыхъ враговъ, чтобы и живущіе въ ней благополучно совершали духовное восхожденіе отъ силы въ силу, и даже учившіеся въ ней прежде и обуреваемые нынѣ треволненіями житейскими, оглядываясь на свою духовную матерь, при видѣ ея плодотворной жизни и дѣятельности почерпали себѣ бодрость и стойкость въ добрѣ и истинѣ. Аминь.

Слово на Покровъ Пресвятыя Богородицы [1]).

Съ какими мыслями и чувствами, возлюбленные, должны мы проводить сей священный день нашего храмового праздника? Конечно, прежде всего, съ тѣми, которыя приличествуютъ каждому христіанскому празднику, но, кромѣ того, и съ нѣкоторымъ особеннымъ настроеніемъ соотвѣтственно нарочитому значенію прихода академической церкви.

Когда Господь съ горы Синайской призывалъ народъ Свой оставить Египетское нечестіе и чрезъ исполненіе заповѣдей Его приближаться къ грядущему искупленію и возвращенію райскаго блаженства въ вѣчномъ единеніи съ міромъ небеснымъ: тогда Онъ повелѣлъ посвящать Себѣ седьмый день недѣли и нѣкоторые установленные дни года, чтобы хотя въ эти краткіе сроки, хотя отчасти переживать то святое настроеніе близости къ Богу, которое бываетъ доступно человѣку въ молитвѣ при освобожденіи отъ суеты дѣлъ, принижающихъ его духъ и прилѣпляющихъ его къ земной персти. Въ эти дни бѣдный, осуетившійся народъ воспоминалъ то блаженное время, когда міръ сей, еще свободный отъ плачевныхъ послѣдствій его произвольнаго паденія, во всей своей богозданной красотѣ предстоялъ всевидящему оку Творца своего, почившаго отъ дѣлъ творенія въ день седьмый и увидѣвшаго *„вся елика сотвори, и се добра зѣло“* (Быт. I, 31). Въ эти святые дни седьмые, когда богатые и бѣдные, рабы и свободные одинаково покоились отъ суеты дѣлъ своихъ и любовь Божія открывалась въ святыхъ дѣлахъ взаимнаго прощенія, благотворенія, гостепріимства и общихъ молитвъ, у людей прояснялась совѣсть и они, сравнивая дни посвященные Богу съ обычными днями нужды и взаимной борьбы за

---

[1]) Произнесено въ 1894 г. въ церкви Московской духовной Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ» 1894 г., ноябрь.

наживу, проникались самоукореніемъ и жаждой лучшей, обѣщанной въ будущемъ, жизни въ истинномъ и непрерывномъ субботствѣ, въ полной близости къ Господу, которую предвозвѣщалъ законъ и пророки.

Обѣщанія ихъ исполнились. Христова страсть и воскресеніе возвратили вѣрующихъ къ тѣснѣйшему общенію съ Господомъ, но путь къ сему общенію намъ указанъ въ подвигѣ и борьбѣ, въ крестоношеніи по образу Подвигоположника. Посему уже не суббота и новомѣсячіе, но Его спасительное воскресеніе и прочія чудотворныя дѣянія Его и Его святыхъ послѣдователей служатъ къ нашему духовному просвѣщенію, утѣшенію и ободренію. Святая Церковь въ умилительныхъ пѣснопѣніяхъ, молитвахъ и священнодѣйствіяхъ научаетъ насъ въ эти дни переноситься къ стопамъ Господа, жившаго на землѣ между людьми, къ дѣламъ и подвигамъ Его угодниковъ, побѣдившихъ міръ вѣрою и любовію и къ явленіямъ Пречистой Матери Его, защищавшимъ людей отъ погибели и паденій.

Добрые богомольные христіане издревле услаждали души свои этими священными воспоминаніями. Годичный кругъ былъ для нихъ какъ бы свѣтящимся церковнымъ небомъ, сіяющимъ звѣздами радостныхъ празднествъ. Не только въ эти священные дни отрѣшались они отъ заботъ земной жизни и молитвою очищались отъ своихъ прегрѣшеній, но и дни труда и будничныхъ занятій своихъ святили или воспоминаніями праздника прошедшаго или ожиданіемъ грядущаго, постоянно повторяя пріуроченныя къ нимъ молитвы и пѣснопѣнія. Послѣднія для нихъ были, да и теперь остаются для истинно вѣрующихъ, какъ бы небеснымъ окликомъ, какъ бы постоянно повторяющимся призывомъ отрѣшаться отъ суеты страстей и грѣховнаго нечувствія и возноситься духомъ къ Богу и друзьямъ Его, къ святости евангельской жизни.

Особенное, исключительное значеніе имѣетъ для добраго христіанскаго братства праздникъ престольный. Это есть тезоименитый день той или иной мѣстной церкви, воинствующей подъ знаменемъ святого угодника Божія или воспоминаемаго событія милости Божіей. Въ день праздника своего каждый приходъ торжествуетъ свое избранничество въ стадо Божіе не по заслугамъ своимъ, но единственно по милосердію Господню предназначенное; благодаритъ Создателя о дѣлахъ благодати Его, явленныхъ въ мимошедшемъ лѣтѣ приходской жизни и оказываетъ гостепріимную любовь ближнимъ своимъ, а бѣднымъ поставляетъ трапезы.

Теперь, возлюбленные, спросимъ сами себя, проникнуты ли мы, братіе святаго храма сего, тѣми возвышенными чувствами общенія съ Богомъ и небесами во дни торжествъ св.

Церкви и наипаче въ престольный праздникъ нашего академическаго прихода, тѣми чувствами пламеннаго благодаренія и умиленной молитвы, которыми богатъ предстоящій здѣсь православный народъ нашъ, столь возлюбившій нашу Церковь за тѣ немногія крупицы духовнаго хлѣба, которыя здѣсь подаются ему *отъ трапезы господей своихъ* (Мѳ. XV, 27), или напротивъ, многіе изъ насъ съ тою-же безразсудною неблагодарностью отвергаются званія Божія, какъ нѣкогда неразумные іудеи, и являются въ очахъ Христовыхъ столь-же скудными вѣрою въ сравненіи съ предстоящими здѣсь смиренными простецами, какъ тотъ-же Израиль въ сравненіи съ вѣрующей женой хананейской? Поистинѣ, воспоминая высокое назначеніе наше и нашу малодушную разсѣянность должно сказать то-же, что древній пророкъ отъ лица своего народа: *„Тебѣ, Господи, есть правда, намъ же стыдѣніе лица“* (Дан. IX, 7).

А между тѣмъ, какой высокій источникъ духовной радости открывался бы намъ въ день праздника нашего христіанскаго братства, еслибы мы стояли на высотѣ сего призванія—быть *свѣтомъ міру и солью земли!* ибо всѣмъ извѣстно, что русская церковь и богословская наука только въ четырехъ Академіяхъ почерпаетъ своихъ высшихъ служителей и на нихъ взираетъ, какъ на надежду своего процвѣтанія. Посему, когда совершается праздникъ Академіи и молитва Церкви сливаетъ во едино имена ея прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ, не должно-ли имъ проникаться тѣми-же одушевленными славословіями, какъ нѣкогда братство Апостоловъ, собиравшихся во святой градъ на день Пятидесятницы? Но *„Тебѣ, Господи, есть правда, намъ же стыдѣніе лица“*. Ибо въ то время, какъ на сегодняшнемъ торжественномъ актѣ будетъ читаться отчетъ о внѣшней жизни Академіи, наши Ангелы Хранители предъ лицемъ долготерпѣнія Божія читаютъ невѣдомыя никому страницы, исписанныя отчетомъ о нашей внутренней жизни, объ ея постепенномъ очищеніи и одушевленіи или напротивъ—ожесточеніи и паденіи. Какихъ страницъ будетъ болѣе въ этихъ страшныхъ книгахъ?...

Впрочемъ, не будемъ болѣе омрачать радости радующихся достойно, ни умножать печали унывающихъ, но спросимъ ихъ: на какую цѣну мѣняютъ послѣднія сокровища служенія Христовой Церкви? какія блага міра сего удаляютъ ихъ сердца отъ одушевленной молитвы и общенія съ Господомъ? „Почто ты, человѣче, Меня оставилъ? говоритъ къ нимъ Христосъ: „почто Возлюбившаго тебя отвратился? Почто присталъ къ врагу Моему? Вмѣсто любви платишь ненавистью, вмѣсто Меня любишь грѣхъ!... Но что же ты нашелъ во Мнѣ достойное отвращенія?“ (Изъ Твор. свят. Тихона).

Всмотримся, однако, въ истинную цѣнность тѣхъ приманокъ, которыя овладѣваютъ легкомысленными юношами и увидимъ, сколь жестоко обманутыми оказываются всѣ погнавшіеся за ними. Разумѣемъ здѣсь, конечно, не грубые пороки и страсти, не лѣнивую и вялую праздность, ибо такія печальныя явленія, если и встрѣчаются въ чьей либо жизни, то развѣ въ качествѣ ненавистныхъ паденій, сопровождаемыхъ разъѣдающимъ стыдомъ, тяжкими укорами совѣсти и сильнымъ противоборствомъ воли. Существуютъ болѣе тонкія обольщенія, удаляющія отъ Бога и Церкви юношей, не съумѣвшихъ проникнуть въ ихъ истинную сущность, тѣ обольщенія, при которыхъ неразумная юность покидаетъ свое призваніе въ ложной надеждѣ найти еще что-то лучшее, благороднѣйшее и полезнѣйшее, нежели служеніе вѣрѣ Христовой. Какъ ни странно такое нелѣпое стремленіе, но кто не встрѣчалъ его въ юномъ обществѣ? Куда же влекутъ они своихъ послѣдователей? Обыкновенно либо къ познанію, либо къ общественной дѣятельности.

Искусительный голосъ говоритъ питомцу духовной науки: сбрось съ себя путы богословія, гдѣ всѣ вопросы предрѣшены раньше твоего изслѣдованія, гдѣ нѣтъ мѣста для широкаго размаха мысли и свободнаго изслѣдованія дѣйствительности. Предоставь старикамъ рыться въ славянскихъ и греческихъ книгахъ, а ты ухватись за послѣднія слова мысли независимой; оставь длинныя богослуженія и уединенную молитву, изучай лучше видимую природу и тогда встанешь въ ряды передовыхъ людей, дающихъ себѣ сознательный отчетъ въ каждомъ усвоенномъ убѣжденіи.

Многіе прислушиваются къ сему искусительному голосу и не спрашиваютъ себя, не требуетъ ли тотъ самый разумъ, котораго одного хотятъ они слушать, чтобы прежде рѣшительнаго приговора надъ пренебрегаемой вѣрой и Церковью, вникнуть въ ея ученіе, оцѣнить тѣ доводы, коими она себя защищаетъ противъ отрицанія. Такъ неразумны оказываются эти жалкіе искатели разумности, такъ слѣпо довѣрчивы къ учителямъ отрицанія являются тѣ, которые отказались отъ разумной провѣрки церковнаго ученія! Не разумъ и не наука похищаютъ отъ Церкви жертвы невѣрія, а нетерпѣливая погоня за произволомъ, то самое горделивое исканіе своеволія, которое вооружаетъ своихъ послѣдователей и противъ достойнѣйшихъ иногда родителей по плоти и противъ общей духовной матери нашей Церкви, лишь бы испытать свои силы помимо всякой посторонней помощи.

Какая участь ожидаетъ этихъ сыновъ противленія? Быть можетъ они въ самомъ дѣлѣ построятъ себѣ широкое, проч-

ное и самостоятельное міровоззрѣніе, въ которомъ всякая истина найдетъ соотвѣтствующее мѣсто и всякая сторона жизни—разумное освѣщеніе? Быть можетъ широта всесторонней образованности не хуже св. вѣры облагородитъ ихъ поведеніе и направитъ внутреннюю жизнь духа къ человѣколюбію и чистотѣ? Увы, какъ далекими отъ такихъ успѣховъ оказываются погнавшіеся за ними измѣнники Церкви! Большинство ихъ, только слегка прикоснувшись перстами къ независимой наукѣ, бросаютъ и ее, отдавшись погонѣ за житейскими выгодами, и вспоминаютъ о самомъ существованіи какихъ либо наукъ только тогда, когда имъ понадобится оправдывать свое отступленіе отъ живого общенія съ Церковью. Но обратимся къ тѣмъ, очень немногимъ хулителямъ послѣдней, которые до конца жизни остаются при книгахъ: и здѣсь мы не увидимъ ничего привлекательнаго. Въ лучшемъ случаѣ отступникъ духовной школы втягивается въ какую нибудь ученую или литературную партію съ опредѣленнымъ направленіемъ, болѣе или менѣе равнодушнымъ или враждебнымъ вѣрѣ, но, конечно, еще болѣе враждебными тому разуму и безпристрастному, свободному изслѣдованію истины, за которымъ гнался неразумный юноша, заранѣе рѣшившій, что его можно найти вездѣ, кромѣ Церкви. Теперь-же онъ предался своей односторонности и отупѣлъ настолько, что не можетъ даже и понять, до какой степени онъ плачевно обманутъ жизнью, обманутъ самъ собою! Зато посторонній наблюдатель ясно видитъ, что нѣтъ въ ученыхъ партіяхъ ни стройнаго міровоззрѣнія, ни широкой образованности, ни даже сознанія, чего ради стоятъ они за свое, кромѣ развѣ привычки, да ожесточеннаго самолюбія и неосмысленнаго недоброжелательства къ вѣрѣ. Кто видалъ этихъ упорныхъ партизановъ разнообразныхъ ложноученыхъ партій, на всѣ запросы критики отвѣчающихъ бранью или насмѣшкой, или грубымъ искаженіемъ и затѣмъ осмѣяніемъ истинъ Откровенія, — тотъ согласится, что истинная широта міровоззрѣнія, совершенно свободная отъ какой-либо нужды замалчивать или искажать дѣйствительность, возможна только для сознательно вѣрующаго христіанина. Онъ пойметъ тогда, почему философы христіанскіе съ такимъ величавымъ спокойствіемъ и полною невозмутимостью духа не только не стараются закрывать глазъ предъ твореніями своихъ противниковъ, но чѣмъ большее количество ихъ усвояютъ, тѣмъ сильнѣе одушевляются преданностью христіанскимъ убѣжденіямъ. Съ живою любознательностью выслушиваютъ они ученія отрицателей и отвѣчаютъ на нихъ, тогда какъ послѣдніе затыкаютъ уши, чтобы не слышать защитниковъ вѣры.

Итакъ, кто отвергается вѣры, ища разума и упорствуетъ

въ своемъ противленіи, тотъ вмѣсто разума отдается въ руки безумія, т. е. тупого коснѣнія въ односторонней партіи, часто не переживающей своихъ злополучныхъ послѣдователей.

Но есть и другой искуситель слабыхъ душъ, тѣхъ именно, которыя, не имѣя собственной твердой воли, думаютъ найти ее въ одномъ непослушаніи. Они говорятъ: тяжко быть вѣрнымъ сыномъ Церкви. Она меня стѣсняетъ, сковываетъ все мое поведеніе многочисленными постановленіями своей дисциплины. Поступивъ въ ряды ея служителей, я окончательно порабощу ей весь свой бытъ: и въ одеждѣ, и въ пищѣ, и въ самыхъ движеніяхъ и въ словахъ,—все буду я обязанъ одного избѣгать, къ другому стремиться, никогда не выходя изъ подъ этого ига. *„Ибо все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило“* (Ис. XXVIII, 10). А между тѣмъ, тутъ же около меня жизнь бьетъ ключомъ въ своихъ разнородныхъ проявленіяхъ, изъ коихъ ко многимъ даже приблизиться не дозволяютъ служителю Церкви. Выйду изъ подъ ея крылъ, оставлю храмъ, посты и говѣнія, поступлю на гражданскую службу и тамъ узнаю жизнь во всемъ ея широкомъ разнообразіи и свободѣ и буду безъ всякихъ условныхъ стѣсненій служить добру и развивать всѣ прирожденныя мнѣ способности и силы.

Послѣдуемъ и за этимъ искателемъ. Можетъ быть онъ достигъ сравнительно высокаго положенія въ государствѣ, быть можетъ обогатилъ себя и обезпечилъ своихъ дѣтей средствами. Но достигъ ли чего желалъ, освобождая себя отъ руководительнаго вліянія Церкви? достигъ ли свободы и полноты развитія личности? стяжалъ ли широкое вліяніе на общественную жизнь и много ли принесъ общей пользы? Увы, всѣ ожиданія обмануты. Вмѣсто ига благого и легкаго бремени, вмѣсто условій церковнаго быта, проникнутаго одною разумною цѣлью постояннаго одухотворенія,—онъ наложилъ на себя узы свѣтскости, узы изолгавшагося безъ душнаго и холодно-вѣжливаго европеизма, подгоняющаго всѣхъ людей подъ одну мѣрку такъ-называемаго интеллигента, не имѣющаго права, а затѣмъ уже и способности, ни съ кѣмъ и никогда подѣлиться своими искренними чувствами, противъ воли искусственно холоднаго даже съ своей женой и дѣтьми и такимъ образомъ всюду вносящаго духъ канцеляріи или гостиной; духъ — мертвящій собою всякую жизнь и лишающій всякой радости искателей культурнаго наслажденія. Не широкое вліяніе на жизнь, но узкую стезю какого либо департамента они познали, да и въ частныхъ своихъ отношеніяхъ чувствуютъ себя одинокими. Да, не свободу нашли они, но рабство безчисленнымъ свѣтскимъ предразсудкамъ и суевѣ-

ріямъ. Что если-бъ хотя половину своихъ постоянныхъ безцѣльныхъ самоограниченій приложили бы эти люди къ образованію своей жизни по духу Церкви, къ подавленію гнѣва и чувственности, къ изученію слова Божія и добрымъ дѣламъ! Тутъ бы они нашли ту широту истинной духовной свободы и мощнаго вліянія на жизнь, каковыхъ достигали подвижники истиннаго благочестія, какъ св. Златоустъ или Тихонъ Задонскій.

Но откроются ли когда нибудь очи, ослѣпленныя отъ дней юности? открываются скоро для того, чтобы познать свое заблужденіе, но рѣдко, рѣдко сохраняется у отпадшаго настолько нравственныхъ силъ, чтобы, увидѣвъ себя прилѣпившимся къ жестокимъ гражданамъ чуждой страны и ядущимъ пищу свиней, вспомнить объ оставленномъ отеческомъ богатствѣ и возставъ идти въ родной домъ съ покаянною исповѣдью.

А посему, возлюбленные братья, пока вы еще здѣсь подъ кровомъ небеснаго Отца и Матери Божіей, не отвергайтесь его ни ради служенія страстямъ, ни ради обольстительныхъ искушеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы обличили. Спросите прежде себя, не гораздо ли лучше найдете вы здѣсь въ Божественномъ ученіи и въ жизни Церкви все то доброе, чѣмъ хочетъ хвалиться обманчивая жизнь міра. Не бойтесь того скромнаго и какъ бы уединеннаго положенія, которое отведено дѣятелямъ Церкви въ этой видимой внѣшней жизни. „*Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ*“ (1 Іоан. IV, 4), и блестящая внѣшность послѣдняго, его шумная и разнообразная жизнь, столь прельстительно бросающаяся въ глаза, есть не иное что, какъ повапленный гробъ, исполненный костей и всякой нечистоты (Мѳ. XXIII, 27).

Напротивъ, наша жизнь въ пріискреннемъ единеніи съ Церковью необъятна по широтѣ и безконечна по времени. Въ живомъ чувствѣ, въ порывахъ вѣрующей молитвы и въ разумномъ усвоеніи Священнаго Писанія служитель и сынъ Церкви, хотя бы уединенный отъ другихъ по тѣлу, сознаетъ себя сожителемъ святыхъ и приснымъ Богу (Еф. II, 19), сознаетъ себя служителемъ Его промысла, соработникомъ у Бога (1 Кор. III, 9), исполненнымъ всякаго богатства духовнаго и сильнымъ, чтобы нести немощи безсильныхъ (Рим. XV, 1). Таково, братіе, да будетъ ваше всегдашнее духовное настроеніе, чуждое зависти къ міру, но исполненное къ нему христіанскаго состраданія. Если будете держаться сихъ завѣтовъ, то собираясь во святый храмъ въ день торжества нашего церковнаго братства, будете преисполняться того высокаго духовнаго настроенія, которое приличествуетъ избраннымъ

служителямъ Христовымъ, представшимъ Ему въ общей молитвѣ другъ за друга. Тогда со всею очевидностью постигнете нашъ неразрывный союзъ съ небомъ и въ живомъ чувствѣ взаимной христіанской любви будете ощущать незримое присутствіе среди насъ Пастыреначальника—Христа, сказавшаго: *„аминь глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, ея—же аще проснта, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ“* (Матѳ. XVIII, 19). Тогда, если не чувственными очами, подобно святому Андрею, то очами умными узрите Матерь Божію, распростершую надъ нами днесь омофоръ свой, покрывающую насъ покровомъ своего заступленія и окружаемую сонмомъ всѣхъ святыхъ Ангеловъ и святыхъ человѣковъ, отъ небесныхъ круговъ молитвенно споспѣшествующихъ намъ въ великомъ и святѣйшемъ дѣлѣ — строеніи тѣла Христова. Въ сей вѣрѣ и въ семъ общеніи да укрѣпляетъ васъ Его всесильная благодать, всегда немощная—врачующая и оскудѣвающая — восполняющая. Аминь.

Слово на молебствіи предъ началомъ ученія [1]).

Святые отцы и учители Церкви называютъ нѣкоторые священные дни христіанскихъ праздниковъ *таинствами.* Такъ называлъ св. Григорій Богословъ день Богоявленія и день Рождества Христова, да и понынѣ такія наименованія прилагаются въ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ ко дню св. Пасхи и Пятидесятницы. Конечно, съ подобнымъ наименованіемъ соединялась та мысль, что въ эти дни, посвященные воспоминанію спасительныхъ событій искупленія, христіане чрезъ единодушное ихъ переживаніе, должны были испытывать благодатный подъемъ духовныхъ силъ, приближавшійся къ тѣмъ дарамъ возрожденія и озаренія, которые подаются намъ въ св. таинствахъ. И дѣйствительно, даже и въ нашъ маловѣрный вѣкъ, по крайней мѣрѣ въ ночь воскресенія Христова, христіане дѣлаются какъ-бы иными людьми, поистинѣ близкими къ Богу и далекими отъ грѣха.

Впрочемъ, не только во дни торжествъ Церкви, не только въ общеніи съ братьями во Христѣ, но въ тайникахъ своей внутренней личной жизни испытываетъ каждый человѣкъ часы такихъ озареній. Случается съ каждымъ, что вдругъ со-

---

[1]) Сказано 4 сентября 1895 г. въ церкви Казанской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журн. „Правосл. Собесѣдн.“ 1885 г., октябрь.

трясаетъ его благодатное прикосновеніе перста Божія и онъ подобно царю Саулу преображается въ иного человѣка, восторженно простираетъ къ небу свои длани и готовъ бываетъ въ порывѣ братской любви обнять вселенную. Потомъ, правда, онъ обыкновенно снова спускается въ низменное служеніе своимъ житейскимъ нуждамъ или даже страстямъ и готовъ бываетъ горько смѣяться надъ священными порывами созерцанія и чувства, испытанными имъ во время таинственнаго соприкосновенія съ міромъ горнимъ. Но еслибъ онъ рѣшился на такое осмѣяніе, то поступилъ бы весьма неразумно, ибо въ обычномъ-то, даже суетномъ настроеніи нашей жизни не безслѣдны и не безсильны бываютъ эти переживаемыя, хотя бы и нечасто и недолго, священныя озаренія: напротивъ, обыкновенно бываетъ такъ, что весь остатокъ добра въ житейскомъ человѣкѣ, вся его стойкость въ борьбѣ съ искушеніями, весь его страхъ предъ гнуснымъ преступленіемъ и все раскаяніе въ допущенныхъ паденіяхъ обусловливается единственно воспоминаніями о минутахъ сладостнаго, возвышеннаго общенія съ Богомъ и съ добромъ, — обусловливается опасеніемъ навсегда потерять способность къ переживанію такихъ чувствъ или даже желаніемъ снова поскорѣе возвратить ихъ себѣ. Въ минуты унынія человѣкъ жалуется на безсиліе этихъ воспоминаній, но что бы былъ онъ, если бы не имѣлъ и такого, часто единственнаго, побужденія къ добру и предостереженія отъ зла! Какъ въ извѣстномъ стихотвореніи нашего поэта скучныя пѣсни земли не могли плѣнить возвышенной души младенца, слышавшаго гимны небеснаго ангела, такъ не можетъ надолго плѣнить міръ и той души, которая бывала возвышаема къ благодатнымъ священнымъ озареніямъ, и кому неизвѣстны примѣры изъ собственной жизни, когда, при полномъ безсиліи всякихъ разсудочныхъ, отвлеченныхъ увѣщаній, одно какое-нибудь свѣтлое воспоминаніе о пережитыхъ святыхъ чувствахъ выводило его побѣдителемъ изъ мучительной нравственной борьбы или даже изъ глубокой пропасти нравственнаго паденія. Воистину не напрасно эти священныя минуты духовнаго озаренія называются у отцевъ *таинствами*, когда онѣ переживаются цѣлымъ обществомъ молящихся христіанъ.

Въ жизни нашего академическаго церковнаго братства названіе *таинства* въ указанномъ смыслѣ вполнѣ примѣнимо къ настоящему молитвенному собранію. Сегодня академія раждаетъ новый многочисленный приплодъ своихъ чадъ, сегодня начинается новое лѣто ея ученой, учебной и церковной жизни. Этотъ день, этотъ часъ молитвеннаго благословенія новаго лѣта ученія великъ и святъ. Каждый изъ насъ можетъ нынѣ испытывать все то, что испытываетъ благоговѣйный христіа-

нинъ во дни великихъ праздниковъ Вселенской Церкви, когда благодать Божія, въ немъ дѣйствующая, со всею ясностію раскрываетъ ему его высокое призваніе, переноситъ его въ міръ духовный, міръ загробный, одушевляетъ его сердце чувствомъ живого общенія съ Творцемъ и Искупителемъ и окрыляетъ волю горячимъ стремленіемъ къ духовному совершенству, къ служенію любви, къ поборенію страстей. Подобнымъ же образомъ и наше, молящееся здѣсь, академическое братство въ этомъ священномъ торжествѣ призывается къ тому, чтобы въ благодатномъ общеніи съ Господомъ начертать предъ своею совѣстью свое высокое предназначеніе на паствѣ овецъ Христовыхъ, чтобы воодушевиться чувствами апостольской ревности объ общемъ просвѣщеніи и спасеніи.

Конечно, такія созерцанія и такія чувства нынѣ къ намъ вполнѣ близки, и мы вѣримъ, что и поколѣніе, нынѣ вновь прившедшее въ это святилище науки, приведено сюда не соображеніями выгоды житейской, не желаніемъ подняться одною ступенью выше на лѣстницѣ общественной жизни, но исканіемъ высшаго просвѣщенія духовнаго, осмысленнаго и полнаго христіанскаго міровоззрѣнія и живой способности къ мудрому и многоплодному пасенію стада Христова и богословскому учительству. Всѣ эти свѣтлыя, окрыляющія надежды раскрываются ихъ и нашему мысленному оку во всей своей духовной святой красотѣ и поистинѣ можемъ мы сказать: „*добро намъ есть здѣ быти*“. Дѣйствительно, въ такія священныя минуты и умъ твой и чувство наполняется совершенно инымъ, новымъ содержаніемъ. Новыми очами взираешь ты „на волнующійся долъ“, и весь этотъ грѣшный суетный міръ представляется тебѣ, какъ нива Божія, надъ которой простерта Его промыслительная десница; окружающая жизнь представляется тебѣ побѣдною борьбою Сына Человѣческаго противъ князя міра сего: вотъ Онъ здѣсь и тамъ рукою пастырей Своихъ и Своихъ избранниковъ отъ одного отвращаетъ соблазнъ, другого погибающаго призвалъ къ покаянію, третьяго, обольстителя или лжеца, обличилъ и лишилъ силы. Не чрезъ страшныя явленія чудодѣйственной силы, но чрезъ насъ грѣшныхъ Его служителей, которыхъ называетъ своими *сработниками* (1 Кор. III, 9), продолжаетъ совершать Господь свое домостроительное дѣло. Святая Церковь есть органъ Его спасительнаго воздѣйствія, побѣдоносное орудіе Его борьбы. Чрезъ ея служителей и чрезъ ея святыя учрежденія въ нашъ грѣшный міръ широкою волною разливается свѣтъ отъ горняго престола Божія, свѣтъ истины и вѣдѣнія, свѣтъ любви, покаянія и примиренія. И вотъ, однимъ изъ многихъ проводниковъ такого свѣта являются и наши академіи. Не разумѣютъ

сего тѣ, которые поверхностно смотрятъ на жизнь, забываемъ объ этомъ часто и мы сами, когда погружаемся въ служеніе суетѣ и чрезъ то проникаемся духомъ сомнѣнія и недоброжелательства, но когда согласная общая молитва въ знаменательные дни академической жизни отрѣшаетъ насъ отъ нуждъ житейскихъ и соединяетъ въ святомъ храмѣ, тогда незримый голосъ говоритъ тебѣ, что *„мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято“* (1 Нав. V, 15); онъ тогда научаетъ тебя смотрѣть на академію, не просто какъ на учебное заведеніе, снабжающее своихъ питомцевъ правами преподавать семинарскіе учебники или пѣть всенощныя и панихиды, но — какъ на священное духовнопросвѣтительное братство, дающее тебѣ разумѣніе вещей божественныхъ и человѣческихъ, вводящее тебя въ таинственное служеніе высшей истинѣ, ея познанію, ея раскрытію, ея проповѣданію и ея молитвенному призыванію. Не одинъ только разумъ, не одно созерцаніе просвѣщается въ насъ въ эти священныя минуты, но и чувство, и воля. Ближніе твои, мимо которыхъ ты проходишь въ обычное время съ безучастнымъ взоромъ, нынѣ мыслятся тебѣ, какъ дорогіе братья, возбуждающіе живое сорадованіе или состраданіе: весь міръ обнять хотѣлось бы въ подобныя минуты таинственнаго пробужденія духа. И прохожій магометанинъ пробуждаетъ въ насъ живую жалость объ его заблужденіи, и чувашинъ, поклоняющійся грубымъ вымысламъ суевѣрія, возжигаетъ нашу ревность объ его просвѣщеніи, и образованный невѣжда, глумящійся надъ непонятными ему истинами вѣры, и тѣмъ болѣе чистый еще духомъ юноша, томящійся сомнѣніемъ, и бѣдная оскорбленная мать, съ воплемъ поднимающая къ небу свои исхудалыя руки, и близкій къ отчаянію мрачный преступникъ, закованный въ кандалы, и невинная радость веселящихся дѣтей, и умиленная молитва благочестивой старушки—все это встрѣчаетъ родственный откликъ въ нашей душѣ, ко всѣмъ тогда простираемъ мы братскія объятія и сердце намъ свидѣтельствуетъ о томъ, что благодать Божія незримыми нитями прикрѣпляетъ къ нему вселенную и ко всѣмъ готовъ бываешь воскликнуть, какъ Павелъ коринѳянамъ: *„уста наши отверсты къ вамъ,—сердце наше расширено; вамъ не тѣсно въ насъ“* (1 Кор. VI, 2).

О сколь блаженны мы были, еслибъ подобное святое настроеніе всегда царило въ душѣ нашей, какъ у св. ап. Павла! Но вотъ, выйдемъ мы изъ св. храма, вступимъ въ обычныя житейскія бесѣды, и терніе суеты житейской быстро начинаетъ заглушать ростки духовнаго сѣмени.

Конечно, это очень печально, но не слѣдуетъ изъ этого печальнаго явленія дѣлать тѣхъ крайнихъ выводовъ, которые

нашептываетъ намъ искуситель, духъ унынія, говорящій такъ: тебѣ ли, жалкій мечтатель, идти по стопамъ великихъ людей, когда твое одушевленіе оканчивается тотчасъ же по возвращеніи къ дѣламъ. Отвѣчай сему духу, возлюбленный братъ, какъ нашъ покровитель Михаилъ Архангелъ: *„да запретитъ тебѣ Господь“* (Іуд. IX). Если не безслѣдно и не безсильно воздѣйствіе минутъ таинственнаго одушевленія на жизнь даже частнаго человѣка, какъ мы видѣли: то тѣмъ глубже и значительнѣе оно отражается на дѣятелѣ церкви, который самою жизнью своею постоянно привлекается къ міру горнему и потому всегда можетъ возстановлять и въ памяти, и въ чувствѣ благодатныя прикосновенія перста Божія къ его сердцу, если только будетъ того желать и о томъ пещися. — А какимъ образомъ о семъ слѣдуетъ пещися, на сіе и отвѣтимъ въ заключеніе нашего слова.

Во-первыхъ, должно не выпускать изъ памяти своей всѣхъ лучшихъ, возвышающихъ настроеній, когда либо пережитыхъ личною и тѣмъ болѣе общею жизнью. *„Берегись и тщательно храни душу твою, чтобы не позабыть тебѣ тѣхъ дѣлъ, которыя видѣли глаза твои и чтобы они не выходили изъ сердца твоего во всѣ дни жизни твоей... о томъ днѣ, когда ты стоялъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ“* (Втор. IV, 9, 10), — о томъ днѣ, въ который Господь призвалъ тебя въ число первенцевъ своихъ. Охранять по силѣ возможности живость сострадательнаго ко всѣмъ христіанскаго *чувства* возможно чрезъ то, чтобы не помрачать его развратомъ, не закрывать его въ ложномъ стыдѣ, въ тайникахъ лишь собственной жизни, но съ готовностью дѣлиться имъ съ друзьями, дабы не подвергнуться угрозѣ противъ того, *„иже постыдится Мене и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ“*. Охранять *созерцаніе* Божественнаго промысла возможно чрезъ то, чтобы не закрывать глазъ своихъ предъ всѣмъ добрымъ, христіанскимъ, что происходитъ и творится вокругъ насъ въ семъ духовномъ вертоградѣ, но съ дружелюбнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ взирать на представляющіеся намъ труды по наукѣ, и по миссіонерству, и по всѣмъ отраслямъ жизни академической, дабы убѣждаться, что духъ Божій не перестаетъ жить среди насъ грѣшныхъ. Правда, современной юности мало свойственно подобное направленіе вниманія: осужденіе и критика болѣе для нея привлекательна, но горько ошибается тотъ, кто въ послѣднемъ усмотрѣлъ бы средства къ саморазвитію и мудрости. Чтобы осуждать и издѣваться, никогда не потребуется большой мудрости и мысль такого наблюдателя жизни не будетъ обогащаться. Гораздо труднѣе, но зато и плодотворнѣе, путь

того философа, который умѣетъ находить доброе въ окружающей жизни и слѣдить за его развитіемъ и послѣдствіями. Не только будетъ онъ обогащаться опытомъ, но и самое добро при посредствѣ его сочувственнаго вниманія будетъ расти около него и укрѣпляться. Въ отношеніи ли нашемъ къ личности ближняго или къ цѣлому обществу, къ школѣ, все доброе умножается въ зависимости отъ подобнаго сочувственнаго къ нему вниманія. Въ Писаніи сказано: *если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснетъ: то и другое выходитъ изъ устъ твоихъ* (Сир. XXVIII, 14). Такъ вокругъ насъ растетъ зло, а доброе умаляется и скрывается,— или же наоборотъ — въ зависимости отъ того, сорадуемся ли мы всему доброму, сердечному или удаляемъ его отъ себя холодностью и насмѣшливостью. Вотъ почему одни и тѣ же люди, одно и то же общество одному кажутся, и на самомъ дѣлѣ бываютъ, добрыми и содержательными, а для другого ничтожными и пустыми. Кто умѣетъ и желаетъ вызывать все добро́е въ окружающей себя жизни, тотъ всегда будетъ сознавать предъ собою дѣйствующую руку Промысла и силу благодати Божіей и никогда не заглохнетъ въ тинѣ страстей и омраченія, но будетъ переходить все къ высшимъ и высшимъ созерцаніямъ. Взгляните на прошедшее разныхъ академій, и вы увидите, что съ одной стороны академіямъ дано много великихъ и святыхъ дѣятелей, а съ другой, и то не скроется отъ васъ, что присущій современному обществу духъ недоброжелательнаго недовѣрія не хотѣлъ признавать даже права на сочувствіе и въ тѣхъ дѣятеляхъ, которыхъ мы теперь прославляемъ, какъ нравственныхъ героевъ, каковы Макарій Алтайскій, Иннокентій Пенскій и святитель Тихонъ Задонскій. Въ прошедшемъ нашей Казанской Академіи было столько высокаго, чистаго, достоподражательнаго: смотри на жизнь ея въ настоящемъ внимательно и неукорительно, и увидишь, что и понынѣ чрезъ ученую и бытовую жизнь академій нашихъ, хотя и не чуждой многихъ несовершенствъ, совершается великое, священное таинство сознательной вѣры, духовной ревности, миссіонерскихъ подвиговъ. Не въ темныя стороны академической жизни устремляй свое укоряющее вниманіе для извиненія себя въ собственномъ равнодушіи и паденіяхъ, но къ сей лучшей сторонѣ жизни духовной матери твоей прилѣпляйся, ее старайся умножить сердечнымъ сочувствіемъ и посильнымъ сотрудничествомъ, дабы и собственная душа твоя чрезъ это соприкосновеніе охраняла духъ чистоты и духъ любви, избѣгая паденій себялюбія и чувственности,— и дабы на самой твоей и на жизни академіи исполнилось слово Господне: *„царство небесное подобно зерну горчичному, ко-*

торое человѣкъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его“ (Матѳ. XIII, 31, 32). Аминь.

Слово къ окончившимъ курсъ слушателямъ миссіонерскихъ курсовъ [1]).

Привѣтствую васъ, любезные ученики Божественной истины, съ окончаніемъ вашихъ учебныхъ трудовъ. Скромная участь предстоитъ вамъ, скромное положеніе занимали вы и въ академіи. И нынѣ, когда оканчивающіе курсъ ея студенты могутъ мечтать о предстоящихъ имъ въ будущемъ генеральскихъ чинахъ или святительскомъ санѣ, о богато убранныхъ домахъ или ученой славѣ,—ваше скромное положеніе въ большинствѣ случаевъ будетъ почти неизмѣннымъ въ продолженіи всей трудовой и многоболѣзной жизни вашей. Но да не входитъ духъ унынія въ сердца ваши. Иной судъ человѣческій, а иной судъ Божій. Въ очахъ Божіихъ высоко не то положеніе людей, которымъ они тщеславятся на землѣ: предъ Нимъ, какъ воспѣваетъ церковь, въ равномъ достоинствѣ вкупѣ предстоятъ всѣ званія и кійждо отъ дѣлъ своихъ похвалится или постыдится. Господь возвышаетъ, приближаетъ къ Себѣ и даже удостоиваетъ называть Своими друзьями не тѣхъ, которыхъ возвышаютъ люди, но, насаждая на землѣ Свое благодатное царство, укрѣпляетъ въ немъ и обогащаетъ дарами Своими тѣхъ, которые полагаютъ радость своего бытія именно въ служеніи Его славѣ, а не своему собственному благополучію.

Человѣческій взоръ не легко проникаетъ во внутренній строй и въ возрастающую жизнь сего царства и его истинныхъ слугъ, но священная исторія научаетъ насъ именно той отрадной для васъ истинѣ, что самые великіе его дѣлатели начинали путь свой съ уничиженія предъ своими соперниками, отверженными Богомъ. Такъ ни одному изъ родоначальниковъ народа своего Господь не далъ въ первенцы того, кого они желали. Не Измаилъ, а осмѣиваемый имъ Исаакъ былъ возвеличенъ Богомъ; не Исавъ, но бѣжавшій отъ него въ четырнадцатилѣтнюю работу Іаковъ, не Рувимъ,

---

[1]) Произнесено послѣ благодарственнаго молебна въ академической церкви 7 апрѣля 1896 г. Въ первый разъ было напечатано въ „Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи“. 1896 г.

но Іуда, желавшій пострадать за братьевъ, и Іосифъ проданный въ рабство. Вспоминать-ли исторію Фареса и Зары, или Ефрема и Манассіи, Анны и Фенаны, или избраніе Саула? Можно указать и на смиреннаго Давида, предпочтеннаго шести братьямъ, и послѣ изгнанія и преслѣдованія возвышеннаго надъ возгордившимся Сауломъ. Великъ былъ и Соломонъ, благословенный Богомъ, тотъ Соломонъ, надъ которымъ пытался вознестись братъ его Адонія.

Обратитесь къ исторіи новозавѣтной. Вотъ предъ нами юноша Савлъ, которому улыбалось покойное и почтенное положеніе богатаго раввина, но онъ, повинуясь небесному голосу, добровольно смѣняетъ земное счастіе на путь крестный и покидаетъ прежнюю жизнь свою для того, чтобы пріобщиться къ тѣмъ десяткамъ странствующихъ по свѣту рыбаковъ галилейскихъ, которыхъ всѣ съ посмѣяніемъ изгоняли изъ одного города въ другой, и лишь нѣсколько бѣдныхъ домовъ на городскихъ окраинахъ принимали съ любовію, какъ Божественныхъ посланниковъ. А между тѣмъ, этихъ двѣнадцати уничиженныхъ странниковъ не стоилъ весь міръ и ни одна власть на землѣ не могла сравниться съ тою, которой носители были они. И вотъ нынѣ и до скончанія вѣковъ возсѣдаютъ они на двѣнадцати не земныхъ, но небесныхъ престолахъ и судятъ колѣнамъ израилевымъ. Посмотримъ на жизнь современную: кто является наиболѣе многочаднымъ отцомъ духовнымъ во дни наши, какъ не смиренный оптинскій отшельникъ, десятки лѣтъ пролежавшій въ недугѣ своемъ на одрѣ и собравшій къ себѣ тысячи людей, а ко гробу своему десятки тысячъ, или приходскій священникъ незамѣтнаго пригорода, за свои духовные дары ублажаемый чуть-ли не цѣлой вселенной еще при жизни? Кто знаетъ, быть можетъ среди васъ предстоитъ кто-либо, подобный тому юному смиренному священнику Веніаминову, который впослѣдствіи былъ по справедливости названъ апостоломъ Восточной Сибири и Америки.

Такъ Господь возвышаетъ тѣхъ, кто посвящаетъ жизнь свою спасенію ближнихъ и его славѣ.

Правда, всякій вѣрующій согласится съ тѣмъ, что не человѣческую, а Божію славу должно считать высшимъ благомъ жизни, хотя-бы она и достигалась чрезъ умаленіе и уничиженіе. Однако должно помнить, что не всякое уничиженіе ведетъ къ ней, ибо если послѣднее соединено съ завистью, со взглядомъ на себя, какъ на невинную жертву, или если бываетъ послѣдствіемъ пороковъ и проступковъ: въ такомъ случаѣ, *„аще и постраждетъ кто, не вѣнчается“* (2 Тим. II, 5).

Вѣнчается отъ Господа и любезенъ бываетъ въ Его очахъ

только тотъ, кто умѣетъ крестъ свой нести съ терпѣніемъ, кто цѣлуетъ узы своего уничиженія, кто подобно Соломону проситъ у Господа ни богатства, ни славы, ни погибели враговъ, но мудрости и другихъ качествъ, необходимыхъ для служенія славѣ Его. Тотъ бываетъ любезенъ Богу, кто, принимая жизненныя скорби, утѣшается ими и говоритъ себѣ: „еще мало терплю я по грѣхамъ моимъ", кто приноситъ Богу не жалобы на скромный свой жребій, но сердце смиренное и сокрушенное скорбью о своемъ недостоинствѣ, печалью о своихъ грѣхахъ, служащихъ ему помѣхой къ успѣшнѣйшему проповѣданію.

Вознесется по слову Христову только *смиряяй себе* на всякомъ житейскомъ поприщѣ вообще, а въ частности только ему будетъ отверзта дверь въ сердца обращаемыхъ. Поистинѣ, только проходящій подвигъ смиренія и вообще подвигъ жизни духовной, только онъ можетъ освобождать свое сердце отъ той естественной холодности къ чужимъ, полудикимъ народамъ, при которой невозможно воздѣйствіе на сердца, и отъ которой не можетъ освободить человѣка никакое образованіе. Только смиренная душа способна любить всѣхъ, только смиренное сердце можетъ отверзаться предъ всякимъ созданіемъ Божіимъ, и быть ему роднымъ и близкимъ при всей отдаленности его по быту и нарѣчію. А если отъ избытка такого сердца уста глаголютъ евангельское слово, смотрите, какую силу получаетъ проповѣдь. Въ проповѣдникѣ, послушно несущемъ крестъ своего служенія и исполненномъ сознаніи своего недостоинства, для непросвѣщенныхъ варваровъ сіяетъ образъ Христа, Котораго онъ имъ проповѣдуетъ, тотъ всепобѣждающій образъ, предъ коимъ разрушается средостѣніе грабежа, предъ коимъ падаютъ и уничтожаются во прахъ всѣ преграды, враждебно раздѣлившія между собою родъ человѣческій, предъ коимъ никто не можетъ отстаивать своихъ преимуществъ и заблужденій, но каждый находитъ въ душѣ своей сознаніе виновности и жажду обновленія.

Сей образъ Христовъ да начертывается въ сердцахъ вашихъ, возлюбленные; въ охраненіи его полагайте успѣхъ своей жизни; поступающій такъ *„сего ради наслѣдитъ многихъ и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти"* (Ис. LIII, 12). Онъ воззоветъ къ жизни и пріобрѣтетъ себѣ отъ языкъ чуждихъ многочисленное дружеское братство и исполнится на немъ глаголъ Христовъ: *„Аминь глаголю вамъ: никтоже есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, Мене ради и Евангелія ради; аще не пріиметъ сторицею нынѣ во время сіе, домовъ, и братій, и сестеръ, и отцы, и матере, и чадъ, и*

селъ, во изгнаніи и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный". (Марк. X, 29 и 30). Аминь.

Слово о духовныхъ дарахъ юности [1]).

Итакъ, опять начался учебный годъ и снова совершилась *первая обѣдня!* Событіе, значительное въ жизни насъ, учащихъ, и высоко-знаменательное въ жизни вновь поступившихъ къ намъ студентовъ, немаловажное и для старшихъ, продолжающихъ свое учебное поприще. Въ эти дни академія празднуетъ ежегодно новую весну своей жизни, обновляется и торжествуетъ вопреки окружающимъ картинамъ ветшающей осенней природы. А какъ сильно заставляютъ эти дни биться тѣ сердца, которыя всецѣло посвятили себя академической службѣ. Воспоминанія и ожиданія, надежды и опасенія,—всѣ эти разнообразныя чувства переполняютъ такое сердце и овладѣваютъ мыслями. Разнообразіе и полнота нашей внутренней жизни въ эти торжественные дни такъ велики, что, кажется, не было бы конца рѣчамъ и изліяніямъ, если бы мы попытались сказать все, что чувствуемъ. А потому вмѣсто того, чтобы выбирать изъ сокровищницы собственной души предметъ для нашего перваго общенія въ бесѣдѣ, выслушаемъ Иного, Говорящаго къ намъ сегодня, Того, во Чье имя собрала насъ къ себѣ духовная академія: *Человѣкъ нѣкій насади виноградъ и вдастъ и дѣлателемъ и отыде* (Мѳ. XXI, 33).

Итакъ, братіе, первая ваша мысль при вступленіи въ званіе питомца высшаго духовнаго училища должна касаться не своего собственнаго благополучія, а того виноградника, который поручается Хозяиномъ служителямъ Слова. Мы нанялись на Его работу; Онъ спроситъ отъ насъ плодовъ *во времена своя* и, если мы окажемся дѣлателями нерадивыми, то *злыхъ злѣ погубитъ насъ, а виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ*. Объ этомъ то, братіе, наше первое слово, о томъ, что вступивъ въ эти стѣны, ни вы, ни ваша жизнь, не принадлежите больше себѣ, но должны работать и существовать для великаго дѣла Божія.

Впрочемъ, такого-ли напониманія ожидаютъ юноши, добившіеся вожделѣннаго званія *студента* послѣ десятилѣтнихъ подневольныхъ трудовъ и поднадзорной жизни юноши, которые съ мыслію о студенчествѣ, объ академіи, о городѣ Ка-

---

[1]) Произнесено 5 сентября 1899 г. въ церкви Казанск. дух. Академіи за литургіей. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Правосл. Собесѣдникъ" 1899 г., октябрь.

зани, быть можетъ, соединяли представленіе только о свободѣ, объ удовольствіяхъ, о смѣломъ и критическомъ отношеніи къ преданіямъ старины. И, вѣроятно, нѣкоторые изъ такихъ юношей думаютъ теперь про себя: „ты встрѣчаешь насъ словомъ о подвигѣ, о нашемъ духовномъ призваніи. Что должно разумѣть подъ этими словами, какъ не стѣсненность, уединеніе, сидѣніе надъ скучными старинными книгами, а то пожалуй, и еще посты да поклоны? Всего этого довольно мы видѣли въ семинаріи и училищѣ; пусть же намъ дадутъ хотя эти четыре года для того, чтобы отдаться законнымъ требованіямъ юности. Можетъ быть, въ свое время мы сами придемъ съ унылыми и постными лицами къ алтарямъ и остатокъ жизни нашей посвятимъ духовнымъ подвигамъ. Но теперь не отнимай отъ насъ нашей молодости, дай намъ побыть юношами, свѣтскими юношами, между суровой семинаріей и нелегкою службой, и не омрачай наше вступленіе въ академію напоминаніями о нашей отвѣтственности, о нашей всецѣлой принадлежности церкви и духовнымъ нуждамъ народа. Конечно, эти напоминанія правдивы и требованія эти законны; но развѣ незаконны и неестественны и тѣ совершенно иного рода влеченія молодого сердца, которыми оно такъ быстро наполняется, вырвавшись изъ долгаго затвора къ относительной свободѣ студенческой жизни?“...

Итакъ, любезный юноша, ты боишься подвиговъ, страшишься лишеній и стѣсненій? Но вѣдь я тебѣ еще не говорилъ о нихъ; а если бы и началъ говорить, то не указывалъ бы на нихъ какъ на цѣль жизни, а лишь какъ на средство къ достиженію цѣлей святыхъ, высокихъ и усладительныхъ. Ты призываешься къ духовному возрожденію общества и народа. Посмотри же на тѣхъ, которыя призываются Богомъ и природой къ рожденію плотскому и по сравненію съ ними устыдись своего малодушія. Представь себѣ женщину, освободившуюся отъ дѣвичьей неволи и надзора родителей и ставшую супругою богатаго вельможи. Предъ нею раскрывается свѣтская жизнь и свобода, но она готовится быть матерью. Что же? если она достойна имени человѣка, то ея мысли и чувства всецѣло устремлены къ ея дитяти. Совершенно равнодушная къ обольщеніямъ свѣта, она не печалится о томъ, что взамѣнъ пировъ, баловъ и толпы поклонниковъ ей приходится превращаться въ кормилицу, сидѣть надъ пеленками и дрожать за каждый часъ благополучія своего ребенка, быть можетъ больного и уродливаго. Всѣ эти лишенія ей замѣняетъ радостное сознаніе, что она отдаетъ жизнь любимому существу, что она живетъ не для себя, а для другого.—А вамъ, возлюбленные, вамъ, ученикамъ высшаго вѣдѣнія божественной

и спасительной для всѣхъ Истины, вручается нынѣ не физическая жизнь одного малаго дитяти, а духовное питаніе, духовное охраненіе, духовная жизнь общества, народа и народовъ. При такой высокой увлекательной задачѣ останется-ли мѣсто себялюбію, самосожалѣнію, лѣности, чувственности? Впрочемъ, конечно не эти низкія чувства навѣяли на тебя сомнѣніе при слышаніи моего слова. Конечно, ты сожалѣлъ тогда о болѣе возвышенныхъ дарахъ юныхъ лѣтъ: объ увлеченіяхъ мысли, о веселой дружбѣ юности, о свободномъ ознакомленіи съ общественной жизнью. — Не спорю, эти дары прекрасны, но знай, что путь Христовъ ничего истинно-прекраснаго и возвышеннаго не исключаетъ изъ себя, не воспрещаетъ своему послѣдователю. *Все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*, сказалъ Спаситель, и только одно скверное и низкое несродно ученикамъ Его. Итакъ, не думай, что мы хотимъ отнять отъ себя лучшіе дары юности: напротивъ, мы предложимъ тебѣ пользоваться ими въ лучшемъ смыслѣ, чѣмъ это обыкновенно случается, дабы тѣмъ большій плодъ ты могъ приносить Хозяину винограда.

Что такое юность, въ ея отношеніи къ духовной жизни? Сколько намъ приходилось наблюдать надъ людьми, мы усмотрѣли три возраста, когда Господь удѣляетъ особенно обильные дары душѣ человѣческой, совершаетъ какъ бы ея обновленіе. Это прежде всего, годы младенчества, которые ублажалъ Спаситель нашъ, сказавъ: *таковыхъ есть царствіе Божіе*. Въ это время человѣкъ опознаетъ впервые свои высокія свойства, отличающія его отъ міра животныхъ; въ это время впервые просыпаются въ немъ въ богосозданной чистотѣ и красотѣ присущія нашему духу любовь, состраданіе, правдивость. Вторичное обновленіе жизни душевной бываетъ въ ваши годы точнѣе — въ вашемъ нынѣшнемъ положеніи, когда душа человѣка, освобождаясь отъ первоначальнаго семейнаго или школьнаго руководства, вступаетъ въ жизнь болѣе или менѣе самостоятельнымъ дѣятелемъ, вступаетъ въ нее какъ бы вторично. Души возвышенныя созерцаютъ въ то время прекрасный міръ Божій, представляютъ себѣ возможность святой, идеальной жизни и дѣятельности на землѣ, неудержимо влекутся къ подвигамъ любви и самоотверженія... Есть еще третье обновленіе духа и ума человѣческаго, наступающее для временныхъ отступниковъ отъ своего высокаго призванія, загрязнившихъ, но не утратившихъ окончательно Божественный образъ. Это обновленіе наступаетъ тогда, когда вызываемое болѣзнями или житейскими неудачами созерцаніе грядущей кончины заставляетъ ихъ стряхнуть съ своей души обольщенія чувственности и гордости, тѣ обольщенія, на

которыя они смѣнили святую и чистую поэзію юныхъ лѣтъ. Это то возрожденіе благоразумія и покаянія, которое переживали лучшіе изъ нашихъ свѣтскихъ дѣятелей и писателей, заблуждавшіеся въ юности, но къ старости возвращавшіеся на путь истины. Да не лишитъ васъ Господь, любезные слушатели, хотя бы этого покаяннаго возрожденія; но оно лишено той цѣлостности и силы, которыми бываютъ богаты до могилы послѣдователи Христовы, отъ юности подъявшіе Его благій яремъ. Вотъ почему сказалъ еще древній пророкъ: *Блаженъ мужъ, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плачъ, III, 27).

Да, эти люди блаженны, потому что они обогатили свой духъ и свою дѣятельность тѣми незамѣнимыми и никогда не повторяющимися дарами юности, которыми Богъ украшаетъ этотъ возрастъ, которыми всякій юноша могъ-бы, если бы желалъ, побѣждать свойственныя возрасту искушенія чувственности и самолюбія. — Итакъ, опредѣлимъ же наконецъ точнѣе, въ чемъ заключаются эти дары и какъ должно пользоваться ими для служенія Богу и своему духовному совершенству. Душа юноши обладаетъ избыткомъ сочувствія, потребностью любить. Предоставленная естественному теченію испорченной жизни, любовь эта обыкновенно превращается или въ порочную страсть или въ безцѣльную мечтательную влюбчивость, разрѣшающуюся затѣмъ горькими разочарованіями. Но если душа, исполненная избыткомъ сочувствія, охвачена ревностію о правдѣ Божіей, тогда она съ любовію обращается къ подобнымъ себѣ избранникамъ Божественнаго Промысла и здѣсь, въ горячей товарищеской дружбѣ, въ живомъ обмѣнѣ мыслей и внутренняго содержанія, обрѣтаетъ неизмѣримо болѣе цѣнный источникъ радости и жизненной полноты, нежели та душа, которая предается любви половой. Эти товарищескія бесѣды объ общихъ цѣляхъ жизни, эти взаимныя одушевленныя обсужденія предметовъ философскихъ и нравственныхъ заставляютъ забывать о пищѣ и отдыхѣ и настолько расширяютъ сердце и наполняютъ духъ, что окрашиваютъ въ сознаніи такого студента его казенную и для внѣшняго зрителя скучную обстановку ореоломъ высшей красоты и поэзіи, чѣмъ любой роскошный дворецъ или прекрасный садъ. О, конечно, этого не могутъ понять искатели чувственныхъ наслажденій, но этому учитъ сама жизнь. Спросите у людей пожилыхъ: какія воспоминанія юности могутъ заставить ихъ молодѣть душею, рѣшиться на какой либо подвигъ, воздержаться отъ безчестнаго поступка? Конечно, только эти воспоминанія о студенческой дружбѣ, о возвышенныхъ планахъ общественной дѣятельности, о задушевныхъ, — быть

можетъ, наивныхъ,—но по истинѣ святыхъ бесѣдахъ въ сумеркахъ или ночью по академическимъ корридорамъ, по аллеямъ академическаго сада. И если у подобныхъ людей бываютъ иныя воспоминанія о столь обольстительныхъ для неразумнаго юноши романахъ и романическихъ побѣдахъ, то они для зрѣлаго человѣка тягостны и постыдны, какъ отозвался о нихъ нашъ народный поэтъ:

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй".

Сколь блаженнымъ считалъ бы себя подобный мыслитель, если бы взамѣнъ этихъ тягостныхъ воспоминаній онъ обогатилъ бы свою душу воспоминаніями о цѣломудренной юношеской дружбѣ? Какъ много пріобрѣло бы дѣло Божіе, строеніе церкви Христовой, если бы строители ея отъ юности одушевлялись дружескимъ общеніемъ, дружескимъ единеніемъ въ познаніи и взаимномъ разъясненіи истины Божіей, въ дружномъ посвященіи своей жизни служенію Христову. Еще болѣе отъ этого выиграла бы и сама юность ваша. Ибо, если она услаждается безпочвенными, несбыточными мечтаніями въ области мірской, то въ области духовной жизни, гдѣ все искренно жѣлаемое является дѣйствительно существующимъ, по слову Христову, гдѣ нѣтъ печальной разности между поэтическимъ идеаломъ и реальною прозой, гдѣ между двумя и тремя собранными во имя Господне бываетъ Самъ Христосъ,— эта юность бываетъ поистинѣ однимъ сплошнымъ праздникомъ, чуждымъ праздности, но за то и свободнымъ отъ тѣхъ мучительныхъ терзаній совѣсти, отъ того безнадежнаго унынія и ранней старости, что суждено бываетъ всѣмъ искателямъ чувственныхъ наслажденій.

На сей разъ довольно сказано о первомъ свойствѣ юныхъ лѣтъ. Другое свойство, не менѣе соблазнительное для юношей, избирающихъ ложный путь жизни, но не менѣе благодѣтельное для любителей истины, заключается въ одушевленной любознательности и въ напряженномъ исканіи цѣльнаго разумнаго воззрѣнія на жизнь и на міръ, свойственномъ молодымъ годамъ. Избави Богъ, чтобы мы останавливали васъ въ этой любознательности, въ этомъ исканіи. Правда, у многихъ оно разрѣшалось во временное охлажденіе къ вѣрѣ, а у питомцевъ свѣтской школы — даже въ невѣріе. Но это не потому, чтобы наша Божественная истина боялась свѣта, боялась разумнаго изслѣдованія, разумной провѣрки. Нѣтъ, это бываетъ лишь въ тѣхъ печальныхъ, хотя, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ

случаяхъ, когда развращенное сердце или самолюбивая своевольная настроенность заранѣе были направлены къ тому, чтобы отыскать поводы къ успокоенію своей совѣсти, къ освобожденію себя отъ всякаго нравственнаго долга. Нѣтъ, если любознательность учащагося юноши чиста и искренна, если она не закрываетъ глазъ отъ внутренняго голоса совѣсти, отъ указаній нравственнаго чувства, то молодая смѣлость и независимость мысли является для нашего учащагося богослова не препятствіемъ, а, напротивъ, преимуществомъ, котораго часто лишается изслѣдователь пожилой, если онъ не прилагалъ особенныхъ заботъ къ тому, чтобы хранить свою мысль въ чистотѣ и непредубѣжденности. Дѣйствительно, какъ часто пожилые люди подвергаются въ своихъ сужденіяхъ односторонностямъ, обусловливаемымъ или прежними ошибками мысли, въ которыхъ не хотятъ признаться, или личною враждою или дружбою съ представителями того или другого направленія въ наукѣ, или просто умственною лѣностью, не желающею измѣнить установившимся, хотя и завѣдомо ложнымъ, отъ Запада заимствованнымъ пріемамъ. Отъ этого свободна мысль молодая, мысль пробуждающаяся. Оставаясь сдержанною и скромною, она однако можетъ всегда найти въ предметѣ новыя незамѣченныя стороны, обнаружить укоренившіяся, для всѣхъ привычныя, ошибки.

Но, быть можетъ кто изъ васъ сказалъ бы: спреведливы слова твои относительно всякой науки, но не богословской. Какую работу для самостоятельной мысли можешь обѣщать ты намъ въ этой области, въ которой все уже рѣшено, гдѣ приходится только запоминать то, что преподается намъ въ общепринятыхъ системахъ, да развѣ прибавлять къ нимъ какія-нибудь историческія дополнительныя справки?..

Къ сожалѣнію, эти безумные глаголы часто слышатся въ нашихъ академіяхъ. А я, напротивъ, утверждаю, что нѣтъ такой науки, которая-бы въ настоящее время такъ сильно нуждалась въ самостоятельныхъ творческихъ умахъ, какъ наука богословская. Кто слѣдитъ за нашими духовными журналами, тотъ знаетъ, какъ нынѣ все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости основательной переработки нашихъ богословскихъ методовъ, объ освобожденіи ихъ отъ заимствованія инославныхъ и ненаучныхъ образцовъ, — о томъ, какъ сильно вліяніе латинства на нашу догматическую систему и протестантства на наше богословское нравоученіе и на истолкованіе св. Писанія. Знаютъ просвѣщенные люди и о томъ, какъ настойчивы требованія людей невѣрующихъ и сектантовъ, чтобы богословіе раскрыло *нравственную цѣнность* нашихъ догматическихъ вѣрованій и нашихъ каноническихъ

и церковно-обрядовыхъ установленій,—чтобы наука наша раскрыла связь между символомъ вѣры и проповѣдью Христа на горѣ,—чтобы она показала не только законность и истинность, но и *святость* всего того, во что мы вѣримъ и какимъ строемъ духовной жизни мы управляемся. Задача высокая, одушевляющая, но въ то же время и въ высшей степени трудная и академическою наукою почти не початая.—Итакъ, не воображай, что твоя умственная энергія, твое желаніе работать самостоятельно, твоя надежда сказать какое-нибудь новое слово не найдутъ достойнаго примѣненія въ нашей богословской наукѣ. Допустимъ, что ты выдающійся талантъ, способный къ сильной критикѣ и могущественному творчеству; въ такомъ случаѣ академія тебѣ очень рада, дай Богъ тебѣ быть вчетверо, въ десять разъ талантливѣе, но современная задача нашей науки столь серьезна и столь трудна, что и двадцати такимъ талантамъ, какъ твой, едва-едва подъ силу будетъ отвѣтить на вышеуказанныя требованія современной богословской мысли.

А знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ въ настоящее время богословская истина для жизни? Значеніе неизмѣримо большее, чѣмъ въ прежнія времена нашей, по крайней мѣрѣ, отечественной, церковной жизни. Лѣтъ триста тому назадъ и болѣе богословскій изслѣдователь работалъ для небольшого кружка подобныхъ себѣ начетчиковъ, а для народнаго множества, даже для духовныхъ нуждъ высшаго общества, его творенія были роскошью, хотя, конечно, небезполезно, но все же такой, безъ которой могла обойтись духовная жизнь тогдашняго времени. Это потому, что въ то время общественная совѣсть и послушаніе церкви охранялись главнымъ образомъ дѣятельнымъ подвигомъ духовныхъ вождей, тѣхъ героевъ христіанства, которые въ самой жизни своей воплощали и выражали красоту и истину Откровенія, которые могли говорить съ божественнымъ Павломъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу,* или въ другомъ мѣстѣ: *имже научистеся и пріясте, и слышасте и видѣсте во Мнѣ, сія творите и Богъ мира будетъ съ вами* (Филипп. IV, 9).

Наше время скудно такими живыми свѣтильниками и привлекающая сила христіанства въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, для общества русскаго и европейскаго, сосредоточивается въ истинности, разумности, святости и красотѣ *христіанскаго ученія*. А потому и дѣло христіанскаго пастыря по отношенію къ маловѣрующему и невѣрующему обществу есть дѣло богослова -учителя. И тотъ богословъ, который съумѣетъ разъяснить нравственное содержаніе христіанскихъ вѣрованій и установленій и показать тщетность и обманчивость нравствен-

ныхъ устоевъ отрицательной мысли, бываетъ великъ и люлюбезенъ для современнаго общества въ большей степени, чѣмъ всякій дѣятель на поприщѣ свѣтскомъ.

Доселѣ мы говорили о естественной, человѣческой сторонѣ вашего призванія и о тѣхъ дарахъ, которые можетъ принести ему ваша юность. Но „*аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи*“, и никакой даръ природы не можетъ быть достаточенъ для того, чтобы совершить дѣло Божіе съ успѣхомъ, если къ сему не присоединится вспомоществующая благодать. Природные дары могутъ совершить лишь благіе порывы, могутъ блеснуть одною-другою свѣтлою мыслію, но создать нѣчто цѣлое съ терпѣніемъ и любовію, разработать ученое предпріятіе или же въ области практической провести юношескую мечту въ жизнь, или усовершить нѣжную товарищескую дружбу до степени братолюбія христіанскаго, до степени долготерпѣливой любви учителя къ ученикамъ или пастыря къ пасомымъ—всѣ подобные, рѣдко наблюдаемые въ жизни, подвиги воли и мысли доступны лишь для того, кто работаетъ не одинъ, не отъ себя, а съ помощью Божественной благодати. Только такой работникъ можетъ сказать съ апостоломъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. XV, 10).

Благодать дается по молитвѣ. Благопріятна-ли бываетъ юность для сего подвига? Да, и если бы вы не пожелали повѣрить въ этомъ мнѣ, то я сошлюсь вамъ на неоднократно слышанныя мною слова покойнаго святителя нашего, Архіепископа Владиміра, любившаго просить молитвъ у юношей и говаривавшаго такъ: „юному легче вознести духъ свой къ Богу въ чистой молитвѣ, нежели человѣку пожилому, ибо душа юноши не въ такой степени подавлена еще мірскимъ, какъ у человѣка старѣющагося, если онъ отъ юности не прилежалъ къ молитвѣ“. Цѣните же, братіе, и это, быть можетъ, самое драгоцѣнное преимущество неразвращеннной юности. И тогда только вы пребудете юношами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, когда будете молитвою ограждать себя отъ другихъ противоположныхъ свойствъ юнаго возраста, отъ того распутства, цинизма, упрямаго своеволія, которые быстро разрушаютъ все истинно юношеское въ сердцахъ ихъ носителей и дѣлаютъ ихъ рано износившимися рабами обыденности, чуждыми нѣжныхъ чувствъ молодого сердца и живой юношеской любознательности, каковыми къ сожалѣнію въ настоящее время являются столь многіе изъ свѣтскихъ студентовъ, чтобы не сказать, большинство ихъ. Лѣтъ 40 — 50 тому назадъ, когда еще общественная жизнь руководилась христіанскими понятіями, всякій студентъ являлся непремѣнно идеалистомъ,

одушевленнымъ труженикомъ просвѣщенія и человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Въ настоящее время, поддаваясь всякому минутному влеченію своихъ похотей, наше свѣтское учащееся юношество, если и одушевляется научными и общественными стремленіями, то очень не надолго, обыкновенно на какіе-нибудь полтора года или и того меньше. Правда, оно охотно продолжаетъ пренебрегать религіозными преданіями, усвоенными изъ школьныхъ учебниковъ и даже, якобы во имя науки, отрицаетъ догматы. Но за этимъ отрицаніемъ таится даже не теоретическое недоразумѣніе или предубѣжденіе, а просто нравственная тупость и разсѣянность житейская, боязливо отвертывающаяся отъ всякаго пробужденія совѣсти. И вотъ, благодаря этой разсѣянности, тупости и развращенности, которыя бываютъ плодомъ юности безрелигіозной, чуждой нравственнаго подвига, свѣтскіе молодые люди вступаютъ въ жизнь не только людьми нравственно-безсильными, но и вовсе непросвѣщенными, необразованными. Напротивъ, какой прекрасный типъ создавали и создаютъ наши академіи изъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, питомцевъ своихъ, которые воспользовались дарами юности для своего нравственнаго совершенства, для служенія Богу и Церкви. Не будемъ указывать на тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ теперь, а вспомнимъ еще разъ недавно умершаго и памятнаго старшимъ изъ васъ Архіепископа Владиміра, который, идя вышеуказаннымъ путемъ со временъ своего студенчества, не только съ пользою послужилъ для Бога и меньшей братіи, но и сохранилъ всѣ свойства юной души до глубокой старости. И я знаю, что съ этимъ наблюденіемъ согласятся всѣ тѣ изъ моихъ слушателей, которые видѣли его.

Итакъ, друзья мои, когда святое Слово Божіе или наше грѣшное человѣческое слово будетъ вновь и вновь напоминать вамъ о томъ, что отнынѣ вы принадлежите не себѣ, но Богу и Церкви, то да не сжимается сердце ваше унынiемъ и грѣховною жалостью къ себѣ и къ своей юности, да не обращается взоръ вашъ съ завистью къ тѣмъ юношамъ, которые свободны отъ подобныхъ обязательствъ и проводятъ дни въ праздномъ веселіи: тамъ нѣтъ юности, тамъ внутренняя смерть и преждевременная старость. А насъ Господь призвалъ „*къ наслѣдству нетлѣнному, чистому, неувядаемому*“ (1 Петр. I, 4), поручилъ намъ воздѣлывать свой виноградникъ и ожидаетъ отъ насъ воздаянія плодовъ „*во времена своя*“. Аминь.

Рѣчь къ воспитанникамъ Уфимск. духов. семинаріи при первомъ посѣщеніи ея.

Прежде чѣмъ закончить нашу предначинательную молитву, хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о томъ, что привело меня сегодня къ вамъ, а затѣмъ изъ этого сообщенія выведемъ для себя назиданіе. Вступая въ предѣлы Уфимской епархіи, я уже имѣлъ свѣдѣнія о составѣ ея населенія, зналъ, что некрещеныхъ здѣсь больше, нежели христіанъ, зналъ я и о томъ, что и христіанское благочестіе здѣсь не безсильно, что больше всего питается оно тремя церковными и народными святынями — чудотворными образами Божіей Матери — Казанской и Табынской и святителя Николая Чудотворца — Березовскаго. Нравы и бытъ инородцевъ здѣшнихъ, и старовѣровъ, и православныхъ тоже были мнѣ знакомы по сосѣдней Казанской епархіи, такъ что ничего новаго, повидимому, не должно было ожидать меня, когда я на пароходѣ по Камѣ и по Бѣлой входилъ въ границы земли нашей, — тѣмъ болѣе, что и путь этотъ былъ мнѣ знакомъ съ 1896 года, когда я посѣщалъ боляшаго владыку Діонисія.

Не ожидалъ я новыхъ впечатлѣній, но вышло иначе, потому что прежде взиралъ я на чужое, а теперь чужое стало своимъ. Видъ многочисленныхъ поселеній со всею ихъ патріархальной деревенской обстановкой, всегда переносящей душу къ дорогимъ воспоминаніямъ дѣтства, обыкновенно вливаетъ въ нее тихую радость и миръ. Но, увы, теперь для такихъ чувствъ не было мѣста, потому что не было въ большинствѣ встрѣчавшихся поселеній ихъ лучшаго украшенія, не было храмовъ Божіихъ, а взамѣнъ ихъ высились мечети... Грустно было смотрѣть на это торжество темнаго заблужденія; вспоминались мнѣ слова Дѣяній: *Павелъ возмутился духомъ при видѣ этого города, полнаго идоловъ* (Дѣян. XVII, 16); *Павелъ понуждаемъ былъ духомъ свидѣтельствовать Іудеямъ, что Іисусъ есть Христосъ* (XVIII, 5). Чѣмъ болѣе умножались временами на горизонтѣ минареты мечетей, тѣмъ тяжелѣе и мрачнѣе становилось у насъ на душѣ. Не та мысль насъ удручала, что населеніе епархіи лишено единства вѣры, не цифровое множество невѣрныхъ насъ печалило—это были бы мысли отвлеченныя и даже горделивыя. Нѣтъ, болѣло сердце отъ непосредственныхъ впечатлѣній. Жаль было этихъ бѣдныхъ, добрыхъ, простосердечныхъ людей-земледѣльцевъ, которые вмѣстѣ съ своими милыми, веселыми дѣтьми суетились на пристаняхъ и входили на пароходъ. Пусть бы не вѣдали

Христа развращенные сыны западной культуры,—тѣ, которые, состарѣвшись въ порокахъ, извратили содержаніе души своей настолько, что уже сами не хотятъ различать доброе отъ злого: но эти сыны — почти неиспорченныя созданія Божіи, почти русскіе по своему быту, по постоянному общенію съ нашими нравами, по усвоенію многими изъ нихъ русской рѣчи, русской одежды, русской военной службы! И вотъ имъ суждено исповѣдывать ложь, принимать за слово Божіе вымыслы празднаго воображенія арабовъ!

Такія печальныя думы наполняли душу мою на пути, но были и свѣтлыя впечатлѣнія отъ разсказовъ моихъ спутниковъ о томъ, какое великое вліяніе на сердца имѣютъ наши мѣстныя святыни. Узналъ я, что не только нашъ русскій народъ—этотъ многовѣковый подвижникъ труда, долготерпѣнія и любви, это поистинѣ святое племя,—но и не вполнѣ еще просвѣщенные вѣрой, хотя и крещеные, инородцы стекаются со всѣхъ концовъ нашего края для поклоненія святынѣ и принимаютъ ее у себя съ крестными ходами по всѣмъ уѣздамъ. Ихъ вѣра такъ сильна, такъ искренне ихъ упованіе на Матерь Божію и на помощь святителя Николая, что и язычники, и даже магометане подвигаются духомъ на молитву предъ нашей святыней и никѣмъ не званные простираются ницъ предъ иконой, произнося вслухъ свои незатѣйливыя прошенія и возжигая свѣчи предъ пречистымъ ликомъ Угодника. Такъ огонь русской вѣры охватываетъ и песчаную землю сердецъ непросвѣщенныхъ, какъ нѣкогда сонмъ пророческій пріобщилъ себѣ Саула, забывшаго въ то время свои убійственные помыслы на Давида и пророчествовавшаго предъ Самуиломъ весь тотъ день (1 Царств. XIX, 24).

Такъ, братіе, свѣтъ святыни нашей освѣщаетъ тьму, но тьма стремится къ расширенію чрезъ магометанскихъ пропагандистовъ, которые дѣйствуютъ небезуспѣшно. Царство духовнаго свѣта и царство тьмы борются между собою, какъ свѣтъ солнышка и тѣни, наводимыя облаками, и послѣдовательно вытѣсняютъ другъ друга по равнинамъ земли.

Объ этомъ думалъ я, сидя на пароходѣ, и мысленно преклонялся предъ нашими святынями, моля Господа, чтобы свѣтъ побѣждалъ тьму: *посли свѣтъ Твой и истину Твою, та мя настависта, введоста мя въ гору святую Твою* (Псал. XLII, 3). Думалъ я еще и о томъ, что вещественная святыня, хотя и одаренная благодатными силами, не можетъ обратить сердецъ: нужна еще въ помощь ей живая святыня, нуженъ духъ ревности живого человѣка, нуженъ отвѣтъ на гласъ вопрошающаго: *кого Мнѣ послать? и кто пойдетъ для Насъ?* (Ис. VI, 8). И вотъ, духъ мой перенесся тогда къ

пастырямъ Церкви и къ сему священному питомнику, къ этой надеждѣ апостольской Церкви, куда нынѣ я снова пришелъ духомъ, и впервые — тѣломъ. Здѣсь вижу я точное подобіе нашихъ мѣстныхъ святынь, здѣсь вижу и живую святыню, освященную Богомъ для служенія народу. Будутъ-ли званные достойны священной вечери, согласятся-ли облечь себя подвигами благочестія въ одѣяніе брачно? Люблю я святыни церковныя, возносящія умъ къ небу и къ священной древности; отъ юности своей любилъ я путешествовать къ роднымъ святынямъ, поклоняться мощамъ святыхъ угодниковъ и посѣщать священныя обители и грады святой Руси; но всегда, кромѣ сихъ святынь вещественныхъ, привѣтствовалъ я и живыя святыни — русскіе вертограды и молился о томъ, чтобы въ нихъ умножалась благодать Божія, возгрѣвалась ревность о спасеніи людей.

Объ этомъ пришелъ я просить васъ, любезные юноши, объ этомъ молиться съ вами пришелъ я нынѣ: *молите Господина жатвы, да изведетъ дѣлатели на жатву Свою* (Лук. X, 2).

Мы сказали, что обращеніе людей Божіихъ къ вѣрѣ не возможно безъ человѣка — ревнителя. *У Меня много людей въ этомъ городѣ*, сказалъ Господь Павлу въ видѣніи: *говори и не умолкай* (Дѣян. XVIII, 10).

И, подлинно, хотя въ настоящее время большую службу служитъ сама русская жизнь, само народное благочестіе и училища для дѣтей, чѣмъ личныя усилія избранниковъ, но служба эта остается неоконченной, останавливается на половинѣ, пока не найдется мужъ-ревнитель, который мощнымъ словомъ своимъ совершитъ окончательный переломъ въ колебавшейся душѣ. И вотъ наглядное тому доказательство. Ѣздилъ я по глухимъ угламъ Казанской епархіи и въ одномъ храмѣ послѣ обычнаго поученія къ людямъ сталъ раздавать крестики школьникамъ, воспѣвавшимъ наши молитвы на различныхъ инородческихъ нарѣчіяхъ. Пѣніе это, дружное и одушевленное, умиляетъ души слушателей, потому что чувствуется въ немъ живая вѣра пѣвцовъ. Каково же было наше изумленіе, когда одна группа пѣвшихъ дѣтей стала застѣнчиво пятиться отъ крестиковъ, и на выраженное мною недоумѣніе одинъ прекрасный мальчикъ робкимъ, извиняющимся голосомъ отвѣтилъ: „мы язычники“. Язычники! А школа существовала въ томъ поселкѣ уже 18 лѣтъ, такъ-что не только старшіе братья, но и отцы этихъ милыхъ, но жалкихъ дѣтей изучали божественный законъ и воспѣвали наши христіанскія молитвы! Не нашлось, значитъ, только человѣка, который своимъ мощнымъ воздѣйствіемъ довершилъ бы ту внутреннюю борьбу, то

колебаніе между Христомъ и Веліаромъ, которую испытывали бѣдные черемисы столько лѣтъ! И не они одни, но, конечно, большинство и нашего Уфимскаго стотысячнаго язычества является носителемъ той же тайной борьбы, — а разрѣшенія ей нѣтъ донынѣ, и во многихъ она весьма склоняется въ сторону магометанства. Въ этомъ, братіе, наше горе, наша безъисходная печаль, нашъ стыдъ, нашъ позоръ! Лишь только вспомнится мнѣ этотъ застѣнчивый отвѣтъ съ книжными словами: „мы язычники", такъ слезы, какъ видите, подступаютъ къ горлу, а въ глазахъ мелькаютъ многочисленныя деревни на равнинахъ нашего края, на прекрасныхъ берегахъ нашихъ рѣкъ, селенія честныхъ простыхъ тружениковъ, воздѣлывающихъ нашу русскую, нашу святую землю и съ кроткимъ упрекомъ говорящихъ мнѣ: „мы язычники!"

Юные други мои, обладающіе мягкимъ, простымъ сердцемъ русскаго семинариста! Не оставайтесь глухими къ этому укору! О, не будьте чужими народу своему! Любите нашу землю, нашу матерь — русскую землю и всѣхъ, кто на ней! Пусть праздные юноши столицъ болтаютъ безъ разума и сознанія о нуждахъ мужика, о его угнетеніи, болтаютъ среди бутылокъ въ увеселительныхъ садахъ, не видя и не зная ни мужика, ни его нужды и нуждаясь сами въ духовномъ просвѣщеніи болѣе, чѣмъ послѣдній мужикъ. А у васъ эти мужики, эти заброшенные инородцы предъ глазами. Не устраняйтесь отъ нихъ, не ищите себѣ иныхъ путей дѣятельности, когда нива Божія уже готова къ жатвѣ вашей! Этимъ вы не только исполните долгъ своего бытія на землѣ предъ народомъ, который вывелъ васъ въ люди своими копѣечными свѣчами въ церковь, но и собственное свое нравственное развитіе поставите на твердую почву. Тогда вы будете помнить, что *куплены дорогою цѣною*, и не станете отдавать себя въ рабство страстей, считая себя обязанными отдать на служеніе духовной жизни младшихъ братьевъ нашихъ. Вспоминайте слова апостола: *неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя въ рабы для послушанія, того вы и рабы, кому повинуетесь,—или рабы грѣха къ смерти, или послушанія къ праведности?* (Рим. VI, 16). А такое порабощеніе себя праведности, которой плодъ *есть святость, а конецъ—жизнь вѣчная* (22), для людей молодыхъ почти невозможно на однѣхъ отвлеченныхъ отъ наличной жизни истинахъ и напротивъ весьма доступно въ сознаніи своей нравственной связанности съ народомъ на почвѣ благотворенія христіанскаго.

Такъ герой одной свѣтской повѣсти нашего лучшаго писателя однажды въ рѣшительный день своей жизни колебался между преступленіемъ и подвигомъ правды. Хотя онъ имѣлъ и чуткую совѣсть, но душа, ослабленная грѣховными страстями,

не находила мужества покориться долгу своему и идти на заслуженную казнь или кару. Но вотъ, ночное сновидѣніе укрѣпило борющагося страдальца. Онъ вдругъ увидѣлъ себя несущимся по русскимъ дорогамъ мимо большихъ селъ и деревень во время народнаго бѣдствія. Мужчины и женщины протягивали къ нему исхудалыя руки, прося хлѣба, а другіе поднимали къ нему малыхъ младенцевъ, тоскливо плакавшихъ отъ голода. Проснулся этотъ человѣкъ и понялъ, что, поставленный выше народа въ этой жизни, онъ долженъ служить ему, онъ понялъ, что не можетъ онъ самъ распоряжаться своею жизнью и подавлять свою совѣсть страстями, потому что онъ связанъ со многими тысячами другихъ людей, которымъ долженъ воздать любовь и помощь, а воздать любовь не можетъ тотъ, кто пятнаетъ душу свою преступленіями, хотя бы и чисто личными, хотя бы и тайными: онъ становится сухъ, себялюбивъ, тяжелъ даже для тѣхъ, къ кому спѣшитъ на помощь. И вотъ, послѣ такихъ видѣній и размышленій побѣждено было преступное малодушіе, и человѣкъ тотъ съ великимъ умиленіемъ сталъ готовиться къ пріятію заслуженныхъ страданій.

Такими же побѣдителями юношескихъ страстей и вообще себялюбія житейскаго явитесь и вы, юные други, если души ваши растворятся жалостію, озарятся любовью къ духовно-голодающему нашему народу. Не говорю уже о томъ, что и умственное развитіе ваше, ваше пониманіе жизни, исторіи, психологіи и особенно христіанства при этомъ условіи поднимутся до несравненной высоты предъ равнодушными къ ближнему молодыми книжниками.

Конечно, не мгновенно, не здѣсь, на людномъ собраніи, а въ уединенномъ размышленіи совершается тайна рожденія духовной жизни нашей, опредѣляются добрыя или грѣховныя склонности характера и жизненныхъ цѣлей.—Вотъ въ эти-то важнѣйшіе, въ эти страшные моменты бытія своего вспоминайте, друзья мои, о нашей смиренной деревнѣ, о сельскомъ храмѣ и свѣтлой заутренѣ, о добрыхъ лицахъ нашихъ крестьянъ и о наивной, полудѣтской рѣчи нашихъ инородцевъ; вспоминайте эти печальныя зрѣлища кереметей и минаретовъ, и кроткій укоръ намъ всѣмъ: „мы язычники“.

Тогда отлетитъ отъ васъ помыслъ горделиваго удаленія отъ народа, стремленіе къ барству, къ пятитысячнымъ окладамъ, къ званію свѣтскаго чиновника, къ интересамъ свободнаго туриста.—Тогда познаете вы темную ложь всѣхъ обольщеній юности, вамъ противенъ станетъ развратъ и горделивое непослушаніе Церкви. Тогда познаете вы, что именно въ этомъ себялюбіи и развратѣ, не желающемъ признаться въ своей порочности, лежитъ, по слову Христову (*въ родѣ семъ прелюбо-*

дѣйномъ и грѣшномъ), основаніе сперва религіознаго равнодушія, а затѣмъ и невѣрія, старающагося кутаться въ одежду учености и въ то же время не желающаго никогда знать того, что говоритъ наука въ защиту вѣры.

Скажу о себѣ, что никогда голосъ совѣсти съ такою силою не вопіетъ въ моей душѣ, какъ во время объѣзда приходовъ среди колѣнопреклоненнаго предо мною народа, который въ смиреніи своемъ гораздо ближе къ Богу, чѣмъ мы грѣшные. Каковъ же долженъ быть тотъ, предъ кѣмъ простираются ницъ эти дѣти Божіи,—думаю я въ это время,—и скорбь о согрѣшеніяхъ своихъ я переживаю тогда съ такою силою, какъ будто мыслю себя на страшномъ судѣ.—А какою благодарностію воздаютъ эти дѣти Божіи даже за каплю духовнаго участія къ нимъ, за самое не мудрое слово любви и назиданія! Поистинѣ, еслибъ вы хотя десятую часть той благодарности питали къ вашимъ наставникамъ, то почитались бы самыми образцовыми учениками. Любите же, братіе, народъ, любите землю нашу, нашъ край. Итакъ, союзомъ любви связуеми, владычествующему надъ всѣми Христу, отдайте себя на служеніе братіи Его, просвѣщайте сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, не отрекайтесь пить чашу Его и креститься Его крещеніемъ, да будете первыми во царствіи Его, со Іоанномъ и Іаковомъ и всѣми апостолами.

Рѣчь на торжественномъ актѣ 26-го сентября 1900 года,—въ день празднованія 100-лѣтняго юбилея Уфимской духовной Семинаріи.

Нашъ праздникъ долженъ быть исполненъ благодарною памятью прошлаго. Столѣтіе семинарской жизни своею большею частью принадлежитъ типу *стараго семинариста*, коего представители, убѣленные почтенными сѣдинами, присутствуютъ и здѣсь не въ маломъ количествѣ. Итакъ, да здравствуетъ старый семинаристъ!

Какими чертами опредѣлить этотъ типъ? Я укажу на три его отличительныя черты, съ отроческихъ лѣтъ поражавшія меня, какъ посторонняго въ данномъ случаѣ наблюдателя, при встрѣчѣ съ членами сельскаго клира моей новгородской родины. Среди этого клира были и хорошіе люди и не очень хорошіе, были безпорочные, были и порочные. Но три свойства были присущи ихъ весьма разнообразнымъ

характерамъ. Во-первыхъ, они всѣ глубоко и благоговѣйно любили свою семинарію. Да и вообще даже всякій, исключенный изъ философіи, старикъ псаломщикъ, котораго жизнь вдвинула въ условія почти мужицкаго земледѣльческаго быта, когда вернешь его мысль къ семинарскимъ воспоминаніямъ, становится задушевенъ и говоритъ съ торжественностью. Вотъ онъ ведетъ подъ уздцы свою лошадь на водопой. — А что старикъ слышалъ ты о Кантѣ? И онъ забываетъ о ненапоенной лошади и обращается къ подробнымъ воспоминаніямъ о своемъ наставникѣ по философскимъ предметамъ и почти со слезами начинаетъ сѣтовать на свою горькую участь понудившую его выйти изъ семинаріи до окончанія курса ради пропитанія престарѣлыхъ родителей и неустроенной семьи.

Вотъ иной типъ священника суроваго, властнаго, котораго и прихожане, и семья считаютъ деспотомъ, онъ непривѣтливъ и далеко не безкорыстенъ. Но заговорите съ нимъ о старой семинаріи, о ректорахъ-архимандритахъ и объ экзаменахъ съ архіереемъ, сейчасъ разгладится на лбу его глубокая морщина, и онъ начнетъ перечислять высокія качества духа и многочисленныя познанія своихъ начальниковъ, удесятеряя все это съ наивностью институтки. Суровая была школа, а не озлобляла противъ себя, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ современной „гуманной“ свѣтской школой.

Второе качество прежняго семинариста — это глубокое, благоговѣйное уваженіе къ наукѣ. Конечно, были среди нихъ и прилежные и лѣнивые, но лѣнь все таки всегда считалась порокомъ, а въ школѣ свѣтской она составляетъ, при плохихъ или сердитыхъ учителяхъ, предметъ похвальбы и удали, а прилежаніе осмѣивается, какъ признакъ тупости и трусости. Напротивъ, семинаристъ всегда уважалъ ученье, и учителя, и преуспѣвающаго товарища.

Еще болѣе привлекательно третье свойство семинариста, воспринятое имъ вмѣстѣ со многими другими качествами, отъ *простого народа* и совершенно чуждое сословіямъ интеллигентнымъ. Именно, мы хотимъ указать на то, что пороки юности и, въ частности, развратъ почитается въ этой средѣ дѣломъ постыднымъ и если проникаетъ въ нее, то тайкомъ, такъ что предающіеся сему пороку скрываютъ его даже отъ товарищей. Напротивъ, среди юношества свѣтскаго нравственное извращеніе дошло до того, что обыкновенно не развратъ, а цѣломудріе бываетъ предметомъ стыда и укрывательства, а въ явномъ безпутствѣ такіе находятъ предметъ похвальбы и соревнованія.

Закончимъ теперь наше противопоставленіе, хотя оно вовсе не полное, и посмотримъ, сумѣли-ли оцѣнить эти отли-

чительныя преимущества духовной школы. Къ сожалѣнію, не всегда умѣли. Именно, 30 лѣтъ тому назадъ неумѣлые радѣтели духовной школы задались мыслью уподобить ее во всемъ школѣ свѣтской, лишить ее всѣхъ отличительныхъ свойствъ ея. Не будемъ хаять свѣтской школы, но жизнь ея, перенесенная на духовную почву, давала горькіе плоды. Реформа эта угрожала уродливыми наростами на нашемъ церковномъ тѣлѣ и была опасность распространенія весьма нежелательнаго типа священника-чиновника. Къ счастью правительство скоро остановило развитіе этой неумѣлой реформы, стараясь снова возстановить духъ прежней семинаріи. Но и этотъ благой переворотъ не спасъ бы насъ отъ равнодушія къ вѣрѣ и Церкви, отъ оппортунизма и формализма, еслибъ не были такъ непоколебимо устойчивы перечисленныя свойства семинарскихъ характеровъ. Характеры эти выдержали напоръ *льстиваго духа* оміщенія и теперешній семинаристъ новаго типа тоже любитъ свою школу, тоже чтитъ науку и ученье, тоже не поклоняется пороку и не хвалится имъ. За эти качества семинарскаго характера да будетъ слава духовной школѣ и духовному сословію.

Но паче того, да будетъ слава и благодарность великому народу нашему, потому что именно отъ него, отъ этого вѣкового источника, народные пастыри издавна усвоили неизмѣнное ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни преклоненіе предъ добромъ и осужденіе зла!

Воздадимъ же народу нашему за это благодарною службою ему. Но вѣдь и народъ взялъ эти качества не изъ нѣдръ собственнаго духа, а отъ духа Церкви Вселенской. И вотъ ей да будетъ наше благодарное, безраздѣльное, нелѣностное служеніе! Объ этомъ, други, мое заключительное напоминаніе вамъ въ этотъ торжественный юбилейный день. Да будутъ слова нашего исповѣданія: „Вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь“ не словами только, а дѣломъ нашей жизни. Надо любить свой приходъ, любить свой край, свое отечество, его Престолъ, но превыше всего любить и восторженно чтить Святую Церковь, юже отъ конецъ до конецъ собранную.

Вмѣстѣ съ народомъ нашимъ будемъ себя мыслить прежде всего ея сынами, ея слугами. Пусть не только нашъ край будетъ для насъ своимъ, но и Святой Аѳонъ, и Іерусалимъ, и Синай. Не только нашихъ русскихъ, но и всѣхъ братьевъ по церкви будемъ считать своими, какъ велѣлъ намъ Божественный Павелъ. Тогда мы не только выполнимъ исповѣданіе вѣры нашей, но и дѣятельность нашу, даже самую скромную, исполнимъ безконечно-широкой и святой поэзіей. Какъ въ

малой, но чистой, каплѣ отражается все огромное солнце, такъ и въ скромномъ приходскомъ дѣланіи церковнаго пастыря раскрывается вся полнота Христовой Церкви. И прошедшее, и будущее, и земное, и небесное, и малое уединенное село, и безконечная вселенная, и смиренная молитва сотни крестьянъ, и великое искупленіе на Голгоѳѣ, и страшный Судъ, и воскресеніе мертвыхъ—все это совмѣщается въ духѣ и жизни дѣятеля церковнаго. Никакая громкая, даже историческая дѣятельность генія ума или воли, никакой Александръ Македонскій, или Колумбъ, или Ньютонъ не могутъ похвалиться такимъ широкимъ, ни, тѣмъ менѣе, такимъ глубокимъ общеніемъ съ людьми, и съ исторіей, и съ Богомъ, какъ служитель Вселенской Церкви, какъ священникъ Божій, приводящій словесныхъ овецъ ко Христу, чтобъ изъ всѣхъ составить одного новаго человѣка. И если бы такой служитель ослабѣлъ въ своей жизни и даже низко палъ, то все-таки никогда онъ не останется нравственно одинокимъ, какъ борецъ мірской, никогда не скажетъ: „мнѣ больше некуда идти“, потому что онъ стоитъ на непоколебимомъ камнѣ, котораго не одолѣютъ адова врата. Поминайте, други мои, эту истину, вспоминайте день сей, когда она такъ ощутительно раскрывается предъ всѣми вами въ нашемъ духовномъ общеніи и память сего дня да утверждаетъ, да ограждаетъ, да вдохновляетъ сердца ваши во всѣ дни жизни!

В) Слова на постриженіе въ монашество и на посвященіе епископовъ.

СЛОВО

при постриженіи студентовъ Московской Духовной Академіи — свящ. Іоанна Грекова (Василія) и Николая Борисоглѣбскаго (Григорія) [1]).

Возлюбленные братіе!

Итакъ, совершилось! Произнесенъ священный обѣтъ; отринутъ міръ съ его преходящею похотью (1 Іоан. II, 17), отринутъ духовный Египетъ плотской жизни, пройдено Черное море рѣшимостью умереть для міра: предъ вами теперь только Господь, ведущій васъ Своимъ закономъ въ обѣтованную землю спасенія. Вы воспѣваете, какъ Израиль, торжественную пѣснь побѣды и въ сердцахъ вашихъ слышаться одни глаголы Божественной воли, какъ нѣкогда при Синаѣ. И неправда ли, какъ живительны, какъ могучи эти слова Его воли: *„Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене!“* Сколь жалкими и пустыми вамъ теперь представляются всѣ эти *„иные боги“* жизни, какъ унизительно и гнусно египетское рабство грѣху, какъ презрѣнно, какъ суетно всякое иное стремленіе, всякое иное намѣреніе, кромѣ исполненія божественной воли, какъ постыдна самая возможность вожделѣть міра, вожделѣть котловъ египетскихъ!

Такъ просвѣщается человѣческій духъ чрезъ *„обѣщаніе Богу доброй совѣсти“* (1 Петр. III, 21), такъ возносится онъ къ Господу въ минуту исповѣданной рѣшимости презрѣть ради Него міръ... А можетъ быть онъ возносится еще выше? Можетъ быть проникаетъ въ любовь Христову еще глубже? Можетъ быть не забываетъ въ Немъ всего міра, но снова обрѣтаетъ его искупленнымъ и освященнымъ въ Христѣ, обрѣтаетъ Христа, не отдѣльнаго отъ міра, но объемлющаго міръ и спасающаго міръ, обрѣтаетъ Христа, все оглавляющаго Собою, подъявшаго на Себя наши немощи и понесшаго наши болѣзни? (Матѳ. VIII, 17). Быть можетъ вашъ духъ, отринувъ мірской

[1]) Первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церк. Вѣдомости„ 1891 г. № 10.

грѣхъ и возненавидѣвъ его прелесть, съ высотъ духовнаго созерцанія, сквозь лучи любви Божественной, взираетъ на міръ не съ презрѣніемъ, но съ состраданіемъ, не съ негодованіемъ о его отрѣшенности отъ Бога, но съ великою ревностью о томъ, чтобы всѣмъ, всему міру удѣлить частицу того небеснаго свѣта общенія съ Господомъ, который нынѣ озарилъ ваши сердца.

Да, блаженны эти мгновенія, братіе, и да будутъ они вамъ памятны всю жизнь и во всякой скорби воспоминайте, какъ Израиль: *„о томъ днѣ, когда ты стоялъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ... и говорилъ Господь къ вамъ... и объявилъ Онъ вамъ завѣтъ Свой, который Онъ велѣлъ исполнять вамъ“*. (Втор. IV, 10—13). Великъ сей день сознательнаго обрученія съ Богомъ, сознательной смерти міру: поистинѣ онъ подобенъ богообщенію при Хоривѣ! — Однако и того нельзя скрыть отъ васъ, братіе возлюбленные, что какъ отъ Хорива еще далеко до Земли Обѣтованной, такъ великъ и труденъ путь отъ обѣщанія до полнаго осуществленія правилъ духовной жизни. Прославили іудеи Бога въ пустынѣ и поругались фараону и Египту, а потомъ въ малодушномъ воплѣ выражали свое сожалѣніе о потерѣ рабской жизни, о котлахъ и мясахъ египетскихъ. — Быстро и рѣшительно Апостолы *„оставили все и послѣдовали за Христомъ“* (Матѳ. XIX, 27), но какъ медленно уразумѣвали они Его законъ, съ какимъ трудомъ сердца ихъ отрѣшались отъ міра, какъ единодушно покинули они своего Учителя при приближеніи смертнаго страха! О, братіе, и васъ не минуютъ искушенія міра: то, что въ сей священный для васъ вечеръ вамъ представляется пустымъ и жалкимъ, въ день испытанія будетъ манить васъ; сладостные глаголы евангельскихъ обѣтованій могутъ быть заглушаемы на время иными звуками грѣховной жизни; Масса и Мерива не минетъ васъ и укушенія ядовитыхъ змѣй будутъ грозить вамъ. Что-же вы противопоставите искушеніямъ? Чѣмъ побѣдите бѣса гордыни, чѣмъ отгоните духа уныніе? куда убѣжите отъ разсѣянія мірского, отъ соблазновъ лѣни, чувственности или раздражительности? Указывать-ли вамъ на спасительное врачество молитвы, на силу поста, на пристань богомыслія и безмолвія, на мечъ изученія слова Божія и отеческихъ писаній? Да, безъ этихъ родовъ духовнаго врачеванія, конечно, невозможно спастись, и горе тому монаху, который бы вздумалъ обойтись безъ нихъ, который не въ нихъ полагаетъ существеннѣйшее содержаніе своей жизни, онъ будетъ монахомъ только по внѣшнему своему обличію, а духовная жизнь скоро покинетъ его. Итакъ, названные подвиги необходимы для сохраненія и развитія духовной жизни. Но, увы, будутъ-ли

они въ вашей власти настолько, насколько это потребуется? Тѣ роды послушаній, которые ожидаютъ васъ, не будутъ-ли васъ держать среди людей, и людей мірскихъ, большую часть вашихъ дней?

Итакъ, нельзя-ли на самомъ этомъ послушаніи найти еще какое-либо спасительное средство для постояннаго побѣдоноснаго торжества надъ духомъ міра сего и, оставаясь среди міра за послушаніе, быть не отъ міра, какъ ученики Христовы? (Іоан. XVII, 15—16)

Есть, возлюбленные братіе, одна сила, которая, усваиваясь нами при обращеніи въ мірѣ, въ то-же время возноситъ насъ къ Богу: эта сила есть любовь. Пребывая въ любви, вы тѣмъ самымъ пребудете въ Богѣ (1 Іоан. IV, 16), сохраняя любовь, вы среди міра будете далеки отъ всего мірского: отъ зависти, отъ превозношенія, отъ гордости, отъ безчинства, отъ раздраженія, неправды, злорадства и недовѣрія (1 Кор. XIII, 5—7), но будете всегда сохранять высокое сознаніе богообщенія. Пребывая въ любви, вы останетесь истинными монахами среди міра, и наоборотъ—въ уединенной пустынѣ духовными гражданами вселенскаго царствія Божія. Монахъ есть тотъ — говоритъ блаженный Нилъ Синайскій — кто, удаляясь отъ всѣхъ, со всѣми живетъ въ единеніи и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя. Любовь есть та царственная добродѣтель, для развитія которой удобны и шумный рынокъ, и уединенная келья, и послушаніе, заставляющее обращаться среди даже злыхъ людей, и молитвенное общеніе съ міромъ небеснымъ. Встрѣчая порокъ, любовь проникается состраданіемъ и учительною ревностью, а входя въ общеніе со святыней — она веселится и торжествуетъ. О, братіе, держитесь любви! Съ нею не страшны искушенія, ея паче всего трепещетъ діаволъ, ее выше всего похваляетъ Христосъ. Если сохраните любовь, то въ васъ сохранится высокое настроеніе настоящаго дня, духовный Синай всегда останется предъ вами. Любовью довелъ Моисей народъ до земли обѣтованной, умоливъ ею праведно разгнѣваннаго Владыку: любовію и вы пройдете земное поприще среди міра невредимы отъ міра, какъ Израиль прошелъ Іорданъ, не омочивъ ногъ своихъ. Божіимъ свѣтомъ Твоимъ, Блаже, утреннюющихъ Ти души любовію озари. Аминь.

Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи—діакона Павла Сосновскаго (Діонисія) [1].

Возлюбленный братъ — священноинокъ!

Ты исповѣдалъ предъ Богомъ и церковью рѣшимость оставить міръ и стремиться къ сокровищамъ одной духовной жизни.—Господь призываетъ насъ къ ней различными путями. Иному отъ юности Онъ возлагаетъ восторженное преклоненіе предъ христіанскими совершенствами и готовность пожертвовать ради нихъ благами міра; другихъ, какъ и тебя, самою жизнью научаетъ уразумѣть скоропреходящее значеніе этихъ благъ, неожиданно отнимая ихъ отъ человѣка, лишая его дорогой семьи или имущества, или общественнаго положенія. Тотъ и другой путь есть дѣло промыслительной благодати, наше-же дѣло спѣшить къ исполненію ея предначертаній, довершать тотъ подвигъ, коему начало она предуказуетъ. Для тебя, возлюбленный братъ, Господь уже исполнилъ половину подвига, тяжкими лишеніями отвративъ твое сердце отъ любви къ міру. Это охлажденіе къ міру есть одна необходимая сторона духовной жизни, такъ трудно усваиваемая людьми молодыми, не знающими горестей житейскихъ. Прославляй же Всевышняго, какъ Іовъ, что Онъ Самъ исполнилъ часть твоего подвига, который другими достигается лишь продолжительной борьбой. Теперь тебѣ предлежитъ усваивать другую сторону благодатной жизни,—ея положительное содержаніе, т. е. тѣ евангельскія или духовныя добродѣтели, изъ которыхъ оно слагается, которымъ въ твоей душѣ Господь очистилъ теперь свободное мѣсто, заполняемое любовью къ міру у всѣхъ, не испытавшихъ обманчивости его утѣшеній. Наполни же твою монашескую жизнь плодами духа, которые суть: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V, 22). О томъ, какъ пріобрѣтать ихъ, тебя научатъ святые учители монашеской жизни временъ древнѣйшихъ и лучшихъ: одно только предостереженіе пріими въ сей священный часъ въ виду тѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ, въ которыя ты будешь поставленъ. Замѣтилъ ли ты, что всѣ, исчисленные Апостоломъ, плоды духа произрастаютъ не во внѣшней, а во внутренней жизни, касаются не дѣлъ внѣш-

[1] Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церков. Вѣдомости“. 1892 г., № 27.

нихъ, а сокровеннѣйшихъ настроеній души? А если такъ, то, провѣряя свою жизнь и совѣсть, остерегайся удовлетворяться тою оцѣнкой, какую дадутъ ей окружающіе тебя люди. Правда, если оцѣнка эта будетъ укорительная, то со смиреніемъ и готовностію старайся исправить свои недостатки; но если она будетъ похвальная, то смотри, не полагайся на нее: иначе встрѣтишь въ этомъ неодолимое преткновеніе на пути къ совершенству. Возможно, что ты будешь окруженъ любовью учениковъ, похвалами начальниковъ, будешь получать все высшія и высшія полномочія по управленію различными отраслями жизни церковной: но смотри, не успокаивай совѣсти твоей на похвалахъ и успѣхахъ, спрашивай чрезъ слово Божіе и самоуглубленіе—отзывовъ иного Судіи, Который зритъ не на лица, а на сердце (1 Цар. XVI, 7), Который одинъ будетъ судить тебя, не спрашиваясь ни у кого, не слушая никакихъ человѣческихъ похвалъ, одобреній или почестей.—Если будешь изслѣдовать себя не по рѣчамъ людей, но чрезъ постоянное испытаніе своей собственной совѣсти, мысленно возносясь предъ судъ Господа, то путь твоей духовной жизни благонадеженъ. Однако знай и то, что нелегко бываетъ остаться вѣрнымъ сему спасительному правилу—жить *по внутреннему человѣку* (Римл. VII, 22)—при совершенно противоположномъ направленіи современнаго человѣчества, полагающаго всѣ цѣли своей дѣятельности въ успѣхахъ внѣшнихъ, при стремительномъ соревнованіи каждаго другъ передъ другомъ отличаться въ глазахъ властей, при общемъ непониманіи истинной цѣли жизни, при насмѣшливомъ недовѣріи ко всякому духовному внутреннему дѣланію. Легковѣсны и скоропреходящи эти внѣшніе успѣхи, непостоянна и пуста искусственно привлеченная любовь толпы, ненасытима и мучительна богопротивная жажда почестей: но, увы,—общее увлеченіе этой *суетой и томленіемъ духа* становится столь-же опаснымъ для любителя духовной жизни, какъ для богоизбраннаго народа израильскаго въ Вавилонѣ—общеніе съ язычниками, покланявшимися суетѣ идольской. Посему и къ твоей жизни, любезный братъ, будутъ приложимы слова посланія Іереміи, коими онъ напутствовалъ переселенцевъ. „*Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, и золотыхъ, и деревянныхъ, носимыхъ на плечахъ, внушающихъ страхъ язычникамъ. Берегитесь же, чтобы и вамъ не сдѣлаться подобными иноплеменникамъ и чтобы страхъ предъ ними не овладѣлъ и вами. Видя толпу спереди и сзади ихъ поклоняющеюся предъ ними, скажите въ умѣ: Тебѣ должно поклоняться, Владыко! Ибо ангелъ Мой съ вами, и онъ защитникъ душъ вашихъ*“ (ст. 4—6). Итакъ, среди многошумной, обольстительной жизни внѣшней да созрѣ-

ваетъ въ тебѣ та незримая внутренняя жизнь, сокровище которой останется извѣстнымъ только тебѣ одному, какъ тому мудрому купцу евангельскому, узнавшему о сокрытой подъ землей жемчужинѣ и не пожалѣвшему ради нея всего имѣнія. Самъ Господь да дастъ тебѣ, *по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу* въ сердце твое (Ефес. III, 16). Животъ твой будетъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ (Колосс. III, 3), а міръ будетъ покланяться лести. Но если ты не соблазнишься его примѣромъ, то легко увидишь, что не только ты самъ въ своей учительской и пастырской дѣятельности будешь приносить лишь столько плодовъ и истинной, а не кажущейся, пользы, сколько будетъ въ тебѣ самомъ силъ духовныхъ: но убѣдишься и въ томъ, что и всѣ люди, бѣгающіе за призраками текущей минуты, на самомъ дѣлѣ получаютъ истинное удовлетвореніе лишь въ исполненіи требованій совѣсти, почему и находятся въ постоянномъ смятеніи, не умѣя исполнять этихъ требованій. И не всегда они находятся въ духовномъ ослѣпленіи страстей и міра. Всякій изъ нихъ переживаетъ часы просвѣтленія. Не часто ихъ посѣщаютъ эти благословенные часы и дни, но ими ознаменовываются важнѣйшіе переломы въ ихъ жизни личной и семейной, а въ особенности приближеніе столь страшной для нихъ смерти. И вотъ въ такіе часы, какъ горько они оплакиваютъ свою безсмысленную жизненную суету! Съ какимъ довѣрчивымъ благоговѣніемъ готовы они бываютъ броситься къ ногамъ всякаго, имѣющаго въ себѣ начала жизни духовной! Какимъ раболѣпнымъ поклоненіемъ желаютъ они вознаградить его за прежнее пренебреженіе! Какъ понятною тогда станетъ и тебѣ истинность избраннаго тобою пути! Однако и здѣсь берегись искушеній: берегись горделиваго превозношенія; не скажи въ сердце твоемъ: а вотъ они пришли ко мнѣ и поклонились, но съ любовію и прощеніемъ, принявъ кающихся, какъ Іосифъ своихъ братьевъ, вознеси свой умъ къ престолу Сердцевѣдца и воспой Ему хвалебно-благодарственную пѣснь за то, что Онъ не по твоимъ заслугамъ, но по дару тунѣ дарованной благодати, воззвалъ тебя, одного изъ немногихъ, *въ чудный Свой свѣтъ* (1 Петр. II, 10), и съ любовію и смиреніемъ свѣти этимъ свѣтомъ дольнему міру. Аминь.

Слово при постриженіи въ монашество студента Московской Духовной Академіи Данилова (Стефана) [1].

Новый путь жизни воспринялъ ты, о брате, воспринялъ и новое имя. Церковь обручила тебя Христу и соединила тебя новымъ союзомъ со святымъ первомученикомъ Его архидіакономъ Стефаномъ. Союзъ сей долженъ заключаться и въ томъ между прочимъ, чтобы ты подражалъ добродѣтелямъ сего святого апостола. Великъ былъ святой Стефанъ въ своей вѣрѣ, которою *„совершалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ“*; славенъ былъ онъ въ своей надеждѣ, которая не покидала его, окруженнаго цѣлымъ синедріономъ христо-ненавистныхъ, и открыла ему славу Божію на небѣ; еще изумительнѣе была его святая любовь, научившая его молиться за своихъ мучителей-убійцъ. Въ вѣрѣ, конечно, твердъ и ты, припадающій ко святому жертвеннику и къ святой дружинѣ сей; дай Богъ тебѣ и всѣмъ намъ еще болѣе усовершенствоваться *„отъ вѣры въ вѣру“* (Римл. I, 17), но въ сей день, когда ты, пріявшій всеоружіе Божіе, исходишь на подвигъ духовной брани (Ефес. VI, 12, 13), подобаетъ тебѣ главное вниманіе устремить на усвоеніе святой надежды, которою прославился блаженный Стефанъ въ день своего преставленія, ибо надежда есть не иное что, какъ сосредоточеніе своей вѣры во всегдашнюю всѣмъ помощь Божію на исходахъ собственной борьбы съ грѣхомъ, міромъ и діаволомъ. Подвижничество и монашество есть по преимуществу подвигъ надежды, ибо оно не дозволяетъ человѣку остановиться на настоящемъ, но велитъ повторять слова св. Павла: *„стремлюсь, не достигну-ли и я, какъ достигъ меня Іисусъ Христосъ. Братіе, я не почитаю себя достигшимъ, а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ“* (Фил. III, 12—14). Повидимому, для вѣрующаго въ Божественное вседержительство и промышленіе не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при добромъ желаніи собственнаго сердца, и помощь Божія никогда не оставитъ его въ борьбѣ съ искушеніями и не покинетъ ни въ какихъ обстоятельствахъ, пока не возведетъ къ небесному царству. Мы слышали сейчасъ въ чинѣ постриженія слова Божія, сказанныя чрезъ пророка: *„еда забудетъ жена отроча*

[1]) Произнесено въ церкви Моск. Дух. Академіи въ январѣ 1892 года.

свое, еже не помиловати исчадія чрева своего, аще же и забудетъ ихъ жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь" (Ис. XLIX, 15). Но какъ ни несомнѣнны слова сіи, какъ ни ясно убѣждаетъ насъ разумъ въ томъ, что Господь между ищущими Его никого не отлучаетъ отъ Своего непобѣдимаго заступленія, но всетаки людей вѣрующихъ много, а людей, полагающихся на Божіе попеченіе мало, хотя послѣднее по свидѣтельству разума и по нарочитымъ обѣтованіямъ Господнимъ не отдѣлимо отъ первой. Отсюда видимъ, что много погрѣшаютъ тѣ, которые считаютъ разумъ врагомъ благочестія: не разумъ его врагъ, но неразуміе;—видимъ и то, что ненапрасно надежда почитается въ христіанскомъ ученіи особою добродѣтелью, о стяжаніи которой должно прилагать особенное усердіе, дабы сказать съ Апостоломъ: „*хвалимся надеждою славы Божіей*" (Римл. V, 2). Трудись-же и ты, брате, надъ стяжаніемъ сего дара, дабы никогда его не лишаться. Смотри, даже одинъ изъ лучшихъ учениковъ Христовыхъ, видѣвшій Его, идущаго по водамъ, поколебался въ надеждѣ на Его помощь и началъ тонуть; примѣчай и то, что самому пламенному Апостолу вѣры Господь явился снова и снова, чтобы поддерживать въ немъ надежду на побѣду истины. Блаженны всѣ уповающіе на Господа (Пс. II, 16), но горе тѣмъ, которые чужды сего упованія. Отступая отъ надежды на Бога, но не теряя чувства самосохраненія, душа человѣка начинаетъ полагаться на начала земныя, на богатство, на высокое положеніе въ обществѣ, на здоровье, на почетъ отъ людей. Всѣ эти приманки становятся ея упованіемъ вмѣсто Бога (Іовъ XXXI, 24—29) и, коснѣя въ этомъ грѣховномъ настроеніи, человѣкъ удаляется отъ Господа все больше и больше. — Впрочемъ, если онъ и не поддается упованіямъ земнымъ, но въ то же время не будетъ сохранять упованія на Господа, на помощь Его для своей духовной брани, то не будетъ ему пользы ни отъ подвиговъ, ни отъ лишеній, ибо если все сіе будетъ твориться увѣренностью въ собственныхъ силахъ, то не послужитъ на пользу, ибо подобный самонадѣянный подвижникъ не избѣгнетъ того, чтобы умерщвляя однѣ страсти, оживлять другую злѣйшую страсть гордыни. Если же подвижникъ избѣгнетъ и сей пропасти самопаденія, но не позаботится о храненіи истинной надежды, то будетъ малодушенъ и боязливъ, неспособенъ ни къ борьбѣ, ни къ перенесенію скорбей. Какъ-же научиться намъ немощнымъ во всѣхъ обстояніяхъ жизни сохранять сознаніе той простой истины, что если Господь всегда добру помогаетъ, то не дастъ и намъ искуситься паче, нежели можемъ? (1 Кор. X, 13).

Для отвѣта на сей вопросъ должно изслѣдовать, что именно

становится преградой между вѣрой и надеждой; между нашимъ вѣрующимъ разумомъ и чувствомъ, постоянно теряющимъ надежду? Чѣмъ затемняется въ сердцѣ нашемъ свѣтъ вѣры, лишь только приходится намъ примѣнить ее къ помощи Божіей въ нашей духовной брани? Затемняется онъ житейскимъ разсѣяніемъ и страстями, по причинѣ которыхъ душа наша наполняется такимъ мракомъ, что при всей вѣрѣ въ милосердіе Божіе человѣкъ начинаетъ сомнѣваться въ своей къ нему доступности.

Но это сомнѣніе, выразившееся въ недобромъ присловіи: до Бога высоко,—не есть голосъ истины, ни здраваго разума; оно исходитъ изъ смятенной грѣхами и разсѣянной души, какъ выраженіе ея общаго одебелѣнія и лѣности. Такія состоянія должно и можно препобѣждать, во-первыхъ, сосредоточеннымъ размышленіемъ, а во-вторыхъ, непрестаннымъ призываніемъ имени Божія: размышленіе напомнитъ унывающему, что Господь и лютѣйшихъ грѣшниковъ призывалъ къ покаянію, а непрестанное призываніе имени Божія наполнитъ смятенную душу свѣтлыми образами Спасителя нашего и изгонитъ плѣняющіе ее помыслы.

И еслибъ подвижникъ жилъ такъ, чтобы всегда хранить ясность созерцанія и не отступать умомъ своимъ отъ существа Божія, то не удалялся бы отъ надежды, а еслибъ не удалялся отъ надежды, то не останавливался бы ни предъ какимъ подвигомъ и самопожертвованіемъ. Жизнь монашеская такъ именно и для того именно и устроена ея подвигоположниками, чтобы содѣйствовать слабому человѣку въ этомъ духовномъ трезвеніи,—молитвѣ и изученіи закона Божія. Посчему и ты, возлюбленный братъ, когда приступишь къ исполненію правилъ монашескихъ съ обычнымъ тебѣ усердіемъ, отыскивай въ нихъ тотъ духъ, которымъ всѣ они проникнуты, и ты увидишь, что духъ монашеской жизни, есть духъ христіанской надежды, поддерживаемый постояннымъ очищеніемъ сердца и заключающійся въ томъ, чтобы хранить увѣренность въ неотступной помощи Божіей духовнымъ борцамъ, на всякій часъ отдающимъ исходъ дѣлъ своихъ на волю Божію и не пекущихся *„для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, и для тѣла вашего, во что одѣться“* (Матѳ. VI, 25).

Въ томъ и цѣль монашескихъ лишеній и терпѣнія, чтобы хранить и утверждать надежду по слову Апостола: *„скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе; упованіе же не посрамитъ* (Рим. V, 4, 5).

Такое блаженное упованіе будетъ тебя содержать въ постоянной близости къ Господу, а при сей близости любовь Божія изольется въ твое сердце Духомъ Святымъ (ст. 6), дабы

ты, подобно своему новому покровителю, усовершаясь отъ силы въ силу, могъ свѣтить міру сочетаніемъ всѣхъ трехъ высшихъ добродѣтелей и простиралъ бы свою любовь до такой высоты, чтобы съ любовію молиться за своихъ враговъ подобно св. Стефану. Аминь.

Слово при постриженіи вольнослушателей Московской Духовной Академіи М. Ѳ. Алексѣева и В. М. Машкина [1]).

Возлюбленные братіе, новоначальные иноки! Въ особенныхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ совершилось ваше постриженіе. Обыкновенно высшая степень монашескаго званія дается для болѣе уединеннаго и много молитвеннаго подвига, а для васъ она соединяется съ оставленіемъ обителей и водвореніемъ среди общества, по преимуществу мірского. Въ свое время вы добровольно оставили общество и міръ, водворившись въ строгихъ и уединенныхъ обителяхъ для поста и молитвы; но вотъ самый подвигъ монашескаго послушанія старцамъ вызываетъ васъ изъ пустыни въ міръ, а монашеское постриженіе опредѣляетъ къ такому образу жизни, который не дастъ вамъ возможности исполнить и половину молитвеннаго правила и подвиговъ поста, принятыхъ вами въ званіи монастырскихъ послушниковъ. При всей необычности вашего положенія, вы должны его принять съ полнымъ спокойствіемъ и твердымъ упованіемъ, ибо не своя воля привела васъ сюда, но промышленіе Божіе, о которомъ сказано: *„въ книгѣ Твоей записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было“* (Псал. CXXXVIII, 16). Тѣмъ не менѣе соблазны и грѣхъ ожидаютъ человѣка на всякомъ пути, и поэтому всякій путь жизни долженъ проходиться *опасно* (Ефес. V, 15), дабы идущій по немъ пріобщился *дѣломъ неплоднымъ тьмы*.

Отъ какихъ же соблазновъ предостерегать васъ, братіе, на семъ необычномъ и для васъ самихъ неожиданномъ послушаніи, понуждающемъ васъ, принявъ монашество, учиться среди мірянъ и впослѣдствіи учить ихъ? Говорить ли объ искусительномъ вліяніи, можетъ быть, предстоящаго вамъ начальствованія? Предостерегать-ли отъ омірщенія, отъ забвенія святыхъ обителей, отъ роскоши и разсѣянія, отъ честолюбія

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церк. Вѣдомости“ 1892 г., № 43. Новопостриженные наречены: Михей и Серапіонъ.

и славолюбія, отъ постепенно совершающагося иногда полнаго сліянія съ окружающею васъ школьною, а потомъ, быть можетъ, начальственною обстановкой, отъ монашества только по имени и по одеждѣ? Конечно, да оградитъ васъ Господь отъ подобнаго рода соблазновъ и паденій, но думается, что не такіе соблазны болѣе всего грозятъ вамъ. Вы знали міръ и раньше; вы добровольно покинули его и сказали съ Псалмопѣвцомъ: *„изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ“* (Псал. LXXXIII, 11). Теперь вновь міръ около васъ по плоти, но конечно духъ вашъ, привитавшій въ обителяхъ, знаменитыхъ святою жизнью своихъ насельниковъ, не только не забудетъ жизни монастырской, но по вторичномъ сравненіи того безмятежнаго мирнаго житія у Бога и святыхъ старцевъ съ грѣховною, лживою и себялюбивою жизнью міра, сугубо возлюбитъ уединеніе монастырское, а душа ваша, какъ олень на источники водные, будетъ стремиться туда, вдаль, въ уединеніе, въ тѣсныя и низкія келліи, окруженныя толстыми стѣнами, но освобождающія духъ отъ узъ безцѣльныхъ заботъ и грѣшныхъ скорбей міра.

Да, не столько опасаюсь для васъ любви къ міру, сколько слишкомъ неумолимаго его осужденія, ибо если ссудитъ вамъ Богъ извѣдать скорби служенія пастырскаго, если, иначе говоря, повелитъ вамъ пить отъ той чаши, которую Онъ пилъ, то сколько разъ, изнемогая подъ крестомъ Его, вы позавидуете, хотя и въ высокомъ положеніи, послѣднему послушнику, подметающему дворы монастырскіе. Какъ вожделѣнна вамъ покажется знакомая уже по опыту жизнь въ обители, жизнь простая, смиренная и чуждая лукавства, исполненная благословеннаго и радостетворнаго, спокойнаго труда, увеселяемая молитвою и пѣніями богодуховныхъ пѣсней, возносящая умъ горѣ чрезъ чтеніе слова Божія и твореній отеческихъ, ободряющая душу надеждою на „уготованная отъ Господа благая“, столь ясно представляющіяся сознанію при видѣ святыхъ старцевъ, живущихъ тѣломъ только на землѣ, а духомъ на небѣ.

Иначе въ мірѣ, хотя бы и на служеніи Церкви: въ мірѣ, въ этомъ сплетеніи грѣховъ, жестокости, лжи и плотоугодія, не разъ придется вамъ желать смерти, но не столько въ качествѣ радостнаго стремленія отъ хорошаго къ лучшему, сколько въ качествѣ упокоенія отъ тѣснящихъ сердце мукъ, неизбѣжно предстоящихъ борцу за Церковь и духовному отцу. Придется видѣть побѣждающее зло, придется терпѣть колебаніе въ принятомъ послушаніи; явится опасность возненавидѣть людей и себя самого. Вотъ отъ сихъ-то искушеній

ограждайте себя, братіе, мыслью о томъ, что чѣмъ тяжелѣе послушаніе, тѣмъ по существу и спасительнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе оно очищаетъ духъ. Тогда мало по малу вы возлюбите самыя свои скорби, проникнетесь благоснисходительною любовью къ ближнимъ, удалите отъ себя горделивый помыслъ о своемъ нравственномъ превосходствѣ и, обогатившись такими духовными дарами, возвратите въ свою душу, среди волнъ житейскаго моря, тотъ блаженный покой, ради котораго такъ дорога обитель. Тогда этотъ же покой будетъ разливаться вокругъ васъ на окружающихъ, какъ мягкій свѣтъ лампады, и согрѣвать сердца людей вѣрою, надеждою и любовію. Напротивъ, если не по послушанію, а въ порывѣ собственнаго нетерпѣливаго увлеченія снова оставите предстоящее вамъ служеніе и устремитесь въ обитель, то внесете туда съ собою мірскія страсти и не найдете покоя душѣ. Если же за послушаніе Христово постараетесь въ міръ вносить обитель мира, то въ свое время исполнятся на васъ слова Господни: *„обрящете покой душамъ вашимъ“* (Матѳ. XI, 29). Аминь.

Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи Николая Безсонова (Никона) [1]).

Возлюбленный братъ Никонъ!

Нынѣ осуществлено твое желаніе: ты отрекся отъ мірской жизни; ты покинулъ ее, несмотря на то, что она тебѣ улыбалась и одарила тебя всѣми условіями для пользованія ея благами и преуспѣянія на содержащихся въ ней поприщахъ. Конечно, въ этотъ священный для тебя часъ ты далекъ отъ минутнаго даже сожалѣнія объ отринутыхъ утѣхахъ міра; воспоминаніе о нихъ не только не представляется тебѣ искусительнымъ, но, напротивъ, проникнетъ твою душу сугубымъ отвращеніемъ къ земнымъ удовольствіямъ и самою горячею готовностію терпѣть злостраданія и уничиженія, посты и лишенія жизни монашеской. Тебя манятъ не блага міра, а *уготованная благая* подвижникамъ вѣры и терпѣнія, таинственные дары Божественной благодати и сладость богооткровенныхъ глаголовъ и священныхъ пѣснопѣній. Но не слишкомъ полагайся, возлюбленный братъ, на такое настроеніе: *добрыя*

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“, 1892 г., № 50.

дѣла трудомъ стяжеваются и скорбми одѣваются, и тотъ высокій порывъ духовнаго восторга, котораго Господь сподобляетъ пришедшихъ къ нему съ покаяніемъ и вѣрой, есть порывъ самъ по себѣ довольно кратковременный, и горе новоначальному иноку, если онъ, положившись на свидѣтельство восторженной души своей въ день постриженія, ослабѣетъ въ бдительности надъ своими помыслами и начнетъ почитать себя далекимъ отъ грѣховныхъ паденій. Отвергнутыя, какъ казалось, навсегда мірскія утѣхи сперва минутными мимолетными помыслами, на подобіе легкихъ уколовъ быстро пролетающихъ стрѣлъ, начинаютъ тревожить душу легковѣрнаго подвижника, а исполненная любви и довѣрія преданность своему призванію и вѣра въ обѣтованія Божія, какъ бы скоро пробѣгающими тѣнями въ чистотѣ дѣлъ и мыслей сперва братій, отцевъ его духовной семьи, а затѣмъ дается мѣсто и постоянному осужденію кого-либо или всѣхъ ихъ и охлажденію новыхъ святыхъ привязанностей. Если разрастается эта духовная рана, то усиленіе болѣзни сказывается ослабленіемъ въ молитвенномъ дѣланіи; вмѣсто радости духовной молитва становится трудно исполнимымъ долгомъ, а затѣмъ и самый долгъ исполняется не столько по ревности, сколько по гордости, и такъ продолжается постепенное паденіе, постепенное удаленіе подвижника отъ Бога и братій о Господѣ. Да сохранитъ Онъ насъ отъ сего во вѣки.

Но есть и другой путь для новоначальныхъ, котораго да сподобитъ тебя Всевышній. Идущій по сему пути подвижникъ взираетъ на духовный восторгъ первыхъ дней монашества, какъ на даръ Божественной благодати, не утѣшаетъ себя тѣмъ, что рѣшился покинуть міръ съ его грѣховными прелестями и достигъ разумѣнія радостей благодатныхъ: но, напротивъ, тѣмъ болѣе уразумѣваетъ послѣднія, тѣмъ сокрушеннѣе кается о временахъ невѣдѣнія и паденій, тѣмъ горче себя укоряетъ, зачѣмъ давно, давно не вырвался изъ объятій грѣха. Продолжая свою духовную жизнь, такой монахъ съ трепетною тщательностью печется о сохраненіи духовнаго дара—общенія съ Богомъ и святыми Его, и не злое, а доброе отыскиваетъ въ братіи, дабы назидаться всякою малою даже крупицею содержащейся въ нихъ благодатной жизни. Приключающіяся печали онъ принимаетъ съ радостью, какъ лучшіе уроки для духовнаго преуспѣянія, и считая себя хуже всѣхъ, съ тѣмъ искреннѣйшимъ ликованіемъ славитъ милость Господа, не презирающаго и не оставляющаго грѣшнѣйшихъ людей. На какой путь станешь ты, братъ мой?

Премудрый говоритъ: *„если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснетъ: то и другое вы-*

ходитъ изъ устъ твоихъ“ (Сир. XXVIII, 14). Такъ и стать на путь правый и удержаться на немъ, или же, напротивъ, удалиться на путь погибельный—въ твоей власти нынѣ. Памятуй это, возлюбленный братъ, памятуй, что не будетъ уже для тебя другого, столь блаженнаго дня, когда бы вновь открылся тебѣ совершенно свободный выборъ между истинною дорогою и заблужденіемъ. А наипаче *поминай послѣдняя твоя;* представь себѣ день отчета и суда, и помысли о томъ, какимъ взоромъ оглядываются на день постриженія судимые въ жизни загробной иноки. Какъ благословляютъ его тѣ, которымъ опредѣляется вѣчное блаженство въ Богѣ со святыми! Но, конечно, и они жалѣютъ въ день суда, что еще больше не приложили ревности къ духовному бодрствованію надъ собою, не освободились отъ своихъ, хотя и маловажныхъ, грѣховъ и паденій. Жалѣютъ о семъ и осужденные, но жалѣютъ въ безплодномъ плачѣ и скрежетѣ зубовъ, со стономъ проклиная день своего легкомысленно-пренебрежительнаго отношенія къ дару Божію, къ тому сѣмени жизни духовной, которое влагается искренно отрекшемуся отъ міра и прилѣпившемуся ко Господу.

Начертывая постоянно въ умѣ своемъ эти образы жизни загробной, научись, братъ мой, цѣнить величіе и важность дня сего и не пренебрегай даже малѣйшимъ впечатлѣніемъ внутренней жизни, дабы не уклониться съ праваго пути, но о всякомъ состояніи души твоей спрашивай нелицемѣрно свою совѣсть и старцевъ, чисто-ли оно отъ грѣха, и если нѣтъ, спѣши очищать его покаяніемъ и подвигами. Тогда мирно и спокойно потечетъ твоя жизнь ко взысканію грядущаго (Евр. XIII, 14), и если твоя душа не всегда будетъ исполнена снѣдающей любви и радостнаго восторга, то все же ты обрящешь для нея тотъ всегдашній внутренній покой, который Господь обѣщаетъ труждающимся во имя Его (Матѳ. XI, 29). Правда, придетъ время, когда судитъ Богъ и на такомъ пути испытать скорби жгучія, быть можетъ, обливаться кровавымъ потомъ, какъ бы учавствуя въ страданіяхъ и бореніи Божественнаго Подвижника въ саду Геѳсиманскомъ (Филип. III, 10): но сіе настанетъ только тогда, когда ты поистинѣ сдѣлаешься „Богу споспѣшникъ“ (1 Кор. III, 9), когда будешь носить въ сердцѣ своемъ души многихъ, соединившись съ ними узами благодати священства, ставъ духовнымъ отцемъ многихъ. Но тогда, чѣмъ тяжелѣе будетъ скорбь о косности и грѣховномъ легкомысліи, тѣмъ лучшимъ доказательствомъ твоей духовной зрѣлости она послужитъ. Тогда ты будешь уже духовный старецъ, и хотя труднѣйшимъ представится подвигъ жизни твоей, но и силъ дастся тебѣ больше, и ясность духовнаго вѣдѣнія

умножится. Господь благоволилъ устроить такъ, что лишь „*многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе*“ (Дѣян. XIV, 22), не потому, чтобы Онъ мало любилъ насъ, но потому, что мы-то, по самой природѣ своей зараженные гордыней, лишь скорбями и постояннымъ познаніемъ въ нихъ своей немощи освобождаемся отъ грѣховнаго самовосхваленія.

Итакъ, возлюбленный братъ, въ скорбяхъ благодари, за миръ и внутренній покой славословь, за помыслами души твоей слѣди, какъ за татемъ, и въ согрѣшеніяхъ не медли каяться. Симъ тѣснымъ путемъ войдешь въ жизнь вѣчную, которой да сподобитъ Господь всѣхъ насъ. Аминь.

Слово при постриженіи студента Московской Дух. Академіи Владиміра Никольскаго (Андроника) [1]).

Взирая на тебя, возлюбленный братъ, въ свѣтломъ настроеніи одушевленной вѣры представшимъ Христу съ очищенною покаяніемъ совѣстью, вспоминаемъ мы подобный же день въ нашей жизни... Благословенъ тотъ инокъ, который, подобно Божественному Павлу, можетъ сказать: „*забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ*“ (Фил. III, 13). Для такого инока воспоминанія постриженія не исполнены укоровъ совѣсти, но полны единственно благодарности ко Господу, открывшему ему сей путь къ вышнему знанію Божію. Правда, и такой блаженный подвижникъ, какъ монахъ, всю жизнь свою проходитъ путемъ покаянія, но его покаяніе радостотворно, оно является не столько скорбнымъ плачемъ о совершенныхъ грѣхахъ, сколько исполняется сладкими слезами о недостигнутомъ еще, но постепенно достигаемомъ высшемъ совершенствѣ. Знай же, возлюбленный братъ, что, по увѣренію отцевъ, существуетъ такой путь жизни монашеской, на которомъ испытываемое тобою нынѣ высокое наслажденіе о духовномъ родствѣ съ Господомъ и объ освобожденіи отъ узъ міра оказывается лишь слабымъ прообразомъ высшихъ и святѣйшихъ наслажденій, прообразомъ иного, лучшаго единенія со Христомъ, основывающагося не на чувствѣ только, но на подвигахъ исполненія заповѣдей Его, какъ Онъ Самъ не-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церк. Вѣдом.“ 1893 г., № 34

преложно обѣтовалъ въ Своей прощальной бесѣдѣ къ Апостоламъ (Іоан. XV, 10). Сія мысль да даруетъ тебѣ бодрость въ терпѣніи скорбей, въ борьбѣ съ духомъ унынія, въ обузданіи страстныхъ порывовъ.

Но знай и то, братъ мой, что немногіе идутъ симъ путемъ; знай, что есть иной путь,—путь, не ко спасенію ведущій, и однако извѣданный нами гораздо болѣе, чѣмъ первый. Вотъ съ этого то пути, обращая взоръ свой къ новопостриженному, исполненному духовной радости брату, инокъ охватывается горячимъ, но, увы, невыполнимымъ желаніемъ стать на его мѣсто, начать снова длинный рядъ дней, мѣсяцевъ и годовъ своего иноческаго шествія. О, съ какою тщательностью, думаетъ онъ, я избѣгалъ бы тѣхъ соблазновъ, которымъ предавался съ такимъ безумнымъ легкомысліемъ, не подозрѣвая тогда, къ какому печальному нравственному безсилію они меня приведутъ; какъ дорожилъ бы, какъ боязливо охранялъ бы я себѣ даръ божественной благодати, который мнѣ столь безпечно предалъ на разграбленіе невидимымъ врагамъ; мудрости научили меня мои несчастія, но невозвратимое и неудержимое время лишаетъ меня возможности приложить во всей мѣрѣ мудрость сію къ осуществленію въ жизни моей.—Но если допущенныя по неопытности ошибки создаютъ позднюю мудрость нерадивому монаху, подобно тому, какъ адская казнь дала ее жестокосердому богачу (Лук. XVI, 27—30), то да будетъ она плодотворна, по крайней мѣрѣ, для другихъ, вступающихъ на путь совершенства, научая ихъ, *„яже подобаетъ творити и ихъ же отчаяватися“*.

Итакъ, выслушай, каковъ бываетъ обычный пріемъ искусителя, желающаго похитить у инока сѣмя духовной жизни. Зная его, на первыхъ дняхъ вооруженнаго божественною ревностью, онъ оставляетъ его покойнымъ, какъ Авессаломъ отца своего Давида. Но чуть только станетъ ослабѣвать онъ въ молитвѣ или бдѣніи надъ собою, врагъ показываетъ ему монаховъ съ виду нерадивыхъ, ведущихъ какъ бы предосудительную жизнь. Если новоначальный, и не произнеся слова осужденія, презрительнымъ, уличающимъ чувствомъ отзовется на нихъ въ душѣ своей, то уже и этимъ отворяетъ въ ней дверь врагу, ибо отселѣ не далеко и до тайныхъ словъ, исполненныхъ грѣховной горечи: *„нѣсмь якоже прочіи человѣцы“* (Лук. XVIII, 11). Пусть подъ прочими онъ разумѣетъ пока только явныхъ злодѣевъ, но превозношеніе сіе уже лишило его той сострадательной любви къ нимъ, которая нѣкогда оправдала грѣшницу въ домѣ Симона (Лук. VII, 47); повторяясь-же неоднократно, сіе превозношеніе скоро и уста его откроетъ на осужденіе другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на оправ-

даніе себя. Ибо скоро послѣ сего откроется ослабленіе прежняго усердія въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, а гибельный ядъ осужденія, обильно изливавшійся изъ устъ человѣка, уже лишилъ его способности искать въ себѣ самомъ причинъ для укоренія себя-же, такъ-что мало-по-малу и явно совершенный грѣхъ, вмѣсто того, чтобы пробудить его спящую совѣсть, подобно алектору Петрову, наоборотъ — увы — усыпляетъ ее, научая гибкую мысль нашу ухищряться въ пріисканіи хотя и нелѣпыхъ, но все-же усладительныхъ для горделиваго грѣшника оправданій. Потемненная совѣсть, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе снисходитъ къ паденіямъ, а вкравшійся змѣй гордыни возрастаетъ до такой наглости, что уже не паденія только, но и самую страсть, которой началъ служить его плѣнникъ, старается оправдать, какъ нѣчто простительное, и при всемъ томъ еще со злѣйшимъ ожесточеніемъ бичуетъ прочіе пороки и подверженныхъ имъ братій, дабы преградить къ ослѣпленному грѣшнику путь исполненнаго покаянныхъ слезъ смиренія. Кончается-ли этимъ недугомъ его властительное мучительство? Увы, нѣтъ! Все расширяя область прикасающихся сраженному подвижнику пороковъ,—ибо чѣмъ онъ теперь будетъ противостоять имъ?—врагъ и здѣсь не только не даетъ ему возможности открыть глаза на свое опасное положеніе, но стремится довести его до. такого безумія, чтобы питать и удовлетворять свое горделивое превозношеніе мыслью объ обладаніи какою либо хотя одною добродѣтелью, а всѣхъ ближнихъ осуждать за неимѣніе послѣдней или за не-вполнѣ совершенное обладаніе ею, нисколько въ то-же время не стыдясь ихъ превосходства предъ собою въ прочихъ добродѣтеляхъ, но понуждая почитать послѣднія или обманомъ, или суетою. До такого языческаго или, лучше скажу, звѣрскаго безумія доходитъ нерадящій о душѣ своей человѣкъ; но какого страха долженъ исполниться и ты, избранникъ Божій, при мысли о томъ, что къ подобному-же ужасному концу приводитъ діаволъ и неразумнаго монаха, въ самой духовной ревности послѣдняго почерпая силу для своихъ первыхъ нападеній. Только то оружіе, коимъ низложилъ врага предивный во святыхъ Макарій, т. е. спасительное смиреніе и постоянное осужденіе себя, а не другихъ, можетъ избавить и тебя, возлюбленный братъ, отъ дѣлъ зависти Евинаго обольстителя. Имѣя потупленныя очи, бія себя въ перси при воспоминаніи о содѣянныхъ грѣхахъ, противостань злому искусителю. Почитай себя стоящимъ надъ пропастью, или висящимъ надъ нею на протянутомъ сверху вервіи и громко взывающимъ о помощи къ Совершителю нашего спасенія. Дни духовныхъ восторговъ и часы сладостныхъ созерцаній пусть не отдаляютъ

отъ тебя мысли о предстоящей опасности; пусть не ввергаютъ тебя въ послѣдующіе часы и дни въ самоувѣренную безпечность, но, напротивъ, да снабжаютъ они тебя силою къ новымъ подвигамъ, какъ Давида дни промедленія возставшаго на него сына. Пусть и эти первые дни, какъ нѣкогда мудрый Хусій, ослабятъ врага совершенно, укрѣпивъ тебя дарами божественной благодати и наипаче благодати смиренія, дабы эти священные дары, раздаваемые затѣмъ Богомъ чрезъ труды твои многимъ и многимъ, никогда не надмевали тебя, но лишь преисполняли сердце твое любовью къ людямъ и прославленіемъ Искупителя, дабы не по названію только, но и на дѣлѣ являлся ты носителемъ образа ангеловъ, всегда сослужащихъ спасенію людей и воспѣвающихъ во вѣки Творца. Аминь.

Слово при постриженіи магистранта Московской Духовной Академіи Василія Мещерскаго (Евдокима).

Возлюбленный братъ о Господѣ! Ты слышалъ сейчасъ оглашеніе святой Церкви о свойствахъ того жизненнаго пути, который избранъ тобою; слышалъ ты, что это путь скорбей, лишеній и огорченій всякаго рода. Но ты съ непостыднымъ упованіемъ исповѣдывалъ радостную готовность принять сей крестъ на рамена твои, и въ настоящій день желаешь мысленно говорить съ Апостоломъ: для „*Христа Іисуса Господа моего, для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа*“ (Филип. III, 8, 9) Понятна твоя готовность въ день сей, ибо совѣсть твоя, просвѣтленная рѣшимостію посвятить себя Богу и очищенная таинствомъ покаянія, уже осуществляетъ въ себѣ отчасти обѣтованіе Христово: „*блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ*“ (Матѳ. V, 8). Воспользуйся же, возлюбленный братъ, этимъ просвѣтленіемъ очей сердечныхъ, чтобы устремить ихъ на дальнѣйшій путь твой, на сей путь скорбей, и заранѣе опредѣлить свое къ нимъ отношеніе.

Троякаго рода бываютъ скорби иноческой жизни: есть скорби побѣдныя, спасительныя, есть и скорби грѣховныя. Перваго рода скорби или страданія являются, какъ необходимое послѣдствіе или просто обнаруженіе того внутренняго измѣненія, въ коемъ заключается подвигъ совершенства духовнаго или благодатнаго обновленія. Тлѣетъ при семъ обновленіи нашъ ветхій человѣкъ, какъ истлѣваетъ одна форма

жизни любого животнаго при переходѣ его въ другую; тлѣніе есть страданіе, да и самое страданіе то не есть-ли именно замѣна одного жизненнаго содержанія другимъ, потеря или лишеніе одного и внѣдреніе другого? Блаженно это страданіе, когда ветхое и злое замѣняется благодатнымъ, добрымъ. Переносить его такъ же легко, какъ побѣдителямъ—залѣчивать небольшія раны отъ безсильныхъ плѣненныхъ враговъ: это раны — напоминаніе о побѣдѣ, онѣ хотя и причиняютъ страданія, но самыя страданія являются постояннымъ источникомъ радости, почему и говорятъ Апостолы: *„всяку радость имѣйте, братіе мои, егда во искушенія впадете различна“* (Іаков. I, 2): *„егоже бо любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ“* (Евр. XII, 6). Дай Богъ, чтобы именно такія скорби на своемъ жизненномъ пути встрѣчалъ ты и всѣ мы, молившіеся о спасеніи твоемъ, монахи и міряне: это страданія распинаемыхъ похотей, подавляемой гордости, воспринятыхъ постовъ и добровольныхъ лишеній.

Но бываютъ и иныя скорби, и, къ сожалѣнію, чаще, чѣмъ тѣ блаженныя страданія. Разумѣю скорби грѣховныя, куда относится то неудовлетворенное, тягостное и безпокойное, или исполненное унынія настроеніе, которое испытываютъ всѣ коснѣющіе въ похотяхъ грѣшники, но съ особенною остротой—нерадивые служители Бога, нарушители данныхъ Ему обѣтовъ добродѣтельнаго житія, пребывающіе въ лѣности или ожесточеніи и утрачивающіе вѣру во всесильную благодать Божію, чуждые упованія, не ищущіе покаянія. Отъ сихъ скорбей да сохранитъ Господь тебя и всѣхъ насъ, ибо то скорбь не побѣды, но пораженія, скорбь удаленія отъ Бога, скорбь, лишенная всякаго утѣшенія и даже не ищущая его.

Впрочемъ, есть еще третья скорбь, по остротѣ и горечи своей подобная сей второй, но уже не грѣховная; это тоже скорбь удаленія отъ Бога, но испытываемая не за себя самого, а за другія, врученныя подвижнику души. Разумѣю скорбь пастыря, тѣ муки духовнаго рожденія, коими мучился божественный Павелъ, мучился доколѣ не изобразится въ нихъ Христосъ (Гал. IV, 19). Сію пастырскую скорбь о погибели душъ освятилъ въ Себѣ Самомъ и Господь нашъ, Который объ Израилѣ говоритъ: *„цѣлый день Я простиралъ руки Мои къ народу непослушному и упорному“* (Рим. X, 21). Чѣмъ глубже эта скорбь, чѣмъ мучительнѣе и горче воздыханія о другихъ, тѣмъ угоднѣе Богу, чѣмъ чистительнѣе для воздыхающаго, тѣмъ спасительнѣе для тѣхъ, за кого возносятся воздыханія, ибо сказано: *„смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ“* (2 Кор. IV, 12), т. е. въ пасомыхъ. Въ несеніи сей скорби да укрѣпитъ и да умудритъ тебя Господь и да

утѣшаетъ радостями духовнаго многочадія по реченному: „*возвеселится неплоды нераждающая, возгласи и возопій нечревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа*“ (Ис. LIV, 1).

Повидимому, весьма разнородны эти три рода скорбей и конечно легко было бы опознаться въ нихъ, еслибы онѣ входили въ душу подвижника раздѣльно. Но такое правильное, чуждое смутности развитіе духа, если и было возможно, то развѣ въ условіяхъ первоначальной жизни христіанскаго монашества, когда новопостриженный надолго освобождался отъ всякаго попеченія о чемъ-бы то ни было, кромѣ своей души, да и она-то вручалась опытному старцу, возводившему ее на путь правый, всегда наблюдавшему за всѣми ея уклоненіями и раскрывавшему юному подвижнику его духовное содержаніе. При тогдашнемъ обиліи отцовъ духовныхъ, пасеніе другихъ вручалось имъ не прежде, чѣмъ въ собственной душѣ инока водворялась ясность и чистота помысловъ и постоянное зрѣніе иного міра.—Не то будетъ съ тобою: тебѣ предстоитъ попеченіе о наученіи другихъ почти съ первыхъ дней иноческой жизни. Здѣсь то вотъ и предлежитъ постоянная гибельная опасность — злое принять за доброе, и чрезъ то утрачивать драгоцѣнный даръ разсужденія. А между тѣмъ, какъ часто случается, что не утвердившійся въ управленіи собственною душою своею пастырь или дѣятель принимаетъ движеніе грѣховныхъ помысловъ унынія или гнѣва за ту священную пастырскую скорбь, внушеніямъ которой онъ хочетъ повиноваться! Будучи въ уединеніи, онъ ищетъ общественной дѣятельности, какъ бы изъ-за братолюбія, но на самомъ дѣлѣ поддаваясь искушеніямъ разсѣянія или даже властолюбія; а, наскучившись трудностію пасенія душъ, убѣждаетъ себя въ необходимости отшельничества, на самомъ дѣлѣ служа духу нетерпѣнія и утрачивая любовь къ наслѣдію Христову. И въ такое самообольщенное и смятенное состояніе духа легко впадаетъ инокъ-пастырь, часто лишенный возможности углубляться въ состояніе собственнаго духа. Посему, проси Самого Господа, чтобы Онъ купно съ тобою творилъ или за тебя благоспѣшно исполнялъ сіе важное дѣло: „*искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое; истяжи мя и разумный стези моя; и виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ*“ (Псал. CXXXVIII, 23, 24). Сію молитву повторяй при всякомъ начинаніи твоемъ, не полагаясь на собственный разумъ, ибо смотри, при какихъ высокихъ подвигахъ служенія проповѣдническаго служитель Божій можетъ подвергаться и грѣховнымъ скорбямъ. „*Благовѣстихъ правду Твою въ церкви велицѣй*, говоритъ псалмопѣвецъ, *не скрыхъ милость*

Твою и истину Твою отъ сонма многа, и однако прибавляетъ: *яко одержаша мя злая, имъ же нѣсть числа: постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти*“ (Псал. XXXIX, 10, 11, 13). Помни и о томъ, что великій угодникъ Божій, святитель Тихонъ, сей ближайшій и наилучшій образецъ для ученаго монашества, учитель всего народа русскаго, подвергался однако опасности такого пагубнаго смѣшенія, и лишь благость Божія чрезъ напоминаніе одного простеца удержала его отъ ошибки принять помыслъ высокоумствованія за помыслъ братолюбія.

Какъ же научиться сему мудрому различенію намъ-то, немощнымъ и малоопытнымъ, особенно въ тѣ, для всякаго инока-пастыря неизбѣжные дни глубокихъ, мучительныхъ и сложныхъ печалей, когда тройственная скорбь не только исполняетъ горечью сердце и утробу, но и покушается совершенно затмить умственный взоръ, такъ что и небо какъ бы скрывается, и земля уходитъ изъ подъ ногъ унывающаго подвижника. Грѣховная печаль его нѣсколько отдалила отъ Бога, молитва его оскудѣваетъ и ноющее сердце говоритъ ему, что онъ забытъ и оставленъ.

Это безотрадное настроеніе, возлюбленный братъ, весьма напоминаетъ то, что испытывали жены мироносицы предъ событіемъ, о которомъ мы слышали въ евангеліи, прочитанномъ на нынѣшнемъ священнослуженіи. Подобно добрымъ инокамъ, онѣ все оставили для Христа, забыли дома свои и родню, и нѣкоторыя изъ нихъ—высокое положеніе, а другія—веселую, исполненную грѣховныхъ наслажденій жизнь. Конечно, всѣ эти лишенія давали себя чувствовать и во время земной жизни Господа; къ нимъ присоединялись постоянно новыя скорби и недоумѣнія при видѣ враждебной холодности іудеевъ къ проповѣди ихъ Учителя и Его униженной отчужденности вмѣсто ожидаемой славы и воцаренія надъ Израилемъ. Однако, какъ ни многократно повторялись эти огорченія, но пока Господь былъ съ ними и слухъ ихъ оглашался Его очистительными сладчайшими глаголами, онѣ имѣли постоянный источникъ исцѣленія своимъ печалямъ. Когда-же настали ужасные дни преданія, осужденія, страстей, распятія и смерти, вотъ здѣсь скорбь ихъ превысила всякую мѣру, поколебалась ихъ вѣра, отлетѣла надежда. Совершенно убитыя приходятъ онѣ ко гробу воздать почившему послѣдній долгъ, яко человѣку. Всѣ теряютъ онѣ, чѣмъ жили раньше, во что вѣровали, чего надѣялись; не потеряли только любви и самоотверженія, и эта любовь въ очахъ Христовыхъ сдѣлала ихъ достойными принять благую вѣсть о воскресеніи. Души ихъ были погружены во тьму скорбей, но внезапный свѣтъ осіяваетъ ихъ, ангелъ, сѣ-

дящій на гробѣ, возвѣщаетъ имъ вѣщую радость, и вотъ Самъ воскресшій Господь привѣтствуетъ ихъ глаголомъ устъ Своихъ и дозволяетъ имъ прикоснуться къ пречистымъ стопамъ Своимъ.

Такая же радость, возлюбленный, не отъ человѣка и не отъ человѣческихъ усилій, но единственно, какъ даръ благодати божественной, дается ослабѣвающему духовному воину, если онъ не устранитъ изъ своего сердца исканія Христа, если не потеряетъ самоотверженнаго желанія любить Его. Говорю, конечно, не о живомъ чувствѣ любви, которое невозможно искусственно возбудить въ себѣ въ эти тяжкіе дни испытанія и унынія, но о томъ, чтобы, во-первыхъ, удалять отъ сердца своего враждебный ропотъ, удалять самооправданіе и требовательность, и говорить самому себѣ такъ: хотя и тяжко мнѣ, но вѣдь не для радостей пошелъ я по пути сему; я отрекся отъ всякаго земного счастья и исповѣдалъ готовность искать только Христа. Если чувствую теперь Его удаленіе, значитъ, я самъ виновенъ предъ Нимъ, хотя и не могу понять, въ чемъ именно. Мнѣ представляется, что скорби несу я ради Него, но если онѣ такъ мятежны, то много и моей собственной вины въ претерпѣваемыхъ внутреннихъ напастяхъ, ибо неложно сказалъ Апостолъ: „*вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете*“ (1 Кор. X, 13).

Сказавъ себѣ сіи слова, вспоминай и о нынѣшнемъ блаженномъ днѣ, когда сердце твое совершенно отрѣшалось отъ всего мірского и устремлялось единственно къ любви Христовой. — Тогда вдругъ разсѣется окружавшій тебя духовный мракъ. Господь, принявъ жертву твоей покорности и самоосужденія, возсіяетъ въ сердцѣ твоемъ свѣтъ Своего благодатнаго присутствія, какъ иногда мѵроносицамъ при гробѣ. Внезапно освѣтитъ тебя лучъ разумѣнія, и смятенный внутренній міръ твой предстанетъ тебѣ во всей ясности. Увидишь ты сразу, въ чемъ ты самъ погрѣшилъ и что терпѣлъ Христа ради, какой несъ крестъ и какими собственными отступленіями усугублялъ его тяжесть. Какъ-бы на двѣ половины расколется твое внутреннее настроеніе, и слезы покаянія, обильно исторгаемыя изъ очей твоихъ, омоютъ и вынесутъ вонъ изъ твоей духовной храмины всѣ тѣ помыслы ожесточенія, или гордости, или чувственности, которые прежде незримо въ ней гнѣздились. Быстро удалится тогда давившее тебя раньше уныніе и не съ ропотомъ, а съ благодарностію поднимешь ты снова крестъ твоего служенія и будешь лобызать тѣ черныя одежды, которыя тебя съ нимъ соединили. Твое сердце, освободившись отъ печали міра сего, сохранитъ только печаль, яже по Бозѣ. Тихій, непоколебимый миръ внутренній снизойдетъ въ твою душу, и ты такъ проникнешься сознаніемъ присутствія Хри-

стова, что не осмѣлишься очей твоихъ поднять отъ земли, какъ бы страшась увидѣть Его предстоящаго. Тогда благословишь ты скорби свои и лишенія, тогда поймешь, сколь неотступно Его любвеобильное попеченіе о душѣ твоей, и мысленно будешь творить то, что сказано о святыхъ женахъ: „*онѣ же ястася за нозѣ Его, и поклонистася Ему*“ (Матѳ. XXVIII, 9). Аминь.

Слово при постриженіи въ монашество [1]).

Привѣтствую васъ, возлюбленные братіе, съ принятіемъ ангельскаго образа. Сегодня вы не только предъ лицемъ насъ—грѣшныхъ, но предъ лицемъ Самого Господа и святыхъ Его дали торжественный обѣтъ—быть вѣрными иноческому званію и неуклонно идти тѣмъ путемъ, какимъ шли и достигли царствія небеснаго воспоминавшіеся нынѣ святые угодники—святые Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, преподобный Сергій Радонежскій и подобные имъ иноки-подвижники. Великій и трудный подвигъ предстоитъ вамъ отнынѣ: какъ вы сами слышали сегодня, Господь будетъ судить васъ и воздастъ вамъ не по тому, что вы обѣщали, но по тому, какъ вы исполнили обѣщанное.

Правда, въ настоящія минуты вы съ радостнымъ упованіемъ и съ легкимъ сердцемъ взираете на путь сей. Облеченные во вся оружія Божія, вы вмѣняете въ соръ всѣ прелести міра; всѣ приманки его кажутся вамъ нынѣ жалкими, ничтожными. Отрѣшеніе отъ всего земного и успокоеніе сердца своего въ Богѣ—вотъ, что является вожделѣнной цѣлью жизни вашей въ день сей. Но, други мои, ненадолго оставлено вамъ будетъ такое благодушное настроеніе. Недолго вы будете нести только подвигъ иноческаго послушанія и вести борьбу со своими только личными искушеніями для спасенія душъ своихъ. Скоро по выходѣ изъ стѣнъ сихъ на васъ возложатъ иной подвигъ,—поручатъ вамъ духовное руководительство надъ другими и попеченіе о спасеніи душъ многихъ; будете вы трудиться, какъ пастыри, какъ учители и пастыри пастырей. Это—путь, которымъ шли наши великіе святители—святый Димитрій Ростовскій, святый Митрофанъ, Иннокентій, Тихонъ, новопрославленный святитель Черниговскій Ѳеодосій; подвигъ великій и свя-

[1]) Слово это сказано при постриженіи въ монашество студентовъ Казанской духовной академіи 4-го курса священника Никодима Троицкаго и 2-го курса Валентина Лебедева 16 ноября на всенощномъ бдѣніи. Новопостриженнымъ дали имена первому Наѳанаилъ, второму — Варсонофій. Въ первый разъ напечатано было въ журналѣ „Церк. Вѣдомости“ 1896 г., № 49.

той, но чрезвычайно трудный для тѣхъ, которые хотятъ непритворно понести его. Скорбямъ и искушеніямъ тутъ больше мѣста, чѣмъ въ подвигѣ иноковъ, живущихъ въ удаленіи отъ міра и заботящихся о своемъ только спасеніи.

Еще не освоитесь вы съ духовною бранью въ себѣ самихъ,—а васъ уже заставятъ помогать другимъ въ этой борьбѣ. Не спрашивая о томъ, расположены ли вы къ этому въ тотъ или иной часъ, прямо будутъ требовать отъ васъ духовной помощи. Быть можетъ, въ собственной душѣ твоей будетъ происходить цѣлая буря искушеній и помысловъ,—а къ тебѣ придетъ сокрушенный духомъ грѣшникъ, чтобы разрѣшить, чтобы успокоить мятущійся духъ свой. Или когда сердце твое ноетъ и стонетъ подъ тяжестью какой-нибудь скорби или унынія, позовутъ тебя въ большой храмъ проповѣдывать народу слово Божіе. Или вотъ помыслы чувственные, либо тщеславные начнутъ усиленно толкаться въ душу твою,—а тебя требуютъ совершать Божественную службу, исповѣдывать грѣшниковъ, назидать учениковъ. Часто будешь ты исповѣдывать Господу въ сокрушенномъ сердцѣ недоумѣніе о путяхъ Его Промысла и говорить: „*Печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ законъ Твой* (Пс. CXVIII, 53),—будешь ужасаться, *яко путь нечестивыхъ спѣется*“ (Іер. XII, 1),—а въ то же время будешь обязанъ утѣшать христіанскую душу ученика при подобномъ же сомнѣніи. Вотъ когда, возлюбленные, предстоитъ вамъ самое опасное искушеніе—измѣнить своимъ священнымъ обѣтамъ преданности волѣ Божіей, цѣломудрія, послушанія и смиренія. Когда столкнется въ одно и то же время борьба внутренняя съ внѣшней заботой или скорбью, тогда діаволъ нашептываетъ изнемогающей душѣ монаха: „поступись своими обѣтами только на этотъ разъ, чтобы не изнемочь въ борьбѣ до полнаго безсилія; только одинъ разъ сдѣлай уступку страстному помыслу, или честолюбивымъ мечтамъ и стремленіямъ, или гнѣву и раздраженію на подчиненныхъ; отступись отъ борьбы на мгновеніе, отдохни — и снова примешься за духовное дѣланіе“. Не вѣрьте ему никогда! Не думайте, возлюбленные братіе, что такая уступка грѣху можетъ успокоить и обезопасить васъ; напротивъ, ею-то и воспользуется врагъ, чтобы поставить васъ въ мучительное состояніе духовной раздвоенности, не дающей душѣ покоя ни при добромъ, ни при грѣховномъ ея состояніи. Такъ человѣкъ, подвергшійся простудной лихорадкѣ, потерявшей естественную теплоту въ тѣлѣ своемъ, ни въ холодѣ, ни въ теплѣ не знаетъ покоя плоти своей: его бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. Подобное бываетъ и съ падшимъ борцомъ духовнымъ. Укореняющаяся страсть съ сугубой силой мучитъ его въ подвигѣ,

душа ослабляется безнадежностью; а при новомъ возвращеніи ко грѣху его терзаетъ оскорбленная совѣсть.

Изъ этой мучительной раздвоенности возможны только два исхода. Одинъ,—отъ котораго да защититъ Господь всѣхъ насъ, здѣсь стоящихъ — и монаховъ и мірянъ, — состоитъ въ томъ, чтобы совершенно заглушить въ себѣ совѣсть, всецѣло отдавшись порочнымъ страстямъ; другой исходъ — въ томъ, чтобы возгорѣться ненавистью къ страсти своей, призывая на помощь всесильную благодать Божію,— вооружиться на врага до полнаго его истребленія, сказать съ псалмопѣвцомъ: *„Положену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются“* (Пс. XVII, 38).

Если же вы будете изнемогать въ этой борьбѣ, когда вамъ будетъ особенно тяжело,—тогда вспоминайте настоящій, великій и блаженный для васъ день, когда вы съ очищенными душами, съ пламенною ревностью по Богѣ и съ твердою рѣшимостью вести жизнь богоугодную припали къ святому жертвеннику и дружинѣ сей; вспоминайте, какіе великіе и страшные обѣты дали вы въ этотъ день, и какую радость духовную переживали вы, принявъ образъ ангельскій.

Однако, не всегда и это средство будетъ достаточно. Придутъ дни тяжкіе, будутъ *„отвнѣ нападенія, и изнутри страхи“* (2 Кор. VII, 5). Тогда познаетъ всякій подвижникъ ничтожество силъ человѣческихъ, шаткость нашей естественной добродѣтели, — познаетъ, что спасаемся мы единою благодатію Божіей и въ жизни духовной бываемъ подобны Петру, тонущему посреди моря и спасаемому единою десницею Христовой. Тогда возопійте къ Нему изъ глубины сердца, исповѣдая Ему свою немощь,— и вдругъ начнутъ спадать съ васъ оковы страстей и скорбей, или войдетъ въ души ваши неустрашимая бодрость въ борьбѣ съ ними. Вотъ почему подвигъ спасенія, подвигъ монашества есть собственно подвигъ смиренія и покаянія.

Истину сію уразумѣваетъ всякій инокъ, искусившійся въ борьбѣ духовной. Но блаженъ тотъ инокъ, который вступаетъ на путь своего дѣланія съ губокимъ, яснымъ сознаніемъ сей истины. Это убѣжденіе въ своей немощи и въ силѣ благодати есть лучшее средство къ облегченію иноческаго подвига. Имъ были крѣпки и велики названные иноки — пастыри, умѣвшіе въ такомъ чудномъ единствѣ сочетать оба эти подвига. Были въ ихъ власти сокровища земныя, но они считали себя лишь приставниками къ распредѣленію ихъ нуждающимся; были у нихъ пространныя хоромы, но онѣ служили имъ не упокоеніемъ, а безмолвнымъ увѣщаніемъ къ сугубому вниманію о душѣ своей; было у нихъ много подвластныхъ и возможность

безнаказанно величаться надъ ними, но они почитали себя слугами всѣхъ, такъ что умножающаяся власть была для нихъ умножающимся рабствомъ предъ многими. Души ихъ горѣли ревностію о спасеніи всѣхъ, а изнемогающая въ болѣзняхъ плоть удручала ихъ страданіями, — но смотрите, какой мирный, радостный взоръ обращали они на міръ сей, какъ любили людей, какъ сочувственно откликались на ихъ запросы. „Если Ты низвергнешь меня во адъ", — говорилъ одинъ изъ нихъ къ Богу, — „то я и тамъ не престану воспѣвать Твою славу". Такова сила смиренія, сила вѣры въ благодать Божію. Этою силою да облекутъ васъ, братіе, новыя одежды ваши и общая наша съ вами молитва. Да даруетъ Господь, чтобы вы пребыли вѣрными до смерти иноческому званію, добрѣ скончали теченіе подвига земного,—чтобы послѣ того вы удостоились припасть уже не къ церковному жертвеннику, а къ небесному престолу Царя славы, и приступить не къ этой дружинѣ подобныхъ вамъ кающихся братій, а къ небесному воинству святыхъ ангеловъ, радующихся о единомъ грѣшникѣ кающемся. Аминь.

Слово при постриженіи студентовъ Казанской Духовной Академіи, священниковъ,— Михаила Павлова (Макарія) и Павла Раевскаго (Ѳеодосія). [1]

«Возлюбленные братья священноиноки Макарій и Ѳеодосій».

Сегодня вы приступили работать Господу, отринувъ жизнь мірскую. Не въ первый разъ въ вашей жизни посвящаете вы себя на служеніе Богу. Окончивъ семинарскую школу, вы рѣшились воспринять жребій служенія пастырскаго, предпочитая его всякому мірскому званію. Но Господу не угодно было оставить васъ на этомъ поприщѣ служенія Ему, и Онъ неожиданно для васъ вызвалъ васъ на другое.

Явленіе это не единственное въ исторіи Божественнаго домостроительства нашего спасенія: напротивъ, едва ли не съ первыхъ страницъ священной исторіи встрѣчаемся мы съ такими обнаруженіями воли Божіей, когда Господь служителей Своихъ, начиная еще съ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, удер-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости" 1897 г., № 13.

живалъ отъ избраннаго ими способа служить Ему, и властно, иногда даже какъ бы сурово, привлекалъ ихъ къ инымъ подвигамъ, для нихъ нежелательнымъ, даже мучительнымъ. Такъ, Авраама, Исаака, Іакова и Іосифа десница Божественная перебрасывала изъ одной страны въ другую, отъ одного народа къ другому, то возводила на высоту общественной жизни, то низвергала на дно ея, даже до темницы и изгнанничества; то умножала число присныхъ ихъ и домочадцевъ, то разлучала ихъ съ ними, а отъ одного изъ нихъ даже потребовала принесенія въ жертву единороднаго сына.

Блаженъ тотъ служитель Божій, который во всѣхъ испытаніяхъ, коимъ онъ подвергается, сохраняетъ твердую вѣру въ то, что Господь не по иному какому-либо побужденію, какъ только по любви къ нему сокрушаетъ его скорбями и лишеніями, преграждая ему путь даже къ тѣмъ намѣреніямъ жизни его, коими онъ желалъ служить тому же Небесному Владыкѣ. Блаженъ онъ, если пойметъ, что подобное препятствіе нужно было единственно для того, чтобы доброе намѣреніе его сердца очищалось отъ примѣси себялюбія и гордости, неизбѣжно привходящей во всѣ дѣянія ветхаго человѣка, — если съ покорностью перемѣнитъ онъ, согласно указанію Божію, прежній жребій жизни своей на новый, хотя бы онъ не сходился съ первоначальнымъ его желаніемъ. Такъ поступили и вы, возлюбленные братіе, когда съ покорностью, претерпѣвъ отъ Бога разрушеніе семейнаго очага своего, пошли туда, гдѣ, согласно, хотя съ недавнимъ, но мудрымъ преданіемъ Церкви, усмотрѣли вы свое новое призваніе. Вы отдали себя вновь руководству церковной школы, а нынѣ исповѣдали окончательную готовность посвятить жизнь свою исключительно Богу и Церкви. Иная участь постигаетъ тѣхъ, которые въ посылаемыхъ испытаніяхъ и несчастіяхъ не умѣютъ или не хотятъ проразумѣвать голоса того же любящаго и благоснисходительнаго Господа. Они ожесточаются, впадаютъ въ ропотъ, въ уныніе и отвергаются въ своемъ озлобленіи отъ всякаго служенія Богу. Таковы тѣ, по истинѣ, несчастные священнослужители, которые, претерпѣвъ разрушеніе семейнаго счастія, погрязаютъ въ порокахъ и, наконецъ, отвергаются самаго священнаго сана, съ которымъ ихъ связало Божественное таинство и клятвенное обѣщаніе. Малыя дѣти разумнѣе ихъ, ибо и эти послѣднія умѣютъ въ строгомъ выговорѣ любящаго родителя усматривать его ласкающій взоръ, уразумѣвать его огорченную любовь. Господь же, нашъ небесный Отецъ, любитъ насъ больше, чѣмъ земные родители, ибо вы только что слышали слово Его: *„аще и жена забудетъ исчадіе свое, Азъ же не забуду тебѣ“*. Извѣстно вамъ

и другое Его слово: *его же любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ.*

Итакъ, Онъ, премилосердый Господь нашъ, сокрушивъ васъ скорбями лишеній, нынѣ принимаетъ васъ въ новое пріискреннѣйшее общеніе съ Собою, освобожденныхъ отъ всякихъ земныхъ узъ званіемъ монашества.

Въ чинѣ постриженія вы называетесь припадающими къ Богу и къ святѣй дружинѣ сей. Объ этихъ-то послѣднихъ словахъ и должно размыслить вамъ ради совершеннѣйшаго уразумѣнія предстоящаго вамъ духовнаго дѣланія. Принимая монашество, вы вводитесь въ великое братство, которое въ продолженіе полутора тысячъ лѣтъ представляло собою лучшій цвѣтъ нивы Христовой святой Церкви; тѣсное единеніе съ этимъ братствомъ, съ его преданіемъ, съ его бытомъ должно быть предметомъ вашихъ всегдашнихъ искреннѣйшихъ стремленій.

Правда, то послушаніе, къ которому призываетесь вы, будетъ существенно разниться отъ обыкновенныхъ монастырскихъ подвиговъ, и внѣшнія условія жизни, такъ называемаго, ученаго монашества по необходимости различны отъ жизни монаховъ общежительныхъ или пустынныхъ отшельниковъ. Въ виду сего нѣкоторые неразумные люди находили бы болѣе подходящимъ, чтобы общество ученыхъ монаховъ и по названію своему, и по своимъ нравственнымъ обязанностямъ, и по обѣтамъ и даже по самому чину постриженія было бы выдѣлено изъ общаго монашескаго званія. Но вамъ да даруетъ Господь мыслить о семъ совершенно противоположнымъ образомъ и всегда держаться того убѣжденія, что нравственная сила ваша, т. е. ревность о славѣ Божіей, чистота жизни, одушевленное самоотверженіе и стойкость въ исполненіи пастырскаго долга, будетъ всецѣло зависѣть отъ того, насколько глубоко и ясно будете вы сознавать себя прежде всего и паче всего *монахами,* насколько будете всегда имѣть готовность отрѣшиться отъ всякихъ высокихъ іерархическихъ полномочій и возвратиться въ среду людей, пекущихся единственно о чистотѣ души своей предъ Богомъ. Знайте, что нелегкій путь служенія предстоитъ вамъ; напротивъ, постоянная борьба съ собственною косностію и грѣховными страстями, а также съ жестоковыйностію порученныхъ вашему пастырскому попеченію душъ, со лжебратіею и вообще съ грѣховными устоями жизни будетъ одолѣвать васъ. Чтобы противопоставить этой окружающей васъ борьбѣ, суетѣ и скорби нѣкое иное внутреннее богатство, должно прежде всего сознавать себя стоящимъ на твердой, вѣками укрѣпленной почвѣ, нужно мыслить себя членомъ многочисленнаго побѣдоноснаго братства, и та-

кая почва, такое братство представляетъ собою монашество монастырское. Не смотрите на то, что оно не богато ученостію, что многіе сыны его страдаютъ отъ грѣхопаденій: оно за то богато еще глубокою, непоколебимою вѣрою и тою всецѣлою преданностію промыслительной волѣ Божіей, по пути которой вамъ еще много, много нужно усовершаться, хотя вы и вступили на путь сей такъ рѣшительно, покорившись безропотно призывающему васъ указанію Божію.

Но дальнѣйшія испытанія по своей многочисленности и неожиданности будутъ еще, можетъ быть, гораздо труднѣе, такъ что постоянно преодолѣвать житейскую злобу и ложь бываетъ въ состояніи тотъ монахъ-дѣятель, который не со страхомъ и ужасомъ, но съ любовію и упованіемъ помышляетъ о высокихъ бѣлыхъ монастырскихъ стѣнахъ, о денно-нощномъ славословіи въ нихъ Господа, о славянскихъ, *паче же кожаныхъ* книгахъ и о смиренныхъ насельникахъ святыхъ обителей, не мудрыхъ въ наученіи книжномъ и общественномъ, но премудрыхъ въ своей дѣтской вѣрѣ и мужественномъ презрѣніи къ міру.

Впрочемъ, не только въ жизненныхъ несчастіяхъ, но и при сравнительно спокойномъ теченіи вашей дѣятельности, лишь въ общеніи съ этими обитателями монастырей научитесь вы тому главнѣйшему условію терпѣливаго несенія жизненнаго креста, о коемъ мы упомянули въ началѣ слова. Условіе это заключается въ томъ, чтобы во всемъ происходящемъ съ нами считать виновникомъ не людей и не случайныя совпаденія житейскихъ обстоятельствъ, какъ обыкновенно разсуждаютъ люди мірскіе, но нашего Господа и Вседержителя, ибо безъ воли Его и волосъ не спадетъ съ головы нашей и малая птица, цѣнящаяся менѣе пенязя, не падетъ на землю. И если въ общеніи съ препростою братіею усвоите вы эту монашескую мудрость, то и ни въ какомъ жизненномъ крушеніи, ни въ оклеветаніи, ни въ лишеніи, ни въ разлученіи не приблизится къ вамъ самый страшный грѣхъ—ропотъ и отчаяніе; ни даже, чего сохрани Богъ, если попуститъ Господь вамъ повергнуться въ тяжкое паденіе грѣховное, не испытаете вы опасности отъ духа унынія и безнадежности, но съ сугубою ревностію возстанете вы къ покаянію и исправленію, ибо въ томъ оправдываются слова опытныхъ старцевъ: „монаховъ много грѣшниковъ, но немногіе изъ нихъ погибаютъ“, что они преемственно другъ отъ друга въ продолженіе пятнадцати вѣковъ сохраняютъ святую увѣренность въ водительствѣ Богомъ ихъ жизнію. Воспринять въ сердцѣ своемъ эту то увѣренность съ перваго дня вашего постриженія желаетъ вамъ окружающая васъ нынѣ монашеская дружина и съ этимъ мо-

литвеннымъ благожеланіемъ вручаетъ васъ незримому руководству святыхъ угодниковъ Макарія и Ѳеодосія, имена которыхъ вы воспріяли". Аминь.

Рѣчь при врученіи жезла хиротонисанному во епископа Уфимскаго архимандриту Клименту.

Исполняя послушаніе, данное мнѣ нашимъ первосвятителемъ, скажу тебѣ, возлюбленный собратъ, не о внѣшнихъ условіяхъ пастырскаго дѣланія въ Уфимскомъ краѣ, но объ условіяхъ внутреннихъ.

Дѣло пастырское, въ противоположность мірскому начальствованію, заключается не въ распредѣленіи содержанія общественной жизни, а въ творчествѣ. Пастырь Церкви, а въ особенности архипастырь, вызываетъ къ жизни добрую волю, общественную и личную, тамъ, гдѣ ея не было раньше, а ту, которая была раньше его,—укрѣпляетъ, сохраняетъ и защищаетъ противъ сильныхъ; но эти труды его не суть труды человѣческіе, какъ вѣщаетъ намъ божественный Павелъ. — *„Не я"*, говоритъ онъ, *„но благодать, которая во мнѣ"*. Итакъ, тотъ пастырь можетъ исполнять свое назначеніе, который привлекъ къ себѣ благодать Духа, а благодать дается подвизающимся въ божественныхъ заповѣдяхъ и приближающимся къ духовному совершенству; и въ этомъ то подвигѣ, слѣдовательно, и заключается главный долгъ святителя.

Но возможно ли проходить сей путь духовнаго подвижничества современному епископу, окруженному обычной суетою жизни и несущему множество обязанностей полу-мірского, или даже чисто мірского характера?

Если подобный вопросъ смущаетъ твой духъ, то скажу тебѣ объ одномъ и притомъ не трудномъ подвигѣ, который вводитъ христіанина, а тѣмъ болѣе пастыря въ благодатную жизнь и затѣмъ помогаетъ ему усвоять и прочіе подвиги при самыхъ даже неблагопріятныхъ условіяхъ.

Вотъ, что говоритъ учитель совершенства святый Симеонъ, Новый Богословъ, объ этомъ подвигѣ. „Многіе, — такъ приблизительно говоритъ онъ: многіе спаслись, не стяжавъ полноты совершенствъ на землѣ: не показавъ воздержанія, не сохранивъ цѣломудрія, не прославившись мученичествомъ, но никто не спасся, не пріявши душою своею *умиленіе*. Благоразумный разбойникъ принесъ на нелицепріятный судъ Владыки только множество душегубствъ и грабежей, но въ пред-

смертный часъ свой умилился духомъ при видѣ Божественнаго Страдальца и умилившись, раскаялся и оказался первенцемъ небеснаго рая. Такъ же и земная Церковь Христова обогатилась впервые тысячами того народа, о которомъ сказано: *„тогда они умилились сердцемъ и спрашивали: что намъ дѣлать?“*

Итакъ, *умиленіе*—вотъ тотъ нетрудный подвигъ, который вводитъ въ рай душу человѣка послѣ его смерти и привлекаетъ благодать при его жизни.

Посему, *стяжи умиленіе.*

Стяжи умиленіе, размышляя о божественномъ милосердіи и о спасеніи ввѣряемыхъ тебѣ душъ.

Когда будешь видѣть народъ, спѣшащій въ твой соборный храмъ, чтобы слушать твою святительскую молитву и твое поученіе, когда будешь приносить жертву о своихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣжествіихъ, то пусть очи твои наполняются слезами и духъ твой—умиленіемъ.

Когда ты самъ будешь объѣзжать селенія твоей обширной и разноплеменной паствы, и народъ русскій,—народъ великій и христолюбивый,—будетъ встрѣчать тебя колѣнопреклоненный у пороговъ своихъ убогихъ жилищъ, и краями одежды твоей отирать свои лица, освященныя изнурительнымъ трудомъ и любезною Спасителю нашему нищетою, тогда исполняйся смиреннымъ самоукорительнымъ чувствомъ и плачемъ о своемъ недостоинствѣ, и говори Богу о себѣ, что ты хуже послѣдняго изъ этихъ согбенныхъ и сокрушенныхъ меньшихъ братій Божественнаго Эммануила, которые въ своемъ терпѣніи, въ своей благоговѣйной любви къ Нему угодны Ему паче мудрыхъ и сильныхъ міра сего.

Стяжи умиленіе! Ибо, когда воспримешь его въ свою душу, то ни для кого изъ паствы твоей не будешь чужимъ. Правда, въ Церкви Россійской паства каждаго святителя столь многочисленна, что уже нѣтъ возможности для каждаго мірянина имѣть личное общеніе съ архипастыремъ, но если послѣдній богатъ умиленіемъ и внутреннимъ духовнымъ состраданіемъ паствѣ, то одно приближеніе его, а тѣмъ болѣе его поучительное слово и его молитва заставляютъ вострепетать всякую душу и низводятъ въ нее огненную благодать Божественнаго Параклита.

Стяжи умиленіе! Ибо, обогатившись имъ, ты сдѣлаешься въ высшей степени чуткимъ къ духовнымъ нуждамъ каждой души и пріобрѣтешь пастырскую мудрость и предусмотрительность въ большей степени, чѣмъ это возможно посредствомъ обычнаго ознакомленія съ жизнью.

Твоя паства разноплеменна и, кромѣ русскихъ людей, въ

нее входятъ крещеные, но далеко не всегда утвержденные въ вѣрѣ инородцы; этимъ Господь тоже далъ благодать умиленія: умиляйся и ты, взирая на нихъ, когда услышишь изъ устъ ихъ знакомыя и дорогія намъ созвучія священныхъ пѣснопѣній, на языкѣ непонятномъ и дикомъ, и увидишь, какъ при этомъ ихъ лица преображаются какъ бы нѣкіимъ благодатнымъ свѣтомъ. Тогда познавай исполненіе пророчества о томъ, что, по воплощеніи Божественнаго Слова, *отверзу́тся очеса слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.*

Стяжи умиленіе! Ибо тогда эти дѣти природы, подобныя по духовной жизни малымъ младенцамъ, исполнятся сугубою ревностью къ усвоенію полноты нашей святой вѣры, а коренящіяся среди нихъ языческія суевѣрія отъ нихъ удалятся.

Впрочемъ, и не одни христіане исполняются благодатными чувствами, приближаясь къ служителю Христову, богатому симъ святымъ умиленіемъ. Оно передается не только вѣрующимъ, но и маловѣрующимъ, и ложно вѣрующимъ, и вовсе невѣрующимъ.

Посему, когда увидишь язычника-черемисина, въ простотѣ души своей произносящаго вслухъ свою немудрую молитву предъ чудотворнымъ образомъ святителя Николая и взирающаго на него съ такою силою вѣры, которая доступна не всякому даже христіанину, то пусть душа твоя исполняется огненною ревностью о томъ, чтобы и этотъ честный и добросердечный народъ черемисскій вошелъ въ спасительную ограду Церкви.

Когда увидишь благоговѣйныхъ и сосредоточенныхъ магометанъ, убѣжденно и смиренно молящихся маловѣдомому имъ Богу, и познаешь, какъ глубока ихъ вѣра въ Божественное вседержительство и правосудіе, такъ тверда ихъ примиренность съ Его мудрымъ Промысломъ, тогда пусть душа твоя исполняется сострадательною скорбью о томъ, что Христосъ еще не познанъ этимъ, повидимому столь враждебнымъ христіанству, а на самомъ дѣлѣ столь недалекимъ отъ него по силѣ вѣры и самоотреченія, татарскимъ и башкирскимъ племенемъ.

Стяжи умиленіе! Наполняй очи твои умиленными слезами и сердце твое молитвенными воздыханіями, храни тотъ духъ, съ которымъ ты вступалъ въ священную дружину иноковъ и съ которымъ вступаешь нынѣ въ святительскій сонмъ. Памятью этихъ двухъ великихъ дней твоей жизни возгрѣвай въ себѣ благодать умиленія. Ею будешь ты приводить къ единенію во Христѣ твое разноплеменное духовное стадо и тѣхъ *иныхъ овецъ*, которыхъ подобаетъ тебѣ привести ко Христу.

Передавай имъ то духовное сочувствіе и сорадованіе, съ которымъ нашъ первосвятитель съ своими духовными собратьями нѣкогда вводилъ тебя въ чинъ монашескій, а нынѣ низводилъ на тебя благодать архіерейскую.

Да будетъ сей жезлъ, вручаемый тебѣ нынѣ, напоминаніемъ о томъ, что ты пойдешь, опираясь на него, впереди своей паствы, въ подвигѣ умиленія и любви, а духовныя овцы довѣрчиво и радостно будутъ свободно слѣдовать за тобою къ пажитямъ спасенія вѣчнаго. Аминь.

Рѣчь при врученіи жезла Преосвященному Арсенію, еписк. Владиміро-Волынскому.

Любезный во Христѣ собратъ, епископъ Арсеній!

День твоего посвященія въ святительскій санъ ознаменовывается церковнымъ праздникомъ въ честь великихъ отцевъ шести вселенскихъ соборовъ и соотвѣтственнымъ возглашеніемъ словъ Христовыхъ на литургійномъ чтеніи Евангелія, такихъ словъ, въ которыхъ указана главная цѣль твоего служенія, *„Да будутъ совершени во едино... яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ“*. Это дерзновенное желаніе Всемогущаго Основателя Церкви было выражено Имъ въ молитвѣ къ Небесному Отцу въ тотъ самый часъ, когда совершалось самое ужасное въ мірѣ злодѣяніе, коему подобнаго не было отъ созданія міра и не будетъ до второго пришествія Господня. И вотъ въ этотъ день торжества величайшаго зла мірового мы слышимъ изъ устъ Свидѣтеля Истиннаго и Вѣрнаго самую сильную, самую смѣлую увѣренность въ торжествѣ добра, въ томъ, что вѣрующее человѣчество будетъ уподобляться по силѣ любви и единенія святѣйшему Существу Живоначальной Троицы.

Посему, первый выводъ изъ сихъ словъ для строителя Церкви долженъ заключаться въ томъ, чтобы никогда не сомнѣваться въ плодотворности своего дѣланія при видѣ усиливающагося въ мірѣ зла. Какъ бы ни было оно побѣдоносно и сильно, но оно не превзойдетъ злодѣянія богоубійцъ, и если послѣднее не могло воспрепятствовать ни слову Божію, ни дѣлу Божію, то вѣруй безъ всякаго сомнѣнія въ то, что и понынѣ и до вѣка будутъ оправдываться другія слова Христовы о неодолимости основанной Имъ Церкви. Не сомнѣвайся въ ея неоскудѣвающей благодатной силѣ, не думай, что въ настоящій маловѣрный и легкомысленный вѣкъ благодатный

источникъ возрожденія людей умалился сравнительно съ вѣкомъ Іоанна и Павла, Георгія Побѣдоносца или Великаго Василія. Измѣняется, правда, жизнь высшихъ слоевъ общества и, конечно, измѣняется къ худшему; различно бываетъ отношеніе къ Церкви мірскихъ властей, колеблется нерѣдко и ревность самихъ предстоятелей церковныхъ; но сама Церковь, но сила божественнаго глагола, но дѣйственность священныхъ таинствъ и молитвословій церковныхъ, а также и увлекательность примѣра людей благочестивыхъ и преподобныхъ остаются всегда одинаково мощны...

Правда, далеко не всѣ даже доброжелательные наблюдатели церковной жизни замѣчаютъ это и, не замѣчая, многіе изъ нихъ начинаютъ сомнѣваться въ божественныхъ обѣтованіяхъ и теряютъ ревность къ церковному дѣланію. Такъ случается нерѣдко и съ тѣми, которые принялись за это дѣло съ великимъ воодушевленіемъ и усердіемъ. Какъ избѣжать подобнаго разочарованія при видѣ торжествующаго зла? Отвѣтъ на такой вопросъ будетъ для тебя, возлюбленный собратъ, въ то же время и предначертаніемъ твоей архипастырской дѣятельности. Дѣятельность эта бываетъ двоякая: съ одной стороны, она заключается въ усовершенствованіи вѣрныхъ, въ руководствованіи желающими спасаться, а съ другой стороны въ пробужденіи такого желанія у равнодушныхъ и невѣрующихъ. Къ сожалѣнію, вниманіе болѣе ревностныхъ пастырей исчерпывается этою второю и, скажу прямо, второстепенною задачею ихъ, и вотъ въ чемъ заключается причина, почему они не созерцаютъ церковной мощи, почему они колеблются въ своемъ довѣріи къ обѣтованію Христову о Церкви. Но ты, возлюбленный братъ, поминай слова Господни: „*не добро есть отъяти хлѣба чадомъ, и повредши псомъ*“, и другія: „*нѣсмь посланъ токмо къ овцамъ погибшимъ дома Израилева*“. Правда, и тотъ и другой глаголъ Христовъ, а также приказаніе къ апостоламъ: „*на путь языкъ не исходите и во градъ самарянскій не внидите*“, были смягчены Его уступкой смиренной мольбѣ язычниковъ, но нужно помнить, что для невѣрующихъ должны оставаться только избытки отъ укрухъ чадъ Божіихъ и что этихъ послѣднихъ возвращать *въ мужа совершенна* — вотъ въ чемъ заключается первый долгъ строителя Церкви.

Никогда не будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ тотъ церковный дѣятель, который послѣдуетъ такому завѣту: по истинѣ онъ *не имать вкусити смерти, дондеже узритъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ*. Въ особенности же и тебѣ, назначенному въ глухой городъ вдали отъ людей богатыхъ и знатныхъ, тебѣ, предназначенному трудиться въ безвѣстной и сельской простотѣ, должно наблюдать это пра-

вило духовной жизни. Утверждай въ твоемъ градѣ столпъ Христовой Церкви, сохраняй священныя ея преданія, проповѣдуй нелѣностно ея ученіе и воспѣвай со своимъ клиромъ ея священныя и вдохновенныя молитвы неизмѣнно. Пекись вообще о томъ, чтобы въ своей собственной жизни и въ обиходѣ твоего храма отражалась бы, сколько возможно, единая, святая, соборная и апостольская Церковь. Пусть немноголюдно и незнатно будетъ окружающее тебя въ семъ дѣлѣ братство монаховъ, клириковъ и мірянъ: здѣсь важно не внѣшнее величіе или значительность церковнаго общества, а внутренняя его чистота по жизни и его вѣрность церковнымъ завѣтамъ въ порядкѣ своего служенія Богу. Если только съумѣешь, при помощи Божіей, водворить хотя бы малый очагъ истинно православнаго, истинно евангельскаго быта и правленія церковнаго, то ты этимъ самымъ сдѣлаешь великое дѣло. Людей, ненавидящихъ добро и истину, ясно засвидѣтельствованную, бываетъ немного. Если люди только почувствуютъ, что у кормила церковнаго правленія свѣтитъ евангельская любовь, умножается ревность о чистотѣ, воздержаніи, братолюбіи, если сподобятся слышать одушевленно исполняемую божественную службу, свободную отъ тѣхъ искаженій, которымъ она подвергается у нерадивыхъ іереевъ и невѣжественныхъ пѣвцовъ, совершенно обезличившихъ неисчерпаемое богатство ея содержанія и красоту ея созвучій,—если, говорю, люди узнаютъ, что слова символа вѣры, излагающія ученіе о Церкви, хранятся не только въ твоихъ устахъ, но и въ твоемъ сердцѣ и не отдаются въ жертву условностямъ вѣка сего, но составляютъ твое твердое, непоколебимое и жизненное убѣжденіе: то они съ радостью и довѣріемъ устремлятся къ тебѣ, и съ полнымъ довѣріемъ и смиреніемъ подчинятся твоему руководству. Тогда повторишь ты пророческій глаголъ, который мы услышимъ сегодня вечеромъ на паримійномъ чтеніи: „*Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія. Се тма покроетъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостью твоею. Возведи окрестъ очи твои, и виждь собраная чада твоя: се пріидоша вси сынове твои издалеча, и дщери твои на рамѣхъ возмутся. Тогда узриши, и возрадуешися, и убоишися, и ужаснешися сердцемъ, яко преложится къ тебѣ богатство морское, и языковъ и людей*“ (Ис. LX, 1—5).

Возстановляя формы и содержаніе истинной церковной жизни, ты собственными глазами увидишь, что и то и другое въ себѣ самомъ имѣетъ зиждущую силу привлекать людей къ подвигу добродѣтели, какъ пасомыхъ, такъ и пастырей,

которые, увидѣвъ красоту и жизненность истинно церковнаго быта въ тебѣ и въ твоемъ храмѣ, воодушевятся сами безкорыстною ревностью къ подражанію тебѣ и незамѣтно для самихъ себя, даже въ лицѣ менѣе усердныхъ изъ нихъ, начнутъ предпочитать служеніе евангелію всякимъ земнымъ стяжаніямъ. Такъ не напрасно сказалъ Господь, что царствіе небесное подобно сѣмени горчичному, которое сначала бываетъ меньше всѣхъ сѣмянъ, а потомъ вырастаетъ въ великое древо, покрывающее своею сѣнью и птицъ небесныхъ, и звѣрей земныхъ.

И если всѣ пастыри Церкви шли бы этимъ путемъ взамѣнъ того, чтобы ухищряться расширять свою дѣятельность количественно и стараться объ искусственномъ усиленіи своего авторитета среди тѣхъ, которые не желаютъ ему подчиниться, пеклись бы о томъ, чтобы усовершенствовать положительное содержаніе своей церковной жизни подвигами чистоты, благотворенія и молитвы: тогда бы они увидѣли, что и маловѣрующіе, и ложновѣрующіе, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, сперва бы заинтересовались этимъ новымъ явленіемъ жизни, а потомъ бы присоединились къ чадамъ Божіимъ. А безъ этого условія тщетно будетъ священникъ зазывать въ ограду Церкви иновѣрныхъ или добровольно отдѣлившихся отъ нея. Развѣ не правъ былъ язычникъ Владиміръ, такъ отвѣчавшій евреямъ, которые предлагали ему свою вѣру: „Если вы не имѣете собственнаго храма и города, а живете по чужимъ землямъ, то какъ рѣшаетесь привлекать къ себѣ другихъ? кто же пожелаетъ раздѣлять вашу участь и подвергать себя гнѣву Божію, постигшему ваше племя?“

А хочешь ли имѣть наглядное доказательство справедливости всего сказаннаго о положительномъ созиданіи Церкви? Оно предъ тобою, возлюбленный братъ, ты видишь теперь здѣсь среди святителей—твоихъ товарищей юности, а за тобою стоитъ многочисленное братство ихъ учениковъ и молодыхъ священно-иноковъ, изъ котораго у каждаго есть уже свои ученики, готовящіеся быть пастырями Церкви и повинующіеся своимъ наставникамъ съ такою же любовію и довѣріемъ, съ какими ты повиновался своимъ духовнымъ руководителямъ. А помнишь ли, какъ въ годъ твоего поступленія въ академію сіе монашеское братство было малочисленно и незамѣтно? Можно ли было тогда думать, что черезъ какія нибудь 15—17 лѣтъ оно разрастется едва ли не по всѣмъ епархіямъ отечественной Церкви, а старшій въ немъ, тогда не желавшій по своему смиренію именоваться отцемъ братіи, а только однимъ изъ собратьевъ, такъ скоро сдѣлается отцомъ архіереевъ и первосвятителемъ россійскихъ церквей?

Такое обильное возрастаніе нашего духовнаго братства

было послѣдствіемъ того, что съ самаго начала оно не заботилось о внѣшнихъ успѣхахъ жизни, не скорбѣло о неблагопріятномъ и недружелюбномъ отношеніи тогдашней школы къ монашеству, но пеклось о томъ, чтобы самому утверждаться и усовершаться въ православной жизни, чтобы самому проникаться истинно-церковнымъ благодатнымъ духомъ, чтобы изучать божественное писаніе, уразумѣвать и усваивать священныя церковныя службы, знакомиться съ церковными святынями земли родной, Земли Святой, православнаго Востока, а также и съ „живущими и оставшимися" подвижниками благочестія. И вотъ, проводя дни свои въ такой внутренней негромкой и незамѣтной работѣ, наше братство разрослось теперь воистину въ великое древо, и отцы его могутъ примѣнять къ себѣ слова пророка: *„возвеселися, неплоды нераждающая, возгласи и возопій, нечревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа"* (Ис. LIV, 1).

Итакъ, не смущайся тѣмъ, что начало твоей святительской дѣятельности открывается въ обстановкѣ, повидимому, мало благопріятной и убогой. Не взирай на нее очами мірского наблюдателя, но пастыря духовнаго, въ очахъ котораго, какъ и въ очахъ Божіихъ, люди раздѣляются не по знатности земного происхожденія, не по богатству и суетному ложному образованію, а по степени ихъ ревности о добрѣ и правдѣ. Такими людьми убогая глушь богаче, чѣмъ шумные города съ ихъ извращеннымъ полуязыческимъ бытомъ и непримиримою съ Христовымъ ученіемъ спѣсью. Старайся о томъ, чтобы соединить около себя, точнѣе—около подножья святыхъ престоловъ, лучшихъ людей въ единеніи любви и вѣры и тогда даже тѣ, которые воспитаны въ современной ложной культурѣ, подобно прежде гордымъ воинамъ и корыстолюбивымъ мытарямъ временъ Предтечи, будутъ съ готовностью спрашивать тебя: „что намъ дѣлать, чтобы присоединиться всѣмъ сердцемъ нашимъ къ единой, святой, соборной и апостольской Церкви?"

Да исполнится на тебѣ, достолюбезный владыко, молитва Христова, слышанная нами сегодня: *„Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ: да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси"* (Іоан. XVII, 23). Аминь.

Рѣчь при врученіи жезла архимандриту Ѳаддею, инспектору Уфимской духовной семинаріи.

Возлюбленнѣйшій о. архимандритъ Ѳаддей!

Мнѣ предстоитъ вручить тебѣ послѣднее богослужебное украшеніе твоего сана — архимандритскій жезлъ. Ты знаешь, что различныя украшенія іереевъ и іерарховъ были усвоены имъ римскими императорами по подобію украшеній военачальническихъ и царскихъ, но смиренные пастыри и архипастыри, тяготясь такими знаками отличія, истолковали ихъ значеніе въ совершенно иномъ, духовномъ смыслѣ: украшенія военачальническія они приняли какъ знаменія борьбы съ врагомъ и искусителемъ, а роскошные царскіе долматики, головныя повязки и государственные гербы подъ ногами своими истолковали въ смыслѣ духовнаго возношенія, въ смыслѣ нищенскаго рубища и терноваго вѣнца. Исполняя глаголъ Христовъ: большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга, они оправдывали своею жизнію подобныя значенія одеждъ, ибо на высотѣ святительскихъ престоловъ они не умаляли своего монастырскаго правила, своихъ поклоновъ и постовъ, но умножали сіи подвижническіе труды множествомъ пастырскихъ трудовъ и скорбей. Кто не слышалъ о рубищахъ Василія Великаго, о постѣ Св. Іоанна Златоуста, о бдѣніяхъ Григорія Богослова? Но зачѣмъ говорить о древности. И въ настоящее время властные настоятели Аѳонскихъ обителей предупреждаютъ братію свою въ подвигахъ умерщвленія тѣла и во множествѣ трудовъ, такъ что поистинѣ не на груди своей только имѣютъ они изображеніе креста, но неизмѣнно носятъ его тяжесть на раменахъ своихъ, а на главахъ своихъ вѣнецъ терновый.

Приложимо ли сіе къ подвигу жизни, такъ называемаго, ученаго монашества? Конечно приложимо, ибо въ рядахъ ихъ стоятъ такіе великіе свѣтильники Церкви, какъ Димитрій Ростовскій, Тихонъ Задонскій, Иннокентій и многіе другіе, которые ничѣмъ не умалены въ Царствіи Небесномъ предъ прочими святыми.

Итакъ, еслибы согласно ложнымъ и несправедливымъ словамъ враговъ ученаго монашества, послѣднее имѣло бы свое начало лишь за 200 лѣтъ тому назадъ и не было бы продолженіемъ подвиговъ древнихъ великихъ пустынножителей, то и въ такомъ случаѣ путь сей пребывалъ бы неукорнымъ и несомнительнымъ, ибо если Господь сподобитъ насъ хотя ма-

лой части того воздаянія, которое имѣютъ вышепоименованные святые, то и сіе превосходитъ самыя смѣлыя притязанія.

Впрочемъ, согласимся съ тѣмъ, что въ настоящее время немногіе изъ насъ, носящихъ златой вѣнецъ, могутъ называть его вѣнцомъ терновымъ. Но еслибы мы и не согласились признать сіе, то меньше погрѣшили бы противъ истины, чѣмъ тѣ, которые злорадно издѣваются надъ подобнымъ значеніемъ сихъ украшеній, чѣмъ тѣ, которые такъ запальчиво говорятъ объ архіерейской роскоши, объ ихъ брилліантахъ, золотыхъ и бархатныхъ одеждахъ, дворцахъ, пирахъ и каретахъ. Тѣ, кто ближе стоятъ къ быту современныхъ архипастырей, хорошо знаютъ, что всѣ наши брилліанты фальшивые, а мишурное золото и шелкъ нашихъ одеждъ гораздо дешевле хорошаго штатскаго мундира и что въ своемъ домашнемъ обиходѣ іерархи несравненно скромнѣе живутъ, чѣмъ прочія лица ихъ ранга.

Однако снова повторяю, что конечно не всѣ мы и менѣе всѣхъ я, говорящій тебѣ это, могу похвалиться, что возлагаю на себя терновый вѣнецъ. За то такъ же искренно, съ такою же правдою могу сказать, что на тебя сегодня я возложилъ поистинѣ вѣнецъ терновый. Буду говорить объ этомъ дальше, не опасаясь возмутить твоего смиренія, ибо слова мои предлагаются не для прославленія тебя, а для назиданія вручаемыхъ твоему надзору питомцевъ.—Поистинѣ ты можешь сказать о своемъ отношеніи къ жизни то, что говорилъ пророкъ Іеремія: „Ты, Господи, знаешь, что не сидѣлъ я въ собраніи смѣющихся и не веселился: подъ тяготѣющею рукою Твоею я сидѣлъ одиноко“ (Іеремія, гл. XV, 17).

Эти слова прочиталъ я на твоемъ лицѣ еще въ то время, когда встрѣтилъ тебя впервые девятнадцатилѣтнимъ юношей, вступающимъ въ число моихъ студентовъ Московской академіи. Среди сотни молодыхъ лицъ, явившихся вмѣстѣ съ тобой, изъ которыхъ одни носили на себѣ отпечатокъ беззаботной веселости, другія печать ученической любознательности или юношеской задумчивости, а нѣкоторыя—увы!—и порочныхъ страстей, твое лицо запечатлѣлось сразу въ моей памяти, ибо оно поразило бы всякаго соединеніемъ младенческой чистоты во взорѣ съ нѣкоторою почти дряхлостію кожи отъ безпощаднаго подвига труда и поста. Эти подвиги ты умножилъ, поступивъ въ академію, а сверхъ того прилагалъ къ нимъ еще одинъ, отчасти облегчающій прочіе, а отчасти еще болѣе утруждающій душу. Удаляясь отъ праздныхъ бесѣдъ и шумнаго товарищескаго общенія, ты однако духомъ своимъ не только не былъ чуждъ своимъ ближнимъ, но, напротивъ, любилъ ихъ такъ, какъ это свойственно душѣ, очищающей себя отъ себя-

любія и чувственности и потому не тѣсно вмѣщающей скорби, сомнѣнія, борьбу и паденіе своихъ ближнихъ.

Наконецъ, окончились долгіе дни твоего ученія и ты заявляешь о твоемъ желаніи быть монахомъ, отречься отъ міра, которому ты никогда не принадлежалъ, отречься отъ молодости, въ которой ты не зналъ не только порочныхъ наслажденій, но и невинныхъ веселій—той беззаботной радости этого возраста, которую многіе считаютъ лучшимъ украшеніемъ человѣческой жизни. Въ это время я былъ далеко отъ Московской академіи, и ты вступилъ въ монашескую дружину сиротою, началъ проходить этотъ новый подвигъ одинокимъ среди чужихъ тебѣ людей. Тебя назначаютъ учителемъ въ одну семинарію, а чрезъ годъ въ другую — инспекторомъ; ты усугубляешь и подвигъ личнаго совершенствованія, и подвигъ любви къ врученнымъ тебѣ питомцамъ, ибо теперь ты взираешь на тотъ и другой, какъ на данныя тебѣ святыя послушанія, съ которыми ты связанъ постригальными обѣтами.

Но ты не встрѣтилъ сочувствія своимъ свѣтлымъ, благороднымъ начинаніямъ. Взамѣнъ благодарности встрѣчалъ ты отъ своихъ сотрудниковъ, пользовавшихся твоею безотвѣтностью, издѣвательства и оскорбленія, и вотъ тебя присылаютъ къ намъ снова въ смиренномъ званіи учителя. И что-же? Ни одного слова ропота или осужденія не сошло съ твоихъ устъ. Но можетъ быть ты былъ обильно награждаемъ любовью товарищей, учениковъ и воспитанниковъ? Правда, съ этой стороны, повидимому, тебѣ оставалось ожидать только радости. Но не вполнѣ было такъ на дѣлѣ. Объ одномъ подобномъ тебѣ молодомъ монахѣ, сперва студентѣ, потомъ педагогѣ и наконецъ епископѣ Филиппѣ, недавно умершемъ,— такъ выражался одинъ его товарищъ: „я могъ бы обидѣть всякаго, но не Филиппа, потому что боюсь его: онъ Богу нажалуется“.

Но не у всѣхъ однако такая благородная душа, какъ у этого товарища. Есть другой грустный примѣръ, подходящій къ такому же типу. Онъ относится къ одному изъ самыхъ великихъ пастырей XIX вѣка, обладавшему духомъ всеобъемлющей любви, которая не знала границъ ни сословныхъ, ни народныхъ, ни даже вѣроисповѣдныхъ, но всѣхъ привлекала ко Христу, какъ любовь Павла, и обратила къ Нему десятки тысячъ язычниковъ Алтайскихъ. Ты понимаешь, что я говорю объ ученомъ и святомъ архимандритѣ Макаріи. Но знаешь-ли ты, что когда этотъ любящій пастырь былъ ректоромъ Костромской семинаріи, то неблагодарные ученики пытались проломить ему голову брошеннымъ камнемъ. На немъ исполнилась участь древняго пророка, описанная нашимъ поэтомъ:

„провозглашать я сталъ любви и правды чистыя ученье: въ меня всѣ ближніе мои бросали бѣшено каменья".

Какъ объяснить подобные случаи? Увы, они повторяются постоянно, и ихъ понималъ даже такой не расположенный къ аскетизму писатель, какъ Тургеневъ. Онъ говоритъ устами одного героя, что вполнѣ честный, вполнѣ правдивый человѣкъ не можетъ быть никогда всеобщимъ кумиромъ молодежи, что для этого непремѣнно нужно къ добрымъ качествамъ ума и сердца примѣшивать нѣкоторую долю лжи, ложнаго очарованья или лести.

Если поэтому приходится иногда встрѣчать враждебныя отношенія даже къ просто честному человѣку, то какъ ихъ избѣжать со стороны легкомысленнаго юношества истинному христіанскому подвижнику, не желающему быть человѣкоугодникомъ, но напротивъ повторять съ апостоломъ Павломъ: *„вѣренъ-же Богъ, яко слово наше еще къ вамъ не бысть ей и ни, ибо Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, Иже у васъ нами проповѣданный мною и Силуаномъ и Тимофеемъ, не бысть ей и ни, но въ Немъ Самомъ ей бысть: елика бо обѣтованія Божія въ Томъ ей и въ Томъ аминь: Богу къ славѣ нами"* (2 Кор. I, 18—20).

Еще ветхозавѣтный мудрецъ сказалъ: „какъ блудница ненавидитъ непорочную дѣву, такъ грѣшникъ ненавидитъ пути праведнаго".

Конечно, и прежніе твои питомцы, и теперешніе не могутъ быть названы грѣшниками въ преимущественномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, молодость менѣе исполнена лжи, чѣмъ зрѣлый возрастъ и скорѣе можетъ оцѣнить чистоту сердца. Но въ людяхъ есть нѣчто демоническое, сатанинское и по временамъ оно возстаетъ противъ тѣхъ, кто является въ ихъ сознаніи, какъ вторая совѣсть, какъ обличеніе ихъ внутреннихъ помысловъ. А когда подобное настроеніе охватываетъ цѣлое молодое общество, неумѣющее оглянуться на себя и провѣрить свои увлеченія, то за него остается только молиться и плакать. Та должность, которая снова вручается тебѣ, имѣетъ, по преимуществу, такое назначеніе: быть живою совѣстью для питомцевъ духовнаго вертограда. Вотъ почему я и сказалъ тебѣ, что съ нею на тебя возлагается терновый вѣнецъ, хотя, конечно, со стороны твоихъ руководителей и начальниковъ тебѣ оказаны будутъ полное довѣріе и содѣйствіе. Какія же утѣшенія предложить тебѣ въ предстоящихъ или бывшихъ у тебя скорбяхъ? Говорить-ли о томъ, что Самъ Богъ отмщаетъ, и очень скоро, тѣмъ, кто считаетъ себя въ школѣ всегда правымъ и оказываетъ грубое непослушаніе своимъ руководителямъ? Поистинѣ жалки бываютъ первые шаги самостоя-

тельной жизни такихъ юношей. Смѣло выступаютъ на поприще пастырское или педагогическое съ гордо поднятой вверхъ головой, думая, что жизнь есть продолженіе все той же семинаріи, гдѣ уже за правду не придется страдать. Но они скоро узнаютъ, что для человѣка смѣлаго и притязательнаго жизнь является осинымъ гнѣздомъ, въ которомъ его жалятъ со всѣхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, молодой священникъ, попадающій въ чуждую ему крестьянскую среду, окруженный наглыми міроѣдами, развратными помѣщиками и гордыми земскими чинами, безнаказанно оскорбляемый и нравственно одинокій, не видящій вокругъ себя никакого сочувствія, начинаетъ вспоминать о томъ, сколько самой нѣжной любви и участія предлагалось ему въ семинаріи и какъ грубо онъ все это отвергалъ. Отъ стыда и раскаянія онъ теперь грызетъ землю, кусаетъ себѣ пальцы и говоритъ съ поэтомъ: „и съ отвращеніемъ читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строкъ печальныхъ не смываю“.

Впрочемъ, мало утѣшатъ тебя подобныя явленія, ибо вѣдь ты ищешь не для себя справедливости отъ жизни, а спасенія душъ, ввѣренныхъ тебѣ, и желаешь говорить вмѣстѣ съ Павломъ: „я не ищу вашего, а васъ“. Быть можетъ, болѣе утѣшитъ тебя и подобныхъ тебѣ сознаніе о томъ, что, лишаясь иногда взаимности, ты раздѣляешь жребій этого величайшаго человѣка, который, не желая дѣйствовать на учениковъ своихъ авторитетомъ своего званія, но только истиною ученія и примѣромъ жизни, говорилъ: „Чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами“ (2 Кор. XII, 15). „Вы терпите, когда кто васъ порабощаетъ, когда кто объѣдаетъ, когда кто обираетъ, когда кто превозносится, когда кто бьетъ васъ въ лицо. Къ стыду говорю, что на это у насъ недоставало силъ“ (2 Кор. XI, 20, 21). Или это болѣе опечалитъ, чѣмъ обрадуетъ твою любвеобильную душу, и хочешь ты лучше повторять другія слова того же удивительнаго мужа: „я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ“ (Рим. IX, 3). Но въ такомъ случаѣ знай, или лучше вспомни, что юношеская жестоковыйность и неблагодарность есть явленіе временное, даже кратковременное. Наступаетъ для нихъ время собственнаго жизненнаго опыта, и тогда добрые примѣры и мудрые совѣты воспитателей приносятъ свой плодъ сторицею: это ты знаешь по собственной своей дѣятельности; вѣдь бывшіе ученики твои нынѣ приходскіе священники, студенты академіи, даже студенты университетовъ, даже тѣ, которые колеблются въ вѣрѣ подъ вліяніемъ невѣрующей среды, обращаются къ тебѣ, какъ къ неизмѣнному другу, отцу и со-

вѣтнику въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни. Также поступаютъ даже тѣ молодые люди, которые были твоими учениками лишь въ продолженіе мѣсяца въ качествѣ слушателей учительскихъ курсовъ, на которыхъ ты любилъ трудиться съ такимъ же усердіемъ и самоотверженіемъ, какъ трудился въ трехъ духовныхъ семинаріяхъ. Плоды трудовъ своихъ могъ созерцать и названный уже покойный святитель Филиппъ, который часто встрѣчалъ скорби отъ учащихся, но пользовался единодушнымъ уваженіемъ и благодарной привязанностью своихъ бывшихъ питомцевъ по мѣрѣ того, какъ они приходили въ возрастъ. Итакъ, прими сей пастырскій жезлъ и терновый вѣнецъ со свѣтлой надеждой, а не со скорбію. Скорбя о настоящемъ, утѣшайся будущимъ.

Но можетъ быть Господь изрекаетъ о тебѣ нѣчто еще лучшее; быть можетъ сей вѣнецъ явится тебѣ вѣнцемъ побѣднымъ, увѣнчивающимъ тебя за прежнія скорби и полагающимъ для нихъ конецъ; быть можетъ дальнѣйшее твое воспитательское поприще будетъ исполнено радостей, и питомцы твои встрѣтятъ тебя почтительнымъ послушаніемъ; быть можетъ поймутъ они, что при тебѣ, ихъ старшемъ руководителѣ, имъ остается только жить и радоваться и усовершаться премудростью и возрастомъ. Ибо, поистинѣ, что можетъ быть прекраснѣе, отраднѣе для сердца, какъ дружное товарищество, сознательно и свободно повинующееся любящимъ воспитателямъ и убѣжденнымъ, усерднымъ преподавателямъ. Тогда трудовая, общая жизнь ихъ обращается въ вѣчный праздникъ и учебная обитель становится для всѣхъ дороже родного дома. И все это такъ близко, такъ возможно именно здѣсь въ средѣ духовной, которая одна только изъ всѣхъ просвѣщенныхъ сословій сохранила необходимыя для того свойства русскаго смиренномудрія, цѣломудрія, трудолюбія и сердечной простоты.

Быть можетъ все это будетъ осуществляться въ твоемъ дальнѣйшемъ жребіи, и многострадальному Іову возвратятся его потерянныя дѣти, и надъ тобою въ духовномъ смыслѣ сбудется то, что сказано о древнемъ страдальцѣ: „*Родишася же ему сынове седьмь, и дщери три. И нарече первую убо, День: вторую же Кассію: третью те Амалѳеевъ рогъ. И не обрѣтошася подобнѣ въ лѣпотѣ дщеремъ Іовлевымъ въ поднебеснѣй*“ (XLIII, 13, 14).

Съ такимъ молитвеннымъ пожеланіемъ вручаю тебѣ сей пастырскій жезлъ и призываю благословеніе и помощь Господню на новый жребій твоего служенія.

Рѣчь при врученіи жезла новопоставленному Епископу Кременецкому Димитрію.

Вручая тебѣ, достолюбезный собрать, сей святительскій жезлъ, считаю полезнымъ взамѣнъ прямыхъ руководственныхъ увѣщаній, изложить тѣ чувства, которыя охватываютъ меня при видѣ тебя, облеченнаго въ архіерейскія одежды, среди собратьевъ святителей, между которыми вижу и другихъ питомцевъ своихъ, товарищей твоей юности.

Давно разлучились мы другъ съ другомъ послѣ общей дружной работы учебной, богослужебной и проповѣднической въ различныхъ высшихъ училищахъ богословской науки. Меня окружали тамъ группы студентовъ, ревнителей Христовой вѣры, а затѣмъ, оканчивая свое учебное поприще, расходились они по концамъ всей Руси, всей вселенной, и замѣнялись новымъ поколѣніемъ учениковъ. Но впослѣдствіи, время отъ времени, приходилось намъ снова встрѣчаться, иногда сразу по десяти человѣкъ и больше, и видѣть другъ въ другѣ духовное возмужаніе, слышать о трудахъ другъ друга, утѣшаться взаимною вѣрой, и такимъ образомъ созерцать воочію возрастаніе царствія Божія. Въ такіе радостные дни испытываешь то же чувство, какое бываетъ свойственно членамъ многочисленной семьи, возвратившимся къ родителямъ своимъ послѣ долголѣтней разлуки. Они находятъ въ семьѣ своей младенцевъ уже отроками, отроковъ—юношами, пожилыхъ родителей—старцами и, сверхъ того, встрѣчаютъ вновь родившихся и уже осмысленно взирающихъ на нихъ братьевъ, сестеръ, племянниковъ. Подобно сему, встрѣчаясь со своими когда-то юными питомцами, когда-то наивными студентами, уже въ ихъ зрѣломъ возрастѣ, уже украшенными пастырскою мудростью, облеченными саномъ священника, священноинока или даже епископа, и все же сохранившими дары юности своей — нелицемѣрную ревность о церковной славѣ и студенческую правдивость, встрѣчаясь съ этою возростающею духовною семьей, испытываешь такую полноту жизни, какая невѣдома сынамъ вѣка сего. Посему, когда видя чувственными глазами нѣкоторую часть своего учебнаго братства, я переношусь мысленнымъ взоромъ ко всему множеству тѣхъ работниковъ на нивѣ Христовой, духовному воспитанію которыхъ пришлось мнѣ послужить сперва подъ водительствомъ первосвятителя Церкви русской, а потомъ самостоятельно,—когда вспомнишь, сколько

молитвъ, сколько духовныхъ трудовъ, сколько словъ духовнаго учительства ежедневно приносится ими къ подножію небеснаго Престола: тогда съ благодарнымъ чувствомъ примѣняешь къ нашей жизни слова, произнесенныя Божественными устами: „*аминь, аминь, глаголю вамъ, яко суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже узрятъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ*“ (Марк. IX, 1). Внимай сему, достолюбезный собратъ, въ день сей, когда Господь облекъ тебя полнотою благодати не для иного чего, какъ для *насажденія Царствія Божія*. Знай, что и въ наше, повидимому, столь безблагодатное время ревность пастырская не остается безплодной.

Но для того, чтобы болѣе ясно уразумѣть и радостныя и печальныя условія пастырской дѣятельности, дополнимъ помянутую картину семейной встрѣчи указаніемъ еще одного закона жизни. Время не ограничивается тѣмъ, что увеличиваетъ семью и возвращаетъ сыновъ ея. Однихъ оно укрѣпляетъ и украшаетъ, другихъ старитъ и надѣляетъ болѣзнями, а третьихъ и вовсе похищаетъ. Такъ и наше духовное братство, встрѣчаясь другъ съ другомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, уже не досчитываетъ нѣкоторыхъ изъ среды своей, а нѣкоторыхъ, хотя и считаетъ еще въ средѣ живыхъ, но уже не здравствующими, а умирающими.

Что же отсюда слѣдуетъ? А то, что Царствіе Божіе возрастаетъ, но возрастаетъ не для временной жизни, а для вѣчной. Благочестивая ревность изобилуетъ плодами, но еслибы кто нибудь пожелалъ во всей полнотѣ утѣшиться ими въ этой временной жизни, тотъ обманулся бы въ своемъ расчетѣ. Не напрасно сказалъ Господь устами Павла: „*если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ*“ (1 Кор. XV, 19). Вспоминай и другой глаголъ Господень: „*жнущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную*“ (Іоан. IV, 36).

Итакъ, совершая архипастырское дѣланіе, не увлекайся внѣшними цѣлями, не требуй отъ жизни, чтобы она показала тебѣ внѣшнее осуществленіе всѣхъ твоихъ предпріятій. Старайся о томъ, чтобы сердце свое соблюдать въ послушаніи божественной волѣ, чтобы оно непрестанно распалялось божественною ревностью, чтобы жалость дома Божія снѣдала его, по слову Писанія, а если не все задуманное исполняется, о томъ не унывай, а вспоминай слова Павловы: „*я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, а возрастилъ Богъ*“ (1 Кор. III, 6). Внѣшнее исполненіе нашихъ желаній зависитъ отъ Бога: а намъ предписано молиться и трудиться, полагаясь на Его премудрый и всемогущій промыслъ.

Тогда и Господь бываетъ щедръ и на внѣшнія удостовѣренія, и всякій внимательный наблюдатель жизни знаетъ это по собственному опыту, въ твоей-же жизни даетъ тому подтвержденіе сегодняшній день Срѣтенія Господня.

Ты всегда любилъ благолѣпіе дому Господня, а въ послѣдніе два года ты перенесъ множество трудовъ, тревогъ и скорбей для возстановленія погорѣвшаго Срѣтенскаго храма въ семинарскомъ монастырѣ преподобнаго Антонія Римлянина; дѣло сіе ты исполнялъ единственно по любви къ Богу, не ожидая за него награды отъ людей, ибо оно не было дѣломъ служебнымъ. Но Господь далъ тебѣ за то высшую награду. Онъ облекъ тебя епископскимъ саномъ въ тотъ самый праздникъ, которому посвященъ возстановленный тобою храмъ. То же дѣйствіе Божіе узришь ты и въ дальнѣйшіе дни твоего служенія. Господь будетъ иногда испытывать твое терпѣніе и смиреніе неудачами, но, испытавъ, вознаградитъ тебя явными доказательствами Своей милости, иногда даже раньше, чѣмъ ты осмѣлишься просить Его о томъ, какъ сказано черезъ пророка: *„Я открылся не вопрошавшимъ о Мнѣ, Меня нашли не искавшіе Меня, вотъ Я! вотъ Я!“* (Ис. LXV, 1).

Итакъ, сохраняя въ своемъ сердцѣ эту истину, служи Церкви Божіей, какъ предписалъ апостолъ, тѣмъ даромъ, который получилъ ты отъ Бога (Рим. XII, 6). Два дарованія преимуществуетъ въ тебѣ: попеченіе о благолѣпіи храма Божія и близость къ простому народу. Мѣстная Церковь имѣетъ большую нужду въ сихъ дарованіяхъ ея предстоятелей. Храмы Божіи здѣсь убоги, тѣсны, грязны, нищетны; они не отопляются зимою и почти не освѣщаются даже за вечернею службою, и сіе не по бѣдности прихожанъ, а болѣе по неопытности пастырей, не умѣющихъ руководить народъ въ украшеніи святыхъ храмовъ. Научай сему дѣлу священниковъ и мірянъ. Возлюби и ихъ самихъ, возлюби и народъ волынскій, какъ любилъ ты родныхъ новгородцевъ. Народъ нашъ боголюбивый, смиренный и долготерпѣливый, но замкнутый и недовѣрчивый, ибо прежде онъ былъ ненавидимъ, разоряемъ и избиваемъ, потомъ заклейменъ презрѣніемъ, а теперь заброшенъ и предоставленъ самому себѣ, или, лучше сказать, хитрымъ и вреднымъ проходимцамъ, которые рады въ немъ сѣять либо смуту, либо треклятую ересь штундизма. Ты возстановлялъ разрушенный храмъ Божій, возстановляй теперь единство мѣстной Церкви Божіей; утверждай единеніе народа и пастырей: научай послѣднихъ любить народъ, научай народъ уважать пастырей и довѣрять имъ; научай всѣхъ забывать земное и тлѣнное и помнить смерть и страшный судъ Божій. Пусть другіе народы кланяются золотому тельцу вмѣсто Господа

Іисуса, пусть другіе предаются жалкимъ надеждамъ на доставленіе всѣмъ счастья чрезъ деньги, но ты увѣщавай народъ русскій, чтобы всѣ уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живого, дающаго намъ все обильно, „*собирая себѣ сокровища, добрыя основанія для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни*“ (1 Тим. VI, 17—19). Аминь.

Г) Слова и рѣчи надгробныя.

СЛОВО

въ день годовщины смерти доцента Спб. Дух. Академіи Александра Александровича Приселкова [1]).

Прежде чѣмъ окончить наше молитвенное поминовеніе усопшаго во Христѣ брата нашего и сочлена академической семьи,—это поминовеніе, которое вѣроятно будетъ послѣднимъ возстановленіемъ нравственнаго облика почившаго предъ лицомъ всей Академіи,—всмотримся, братіе, въ значеніе самого событія. Въ жизни большинства изъ насъ предстоящая панихида о человѣкѣ, котораго учащіеся не видѣли, о которомъ вѣроятно и слышали то мало, является не болѣе, какъ отвлеченнымъ, хотя, конечно, и уважаемымъ долгомъ, причемъ мысль большинства развѣ лишь скользнетъ по картинѣ безвременно оборвавшейся жизни. „*Нѣсть память прежнихъ*“, говоритъ Экклезіастъ „*и послѣднимъ бывшимъ не будетъ память ихъ съ будущими напослѣдокъ*“. Но посмотримъ на это поминовеніе съ точки зрѣнія самой оборвавшейся жизни. Вотъ ученый, проникнутый свѣтлымъ желаніемъ возстановленія православнаго святоотеческаго богословствованія, идеалами одушевленія церковной школы, огнемъ просвѣтительной ревности, жилъ, трудился, видѣлъ, какъ трудно эти идеалы осуществлять, какъ лишь малые обрывочки своихъ предначертаній приходится развивать и вводить въ жизнь, какъ лишь немногія единицы между слушателями проникаются желательнымъ содержаніемъ, видѣлъ всю принижающую миніатюрность наличной жизни и однако вѣрилъ въ свой идеалъ, и въ глубинѣ своего духа, невѣдомо отъ всѣхъ восхищался имъ до энтузіазма, продолжая привѣтствовать его, лежа на одрѣ смерти; наконецъ умеръ.— Многое скрытое въ жизни добро, исповѣдается надъ его гробомъ, теплая молитва всей Академіи возносится къ престолу Божію; тѣло опускается въ землю, молящіеся расходятся по своимъ дѣламъ, но вотъ обыденная жизнь опять вступаетъ

[1]) Произнесено 27 ноября 1888 г. въ церкви С.-Петербургской Дух. Академіи.

въ свои права, воспоминанія тускнѣютъ и наконецъ, промерцавъ послѣдній разъ въ день годовщины смерти, обрекаются на едва ли не окончательное, постепенное исчезновеніе. Во что, во что разрѣшились всѣ неосуществленные идеалы? что дастъ отвѣтъ на высшіе запросы оконченной земной жизни? тѣ запросы, тѣ идеалы, которыхъ покойный, по своей непреодолимой застѣнчивости не могъ ни проповѣдывать, ни даже многимъ исповѣдывать, но которые только и любилъ въ своей уединенной, невеселой жизни, любилъ горячо и честно? Поищемъ, братіе, на это отвѣта, ибо поставленный вопросъ не чуждъ каждому изъ насъ, ибо это есть вопросъ, можно сказать, личной жизни почти каждаго питомца духовной школы. Дѣйствительно, наша школа даетъ идеалы самые высокіе, конечные цѣли жизни—самыя святыя,—а житейская дѣйствительность говоритъ о томъ, что они не только рѣдко достигаются, но даже рѣдко обнаруживаются въ человѣкѣ, и слѣдовательно рѣдко могутъ доставлять ему ту высшую небесную радость, которую мы испытываемъ при высшемъ духовномъ общеніи съ учениками и вообще съ ближними! Много носитъ въ себѣ каждый изъ насъ самыхъ святыхъ, самыхъ свѣтлыхъ стремленій, чувствъ, мыслей, много собираетъ познаній, чтобы чрезъ нихъ осуществлять высшія чаянія жизни, какъ-то нетерпѣливо смотритъ онъ въ будущее въ надеждѣ приложить впослѣдствіи свое духовное содержаніе къ живой дѣйствительности: но, увы, время это не наступаетъ, будущее остается будущимъ, неутомимая жизнь идетъ заведеннымъ порядкомъ, пока смерть и гробъ не уносятъ насъ съ нашими идеалами въ другой міръ. И вотъ нынѣ, оглядываясь всѣ вмѣстѣ, можетъ быть, въ послѣдній разъ на такую—по мірскому сказать—неконченную, но оборванную жизнь, спросимъ, братіе, кто-же и что-же увѣнчаетъ въ покойномъ его благія стремленія? Не намъ, конечно, не намъ отвѣчать на эти слова отчаяннымъ пессимизмомъ современныхъ ученій; мы, конечно, знаемъ слова Христовы: „*все, еже дастъ Ми Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*“; мы знаемъ, что есть иной міръ, въ которомъ бѣдный въ сей жизни Лазарь возлежитъ на лонѣ Авраама; мы знаемъ, что блаженны алчущіи и плачущіи нынѣ, ибо они насытятся и возсмѣются.—Но неужели только для той загробной жизни Господь вложилъ въ нашъ духъ тотъ горячій восторгъ предъ всѣмъ святымъ и добрымъ, то увлекающее стремленіе бороться съ грѣхомъ сего міра, вноситъ въ него свѣтъ Евангелія, свѣтъ истины и любви, тѣ, вообще, упованія, которыя мы умѣемъ такъ горячо любить и такъ мало проводить въ дѣйствительную жизнь? „*Не мертвіи восхвалятъ Тя*“, говоритъ Писаніе, „*ниже сходящіи въ адъ, но мы живіи*“. Когда-же, когда наступитъ то

время, чтобы идеализмъ и христ. энтузіазмъ у насъ оставались не въ сердцѣ только, но и въ дѣятельности, въ проповѣди, въ преподаваніи, въ пастырствѣ вообще? Конечно, много для сего нужно условій, и конечно прежде всего не разсудочнаго только саморазвитія, а нравственнаго, борьба съ самимъ собою, христіанственное отношеніе къ жизни, насъ окружающей, и прочее: но объ этомъ мы не будемъ на сей разъ говорить, а ради памяти почившаго толкователя отцевъ Церкви укажемъ на одну принципіальную ошибку нашего общественнаго служенія. Въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ задачъ святоотеческой науки усопшій представлялъ ту мысль, что самое христіанство въ полнотѣ можетъ быть усвоено лишь тогда, если мы чрезъ изученіе Отцевъ Церкви и учителей вѣры поймемъ, какъ оно было усвоено *жизнью*, потому что жизнь христіанская въ нихъ-то и нашла свое выраженіе. Отцы Церкви въ своихъ твореніяхъ не столько разсуждали и доказывали, сколько прямо *жили*. Христіанство не есть доктрина, ни исторія: оно есть жизнь, есть прежде всего *построеніе личности*, оно поэтому и не находитъ своего всесторонняго и полнаго выраженія въ системѣ, въ наукѣ, но именно въ *преданіи*, въ живыхъ примѣрахъ личнаго переживанія его небесныхъ истинъ. А потому, какъ для истиннаго уразумѣнія христіанства, такъ особенно для пріобрѣтенія способности просвѣщать чрезъ него ближнихъ, или что то-же осуществлять въ жизни свои завѣтные идеалы, мы, братіе, не должны запрятывать отъ всѣхъ свою личную религіозную жизнь, не должны въ проповѣди и учительствѣ представлять собою ходячую книгу, но прежде всего являть своего внутренняго человѣка и отыскивать его въ ближнемъ, ибо „образъ вѣчнаго бытія Своего“ Господь положилъ не въ отвлеченныхъ идеяхъ, но именно въ человѣкѣ, чрезъ человѣковъ, чрезъ ихъ личную жизнь вводилъ Онъ въ міръ истины откровенія и Человѣкомъ, личностью Богочеловѣка, искупилъ насъ отъ вѣчной смерти. Поэтому, пока христіанскіе идеалы не расходились съ жизнью и наукой, но въ нихъ-то и выражались, когда свѣтъ этихъ идеаловъ не ставился какъ нынѣ подъ сосудъ только внутренней, отъ всѣхъ укрываемой жизни, — но на свѣщникъ общественнаго учительства,—т. е. во время Отцевъ Церкви: то мы находимъ въ ихъ твореніяхъ не резонированія, не внѣшнее доказываніе, но именно раскрытіе, исповѣданіе внутренней жизни, видимъ человѣка, говорящаго къ человѣку, видимъ истинный прекрасный образъ Божій; мы тамъ легко понимаемъ силу вліянія подобнымъ путемъ на жизнь и ближнихъ и блѣдность предъ ними современной отвлеченной проповѣди, учительства и общественной дѣятельности, гдѣ дѣйствуютъ лишь идеи, за-

коны и понятія, а не люди, которымъ и дано, однако, ученіе истины. Да будетъ позволено, братіе, въ заключеніе подтвердить гибельность современной духовной замкнутости или запрятыванія нашей внутренней жизни и происходящей отсюда неспособности осуществлять наши академическіе священные идеалы, подтвердить свѣжими, но болѣзненно отзывающимися на душѣ прошлогодними воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ жизни почившаго. Его всегдашняя застѣнчивость, усиленная неопредѣленными условіями его служебнаго положенія, была причиной тому, что онъ не могъ облегчить своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій чрезъ признаніе своимъ друзьямъ, но тщательно отъ всѣхъ скрывалъ свой недугъ, а мы, не умѣя найти путь къ его откровенности, узнали объ его болѣзни, можно сказать, за три дня до его смерти и единственнымъ утѣшеніемъ для его души могли предложить лишь надгробную молитву и слезы. Пусть-же, братіе, вторымъ посмертнымъ утѣшеніемъ этой прекрасной христіанской души явится наше общее стремленіе воспроизводить въ научномъ и пастырскомъ дѣланіи образъ мышленія и жизни дорогихъ усопшему Отцевъ Церкви, заключающееся въ томъ, чтобы получить способность не прятать своего внутренняго человѣка, но открытой душой встрѣчать душу нашего ближняго и образъ Бога, положенный въ ней. Тогда мы будемъ имѣть богатую почву для приложенія нашихъ нравственныхъ идеаловъ, тогда жизнь и идеалъ не будутъ исключать другъ друга, тогда мы будемъ въ каждый моментъ своего земного бытія испытывать радость духовнаго общенія съ ближними и съ Богомъ, не будемъ знать мучительнаго внутренняго раздвоенія и не со страхомъ, но со свѣтлой надеждой будемъ ожидать перехода въ лучшій міръ, котораго и да удостоитъ Господь душу, прекрасную, свѣтлую душу усопшаго раба своего Александра. Аминь.

Извлеченіе изъ церковнаго слова надъ тѣмъ же усопшимъ [1]).

„Не только земныя, своекорыстныя и внѣшнія стремленія человѣческой воли оказываются суетными и скоропреходящими, но нерѣдко Господь не судитъ осуществляться въ этой жизни и инымъ, высшимъ намѣреніямъ нашего духа, намѣреніямъ не себялюбивымъ, но святымъ, влекущимся къ славѣ Господней. Такъ совершилось и съ намѣреніями того, чей

[1]) Въ такомъ видѣ напечатано было въ „Церк. Вѣстникѣ“ 1887 г., № 49. Въ полности не сохранилось.

безвременный гробъ соединилъ насъ сегодня такъ неожиданно въ нашемъ св. храмѣ. Да, земная жизнь почившаго прекратилась, когда онъ только началъ осуществлять свое святое намѣреніе—знакомить русское общество со столь драгоцѣнными для христіанъ древнѣйшими писаніями отцевъ новозавѣтной церкви, прекратилась, когда онъ, окончивъ столь удручавшій его трудъ, получилъ возможность вновь возвратиться на каѳедру святоотеческой письменности, такъ что тотъ самый день, въ который былъ назначенъ его диспутъ, открывавшій ему путь къ преподаванію, былъ и послѣднимъ днемъ его труженической, уединенной жизни.

И нынѣ академія, вмѣсто того, чтобы вновь съ любовью и сочувствіемъ встрѣтить его, какъ своего усерднаго работника, принимаетъ его безжизненное тѣло, чтобы воздать ему „послѣднее цѣлованіе“. Она оплакиваетъ его, какъ талантливаго преподавателя священной науки, какъ великаго знатока древнѣйшей христіанской письменности и новѣйшей ея критики; оплакиваетъ его, не только какъ ученую силу, но и какъ своего дорогого члена, поддерживавшаго внутреннее, нравственное единство академическаго союза своею горячею любовью къ академіи, столь горячею и беззавѣтною, что она, при всей застѣнчивости почившаго, ключемъ била въ его рѣчи, въ его сердечно-ласковомъ отношеніи ко всѣмъ сынамъ академіи, а въ минуты одушевленія и откровенности обнаруживалась въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ.

Но особенно незамѣнимо дорого было бы продолженіе дѣятельности почившаго профессора въ текущіе годы умственной жизни русскаго общества съ той стороны, съ которой онъ опредѣлялъ значеніе своей науки и въ частности перваго періода христіанской литературы, бывшаго всегда предметомъ его особеннаго вниманія. Одною изъ задачъ изученія твореній мужей апостольскихъ почившій ставилъ: „жизненное уясненіе божественнаго ученія“, уразумѣть которое достодолжнымъ образомъ онъ считалъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы будемъ знать, какъ оно отразилось въ сознаніи тѣхъ избранниковъ Божіихъ, которые, будучи непосредственными слушателями священныхъ писателей, не сознаніемъ только, но всею душою восприняли слова спасенія и проводили ихъ не только въ области мысли, но и всей своей жизни, приближая ее къ начертанному намъ въ ученіи Христовомъ пути совершенства.

Почившій умѣлъ раскрывать въ своихъ чтеніяхъ ту живую связь, которая существуетъ между евангельскими истинами и церковною жизнью первыхъ вѣковъ, умѣлъ представить ученіе отцевъ церкви, какъ генезисъ единой, неповрежденной евангельской идеи.

Вотъ эта сторона его преподаванія имѣетъ громадное значеніе въ наше время для двухъ теченій духовной жизни русскаго общества и народа, для тѣхъ двухъ ея направленій, которыя желаютъ раздѣлять духъ евангельскихъ заповѣдей отъ церковнаго преданія, разумѣя подъ послѣднимъ не образное воспроизведеніе той же евангельской истины, но рядъ извѣстныхъ отвлеченныхъ, таинственныхъ формулъ и выполненіе извѣстныхъ богослужебныхъ священнодѣйствій. Ничего общаго не находятъ представители того и другого направленія между словами Христовыми и современною церковностью и поэтому одни отвергаютъ одно, другіе — другое. Тѣ, которые признаютъ церковное ученіе искаженіемъ евангельскаго и стараются объяснить послѣднее внѣ всякой связи съ первымъ, эти, якобы возстановители вѣры, пріобрѣтаютъ вліяніе на умы, не только опираясь на непроходимое невѣжество свѣтскаго общества въ богословскихъ вопросахъ, не только своею грошевою ученостью и безсодержательною притязательностью, но еще болѣе благодаря тому, что ихъ противники, забывшіе нравственный смыслъ, проникающій всю нашу церковность, дѣйствительно лишили послѣднюю въ глазахъ людей поверхностныхъ той высокой духовности, того чистаго одушевленія, которое должно быть присуще обнаруженіямъ божественной вѣры. Да, враги церкви уже не во имя безвѣрія и безнравственности поднимаютъ свое знамя противъ невѣсты Христовой, но силятся представить ея ученіе, ея жизнь, какъ нѣчто, несравненно низшее въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ ихъ собственныя заблужденія. Не менѣе опасны для вѣры и тѣ, которые, пренебрегая „духомъ животворящимъ“, хотятъ обосноваться на одной внѣшности церковныхъ догматовъ и обрядовъ, и представляютъ Христову религію не какъ единый принципъ, единую истину „на потребу“, но какъ рядъ ничѣмъ несвязанныхъ внѣшнихъ отправленій, столь же внѣшнимъ образомъ обусловливающихъ будто бы спасеніе душъ нашихъ. Съ этими-то двумя современными бѣдствіями слѣдовало бороться оружіемъ покойнаго, которое онъ сложилъ такъ безвременно“.

Слово при погребеніи проф. С.-Петербургскаго Университета О. Ѳ. Миллера [1]).

„Зряще мя нынѣ безгласна и бездыханна, восплачите, братіе и други“.

Безгласнымъ встрѣчаемъ мы, братіе, того, кого привыкли встрѣчать гласящимъ во всѣхъ лучшихъ собраніяхъ русскихъ

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Славян. Изв.» 1889 г., № 24.

людей. Донынѣ мы, сбираясь вмѣстѣ, не знали случая, чтобы Орестъ Ѳеодоровичъ не утѣшилъ насъ вдохновенною рѣчью, а теперь, когда мы собрались именно ради него, уста его замкнуты предъ нами и замкнуты навсегда.

О чемъ же будемъ мы говорить предъ гробомъ твоимъ, умолкнувшій учитель, если не о твоемъ ученіи, о тѣхъ отличительныхъ его чертахъ, которыми ты выдѣлялся изъ ряда товарищей по оружію? Пусть же это надгробное напоминаніе о твоей дѣятельности явится для насъ вмѣсто твоей прощальной рѣчи къ ученикамъ и почитателямъ. Ты вѣренъ былъ до смерти тому слову, съ котораго началъ свою общественную дѣятельность измлада и вотъ на этой-то вѣрности твоей жизни прежде всего должны мы остановить свое вниманіе.

Конечно, всякій общественный ораторъ, профессоръ и публицистъ вѣритъ въ то ученіе, котораго является представителемъ, и говоритъ обществу о томъ, въ чемъ самъ убѣжденъ, такъ что убѣжденность есть свойство большинства руководителей общественной мысли. Но насколько велика разница между подобною убѣжденностью и тою, которую имѣлъ почившій, на это указываетъ намъ тотъ фактъ, что едва-ли только не Орестъ Ѳеодоровичъ съ немногими другими могъ не подчинять своихъ убѣжденій вліянію исторической минуты и небоязненно и непоколебимо пронести свое знамя чрезъ три послѣднихъ десятилѣтія, изъ которыхъ каждое воздвигало своихъ божествъ, свои литературныя моды, увлекая всѣхъ за ними и мысль руководителей общества, которая, такимъ образомъ, думая управлять жизнью, на самомъ дѣлѣ рабски ей подчиняется. Дѣйствительно, кто не знаетъ характера литературы шестидесятыхъ годовъ? Какъ смѣло тогда сыпались обличенія противъ существующихъ обычаевъ; какъ настойчиво люди призывались къ служенію интересамъ меньшей братіи; могло казаться, что мысль стала совершенно выше жизни и поведетъ ее путемъ науки къ истинѣ. Но еще тогда же лучшіе люди, и между ними Орестъ Ѳеодоровичъ, дерзновенно указывали обществу на то, что современное направленіе есть плодъ не одного только знанія и человѣколюбія, но и матеріализма житейскаго, что оно совершенно упустило изъ виду самые важнѣйшіе запросы жизни, запросы религіозные и нравственные, что нашъ народъ, о которомъ, повидимому, всего болѣе заботились современники, никогда не удовлетворится вещественнымъ благополучіемъ, но алчетъ хлѣба духовнаго, жаждетъ истины религіозной. Именно въ это неблагопріятное время выступилъ Орестъ Ѳеодоровичъ съ ученымъ трудомъ о древнихъ религіозно-бытовыхъ поэтическихъ идеалахъ нашего народа и непостыдно исповѣдывалъ ихъ высшее, чѣмъ эконо-

мическія реформы, значеніе. Въ средѣ самой враждебной для такихъ идей, онъ не стыдился открыто признавать себя послѣдователемъ забытыхъ обществомъ христіанскихъ вѣрованій народа и, подобно Никодиму, призывалъ книжниковъ къ безпристрастію, но, конечно, подобно тому-же Никодиму и слугамъ архіерейскимъ, получалъ отвѣтъ: и ты не изъ Галлилеи-ли? увѣровалъ-ли въ *Него* кто изъ книжниковъ или изъ фарисеевъ? но этотъ народъ невѣжда, проклятъ онъ. Орестъ Ѳеодоровичъ, однако, остался твердъ въ своей вѣрѣ, а поколебались самоувѣренные отрицатели, поколебались тогда, когда увидѣли, что вдохновленная ими молодежь съ одной стороны уподобляется прежнему чиновничеству и сама уже становится темой для обличительной литературы, — съ другой стороны, желая оставаться вѣрною внушеннымъ ей правиламъ, разрѣшаетъ свои планы о народномъ благоденствіи въ устройство преступныхъ шаекъ, въ крамолу, въ рядъ нечеловѣческихъ преступленій. Но приходитъ конецъ и этому движенію. Восточная война вдохновила всѣхъ патріотизмомъ настолько, что ему поддались самые дотолѣ холодные космополиты и общество объединяется въ пламенной любви къ отечеству и престолу. Но, увы, время показало съ достаточною убѣдительностью, насколько и это направленіе литературы и жизни было случайно и поверхностно. Когда послѣ окончанія войны одинъ лучшій русскій человѣкъ началъ издавать въ Москвѣ печатный органъ, имѣвшій цѣлью разъяснять и поддерживать то направленіе, что овладѣло было всѣми въ періодъ войны, то та же литература обрушилась на него съ грязными ругательствами и подлогами, и чернила его, какъ только могла. И опять-же не иной кто, какъ Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, одинъ изъ немногихъ, остался вѣренъ своему направленію религіозному и патріотическому. Съ самоотверженіемъ христіанина и русскаго человѣка взялъ онъ на себя неблагодарную роль не защитника только, но прямо ученика этого оклеветываемаго московскаго литератора и призывалъ юношество проникнуться его ученіемъ и заботиться о бытовомъ сближеніи съ простымъ народомъ во имя христіанской правды и пользы отечества. Въ эти годы исторія съ такими неопровержимыми доказательствами подтвердила гибельность противорелигіознаго и противонароднаго направленія науки и общества, что оно ко времени смерти московскаго учителя хотя поздно, но единодушно прославило его память и исповѣдало правоту его ученія. Но этотъ поворотъ повлекъ насъ такъ далеко, что мы признали единомысленнымъ усопшему другое литературное направленіе въ Москвѣ, въ коемъ, правда, хотя давалось мѣсто и религіи, и народности, но гдѣ начала эти являлись служебными для

начала государственнаго объединенія. И вотъ опять не кто иной, но Орестъ Ѳеодоровичъ, не возражая противъ этого направленія по существу, однако, считалъ долгомъ предостерегать общество, что одно дѣло — царство Божіе, царство небесное, а другое—царство земное, которое отъ міра, что первое имѣетъ цѣль въ себѣ самомъ и не должно приниматься, какъ служебное для второго.

Итакъ, лишь слово Ореста Ѳеодоровича оставалось вѣрнымъ себѣ среди измѣнчивости прочихъ литературныхъ направленій, и эта вѣрность обусловливается вѣрностью того премірнаго Слова, Которое не бываетъ да и нѣтъ, но всегда—да. Не время и не мѣсто говорить здѣсь о томъ, что̀ переносить приходилось усопшему за свою вѣрность и чего лишаться, остановимся на той мысли, что только слово христіанской религіи есть слово неизмѣнное, что лишь тѣ убѣжденія могутъ торжествовать надъ интересами минуты, которыя основаны на истинахъ Евангелія, что только христіанинъ можетъ не преклоняться предъ Ваалами сего міра, предъ Ваалами моды и минутныхъ увлеченій, но оставаться всегда и всюду тѣмъ же. Второю отличительною чертою ученія усопшаго профессора является та жизненная проникновенность своими вѣрованіями, которая придавала идеальную окраску не только всѣмъ его рѣчамъ, но и всѣмъ поступкамъ. Правда, большинство литераторовъ не относится къ своимъ теоріямъ совершенно внѣшнимъ образомъ, а старается слѣдовать имъ и въ дѣятельности; но въ Орестѣ Ѳеодоровичѣ Миллерѣ положительно не различалась жизнь отъ ученія. Онъ равно былъ учителемъ и на каѳедрѣ общественнаго зала, и въ университетской аудиторіи, и дома, и въ церкви, и на улицѣ. Говорилъ ли онъ, или молчалъ, всякій могъ заранѣе знать, какъ отнесется Орестъ Ѳеодоровичъ къ каждому проявленію общественной или личной жизни, что онъ похвалитъ, что осудитъ, чему порадуется и о чемъ будетъ грустить. Онъ былъ учителемъ жизни въ общественныхъ рѣчахъ и лекціяхъ, но былъ имъ и въ уединенной бесѣдѣ со студентомъ, пришедшимъ къ нему облегчить душу, былъ имъ и въ дѣлахъ помощи нуждающемуся юношеству, когда не только раздавалъ свои послѣднія деньги, но и закладывалъ свое платье, чтобы достать ихъ для неимущихъ. Онъ былъ учителемъ, когда въ качествѣ чтеца на клиросѣ давалъ собою образецъ любви къ Церкви, когда въ бесѣдахъ и въ жизни отстаивалъ подвигъ дѣвства передъ легкомысленными собесѣдниками. Для него не существовало разницы между теоріей и практикой; онъ не хотѣлъ признать, какъ большинство, двѣ противоположныя стороны жизни—чистовую и черновую, и только въ первой быть представителемъ просвѣщенія,

а во второй—себялюбія; онъ зналъ, что христіанскія истины, имъ проповѣдуемыя, не суть теорія, но „духъ и жизнь“ (Іоан. VI, 63), а потому и ученіе его стало его жизнью. Говорить ли здѣсь о томъ, что только то ученіе, которое служитъ выраженіемъ жизни, можетъ вліять на самую жизнь? Конечно, ни мысли, ни самое имя Миллера не гремѣли въ газетахъ и книгахъ, какъ мысли и имена людей, ловящихъ интересъ минуты; конечно, онъ, не гоняясь за моднымъ научнымъ аппаратомъ, не могъ внушать своими лекціями такого преклоненія предъ ихъ ученостью, какъ другіе: но кто изъ этихъ другихъ имѣетъ основаніе надѣяться, что слова его пойдутъ далѣе словъ же, далѣе печатныхъ и устныхъ разговоровъ, что они повліяютъ на жизнь, побудятъ юношей къ самоотверженному подвигу или удержатъ отъ грязнаго паденія? За то могъ надѣяться и зналъ Орестъ Миллеръ, что не разъ и не два воспоминаніе о немъ давало силы тому или иному изъ его слушателей или слушательницъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ далекой глуши возстать за правду и человѣколюбіе, удержать свои руки отъ жестокости или взятки, по одному лишь напоминанію о томъ, что тамъ, въ Петербургѣ, есть старый профессоръ, который скажетъ, что это худо, что надо быть милостивымъ и честнымъ.

Итакъ, вѣрность себѣ, свобода отъ давленій исторической минуты, затѣмъ, жизненность и дѣйственность на жизнь—вотъ тѣ свойства, которыми отличается дѣятельность усопшаго, которыя сообщались ей отъ жизни христіанской, служившей всегда руководительницей для мыслей и словъ и дѣлъ почившаго. Эта-же христіанская жизнь, какъ жизнь, торжествующая надъ ограниченіями мѣста и времени, сообщаетъ и своему послѣдователю ту вѣчность, то продолженіе жизни, которая торжествуетъ надъ смертью плоти, какъ сказалъ Господь: „*аминь, аминь, глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего и вѣруяй въ Пославшаго Мя имать животъ вѣчный*“.

Дѣйствительно, чему и умирать въ немъ? Умираетъ богатство, умираетъ знатность, умираетъ семья. Но ни богатства, ни знатности, ни семьи не имѣлъ усопшій: отъ всего этого онъ отказался ради служенія ближнимъ. Что-же онъ имѣлъ?—Имѣлъ благоговѣніе предъ Богомъ, любовь ко Христу, любовь къ людямъ, попеченіе о ихъ спасеніи, ревность о добродѣтели, но для этихъ чувствъ нѣтъ смерти, ибо они выше времени. Одно тѣло его разрушится, а то содержаніе жизни, какое онъ имѣлъ, не умираетъ, но вмѣстѣ съ душой его восходитъ на небо. Да, не умираетъ духъ Ореста Ѳеодоровича, онъ нынѣ живой между нами, какъ живъ Господь, имъ возлюбленный. Не объ его смерти должны мы печалиться, не объ его жизни спрашивать, но спрашивать о самихъ себѣ: мы, живые,

стоящіе предъ лежащимъ мертвымъ тѣломъ его, мы живы-ли на самомъ дѣлѣ? Ты, предстоящее здѣсь юношество, надежда Россіи, ты живешь-ли? ты имѣешь-ли въ себѣ дыханіе жизни? ты знаешь-ли и любишь-ли то, что не исчерпывается интересомъ минуты? ты можешь-ли жить, а не говорить только началами правды, человѣколюбія и вѣры? ты проникаешься-ли ими настолько, чтобы потомъ насаждать ихъ въ народѣ, о служеніи которому ты любишь говорить? Если да, если духъ Ореста Ѳеодоровича, скажу лучше — Духъ Христа,—который онъ передавалъ тебѣ, дѣйствительно въ тебя вселяется, то и жизнь усопшаго, кромѣ своего вѣчнаго царствованія на небѣ, продолжится и здѣсь на землѣ. Тогда будетъ онъ жить въ тѣхъ русскихъ дѣятеляхъ, которые, по памяти о немъ, возвысятся надъ жизнью стихій и моды и дѣятельно, самою жизнью, начнутъ служить народному просвѣщенію, которые перестанутъ быть опричниками русскаго народа, не будутъ въ его священныхъ собраніяхъ, подобно ворамъ, жаться къ стѣнкѣ и стыдиться осѣнить себя крестомъ Христа и исповѣдать Его имя, какъ это теперь дѣлается у насъ: но будутъ съ христіанскимъ народомъ едино и соединятъ въ себѣ его евангельскую вѣру съ началами научнаго просвѣщенія и, такимъ образомъ, поведутъ Россію къ совершенствованію, къ истинѣ и добродѣтели. Тогда возрадуется духъ усопшаго страдальца сего міра и получитъ въ этой радости заслуженный вѣнецъ отъ Страдальца Божественнаго, во имя Котораго онъ жилъ на землѣ. Аминь.

Слово при открытіи памятника Оресту Ѳеодоровичу Миллеру, 1-го іюня 1890 г. [1]).

«Блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоются отъ трудовъ своихъ» (*Апок. XIV, 13*).

Какъ понятны и близки сердцу эти слова для всякаго, разумѣющаго исторію внутренней жизни усопшаго учителя! Какъ понятны были они и для него, всю жизнь проведшаго среди страданій, всю жизнь несшаго крестъ безъ воздаянія? Жизнь любого праведника и поборника истины! кто изъ твоихъ причастниковъ не радъ бы отдать тебя назадъ Богу и найти отъ Него упокоеніе? Блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ! Да, ясна правда этихъ священныхъ словъ для лю-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Славянскія Извѣстія“, 1890 г., № 23.

дей, уже причастившихся жизни крестной; но какъ темна она для тѣхъ, которые знаютъ эту жизнь лишь по симпатіи къ ней, которые ее только воображаютъ, только одобряютъ въ своей мысли. Какимъ холодомъ и смущеніемъ отражаются эти слова особенно на душахъ юношества, которое свое будущее служеніе правдѣ представляетъ себѣ, какъ побѣдоносный путь къ славѣ, какъ путь духовнаго наслажденія. Конечно, оно мало понимаетъ наше ублаженіе смерти покойнаго Ореста Ѳеодоровича и, вѣроятно, говоритъ въ душѣ своей: неужели только для неба и для рая существуютъ тѣ высокія качества отлетѣвшаго отъ насъ духа, которыя насъ къ нему привязали? неужели на землѣ среди насъ не нашлось бы приложенія его любви къ ближнему, не знавшей никакихъ предѣловъ,—его самоотверженной преданности истинѣ, его свѣтлымъ познаніямъ?

Да, всѣ эти качества были присущи усопшему; они нужны для его учениковъ; но именно эти-то качества, несмѣшанныя съ грязью земли и чуждыя уступокъ духу міра, именно они-то и дѣлаютъ жизнь своего носителя тою сплошною мукой, тѣмъ тяжкимъ крестнымъ путемъ, что заставляетъ его просить себѣ у Бога покоя и ублажить умершихъ. Вспомните его жизнь и посмотрите, чѣмъ она ему отплатила! Не о томъ хочу я говорить, на что, можетъ быть, вы ожидаете намека. Нѣтъ, не о преслѣдованіяхъ со стороны сильныхъ міра сего я думаю; далекъ я отъ того, чтобы щекотать опасныя и безплодныя, хотя и любимыя студентами, ощущенія, возникающія отъ такихъ намековъ. Нѣтъ! такіе люди, какъ Орестъ Ѳеодоровичъ, считаютъ свои служебныя неудачи за послѣдніе изъ жезненныхъ крестовъ. Не за тѣмъ они гнались, не того искали; не воздѣйствій на земные порядки, не вмѣшательства въ законодательную область. Они далеки забавныхъ надеждъ, будто внѣшній порядокъ можетъ обезпечить или уничтожить правду и добродѣтель, которыя однѣ только для нихъ и дороги. Не въ порядкахъ и не въ законахъ, но въ сердцахъ человѣческихъ ищутъ они этой правды; къ нимъ направляется ихъ слово и ихъ перо. Здѣсь ихъ крестъ, тягчайшій изъ всѣхъ крестовъ — въ нравственной косности ихъ учениковъ, въ неблагодарности и жестокости ихъ слушателей, въ безсиліи нравственно возродить общество, въ его удобо-преклонности на всякую ложь, въ его увлеченіи глупыми и праздными политическими фантазіями и пренебреженіемъ къ нравственной правдѣ. Да, этотъ крестъ, эти муки духовнаго рожденія, столь близкія и знакомыя всякому любителю Христовой правды, всею тяжестью своею давили и терзали всю жизнь почившаго. Такимъ ли желалъ и стремился онъ видѣть

дорогой ему университетъ, того-ли ожидалъ отъ своихъ слушателей и слушательницъ, отъ Славянскаго Общества и отъ всей Россіи, того-ли, что ему приходилось встрѣчать? Чуждый всякихъ косвенныхъ и лживыхъ средствъ для распространенія своихъ взглядовъ, желавшій воздѣйствовать на юношество одною только правдой своихъ убѣжденій и силою искренняго одушевленія, гнушаясь надутостей ученаго авторитета, много-ли добраго встрѣчалъ онъ отъ большинства, кромѣ насмѣшекъ, снисходительнаго о себѣ резонерства или развѣ минутнаго одобренія? Не могъ-ли онъ восклицать съ Апостоломъ: „*дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ!*“ (Гал. IV, 19). Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами (2 Кор. XII, 15). Ибо чего мнѣ не достаетъ предъ прочими церквами, развѣ только того, что самъ я не былъ вамъ въ тягость. Простите мнѣ такую вину (13). Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумныхъ. Вы терпите, когда кто васъ порабощаетъ, когда кто объѣдаетъ, когда кто обираетъ, когда кто превозносится, когда кто бьетъ васъ въ лицо. Къ стыду говорю, что на это у насъ недоставало силъ (XI., 19—21). Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ, кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?“ (29). Вотъ эти муки духовнаго рожденія, присущія всякому, отвращающемуся отъ лжи и духовнаго порабощенія: онѣ-то научаютъ человѣка вѣрить и ожидать правды только за гробомъ, служа ей въ земной жизни. Но, съ другой стороны, только эта вѣра въ ту лучшую жизнь, только увѣренность въ существованіи премірной вѣчной Правды, примиряющая человѣка со скорбями за правду, можетъ сдѣлать его дѣйствительнымъ служителямъ ея, а не поборникомъ самолюбивыхъ фантазій подъ знаменемъ какого нибудь условнаго и временнаго начала. Только такой человѣкъ можетъ ясно разумѣть—тотъ законъ жизни, который прежде приводилъ въ отчаяніе мудрецовъ, а со времени Христовой жертвы изобильно утѣшаетъ ея проповѣдниковъ, тотъ законъ жизни, по которому человѣкъ лишь настолько можетъ внести истиннаго блага въ жизнь, насколько вложитъ въ нее самоотверженныхъ, добровольныхъ и неувѣнчанныхъ страданій, униженій и самоограниченій. Это есть путь, которымъ шли всѣ истинные благодѣтели человѣчества, которому научилъ насъ Тотъ, Кто самъ былъ „путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. XIV—6), котораго такъ далеки современные дѣятели, современные говоруны и мечтатели, возстающіе противъ существующихъ порядковъ, чтобы замѣнить ихъ, можетъ быть, еще худшими, не заботящіеся объ исправ-

ленiи своего сердца, не понимающіе, что въ немъ источникъ жизни, въ собственномъ всегдашнемъ самоограниченіи, въ возстаніи на самого себя. Усопшій понималъ это; онъ не отчаявался при видѣ окружающей косности и нравственной грубости; онъ вѣрилъ, что Самъ Богъ созидаетъ жизнь вокругъ того, кто отдаетъ ее Богу и ближнимъ... и невидимо эта жизнь созидалась и продолжаетъ созидаться. Она созидается, усопшій страдалецъ, въ сердцахъ твоихъ слушателей, а не въ учрежденіяхъ внѣшнихъ,—она собрала сюда къ твоему памятнику представителей всѣхъ сословій, направленій и даже многихъ народовъ [1]), и всѣмъ имъ, хотя разъединеннымъ по земному положенію, всѣмъ имъ съ воспоминаніемъ о тебѣ вложила и нравственную силу для борьбы съ неправдою въ себѣ самомъ и въ жизни. Да, о тебѣ, какъ одномъ изъ очень немногихъ общественныхъ дѣятелей, можно сказать, что твое вліяніе сказывается въ юношествѣ не въ гремучихъ фразахъ, не на площадяхъ и эстрадахъ, а въ глубинѣ души, въ жизненной борьбѣ, въ жизненной дѣйствительности. Ты много училъ словами, но еще больше дѣлами, жизнью и смертью; а потому, насколько безсильно вліяніе на жизнь отъ людей слова и пера, настолько вѣско вліяніе твоего нравственнаго облика, который одного удержитъ отъ обмана, другого—отъ паденія, третьяго — отъ нечестности, четвертаго — отъ презрѣнія къ нуждѣ ближнихъ. Такое вліяніе могутъ оказать только тѣ слова, которыя были всегда соединены со страданіями, съ униженіемъ и лишеніемъ, когда, лишаясь временнаго, человѣкъ получаетъ вѣчное, лишаясь видимаго, получаетъ дѣйствительное. Вотъ—почему ты, обиженный всѣми, становишься дорогъ для людей всѣхъ партій; вотъ—почему твои убѣжденія, легкомысленно встрѣчаемыя *сегодня*, становятся дорогимъ достояніемъ многихъ *завтра*; вотъ—почему тебѣ, одинокому и покинутому при жизни, можно воскликнуть теперь, схороненному здѣсь подъ землею: „возвеселись, неплодная, нерождающая! воскликни и возгласи, немучившаяся родами! потому что у оставленной гораздо болѣе дѣтей, нежели у имѣющей мужа, говоритъ Господь“ (Ис. LIV, 1).

Теперь уразумѣли ли вы, юные почитатели усопшаго, уразумѣли ли смыслъ словъ: блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ? Узнали ли вы теперь главнѣйшій законъ истиннаго усовершенствованія жизни? Поняли ли вы, что ключъ къ разуму и правдѣ не столько въ придумываніи внѣшнихъ ея обезпеченій, сколько въ отданіи себя въ жертву въ каждый мигъ своего существованія? что побѣда добра не въ законо-

[1]) Собралось не мало иноземцевъ—славянъ.

дательномъ его подтвержденіи, а въ рѣшимости терпѣть за него лишенія? будете ли сознавать, что не здѣсь, на землѣ, а тамъ, на небѣ, ожидаетъ насъ конечное оправданіе и созерцаніе побѣды своего дѣла? что не къ земному, а къ небесному должны быть устремлены ваши сердца? Уразумѣйте это здѣсь, у памятника Ореста Ѳеодоровича Миллера, и полюбите жизнь не тѣлесную, но жизнь духа, которая мирится со смертью тѣла, ибо не нарушается ею. „*Блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ... Ей! говоритъ Духъ: и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними*“. Аминь.

Слово въ годовщину со дня кончины профессора А. Е. Свѣтилина [1]).

„*О томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами*“. Этими словами апостолъ даетъ руководящее начало для духовнаго родства поколѣній, состоящаго въ томъ, чтобы каждое изъ нихъ, каждое общество жило не своими только, ему присущими идеями и идеалами, но дѣлилось бы ими со своими младшими братіями. Такъ и мы, бывшіе ученики нынѣ поминаемаго учителя, призвавъ васъ, братіе, къ общей молитвѣ за него, считаемъ поэтому своимъ долгомъ подѣлиться тою идеей, которую мы извлекли изъ его многоученыхъ и высокополезныхъ чтеній, подѣлиться съ вами и тѣми чувствами, которыми наполнены теперь наши души, чтобы и васъ духовно породнить съ усопшимъ, котораго вы сами не слыхали, а лишь видѣли бездыханнымъ во гробѣ, младшіе же изъ васъ и не видѣли вовсе.

Онъ преподавалъ двѣ великія науки, изъ которыхъ одна занимается самыми законами познанія и называется наукой наукъ, а другая преслѣдуетъ важнѣйшую задачу познанія, изслѣдуетъ духовный составъ самого познающаго. Но важность этихъ наукъ для нашей церковно-просвѣтительной цѣли жизни станетъ еще яснѣе, когда мы вникнемъ въ условія развитія богословскихъ знаній. Въ средніе вѣка задачу богословія поставляли въ томъ, чтобы прилагать къ богооткровеннымъ истинамъ отвлекающую способность разсудка и составить изъ нихъ систему отвлеченныхъ формулъ. Эту-то систему считали высшимъ выраженіемъ христіанства и ее-то прививали людямъ въ проповѣди и въ учебникахъ. Не будемъ говорить о печальныхъ плодахъ этого схоластическаго богословія

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ 1888 г., № 41.

на западѣ, гдѣ оно соединилось съ римскимъ деспотизмомъ, но вспомнимъ, насколько оно у насъ въ Россіи отдалило общество отъ интересовъ уже не одной науки богословской, но и самой вѣры, самой жизни христіанской,—за выраженіе которой оно себя выдавало. Мертвая формальная логика считалась чуть не прямымъ откровеніемъ божественнаго разума и великія истины евангельской любви замуровывались въ каменныя стѣны схоластики.

Но всякому незаконному притязанію бываетъ свой конецъ: на томъ же западѣ критика обратилась и на самую логику и люди стали убѣждаться путемъ самоизслѣдованія, что законы логики не съ неба сваливаются въ наше сознаніе, но развиваются изъ болѣе основныхъ душевныхъ силъ человѣка. Это былъ великій шагъ мысли въ отношеніи истины, въ высшей степени благопріятный для интересовъ вѣры. Этотъ шагъ вмѣстѣ съ другими сдѣлалъ и покойный профессоръ, какъ точный послѣдователь опытной, а не формальной, логики, выводившій ея законы изъ психологіи. Но этимъ не ограничивалась его ученая мысль: она указывала и то положительное начало духовной жизни, изъ котораго возникаютъ законы и пріемы нашего мышленія и познанія: это начало указано въ волѣ. Въ ней-то, стало быть, должно искать основного, высшаго начала жизни и познанія, ее-то развивать и регулировать долженъ искатель истины, въ ея направленіяхъ опредѣлить заповѣди откровенія. Да, братіе, эта истина извлекается изъ свѣтской, повидимому, науки, только эта истина, отрѣшающая мысль отъ формальной безсодержательной схоластики, можетъ дать намъ жизненное начало въ богословскихъ изслѣдованіяхъ, сохранить въ немъ высоту христіанскихъ обѣтованій, не высушать ихъ, не мертвить, но перелагать ихъ на языкъ науки во всей ихъ животворной силѣ, и идти съ ними въ самый центръ общественной жизни, привлекать къ нимъ всѣхъ, ищущихъ свѣта. Перейдемъ ли мы съ этой истиной къ современнымъ потребностямъ религіозной жизни, мы поймемъ, что тѣ два сильныхъ, но зловѣщихъ ея теченія, которыми съ двухъ противоположныхъ сторонъ обуревается церковь, не въ доводахъ и опроверженіяхъ логики нуждаются, а въ иномъ психологическомъ знаніи. Одно изъ этихъ теченій обрушивается на церковь съ требованіями непосредственной нравственной жизненности, упрекая насъ въ забвеніи Христовыхъ заповѣдей ради внѣшнихъ якобы установленій; другое, напротивъ, противопоставляетъ церкви инославную систему внѣшняго іерархическаго устройства и упрекаетъ насъ въ расплывчатой чувствительности и забвеніи богодарованной іерархамъ власти. Тщетно богословская наука отвѣ-

чаетъ на эти нападки документальнымъ указаніемъ историческихъ погрѣшностей въ самыхъ нападкахъ: эти бурныя теченія обрываютъ отъ твердыни церковной часть за частью и уносятъ ихъ въ своихъ мутныхъ волнахъ. У нихъ сильна не логика, за нихъ не документы исторіи, а умѣніе удовлетворить тому, что по ученію покойнаго идетъ раньше и выше логики, что ее создаетъ, удовлетворить потребностямъ душъ, которыя рвутся къ живому ученію, которыя требуютъ отъ религіозныхъ дѣятелей „явленія силы и духа", требуютъ не формулъ, а прямого питанія для жизни, осмысленія своей ежедневной дѣятельности, требуютъ осязательнаго проявленія царства Божія на землѣ, требуютъ не доводовъ, а прямого показанія высоты христіанства: „покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ". Да, воля идетъ впереди мысли, волю слѣдуетъ побуждать волею, жизнь надо исправлять жизнью, бурнымъ стремленіямъ современныхъ зловѣщихъ теченій религіозной жизни надо противопоставить съ соотвѣтствующей силой напряженіе истиннаго церковнаго одушевленія, его-то вносить въ дѣятельность нашу и симъ дѣйствовать.

Широко и многоплодно приложеніе психологической идеи покойнаго къ пастырству, но еще ближе ея отношеніе къ богословской наукѣ. Если логика есть только отвлеченіе отъ нашего душевнаго содержанія, а не предваряющее его начало, то ясно, что и богословіе, или ученое опредѣленіе христіанскихъ истинъ, должно быть не предвареніемъ религіознаго настроенія души, но лишь возведеніемъ ея въ область понятій. Тогда станетъ ясно, что для разсужденія объ откровеніи, о возрожденіи, о благодати, о вѣчной жизни, нужно прежде всего имѣть въ своей душѣ соотвѣтственные этимъ словамъ факты, нужно въ самой дѣйствительности, въ самой жизни возрождаться отъ грѣха, испытывать чрезъ борьбу съ ними и молитву—дѣйствіе благодати, нужно имѣть въ своемъ сердцѣ Христа, чтобы о Немъ говорить въ наукѣ, нужно не отрѣшать свою мысль отъ имѣющагося религіознаго содержанія духа, но изъ него-то и почерпать ученый матеріалъ при систематизаціи и экзегетикѣ, какъ это дѣлали тѣ русскіе христіанскіе мыслители, которые, не будучи спеціалистами въ богословіи, достигли, однако, не только несравненно большей распространенности своихъ сочиненій даже въ свѣтскомъ обществѣ, но и создали цѣлыя направленія въ мысли, цѣлыя школы въ жизни. Итакъ, не только въ дѣятельномъ служеніи Богу, но и въ научномъ познаніи Его закона оправдывается ученіе нашего покойнаго наставника о томъ, что психологія идетъ впереди логики, содержаніе впереди формы.

Передавая нынѣ вамъ, братіе, эту извлеченную изъ его

чтеній идею, это оставленное академіи его завѣщаніе, призывая васъ именемъ этой плодотворной научной истины присоединиться къ нашей молитвѣ за усопшаго, понятно къ чему еще другому мы будемъ призывать васъ. Къ тому, чтобы, приготовляя себя къ служенію христіанскаго пастырства и христіанской науки, мы позаботились о пріобрѣтеніи главнѣйшаго условія того и другого рода дѣятельности. Это условіе— есть *христіанственность души*, освобожденіе ея отъ предубѣжденій житейскаго себялюбія, чтобы въ душахъ нашихъ по апостолу разсвѣталъ день и утренняя звѣзда восходила въ сердцахъ нашихъ, ибо только ходящій днемъ, по слову Спасителя, не спотыкается, ибо видитъ свѣтъ міра сего. Имѣя этотъ свѣтъ, мы, проповѣдуя христіанскія истины въ жизни и наукѣ, будемъ имѣть дѣло не съ пустыми словами, но съ жизненною дѣйствительностью, ни лицемѣрами въ жизни, ни схоластами въ наукѣ явимся мы предъ людьми, но въ томъ и другомъ случаѣ достойными послѣдователями того реальнаго направленія, котораго держался покойный профессоръ; тогда наша молитва о дарованіи ему нетлѣннаго вѣнца будетъ выражаема у насъ не словами только и чувствами, но и христіанскимъ дѣланіемъ.

Слово при погребеніи профессора В. Д. Кудрявцева [1]).

„Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними“ (Апок. XIV, 13).

Блаженъ ты, усопшій учитель нашъ, учитель Академіи, предлежащій бездыханно среди насъ! Блаженъ ты, ибо дѣла твои таковы, что пойдутъ вслѣдъ за тобою, въ міръ загробный. Дѣйствительно, чему и умирать въ тебѣ? — Есть смерть для горделиваго самопревозношенія и исканія суетной славы. Но совершенно чуждъ былъ ты того и другого грѣха, и не гордость, но *смиреніе предшествовало твоей „славѣ“* (Притч. XVIII, 12).—Есть смерть для чувственныхъ страстей, для служенія чреву; есть тяжкая смерть и грозный судъ для ненависти, зависти и обидъ, но чистъ былъ твой духъ и твоя жизнь отъ подобныхъ паденій. Посвятивъ свою жизнь служенію премудрости Божіей, ты могъ бы по всей справедли-

[1]) Произнесено въ церкви Московской Дух. академіи, 6 декабря 1891 г. Первый разъ было напечатано въ Богосл. Вѣстникѣ 1892 г., январь.

вости опредѣлить сущность твоего жизненнаго содержанія словами Писанія: *„премудрость и знаніе есть страхъ предъ Господомъ, и благоугожденіе Ему—вѣра и кротость“* (Сир. I, 27). Твоя благочестивая премудрость была *древо жизни для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее* (Пр. III, 18), потому-что она всегда возносилась къ Богу и могла сказать Ему вмѣстѣ съ Соломономъ: *„знать Тебя есть полная праведность, и признавать власть Твою—корень безсмертія“* (Прем. XV, 3); а такъ какъ *„на пути правды жизнь и на стезѣ ея нѣтъ смерти“* (Пр. XII, 28): то мы уповаемъ, что твое *„желаніе премудрости возводитъ къ царству“* (Прем. VI, 20), что, иначе говоря, для тебя смерти нѣтъ, праведный старецъ, что, умирая о Господѣ, ты блаженъ.

Блаженъ ты! но почему-же мы грустимъ и плачемъ? Блаженъ ты, но почему мы всѣ говоримъ: жаль Виктора Дмитріевича? Неужели потому, что не можемъ отрѣшиться отъ взгляда на твое представленіе лишь какъ на тѣлесную муку и разрушеніе плоти? неужели потому, что мы знали тебя лишь по тѣлесной жизни? Конечно нѣтъ! Напротивъ, ты, будучи во плоти, настолько жилъ не плотью, а духомъ, что всѣ встрѣчавшіеся съ тобою, читавшіе въ твоемъ ясномъ любвеобильномъ взорѣ содержаніе души твоей,—какъ бы не замѣчали на тебѣ твоей плоти. И, конечно, эта плоть, предлежащая намъ во гробѣ и присужденная нынѣ къ истлѣнію, всего меньше должна удручать насъ скорбью и жалостью. Нѣтъ, не о тебѣ жалѣемъ мы, чистый, христіанскій духъ, отлетающій отъ насъ; жалѣемъ мы о себѣ самихъ, о томъ, что остаемся вдали отъ твоего воспитывающаго, очищающаго и умудряющаго вліянія и примѣра. Жалѣемъ еще болѣе о томъ, что, примѣняя къ себѣ ту участь, которая нынѣ тебя постигла, мы, увы, не находимъ въ себѣ того богатства дѣлъ, идущихъ вслѣдъ за умирающими о Господѣ, и потому страшимся, чтобы день нашего посѣщенія не оказался для насъ днемъ казни.—Тихо жилъ ты между нами и разливалъ свой тихій свѣтъ любви и вѣры; тихо и неожиданно покинулъ ты насъ, какъ бы выйдя отъ насъ въ другую комнату и спокойно предлежа нынѣ во гробѣ, заставляешь насъ еще разъ вглядѣться въ собственную душу. Являя намъ на смертномъ ложѣ свой внутренній и внѣшній обликъ, исполненный мира и покоя, ты какъ бы повторяешь намъ слова Спасителя: *„не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ самихъ... Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ, что будетъ?“* (Лук. XXIII, 28, 31). Итакъ, да не возмутятъ твоего желаннаго покоя наши скорбныя слезы! Скорбь наша—о себѣ самихъ, тебя же мы съ надеждою называемъ блаженнымъ, ибо

взирая на дѣла твои и на твое ученіе, составлявшее содержаніе твоего духа, дерзаемъ думать, что это ученіе, было именно то *„ученіе мудраго“*, которое есть, *„источникъ жизни, удаляющій отъ сѣтей смерти“* (Притч. XIII, 15).

Всмотримся-же, братіе, въ смыслъ этой вѣчной мудрости, которая, сроднившись съ духомъ, вложеннымъ въ смертное тѣло, еще на землѣ пріобщаетъ этотъ духъ къ вѣчности и съ такимъ миромъ отпускаетъ тѣло въ объятіе смерти!.. Поистинѣ, усопшій учитель нашъ, сей смиреннѣйшій христіанинъ-мудрецъ, еще на землѣ жилъ въ вѣчности, а не во времени. Ярче всего такое пареніе его въ предѣлахъ вѣчности проявлялось въ отношеніяхъ усопшаго къ своимъ ученымъ трудамъ и къ ихъ оцѣнкѣ обществомъ.—Когда я занимался философіей, то случалось не разъ, что тщетно проискавъ точнаго и яснаго опредѣленія какой-либо истины умозрѣнія у современныхъ и прежнихъ знаменитостей западнаго міра, я совершенно неожиданно находилъ вполнѣ удовлетворяющій отвѣтъ въ твореніяхъ усопшаго наставника;—отвѣтъ твердый, величественный въ своей скромности и простотѣ, но съ такою неотразимою ясностью раскрывающій читателю свойства человѣческаго духа и законы его познанія и жизни, что авторъ его могъ бы съ полнымъ правомъ говорить: *„всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего“* (Іоан. XVIII, 37). Тогда-то, бывало, я изумлялся, почему-же такъ мало извѣстны людямъ эти отвѣты, эти разрѣшенія философскихъ споровъ, изъ коихъ нѣкоторымъ былъ бы положенъ конецъ, еслибъ творенія Виктора Дмитріевича были распространены шире. Какъ, бывало, я негодовалъ на равнодушіе къ нимъ нашихъ соотечественниковъ! съ какою горечью говорилъ всѣмъ, что они достойнѣе извѣстности, чѣмъ знакомые всей Европѣ труды современныхъ германскихъ мыслителей, и что та-же Германія, увидѣвъ ихъ на своемъ нарѣчіи, конечно поспѣшила бы ихъ прославить по достоянію, а всѣ образованныя страны Европы перевели бы ихъ на свои нарѣчія, послѣ чего и русское общество удѣлило-бы трудамъ почившаго несравненно болѣе вниманія, чѣмъ нынѣ, когда они почти не идутъ далѣе сферы духовныхъ. Какъ возмущало меня продолжавшееся и послѣ обнародованія трудовъ усопшаго слѣпое самопревозношеніе совершенно разбитыхъ имъ системъ позитивизма и полуматеріализма въ русской печати, нагло провозглашавшихъ себя послѣдними словами науки! Тогда мнѣ казалось, что нашъ усопшій наставникъ, при видѣ такого неодолимаго упорства лжи, долженъ бы постоянно носить въ себѣ чувство непримиримаго негодованія на людей, на міръ, на жизнь. Но вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ я увидѣлъ тебя, философъ — христіанинъ! уви-

дѣлъ спокойнаго, мирнаго, любящаго, снисходящаго. Ни тѣни ожесточенія, ни звука жалобы на превозношеніе слѣпого невѣжества подъ личиной науки! Впрочемъ, далекъ ты остался и отъ равнодушія къ раскрытію истины. Твое перо продолжало до самой смерти начертывать новыя и новыя ея обоснованія и разъясненія: *тобой руководило убѣжденіе, что истина сама собою побѣждаетъ*. Въ этомъ-то жизненномъ убѣжденіи ты показалъ, что духъ твой живетъ не временнымъ, но вѣчнымъ. Потому-то и встрѣчалъ ты спокойно общественное вліяніе твоихъ философскихъ противниковъ, сильныхъ однимъ упорствомъ въ невѣжествѣ, — что ты смотрѣлъ на дѣло истолкованія истины, какъ на дѣло въ себѣ самомъ заключающее жизнь и побѣду. Такъ понимать свое жизненное призваніе могутъ только истинно вѣрующіе христіане, знающіе, что истинное ученіе подобно зерну горчичному, „*которое хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ-что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его*“ (Матѳ. XIII, 32).

О, братіе, да будутъ-же наши умы, наши души этимъ деревомъ, вырастающимъ надъ умершимъ по тѣлу и полагающимся нынѣ въ землю зерномъ истинной философіи! Какъ завидна участь того ума, того духа, которому почти нечего терять при смерти тѣлесной, котораго духовная жизнь, причастившаяся познанію и раскрытію вѣчной истины, — даже на землѣ пріобщается вѣчности, даже на землѣ-же имѣетъ прочную продолжаемость послѣ смерти чрезъ вліяніе на другихъ! Конечно, не многимъ изъ насъ суждено быть самостоятельными мыслителями — философами: но всѣ мы, учившіеся по твореньямъ усопшаго наставника, имѣемъ возможность ясно, сознательно и неотразимо-убѣдительно усвоить истину, истинную мудрость и распространять между людьми сознательную убѣжденность въ бытіи и свойствахъ главнаго предмета ея изученія — Господа Бога. Если не будемъ поступать такъ, то будемъ виновны предъ Господомъ и предъ почившимъ почти такъ-же, какъ тѣ писатели отрицательнаго направленія, которые не хотѣли знать его трудовъ. Послѣдніе виноваты въ намѣренномъ коснѣніи въ невѣріи, но предосудительна была бы въ ученикахъ философа-христіанина, призванныхъ къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія, предосудительна была-бы въ нихъ и косность въ вѣрѣ слѣпой, содержимой лишь по обычаю, по привычкѣ, когда предъ ними всѣ средства, чтобы обосновать вѣру сознательно и затѣмъ передавать сознанію ближнихъ.

Но да не будетъ такъ! Не намъ, конечно, усопшій другъ

и учитель, не намъ, свидѣтелямъ твоего славнаго исхода, отрекаться отъ пріобщенія къ познанію вѣчной истины чрезъ твои творенія! Мы будемъ изучать ихъ, будемъ сознательно проникаться истиною Божіей и, проникаясь ею, будемъ еще на землѣ по твоимъ стезямъ вступать въ вѣчную жизнь, дабы не со скорбію и не со страхомъ взирать на отходящихъ въ вѣчный покой, но съ надеждою, съ молитвою и съ воспоминаніемъ словъ Христовыхъ, столь справедливо примѣнимыхъ къ тебѣ, усопшій наставникъ и другъ, — тѣхъ словъ, которыя сказалъ Господь при подобной-же разлукѣ съ близкимъ сердцу человѣкомъ: „*Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки*“. (Іоан. XI, 26). Аминь.

Рѣчь у гроба въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго [1]).

Погребальныя молитвословія убѣждаютъ насъ въ непрестающей никогда силѣ той духовной любви, которая связываетъ между собою сыновъ царствія Божія, а между архипастыремъ и его паствой бываетъ крѣпка настолько, что, по справедливости, уподобляется взаимной любви жениха и невѣсты. Посему, казалось бы, всѣ мы, сыны Церкви Московской, должны были взирать на кончину земной жизни усопшаго владыки безъ того тяжелаго чувства ужасной таинственности разлуки, которая тѣмъ не менѣе испытывается нами во всей силѣ. Томительное чувство это, прежде всего показываетъ намъ, что усопшій не былъ намъ чуждъ по духу. Но вѣдь если наше единеніе и общеніе съ нимъ дѣйствительно существуетъ, то это было общеніе не въ дѣлахъ мірскихъ, не въ брашнѣ и питіи или временныхъ предпріятіяхъ внѣшней жизни, но прежде всего общеніе въ молитвѣ, въ слушаніи отъ него слова Божія и въ исполненіи предначертаній изъ жизни церковной. Откуда же тяжелая, тупая боль разлуки, если вѣчное насъ соединяетъ? Источникъ нашей скорби довольно понятенъ. Мы томимся при видѣ гроба нашего святителя мыслью о чемъ-то невыясненномъ, о чемъ-то имъ недоговоренномъ; думается, что большинство скорбящихъ о раз-

[1]) Произнесена въ Успенскомъ соборѣ Свято-Троицкія Сергіевы лавры, въ день погребенія владыки, на литургіи, послѣ причастнаго стиха. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ „Церковн. Вѣдомости“ 1893 г., № 33.

лукѣ съ нимъ сходятся въ желаніи услышать его исповѣдь, хотя бы на одинъ часъ проникнуть во внутреннее содержаніе его духа и затѣмъ уже спокойно отпустить его въ вѣчность. Не о томъ наша томительная тоска, возлюбленный архипастырь, что ты не успѣлъ ознаменовать свое краткое пребываніе съ нами множествомъ внѣшнихъ мѣропріятій и новыхъ учрежденій. Что значить могли бы они для того дѣла духовнаго возрожденія паствы, которое совершается прежде всего въ самой душѣ, во внутренней жизни архипастыря, въ отличіе отъ жизни учрежденій мірскихъ и временныхъ, гдѣ исчисленіе внѣшнихъ заслугъ дѣятеля, можетъ быть, и имѣетъ какое либо значеніе. Напротивъ, въ томъ таинственномъ единеніи совѣстей человѣческихъ, къ которому сводится содержаніе жизни церковной, безконечно большую нравственную пользу могутъ получить люди, когда предъ ними откроется внутреннее святилище души пастыря, скорбящаго и плачущаго о нашихъ несовершенствахъ, неустанно въ горячей мольбѣ повергающагося предъ Господомъ и словомъ евангельскаго назиданія умоляющаго насъ покаяться, возлюбить Господа и другъ друга и хранить въ чистотѣ свое христіанское званіе. Такъ, раскрытый предъ вѣками и народами всеобъемлющій духъ божественнаго Павла или одна покаянная скорбь Маріи Египетской, приближая ихъ вмѣстѣ съ прочимъ сонмомъ святыхъ угодниковъ къ нашей жизни, является для христіанина источникомъ нравственныхъ силъ, преимущественно предъ воспоминаніями о внѣшнихъ заслугахъ не только недавнихъ дѣятелей общественныхъ, но даже родныхъ или товарищей каждаго. Духъ владыки Леонтія не успѣлъ раскрыться во всей полнотѣ предъ паствой Московскою и въ этомъ причины нашей теперешней тяжелой скорби. Но если мало позналъ нашъ духъ усопшаго, братіе, то не его мы можемъ винить въ этомъ. Господу угодно было, чтобы не во всей полнотѣ владыка Леонтій могъ *преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему*, какъ стремился это сдѣлать Апостолъ, собираясь видѣть римскую церковь. И при всемъ томъ не вполнѣ обездоленными оставилъ насъ Господь, ибо знавшіе усопшаго близко, внимательно слѣдившіе за обнаруженіями внутренней жизни владыки, теперь при его гробѣ могутъ несомнительно указать братьямъ главнѣйшія и лучшія упованія жизни, которыя днесь онъ завѣщаетъ намъ воздѣлывать и которымъ онъ былъ настолько постоянно и твердо преданъ, что даже и по кончинѣ его живы предъ нами, знавшими его, эти стремленія его сильнаго духа. По истинѣ онъ могъ бы сказать съ апостоломъ Петромъ: *буду стараться, чтобъ и послѣ моего отшествія всегда приводили это на память.*

Какія же это упованія? Владыка, прежде всего, никогда не удовлетворялся наблюденіемъ за исполненіемъ внѣшняго закона; онъ разумѣль, что одна служебная исправность не можетъ обезпечить плодотворной жизни Церкви. Онъ искалъ въ людяхъ собственной, безкорыстной преданности какимъ-либо высокимъ цѣлямъ, и съ какою радостью онъ встрѣчалъ ее и пользовался ею для нуждъ Церкви! Съ готовностію шелъ онъ на встрѣчу ученымъ, духовно-просвѣтительнымъ, благотворительнымъ предпріятіямъ и съ великою любовью и даже благодарностью спѣшилъ со своею властною помощью, гдѣ чуялъ своимъ вѣщимъ сердцемъ біеніе жизни и безкорыстнаго одушевленія и нелицемѣрнаго труда. Хорошо сознавая, что новозавѣтная Церковь, не ослабляя, а, напротивъ, еще возвышая строгость постановленій ветхозавѣтныхъ, все-таки сильна не столько запрещеніями, сколько благословеніями на все доброе въ людяхъ, освящая и усовершая сіе благодатію; владыка не былъ только начальникомъ духовнаго вѣдомства, начальникомъ надъ духовенствомъ, но старался всегда быть духовнымъ вождемъ и свѣточемъ всей своей паствѣ, съ любовью поддерживающимъ всякій ростокъ добра даже въ тѣхъ отрасляхъ разныхъ жизней семейныхъ и общественныхъ, къ которымъ не имѣлъ обязательныхъ отношеній. Много есть обществъ, семействъ и людей, для которыхъ его кончина скорбная, по немощи нашей плотского неразумія, не будетъ, однако, кончиной ихъ духовнаго общенія съ нимъ. Но особенно любвеобильно былъ открытъ его духъ одобряющій и подвизающій въ такой средѣ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить столь же отзывчивую воспріимчивость, которою самъ отличался. Такой средой съ давнихъ лѣтъ для него было учащееся юношество, а въ Церкви Московской—братство его обители Сергіевой. Приходилось намъ встрѣчать уже давно состарѣвшихся, согбенныхъ скорбями и нуждой сельскихъ пастырей, въ жизни которыхъ чуть не единственною свѣтлою и путеводною звѣздой было какое-либо слово или дѣло отеческаго участія владыки Леонтія; семинаристы, студенты, послушники лавры, питомицы женскихъ училищъ,—вотъ та очень скромная, но очень благодарная духовная нива, на которой вырастаетъ сторицей плодъ его духовнаго дѣла. Въ ихъ обществѣ усопшій проводилъ лучшіе и полезнѣйшіе часы своей жизни и не столько самое содержаніе его рѣчей, сколько чутко усвоенное дѣтьми разумѣніе сей безкорыстной любви и свѣтлой надежды архипастыря пробуждало могучій откликъ вѣры и святыхъ пастырскихъ стремленій въ юныхъ душахъ, которыя и явились дорогимъ, хотя и очень позднимъ плодомъ его духовнаго дѣланія, плодомъ, который онъ и самъ могъ рѣдко видѣть, согласно

Христову предупрежденію: *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй.* Не внѣшніе порядки жизни стремился преобразовывать и упорядочивать усопшій, но любовью и дѣловою помощью вызывать и поддерживать въ людяхъ все лучшее, на что они способны. Этотъ завѣтъ онъ передаетъ намъ и по кончинѣ, оставляя за собою въ жизни Церкви Московской немного особыхъ учрежденій, но много пробужденныхъ къ духовной жизни молодыхъ сердецъ. Онъ научаетъ насъ не пренебрегать ни въ другихъ, ни въ себѣ самихъ тѣми, хотя бы немногими, дарами Божіими, которые удѣлены каждому, но, воздѣлывая ихъ, совершать свое спасеніе. Исполняя сей завѣтъ, мы возлюбимъ гораздо сильнѣе христіанскую добродѣтель, чѣмъ взирая на нее, какъ только на рядъ ограниченій нашей воли. Многогрѣшный Закхей потщился послушать добраго голоса своего сердца, чтобъ узрѣть чуднаго Учителя любви, и что же? сей малый подвигъ приводитъ его къ полному покаянію и обновленію.

И вотъ, если мы, по завѣту почившаго каждый будемъ поступать по сему примѣру, то, спася собственныя души, сложимъ для святителя вѣнецъ правды не менѣе цѣнный для души его, чѣмъ наши за нее молитвы, и тогда оправдаются другія слова Христовы: „*Ищущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную; такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ*“.

Слово при поминовеніи дѣятелей Братства Пр. Сергія [1]).

Прежде чѣмъ окончить молитвенное поминовеніе по дорогимъ намъ покойникамъ, подѣлимся тѣми чувствами и мыслями, которыя въ сей торжественно-печальный часъ въ большей или меньшей степени раздѣляются всѣми нами.

Утѣшительно бываетъ для насъ принимать участіе въ тѣхъ молитвенныхъ священнодѣйствіяхъ, которыми дорогая всѣмъ намъ академія освящаетъ различныя отрасли своей жизни, соединяясь въ стѣнахъ сего святого храма, какъ тѣсно сплоченное духовное братство. Утѣшительно и нынѣшнее собраніе, когда къ нашему братству присоединяются отцы и братіе, учившіеся въ Академіи прежде, но по-прежнему сохраняющіе къ ней сыновнюю любовь. Но какъ все на землѣ

[1]) Произнесено на панихидѣ 4 мая 1893 г. въ церкви Московской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Богосл. Вѣстникъ“ 1893 г., августъ.

несовершенно, такъ и наше сердечное утѣшеніе взаимной любви и вѣры омрачается мыслью о разлукѣ и смерти, которая и собрала насъ нынѣ въ этотъ святой храмъ. Нѣтъ между нами тѣхъ, кого такъ любила Академія, нѣтъ многихъ и изъ тѣхъ, коимъ Господь вложилъ мысль объ учрежденіи благословеннаго Сергіевскаго Братства. Каждый годъ умножается число поминаемыхъ, каждый годъ къ нимъ прибавляется по нѣскольку поминавшихъ ихъ, молившихся за нихъ. Нынѣшній годъ особенно скорбный въ этомъ отношеніи: среди прочихъ дорогихъ покойниковъ нашихъ молитвъ проситъ и самъ незабвенный предсѣдатель Братства, всегда подававшій всѣмъ столь назидательный примѣръ смиренной и пламенной молитвы. Такъ онъ былъ дорогъ для насъ, что мы, глубоко потрясенные его кончиною, съ печалью разстались и съ днями его молитвеннаго поминовенія, находя отраду въ этомъ духовномъ общеніи съ почившимъ. Правда, высшая ступень духовной жизни не знаетъ скорби объ умершихъ, не боится смерти, остерегаясь только грѣха: но намъ, связаннымъ узами житейскихъ попеченій, для полноты общенія съ любимыми людьми, хотѣлось бы видѣть ихъ лица и слышать ихъ голосъ. Когда же неизбѣжная смерть отрываетъ изъ нашего Братства и изъ Академіи лучшихъ дѣятелей, то не только исполняетъ скорбію сердца наши, но и самихъ насъ устрашаетъ угрозами предстоящаго всѣмъ намъ тлѣнія и даже лишаетъ одушевленной преданности общему дѣлу, по мысли о скоро преходящемъ теченіи жизни.

Но, возлюбленные отцы и братіе, не поддадимся до конца „печали міра сего“ (2 Кор. VII, 10) и отъ самой смерти, предстоящей нынѣ нашему мысленному взору, научимся, какъ бороться съ нею, какъ бороться со страхомъ смерти и скорбью безвозвратной разлуки.

Любовь и молитва—вотъ два начала жизни, для которыхъ смерть не страшна, для которыхъ ея не существуетъ. Живы въ сердцахъ нашихъ тѣ, которые своею любовью заставляли полюбить себя, которыхъ любовь сильна въ нашихъ воспоминаніяхъ настолько, что при каждомъ обращеніи къ нимъ духовные образы этихъ людей вновь пробуждаютъ души наши къ высокимъ настроеніямъ, побуждаютъ насъ къ истинной жизни духовной, умягчаютъ сердца, возвышаютъ голосъ совѣсти. О такихъ людяхъ и молитва наша теплѣе и усерднѣе, такъ что на нихъ оправдываются евангельскія слова о томъ, какъ много грѣховъ прощается любящему много; ибо молитва вѣры и любви очищаетъ грѣхи усопшихъ. Но неужели тѣ изъ умершихъ, въ коихъ было меньше любви, остаются безъ всякой надежды? О, нѣтъ! Другое начало, созидающее

вѣчную жизнь, всегда торжествуя надъ смертью, не оставляетъ безъ плода рабовъ неключимыхъ. Начало это есть молитва, которая всегда будетъ возноситься отъ грѣшной земли къ небу, какъ умилостивительный ѳиміамъ, ибо доколѣ пребываетъ Вселенская Церковь, не оскудѣютъ въ ней и такіе Христолюбцы, которые найдутъ въ своихъ сердцахъ довольно сострадательной любви, чтобы облечь въ нее всякое произносимое въ поминаніяхъ имя, независимо отъ заслугъ усопшаго, и вознести о немъ молитву не устами только, но отъ полноты вѣрующаго сердца. Такъ въ грѣховной тьмѣ жизни земнородныхъ во вѣки сохранится свѣтлый лучъ молитвы, пробуждающій къ жизни все, на что онъ устремляется. Любовь вызываетъ молитву, и молитва питаетъ собою любовь, рождаетъ жизнь и оба эти начала—любовь и молитва—торжествуютъ надъ смертью. Вооружимся-же, возлюбленные отцы и братіе, противъ скорби смерти любовію и молитвой; не противъ смерти тѣлесной только, но и противъ двухъ еще другихъ родовъ смерти, о которыхъ нашему молитвенному собранію особенно благовременно подумать нынѣ.

Тѣлесная смерть близкихъ горька намъ, потому-что она есть разлука съ ними по плоти, въ значительной степени лишающая возможности насъ слабыхъ и маловѣрныхъ сохранять и духовное общеніе съ близкими, взаимно назидая другъ друга (1 Сол. V, 11), обмѣниваясь внѣшними обнаруженіями любви. Но вѣдь почти такое-же значеніе имѣетъ и другое неизбѣжное зло жизни, называемое разлукой. А разлука предстоитъ намъ чрезъ нѣсколько недѣль: Академію покидаетъ ея старшій курсъ и со многими изъ покидающихъ насъ мы не увидимся никогда. Окончатся для нихъ навсегда часы молитвенныхъ и ученыхъ собраній, часы дружескихъ бесѣдъ, искренняго обмѣна чувствъ и мыслей. Всему этому прекраснѣйшему содержанію общей жизни приближается неизбѣжный конецъ—какъ бы смерть. Только взаимная любовь и молитва другъ за друга могутъ торжествовать надъ нею, могутъ не на словахъ только, не въ пышныхъ фразахъ, но „дѣломъ и истиною“ (1 Іоан. III, 18) сохранить невидимое общеніе душъ, охранять въ разлукѣ то содержаніе жизни, какое вливала въ нихъ Академія. Охранять его нужно и для того въ особенности, чтобы спасти насъ отъ другой смерти, смерти лютѣйшей, смерти страшной и неумолимой, которой грозная коса виситъ надъ каждымъ изъ сыновъ Адама, то съ особенною лютостью заносится надъ вступающими въ жизнь питомцами школы, носителями юношескихъ, высокихъ, но не подкрѣпленныхъ опытомъ, стремленій и надеждъ. Разумѣю смерть нравственную; разумѣю отверженіе высшаго Божественнаго знанія и то по-

степенное, но безвозвратное погруженіе души въ самолюбивую и чувственную тину плотской жизни, отъ котораго избавить насъ можетъ опять лишь любовь и молитва. Увы, сколь немногіе питомцы всякихъ школъ сохраняютъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи хотя нѣкоторыя, сколько нибудь существенныя, черты высшей жизни! сколь многіе, напротивъ, всю жизнь свою посвящаютъ исключительно грѣховному себялюбію, совершенно забывая обо всемъ томъ, что было дорого въ юные годы. Скрывать-ли отъ себя ту печальную участь друзей, оставляющихъ нынѣ нашу Академію, что во взорахъ и на лицахъ многихъ изъ нихъ Ангелъ Хранитель скороскоро не отыщетъ слѣдовъ нравственнаго и религіознаго одушевленія, но *дряхлѣя и стеня* будетъ находить печати страстей и душевнаго одебелѣнія. О злая смерть души! о печальный жребій нашъ, жребій изгнанниковъ рая! Ни богословская ученость, ни общественное высокое призваніе—ничто не можетъ отвратить твоей поражающей десницы! Но и здѣсь сострадательная любовь и пламенная молитва отгоняетъ искусителя отъ слабой души. Разумѣете-ли вы, юные братіе, незамѣнимую для васъ силу этихъ надежныхъ кормчихъ при опасномъ исхожденіи въ открытое житейское море, воздвизаемое напастей бурею? Къ сожалѣнію, едвали разумѣете, ибо разумѣніе это дается обыкновенно горькимъ опытомъ, убѣждающимъ человѣка въ его нравственномъ безсиліи и ничтожествѣ, тѣмъ опытомъ, который даетъ себя чувствовать въ жизни самостоятельной. Да, конечно, вниманіе многихъ изъ васъ, при вступленіи въ жизнь, обращено не на себя, духовный взоръ вашъ не видитъ ужаснаго облика страшной душевной смерти, витающей надъ человѣкомъ; другія картины привлекаютъ быть можетъ ваши умы и сердца—шумъ общественной жизни, водоворотъ борьбы различныхъ направленій, послѣднее слово журнальнаго и книжнаго рынка, — всѣ тѣ области жизни, гдѣ раздаются громкія слова и замѣтно сильное, хотя бы и минутное возбужденіе. Но возлюбленные мои: тамъ-то и видно преимущественное царство смерти, тамъ всякому возстающему началу полагается быстрый конецъ, тамъ бытіе нетвердое, вѣчно исчезающее, вѣчно смѣняющееся другимъ и, по большей части, безсодержательное.

„*Не молю, да возъмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни*“ (Іоан. XVII, 15); вступайте въ сей жизненный водоворотъ, боритесь, гдѣ и противъ кого нужно, но знайте, что только тѣ изъ васъ внесутъ туда добро и свѣтъ, чье жизненное содержаніе не будетъ исчерпываться, какъ у большинства людей свѣтскихъ, шумными интересами текущей минуты, борьбы партій и разныхъ послѣднихъ словъ, — но

будетъ почерпать источники жизненнаго обновленія въ мірѣ внутреннемъ и въ Богѣ. Разумѣю тѣхъ, кто будетъ заботиться о своемъ внутреннемъ человѣкѣ, кто будетъ возгрѣвать въ себѣ любовь и молитву. Только тотъ будетъ въ Вавилонѣ какъ Даніилъ, въ столицѣ какъ Златоустъ, въ Египтѣ какъ Моисей, и какъ Павелъ въ Ефесѣ и въ Римѣ. Безъ любви и молитвы нѣтъ жизни: любовь и молитва нужны не для неба только, но для того, чтобы и землю дѣлать землею Господней, чтобы и другимъ приносить благо, а не зло подъ видомъ блага. И если нынѣ ваши неотягченныя еще горькимъ опытомъ сердца не могутъ принять печальныхъ предвѣщаній нелицемѣрной любви, то вспомните о сихъ прощальныхъ словахъ во дни паденій, во дни разочарованій и унынія, которыми такъ богата наша жизнь. Вспоминайте тогда молодые годы сравнительной чистоты и искренней дружбы, вспоминайте наши молитвенныя собранія и эти сугубо священныя панихиды. Вспоминайте усопшихъ наставниковъ нашихъ, умѣвшихъ любить и молиться, и того незабвеннаго нашего недавняго покойника, который любилъ такъ глубоко и молился такъ пламенно и постоянно. Въ семъ намѣреніи заключимъ сегодняшнее наше поминовеніе близкихъ нашему сердцу усопшихъ и вознесемъ къ престолу Всевышняго послѣднее молитвенное возглашеніе о нихъ съ любовью и надеждой. Аминь.

Слово на кончину Государя Императора Александра III [1]).

«Вотъ день! вотъ пришелъ, наступила напасть» (Іез. VII, 10).

Итакъ наступилъ тотъ горестный день, когда Господь опредѣлилъ отнять у насъ нашу радость, оставить насъ сиротами. Взято нынѣ Господомъ *„дыханіе жизни нашей, помазанникъ Господень... о которомъ мы говорили: подъ тѣнью его будемъ жить среди народовъ“* (Плач. VI, 20). Взятъ тотъ, кого шесть лѣтъ тому назадъ чудесно возвратилъ намъ Господь изъ когтей погибели. Тогда Всевышній поднялъ надъ Русью Свой угрожающій перстъ, призывая ее къ покаянію, а нынѣ опустилъ на нее Свою карающую десницу, увидѣвъ, что первая угроза недостаточно воздѣйствовала на сердца. Впрочемъ, и та угроза была не первая: сколько разъ

[1]) Произнесено 21 октября 1894 г. за литургіей въ храмѣ Московской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журн. „Богословскій Вѣстникъ“ 1894 г.

Господь спасалъ изъ рукъ злодѣевъ Государя Александра Николаевича, показывая этими устрашеніями, что Россія виновна предъ Нимъ, но до тѣхъ поръ мы не одумывались, пока Богъ не отвратилъ Свою защитительную десницу и потрясенная отчизна должна была омывать слезами покаянія искаженный ранами трупъ царя-страдальца. Однако и это временнное просвѣтлѣніе умовъ, выражавшееся въ самоукореніяхъ и въ исправленіи жизни многихъ, оказалось настолько непрочнымъ, что даже и тотъ великій день, когда Господь грозилъ оставить насъ не только безъ Царя, но и безъ потомства его, это незабвенное 17-е число сего мѣсяца, не могло вразумить насъ. Пусть-же теперь русскіе люди измѣнятъ дни радости на дни скорби, мученій совѣсти и стыда предъ Богомъ. Да, именно стыда предъ Богомъ, праведно отвергающимъ насъ. Ибо спросятъ насъ теперь многіе: гдѣ-же, Святая Русь, твои прославленныя молитвы? гдѣ твоя вѣра? гдѣ твоя любовь къ твоему Государю? Или ты такъ оскудѣла всѣми сими дарами, или настолько прогнѣвалъ Бога народъ твой, что даже святые мужи въ тебѣ не могли умолить Его и отвратить гнѣвъ Его отъ тебя? Да, поистинѣ послѣдній укоръ справедливъ. Господь показывалъ намъ дѣлами Своего Промысла то, что говорилъ въ древности народу Своему черезъ пророка: *„Я готовлю вамъ зло и замышляю противъ васъ; итакъ обратитесь каждый отъ злаго пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши. Но они говорятъ: не надѣйся; мы будемъ жить по своимъ помысламъ и будемъ поступать каждый по упорству злаго своего сердца“* (Іер. XVIII, 11—12). *„Ты не молись о народѣ семъ во благо ему. Если они будутъ поститься, Я не услышу вопля ихъ“* (XIV, 12). *„Хотя бъ предстали предъ лице Мое Моисей и Самуилъ, душа моя не приклонится къ народу сему“* (Іер. XV, 1 и Іез. XIV).

Тщетны были для насъ вразумленія Божіи, хотя были они многочисленны и разнообразны, ибо въ послѣдніе годы уже не человѣческою рукою устрашалъ Онъ насъ за Царя нашего и не ею спасалъ его, а Своею простертою мышцею избавлялъ насъ, пока не истощилось долготерпѣніе Его и ниспала на насъ сегодняшняя праведная кара.

Образумимся-ли мы хотя нынѣ? Возненавидимъ-ли свои отступленія отъ духа евангельскаго и духа народнаго? — Смотрите, у насъ на лицахъ какъ бы вина какая, какъ бы смутное ощущеніе того, что не взялъ бы Господь отъ насъ утѣхи очей нашихъ, лучшаго украшенія нашей отчизны, еслибъ мы сами цѣнили дары Его благодатнаго о насъ промышленія.

Не случайныя только паденія воли нашей возстановили

противъ насъ Всевышняго, но то дерзостное попраніе духа Христова, то полное нежеланіе созидать въ себѣ евангельскую жизнь, содержавшуюся предками нашими, та общая ложь, то блудное растлѣніе, которыя проникли отъ высшихъ круговъ общества уже и въ простой народъ. Охладѣли русскіе люди ко святой вѣрѣ, возлюбили иноземный обычай жизни, горделивый, сухой и холодный, и не только перестали стыдиться своего грѣховнаго ожесточенія, но начали похваляться имъ такъ, что уже не порокъ сталъ предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ, а цѣломудріе, набожность и смиреніе, сохранившееся у немногихъ. За это Господь и обездолилъ нашу землю, за это обрушилъ на нее сей ударъ и отнялъ тотъ залогъ нашего благополучія, предъ которымъ стали склоняться съ почтеніемъ горделивѣйшія главы иноземныхъ народовъ, прежде презиравшихъ насъ, а нынѣ видящихъ въ нашемъ Государѣ опору общаго мира и справедливости.

Неоцѣнима наша потеря, сердце наше подавляется глухою болью, мы чувствуемъ, что сами виновники нашей утраты и горько плачемъ, видя, что не могли во время возвратиться, ибо грѣхи наши стали между нами и небомъ мѣдною стѣною, объ которую разбиваясь, возвращались въ нѣдро наше всѣ возносимыя молитвы.

Оттого и наша печаль такъ глубока, горе такъ разъѣдающе, не смотря на то, что кончина Государя христіанская, непостыдная и мирная. Училъ онъ насъ, какъ жить и служить ближнему, училъ и тому, какъ умирать. Дай Богъ всѣмъ намъ такой завидной кончины! Царямъ земнымъ многіе завидуютъ при ихъ жизни, но очень немногимъ государямъ возможно завидовать или соревновать въ смерти; во главѣ этихъ немногихъ стоитъ нашъ благочестивѣйшій Монархъ, спокойно смотрѣвшій въ глаза приближавшейся кончины и давно нерадѣвшій объ исполненіи врачебныхъ совѣтовъ, но искавшій отрады въ бесѣдѣ съ праведными пастырями, въ совмѣстныхъ съ ними молитвахъ, а наипаче въ троекратномъ пріобщеніи св. таинъ. Его рука, пораженная предсмертнымъ недугомъ, находила силу, чтобы начертывать слова сочувствія и благодарности на сыновнія заявленія подданныхъ воиновъ и родителей дѣтей, учащихся подъ Государевымъ покровительствомъ, а его сердце, ослабѣвшее уже для правильной поддержки тѣлесной жизни, продолжало согрѣвать ласкою окружающихъ, побѣждая присущее сей тяжкой болѣзни мрачное настроеніе. Сія блаженная кончина была вѣнцомъ праведнаго царствованія въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ. Это *царское правленіе* было поистинѣ *царскимъ служеніемъ*, этотъ вѣнецъ—крестнымъ бременемъ. Ибо едвали многихъ монар-

ховъ знаетъ исторія, которые были бы столь чужды исканія личной славы и угодничества предъ толпой и предъ сосѣдними державами, какъ нашъ усопшій Монархъ. Не искалъ онъ въ дѣяніяхъ своихъ ни блеска, ни похвалъ, но только общей пользы, самой сущей правды, а наипаче милости къ бѣднымъ, труждающимся, обремененнымъ, къ малымъ по возрасту и наконецъ къ служителямъ вѣры, которую усопшій справедливо считалъ высшею истиною и главнымъ оплотомъ государственнаго процвѣтанія. Осторожно и сдержанно началъ онъ свои предпріятія, а затѣмъ, освоившись съ дѣлами правленія, сталъ поступать все тверже и смѣлѣе; его нравственный образъ выяснялся все отчетливѣе предъ лицемъ восхищеннаго народа и нѣжная, пламенная любовь милліоновъ окружала его тронъ. Онъ расцвѣлъ въ пышный прекрасный цвѣтъ, на который любовался весь міръ; даже недоброжелатели отечества и трона противъ воли полюбили его и ради него начали любить Россію. Судя по человѣчески теперь то бы намъ и жить, да радоваться на Царя нашего, да учиться у него исполненію долга своего и заповѣдей Божіихъ, — подражая его жизни и дѣламъ. О, еслибы дѣйствительно ему достойно подражало русское общество, столь щедрое на благородныя слова и обыкновенно безсильное для благородныхъ дѣяній! Но мы не шли по стопамъ его, мы оказались недостойными его сынами. Духовное разложеніе и развратъ укоренялись въ обществѣ и въ народѣ все глубже, за свѣтильникомъ мы не слѣдовали и вотъ свѣтильникъ отъятъ отъ насъ, подвинутъ со своего мѣста.

Строго наказалъ насъ Господъ, но не для отмщенія, а для вразумленія. Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы отвратили осуетившіеся взоры наши отъ своекорыстныхъ цѣлей и житейскаго разсѣянія, а взглянули въ себя самихъ, чтобы увидали, какъ далеко ушли мы отъ христіанскихъ завѣтовъ святыхъ строителей нашего отечества и создателей народнаго духа,—чтобы ужаснулись своего ожесточеннаго нечувствія и въ слезахъ покаянія, искренняго и всеобщаго, умолили Бога о народномъ и общественномъ возрожденіи. Сего требуетъ Господь, насъ посѣтившій Своею праведною карой, Онъ требуетъ также и благодарности къ отшедшему благодѣтелю Россіи, незримо простирающему къ намъ свои царственныя руки и просящему теперь нашей молитвенной помощи для неукорнаго восхожденія духа его въ райскія обители. Хотя праведенъ былъ духъ сей, но и онъ нуждается въ теплыхъ молитвахъ Церкви. Пусть же онѣ возносятся, какъ ѳиміамъ къ Богу, и ограждаютъ душу возлюбленнаго Государя отъ всякой напасти. Аминь.

Слово при погребеніи преосвященнѣйшаго епископа Михаила

(22 авг. 1898 г.) [1]).

Аминь, аминь, глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ (Іоан. XII, 23).

Сіи слова Христовы исполнились, братіе, на умершемъ и нынѣ предлежащемъ намъ покойномъ Епископѣ Михаилѣ. Умерши, онъ не прибылъ единымъ, но собралъ около своего бездыханнаго тѣла *многія люди* и сотворилъ чрезъ нихъ плодъ молитвы и любви. Ибо это народное множество, которое въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей приближалось къ его гробу, не было водимо праздным любопытствомъ, но исполнялось духомъ сокрушенія, просвѣщалось размышленіемъ о собственной тлѣнности, одухотворялось благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ отшедшему страдальцу, освящалось усердной молитвой о спасеніи души его. Тѣмъ утѣшительнѣе и удивительнѣе представляется намъ это зрѣлище скорбной молитвы, что усопшій не былъ и не могъ быть давнимъ другомъ своего народа, а скорѣе долженъ быть названъ пришельцемъ среди него, ибо за полтора года своего духовнаго правленія сею паствою онъ двѣ трети этого малаго срока провелъ на одрѣ своей болѣзни и смерти.—Чѣмъ же объяснить это народное ему состраданіе, эти колѣнопреклоненія, воздыханія и слезы христіанъ всѣхъ возрастовъ и сословій? Едва ли сами богомольцы сумѣютъ объяснить происхожденіе охватившаго ихъ чувства, но вышеприведенныя слова Евангелія объяснятъ все это для тѣхъ, кто зналъ духъ усопшаго.

То былъ духъ великій, духъ апостольскій, который распростирался далеко за предѣлы своей личной жизни, и въ стремительномъ порывѣ любви и состраданія желалъ всѣхъ людей, всю вселенную охватить собою и, очищая всѣхъ молитвеннымъ пламенемъ, вознести ко Христу. Поистинѣ, Преосвященный Михаилъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые едва замѣчаютъ окружающую ихъ внѣшнюю дѣйствительность жизни и, обращаясь среди нея, исполняя дѣла своего званія, на самомъ дѣлѣ бываютъ заняты всегда

[1]) Сказ. на литургіи, во время причастнаго, въ Симферопольскомъ каѳ. Соборѣ. Въ первый разъ было напечатано въ „Таврич. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1898 г. № 18.

одною мыслію, однимъ чувствомъ,—скорбью за грѣшный міръ, пламеннымъ желаніемъ общаго спасенія и блага, которые желаютъ „всѣмъ быти вся, да всяко нѣкія спасутъ“. Это тѣ избранные сосуды, что вмѣстѣ съ Христомъ могли бы сказать: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 59). Это тѣ, которые, скорбя о человѣческихъ порокахъ и неправдѣ и нестроеніяхъ церковныхъ, взываютъ въ сердцѣ своемъ: *жалость дому Твоему снѣде мя* (Іоан. II, 17) и потому могутъ повторять о себѣ слова Божественнаго Павла: *свидѣтельствуюсь совѣстью моею, что я всякій день умираю* (Кор. XV, 31).

Такой духъ, братіе, когда онъ отдѣляется въ страданіяхъ своихъ отъ тѣла, вызываетъ, чрезъ содѣйствіе благодати Божіей, сочувственный откликъ, таинственный подъемъ въ душахъ, отзывчивыхъ на все доброе, и творитъ тотъ *плодъ*, который видится нами въ вашемъ усердіи къ памяти почившаго.

Чтобы утвердить въ васъ это благое дарованіе, скажемъ нѣсколько словъ объ его подвигахъ и упованіяхъ, и тогда узнаете вы, что преставившійся Архипастырь вашъ, поистинѣ, достоинъ любви отъ своей церкви.

Онъ былъ избранный сосудъ, сказали мы: и это вѣрно, потому что сосудъ сей соединялъ и мудрость, и чистоту, и великую силу вѣры, и полное самоотверженіе.

Такъ, самая вѣра его и рѣшимость служить Богу не были плодомъ невѣдѣнія, или привычки, или подражанія. Напротивъ, исполняя слово апостола: *вся испытующе, добрая держите* (Θессал. V, 21), онъ зналъ, подобно Моисею, всю премудрость міра, и, можно сказать, не было такого лжеучителя, котораго бы онъ не изучилъ и не опровергъ, не было въ Европѣ такой книги, съ силой направленной противъ Христова ученія, которая бы оставалась ему неизвѣстной. Его вѣра была сознательная, сильная противъ невѣрія. Его отреченіе отъ міра—основаннымъ на глубокомъ пониманіи жизни міра, жизни русской и иностранной.

Обладая блестящими дарованіями и силой слова, и вліяніемъ на окружающихъ, онъ могъ бы преуспѣвать въ жизни мірской, но всѣ свои преимущества онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ почелъ за соръ и, подобно купцу евангельскому, не промѣнялъ на сокровище царства Божія или лучше—подобно Іустѣ Варсавѣ—все достояніе своего духа сложилъ къ подножію Христа и Церкви, посвятивъ себя на служеніе имъ въ скромномъ образѣ монаха.

Такое рѣшеніе христіанина, всегда угодное Богу, было особенно цѣнно для Св. Церкви въ то время, когда его пред-

принялъ почившій въ качествѣ лучшаго студента старшаго курса въ Петербургской академіи, въ которой уже 17 лѣтъ никто не принималъ на себя такого подвига, и юношество, призванное на служеніе Церкви, въ большинствѣ своемъ стремилось служить міру, легкомысленно утверждая, будто подобное мірское настроеніе болѣе полезно людямъ. Рѣшеніе уважаемаго всѣми, лучшаго и, безспорно, разумнѣйшаго товарища поколебало многосотенную толпу студентовъ академіи и академій. Оно восхитило и укрѣпило ближайшихъ друзей его, стремившихся къ тому жо подвигу, расположило къ нему и другихъ юношей, прежде не думавшихъ о немъ, да и тѣ товарищи покойнаго, которые имѣли намѣреніе служить Церкви въ качествѣ пастырей семейныхъ или даже не имѣли и такого намѣренія, крѣпко задумались и снова много разъ задумывались надъ жизнью, когда лучшій изъ нихъ избралъ жизнь самоотреченія и отрицанія міра.

Они, а также и слѣдующія поколѣнія питомцевъ академіи, возвращались къ мысли о превосходствѣ небеснаго жребія надъ земнымъ, когда взирали на дальнѣйшую жизнь и дѣятельность о. Михаила въ качествѣ наставника и инспектора академіи. Они съ удивленіемъ замѣчали, что, заключившись въ монашескую келію, ихъ молодой наставникъ не утратилъ широты и безпристрастія мысли, не сталъ человѣкомъ партіи, что попрежнему онъ шелъ туда, куда влекла его познаваемая истина, такъ что во время одного, не отъ него зависѣвшаго, смущенія, онъ было совсѣмъ рѣшился оставить свои почетныя полномочія профессора и удалиться навсегда въ монастырское уединеніе, пока настойчивый призывъ блаженнаго епископа Ѳеофана и знаменитаго іеросхимонаха Амвросія не призвали его назадъ къ ученой и просвѣтительной дѣятельности. Возвратившись къ учебному дѣлу, съ сугубымъ дерзновеніемъ началъ онъ вѣщать слова истины—и какъ было отрадно видѣть, что слово его собирало къ нему огромное число одушевленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе незадолго до начала его учебнаго курса только смѣялись и надъ монашествомъ, и надъ самымъ богословіемъ!..

Но вотъ усилился недугъ его ранней юности, обнаружилась та гибельная чахотка, которая нынѣ заключила его во гробъ, и молодой архимандритъ Михаилъ принужденъ оставить академію послѣ четырехъ быстрыхъ лѣтъ своего служенія въ ней и затѣмъ цѣлыхъ пять лѣтъ проводить въ покоѣ на югѣ въ званіи посольскаго настоятеля въ далекихъ Аѳинахъ. Однако, „*ни широта, ни долгота не могли отлучить отъ любви Христовой*“, и отъ любви къ нему его

друзей, его товарищей и учениковъ, искавшихъ въ немъ нравственной опоры и утѣшенія. Многочисленныя письма съ духовною исповѣдью потекли со всѣхъ концевъ широкой Руси въ далекія Аѳины, а нѣкоторые друзья самолично поѣхали туда, чтобы находить укрѣпленіе у слабаго тѣломъ, но сильнаго духомъ руководителя, учителя, брата и друга, какъ нѣкогда древніе христіане у Максима Исповѣдника или Ѳеодора Студита.

Тотъ же подвигъ руководства товарищами и учениками несъ усопшій въ Полтавѣ и въ Таврідѣ, даже до послѣднихъ дней своей жизни. Нынѣ оборвалась нить этой жизни, и разбиты скорбью сердца многихъ его послѣдователей,— нынѣ церковныхъ учителей, пастырей и архипастырей, отъ которыхъ слышали о добродѣтели почившаго ученики ихъ и ученики учениковъ ихъ. Эти сердца незримо здѣсь, въ этомъ храмѣ, бьются съ болью, но и съ упованіемъ около его гроба.

Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено въ земныя нѣдра подъ твоимъ соборнымъ храмомъ! Эта могила вводитъ тебя въ духовное общеніе съ предстоятелями многихъ церквей Россійскихъ и Восточныхъ, которые бы за счастье почли помолиться и поплакать у этого гроба. И мы знаемъ, что многіе нарочно пріѣдутъ сюда помолиться за усопшаго, которыхъ путь не лежалъ бы на сію окраину отечества, которые бы никогда и не взглянули на Крымъ и Симферополь, если бы тамъ не былъ погребенъ Преосвященный Михаилъ.

Онъ не могъ назидать въ предсмертные годы свою новую паству постоянною проповѣдью, и взамѣнъ того даровалъ ей для постояннаго назиданія свою могилу и память о своей праведной кончинѣ.

Онъ умиралъ, какъ святой подвижникъ, которому *„смерть пріобрѣтеніе“*, ибо давно былъ *„желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти“*. Онъ улыбался среди мучительныхъ страданій; онъ пріобщался съ радостію Св. Тайнъ, ежедневно обновляя духъ свой этимъ блаженнымъ общеніемъ со Христомъ. Задыхаясь, за нѣсколько минутъ до смерти, онъ шепталъ друзьямъ своимъ свой послѣдній завѣтъ о самоотверженномъ служеніи Апостольской Церкви. Не смерть его сразила, но онъ побѣдилъ ее, и мы, ея ближайшіе свидѣтели, можемъ восклицать при воспоминаніи о ней: „никто же да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть“.

Служители Божіи! Взирайте на кончину сего праведнаго жительства и подражайте вѣрѣ Святителя! Паства! не под-

давайся малодушному страху смерти маловѣрующей современности. Духъ Божій, укрѣпившій умершаго при смерти его и въ жизни его! не покидай и насъ, взирающихъ на удаленіе его въ лучшій міръ, если не сугубо, какъ во Елисея послѣ Иліи, хотя по мѣрности нашей. Аминь.

Слово предъ панихидой о Пушкинѣ [1]).

Сегодня въ разныхъ концахъ нашего отечества представители русской литературы и русскаго гражданства говорятъ о нашемъ великомъ народномъ поэтѣ—Пушкинѣ. Что скажетъ о немъ служитель церкви для духовнаго назиданія? Отвѣтъ на такой вопросъ не трудно почерпнуть изъ общественнаго настроенія сегодняшняго дня. Смотрите—имя Пушкина привлекло сюда русскихъ людей самыхъ разнообразныхъ положеній и возрастовъ: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданскіе чины, и вельможи и скромные горожане,—считаютъ для себя дорогимъ и близкимъ имя покойнаго поэта. Всѣ литературные, философскіе и политическіе лагери стараются привлечь къ себѣ имя Пушкина. Съ какою настойчивостью представители различныхъ ученій стараются найти въ его сочиненіяхъ, или по крайней мѣрѣ въ его частныхъ письмахъ, какую нибудь, хотя маленькую, оговорку въ ихъ пользу. Имъ кажется, что ихъ убѣжденія, научныя или общественныя, сдѣлаются какъ бы правдивѣе, убѣдительнѣе, если Пушкинъ хотя бы косвенно и случайно подтвердилъ ихъ. Гдѣ искать тому объясненія? Если бы мы были нѣмцами или англичанами, то вполнѣ правильное объясненіе заключалось бы, конечно, въ ссылкѣ на народную гордость, на мысль о Пушкинѣ, какъ о виновникѣ народной славы. Но мы,—русскіе, и свободны отъ такого ослѣпленія собою. Если мы кого горячо любимъ всѣ вмѣстѣ, всѣмъ народомъ, то для объясненія этого нужно искать причинъ внутреннихъ, нравственныхъ. Спросимъ же мы свое русское сердце, что оно чувствуетъ при чтеніи безсмертныхъ твореній нашего поэта? Думаю, что съ нами согласятся всѣ, если мы скажемъ, что стихъ Пушкина заставляетъ сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить въ нашей памяти и въ нашемъ чувствѣ все доброе, все возвышенное, когда либо пережитое нами. Бываетъ такъ, что въ минуты душевнаго утомленія и апатіи какой нибудь отрывокъ изъ Пушкина вдругъ

---

[1]) Сказано за литургіей въ Церкви Казанскаго Университета. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ „Правосл. Собесѣдникъ“ 1899 г., іюнь.

поднимаетъ въ нашей душѣ самыя сложныя, самыя возвышенныя волненія. Такое дѣйствіе можно сравнить съ тѣмъ, когда большая и косная масса музыкальнаго органа вдругъ приводится въ движеніе чрезъ мощное прикосновеніе къ его ручкѣ; несложно и быстро вращательное дѣйствіе ручки, а вдругъ чудная сложная мелодія издается мертвою машиной.

Великій Достоевскій объясняетъ любовь русскаго народа къ Пушкину тѣмъ, что онъ вмѣщалъ въ себѣ въ степени высшаго совершенства ту широту русской души, изъ которой эта послѣдняя можетъ перевоплощаться въ умы и сердца всѣхъ народностей, обнимать собою лучшія стремленія всякой культуры и вмѣщать ихъ въ единствѣ нашего народнаго и христіанскаго идеала. Опредѣленіе Пушкинской поэзіи вполнѣ справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международныхъ интересовъ. Перевоплощеніе Пушкинскаго генія не ограничивалось своимъ международнымъ значеніемъ. Онъ могъ перевоплощаться въ самыя разнообразныя, иногда въ самыя исключительныя, настроенія всякаго вообще человѣка, любого общественнаго положенія и исторической эпохи. Читая драматическія и лирическія творенія Пушкина, сколь часто каждый изъ насъ узнаетъ въ нихъ свои собственныя душевныя настроенія, свои колебанія, свои чаянія. Исключительное свойство художественнаго таланта Пушкина, столь глубоко захватывающаго всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно въ томъ, что онъ описываетъ различныя состоянія души человѣческой, не какъ внѣшній наблюдатель, мѣтко схватывающій оригинальныя и характерныя проявленія жизни и духа человѣческаго: нѣтъ—Пушкинъ описываетъ своихъ героевъ какъ бы извнутри ихъ, раскрываетъ ихъ внутреннюю жизнь такъ, какъ ее опознаетъ самъ описываемый типъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ превосходитъ другихъ геніальныхъ писателей, напр. Шиллера и даже Шекспира, у которыхъ большинство героевъ являются сплошнымъ воплощеніемъ одной какой нибудь страсти и потому внушаютъ читателю ужасъ и отвращеніе. Совсѣмъ не такъ у Пушкина: здѣсь мы видимъ живого цѣльнаго человѣка, хотя и подвергнутаго какой нибудь страсти, а иногда и подавленнаго ею, но всетаки въ ней не исчерпывающагося, желающаго съ нею бороться и, во всякомъ случаѣ, испытывающаго тяжкія мученія совѣсти. Вотъ почему всѣ его герои, какъ бы они ни были порочны, возбуждаютъ въ читателѣ не презрѣніе, а *состраданіе*. Таковы его—Скупой Рыцарь, и Анджело, и Борисъ Годуновъ, и его счастливый соперникъ Дмитрій Самозванецъ. Таковъ же и Евгеній Онѣгинъ, самолюбивый и праздный че-

ловѣкъ, но все же преслѣдуемый своею совѣстію, постоянно напоминающей ему объ убитомъ другѣ. Такъ, самое описаніе страстей человѣческихъ въ поэзіи Пушкина есть торжество совѣсти.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ..
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста! [1]).

Понятно теперь, почему намъ жалко всѣхъ его героевъ, почему намъ кажется, что хотя они и впали въ тяжкія преступленія, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого изъ нихъ. Подобное вліяніе своей поэзіи на умы и сердца человѣческіе Пушкинъ предвидѣлъ, и не ошибемся мы, если къ этому именно предчувствію поэта отнесемъ его дерзновенныя слова, которыя онъ произнесъ на закатѣ своей литературной дѣятельности:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой возбуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ".

Но пріостановимся въ раскрытіи нравственнаго значенія Пушкина для русскаго человѣка: намъ уже слышатся возраженія—могъ-ли имѣть такое вліяніе Пушкинъ, этотъ легкомысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдававшій на служеніе безпутству? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ безпристрастно, ибо тогда еще лучше поймемъ значеніе переживаемаго событія. Вліяніе Пушкина не есть прямое воздѣйствіе высоконравственной личности, но воздѣйствіе его литературнаго генія. Не по своей волѣ, не вслѣдствіе нравственныхъ усилій получилъ онъ исключительную способность совершенно перевоплощаться въ настроеніе каждаго человѣка и открывать въ немъ правду жизни читателю и самому себѣ: все это было свойствомъ его природы, даромъ

[1]) III, 17.—Цитаты приведены по изданію сочиненій Пушкина „Общества пособія русскимъ литераторамъ". Спб. 1899.

Божіимъ. Пушкинъ былъ великимъ поэтомъ, но великимъ человѣкомъ мы его назвали бы лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ эту способность глубокаго состраданія людямъ и эту мысль о царственномъ значеніи совѣсти въ душѣ нашей съумѣлъ бы воплотить не только въ своей поэзіи, но и во всѣхъ поступкахъ своей жизни. Онъ этого не сдѣлалъ и постоянно отступалъ отъ требованій своей совѣсти, воспитанный въ ложныхъ взглядахъ нашей высшей школы и нашего образованнаго общества и подверженный съ дѣтства вліянію людей развратныхъ. Свѣтлыя идеи своей поэзіи онъ почерпалъ въ изученіи жизни народной и въ самомъ своемъ поэтическомъ вдохновеніи; ими онъ старался побороть свои грѣховныя страсти и надѣялся, что онъ достигнетъ возрожденія души своей въ той ея первоначальной чистотѣ и свѣтлости, какимъ она была одарена отъ Творца. Эту надежду онъ выразилъ въ извѣстномъ стихотвореніи, описывающемъ, какъ невѣжественный маляръ исказилъ своими самовольными рисунками прекрасную картину древности. Но вотъ неумѣлая работа исказителя стирается временемъ и фреска первоначальнаго художника-генія возстаетъ во всей своей красотѣ.

—„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней“ [1]).

Какъ человѣкъ, Пушкинъ былъ конечно такимъ-же бѣднымъ грѣшникомъ, какъ и большинство людей его круга, но все же онъ былъ грѣшникъ борющійся, постоянно кающійся въ своихъ паденіяхъ. Лучшія его лирическія стихотворенія— это тѣ, въ которыхъ онъ оплакиваетъ такія паденія, и тѣ, которыми онъ выражалъ свое разочарованіе въ ложныхъ устояхъ тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей въ немъ правила христіанства еще въ дѣтскіе годы. Есть одно, мало замѣченное критиками, стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ описываетъ тѣ два, царящія въ нашей общественной жизни, грѣховныя начала, что служили причиной его первоначальнаго отступленія отъ дѣтской чистоты и отъ дѣтской вѣры. Это — демонъ гордыни и демонъ разврата.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья.

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

[1]) Возрожденіе (т. I, стр. 208).

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи, свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственныхъ порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

. . . . . .

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой —
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный [1]).

Болѣе подробно онъ раскрываетъ то же служеніе этимъ двумъ бѣсамъ въ лицѣ Евгенія Онѣгина. Забывъ свой нравственный долгъ, какъ христіанина и гражданина, этотъ герой Пушкина усердно служилъ двумъ названнымъ бѣсамъ, гоняясь за житейскими наслажденіями: но неизгладимый изъ сердца, хотя и смутно сознаваемый, укоръ совѣсти постоянно отравлялъ его жизнь какимъ-то неопредѣленнымъ стремленіемъ найти другія условія быта. И вотъ онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, подобно Каину, тщетно ищетъ покоя своей душѣ.

Наши патріоты, во главѣ съ великимъ Достоевскимъ, видятъ причину печалей Пушкинскихъ героевъ въ ихъ отрѣшенности отъ народной жизни. Они правы, но условно. Пушкинъ дѣйствительно находилъ нравственную опору противъ ложныхъ устоевъ общественной жизни въ русскомъ народѣ и въ русскомъ историческомъ прошломъ; но онъ цѣнилъ то и другое не потому, что это наше родное, свое, а потому, что

[1]) Подражаніе Данте. Школа. II. 115.

русская до-Петровская жизнь, и жизнь народная современная были именно вполнѣ согласны съ тѣмъ чистымъ и строгимъ обликомъ прекрасной учительницы, отъ которой отступилъ онъ для служенія двумъ демонамъ. Такого служенія была чужда наша прежняя церковно-народная культура, продолжающая и понынѣ жить въ нашей деревнѣ. Пушкинъ былъ народникъ, но прежде всего онъ былъ моралистъ, и народникомъ сдѣлался потому, что былъ моралистомъ. Мысль эта для многихъ покажется невѣроятной, но смотрите, гдѣ Пушкинъ былъ болѣе великимъ поэтомъ, какъ не въ исповѣданіи своихъ разочарованій, своего раскаянія.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду придетъ-ли мой конецъ? [1])

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтренные годы;
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы...

И свѣтъ, и дружбу, и любовь
Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу,—
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
Ужасный опытъ ненавижу.. [2]).

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

* * *

[1]) Элегіи. Т. I, стр. 238. [2]) Т. I, стр. 286.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды [1]).

Достойно вниманія то, какъ высоко онъ цѣнилъ тѣ, даже небольшія добрыя вліянія, на которыя можно было ему опираться въ минуты нравственной борьбы, сколь отвѣтственнымъ предъ ними онъ себя считалъ, когда оказывался имъ невѣренъ.

Воспоминаньями смущенный
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшей главою!

Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель —
До капли источивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!

И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады! [2]).

Прочтите его стихотвореніе въ дни годовщинъ лицея, его признанія въ постоянной мысли о смерти („Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ"), его стихи къ Филарету, или „Подражаніе Джону Буньяну", и вы поймете, что только ложное воспоминаніе, ложная жизнь ввела въ служеніе страстямъ эту чистую душу, предназначенную не для нихъ, не для условныхъ цѣлей жизни, но для чистой добродѣтели.

Вотъ почему изъ всѣхъ христіанскихъ молитвъ ему болѣе всѣхъ нравилась та, въ которой христіаниномъ испрашивается полнота добродѣтелей.

Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста:
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,

[1]) Воспоминаніе, II, 37;
[2]) Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ, II, 75.

Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи» [1]).

О томъ, какъ Пушкинъ цѣнилъ въ частности добродѣтель цѣломудрія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи изъ Бориса Годунова:

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ [2]).

За эту чистоту и смиреніе онъ возлюбилъ русскую древность и русскую деревню.

. . . Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище...
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей [3])...

.....Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы не просвѣщенной
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ [4]).

Чванство не оставляетъ общественной жизни даже и на кладбищахъ: кладбище городское и кладбище сельское въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина являются выразителями различной внутренней настроенности горожанъ и поселянъ.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,

---

[1]) Молитва, II, 188.
[2]) «Годуновъ», т. III, стр. 70.
[3]) «Онѣгинъ», т. III-й, стр. 403.4) Деревня.

Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ богачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зіяющія тутъ,
Которыя жильцевъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынie находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя [1])...

Изъ городовъ только Москва сохраняетъ духъ русской непосредственности и внутренней свободы, которыми была богата Русь древняя. Съ этой стороны и воспѣваетъ ее неоднократно Пушкинъ.

И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ [2]);

Итакъ, народныя и историческія симпатіи Пушкина зависѣли отъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, а не обратно;—и этимъ именно должно объяснять, что переходя на почву народную и сдѣлавшись поклонникомъ деревни, Пушкинъ не сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицателемъ науки и культуры, подобно многимъ позднѣйшимъ писателямъ. Негодуя на невѣжество своихъ современниковъ въ отечественной исторіи, которую, по его словамъ, Карамзинъ открылъ русскому обществу, какъ Колумбъ Америку, — сочувственно привѣтствуя первыхъ славянофиловъ (Кирѣевскаго), Пушкинъ однако не боялся заимствованія научныхъ свѣдѣній отъ Запада, какъ онъ писалъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ о воспитаніи.

[1]) Кладбище, II, 188.
[2]) Москва, т. II, стр. 87.

Весьма поучителенъ такой разумный, искренній и правдивый способъ выработки своихъ убѣжденій нашего поэта, освобождавшій его отъ всякихъ увлеченій, отъ всякой партійности, отъ тогдашняго придворнаго космополитизма и мистицизма, отъ декабристовъ и отъ аракчеевщины, и открывшій ему путь къ самой не модной въ то время православной вѣрѣ, которую даже въ богослужебныхъ книгахъ недозволено было называть православной, а только грекороссійской. Поучительно это внутреннее саморазвитіе Пушкина для нашего юношества, для нашего общества, потому что нашъ Пушкинъ, падавшій, боровшійся и каявшійся, до сихъ поръ остается микрокосмомъ русскаго общества, такъ же, какъ онъ, воспитаннаго въ поклоненіи тѣмъ „двумъ демонамъ“ внѣ церкви и народа, и такъ же, какъ онъ, постоянно слышащаго въ укоръ своихъ страстей и своей праздности неумолкающій призывъ, призывъ, исходящій отъ своей совѣсти, отъ окружающихъ насъ остатковъ христіанской культуры, и наконецъ отъ нашей прекрасной пушкинской и послѣпушкинской литературы. Къ этой лучшей жизни, которой цѣль есть добродѣтель и нравственная свобода, призываетъ теперешнюю грѣшную Русь та святая Русь, которую началъ открывать ей великій поэтъ,—какъ орелъ свободный звалъ за собою плѣннаго орла.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ...

Мы — вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!“ [1]).

Да, къ нравственной свободѣ, къ духовному совершенству тяготѣлъ духъ нашего поэта и вовсе не понимаютъ его тѣ, которые хотятъ наложить на его имя ярлыкъ какой-либо политической доктрины, взывать отъ его имени къ какимъ-либо политическимъ предпріятіямъ. Внѣшній административный строй жизни, тотъ правовой порядокъ, который туманитъ головы многихъ нашихъ современниковъ, былъ чуждъ Пушкинскихъ стремленій. Какъ публицистъ онъ не могъ не замѣчать и этой видимой стороны жизни, но она интересовала его только съ

[1]) Узникъ, т. I, стр. 273—274.

нравственной точки зрѣнія. Вотъ почему одни и тѣ же политическія знамена видѣли его то подъ собою, то противъ себя. То поклонникъ дворянскихъ привилегій, то огненный обличитель барскаго деспотизма и крѣпостного права (Стихотвореніе „Деревня“); то пламенный защитникъ самодержавія и непримиримый врагъ политическихъ переворотовъ (Заключительная глава „Капитанской дочки“), — то озлобленный насмѣшникъ надъ строгой цензурой, готовый даже роптать, что родился въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ свободнаго слова (Письма къ женѣ). — Пушкинъ не въ политическомъ строѣ жизни полагалъ свое призваніе, какъ русскаго общественнаго дѣятеля, онъ находилъ въ общественной жизни сферу высшаго блага, зависящаго исключительно отъ богатства внутренняго содержанія дѣятеля.

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Есть другое стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ уже вполнѣ опредѣленно указываетъ на второстепенное значеніе правового порядка и на первостепенное значеніе нравственнаго начала.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
Не все ли намъ равно?...
. . . . . .
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права! [1])

Блаженна была-бы Россія, если бы юношество и общество и въ этомъ отношеніи согласились съ Пушкинымъ и посвящали свой умъ и свои силы не на ту борьбу политическихъ идей, партій и мечтаній, которыми исчерпывается жизнь западнаго міра, выродившагося изъ бездушной культуры правового Рима. Пусть призванные на то правительственные чины

[1]) II, 187.

и профессора юридическихъ наукъ знаютъ эту область. Но русскому генію суждено вносить въ жизнь иныя высшія начала, тѣ „сладкіе звуки и молитвы“, для которыхъ былъ рожденъ Пушкинъ. Объ этомъ согласно говорятъ всѣ наши народные поэты, раскрывавшіе въ своихъ твореніяхъ не правовые, но нравственные устои жизни. Таковы: Лермонтовъ, Гоголь, Достоевскій, Толстые, Гончаровъ, и даже тѣ, которые силились волноваться политикой и какъ бы противъ собственной воли разсуждали о добродѣтели и о вѣчной истинѣ. Таковы были: Некрасовъ, Тургеневъ и даже Герценъ. Не напрасно наши теперешніе политическіе друзья французы въ лицѣ лучшихъ знатоковъ русской жизни (Леруа-Больё и Де-Вогюе) замѣчаютъ, что русскіе глубоко и искренно интересуются только моралью и религіей, хотя и любятъ говорить объ экономіи и правѣ.

Но вѣдь это значитъ отказаться отъ всякой общественности? погрузиться въ личный аскетизмъ?—Неправда! Область нравственнаго совершенства, хотя и связывается на первыхъ порахъ съ сосредоточенностью и уединеніемъ, но затѣмъ широкою волной свободнаго вліянія вливается въ общественную жизнь, въ общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому.

Есть сила болѣе устойчивая, чѣмъ правовой порядокъ, сила могучая и вѣковая, которая созидается лишь нравственнымъ вліяніемъ личности. Эту силу мало знаетъ современная жизнь, и мало понимаетъ современная наука. Сила эта называется бытомъ, бытомъ общественнымъ, бытомъ народнымъ, бытомъ историческимъ. Вотъ, работать для этой силы призываетъ насъ поэзія Пушкина и его послѣдователей, и этой работѣ не препятствуетъ никакой правовой порядокъ. Напротивъ, всѣ правительства всѣхъ странъ заботятся о томъ, чтобы понять бытъ своей страны, охранять, ограждать его, такъ что и самое законодательство бываетъ по отношенію къ быту силою служебной. Наука, литература, благотворительность, школьное просвѣщеніе, а въ особенности христіанская убѣжденность и одушевленное православіе—вотъ тѣ посредства, чрезъ которыя истинный общественный дѣятель, истинный любитель народа сообщаетъ нравственныя силы своего духа общественному быту. Понявшіе эту истину избранники, теоретики или практики, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, Достоевскій или Рачинскій, проходятъ по полю жизни побѣдоносной свѣтлой стезей. Напротивъ, послѣдователи знаменъ политическихъ, партизаны правовыхъ порядковъ почти всегда въ зрѣломъ возрастѣ отступали отъ ложныхъ увлеченій молодости, да и пока служили этимъ послѣднимъ, то ихъ при-

зывы были скорѣе истерическимъ крикомъ человѣка, желающаго заглушить свою собственную внутреннюю раздвоенность, и казались тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ менѣе могли ихъ понять и оцѣнить призываемые, такъ что горячее увлеченіе подобными идеями было свойственно лишь самой незрѣлой молодежи.

Мы сказали, что все русское общество отобразилось въ личности Пушкина. Пушкинъ понялъ, въ чемъ ложь и въ чемъ истина для него самого и для Россіи. Понялъ, но далеко не всегда и не во всемъ слѣдовалъ своимъ убѣжденіямъ: напротивъ, весьма часто вновь возвращался къ служенію страстямъ и предразсудкамъ и закончилъ свою жизнь ужаснымъ преступленіемъ поединка, который самъ называлъ нелѣпымъ заблужденіемъ слѣпого и грѣховнаго самолюбія. Подвергнувшись этому заблужденію, онъ совершенно освободился отъ него предъ кончиной, умиралъ добрымъ христіаниномъ, въ искреннемъ покаяніи и, надѣемся, былъ принятъ въ небесное царство, куда первымъ вошелъ раскаявшійся разбойникъ.

Что ожидаетъ нашу Русь, отразившуюся въ жизни поэта? Ей также открыты пути истины: исторія, литература и современный опытъ вѣщаютъ ей о томъ нравственномъ предназначеніи ея, которое понялъ для себя Пушкинъ, но она отступаетъ отъ него снова и снова, обнаруживая гораздо болѣе сильную раздвоенность, чѣмъ ея любимый поэтъ. Ужели ее ожидаетъ когда-либо такое же неразумное самоистребленіе, которое постигло нашего несчастнаго народнаго генія?

Это извѣстно только Богу... Но не напрасно на сегодняшней литургіи читалось грозное евангельское слово: „*дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете*“. Эти слова Господь привелъ въ заключеніе другого грознаго предостереженія: *Еще мало время свѣтъ въ васъ есть, ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не иметъ и ходяй во тмѣ не вѣсть, камо идетъ*“. Нынѣ сынамъ нашего общества, хотя и равнодушнаго къ свѣту вѣчной истины, не трудно бываетъ покаянное обращеніе къ нему, потому что какъ бы кто ни отвращалъ своихъ очей и ушей отъ христіанской жизни и духовнаго совершенства, но остатки ея еще довольно крѣпко живутъ въ общественныхъ нравахъ; звукъ великопостнаго колокола и донынѣ просится въ русское сердце, братскій привѣтъ пасхальнаго цѣлованія еще не упраздняется среди насъ, разочарованный грѣшникъ еще не забылъ о существованіи дороги въ храмъ и борющаяся со страстію душа еще знаетъ о существованіи Священной Книги — Новаго Завѣта. Но не суждено ли и этимъ остаткамъ христіанства и

нравственной силы нашихъ предковъ постепенно исчезать среди нашего равнодушія и нравственнаго облѣненія? Конечно, христіанская вѣра и христіанская церковь пребудутъ во вѣки, но не обособятся ли онѣ отъ русскаго общества въ одѣльную совершенно жизнь и тогда для общества *„пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати?“* Нѣтъ, горячая любовь нашего общества къ русской поэзіи, проповѣдующей ему христіанское возрожденіе, ручается, думаемъ, за то, что оно не дастъ отлетѣть отъ насъ христіанскому духу, — и когда противорѣчіе между ложными устоями нашей жизни и тѣми свѣтлыми завѣтами евангельской вѣры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать одно изъ двухъ, тогда русскій человѣкъ, многократно отрицавшійся отъ Христа, какъ измѣнившій, но покаявшійся снова ученикъ, воскликнетъ: *„Ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя“*.

Слово на панихидѣ по Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, во инокинѣхъ Анастасіи, сказанное въ Казанскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

„Благовѣрная Государыня, Великая Княгиня, монахиня Анастасія“. Какое необычное для нашего уха сочетаніе словъ и понятій! Скоро исполнится двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ такое сочетаніе перестало повторяться, хотя во времена прежнія оно бывало вполнѣ обычнымъ явленіемъ на нашей святой Руси. Тѣ времена миновали; вѣроятно, многіе уже начали думать, что помянутымъ явленіямъ пришелъ конецъ, но, благодаря Бога, такъ думающіе ошиблись. Видно, что не оскудѣлъ еще й въ наше грѣшное время на Руси духъ Христовъ; видно, что сила земли—нашей христіанской земли—продолжаетъ прорываться вверхъ и проникать собою самый высшій слой общественной жизни, даже тѣ части или элементы послѣдней, которые произросли на иной почвѣ и присоединились къ русской жизни уже въ зрѣломъ своемъ возрастѣ.

Великая Княгиня-монахиня была нѣкогда лютеранкой и родной языкъ ея былъ нѣмецкій. Однако, сдѣлавшись православной при своемъ вступленіи въ бракъ, она своею любящею, проникнутою библейскимъ ученіемъ, душою горячо привязалась къ русской жизни и православной Церкви. Сквозь сложный бытъ придворныхъ сферъ, сквозь богатую и чиновную жизнь столицы она съумѣла прозрѣть въ этой правящей Россіи

нашу Русь святую, которая, сохраняясь почти неповрежденной въ жизни сельскихъ крестьянъ, даетъ себя всетаки чувствовать такъ или иначе и въ личномъ характерѣ, и въ бытовомъ устройствѣ всѣхъ круговъ общества.

Усопшая Княгиня увидѣла, что Того Христа, Котораго она знала по урокамъ своего евангелическаго воспитанія, святая Русь со своимъ православнымъ бытомъ поняла чище и глубже, чѣмъ инославный западъ,—святая Русь, которая изъ Христова ученія взялась прежде всего за добродѣтель смиренія и личнаго самоотреченія, которая отвергла понятіе католической заслуги и протестантскаго самодовольства, которая наполнила свой духъ богослужебной поэзіей, какъ высшею радостію на землѣ, и взамѣнъ исканія правъ поставила каждому высшую задачу въ томъ, чтобы отказываться отъ всякихъ правъ и преимуществъ жизни и въ простотѣ и чистотѣ сердца служить любви Христовой въ средѣ своихъ ближнихъ.

Эту глубину и высоту нравственнаго содержанія нашей жизни новообращенная Княгиня оцѣнила такъ горячо, какъ ни одна среди ей подобныхъ. Еще въ самые древніе вѣка нашей исторіи обращаемыя изъ инославія и магометанства царственныя лица, начиная со святой Анны, жены Ярославовой, обращенной изъ папизма, и св. Петра, царевича Ордынскаго, и кончая добродѣтельной Государыней Маріей Александровной, проводившей дни въ молитвѣ и духовномъ чтеніи — эти прозелиты русскаго православія, подобно древней Руѳи—Моавитянкѣ, предваряли въ царствѣ небесномъ русскихъ людей, рождаемыхъ въ православныхъ семействахъ. Правда, между древнимъ временемъ и новымъ хранится то различіе, что тогда это духовное сокровище нашей родной жизни все же высоко цѣнилось всѣми русскими людьми, тогда какъ многіе изъ нашихъ современниковъ его не понимаютъ и понимать не хотятъ; но и понынѣ свѣтъ духа Христова сіяетъ въ странѣ нашей еще настолько ярко и привлекательно, что онъ привлекъ чистое сердце теперь уже русской православной Княгини къ безраздѣльному слѣдованію за собою до забвенія семьи и оставленія Высочайшей Родни своей и прекрасной сѣверной столицы.

Остановимся же теперь послѣ этихъ общихъ мыслей на жизни новопреставленной подвижницы. Удалившись лѣтъ десять тому назадъ въ новосозданную ею монастырскую обитель древняго Кіева, инокиня Анастасія пожелала совмѣстить въ своей жизни по возможности все, чѣмъ опредѣлялась жизнь русскихъ православныхъ подвижниковъ. Она не удовлетворилась тѣмъ, чтобы принять только внѣшній обликъ новой жизни, окруживъ себя покоемъ и довольствомъ. Напротивъ, по примѣру нашихъ предковъ, она и въ монашескомъ званіи стара-

лась все больше и больше умалять себя. Помѣстившись въ небольшой кельѣ среди монастырской больницы, она разнообразила свой день лишь между молитвой, духовнымъ чтеніемъ и служеніемъ больнымъ, подавая всѣмъ примѣръ смиренномудрія и простоты—чрезъ участіе даже въ черныхъ трудахъ послушницъ до подметанія пыли съ половъ больницы. Такое совмѣщеніе подвига внутренняго съ подвигами человѣколюбія было высшимъ осуществленіемъ правилъ православнаго монашества, по слову преподобнаго Нила Синайскаго, который сказалъ: „монахъ есть тотъ, который, удалившись отъ всѣхъ, пребываетъ во внутреннемъ общеніи со всѣми и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя".

Есть подвиги и въ другихъ исповѣданіяхъ, подвиги величественные и суровые, но нѣтъ въ этихъ подвигахъ той простоты, той *„тихости"*, того желанія не замѣчать ихъ, того несознаванія ихъ, которыми красится наше превославное подвижничество, по примѣру Господа, по смыслу словъ евангельскихъ: *„се Отрокъ Мой, Егоже изволихъ; Возлюбленный Мой, Наньже благоволи душа Моя; положу духъ Мой на Немъ, и судъ языкомъ возвѣститъ. Не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа Его. Тростиі сокрушенны не преломитъ, и льна внемшася не угаситъ, дондеже изведетъ въ побѣду судъ"* (Матѳ. XII, 18—20).

Сила такого непосредственнаго и безраздѣльнаго усвоенія духа Христова, доставляя тихую радость и полную удовлетворенность душѣ самого подвижника, невольно усваивается и окружающими, какъ теплота лѣтняго солнца. *„Научитеся отъ Мене*, говоритъ Господь, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ"* (Мѳ. XI, 29).

А есть чему научиться отъ такихъ послѣдователей Христовыхъ намъ — сынамъ суетной современности. Правда, современные люди не чужды добрыхъ порывовъ и благородныхъ замысловъ, но никому изъ нихъ не свойственна та готовность находить довольство внутреннее среди лишеній и подвиговъ, которымъ такъ богата была добровольно обнищавшая и опростившаяся подвижница Анастасія.

Напротивъ, современный человѣкъ всегда убѣжденъ въ томъ, что судьба не съумѣла оцѣнить его достоинствъ, что онъ заслуживалъ бы лучшей участи въ этой жизни, и что, только достигнувъ ее, онъ получитъ полную возможность осуществлять высшія стремленія своего духа. Отсюда его неразумная жажда къ безконечнымъ повышеніямъ по службѣ, къ увеличенію своего достоянія, къ распространенію своей славы, къ умноженію всякихъ наслажденій. На это онъ охотно

тратитъ свои силы, а для подвиговъ человѣколюбія и иныхъ добродѣтелей оставляетъ одни трескучія слова...

О, какъ поэтому назидателенъ, какъ строго обличителенъ для насъ примѣръ этой царственной жены, которая расположила жизнь свою совершенно противоположнымъ образомъ. Довольная своею жизнію на землѣ, она счастлива и въ своей смерти, потому что ей нечего было здѣсь терять, она сама отъ всего земного отказалась еще задолго до смерти. Радостно молиться объ упокоеніи такой души; при воспоминаніи такой жизни вѣрится намъ въ осуществленіе и другой молитвы, которую прошу васъ, братіе, присоединить къ первой. — Сія иная молитва да будетъ о томъ, чтобы и въ насъ, живущихъ по плоти, но мертвыхъ по духу, Господь возгрѣвалъ жажду спасенія, плачъ о грѣхахъ, нищету духовную, чистоту сердца, кротость, милость и прочіе дары, какими благодать Его обогатила смиренную душу новопреставленной инокини Анастасіи.

Слово, сказанное въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ Соборѣ надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Ѳеогноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 26-го января 1903 г.

Величественное, но нерадостное торжество совершается въ тебѣ, священная церковь Софійская. Врата твои, отверзающіяся постоянно для молитвы не только кіевскихъ гражданъ, но и всего боголюбиваго народа русскаго и даже для иностранныхъ сыновъ вселенской Церкви, содѣлали тебя сугубо для нея священною. Архипастыри матери городовъ русскихъ, вступая на паству свою, спѣшатъ лобызать твои святыни прежде прочихъ святынь сего воистину святого града и твои стѣны оглашаются первымъ поученіемъ каждаго кіевскаго іерарха. Согласно сему священному обычаю, два года тому назадъ встрѣчала ты новаго архипастыря своего Ѳеогноста, и твои богомольцы, узрѣвъ его кроткій и любвеобильный ликъ, его задушевное, исполненное горячею вѣрою слово, вѣроятно, утѣшались свѣтлою надеждой на долгіе дни его учительства среди твоихъ священныхъ стѣнъ, вмѣщавшихъ сонмы святыхъ еще отъ дней древнихъ. Но надежды эти не сбылись.

Днесь встрѣчаемъ мы кіевскаго архипастыря съ большею еще торжественностью, чѣмъ тогда, но уже безмолвнаго, без-

дыханнаго, не могущаго огласить нашъ слухъ молитвою и благословеніемъ, но молчаливо просящаго нашихъ молитвъ о душѣ его.

Да, недолго поучалъ святитель Божій свою митрополію, и кромѣ того недолгое служеніе его Церкви кіевской не было временемъ его бодрой, благодушной заботы, какъ въ прежніе годы его жизни, но временемъ болѣзни и скорбнаго сознанія своихъ немощей, когда тѣло его, изнемогшее отъ семидесятилѣтняго труда, нуждалось въ покоѣ и лѣченіи. Но если паства кіевская не могла въ достаточной мѣрѣ утѣшиться словами устъ почившаго, то вспомнимъ, что и самымъ первымъ святителямъ Христовой церкви, т. е. апостоламъ Божіимъ, мы воспѣваемъ похвалу не только за ученіе ихъ, но и за самыя болѣзни ихъ, бывшія его послѣдствіемъ: „чтемъ болѣзни и труды твоя, ими-же трудился еси во благовѣстіи Христовомъ". Итакъ, почтимъ-же и болѣзни, и труды преосвященнаго Ѳеогноста, допустившіе паству кіевскую такъ мало пользоваться его словомъ, но явившіеся живыми свидѣтелями его прежнихъ трудовъ въ благовѣстіи царства Божія и краснорѣчиво научавшіе насъ, какъ должно нести крестъ принятаго служенія до послѣдняго своего издыханія.

Покойный архипастырь былъ сыномъ извѣстной николаевской эпохи, суровой и серьезной, не щедрой на ласки во дни юности своихъ питомцевъ, а въ зрѣлые годы державшей ихъ всегда подъ угрозой неумолимой отвѣтственности.

Эпоха эта вырабатывала въ своихъ сынахъ твердую, желѣзную волю, которая въ наше дряблое, развращенное и капризное время, сама по себѣ, даже независимо отъ своего положительнаго содержанія, а какъ противоположность теперешней разслабленности, есть завидный даръ, достающійся столь немногимъ современникамъ нашимъ. А если этотъ даръ соединяется не съ жесткимъ и требовательнымъ отношеніемъ къ ближнему, а напротивъ, съ тѣмъ ласкающимъ ободреніемъ, съ тѣмъ состраданіемъ ко всему грустному и съ тѣмъ сорадованіемъ всему хорошему, чѣмъ столь богата была чистая и цѣломудренная душа святителя Ѳеогноста, — о, тогда нравственный обликъ подобныхъ представителей той, уже далекой отъ насъ, эпохи является столь-же вожделѣннымъ для насъ, столь привлекательнымъ и даже трогательнымъ, сколь непріятны для большинства современниковъ общія представленія о томъ суровомъ времени.

Не будемъ возражать противъ общей современной оцѣнки временъ николаевскихъ, но можемъ-ли умолчать о томъ, что нѣжная душа усопшаго старца, неспособная пройти мимо какого-либо человѣка безъ участія къ нему, душа эта, съ не-

удержимой силой влекшаяся къ невиннымъ дѣтямъ — духовныхъ, крестьянъ и всѣхъ сословій—душа эта, которую дѣти сразу понимали и ласкались къ ней, — не была бы такова, если-бы не усвоила отъ своей суровой школы той строгости къ себѣ, того безусловнаго и не щадящаго себя послушанія своему долгу, того постояннаго сознанія своей виновности передъ Богомъ, того смиренномудрія и самоотверженія, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ стараго уклада русской жизни, которыхъ въ такой крайней степени чужда наша жалкая, наша хвастливая современность, столь безсильная въ нравственномъ отношеніи и столь несчастная, столь разочарованная жизнью въ тайникахъ своего сердца.

Итакъ вотъ безмолвная послѣдняя проповѣдь твоего усопшаго іерарха, кіевская паства! Проповѣдь эта коротка и проста и для православнаго народа весьма извѣстна, а дѣйствительностью житейскою подтверждается со всѣхъ сторонъ. Тамъ нѣтъ истинной любви, гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ нѣтъ терпѣливаго состраданія къ людямъ, гдѣ нѣтъ подвига внутренней борьбы со своими недостатками и страстями; тамъ не можетъ быть утѣшенія страдальцамъ, гдѣ нѣтъ покорнаго несенія собственнаго креста; и только тамъ возможно служеніе общественной пользѣ, гдѣ есть благоговѣйное преклоненіе предъ собственнымъ нравственнымъ долгомъ. Усопшій владыка Ѳеогностъ, вознесенный на высоту служенія іерархическаго, потому только и могъ въ разныхъ епархіяхъ отдавать себя попеченію о нуждахъ сельскаго духовенства, знать по именамъ за-разъ сотни и тысячи его учащихся дѣтей, возстановлять изъ развалинъ народныя святыни, умягчать ожесточеніе раскола, наконецъ—всѣхъ утолять своею смиренною и теплою молитвой, своимъ неустаннымъ и молящимъ проповѣдническимъ словомъ,—потому только, что, независимо отъ внѣшней служебной отвѣтственности, до которой столь мало относятся всѣ перечисленные его подвиги, онъ помнилъ, что есть на небѣ Богъ, взыскующій отъ насъ исполненіе нашего долга не судомъ человѣческимъ, но взирающій на сердце каждаго работника духовной нивы. Усопшій старецъ нашъ зналъ, съ какою борьбою дается человѣку побѣда надъ страстями, какъ благодѣтельно вліяетъ умиленная любовь на грѣшную душу, зналъ, наконецъ, что дѣти, чуждыя страстей, угодны Богу; и вотъ онъ поэтому не на словахъ, а дѣлами жизни своей исполнялъ служеніе братолюбія, о которомъ такъ много говорятъ теперь и которому такъ мало служатъ наши современники.

А съ другой стороны, какъ искренній наблюдатель жизни можетъ отрицать ту истину, что въ основаніи теперешней нравственной разрозненности людей, ихъ замѣтнаго безучастія,

духовнаго одиночества страдальцевъ и глубокой неудовлетворенности искателей истины лежитъ не иное что, какъ отсутствіе тѣхъ духовныхъ основъ жизни — понятія долга и правилъ вѣры нашей,—коими богатъ былъ почившій. Люди, лишающіеся этихъ правилъ—терпѣнія и борьбы съ собою, люди, устами популярныхъ литераторовъ издѣвающіеся надъ историческимъ укладомъ жизни народной, надъ его долготерпѣніемъ и вѣрой, эти люди, хвалящіеся новыми началами человѣколюбія и космополитизма, разучились любить не только чужихъ, но и ближнихъ, не только ближнихъ, но и родныхъ своихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ постоянно повторяющіеся случаи распаденія семействъ, или случаи самоубійствъ въ тоскѣ о своемъ нравственномъ одиночествѣ.

И вотъ, когда отъ современной эпохи нравственнаго вырожденія обратишь свой взоръ къ столь цѣлостнымъ типамъ недавней еще старины, какъ почившій владыка, столь строгій къ себѣ и тѣмъ сократившій дни своей жизни, своего неустаннаго труда и подвига, — когда, наконецъ, посмотришь, какъ быстро рѣдѣютъ ряды такихъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ, какъ мало ихъ уже остается въ живыхъ и, особенно, какъ мало подражаютъ имъ сыны капризной, разслабленной и изолгавшейся современности, то уже не хочешь слушаться совѣта писателя той эпохи и, вопреки ему, не говоришь съ благодарностью: тѣ люди были среди насъ, но съ тоскою: теперь нѣтъ такихъ людей!

Да будетъ-же намъ памятно прощальное поученіе усопшаго владыки, раскрытое въ его жизни, въ его нравственномъ обликѣ. Поймемъ, что условіе разумной и полезной дѣятельности въ насъ самихъ. Поймемъ, что врагъ для каждаго человѣка, для каждаго дѣятеля есть онъ самъ. Ни общественныя неустройства, ни пресловутая бѣдность народа, ни вымышленное безправіе личности, ни грубость среды, а собственное наше нравственное безсиліе, наше легкомысліе, наша черствость, наша неискренность, наше извиненіе себя во всемъ и требовательность отъ жизни и отъ окружающихъ насъ—вотъ въ чемъ заключается великая общественная язва русской современности.

Такой выводъ изъ духовныхъ трудовъ почившаго предлагаемъ мы паствѣ кіевской. Прибавимъ въ заключеніе, что свой нравственный обликъ почившій выработалъ подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ именно кіевской церковной жизни, хотя и учился онъ въ академіи петербургской. Академія эта въ его время была подъ руководствомъ питомцевъ академіи кіевской, воспитанниковъ той славной ея эпохи, когда кроткій евангельскій духъ митрополита Филарета кіевскаго свѣтилъ ей и согрѣвалъ ее. Это была эпоха Иннокентія, Димитрія, Антонія,

давшая петербургской академіи Макарія, Ѳеофана, потомъ Іоанникія и иныхъ. То былъ рядъ іерарховъ-педагоговъ со свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, съ любвеобильнымъ снисходительнымъ отношеніемъ къ ввѣренному ихъ попеченію юношеству, съ удаленіемъ отъ обязанностей законническаго и лицемѣрнаго осужденія жизнерадостной молодости, но за то съ высокимъ благодатнымъ одушевленіемъ, съ подвигами поста, молитвы и желѣзнаго труда. Правда, въ это же время проходилъ въ духовныя школы иной духъ суроваго и формальнаго отношенія къ жизни, и питомцы петербургской академіи, товарищи владыки Ѳеогноста, раздѣлялись между этими двумя направленіями, но смиренная, мягкая и даже женственная душа почившаго всецѣло предалась первому, именно кіевскому, направленію и его дальнѣйшая пастырская дѣятельность и внутренняя жизнь со всею ясностью отражала на себѣ благодатный духъ воистину преподобнаго и богоноснаго святителя Филарета кіевскаго, высокаго подвижника предъ Господомъ, но въ то-же время и любимаго отца ввѣреннаго ему народа Божія.

Это духовное сродство преосв. Ѳеогноста съ прежней кіевской школой Господь ознаменовалъ посвященіемъ его въ епископскій санъ именно въ этомъ священномъ городѣ, что для самого почившаго казалось странной загадкой по необычности въ то время такихъ посвященій внѣ столицы, особенно для епископовъ, не служившихъ въ Кіевѣ. Загадка эта объяснилась два года тому назадъ, когда Господь призвалъ его быть кіевскимъ архипастыремъ; она раскрывается и теперь, когда мѣсто вѣчнаго упокоенія его устроено рядомъ съ могилой святителя Филарета.

Такъ еще въ этой жизни Богъ запечатлѣваетъ смиренный и искренній подвигъ любви и вѣры, вѣнчая его такою мирною спокойною кончиной, чуждой страха и скорби, причастною священнымъ и благодатнымъ таинствамъ, исполненной вѣры и надежды, каковой Онъ сподобилъ почившаго святителя.

Будемъ и мы учиться его подвигу смиренномудрія и цѣломудрія, смиренія и любви, строгости къ себѣ и снисхожденія къ другимъ, дабы, взамѣнъ мятежной и неудовлетворенной жизни нашей, спокойно и благодушно совершить служеніе братолюбія; дабы взамѣнъ того ледяного, гнетущаго страха смерти, которому подвергаются люди новаго поколѣнія, пріобрѣсти то, что дороже всѣхъ сокровищъ цѣлаго міра, т. е. покорное и разумное отношеніе къ исходу жизни нашей, чего и всѣхъ насъ да сподобитъ Господь по святительскимъ молитвамъ своего новопреставльшагося архіерея. Аминь.

Слово на заупокойномъ служеніи по адмиралѣ Стефанѣ Макаровѣ и православнымъ воинамъ, на брани животъ свой положившимъ, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 5-го апрѣля 1904 года.

Когда, входя въ какой либо святой храмъ, мы слышимъ заупокойное пѣніе, то бываемъ заранѣе увѣрены, что только нѣсколько человѣкъ, преимущественно женщинъ, гдѣ нибудь въ уголкѣ, возносятъ свои скорбныя молитвы въ предстояніи одного священника. И это потому, что усопшихъ поминаютъ только самые близкіе ихъ родные. А если храмъ, вопреки нашему ожиданію, оказывается наполненнымъ значительнымъ количествомъ народа, то навѣрное, среди его мы найдемъ богато убранный гробъ со всѣми признаками высокаго общественнаго или имущественнаго положенія покойника, — но и здѣсь, среди всей пышности погребенія, взглядъ опытнаго наблюдателя быстро замѣтитъ, сколь холодно и неохотно участвуетъ въ печальномъ торжествѣ значительная часть молящихся, и что число ихъ, какъ бы оно ни казалось большимъ, многимъ однако меньше, нежели число тѣхъ, которые при жизни умершаго имѣли съ нимъ общеніе.

Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно видѣть стеченіе въ храмъ богомольцевъ для поминовенія уже погребеннаго человѣка. И тогда знай, что человѣкъ этотъ былъ особенный,— онъ былъ одинъ изъ немногихъ мудрецовъ, исполнявшихъ божественное слово: „*Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе ни подкапываютъ и крадутъ*“ (Матѳ. VI гл., 19—20 ст.). Завидна жизнь и кончина такого человѣка: онъ живетъ еще и по смерти, тогда какъ богатство и знатность и все прочее, чѣмъ дорожатъ люди, оканчивается вмѣстѣ съ ихъ погребеніемъ, и души ихъ, оставленныя одинокими, оплакиваютъ свое легкомысліе во время земной жизни.

Нынѣ мы тоже совершаемъ заупокойную службу въ этомъ переполненномъ молящимися, обширномъ храмѣ,—но среди его не увидимъ мы пышнаго гроба, ни окружающихъ его суетныхъ отличій знатности и богатства. Напротивъ, тѣ, за которыхъ мы молимся теперь, лишены были даже самаго бѣднѣйшаго гроба.

Да, по мірскому разсужденію кончина самая бѣдственная, такъ какъ и самый послѣдній нищій покидаетъ этотъ міръ,

будучи положенъ въ какой нибудь, хотя бы и убогій гробъ, устроенный усердіемъ его присныхъ, а если и тѣхъ у него нѣтъ, то объ этомъ позаботятся блюстители общественнаго порядка; наши же безстрашные воины полегли тѣлами своими на глубинѣ морского дна, придавленные обломками корабля, между которыми пробираются къ ихъ останкамъ морскіе раки и другія страшныя животныя истребители. Итакъ, къ ихъ тѣламъ не прикоснется любящая рука родныхъ или товарищей, но зато смотрите, какую огромную родню пріобрѣли они заочно! Ни глубина моря, ни десятитысячное количество верстъ, отдѣляющее насъ отъ мѣста ихъ кончины, не препятствуютъ намъ считать ихъ для себя столь присными, какъ самыхъ кровныхъ родныхъ, и молиться объ упокоеніи душъ ихъ, не ради соблюденія общественнаго приличія, но отъ всего сердца, о чемъ свидѣтельствуютъ лица ваши, орошенныя слезами, которыя болѣе цѣнны для усопшихъ, чѣмъ всякіе алмазы, украшающіе пышные праздники вельможъ.

И такое же одушевленное чувство, такая же усердная молитва за нихъ въ настоящіе дни наполняютъ сердца всѣхъ русскихъ людей, да и не русскихъ только, но и грековъ, и заграничныхъ славянъ, — словомъ, всѣхъ сыновъ Христовой Церкви, которой далъ Господь дерзновеніе умолять Его благоутробіе за преставшихся братьевъ. Его Пречистыя уста сказали: „*паки, аминь, глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совпщаета на земли о всякой вещи, ея же аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ*“ (Матѳ. XVIII, 19). Онъ ли не услышитъ умиленныя молитвы милліоновъ, и могутъ ли быть грѣхи, превозмогающіе этотъ могучій молитвенный вопль, отверзающій душамъ умершихъ врата небеснаго рая.

Итакъ, не плачевна, а достоблаженна ихъ кончина въ глубокихъ водахъ холоднаго моря, — ибо если бы они почили мирно каждый въ своемъ домѣ въ старости своей, то остались бы чужды живущимъ, исключая немногихъ родныхъ, иногда неумѣющихъ или даже нежелающихъ молиться, а теперь они — родные для всей молящейся вселенной. И то, что они разстались съ жизнью не отъ руки враговъ, а непосредственно отъ руки Божіей, это обстоятельство, умаляя ихъ суетную славу, умножило сочувствіе къ нимъ живущихъ и увеличило теплоту заупокойныхъ молитвъ за нихъ.

Пусть же скажетъ за нихъ Русская земля, какъ древній Іовъ: „Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во вѣки“ (Іова I, 21).

Сказавъ искренно такое слово, русская земля пойметъ, что, лишившись храбрыхъ сыновъ своихъ, она не оставлена

отъ Бога обездоленной; взамѣнъ живыхъ сыновъ своихъ она обогатилась теперь живымъ духомъ взаимнаго общенія. Когда многіе любятъ одного или нѣсколькихъ, то они и другъ другу бываютъ не чужды; даже враги, имѣющіе общихъ друзей, стараются примириться, узнавъ объ этомъ; а въ нынѣшней драгоцѣнной потерѣ, когда разставался уже съ жизнью и спасся только молитвами присныхъ молодой Царевичъ, и потонули въ водахъ океана знаменитые военачальники, и дѣти вельможъ, и дѣти смиренныхъ земледѣльцевъ, — въ эти дни общей печали и усердной молитвы съ сугубой силой почувствовали свое братство во Христѣ — и Царствующій Домъ, и великіе міра сего, и простой черный народъ. Правда, тяжкими уроками и ударами возстановилъ Господь утраченное единство русской жизни, но видно, что не было другихъ, болѣе мягкихъ средствъ къ достиженію этой высокой цѣли, а потому скажемъ еще разъ отъ лица земли русской: „буди имя Господне благословенно во вѣки“.

Но повторятъ ли эти слова осиротѣвшія семьи умершихъ? вѣдь между ними есть, конечно, и такія, которыя жили ихъ помощью, жили надеждой на возвращеніе со службы своихъ бодрыхъ сыновъ... Трудно было бы отвѣтить на такой вопросъ, если бы рѣчь шла не о тебѣ, о народъ нашъ, великій въ своемъ долготерпѣніи, несокрушимый въ покорности божественной волѣ! не о тебѣ, народъ нашъ, взирающій на смерть, какъ на переселеніе въ лучшій міръ, а на жизнь, какъ на приготовленіе къ смерти!

И одиночество и бѣдность перенесетъ русская семья и русская беззащитная вдова-старушка, если она лишилась своей опоры, не за злое дѣло, а за вѣру, Царя и отечество, за борьбу съ нечестивыми язычниками, при молитвенномъ участіи къ ней всего православнаго люда. Да, ни ропотъ, ни уныніе будетъ испытывать она, когда въ длинное поминаніе ея ко многимъ именамъ безвѣстныхъ тружениковъ, въ терпѣніи воздѣлывавшихъ родную землю, припишется не очень грамотной рукой какой нибудь: „воинъ Іоаннъ утопшій“; а когда это имя будетъ возглашаться священникомъ въ дни поминовенья, то умиленная слеза осиротѣвшей матери будетъ всегда сопровождаться утѣшительною мыслью о томъ, что она принесла на свѣтъ христолюбиваго воина и вѣрнаго слугу Царю русскому.

Гораздо тяжелѣе перенесутъ нашу потерю тѣ знатныя и вообще просвѣщенныя семьи, у которыхъ въ продолженіе послѣдней войны Господь отнялъ цвѣтущихъ, прекрасныхъ и добрыхъ юношей, едва перешедшихъ изъ отроческаго возраста и подававшихъ родителямъ надежды на блестящіе въ мірскомъ смыслѣ успѣхи. Имъ придется теперь только съ болью сердца

уразумѣвать то высокое христіанское ученіе о жизни и смерти, которому простой народъ наученъ такъ давно. Но минетъ время горькаго наученія, грустная картина окружающей жизни другихъ юношей научитъ ихъ постепенно находить утѣшеніе въ томъ, о чемъ они теперь безутѣшно скорбятъ, — и вотъ, когда младшія, подростающія дѣти, перелистывая семейный альбомъ, будутъ останавливаться на незнакомомъ лицѣ и спрашивать: кто онъ такой? то старшіе родственники будутъ имъ разсказывать объ умершемъ на войнѣ братѣ или дядѣ, какъ о святомъ — съ умиленіемъ и важностью. „Зачѣмъ же онъ уѣзжалъ туда, такъ далеко?“ спроситъ подростающій младенецъ: „зачѣмъ онъ не оставался служить здѣсь въ столицѣ? или его туда сослали? такъ за что?“ — „Нѣтъ, отвѣтитъ ему мать или бабушка: онъ могъ и здѣсь оставаться и служить среди придворныхъ, но самъ пожелалъ защищать Россію отъ враговъ и теперь онъ предстоитъ Царю Небесному и велитъ тебѣ жить не для своего удовольствія и пользы, а для правды, для защиты ближнихъ и помощи бѣднымъ. Вотъ его письма, которыя онъ намъ писалъ оттуда незадолго до смерти, а вотъ старыя газеты, гдѣ напечатано, какъ во всѣхъ городахъ молились за него и за его товарищей“.

Благословенна же та семья, которая можетъ похвалиться самоотверженной смертью своего героя, и такую семью составляютъ не только ближайшіе родственники убитыхъ, но и вся православная Русь, соединенная нынѣ въ одно крѣпкое братство сочувствіемъ къ осиротѣвшимъ семействамъ и молитвой объ усопшихъ воинахъ. Тѣ назиданія, которыя они оставили въ сердцахъ и устахъ матерей къ своимъ младшимъ братьямъ да воспріимутъ въ себя и наши сердца, да начертаютъ они на себѣ божественную заповѣдь—жить не для себя, а для ближнихъ своихъ, любить не себя, а свое отечество, служить не себѣ, а Богу на небѣ и Царю на землѣ.

Въ васъ же, православные воины, здѣсь предстоящіе на молитвѣ, да исчезнетъ послѣдняя тѣнь смертнаго страха, если Царь позоветъ васъ защищать отечество, — а въ васъ, предстоящіе граждане, да сіяетъ свѣтъ русскаго патріотизма и беззавѣтной готовности всѣмъ пожертвовать для родины. Аминь.

Слово, произнесенное 15-го апрѣля 1904 г. при погребеніи архіепископа Ювеналія.

„Се же есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. VI, 40).

Сими словами святого Евангелія, слышанными нами на литургіи, вводимся мы, отцы и братіе, въ священнодѣйствіе надгробнаго пѣнія по усопшемъ іерархѣ.

Такова была воля Пославшаго въ міръ Мессію; въ томъ заключается назначеніе христіанскаго благовѣствованія, чтобы его послѣдователи стяжали вѣчную жизнь по смерти и блаженное воскресеніе предъ вторымъ пришествіемъ Спасителя. Правда, сія вѣчная жизнь достигается вѣрующими чрезъ правильное прохожденіе жизни временной, но не въ ней, не здѣсь на землѣ, должно быть сокровище наше, а тамъ, *идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе ни подкапываютъ, ни крадутъ* (Матѳ. VI, 19).

Эту простую истину ясно понимали христіанскіе народы въ продолженіе восемнадцати столѣтій послѣ того, какъ слова сіи были произнесены Божественными устами, но ее перестали понимать сыны вѣка сего, сыны послѣдняго полустолѣтія.

Да, именующіе себя христіанами, вопреки апостольскому слову, *возлюбили нынѣшній вѣкъ* (2 Тимѳ. IV, 10) и, чтобы успокоить свою совѣсть, стали много и красно говорить о заповѣдяхъ человѣколюбія и равенства, о помощи народному благоустройству, и весьма согласно умалчивать о судѣ Божіемъ, и воздержаніи, и о всемъ прочемъ, чего не хотѣлъ слушать языческій правитель Фестъ отъ апостола Павла.

Поступая такъ, люди поддавались навѣтамъ духа лукавствія, который прекрасно знаетъ, что, не думая о второмъ, они не будутъ никогда исполнять и перваго, и что всѣ людскія рѣчи о гуманности, равенствѣ и справедливости останутся только словами, только благовидною личиною для прикрытія себялюбія, чувственныхъ страстей и гордыни; онъ зналъ, что научая людей говорить одно, а дѣлать другое, онъ повергаетъ ихъ еще въ другое духовное бѣдствіе, именно погружаетъ ихъ въ тину той постоянной безпросвѣтной лжи, которою наша общественная жизнь, дѣйствительно, и пропиталась такъ, какъ старая губка пропитывается водой. А вслѣдствіе подобнаго искаженія и обезличенія христіанства, печальное состояніе общественныхъ нравовъ передается, какъ злая зараза, и под-

ростающимъ поколѣніямъ, которыя сперва съ полнымъ довѣріемъ повторяютъ напыщенныя рѣчи своихъ лживыхъ руководителей, а потомъ познаютъ ихъ лицемѣріе уже тогда, когда на себѣ самихъ испытаютъ непрочность правилъ, лишенныхъ опоры искренней вѣры и висящихъ на воздухѣ,— когда увидятъ, что, повторяя эти надутыя рѣчи внѣ живого союза съ Богомъ, со Христомъ и съ вѣчностью, они постепенно подпадали грубымъ страстямъ и потеряли всякое одушевленіе, всякую любовь къ высшимъ началамъ жизни. Немногіе тогда начинаютъ искать иныхъ, болѣе надежныхъ, путей къ очищенію своего сердца, а большинство сознательно примиряется со своею корыстью, чувственною жизнью, и сперва болѣе осторожно и застѣнчиво, а затѣмъ уже совершенно спокойно и даже нагло снова надѣваетъ личину благородства, человѣколюбія, народничества и справедливости, отлично понимая, что подобныя задачи жизни всего менѣе ихъ интересуютъ среди богатаго житейскаго пира, на которомъ нищій Лазарь никогда не бываетъ желательнымъ гостемъ. Такіе люди избѣгаютъ не только встрѣчи съ нелицемѣрными учителями спасенія, но и слышать о нихъ не желаютъ. На нихъ уже исполняется апостольское слово о томъ, что придетъ время, когда люди *отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ* (2 Тим. IV, 4).

Зато, съ какимъ высокимъ уваженіемъ остановитъ свой взоръ всякій правдивый человѣкъ на томъ, кто добровольно удалился отъ этого грѣховнаго и лживаго пира, на томъ блаженномъ мужѣ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ губителей не сѣдѣ, но въ законѣ Господни воля его и въ законѣ его поучится день и нощь* (Пс. I, 1 — 2).

Вотъ такимъ мужемъ и явилъ себя почившій владыка Ювеналій. Будучи одушевленнымъ и самоотверженнымъ подвижникомъ православной Церкви, онъ не былъ знаменитъ среди русскаго общества, ибо не сюда стремилось его сердце. Онъ помнилъ глаголъ Евангельскій о томъ, что должно жить для воскресенія въ жизнь иную, и душа его не обтекала стогновъ градскихъ, ни чертоговъ вельможескихъ, но возносилась къ чертогамъ небеснымъ; онъ не искалъ ни земныхъ стяжаній, ни человѣческой славы; онъ не имѣлъ многихъ друзей и собесѣдниковъ, а бесѣдовалъ съ Богомъ, со Христомъ, съ Матерью Его, съ Ангелами, со Святыми угодниками; бесѣдовалъ въ непрестанной молитвѣ, научившись ей измлада, бесѣдовалъ чрезъ чтеніе святой Библіи и твореній отеческихъ, которыя онъ и самъ постоянно изучалъ и переводилъ съ греческаго языка на русскій и издавалъ въ печати. Его смиренная сосре-

доточенная жизнь, возвышенная по своему молитвенному настроенію и чуждая страстей—какъ чувственныхъ, такъ и духовныхъ—не приведетъ въ восторженное состояніе, — но тѣ, кто позналъ ничтожество и ложь нашего горделиваго вѣка, тѣ, кто научился въ сей жизни различать истинныхъ дѣлателей отъ лицедѣевъ, тѣ воздадутъ великую честь жизненному пути, избранному почившимъ, и пожалѣютъ о томъ, что такъ мало людей идутъ по сему пути.

Сынъ богатой и знатной семьи, воспитанникъ гвардейскаго училища, усопшій въ ранней юности вмѣнилъ въ уметы всѣ преимущества своего положенія и блестящій мундиръ смѣнилъ на суровую власяницу Оптинскаго послушника, чтобы въ подвигахъ молитвы и воздержанія и въ черныхъ работахъ обрѣтать нетлѣнное богатство и непреходящую славу. Взамѣнъ шумной дѣятельности, въ качествѣ государственнаго сановника, онъ устремилъ свое вниманіе и волю свою на дѣланіе внутреннее, духовное, преоборая страсти и насаждая добродѣтели въ свое сердце.

Однако, презрѣвъ все внѣшнее, онъ не остался отрѣшеннымъ отъ церковной жизни, не остался чуждъ насажденію царства Божія среди людей и послужилъ этому дѣлу богатно, но не лицемѣрнымъ пустословіемъ, а дѣйствительнымъ участіемъ въ спасеніи многихъ, такъ что онъ могъ бы сказать словами апостола: „мы строители Божіи“ (Тим. I, 7).

Хочу указать вамъ, слушатели, на то именно, что покойный владыка сталъ въ ряды тѣхъ приснославныхъ возродителей русскаго монашества, которые имѣли своего началовождя въ лицѣ великаго старца позапрошлаго вѣка, извѣстнаго подъ именемъ Паисія Величковскаго.

Въ тѣ годы XVIII вѣка, когда отобраніе архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній понуждало относиться къ монашескимъ обителямъ преимущественно, какъ къ доходнымъ статьямъ для содержанія семинарій, и такимъ образомъ оставлять въ пренебреженіи главную цѣль монашества и монастырей,—Господь воздвигъ этого великаго праведника изъ предѣловъ Полтавскихъ, и, подобно Аврааму, сдѣлалъ его пресельникомъ многихъ странъ, пока не приняли его благочестивые молдаване въ свою Нямецкую лавру, познавъ въ немъ святого подвижника, который можетъ привлечь Божіе милосердіе на всю ихъ страну. Тамъ-то во дни старости своей, окруженный достойными себя учениками изъ различныхъ народностей, великій старецъ перевелъ на славянскій языкъ величайшую послѣ святой Библіи книгу, въ которой подъ именемъ Добротолюбія собраны святоотеческія творенія, излагающія путь духовнаго совершенствованія и постепеннаго богоподобія такъ ясно, какъ

на прекрасно исполненной картинѣ, которую изучать и которою восхищаться можетъ всякій усердный читатель, каковыми были ученики блаженнаго Паисія, имѣвшіе въ лицѣ его и живой примѣръ безстрастной Евангельской жизни.

Ему не суждено было возвратиться на родину, но многіе изъ русскихъ учениковъ его удостоились пріять жребій Іисуса Навина и Ездры,—и водворили духъ святоотеческаго подвижничества во множествѣ россійскихъ обителей, изъ коихъ нѣкоторыя вновь основаны ими, нѣкоторыя возстановлены изъ духовныхъ и вещественныхъ развалинъ, а нѣкоторыя, благоустроенныя, украшены еще лучшими дарами благодати,—такъ что въ настоящее время все, что есть лучшаго въ русскомъ монашествѣ, или произошло отъ нихъ, или усовершенствовано ими. Наши многолюднѣйшія и лучшія по житію обители: Саровъ, Валаамъ, Глинская пустынь, Софроньева, Оптина, Бѣлобережская, Святыя Горы и другія многія вызваны къ духовной жизни учениками Паисія. Знаменитѣйшіе изъ нихъ водворились въ Оптиной пустыни и содѣлали ее учительницею благочестія для всѣхъ слоевъ русскаго народа. Съ сороковыхъ годовъ, и ранѣе, туда стали притекать за назиданіемъ и архіереи, и священники, и сановники государственные, и ученые, и публицисты, и поэты, и именитые представители купечества и, конечно, всего болѣе простой народъ,—однимъ словомъ—вся святая Русь. Къ ней-то и присоединился юноша Половцевъ, впослѣдствіи монахъ Ювеналій, который цѣлыхъ десять лѣтъ на ряду съ простыми чернорабочими подвизался въ смиренномудріи и послушаніи. А послушаніе въ сей обители было особенное. Здѣсь, какъ и среди прочихъ учениковъ старца Паисія, введено было ежедневное *откровеніе помысловъ* своему духовнику, руководительные совѣты котораго исполнялись съ такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ, какъ воля Самого Господа. Такой строй монастырской жизни и былъ главнымъ условіемъ ея высокаго возрожденія въ нашемъ отечествѣ, ибо онъ отвлекалъ поневолѣ духъ ея послѣдователей отъ всего земного и устремлялъ къ тому, что „едино на потребу“, т. е. къ совершенству духовному. А духовная опытность старцевъ, ихъ сострадающая любовь ко всѣмъ и чистота жизни привлекали къ нимъ сердца, какъ монаховъ и послушниковъ, такъ и многихъ мірянъ всѣхъ званій, возвращающихся изъ обителей въ свои домы духовно обновленными и утѣшенными. Духовнымъ отцомъ монаха Ювеналія былъ великій старецъ-іеросхимонахъ Макарій, которому онъ вручилъ себя безраздѣльно.

Утвердившись въ начаткахъ духовной жизни, молодой инокъ рѣшилъ пополнить свое духовное образованіе тѣмъ спо-

собомъ, какой давно, уже 900 лѣтъ, является излюбленнымъ русскому народу, но, къ сожалѣнію, такъ мало принятъ въ русскомъ обществѣ и духовенствѣ. Исповѣдая вѣру не въ русскую только, а во святую вселенскую Церковь, священноинокъ Ювеналій пожелалъ ознакомиться и съ тою землей, гдѣ жилъ во плоти Божественный нашъ Спаситель; пожелалъ онъ узрѣть и услышать насельниковъ столицы благочестія, т. е. Аѳона, и вотъ, поступивъ въ число членовъ нашей Іерусалимской миссіи, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучаетъ жизненное благочестіе всѣхъ православныхъ народовъ и всего православнаго монашества, усваиваетъ священный языкъ грековъ, на которомъ были написаны святыя Евангелія, посланія апостоловъ и большинство святоотеческихъ твореній,— дабы продолжать дѣло учителя своихъ учителей, т. е. старца Паисія Величковскаго, и затѣмъ уже, возвратившись въ родную землю окрыленнымъ духовно, рѣшается онъ быть настоятелемъ монастырей по предложенію духовной власти. Но когда, въ званіи намѣстника столичной лавры, онъ встрѣтился съ обстоятельствами, непримиримыми съ требованіями его совѣсти, то предпочелъ снова удалиться на покой въ свою родную Оптину пустынь, хотя и полный силъ и премудрости, но болѣе пекущійся о сохраненіи чистоты сердца, чѣмъ о внѣшнемъ своемъ положеніи. Да, на многозаботливыхъ настоятельскихъ должностяхъ почившій не растратилъ своего духовнаго достоянія и, цѣня сіе, какъ величайшее сокровище, удалился вновь къ монастырскому уединенію, лишь только жизнь отъ него начала требовать противнаго правдѣ. Тринадцать лѣтъ провелъ онъ здѣсь вдали отъ власти, занимаясь жизнеописаніемъ прежде почившихъ старцевъ обители и собираніемъ отеческихъ изреченій о сущности монашеской жизни, коимъ пользуются теперь благочестивые русскіе читатели.

Однако,—пришло время, чтобы свѣтильникъ изъятъ былъ изъ-подъ спуда, и вотъ онъ поставляется на всероссійскомъ духовномъ свѣщникѣ, святой и чудотворной лаврѣ Кіево-Печерской въ званіи ея намѣстника. И въ этой обители, не взирая на искушенія многолюдства, денежнаго обезпеченія и властолюбія, духовный обликъ архимандрита Ювеналія, его отрѣшенность отъ мірскихъ страстей, его всецѣлая преданность Божественной волѣ и ревность о поддержаніи святоотеческаго духа пробуждаетъ во многихъ братіяхъ подобную же ревность о внутреннемъ своемъ благоустроеніи, создаетъ среди нихъ новые образцы лаврскаго подвижничества или, лучше сказать, возстановляетъ древніе, завѣщанные Кіево-Печерскими чудотворцами, а имя намѣстника Ювеналія, въ устахъ и сердцахъ этихъ лучшихъ представителей полуторатысячной семьи

лаврской, является обозначеніемъ всего лучшаго, монашескаго, духовнаго, что только есть въ нихъ самихъ и въ устройствѣ обители. — Тѣмъ же высокодуховнымъ монахомъ, отчуждающимся отъ всякихъ страстей, свойственныхъ высокому общественному положенію, остается владыка Ювеналій и на архіерейскихъ престолахъ, преемственно ему вручаемыхъ. Не мірская слава, не человѣкоугодничество занимаютъ его здѣсь: онъ продолжаетъ мыслить себя прежде всего отвѣтчикомъ предъ небеснымъ Владыкой за свои дѣянія, слова и мысли, и попрежнему, всегда сосредоточенный со спокойствіемъ и покорностью во взорѣ, съ молитвою Іисусовою на устахъ, проводилъ онъ свои дальнѣйшіе дни и годы, тѣломъ пребывая среди житейской суеты, а духомъ и сердцемъ оставаясь съ Богомъ, ангелами и святыми. Его персты не престаютъ перебирать съ молитвою устенъ истертыхъ четокъ. Святая Библія и изреченія отцовъ по прежнему составляютъ его ежедневное чтеніе: онъ — все тотъ же исполнительный монахъ, какимъ былъ въ Оптиной пустыни. Его не заботятъ отзывы толпы или сильныхъ міра о его дѣятельности, а только мысль о томъ, что сказалъ бы покойный батюшка о. Макарій о его жизни. Еще удивительнѣе мнѣ казалось то обстоятельство, что въ своемъ высокомъ, безкорыстномъ и безстрастномъ настроеніи онъ былъ совершенно чуждъ надменности и презрительнаго отношенія къ своимъ подчиненнымъ, часто не безупречнымъ, а иногда и прямо порочнымъ.

Покойный владыка не молился о долголѣтней жизни, но о непостыдной кончинѣ и помилованіи на судѣ Божіемъ. Кончина его была поистинѣ христіанская среди молитвъ и тайнодѣйствій церковныхъ. Будемъ уповать на то, что и судъ Божій будетъ для него началомъ вѣчной славы. Что же касается до чуждаго ему міра, котораго онъ не жалѣлъ умирая, то весьма понятно, что и сей послѣдній мало опечалился и мало даже узнаетъ о его кончинѣ, ибо современный міръ не желаетъ теперь знать о Томъ, Кому служилъ почившій. Но тѣ, которые живутъ церковнымъ бытомъ, которые стремятся къ міру горнему, — о, тѣ знали святителя Ювеналія, тѣ будутъ оплакивать его кончину, тѣ будутъ за него молиться. Разумѣю, во-первыхъ, его личныхъ, не очень многочисленныхъ, но разсѣянныхъ по всему православному міру духовныхъ друзей, его духовныхъ питомцевъ, разумѣю лучшихъ иноковъ земли русской и извѣстное число иноковъ греческихъ, славянскихъ и иныхъ народностей на православномъ Востокѣ. Они знали іерарха-молитвенника, они помолятся о немъ не тою разсѣянною молитвою, какая свойственна намъ грѣшнымъ, но молитвою, исполненною огненной вѣры, какую возносилъ къ Богу и самъ покойный вла-

дыка. Этимъ людямъ былъ онъ близокъ духовно; эти предстатели за грѣшную землю ради которыхъ Господь долготерпитъ и къ нашимъ грѣхамъ, эта Церковь Его первородныхъ составляетъ нынѣ незримо ту духовную семью, которая, будучи разсѣяна по вселенной, объединится нынѣ въ одинъ дружный молитвенный ликъ, въ одно участливое чувство къ покинувшему нашъ міръ пресельнику лучшаго міра. И въ этотъ ликъ войдутъ не одни отшельники, но и міряне—представители вѣрующаго народа и вѣрующей части общества, которые, въ качествѣ богомольцевъ и богомолицъ, являются посредниками между благочестивымъ церковнымъ міромъ и міромъ монашескимъ. Не по телеграфу и даже не по газетамъ узнаютъ они и оповѣстятъ своихъ друзей о праведной кончинѣ владыки Ювеналія. У этихъ людей, въ этой святой Руси есть своя словесная почта, не торопливая, но вѣрная, точно и ревниво сообщающая изъ устъ въ уста о движеніи жизни духовной въ различныхъ ея средоточіяхъ нашего отечества и заграницей. Съ жадностью выслушиваются здѣсь вѣсти не о политическихъ интригахъ, не объ успѣхахъ шахматныхъ игроковъ, банковыхъ дѣльцовъ и театральныхъ пѣвицъ, но о жизни и подвигахъ Божіихъ избранниковъ, а еще больше—о ихъ кончинѣ, т. е. о началѣ новой, небесной ихъ жизни. Здѣсь будутъ вспоминать владыку Ювеналія и молодымъ послушникомъ при старцахъ Оптиной пустыни, — и служителемъ Живоноснаго Гроба Господня, и величаво привѣтливымъ намѣстникомъ святой лавры, и величественнымъ іерархомъ различныхъ градовъ россійскихъ. Да, не одинокъ этотъ отшельникъ въ своемъ преселеніи: покинувъ смолоду кругъ земной аристократіи, онъ теперь сосредоточиваетъ около себя мысль и чувство живущихъ на землѣ людей Божіихъ, тѣхъ, которымъ суждено возсѣдать на престолахъ небесныхъ.

Чѣмъ закончимъ мы свое слово? Тѣмъ ли, чтобы призвать васъ, братіе, искать общенія съ этою аристократіей духа благодатнаго, которая никѣмъ не гнушается, всѣмъ доступна, всѣхъ призываетъ къ себѣ словами Спасителя и апостоловъ? Но если бы такой призывъ показался вамъ тяжекъ, какъ Господень глаголъ богатому юношѣ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ почтимъ память усопшаго владыки, чтобы, совершая заупокойное по немъ священнодѣйствіе, согрѣть нашу лѣнивую молитву мыслію о томъ, къ какимъ людямъ мы пріобщаемъ себя этою молитвою? Къ тѣмъ, которые пожертвовали всѣмъ для Бога, къ тѣмъ, которые свободны и отъ корысти, и отъ гордыни, и отъ гнѣва, и отъ блуда, и отъ уныніа, и отъ ропота,—къ тѣмъ, которые во плоти проводятъ жизнь ангельскую и являются дѣйствительными свѣточами въ жизни вѣрующихъ народовъ, — къ

тѣмъ, скажемъ кратко, въ числѣ которыхъ былъ и владыка Ювеналій. А кромѣ нихъ въ этомъ молитвенномъ соборѣ участвуютъ и лучшіе представители нашего боголюбезнаго народа, которые въ нашу смиренную деревню приносятъ благовѣствованіе о Спасителѣ, о чудесахъ святыхъ Его преставившихся и о подвигахъ служителей Его, еще воинствующихъ на демона. Мало знакомъ нашему обществу кругъ всѣхъ сихъ людей, смиренныхъ и сокровенно живущихъ, но одна мысль о томъ, что наше разнообразное по званіямъ и возрастамъ молитвенное собраніе въ этомъ храмѣ подкрѣпляется духовно соприсутствующимъ множествомъ такихъ людей, да одухотворитъ, да согрѣетъ нашу молитву, да вложитъ въ сердца наши *непрестанное Божественное желаніе быть міра суетнаго кромѣ*, а молитвенникъ Божій Ювеналій да воздастъ за наше посильное усердіе къ его памяти взаимною молитвою о томъ, чтобы и насъ Господь научилъ водиться не мірскими страстями, не человѣкоугодіемъ и плотоугодіемъ, не гордыней и лицемѣріемъ, но страхомъ Божественнаго суда, угожденіемъ нашему Спасителю, повиновеніемъ своей совѣсти и состраданіемъ къ ближнему, дабы Господь удѣлилъ намъ, по Своему милосердію, хотя нѣкую часть этихъ дарованій духовныхъ, коихъ стяжаніе было единственною цѣлію долголѣтней жизни усопшаго владыки Ювеналія. Аминь.

Рѣчь, сказанная предъ отпѣваніемъ А. С. Родосскаго, библіотекаря С.-Петербургской Духовной Академіи [1]).

„Грядый ко Мнѣ не имать взалкатися и вѣруяй въ Мя не имать вжаждатися никогдаже“ (Іоан. VI, 35).

Когда умираетъ какой-либо богатый, или хотя бы достаточный человѣкъ, то знакомые его справляются сколько денегъ и всякаго имущества оставилъ онъ своимъ близкимъ. По отношенію къ усопшему, за котораго собрались мы молиться, такой вопросъ неумѣстенъ, такъ какъ онъ ничего не скопилъ за 43 года своей службы духовному просвѣщенію, и семьѣ своей завѣщалъ только духовное, а не вещественное достояніе. Но часть этого духовнаго достоянія имѣетъ касательство не

[1]) Произнесена 11 Іюня 1908 г. Въ первый разъ напечатана въ „Церков. Вѣстникъ“, 1908 г. Іюнь.

только къ его семейству, но и ко всѣмъ намъ, собравшимся здѣсь, а особенно къ труженикамъ Духовной Академіи, къ ея теперешнимъ и прежнимъ преподавателямъ и питомцамъ. Мы разумѣемъ именно отношеніе усопшаго къ тому учрежденію, которому онъ служилъ почти 40 лѣтъ,—къ той Академіи, къ которой большинство изъ насъ привязано столь крѣпкими узами.

Дѣлая свое скромное дѣло по службѣ, воспитывая съ нуждой свою многочисленную семью, погружаясь неизбѣжно въ суету житейскую, усопшій, однако, никогда не терялъ изъ своего сердца тотъ священный огонь благоговѣйной любви и преданности своей Академіи, который былъ такъ присущъ огромному большинству ея прежнихъ питомцевъ и работниковъ, который объединялъ и продолжаетъ еще объединять другъ съ другомъ всѣхъ учившихся въ ней или ей послужившихъ.

Какъ же опредѣлить поближе это особенное, это мистическое, это поэтическое отношеніе къ своей Академіи, къ своему дѣлу, не покидавшее усопшаго среди его житейской борьбы и съ особенною отчетливостію сказавшееся какъ въ немъ самомъ, такъ и въ товарищахъ его курса. Они засвидѣтельствовали любовь эту многими дѣлами своей жизни и запечатлѣли оную безпримѣрно-щедрымъ даромъ въ видѣ стипендіи XXVI курса.

Подъ мистическимъ отношеніемъ къ Академіи мы разумѣемъ такое, при которомъ наше чувство къ ней опредѣляется не столько ея внѣшними наличными свойствами, не столько тѣмъ, какова она есть въ настоящую минуту, сколько тѣмъ, какова она должна быть по своей идеѣ, по своему высокому предназначенію. А ея предназначеніе заключается въ томъ, чтобы разъяснять человѣческому разуму спасительные глаголы божественнаго Евангелія и прочихъ откровеній Всесвятаго Духа, чтобы защищать ихъ отъ враждебныхъ нападеній лжеименнаго разума, т. е. того *„человѣческаго преданія“* которое, по апостольскому слову, будетъ выдавать себя за голосъ разума. Предназначеніе Академіи заключается въ томъ, чтобы быть свѣтильникомъ истины для міра, духовною солью для земли, чтобы служить для учащагося юношества источникомъ высокихъ священныхъ вдохновеній, возгрѣвать ихъ сердца божественною ревностію о спасеніи людей, о благовѣствованіи Христовой вѣры, чтобы быть виновницей священныхъ восторговъ, которыми должно сопровождаться познаніе богооткровенныхъ истинъ согласно пророческому слову: *„положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ“* (Ис. LX, 15).

Кто будетъ спорить противъ того, что дѣйствительность далека отъ идеи? Кто можетъ отрицать, что, напримѣръ, въ

настоящее время многимъ, а можетъ быть большей части академическихъ питомцевъ эта идея чужда и они взираютъ на Академію лишь, какъ на проходной дворъ къ болѣе выгодному житейскому положенію? Мало того, могутъ сказать, что для нашей общественной жизни насталъ конецъ всякимъ идеямъ, потому — что глубоко павшіе общественные нравы не вмѣщаютъ уже ничего, кромѣ стремленія къ чувственности и къ деньгамъ, да тщеславныхъ исканій. Дѣйствительно, наше общество, уже двѣсти лѣтъ тому назадъ потерявшее христіанскій строй, за послѣдніе 3—4 года стало терять и послѣдніе слѣды его, сдѣлалось совершенно глухо къ высшимъ нравственнымъ запросамъ человѣческаго духа, и вотъ на нашихъ глазахъ лишается и стыда, и совѣсти, и даже самаго желанія различать добро и зло, истину и ложь. Въ бесѣдахъ объ общественныхъ вопросахъ всякій интересуется лишь тѣмъ, на чьей сторонѣ вѣроятность побѣды, на чью сторону нужно приткнуться, чтобы достигнуть житейскаго успѣха, а о томъ, на чьей сторонѣ истина, чего требуетъ дѣйствительное народное благо — объ этомъ и думать и говорить забыли.

Итакъ, мѣсто ли въ наше время идеалистамъ? Не стала ли „Обыкновенная Исторія“ ихъ разочарованій уже всеобщей исторіей, для всѣхъ ихъ неизбѣжною? Не смѣшно ли, не безумно ли видѣть въ людяхъ и въ старыхъ учрежденіяхъ нѣчто высшее, нѣчто творческое, нѣчто идеальное, когда, повидимому, вся жизнь разрѣшилась въ одно себялюбивое искательство, а печатное слово и каѳедра риторовъ стала средствомъ не для того, чтобы открывать ближнему свои вдохновенныя созерцанія и мысли, но для того, чтобы свои настоящія мысли скрывать, для того, чтобы обольщать, лгать и обманывать?

Жизнь усопшаго смиреннаго раба Божія Алексія да будетъ на сіе отвѣтомъ. Она протекла не въ мечтательной праздности, а въ тяжеломъ трудѣ, среди самыхъ реальныхъ нуждъ и недочетовъ; и если при всемъ этомъ человѣкъ могъ хранить священный огонь идеализма, если могъ убѣдить себя, что дорогая ему Академія, не смотря на все пережитое за послѣдніе годы, все-таки не лишилась возможности вновь начать приближаться къ своей высокой идеѣ: то значитъ нельзя и намъ отчаяваться въ идейномъ отношеніи къ нашей службѣ духовно-просвѣтительному дѣлу и вообще къ нашимъ ближнимъ. Во всякомъ случаѣ только при такомъ отношеніи возможно быть для нихъ полезнымъ въ нравственномъ смыслѣ, какъ въ этомъ насъ убѣждаетъ и наличный опытъ, и исторія. Дѣйствительно, не родители ли: отецъ и особенно мать, являются наиболѣе сильными нравственными воспитателями дѣтей, юношей и даже взрослыхъ людей, — умѣющими исправлять ихъ иногда зако-

ренѣлые пороки и недостатки и передать имъ лучшія сокровища своей души? И это потому, что родители относятся къ дѣтямъ своимъ не по наличнымъ имъ свойствамъ, не со стороны ихъ дѣйствительныхъ качествъ, но стараются видѣть ихъ такими, какими они должны бы быть, и къ такому-то состоянію ихъ и привлекаютъ силою своей любви, силою слова, силою примѣра.

Да, не ошибался древній великій язычникъ, когда утверждалъ призрачность и несущественность наличнаго міра вещей съ ихъ несовершенствами и недостатками, когда доказывалъ, что въ дѣйствительности существуютъ только идеи, неуловимыя нашими внѣшними чувствами, но постигаемыя высшими силами познающаго духа. Созерцать дѣйствительность не въ ея внѣшнихъ признакахъ, но въ ея идеѣ, взирать такимъ именно образомъ на окружающую среду, даже на цѣлый народъ научили насъ и древніе пророки. Вспомните великаго Моисея, вспомните блаженнаго народолюбца Іеремію и другихъ пророковъ. Вспомните, какъ одинъ человѣкъ противостоялъ цѣлому народу, безчеловѣчнымъ владыкамъ, лицемѣрнымъ священникамъ, злобной, невѣжественной черни, который обличалъ ее такъ же горько, какъ горячо ее любилъ, охотно претерпѣвая и поруганія, и унизительныя издѣвательства и самую смерть. Съ одной стороны вооруженная толпа, а съ другой—одинокій пророкъ, вооруженный только убѣжденнымъ словомъ и безстрашіемъ къ смерти, и вотъ онъ побѣждаетъ толпу, и его слово творитъ исторію богоизбраннаго, хотя и богоборнаго племени, скажу болѣе—исторію всего человѣчества. Это слово его становится драгоцѣннымъ и вѣчнымъ достояніемъ всей вселенной, она лобызаетъ благоговѣйно книгу его словесъ, которыя встрѣчаемы были современниками съ надменнымъ осмѣяніемъ и ихъ носитель презрѣнно выталкивался изъ ихъ среды, но проходятъ вѣка за вѣками,—онъ остается учителемъ вселенной, а его презрители забыты даже своими внуками, а если нѣсколько именъ ихъ и осталось въ достояніе исторіи, то лишь какъ синонимы злодѣяній и неправды, посрамленной великимъ человѣкомъ, какъ, напр., имя Навуходоносора, побѣжденнаго мужественною вѣрою трехъ отроковъ и ихъ молитвенною пѣснію, которая изъ пламенной пещи противовѣщала мусикійскимъ органамъ.

Обратимся ли мы къ земной жизни Господа Іисуса Христа, и здѣсь увидимъ то же самое: Онъ вѣщалъ глаголы Своего блаженнаго царства народу, преданному земнымъ пожеланіямъ, Онъ обѣщалъ Своимъ ученикамъ небесные престолы, а они помышляли о томъ, кто изъ нихъ здѣсь, на землѣ, большій. Но хотя маловѣріе и неразуміе учениковъ Его настолько Его

угнетало, что Онъ взывалъ по временамъ: *„о роде невѣрнъ, доколѣ въ васъ буду? Доколѣ терплю вы?“* (Мр. IX, 19), все-таки Онъ продолжалъ взирать на Своихъ, тогда неразумныхъ, учениковъ, какъ на будущихъ носителей Божественнаго Духа и просвѣтителей всѣхъ народовъ. Вотъ настаетъ часъ Его преданія, чрезъ нѣсколько минутъ ученики Его оставятъ и разбѣгутся въ постыдномъ страхѣ, а Онъ возноситъ къ Небесному Отцу Свою прощальную о нихъ молитву и выражаетъ дерзновенное упованіе на то, что они впослѣдствіи чрезъ вѣру и добродѣтель войдутъ съ Нимъ и съ Небеснымъ Отцомъ въ тѣснѣйшее единеніе по подобію Лицъ Божественной Троицы.

Возвратимся опять отъ великаго къ малому, припомнимъ встрѣчавшіяся намъ явленія нравственнаго воздѣйствія одной личности на другія и тогда всякій согласится съ тѣмъ, что такія явленія находятъ себѣ мѣсто какъ въ семьѣ, такъ особенно въ школѣ, лишь при вышеизложенномъ мистическомъ—да будетъ позволено сказать—пророческомъ—отношеніи руководителя къ своимъ ученикамъ и къ самому училищу, когда самъ учитель руководится взглядомъ не столько на самую мелочную дѣйствительность жизни, сколько на ея высокое предназначеніе.

Но если такъ, скажете вы, то разрѣши намъ другую загадку, разскажи намъ, какъ усвоить, и особенно: какъ сохранить такой взглядъ, такую вѣру въ жизнь и на людей, такое свѣтлое упованіе?

Пусть отвѣтитъ за меня нашъ усопшій другъ и соработникъ по Академіи, новопреставленный рабъ Божій Алексій. Онъ могъ сохранить въ своемъ сердцѣ вѣру въ людей и свѣтлое упованіе, потому что носилъ въ себѣ глубокую и благоговѣйную вѣру и въ Бога, и въ ангеловъ, и въ святыхъ, а также и упованіе на будущее воскресеніе, и вѣчную жизнь, и праведный судъ Божій. Этотъ храмъ свидѣтель его искренней приверженности къ таинственной благодатной жизни вселенской Церкви. Здѣсь душа его наполнялась свѣтлыми образами и звуками небеснаго царства и, не насыщаясь ими въ здѣшнемъ краткомъ богослуженіи, она влекла его въ сосѣдній лаврскій соборъ, гдѣ было еще болѣе возможности отрѣшиться отъ печальной дѣйствительности нашей жизни и утѣшать себя упованіемъ новаго неба и новой земли, *„идѣже правда живетъ“*.

Да, поистинѣ только тотъ дѣятель можетъ не подавляться господствующею въ жизни ложью и кажущеюся недоступностію общества къ высокимъ призывамъ нравственнаго очищенія, только тотъ можетъ побѣждать міръ, кто въ своемъ

сердцѣ носитъ иной міръ, иные образы, иные звуки. Только тотъ учитель можетъ чувствовать себя не безсильнымъ, не одинокимъ *„между народами, смѣшанными въ единомысліи зла“* (Прем. X, 5), предъ глазами котораго предстоитъ нашъ общій лучшій Другъ—Господь Іисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь и св. ангелы, и пророки, и апостолы, и мученики, и преподобные, и всѣ святые, сильнѣйшіе, чѣмъ враги добра и истины и вмѣстѣ съ Богомъ поборающіе за истину. Такъ нѣкогда сказалъ пророкъ Елисей своему слугѣ въ осажденномъ врагами городѣ Доѳаимѣ: *„не бойся, потому что тѣхъ, которые съ нами, больше, нежели тѣхъ, которые съ ними. И молился Елисей и говорилъ: Господи, открой ему глаза, чтобы онъ увидѣлъ. И открылъ Господь глаза слугѣ, и онъ увидѣлъ, и вотъ вся гора наполнена конями и колесницами огнёнными кругомъ Елисея“* (4 Цар. VI, 16—17).

Итакъ, если хочешь не побѣждаться зломъ, но побѣждать зло добромъ, какъ велитъ намъ св. апостолъ (Рим. XII, 21); если хочешь творить въ жизни нѣчто новое, если хочешь исправлять жизнь и людей, то возноси свой умъ въ Божій свѣтлый рай, призывай молитвенно Его спасительную благодать, поспѣшай къ Его божественнымъ службамъ, отрѣшайся отъ земли, отъ міра и похотей его: будь самъ столпомъ непоколебимой вѣры и непостыднаго упованія, и тогда начнутъ къ тебѣ приходить разсѣянныя овцы словеснаго стада и даже люди невѣрующіе съ надеждою будутъ останавливать на тебѣ свой взоръ уже потому, что въ наше дряблое, ничтожное время человѣкъ непоколебимый и безкорыстный представляетъ собою такую рѣдкость, что за одно это его уважаютъ и боятся люди всѣхъ направленій.

Вѣра и благочестіе есть единственный и незамѣнимый источникъ такой твердости, и вотъ почему богатый благочестіемъ нашъ усопшій другъ остался непоколебимъ въ своей преданности духовному просвѣщенію, вотъ почему онъ остался безкорыстно твердъ въ своемъ скромномъ призваніи.

Смерть близкаго человѣка для всѣхъ, даже для опустившихся нравственно людей, бываетъ мощнымъ побужденіемъ вдуматься въ свое положеніе въ жизни, одуматься въ своемъ уклоненіи отъ своего долга, понудить себя подняться на лучшій жизненный путь. Тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе должна произвести на насъ кончина ближняго, оставшагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ. Да пробудятся и въ нашихъ сердцахъ наши, быть можетъ, померкшія или подавленныя житейскою суетою, но еще не исторгнутыя окончательно святыя христіанскія убѣжденія. Взамѣнъ безплодныхъ блужданій за минутными успѣхами временной жизни, этихъ блужданій, погружающихъ

свою жертву въ мучительный разладъ съ совѣстію, примемъ къ сердцу оправдавшійся на усопшемъ глаголъ Христовъ, прочитанный намъ сегодня изъ святого Евангелія: „*Грядый ко Мнѣ не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися никогдаже*“. Аминь“.

Слово при погребеніи Антона Семеновича Будиловича, 15-го декабря 1903 года

(изложено сокращенно) [1]).

„Никто же себѣ живетъ и никто же себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ; аще ли умираемъ, Господеви умираемъ; тѣмъ же, аще ли живемъ, аще ли умираемъ, Господни есмы“.

Эти слова писалъ своимъ ученикамъ св. апостолъ Павелъ въ то время, когда христіане дѣйствительно жили не для себя, а для Бога. Нося на себѣ смертный приговоръ земныхъ властей за одно то, что они принадлежали къ запрещенному законами обществу проповѣдниковъ Распятаго, они самымъ пребываніемъ своимъ въ христіанствѣ доказывали, что живутъ не для себя.

Настали теперь другія времена, особенно въ эти три-четыре послѣдніе года русской жизни,—какъ нынѣ трудно стало найти человѣка, который жилъ бы не для себя, не для цѣлей себялюбивыхъ, честолюбивыхъ или корыстолюбивыхъ, а для цѣлей вѣчныхъ и святыхъ, для Бога и для исполненія Его святой воли. Гдѣ теперь они, такіе люди, которые славы Божіей искали бы,—либо въ подвигахъ воздержанія и милосердія, либо въ наукѣ, либо въ дѣятельности общественной,—славы Божіей, а не своей корысти? Еще недавно было ихъ у насъ не мало, а теперь найти такого человѣка, найти человѣка вполнѣ достойнаго такого названія очень трудно: теперь снова, какъ древнему философу, приходится среди дня съ фонаремъ искать, не найдется ли гдѣ „человѣкъ“, а не двуногій европейскій звѣрь, ничего не понимающій, кромѣ своей личной выгоды.

Вотъ однимъ изъ тѣхъ, оставшихся еще человѣкомъ среди нравственнаго разложившагося русскаго общества, былъ усопшій профессоръ и писатель Антонъ Семеновичъ Будило-

---

[1]) Напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 298, 1908 г.

вичъ, котораго бездыханное тѣло, сраженное чрезмѣрными трудами, предлежитъ намъ здѣсь во святомъ храмѣ.

Не для себя онъ жилъ. Онъ жилъ во славу Божію для русскаго народа; жилъ онъ и трудился для этого народа не около „ликующихъ, праздноболтающихъ, омывающихъ руки въ крови", трудился не въ безполезной и лицемѣрной говорильнѣ, гдѣ люди, прикрываясь попеченіемъ о народѣ, созидаютъ только личное свое благополучіе. Нѣтъ, онъ видѣлъ, онъ зналъ, онъ глубоко чувствовалъ дѣйствительныя, вѣковѣчныя нужды нашего народа, нужды самыя высшія, нравственныя, вѣроисповѣдныя. Онъ понималъ, что народъ нашъ это не сто милліоновъ желудковъ, но огромная, сознательная семья, что это не раса даже, а прежде всего общество *вѣроисповѣдное*, живущее не объ единомъ хлѣбѣ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Подъ русскимъ народомъ онъ справедливо разумѣлъ не только тѣхъ сыновъ его, которые пребываютъ внутри границъ нашего государства, но и тѣхъ, которые попущеніемъ Божіимъ остались подъ игомъ иновѣрныхъ иноземцевъ, которыхъ въ большинствѣ ихъ обманомъ и насиліемъ вовлекли въ еретическую унію. Ихъ-то болѣе всѣхъ жалѣлъ и любилъ усопшій русскій дѣятель,—ихъ, нашихъ единокровныхъ и по душѣ единовѣрныхъ братій, которые въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій тщетно простираютъ свои руки къ великой Россійской державѣ, Россійской церкви, прося принять ихъ обездоленныхъ и обманутыхъ въ ея материнскія нѣдра, пока чуждая еретическая, вѣрнѣе — языческая, западная жизнь, западная культура не успѣла вытравить изъ нихъ тѣ возвышенныя стремленія духа къ небу, къ подвигу, къ совершенству, или свойства духа и быта, которыя хранятся только у послѣдователей, какъ принято говорить, православнаго или „восточнаго обряда", вмѣщающаго въ себя всю полноту евангельскаго ученія, возводящаго богомольцевъ въ Божій рай или низводящаго небесный рай въ смиренный сельскій храмъ, въ будущую жизнь его прихожанъ.

Почти одинокъ былъ нашъ ученый подвижникъ и учитель въ дѣлѣ ознакомленія Россіи съ Буковиной и Галиціей, въ дѣлѣ нравственной, умственной и матеріальной поддержки жителей этихъ оторванныхъ предѣловъ нашихъ. Увы, наше общество, пошедшее на поводу жидовъ и нигилистовъ въ революціонное болото, готово отречься и отъ самой своей Россіи, а объ этихъ забытыхъ братьяхъ нашихъ оно и раньше почти не знало, а теперь и знать не хочетъ; оно гораздо болѣе знаетъ и интересуется Англіей и Франціей, Парижемъ и Ниццей, и Монте-Карло, и Баденъ-Баденомъ, чѣмъ тѣми

древнѣйшими удѣлами Равноапостольнаго Владиміра и Даніила Романовича, откуда несутся вопли нравственно и матеріально утопающихъ нашихъ братій.

Но кому теперь нужны въ нашемъ обществѣ радѣтели родины, вѣры, народности? Кому нужны теперь безкорыстные идеальные ученые труженики, кому нужна теперь наука и высокая поэзія? Выгоды, страсти плотскія, продажный развратъ всѣхъ видовъ и ложь, ложь безъ конца — на трибунахъ, въ печати, на профессорской каѳедрѣ,—вотъ чѣмъ питается наша гніющая жизнь. Исполнилось апостольское слово, что люди „отъ истины отвратятъ слухъ свой и обратятся къ баснямъ". Въ этомъ смыслѣ усопшій дѣятель науки и общества и всѣ подобные ему дѣятели стали „лишними людьми", потому что общество наше стало недостойно ихъ, сдѣлавшись окончательно чуждымъ своей церкви и своему народу.—Вотъ почему, обрекая себя заранѣе на непонятость окружающему обществу, нашъ усопшій, исполняя внѣшнія обязанности свои по своему общественному положенію, и обращаясь среди людей, имѣлъ взоръ, устремленный мимо собесѣдника куда-то вдаль, либо напротивъ,—имѣлъ видъ человѣка, сосредоточеннаго въ себѣ, живущаго своимъ внутреннимъ міромъ и не отдающагося предмету своей бесѣды. Да, его душа была не здѣсь, не въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ, который такъ и не сумѣлъ воспользоваться его огромными познаніями и высокими качествами духа,—но тамъ, въ дорогой Галиціи и Буковинѣ, или тамъ, въ исторіи нашего славнаго прошлаго, когда русскіе были русскими, а не нѣмцами, говорящими на русскомъ языкѣ, когда любили, и трудились, и молились, и умирали за истину, а не лгали и лицемѣрили.

Не только русскій западъ, но и востокъ русскій, русѣющіе инородцы были предметомъ исполненнаго любви изученія усопшаго, который съ великимъ тщаніемъ взялъ на себя порученіе начальства посѣтить сельскія школы нашихъ заволжскихъ инородцевъ и сказать свое вѣское слово объ ихъ духовныхъ нуждахъ. Да, онъ быстро осваивался съ интересами дѣйствительно народными, не выдуманными, но вопіющими; онъ прислушивался къ *дыханію родной земли нашей* и понималъ ее, понималъ то, о чемъ и слушать не хотятъ наши передовые дѣятели, онъ зналъ, что русскую жизнь надо возрождать и улучшать на началахъ святого православія, что за этими началами и нашъ, и заграничный русскій народъ пойдетъ дружно и чрезъ нихъ обрящетъ и святую добродѣтель, и даже внѣшнія условія своего быта облагородитъ, обезопаситъ, обогатитъ, какъ это мы и видимъ въ народныхъ большихъ монастыряхъ, которые, со времени принятія христіанства нашими предками,

сдѣлались для нашего народа училищами общественности во всѣхъ отношеніяхъ.

Не оцѣнила такого мыслителя и дѣятеля наша пошлая современность: онъ умеръ въ скромномъ званіи редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, не успѣвъ еще сдѣлать ихъ органомъ стараго православнаго панславизма. Но его оцѣнитъ наука, его оцѣнитъ наша будущность, если Россіи суждено возродиться къ разумной самостоятельной жизни, а не сгибнуть окончательно въ рукахъ еврейскихъ и еврействующихъ нигилистовъ. Тогда вспомнятъ такихъ именно безкорыстно убѣжденныхъ дѣятелей и будутъ учиться изъ ихъ сочиненій. Да вѣдаютъ же это всѣ его единомышленники, собравшіеся сюда въ полномъ, хотя и очень малочисленномъ своемъ составѣ на заупокойную молитву. Не бойся же, малое стадо, ибо тебѣ, тебѣ и никому болѣе, завѣщано для возрожденія православное русское царство, если только оно не присуждено за грѣхи свои къ конечной погибели. Нѣтъ другихъ словъ, нѣтъ другихъ началъ для воззванія къ жизни нашего развращеннаго общества и нашего закордоннаго порабощеннаго народа, какъ тѣ слова, тѣ вѣрованія, тѣ научныя убѣжденія, которыя соединяютъ насъ во-едино около памятниковъ нашихъ великихъ русскихъ людей — Хомякова, Аксакова, Самариныхъ, Кирѣевскихъ, Гильфердинга, Достоевскаго и около гроба новопреставленнаго Антонія Будиловича.

Не прославили его современники, не получилъ онъ на землѣ полнаго успѣха своему дѣлу и самому себѣ, но уповаемъ, что получитъ его тамъ, гдѣ производится непогрѣшимая оцѣнка всѣхъ успѣховъ. Мы знаемъ, что не скажетъ о немъ Судья нелицепріятный: „Онъ воспріялъ уже мзду свою“, но мы молимся, чтобы сказалъ ему Господь, и уповаемъ, что дѣйствительно скажетъ: „Онъ подвизался предъ Отцомъ Небеснымъ въ безвѣстности и въ тайнѣ, да будетъ же благое воздаяніе ему явно. *Добрый рабе, благій и вѣрный, о малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего*“. Аминь.

Посланіе на кончину настоятеля Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря Архимандрита Андрея 8 ноября 1903 г.

Преподобнѣйшіе и достолюбезные о Господѣ, Отцы, Аѳонскаго Руссика, Христоподражательные Старцы и братіе!

Дошло до нашей худости извѣстіе о томъ, что свѣтильникъ Божій, Настоятель Андрей, отошелъ ко Господу, къ Ко-

торому стремился въ продолженіе всей своей богоугодной жизни. Онъ разрѣшился, чтобы пребывать со Христомъ, но отшествіемъ своимъ осиротилъ міръ. Его душа радуется съ Ангелами, но міръ лишился лучшаго украшенія, какъ Содомъ пребыванія въ немъ праведнаго Лота. Правда, не лишена Церковь и понынѣ его молитвъ, ибо *„любы николиже отпадаетъ“* (1 Кор. XVIII, 8). Посему Апостолъ воспрещаетъ намъ скорбѣть о мертвыхъ, *„яко не имуще упованія“;* но все же души наши удручены печалію, ибо не объ усопшемъ наша скорбь, но о насъ оставленныхъ такимъ молитвенникомъ. И если такое чувство лишенія испытываете теперь Вы, отцы преподобные, то оно не чуждо и намъ влающимся мірскими соблазнами, потому что въ борьбѣ нашей нерѣдко укрѣпляла насъ мысль о томъ, что и въ нашъ растлѣнный вѣкъ еще живутъ собесѣдники Ангеловъ, Христовы воины, побѣдившіе демоновъ, не знавшіе утомленія въ молитвѣ, вовсе чуждые гнѣва, плакавшіе не о земныхъ потеряхъ, а только о людскихъ невѣжествіихъ, имѣвшіе сердце, открытое любовію къ цѣлой вселенной, и въ то же время смирявшіе себя въ своихъ помыслахъ, какъ бы преступившихъ всѣ заповѣди. Таковъ былъ и поистинѣ Божественный Андрей, поставленный верху горы. градъ всяческихъ добродѣтелей, и верховный пастырь вселенной, если не по сану своему, то по уваженію, которое внушалось св. Аѳономъ всѣмъ чадамъ Церкви, а на Аѳонѣ онъ былъ лучшимъ Игуменомъ, лучшаго монастыря. Не всѣ церковные чада разумѣютъ, что Господь отозвалъ главнаго вождя своего передового воинства, поднявшаго брань на князя міра сего, что не только обитель Великомученика, но и вся вѣрующая вселенная теперь сиротствуетъ: но, кто разумѣетъ это, тѣ прилагаютъ слезы къ молитвамъ и молитвы къ слезамъ, тѣ молятся объ упокоеніи праведной души Игумена Андрея и уже дерзаютъ его призывать въ помощь къ своей молитвѣ о прощеніи нашихъ грѣховъ.

Въ церкви Божіей великъ не тотъ, кто преимуществуетъ своимъ саномъ, хотя и таковому должны мы воздавать честь и оказывать послушаніе; но тотъ по истинѣ есть Церковный Князь, какъ поучаетъ насъ великій Исаакъ Сиріанинъ, кто превосходитъ всѣхъ добродѣтелью и руководитъ ближнихъ не въ суетномъ стяжаніи или благоукрашеніи внѣшнемъ, но въ исканіи спасенія, что едино есть на потребу. Андрей дѣтоводилъ Аѳонцевъ, а Аѳонъ—вселенную. О, блаженный жребій усопшаго! О, достохвальный Крестъ, подъятый имъ на свои рамена!

Примите же, достолюбезные отцы, и меня, грѣшнѣйшаго изъ всѣхъ, въ участники вашей радостотворной печали, вы-

званной упованіемъ на молитвы усопшаго. Да наставитъ и умудритъ Господь вашу святость избрать ему достойнаго преемника, какъ Ѳеодора послѣ Палхмія, какъ Аѳанасія послѣ Александра.

Молитвами Пресвятой Богородицы и святыхъ Аѳонской горы да не оскудѣетъ священная ваша ревность о спасеніи своемъ и о просвѣщеніи вселенной, а обо мнѣ грѣшномъ вознесите ваши Богоугодныя молитвы.

Д) Слова юношескія [1]).

СЛОВО

въ годовщину послѣ сибирской язвы [2]).

Православные христіане! Въ эти дни прошлымъ лѣтомъ Господь посѣтилъ насъ сибирскою язвою. Лошади и коровы пропадали у богатыхъ и бѣдныхъ; мужчины и не знали, какъ они справятся съ уборкой сѣна и хлѣба, а женщинамъ нечѣмъ было поить и кормить дѣтей. Въ такой бѣдѣ мы прибѣгали съ молитвой къ Господу Богу, служили молебны и каялись во грѣхахъ. Всѣмъ приходилось тяжко, а хуже всего — матерямъ младенцевъ: ихъ дѣти чахли безъ молока и, конечно, не одного и не двухъ прибралъ Господь въ царствіе небесное. За что-же наказалъ насъ милосердный Господь? Охъ, братіе христіане, не намъ спрашивать объ этомъ: столько грѣховъ за каждымъ человѣкомъ, что всѣ мы достойны казни Божіей. Но за что-же страдали ни въ чемъ неповинные младенцы? За наши грѣхи, братіе христіане, а наипаче за тотъ общій всѣмъ намъ грѣхъ, что у насъ не похристіански обходятся съ младенцами. Когда Господь нашъ І. Христосъ былъ на землѣ во образѣ человѣческомъ, то не разъ ласкалъ и благословлялъ младенцевъ и велѣлъ намъ быть такими-же безвинными и чистыми душею, какъ они. Тѣмъ-же людямъ, которые научаютъ младенцевъ худому, Спаситель сказалъ грозное, страшное слово: „*Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше бы было, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею его и потопили во глубинѣ морской* (Мѳ. XVIII, 6). Вотъ какой казни заслуживаютъ соблазнители дѣтей! Какъ ни тяжко, а надо признаться, что многіе изъ насъ виноваты въ такомъ грѣхѣ. Многіе отцы и матери ожесточаютъ невинное сердце младенца и своею напрасною гнѣвливостью отнимаютъ отъ него высочайшую добродѣтель— кротость. Многіе отцы и матери не останавливаютъ дѣтей на нехорошемъ дѣлѣ и не позаботятся научить ихъ гнушаться

---

[1]) Три слова, помѣщаемыя въ этомъ отдѣлѣ, произнесены авторомъ въ бытность его студентомъ С.-Петербургской дух. Академіи.

[2]) Произнесено лѣтомъ 1883 года въ сельской церкви на родинѣ автора.

всякаго зла и творить добро. Иные не стыдятся говорить при дѣтяхъ зазорныя рѣчи, браниться срамными словами, хвастаться своимъ распутствомъ, какъ будто чѣмъ-то хорошимъ. Многіе отцы при дѣтяхъ приходятъ домой пьяные, колотятъ безъ вины своихъ женъ и самихъ дѣтей. Иногда, впрочемъ, большіе и скажутъ дѣтямъ, что то хорошо, а то худо, да тутъ же и сами дѣлаютъ худое. А чаще случается, что никто не хочетъ научить ихъ добру, никто не объяснитъ даже, какъ надо и въ Бога-то вѣрить, за то многіе научатъ, какъ пить водку, какъ браниться непристойными словами, научатъ и такому, о чемъ и говорить-то грѣшно. Бѣдныя дѣти! За что это имъ такъ дѣлаютъ? кому они, безвинныя, досадили? Кто за нихъ заступится, кромѣ Господа и Его Пречистой Матери? Если-бы не Самъ Господь наставлялъ ихъ на доброе, то какими-бы злодѣями они выросли, видя столько худого въ младенчествѣ! Какъ оправдаются предъ Богомъ и тѣ, которые худымъ примѣромъ своимъ развращаютъ души дѣтей? Вотъ какой страшный грѣхъ лежитъ на насъ, христіане, такой грѣхъ, за который мало въ морѣ утопить, какъ говорилъ І. Христосъ. Отцы и матери! Вамъ тяжело было, когда дѣти ваши плакали, мучась безъ молока и каши; ужели вамъ не тяжко видѣть, какъ мало-по-малу портятся ихъ невинныя души отъ вашего жестокосердія? Вамъ тяжко было, что не могли утолить ихъ голода. Ужели вамъ легко своимъ худымъ примѣромъ отнять отъ нихъ и чистоту души, и можетъ быть даже ихъ вѣчное спасеніе? Вы знаете, великимъ грѣхомъ считается въ Св. Писаніи убить человѣка, но еще грѣшнѣе убить въ человѣкѣ непорочность его души, еще грѣшнѣе лишить его не этой краткой и тяжкой жизни, а лишить вѣчнаго наслажденія въ царствіи небесномъ. Еще ли намъ спрашивать, за что Господь караетъ насъ моромъ, за что отнимаетъ у насъ дѣтей! Если мы прошлымъ лѣтомъ такъ усердно молились Богу объ избавленіи отъ сибирской язвы, то не подобаетъ-ли намъ молиться Ему всегда и вездѣ объ избавленіи отъ страшной язвы грѣха, отъ которой погибаютъ не кони и коровы, а души наши и души дѣтей, соблазняющихся нашимъ примѣромъ? Будемъ же непрестанно молиться Богу днемъ и ночью, въ полѣ и дома, чтобы Онъ *„омылъ насъ отъ безаконій нашихъ, и очистилъ насъ отъ грѣховъ нашихъ“* (Пс. L). Будемъ заботиться о томъ, чтобы учить дѣтей своихъ добру и вѣрѣ въ Бога, а также отучать ихъ отъ всего худого. Будемъ обходиться съ ними ласково, какъ съ друзьями Христовыми, чтобы не прогнѣвать ихъ великаго Заступника, Господа Іисуса. А наипаче должно стараться не возмущать чистыхъ душъ младенческихъ жестокостью и

бранью, чтобы не озлобить незлобивыхъ. Если воспитаете дѣтей вашихъ и сдѣлаете ихъ праведными и добрыми людьми, то и они будутъ покоить васъ въ старости, ходить за вами въ болѣзняхъ и замолятъ ваши грѣхи, когда вы умрете. Тогда люди будутъ благочестивѣе, и Господь не будетъ карать общими бѣдами и всѣ будутъ жить покойно и счастливо *„во всякомъ благочестіи и чистотѣ“* (1 Тим. II, 2). Вотъ насколько важно научать дѣтей добру, ибо не даромъ сказалъ І. Христосъ: *„кто пріиметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“*. Видите, какую милость заслуживаютъ предъ Богомъ всѣ благодѣтели дѣтей: они въ дѣтяхъ своихъ принимаютъ Самого Христа Спасителя, Который да спасетъ, да сохранитъ, да помилуетъ своихъ младенцевъ отъ всякаго зла и да поможетъ вамъ воспитать ихъ во славу Своего имени. Аминь.

Слово на Богоявленіе [1]).

Сегодня, братіе, мы празднуемъ Крещеніе Господа нашего І. Христа отъ руки Іоанна Крестителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ то время, когда І. Христосъ возрасталъ въ своей семьѣ, и былъ еще неизвѣстенъ людямъ, въ одной дикой пустынѣ спасался Іоаннъ Креститель. И вотъ Духъ Св. послалъ его къ людямъ проповѣдывать пришествіе въ міръ Сына Божія, І. Христа. Іоаннъ Креститель сталъ собирать народъ у рѣки Іордана и говорилъ имъ: покайтесь во грѣхахъ вашихъ: скоро придетъ обѣщанный Богомъ Спаситель нашъ, и вотъ я пришелъ уготовать Ему путь, чтобы вы достойны были принять Его. И тѣхъ, кто истинно каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ, Іоаннъ крестилъ во Іорданѣ. Вдругъ онъ видитъ, что Самъ І. Христосъ приходитъ къ нему и проситъ отъ него крещенія. Мнѣ ли крестить Тебя? говоритъ Іоаннъ: я недостоинъ развязать ремни Твоей обуви, и какъ Ты просишь отъ меня крещенія?— Но Господь І. Христосъ сказалъ: оставь, намъ слѣдуетъ исполнить всякую правду,— и крестился безгрѣшный Сынъ Божій отъ человѣка Іоанна. Ему не въ чемъ было каяться, потому что Онъ не сдѣлалъ никакой неправды, не было за Нимъ ни малѣйшаго грѣха, но Онъ принялъ крещеніе отъ Своего слуги, чтобы научить каждаго изъ насъ не возноситься, не думать о своихъ добродѣтеляхъ, не гордиться, но замѣчать только свои грѣхи и постоянно каяться въ нихъ передъ Богомъ и смирять себя передъ людьми. А рѣдко такъ дѣлаемъ мы,

---

[1]) Произнесено въ сельской церкви на родинѣ автора въ 1885 г.

братіе... Грѣховъ своихъ мы не видимъ, а если и видимъ, то скрываемъ про себя. И если кто изъ ближнихъ укажетъ намъ, что вотъ не хорошо ты дѣлаешь, то вмѣсто того, чтобы сказать ему „спасибо“ и постараться исправить свою вину, мы только сердимся на него, отпираемся и начинаемъ съ нимъ ссору, и значитъ, не только не исправляемся, н окъ старому грѣху прибавляемъ новыхъ три: гордость, гнѣвъ и ложь. Тяжко грѣшимъ мы такъ противъ Господа нашего І. Христа, потому что Онъ и ни одного грѣха не сдѣлалъ, а принялъ очистительное крещеніе. — А вотъ, если человѣкъ сдѣлаетъ доброе дѣло, то онъ гордится и хвастаетъ направо и налѣво и требуетъ себѣ почета, не хочетъ сравнять себя съ тѣмъ, кого считаетъ хуже себя, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кто въ чемъ виноватъ, а того не подумаетъ, что онъ самъ своею гордостью грѣшнѣе всякаго грѣшника, потому что за гордость Богъ казнилъ лукаваго и низвергъ его во адъ. Всякій гордецъ не слуга Христовъ, потому что Христосъ Спаситель, будучи Сыномъ Божіимъ, покорился Своему слугѣ Іоанну и принялъ крещеніе отъ человѣка, котораго Онъ Самъ сотворилъ изъ праха земного. И Самъ І. Христосъ всего тягчае осуждалъ человѣческую гордость, а всего выше прославлялъ смиреніе: *блаженны нищіе духомъ*, говорилъ Онъ: *яко ваше есть царствіе Божіе*. Чтобы научить людей смиренію, Господь сказалъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ, которую будутъ читать въ слѣдующее воскресенье за обѣдней. Пришло два человѣка въ храмъ молиться: фарисей, который гордился своими добродѣтелями, и мытарь, собиравшій подати съ народа. Сталъ фарисей на молитву и говоритъ Богу: Господи, благодарю Тебя, что я не такой, какъ другіе люди, не грабитель, не распутникъ и не обидчикъ, какъ вотъ этотъ мытарь; я и пощусь, и милостыню подаю, и то дѣлаю, и другое. А мытарь сталъ сзади, упалъ на колѣни и не смѣлъ даже глазъ поднять, а только вздыхалъ и взывалъ со слезами: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ И, конечно, прибавилъ Спаситель: этотъ смиренный грѣшникъ вышелъ изъ храма болѣе угоднымъ Богу, чѣмъ гордый фарисей. Вотъ, братіе, еще примѣръ, какой тяжкій передъ Богомъ грѣхъ — гордость — и какъ нужно смиреніе для спасенія души. И намъ-ли, братіе, возноситься своими добродѣтелями, которыхъ такъ мало въ сравненіи съ грѣхами, какъ зерно въ снопахъ въ сравненіи съ соломой! Ты вотъ гордишься тѣмъ, что не пьешь вина, а о томъ и думать не хочешь, что ты или завистливъ, или сплетникъ, или жестокъ сердцемъ, или обманщикъ и пр. И если Господь нашъ І. Христосъ, придя въ міръ во всей Своей чистотѣ и святости началъ съ того, что смирился передъ чело-

вѣкомъ и какъ грѣшникъ принялъ крещеніе, то намъ-ли грѣшнымъ не смиряться и не каяться горько предъ Богомъ, что мы, спасенные отъ грѣха смертью Его Сына, все-таки опять ежечасно впадаемъ въ грѣхи и огорчаемъ Его св. любовь къ намъ, п. ч. Господь всѣмъ людямъ хочетъ спастись и если мы грѣшимъ, то вновь Его распинаемъ на крестѣ и вновь Его мучаемъ. Намъ-ли не припадать къ Его образу и не взывать съ мытаремъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ И вмѣсто-то этого мы даже и сознать не хотимъ своихъ грѣховъ и только гнѣваемся, когда намъ ихъ указываютъ, да еще смотримъ, какъ бы быть у людей въ почетѣ и возноситься надъ тѣмъ человѣкомъ, кого считаемъ хуже себя. Тяжко осуждалъ І. Христосъ такихъ людей: горе вамъ, безумные, говорилъ онъ, что вы все добро дѣлаете на показъ, чтобы васъ хвалили и почитали. Это похвала вамъ и послѣдняя награда, а Богъ, Который все видитъ, только осудитъ васъ за эти дѣла, п. ч. вы творите добро не ради спасенія, а ради похвалы. И думается, вѣдь вотъ иной и умный человѣкъ, а не хочетъ подумать о своихъ грѣхахъ, а похвала за его добро ему кажется слаще меду. Неужели-же онъ не понимаетъ, что доброе дѣло — богомольность-ли или милость, только тогда и угодно Богу, когда его дѣлать по сердцу ради спасенія, а если дѣлаешь его на показъ, то ты служишь не Богу, а собственной гордости, хуже которой нѣтъ грѣха. А если иной человѣкъ понимаетъ это, зачѣмъ-же онъ дѣлаетъ такъ глупо? Всему виной, братіе, то, что мы все гонимся за земнымъ благополучіемъ, за богатствомъ, да за почетомъ, а о душѣ своей не думаемъ и знаемъ, что добро надо творить ради спасенія, да ужъ и почетъ-то отъ людей кажется такъ сладкимъ, что человѣкъ готовъ промѣнять на него свое спасеніе. Вотъ эта-то погоня за земнымъ счастьемъ мѣшаетъ человѣку смириться и потакаетъ его гордости. Однако нѣтъ безумія хуже, чѣмъ погоня за земнымъ счастьемъ, потому что счастья этого никогда не поймаешь: все будетъ тебѣ казаться мало, все будетъ больше хотѣться. Какъ пьяница не кончитъ никогда своего питья, а все будетъ хотѣться ему выпивать почаще, такъ и тому, кто гонится за земнымъ богатствомъ или почетомъ, все больше и больше хочется и никогда ему не будетъ довольно. Вотъ ты всю весну и лѣто трудился надъ полемъ, накопилъ запасъ и радъ, а вѣдь съ будущей весны опять тебѣ-же нужно трудиться и опять проѣшь все, а если и наживешь и будешь въ чести, то захочешь еще нажиться и опять трудись, забывая, обо всемъ, и опять не хватитъ для твоей жадности. Будетъ проходить годъ за годомъ, будешь ты старѣть и сѣдѣть и все думать: вотъ еще мнѣ того и того добиться и

тогда будетъ довольно, а добьешься этого, захочешь другого, а тутъ и подойдетъ смерть и придется тебѣ идти на судъ Божій, и ничего ты не сдѣлалъ ради спасенія, а все ради земного богатства, почета и счастья, а самъ и спасеніе свое погубилъ, и счастья не добился. Премудрый Соломонъ за то и сказалъ про человѣческое счастье: все это суета суетъ, суета и крушеніе духа. Встанетъ солнце на востокѣ и закатится на западѣ, и взойдетъ снова и снова закатится, и не знаетъ, чего оно восходитъ и заходитъ—такъ и человѣкъ, заботящійся о счастьѣ. Подымется вѣтеръ съ полудня и уйдетъ на страну полночную, и не знаешь, куда онъ дѣлся; такъ человѣкъ бросается, какъ вѣтеръ за счастьемъ, и погибнетъ, какъ вѣтеръ безъ пользы.—Не за тѣмъ мы живемъ на землѣ, братіе христіане, чтобы гоняться за богатствомъ и почетомъ, а затѣмъ, чтобы дѣлать по Божьему и улучшать вѣчное спасеніе. И если мы познаемъ суету мірской жизни, познаемъ, что добраго въ насъ очень мало, а грѣховъ много, что только милосердный Господь Богъ можетъ отпустить намъ наши грѣхи и дать намъ помощь къ улучшенію спасенія, то первое, что намъ слѣдуетъ сдѣлать, это притечь къ Господу Богу съ покаяніемъ и взывать, какъ тотъ мытарь: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Но мало каяться предъ Богомъ, надо и на будущее время исправить свою жизнь. Такъ и дѣлали тѣ, которые съ покаяніемъ приходили ко Іоанну креститься. Они всѣ спрашивали у него: что ты велишь намъ дѣлать? А онъ отвѣчалъ! „кто имѣетъ двѣ рубашки, отдай одну неимущему, исполняйте свое дѣло честно, никого не обижайте, не клевещите, не пересуживайте и будьте довольны тѣмъ, что получаете“. А. І. Христосъ, давшій примѣръ Своею жизнью, всѣмъ намъ говорилъ: „Господь поставилъ Меня благовѣстить нищимъ и послалъ Меня утѣшать сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ отпущеніе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятно“. Вотъ, братіе, началось надняхъ новое лѣто, постараемся-же по мѣрѣ силъ сдѣлать его благопріятнымъ и поступать по примѣру Господа, т. е. быть смиренными, не возноситься, не гнаться за земнымъ счастьемъ и подражать по мѣрѣ силъ человѣческихъ Христу Богу въ томъ, на что Онъ былъ поставленъ Отцемъ Своимъ, т. е. всѣмъ помогать, всѣхъ утѣшать, всѣхъ любить. Пройдетъ еще много лѣтъ, когда трудно будетъ жить между людьми всѣмъ христолюбцамъ, но придетъ послѣднее лѣто, послѣдній день и снова явится на землю І. Христосъ—не для того, чтобы Его осудили на смерть, но чтобы судить людей. И соберетъ Онъ всѣхъ людей и поставитъ одесную Себя всѣхъ праведниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто дѣлалъ добро и

терпѣлъ за него зло на землѣ и скажетъ: „пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе". Аминь.

Слово въ день юбилейной памяти св. равноап. Меѳодія [1]).

Сегодняшній день, братіе, есть день торжества всего православнаго міра, потому-что виновникъ этого торжества — св. Меѳодій сослужилъ великую службу всей Церкви, пріобщивъ къ ней своими апостольскими трудами тѣ народы, которымъ выпала участь въ продолженіе многихъ вѣковъ стоять во главѣ церковной жизни. Имена свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ праздникъ должны быть дороги и близки всякому православному человѣку, обществу и народу, особенно-же народу славянскому; но какой народъ или общество въ свою очередь стоятъ ближе другихъ къ св. братьямъ? Какой народъ или общество можетъ назвать сегодняшній праздникъ своимъ по преимуществу? Прежде всего не тѣ страны, гдѣ учили, трудились и въ трудахъ скончались равноапостольные наши просвѣтители, ни Моравія, ни Паннонія, ни Римъ, какъ должно бы, повидимому, казаться, потому что такіе дѣятели, какъ Кириллъ и Меѳодій, принадлежатъ ни мѣсту, ни времени, ни народу, но идеѣ; имъ родны и близки не земляки или соотечественники, а тѣ, кто остался вѣренъ ихъ ученію, кто остался вѣренъ ихъ православію, стоять въ которомъ до послѣдняго издыханія завѣщалъ своимъ ученикамъ въ сегодняшній день тысячу лѣтъ тому назадъ св. Меѳодій на своемъ смертномъ одрѣ. Поэтому, въ тысячелѣтній юбилей этого дня всѣ народы славянскіе какъ бы призываются къ отчету въ своемъ православіи—оно сохранилось, увы, немногими изъ нихъ, и эти-то немногіе только и могутъ сегодняшній день считать днемъ своей радости, только они близки къ св. Меѳодію, хотя-бы не онъ лично обратилъ ко Христу ихъ предковъ.— Но, братіе, если св. дѣятелямъ винограда Господня дорого и близко не мѣсто и не извѣстное государство, а то дѣло, которому они посвятили жизнь, то, конечно, нѣтъ на землѣ учрежденія болѣе имъ родного, какъ тѣ разсадники учителей православія, тѣ питомники дѣятелей истинно-народнаго просвѣщенія, во главѣ которыхъ стоятъ прежде всего православныя духовныя академіи, св. Кириллъ и Меѳодій были для славянъ именно тѣмъ, чѣмъ должны быть для нихъ теперь духовныя

[1]) Произнесено 6 апрѣля 1885 г. въ церкви С.-Петербургской Дух. Академіи.

академіи, т. е. примѣромъ христіанской жизни, воспитателями пастырей, уяснителями Божественнаго ученія и подателями свѣта знаній научныхъ. А если такъ, то сегодняшній праздникъ, дорогой и свѣтлый для всякаго христіанина, тѣмъ свѣтлѣе и радостнѣе долженъ праздноваться у насъ въ Духовной Академіи, потому что онъ есть нашъ академическій праздникъ, онъ есть юбилей первыхъ ректоровъ славянской Духовной Академіи. Но такъ какъ всякій христіанскій праздникъ имѣетъ цѣлью не что иное, какъ назиданіе и воспитаніе вѣрныхъ въ вѣрѣ и любви Христовой, то и мы тѣмъ достойнѣе отпразднуемъ славу нашихъ св. первоучителей, чѣмъ больше нравственныхъ уроковъ почерпнемъ изъ сегодняшняго юбилея.— Бр. товарищи, почти треть изъ насъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а всѣ остальные чрезъ два-три года вступимъ на то поприще дѣятельности, на которомъ подвизались св. братья Кириллъ и Меѳодій, сдѣлаемся продолжателями ихъ свящ. труда. И вотъ сегодня 1000 лѣтъ назадъ умирающій Меѳодій умолялъ своихъ продолжателей не ослабѣвать въ дѣлѣ апостольскаго служенія, говоря: „храните и другихъ увѣщайте хранить тотъ завѣтъ, который мы приняли отъ св. Апостоловъ и который потребуется отъ насъ въ день воздаянія. Со всею бдительностью старайтесь охранять сердца ваши и братій вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете восходить на вершины градовъ; ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ злые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собою народъ—имъ противустойте вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ черезъ меня св. Ап. Павелъ“. Эти слова относятся не только къ его ученикамъ и сотрудникамъ, но и къ намъ, вступающимъ въ число послѣднихъ. Отсюда ужъ слишкомъ ясно, каковъ главный урокъ сегодняшняго юбилея, чему онъ насъ научаетъ, что напоминаетъ. Да, это тысячелѣтіе славянскихъ церквей, разкрывающее предъ нами безконечный рядъ историческихъ событій и нашего отечества и другихъ странъ, напоминаетъ намъ о томъ-же, о чемъ говоритъ намъ все, на что обратишь взоръ, о чемъ говорятъ картины жизни простого народа, алчущаго Христова свѣта, но еще не насыщеннаго, о чемъ говоритъ и жизнь образованныхъ невѣждъ въ вѣрѣ, т. е. общества, измучившагося въ тщетномъ исканіи истины, о чемъ гремятъ новыя событія человѣческихъ неправдъ, происходящихъ отъ оскудѣнія вѣры, о чемъ вопіетъ на небо всякая невинно пролитая кровь, всякая слеза вдовы и сироты, о чемъ вѣщаютъ различные ужасы жизни, въ родѣ самоубійствъ, проституціи, общественныхъ грабежей, развращенія невинныхъ дѣтей, мучительство слабыхъ, торжество злыхъ, о чемъ мы должны думать и болѣть душей, потому что, если

и люди перестанутъ намъ напоминать объ этомъ, то „камни, возопіютъ“ — о томъ, что „жатвы много, а дѣятелей мало“, много жатвы тяжелой, сорной, безотрадной — той же самой жатвы, на которой трудились св. братья, на которой они видѣли мало радости, но много скорби, много униженій, клеветы, позора, пока не упали, по выраженію Кирилла, какъ издыхающіе волы на бороздѣ. Но какъ ни тяжка, ни мучительна эта жатва, но отречься отъ ней не можетъ и не смѣетъ никто, кому врученъ отъ Господина ея серпъ. Какъ не можетъ укрыться градъ, стоящій верху горы, такъ не смѣемъ и мы, братіе, отойти праздно отъ порученной намъ тяжелой жатвы, потому что намъ данъ серпъ, т. е. знаніе божественнаго закона и нравственное направленіе и вообще все необходимое для вступленія на поприще апостольской дѣятельности. Усвоивъ себѣ—волей или неволей — это все равно — плоды пастырскаго воспитанія, мы тѣмъ самымъ возложили руку на плугъ Христовъ, а всякъ возложивый руку на орало, не озирайся вспять, „ибо раба, зарывающаго въ землю талантъ Господа Своего“, ожидаетъ на страшномъ Его судѣ тяжкое проклятіе за то, что онъ, затворяя предъ ближними дверь въ царство небесное, лишаетъ ихъ самаго драгоцѣннаго для человѣка сокровища и въ очахъ Божіихъ является болѣе жестокимъ, чѣмъ тотъ, кто имѣя въ рукахъ хлѣбъ, заставляетъ ближняго умирать съ голоду предъ своими глазами! Да, братіе, на картинѣ жизни св. первоучителей намъ всего ярче долженъ отобразиться ихъ завѣтъ для всѣхъ учителей вѣры стоять за истину, за Христа, не взирая ни на внѣшнія препятствія, ни на гораздо труднѣйшія препятствія внутреннія, на малодушіе, маловѣріе, скудость любви и проч., но подвизаться на святѣйшемъ изъ всѣхъ служеній человѣчеству, безконечно превосходящемъ всякое другое служеніе—на служеніи апостольскомъ, просвѣтительномъ, подвизаться до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови, претерпѣть всякую обиду, всякую внутреннюю муку, какъ и всѣ тѣ, которые подобно св. братьямъ Кириллу и Меѳодію: руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще и узами и темницей.... и проидоша въ милотехъ и козьихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени,... въ пустыняхъ скитающеся и горахъ и во пропастехъ земныхъ,.. хотя весь міръ не былъ ихъ достоинъ. И это будетъ не подвигъ, не милость наша, но нашъ долгъ, которымъ мы себя связали съ праведнымъ Судіей, принявъ воспитаніе отъ Его Церкви, запасшись тѣми нравственными, умственными и научными силами, которыми наше духовное образованіе такъ далеко опережаетъ свѣтское. Но эти преимущества въ нашемъ христіанскомъ сознаніи, какъ преимущества въ довѣренныхъ намъ талантахъ,

суть не что иное, какъ преимущественная тяжесть того креста, который возложенъ на каждаго христіанина и о которомъ его спроситъ Судія, если утомилась спрашивать совѣсть, и забыло спрашивать общественное мнѣніе. Но Господь внѣ предразсудковъ времени, и съ каждаго христіанина, а съ насъ особенно спросится не то, что мы желаемъ, а что на насъ возложено ученіемъ Спасителя, говорившаго: да отвержется себе всякій, кто идетъ за Нимъ. Онъ винилъ учителей вѣры во всякомъ злѣ міра, во всякой крови отъ крови Авеля до послѣдняго пророка. И вся эта кровь, а съ нею и кровь Богочеловѣка ляжетъ тяжкимъ камнемъ и на насъ, если мы не будемъ отдавать на служеніе Ему и Его стаду всѣхъ нашихъ силъ, всей нашей крови.—И вотъ мы призываемся къ отчету. И конечно, братіе товарищи, мы намѣрены всѣ служить Богу и Его правдѣ, если не всѣ въ качествѣ пастырей, то въ качествѣ учителей и толкователей Его закона: но — увы — это намѣреніе преимущественно между всѣми благими намѣреніями юности мало кѣмъ приводится въ исполненіе и не будетъ приведено никогда, пока оно на ряду съ другими идеалами нашего возраста не выведено изъ области простыхъ юношескихъ стремленій и мечтаній. И горько ошибется тотъ, кто думаетъ, будто довольно имѣть благодушное настроеніе къ людямъ и искреннее сердечное намѣреніе посвятить себя на служеніе ближнимъ—для того, чтобы на самомъ дѣлѣ остаться вѣрнымъ этимъ стремленіямъ. Пусть онъ простретъ свою мысль въ предѣлы настоящаго, въ прошедшее или будущее, что поневолѣ приходится дѣлать въ юбилейные дни. Дѣйствительно, пока любой изъ насъ не выходитъ мыслью изъ настоящаго и видитъ себя здѣсь окруженнымъ товарищами, дышащими тѣми-же благими намѣреніями, какъ и онъ самъ; когда тебѣ представляется съ одной стороны море науки, по которому ты несешься въ безконечную даль познанія и открываешь въ въ немъ все новые лучи Божественной славы; когда съ другой стороны ты видишь въ картинахъ современной жизни, какъ сильно она нуждается въ дѣятеляхъ христіанской любви и самоотверженія, которыми пылаешь ты и твои товарищи: то ты ощущаешь въ себѣ силы сдвинуть горы и остановить рѣки, жизнь представляется какою-то торжественной битвой, въ которой мы, какъ побѣдоносная рать, будемъ покорять царству умственнаго и нравственнаго свѣта все новыя и новыя области и жить въ вѣчной молодости, въ вѣчномъ праздникѣ. Но вотъ въ дни различныхъ годовщинъ и юбилеевъ, а тѣмъ болѣе въ сегодняшній тысячелѣтній юбилей перваго ректора первой славянской духовной школы противоположное настроеніе тѣснится въ душу. Въ эти дни вспоминаешь, что

вѣдь были издавна люди со святыми намѣреніями, были, трудились и умерли, — а чаще были убиты — и ихъ нѣтъ, что въ частности и въ нашей Академіи не инымъ, конечно, было господствующее настроеніе ея прежнихъ чадъ, и вотъ они были—и ушли, явились другіе, нѣтъ и ихъ, пришли мы, не будетъ и насъ, объ насъ забудутъ, забудутъ и нашихъ преемниковъ студенчества. Вспоминается и то, что юношескія надежды прежнихъ студентовъ не сбылись, что и тѣ, кто остался имъ вѣренъ, осуществили лишь ничтожную ихъ долю, а большинство вовсе ихъ забыло, что вообще зрѣлый возрастъ и жизнь заставляютъ покидать идеалы юности, смѣяться надъ ними, и смиренно становиться въ ряды тѣхъ обычныхъ людей, которые пекутся лишь о хлѣбѣ насущномъ. Тогда жизнь вмѣсто вѣчнаго праздника представляется намъ какимъ-то короткимъ, но тяжкимъ сномъ, и главное мѣсто на картинѣ ея занимаетъ фигура смерти, не личной только, но постоянной смерти всего добраго, постоянной смерти распятаго Христа, постояннаго торжества князя міра сего въ образѣ мамоны. И вспоминаются безнадежныя слова Екклезіаста: „Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имъ же трудился подъ солнцемъ? Родъ преходитъ и родъ приходитъ,... и восходитъ солнце и заходитъ солнце и въ мѣсто свое влечется, и идетъ духъ и на круги своя обращается духъ. Вси потоцы идутъ въ море и море нѣсть насыщаемо: на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо тіи возвращаются идти... Что было, тожде есть, еже будетъ... нѣсть память первыхъ и послѣднимъ бывшимъ не будетъ ихъ память съ будущими напослѣдокъ“. При этихъ мысляхъ, какъ вихрь улетаетъ побѣдоносное настроеніе молодости и ты въ тяжкомъ унынІи начинаешь жаловаться на безсмыслІе жизни и безцѣльность дѣятельности, начинаешь смѣяться надъ своими идеалами, топтать ихъ въ грязь, услужливый грѣхъ, всегда лежащій у дверей нашего сердца, быстро занимаетъ наполнившую его пустоту и изъ сына свѣта дѣлаетъ тебя сыномъ тьмы. Гдѣ-же найдемъ мы точку нравственной опоры и осмысленіе самоотверженной дѣятельности, какою цѣпью соединимъ мы себя съ прошедшимъ и будущимъ, чтобы работа наша не была подобна сизифовой, чтобы всѣ дѣятели истины были-бы въ нашемъ сознаніи на самомъ дѣлѣ единая рать, а дѣло ихъ — строеніе одного зданія, чтобы въ немъ былъ смыслъ и цѣль, чтобы наша любовь представлялась намъ не плодомъ фантазіи и настроенія, свойственнаго возрасту, но откликомъ того закона, который вложенъ Творцомъ въ исторію человѣчества и міра. Конечно, не разсужденія о прогрессѣ, о пребывающемъ значеніи нравственныхъ идей насъ утѣшатъ. Нравственная идея, да и все нравственное, все доброе и прекрасное

имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку существуютъ въ живомъ личномъ сознаніи; внѣ его всѣ эти слова суть только поэтическіе образы и только живая фантазія политическихъ дѣятелей запада можетъ вѣрить философамъ, злоупотребляющимъ этими образами, чтобы ставить ихъ въ качествѣ дѣйствительныхъ вещей. Нѣтъ, братіе и товарищи, только твердая, живая вѣра въ живого вѣчнаго Бога можетъ придать смыслъ всякой нравственной дѣятельности, только вѣра въ Церковь, т. е. въ дѣйствительное, а не фантастическое только единство христіанскаго человѣчества (Ефес. II, 12 — 21) можетъ оправдать нашу потребность сознавать свое единство со всѣми дѣйствовавшими во имя нашихъ цѣлей; только надежда на послѣдній судъ Божій, на то, что придетъ день когда увѣнчана будетъ всякая правда и собраны во едино всѣ плоды ея, только эта надежда помогаетъ намъ одолѣть то отчаяніе въ жизни, которое налагаетъ на насъ зрѣлище постоянной гибели всего добраго и постоянное торжество злого начала въ мірѣ. И если память о прошломъ мірскомъ навѣваетъ на насъ уныніе, то память сегодняшняго святого мужа окрыляетъ нашъ духъ вѣрою, что пусть былъ загнанъ и забытъ Христовъ слуга, пусть паства его впала въ ересь, пусть, можетъ быть, придетъ время, когда на этой землѣ изгладится память и вліяніе его дѣятельности: но тамъ въ лучшемъ мірѣ, въ мірѣ истины, все забытое, все подавленное воскрешено Христомъ, тамъ царствуетъ съ нимъ св. Меѳодій, тамъ сіяетъ вся его правда, тамъ истинное царство добра, царство Божіе: Вотъ такія-то благія стремленія юности непремѣнно должны имѣть свое оправданіе въ твердости убѣжденій, а сами по себѣ недостаточны для того, чтобы стать принципами дѣятельности. Не на нихъ должна опираться послѣдняя, но на вѣрѣ. Но и одной вѣры, т. е. убѣжденности въ загробномъ воздаяніи, мало. Мало надѣяться, что добро восторжествуетъ на небѣ—надо вѣрить, что оно уже торжествуетъ на землѣ, ибо иначе ожиданіе суда Божія будетъ ожиданіемъ наградъ внѣшнихъ, вѣрить, что и здѣсь есть царство Христово, что слуги Его, тѣ, которые подобно Меѳодію *„руганіемъ и ранами искушеніе пріяша (еще и узами и темницею,.. и проидоша въ милотехъ и козьихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени... въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ пропастехъ земныхъ, что всѣ эти исповѣдники Христа“*), уже здѣсь на землѣ имѣютъ отъ него вѣнецъ царства, уже здѣсь суть блаженнѣйшіе изъ людей. И христіанинъ вѣритъ въ это, вѣритъ въ то, что вся сила мамоны есть лишь попущеніе Божіе, что на дѣлѣ это есть полное безсиліе, суета и крушеніе духа, — а настоящая сила заключается въ

добрѣ, въ благочестіи, что Духъ св., живущій въ Церкви, обличилъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ, и о судѣ, что князь міра сего уже осужденъ. Вотъ съ такимъ-то убѣжденіемъ можно выходить жнецомъ на ниву Христову. Но подобное убѣжденіе сохранить не легко. И блаженны тѣ, которые сохранили его, какъ Кириллъ и Меѳодій! Но какъ усвоить себѣ такое убѣжденіе, практически, этому пусть насъ научитъ жизнь Кирилла и Меѳодія. Дѣйствительно, что болѣе всего поражаетъ въ исторіи просвѣтительной дѣятельности св. братьевъ—это постоянное униженіе и мелочныя, но тяжкія скорби, постоянно наносимыя имъ отъ ихъ-же сослужителей — латинскаго духовенства. Св. братьевъ не распинали, не возводили на костеръ, но имъ не давали сдѣлать шагу, не оставивъ ихъ неоклеветанными, не подорвавъ уваженія къ нимъ въ тѣхъ, отъ кого они зависѣли. Постоянная борьба съ клеветой и ложью скоро уложила въ гробъ св. Кирилла, но св. Меѳодій осужденъ былъ до глубокой старости встрѣчать препятствія своему дѣлу на каждомъ шагу, видѣть замараннымъ, или вовсе разрушеннымъ всякое благое начинаніе и, наконецъ, умирать съ ожиданіемъ, что латины „камня на камнѣ“ не оставятъ въ зданіи славянскаго просвѣщенія, что и сбылось на дѣлѣ. Нѣтъ участи горчайшей, чѣмъ подобная! Легче быть мученикомъ, легче терпѣть одну казнь, чѣмъ быть терзаемымъ всю жизнь. Но на такую участь долженъ быть готовъ всякій, берущій на себя крестъ служенія Богу. Въ мірѣ скорбни будете и блаженъ тотъ, кто нелицемѣрно можетъ прибавить: но дерзаемъ, ибо Христосъ побѣдилъ міръ. И вотъ, свв. Кириллъ и Меѳодій могли руководиться этой вѣрой, могли не требовать отъ жизни внѣшняго торжества правды, повѣрить въ ея побѣждающую силу даже въ ея униженіи. Почему? потому-что добра было въ нихъ самихъ такъ много, что они могли непосредственно сознавать его силу. Они въ пустынѣ воспитали въ себѣ любовь къ Богу и ближнимъ и, конечно, эта любовь показала имъ величіе ихъ служенія съ такою силой, что всѣ внутреннія и внѣшнія искушенія казались имъ ничтожными. Никто не можетъ оторвать меня отъ любви Христовой, говоритъ тотъ, кто ее имѣетъ. Безъ нея невозможно служить Богу—ни разумъ, ни стремленіе нравственной природы не можетъ противостать злу. Даже вѣруя въ вседержительство и единство Божіе, трудно Ему единому покланяться и не творить себѣ боговъ иныхъ развѣ Его; вотъ почему столь великъ отказъ І. Христа поклониться сатанѣ, и Его слова: *Богу поклонися, и тому Единому служи.* Потому-то столь немногіе изъ насъ остаются вѣрны своей просвѣтительной миссіи, что естественному человѣку малою кажется внутренняя правда Христова ученія: ему нужно, чтобы она торжествовала

въ томъ обществѣ, которое сильно на землѣ, ему стыдно упомянуть имя Христово въ свѣтской печати, ему стыдно положить на себя крестъ въ веселомъ обществѣ, ему не удержаться отъ какой-нибудь пошлой псевдолиберальной фразы въ мірѣ фразеровъ — онъ въ жизни покланяется не единому Богу, но тому началу, которое представляется ему одолѣвающимъ въ данный мигъ, онъ творитъ себѣ кумиръ и на небеси горѣ, и на земли низу, и въ водахъ подъ землею. Его жизнь—есть жизнь минуты, жизнь настроеній, жизнь не имѣющая, или, во всякомъ случаѣ, не выдерживающая своего руководящаго начала. Дѣйствительно, о какомъ служеніи Богу и Его Церкви можетъ быть рѣчь для человѣка поступающаго подъ вліяніемъ настроеній? вѣдь онъ идолопоклонникъ въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова — онъ кланяется всему, что встрѣтится: попадетъ онъ въ свѣтское общество—онъ ничѣмъ не отличается отъ праздныхъ болтуновъ, попадетъ въ общество ученыхъ—онъ весь преданъ наукѣ, въ обществѣ духовныхъ лицъ—онъ благочестивецъ, услышитъ онъ разсужденіе о выгодахъ житейскихъ—и онъ имъ преданъ всею душею. И вездѣ при этомъ искрененъ, и въ одномъ мѣстѣ столь-же далеко увлекается, какъ въ другомъ. Такой характеръ, преобладающій въ русской,—а думается и въ общечеловѣческой жизни—изображенъ всѣми писателями міра и все-таки остается преобладающимъ, потому что въ этомъ состоитъ жизнь обычнаго человѣка. Вотъ въ чемъ зло, вотъ въ чемъ препятствіе къ служенію Богу — и чему бы то ни было доброму—въ насъ самихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ условіяхъ жизни. И посмотрите, дорого-ли стоятъ всѣ высокія стремленія юности. Увы, если есть что-нибудь безотрадно-грустное въ жизни человѣка, такъ это его юность. Кто изъ насъ не испыталъ или не видѣлъ на дорогихъ его сердцу друзьяхъ, какъ постепенно убивается въ жизни юноши все высокое, все чистое, какъ сегодня онъ со смѣхомъ берется за то, отъ чего съ ужасомъ отвернулся бы вчера и какъ завтра ему будетъ ни почемъ то, что отвратительно сегодня. Онъ покланяется всему сильному: будь это разумъ, будь это сила религіознаго чувства, будь это внѣшняя красота, или талантъ, будь это—увы—сила порочной страсти, будь это хмельный разгулъ. Но добрыя стремленія не уживаются со зломъ. Они постепенно слабѣютъ и удаляются и отъ нихъ остаются лишь пустыя названія, т. е. фразерство, и человѣкъ лишь подъ старость съ ужасомъ видитъ свое паденіе. Вотъ,—братіе,—наша жизнь, жизнь естественная, не есть-ли она съ ея высокими стремленіями, съ готовностью отдать всѣ свои силы и себя на служеніе Христу Богу и ближнимъ, не есть-ли она какая-то насмѣшка судьбы, какое-то навязанное

намъ безсмысленное толченіе воды—однимъ словомъ—вѣчный позоръ для существъ разумныхъ! И здѣсь-ли не правъ Экклезіастъ говорившій: „*Что пользы человѣку въ трудѣ его, которымъ онъ трудится подъ солнцемъ, все это суета суетъ и крушеніе духа?*“ Въ такой-ли жизни удержаться тѣмъ св. чаяніямъ и надеждамъ, которыми горятъ молодыя сердца, если не всегда, то въ минуты просвѣтленія сознанія отъ увлеченій? И мудрено-ли, что люди, познавая непрочность этихъ стремленій, потомъ злостно смѣются надъ ними и въ конецъ ихъ забываютъ? Уже-ли, братіе и товарищи, и намъ предстоитъ та же участь? Вотъ четверть изъ насъ въ этомъ году вступаетъ въ жизнь дѣятелями—ужели-же и имъ придется наслѣдовать общую участь? Ужели намъ презрѣть наши благія чаянія и видѣть въ нихъ не болѣе, какъ проявленіе извѣстнаго возрастнаго періода, быть можетъ, еще съ физіологической подкладкой? На эти вопросы долженъ отвѣчать утвердительно всякій, кромѣ христіанина. Христіанинъ-же вѣруетъ и исповѣдуетъ, что всякая любовь, всякое самоотверженіе, всякое душевное добро есть голосъ Божій, есть призывъ человѣка къ жизни во Христѣ, есть залогъ его священнаго предназначенія. Вотъ почему св. Церковь такъ свѣтло празднуетъ память тѣхъ, кто не измѣнилъ своему Божественному призванію, вотъ почему Господу было угодно и предъ нашимъ входомъ въ жизнь поставить предъ нами нравственный образъ св. Меѳодія. Вотъ человѣкъ, не поддавшійся суетности, вотъ живой примѣръ въ доказательство того, что не мечтательное значеніе имѣютъ просвѣтительныя стремленія человѣка, что и можно остаться имъ вѣрнымъ до послѣдняго издыханія.

Представляя намъ столь высокій примѣръ, Господь научаетъ насъ чрезъ жизнь св. Меѳодія положительнымъ образомъ той истинѣ, къ которой приводитъ чрезъ доказательство отъ противнаго изученіе нашей современной жизни. Эта истина гласитъ въ назиданіе вѣкамъ и народамъ: человѣкъ! если хочешь служить Богу и ближнимъ, то прежде всего воспитывай себя самого. Только это самовоспитаніе, только постоянное возгрѣваніе въ себѣ любви Христовой и постоянная молитвенная борьба съ житейской разсѣянностью и борющимся противъ тебя грѣхомъ можетъ сохранить тебя вѣрнымъ единому истинному Богу, а съ другой стороны — только такая живая вѣра можетъ осмыслить и осуществить въ дѣятельности тѣ свѣтлые идеалы, которыми проникнуто наше академическое юношество. Только тотъ будетъ жнецомъ на тяжелой сорной нивѣ Христовой, только тотъ не оставитъ Его плуга, кто укрѣпилъ и очистилъ себя христіанскою жизнью, потому что только благое можетъ благое выносить изъ сокровища сердца

своего. Не нова эта истина, не новъ этотъ урокъ, это завѣщаніе первоначальниковъ славянскаго во Христѣ просвѣщенія — онъ такъ-же старъ, какъ стара и новая заповѣдь Христа и однакоже столь-же и нова, потому что столь-же незаконно всѣми пренебрегаема. Будемъ чаще обращать на ихъ жизнь наше вниманіе, и она много много откроетъ намъ такого, чему не научитъ теорія. Посмотрите: эти братья исполнили всякое служеніе: они и пустынножители, и общественные дѣятели, и философы, и уставники богослуженія, учители и эллиновъ, и славянъ, и варваровъ, борцы съ ученою ересью, огласители невѣждъ и въ заключеніе—исповѣдники, за Христа пріявшіе болѣзнь и смерть не отъ язычниковъ, но отъ служителей Божіихъ. Они и насъ всѣхъ научаютъ служить славѣ Божіей и въ пастырствѣ, и въ наукѣ, и во всякой дѣятельности, которая кому выпадетъ. Пусть поэтому, братіе товарищи, память объ ихъ всесторонности научитъ и каждаго изъ насъ считать своимъ другомъ и соратникомъ всякаго, какъ бы его призваніе не отличалось отъ твоего—по слову Апостола: *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь. И раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (1 Кор. XII, 4—7). Изъ нашей Академіи выходятъ монахи и пресвитеры, воспитатели, учители и ученые, чиновники и публицисты, и если бы мы всѣ не въ теоріи, но и въ дѣйствительности умѣли стать на ту высоту всесторонней ревности о вѣрѣ, на которой стояли св. Кириллъ и Меѳодій, и дружно подвизаться на разныхъ поприщахъ и помогать другъ другу, то дѣйствительно мы могли бы сдѣлать много и много для славы Господней, въ чемъ да укрѣпятъ и да благословятъ насъ наши св. первоначальники и равноапостольные учители, о чемъ мы и будемъ усердно ихъ молить въ этотъ день ихъ юбилея, случившійся почти наканунѣ нашего разставанія. Аминь.

Е) Посланія.

Посланіе къ Уфимскому духовенству.

Въ своихъ бесѣдахъ съ духовенствомъ инородческихъ приходовъ я замѣтилъ, что большинство его представителей понимаютъ свое назначеніе слишкомъ просто. Они думаютъ, что достаточно завести на инородческомъ языкѣ службу, да преподавать въ школѣ на инородческомъ языкѣ законъ Божій, и тогда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, крещеные инородцы утвердятся въ вѣрѣ, а язычники примутъ крещеніе. Между тѣмъ, при такомъ внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу, не только не бываетъ ни обращенія невѣрныхъ, ни просвѣщенія вѣрныхъ, но повторяются отпаденія отъ христіанства и продолжается охлажденіе христіанъ, продолжается также охлажденіе къ церкви и отпаденіе въ расколъ жителей селъ близъ Стерлитамака, а равно и въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Причина такихъ явленій заключается въ бытовомъ отчужденіи священниковъ отъ прихожанъ. Священники и клирики такихъ колеблющихся въ вѣрѣ поселеній живутъ своими родственными и хозяйственными интересами, а прихожанъ своихъ считаютъ для себя въ такой-же степени чужими людьми, какъ и прочіе сельскіе чиновники: лѣсничіе, инспекторы разныхъ вѣдомствъ, начальники станцій и т. д. Особенно печально замѣчать, что такое-же отношеніе къ крестьянамъ часто усвоиваютъ клирики, происшедшіе изъ среды самихъ крестьянъ и бывшіе раньше народными учителями. Они, конечно, не всѣ, слава Богу, дорожатъ не тѣмъ, что священный санъ открываетъ имъ доступъ къ сердцу прихожанъ отъ малыхъ до великихъ, а тѣмъ, что теперь они могутъ войти въ общество деревенской аристократіи, купечества, чиновниковъ и даже помѣщиковъ, о чемъ и стараются всѣми силами какъ священники, такъ и псаломщики.

Явленіе это, конечно, свойственно не одному духовенству, но и всѣмъ грѣшнымъ людямъ, начиная отъ самыхъ высшихъ круговъ общества, до низшихъ, но эта черта человѣческой души, будучи и смѣшной и жалкой во всякомъ сословіи, особенно предосудительна въ пастыряхъ народа, и

она-то служитъ главной причиной безуспѣшности ихъ дѣланія. Обращать къ спасенію грѣховную душу человѣка есть дѣло величайшей трудности и оно является возможнымъ только для такого наставника, который, будучи самъ исполненъ духовной ревности, *живетъ одною жизнью* со своими учениками. Только тотъ учитель можетъ наполнять души учениковъ своими мыслями и чувствами, кто всякаго изъ нихъ принимаетъ, какъ своего родного сына, знаетъ, жалѣетъ и любитъ всякаго ученика. Безъ этихъ условій не можетъ быть существеннаго вліянія учителя на учениковъ. Тѣмъ болѣе въ дѣлѣ священника.

Смѣшно даже надѣяться на то, что измѣнится въ своихъ взглядахъ и въ своемъ бытѣ народъ, склонный къ магометанству, язычеству или расколу, если его пастырь не сближается съ каждымъ домомъ своей паствы, если онъ тяготится и гнушается постояннымъ общеніемъ съ сѣрыми мужиками, если считаетъ свой долгъ исполненнымъ, отслуживъ кое-какъ воскресную службу и являясь на требы по приглашенію. Христіанство не есть сборникъ церковныхъ проповѣдей или учебникъ по закону Божію, а молитвенная, любвеобильная, цѣломудренная, смиренная и благодатная жизнь. Гдѣ эта жизнь засвѣтится около храма Божія, тамъ всѣ, прикасающіеся къ ней, исключая отъявленныхъ злодѣевъ, стремятся эту жизнь усвоить и охотно повинуются гласу ея проповѣдника, какъ разъяснилъ намъ Господь въ притчѣ о Добромъ Пастырѣ. Мірянинъ, не твердый въ вѣрѣ, только тогда повлечется къ ней своей душой, когда пойметъ, почувствуетъ, что представитель вѣры его жалѣетъ, безкорыстно любитъ и печется о его душѣ. А убѣдить въ этомъ людей, особенно людей простыхъ, не трудно тому, кому свойственны подобныя священныя чувства. Немного для этого значитъ богословская ученость или начитанность въ полемикѣ. Лучше всякой учености раскроетъ людямъ силу Христовой благодати тотъ, кто принимаетъ безкорыстное участіе въ душевномъ горѣ, а также и въ житейскихъ нуждахъ ближняго.

И пусть никто здѣсь не оправдывается собственною бѣдностью. Если священникъ или псаломщикъ жалѣетъ потерпѣвшаго крестьянина въ его нуждѣ, то всегда можетъ утолить эту нужду при помощи добрыхъ людей, если подастъ тому примѣръ, хотя малой лептой, и пригласитъ къ тому-же другихъ. Да и помимо прямыхъ благодѣяній одно только сердечное вниманіе къ жизни прихожанъ, одно только участіе въ каждомъ изъ нихъ, вотъ что открываетъ двери сердецъ человѣческихъ служителю Слова.

Но скажутъ: вы хотите, чтобы мы омужичились, чтобы

слились съ этой грубой средой? зачѣмъ-же мы учились и для того-ли старались выйти изъ этой среды, чтобы снова въ нее погрузиться? Неправда, друзья мои, если вы будете изучать жизнь, то узнаете, что тупѣютъ и теряютъ свою просвѣщенность не тѣ, которые, подобно боговидцу Моисею, возвращаются служить народу своему отъ мудрости египетской и отъ созерцанія Божественной купины, но тѣ, которые стараются упрочить благополучіе собственной жизни и лѣпятся къ высшимъ кругамъ жизни; ведя постоянную борьбу за земное счастье, они подвергаются той-же участи, какъ насѣкомыя, дѣлающіяся паразитами на другихъ высшихъ животныхъ. Объ этихъ послѣднихъ естествоиспытатели говорятъ намъ, что они, переставъ работать и подвергаться опасности, лишаются большей части своихъ благороднѣйшихъ членовъ (глазъ, крыльевъ, ногъ) и всѣ отправленія жизни своей ограничиваютъ питаніемъ.

Напротивъ, люди, добровольно обращающіе свое сердце и свое вниманіе къ низшимъ, уподобляются Ангеламъ, пекущимся о насъ грѣшныхъ съ высотъ небеснаго царства; уподобляются Царю Ангеловъ, *„иже не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ рабій пріемъ“*. И эти люди бываютъ наблюдательны, остроумны, краснорѣчивы, сообразительны и любознательны. Говорить съ ними бываетъ полезнѣе, чѣмъ читать умную книгу, потому что они знаютъ то, что всего выше и цѣннѣе подъ солнцемъ, т. е. законы человѣческаго сердца.

Это есть та философія жизни, которую содержитъ и Святая Библія и которая намъ разъясняетъ самую Библію, когда мы читаемъ ее. Эту философію жизни можетъ изучать всякій, даже малограмотный причетникъ, если только посвятитъ себя своему народу. Такимъ-же причетникомъ былъ и великій Стефанъ Пермскій, но, возлюбивъ человѣка, посвятивъ себя человѣчеству, онъ цѣлый огромный народъ пріобрѣлъ Христу.

Въ нашей епархіи было очень мало духовенства, такъ что личное сближеніе пастыря съ прихожанами, особенно съ инородцами, не ясно понимающими русскую рѣчь, было затруднительно. Кругомъ на одного священника приходилось по 2.500 мірянъ. Теперь число священниковъ увеличено, а въ многолюдные инородческіе приходы поставлены на діаконскомъ штатѣ вторые священники — инородцы изъ учителей. Свободные отъ административныхъ дѣлъ, имѣя больше досуга, чѣмъ настоятели прихода, эти сравнительно молодые дѣятели и должны прежде всего заботиться о личномъ сближеніи съ паствой, о томъ, чтобы по возможности ни одна

крестьянская семья не жила въ бытовомъ отчужденіи отъ пастыря. Начните это сближеніе въ простыхъ бесѣдахъ съ тѣми семействами, которыя сами расположены къ тому, а затѣмъ мало-по-малу будутъ о васъ узнавать и прочіе дома прихожанъ и сперва изъ любопытства, а потомъ ради духовной пользы обращаться къ вамъ. Конечно, надо постараться заранѣе о томъ, чтобы всякій разговоръ вашъ съ прихожаниномъ былъ бы для него назидателенъ. Это было легко прежнимъ дореформеннымъ іереямъ и псаломщикамъ и даже ихъ женамъ, потому что всѣ они были начитаны въ Четьи-Минеяхъ и могли на каждое обстоятельство человѣческой жизни принести повѣствованіе изъ жизни святыхъ, —а вѣдь таковъ наилучшій способъ наставленія вѣрующей и даже маловѣрующей души простолюдина. Современное молодое духовенство не можетъ похвалиться подобною начитанностью, а читаетъ „*Родину*“ да „*Ниву*“. Но и теперь при добромъ желаніи не трудно наставлять и утѣшать народъ Божій посредствомъ издаваемыхъ брошюръ духовнаго содержанія, могущихъ, если не вполнѣ, то хотя отчасти на первое время замѣнить устное изложеніе истинъ, почерпаемыхъ изъ сокровищницъ жизни угодниковъ. Для руководства къ назиданію простолюдиновъ-христіанъ и даже нехристіанъ также полезно читать Прологъ, Лавсаикъ и Лугъ Духовный, — теперь имѣются новыя недорогія ихъ изданія.

Въ частности по отношенію къ принадлежащимъ св. Церкви, или отпадающимъ отъ нея, полезно говорить о тѣхъ нравственныхъ истинахъ жизни, которыя неоспоримы и дороги для всѣхъ людей безъ различія. Не нужно на первыхъ же порахъ касаться тѣхъ предметовъ вѣры и жизни, которые составляютъ предметъ спора или сомнѣній. Если вы будете имѣть возможность читать старовѣрамъ священныя книги и если будете сами представлять собою примѣръ благочестія и твердо содержать чинъ православной службы и православный строй жизни, то будьте увѣрены, что обычное ожесточеніе раскольниковъ противъ истинной Церкви уже на половину смягчилось и вотъ скоро, очень скоро, они сами начнутъ васъ спрашивать о своихъ сомнѣніяхъ въ вѣрѣ, уже безъ предубѣжденія, безъ прежней злобы.

Точно также и по отношенію къ магометанамъ и язычникамъ. Постарайтесь научить ихъ прежде тому, чтобы они добро и зло понимали согласно христіанскому ученію. Не говоря имъ о ложности магометанства и кереметей, доказывайте имъ, что прощеніе лучше мщенія, что самопожертвованіе лучше выгоды, правда лучше обмана. Если возможно будетъ эти истины подтверждать примѣрами изъ Святого Евангелія, Дѣяній

и житій; если такія рѣчи охотно станутъ слушать некрещеные или отпавшіе братья наши, то будьте увѣрены, что не зная еще Христа, какъ Спасителя, они уже на половину христіане. Возжигайте въ нихъ любовь къ христіанской добродѣтели и тогда, можетъ быть, безъ вашихъ дальнѣйшихъ разъясненій, они сами возлюбятъ Христа и обратятся къ Нему.

Не думайте, что эти мои мысли выдуманы изъ головы или вычитаны изъ книгъ. Я не посторонній человѣкъ въ увѣщаніи невѣрныхъ. Пятнадцать лѣтъ боролся я со злѣйшимъ духомъ невѣрія, чѣмъ магометанство, съ духомъ невѣрія гордаго, самоувѣреннаго и страстнаго (1 Кор. XV, 32), который обуреваетъ учащееся юношество, особенно студентовъ, жадно читающихъ творенія еретиковъ и атеистовъ и весьма мало знающихъ то, что пишется въ обличеніе ихъ. Не мнѣ, конечно, сообщать объ успѣхахъ своего дѣланія, но могу васъ завѣрить, любезные сотрудники, что никто, поступающій указаннымъ образомъ, не останется безъ обильнаго плода, и если безъ гордости и раздраженія, а смиренно съ молитвой, съ безкорыстною ревностью, *„не искій, яже своя, но яже Господа Іисуса“*, обратитъ сердце свое къ тому, чтобы жить для народа, то не будетъ посрамленъ Богомъ въ своемъ трудѣ. Вѣдь надо откровенно сказать, что за послѣднія 200 лѣтъ народъ нашъ былъ заброшенъ и предоставленъ самъ себѣ. Просвѣщенные слои общества жили интересами Европы и своего сословія, хотя и говорили много о бѣдномъ мужичкѣ, котораго на самомъ дѣлѣ не знали и не любили. Вамъ, собратіямъ клира Господня, не нужно искать доступа къ сердцу народному; къ вамъ оно само стремится всѣми силами, только не отвергайте его. Нельзя придумать такихъ предписаній или распоряженій, посредствомъ которыхъ можно было бы васъ къ этому принудить; здѣсь требуется участіе вашей души, вашей любви, которая не подчиняется внѣшнимъ распоряженіямъ. Потому было бы безуспѣшно вамъ приказывать то, о чемъ теперь братски прошу васъ, какъ духовныхъ отцовъ народа Божія. Да даруетъ же Господь нашему напоминанію хотя часть той силы, *„чтобы возвратить сердца отцевъ дѣтямъ, — дабы представить Господу народъ подготовленный“*.

Посланіе къ патріарху Іоакиму III по поводу его возвращенія на Константинопольскій патріаршій престолъ.

Всесвятѣйшій мой повелитель и владыка, Вселенскій Патріархъ, божественнѣйшій, богоблагодатнѣйшій и всякое, какое только есть для меня, божественное и высокое имя и предметъ!

Какъ свѣтъ быстро восходящаго солнца, озаряя поверхность земли, радуетъ всю живую тварь, такъ легкокрылая вѣсть о твоемъ возвращеніи на важнѣйшій престолъ церковный заставила радостно вострепетать не только Великую Церковь Царя-Града, но и всю правовѣрующую вселенную. Поистинѣ мы дождались какъ бы возвращенія тѣхъ дорогихъ христіанскому сердцу временъ древности, когда паства искала себѣ учителемъ мужа святого и умѣла находить его въ далекихъ пустыняхъ, когда іерархи церквей ничего не знали кромѣ общаго спасенія душъ и, пребывая тѣломъ на землѣ, умомъ своимъ не оставляли неба; когда чуждые всякаго земного разсчета и страха, спокойно шли они за истину въ изгнаніе и на смерть и, моляся о людяхъ, вопіяли съ Моисеемъ: *„прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей“* (Исх. XXXII, 32).

Думали мы съ печалью, что навсегда прошли тѣ времена, но вотъ снова возвеличивается смиренномудренная святость, Аѳанасій торжественно возвращается въ Александрію, храмъ Анастасіи оглашается вновь словомъ богоглаголиваго Григорія, Златоустъ восторжествовалъ надъ мысленною Евдоксіей и ликующая паства лобызаетъ края его пустыннического хитона. Обогащается вновь священная столица отъ далекой пустыни, но и пустыня Аѳонская не обнищеваетъ, потому что духъ твой, и красота Вселенской Церкви, попрежнему остается чуждъ отъ міра и того, что въ мірѣ, и попрежнему лобызаетъ священныя высоты Аѳона, возносясь отъ нихъ къ высотамъ небесныхъ престоловъ въ умиленномъ славословіи Искупителя и въ пламенной молитвѣ о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ.

Тамъ радуются Святые Ангелы, хранители церквей, здѣсь благодарственно молятся люди, видя на вершинѣ церковныхъ престоловъ святого пустынника, а долу слышится жалобный вопль искусителей демоновъ, низвергаемыхъ въ тартаръ твоею святительскою молитвой и далеко отгоняемыхъ отъ Церкви, какъ нѣкогда второй Аѳанасій, тотъ адамантъ горы Аѳон-

ской, гналъ ихъ отъ своей обители вопившихъ: о горе, побиваетъ насъ Аѳанасій своею молитвой.

Да умножается же, Владыко, и да украшается твоя архіерейская власть. Будетъ ли твое правленіе долголѣтно и богато внѣшней славой, — тогда оно обогатитъ духовно вселенную, какъ правленіе Великаго Василія, ибо въ славѣ своей ты научишь обуявшій родъ человѣческій вѣрѣ, смиренномудрію и воздержанію. Будетъ-ли твое правленіе полно скорбей и препятствій для всякихъ внѣшнихъ преобразованій, но тогда, подобно Ѳеодору Студиту, какъ добровольный мученикъ, обогатишь ты духъ нашъ примѣромъ дерзновеннаго исповѣданія и надолго умножишь въ людяхъ упованіе на Христа и презрѣніе къ благамъ внѣшнимъ.

Да славится въ тебѣ и Эллинская народность, да умножается въ ней и чрезъ нее въ прочихъ православныхъ народахъ древній духъ христіанскаго церковнаго, а не внѣшняго и правового общежитія (politismos), да даруетъ оно снова разнымъ народамъ проповѣдниковъ Евангелія, обличителей лжи, учителей постнаго подвига.

Въ этомъ благородномъ и самоотверженномъ первенствѣ да познается ея сила, взамѣнъ политическихъ интригъ, къ сожалѣнію обуявшихъ православныя народности въ послѣднее время и уподобившихъ Христово достояніе западнымъ еретикамъ, которые, говоря такъ много о человѣколюбіи, обнаруживаютъ лишь животную борьбу за богатства міра и жажду наслажденій.

Сіе печальное растлѣніе ты уничтожишь, какъ цѣлитель ослабѣвшаго народа, Великій Моисей; ты возвратишь намъ соревнованіе только въ томъ, чтобы пріобрѣтать Христа, котораго благодать отпечатлѣна на твоемъ преподобномъ ликѣ. Всѣмъ христіанамъ православнымъ ты напомнишь собою, своею равноапостольною жизнью и громоноснымъ словомъ, что мы первѣе всего сыны Вселенской Церкви, нити нешвеннаго хитона Христова, члены Его Пречистаго Тѣла.

Печально наше время: умножились страсти, померкла вѣра, но никакая тьма не можетъ воспрепятствовать горящему свѣточу и никакое заблужденіе времени не можетъ воспрепятствовать дѣйствію благодатной силы, которую стяжалъ подвижникъ Божій молитвою и постомъ. Ты прославишь снова Святую Церковь и возвратишь время соборовъ, время чудесъ, время забвенія людьми земныхъ преградъ и время общаго ихъ единенія въ Церкви Вселенской. Духомъ своимъ слышу я „*громкій голосъ какъ бы многочисленнаго народа, который говорилъ: Аллилуіа! спасеніе, и слава, и честь, и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его!*“

(Апок. XIX, 1). Молитва твоя да совершитъ сіе, а отъ твоего раба прими сіе орудіе молитвы, именуемое духовнымъ мечомъ [1]).

Смиренный *Антоній, Божіею милостію Епископъ Уфимскій и Мензелинскій.*

Посланіе къ студентамъ Казанской духовной академіи.

Нерѣдко случается, что при отвѣтахъ на привѣтственные адреса виновникъ торжества ломаетъ голову надъ тѣмъ, чтобы подобрать подходящій отвѣтъ и долгое время тщетно подыскиваетъ матеріалъ для ожидаемой отъ него рѣчи. Затрудняюсь и я въ выборѣ темы для сего отвѣтнаго посланія на вашъ адресъ и священный даръ [2]), но затрудняюсь не потому, чтобы у меня не было чего сказать вамъ, а наоборотъ, не знаю на чемъ остановиться среди безчисленныхъ воспоминаній, разнообразныхъ, волнующихъ меня чувствъ, новыхъ и старыхъ мыслей и совѣтовъ, наперерывъ переполняющихъ мою душу пріобщеніемъ ея къ вамъ: „*Стану-ли исчислять ихъ, но они многочисленнѣе песка*“ (Пс. CXXXVIII, 18).

Когда меня спрашивали посторонніе люди о моихъ педагогическихъ пріемахъ или когда начинали удивляться моему вліянію на студентовъ и ихъ любви ко мнѣ—я всегда испытывалъ безпокойныя чувства и старался заговорить о чемъ-нибудь другомъ, но теперь пришелъ часъ открыть хотя отчасти завѣсу надъ этимъ Святое Святыхъ моей жизни.

Мое учебное дѣланіе не было системой по строго опредѣленнымъ принципамъ, — это была самая внутренняя жизнь моя, это было самое дыханіе моей духовной жизни; это не было просто человѣческимъ добрымъ отношеніемъ, каковы взаимныя отношенія ближайшихъ родственниковъ, нѣтъ—это было мое хожденіе предъ Богомъ, низведеніе и созерцаніе Его всесильной благодати, которая конечно и была дѣйствующей силой въ томъ нравственномъ возрожденіи и одушевленіи юношества, о которомъ вы упоминаете въ своемъ прощальномъ словѣ. — Вотъ почему я, хотя и не свободный отъ грѣховнаго самолюбія и не научившійся полагать храненіе устомъ моимъ, дѣятель, всегда смущался, когда при мнѣ восхваляли мои якобы педагогическіе таланты. — Не знаю никакихъ своихъ талантовъ. Я только молился, только старался устранять отъ дѣла свою личную гордость, препятствующую Божественной благодати нисходить среди людей и въ

[1]) При письмѣ посылались аметистовыя четки. [2]) Панагію.

сердца людей. — Люди вездѣ жаждутъ братской любви, но любовь бѣжитъ отъ нихъ, когда они тщатся ее созидать на человѣческихъ основаніяхъ, и вотъ взамѣнъ любви и довѣрія возникаетъ или бѣшеная злоба неудовлетворенныхъ и соревнующихъ самолюбій, или лживая угодливость и взаимная потачка страстямъ, лесть и общеніе въ порокахъ. Но тамъ, гдѣ наши отношенія основываются на вѣрѣ въ благодать Божію и на устраненіи своей славы, тамъ *любовь Божія богатно изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ;* а гдѣ любовь, тамъ и взаимное довѣріе, тамъ и свободное послушаніе, тамъ общая готовность къ подвигу, тамъ и пробужденіе любознательности и духовное краснорѣчіе. Все это испыталъ я и опытомъ собственной души своей и наблюденіемъ за вашими молодыми жизнями. Объясните тайну, по которой родильница проникается горячей любовью къ дитяти, лишь только ей поднесутъ его и скажутъ: это твое дитя. Нѣчто подобное совершалось и въ моей душѣ, когда ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ ко мнѣ являлись молодые люди съ заявленіемъ, что они хотятъ поступить въ Академію. *„Не знаю, какъ вы явились во чревѣ моемъ“* говорила Соломія о сынахъ своихъ: *„не я дала вамъ дыханіе и жизнь; не мною, образовался составъ каждаго“* (2 Макк. VII, 22). Такъ и я не могу найти естественной причинности своей любви къ ученикамъ; но какъ Богъ сочетаваетъ законами природы естественную жизнь дитяти съ матерію, такъ законами благодати Онъ сочетавалъ мою жизнь съ жизнью моихъ питомцевъ. Душа моя не отрывалась отъ нихъ, и какъ часто могъ я говорить вамъ подобно Елисею къ Гіезію, желавшему скрыть отъ него свой поступокъ: *„развѣ сердце мое не сопутствовало тебѣ“* (4 Цар. V, 26).

Любя васъ не обычною человѣческою привязанностью, но прозирая каждаго изъ васъ въ его борьбѣ съ грѣхомъ и порождаемыми грѣхомъ сомнѣніями, въ его постепенномъ восхожденіи къ совершенству, я вдохновлялся не только надеждою вашего собственнаго спасенія, но чрезъ васъ, какъ благовѣстниковъ Евангелія, я чувствовалъ свое единеніе со всею каѳолическою церковью, со всею вселенною, ибо для вѣрующаго сердца она вся предназначена къ пріятію проповѣди спасенія многими въ каждомъ народѣ. Конечно, нерѣдко взамѣнъ совершенствованія я встрѣчалъ у нѣкоторыхъ изъ васъ паденіе, встрѣчалъ иногда и довольно ожесточенное противленіе истинѣ. Но на все это взиралъ, какъ на состояніе временное и никогда ни въ комъ не терялъ надежды. Поэтому не солгу, если скажу, что за всѣ 15 лѣтъ своей педагогической службы я не встрѣтилъ ни одного ученика или сту-

дента, которому я бы не могъ сказать со всею искренностью; „*уста наша отверсты къ вамъ, Коринѳяне, сердце наше расширено. Вамъ не тѣсно въ насъ*“ (2 Кор. VI, 11—12). Правда, къ числу многихъ моихъ недостатковъ относится и тотъ, что я дозволялъ себѣ рѣзкіе отзывы о людяхъ; эти отзывы, хотя и не исключали моей къ нимъ привязанности, но все-же отдаляли меня отъ нѣкоторыхъ, мнительныхъ юношей, чего я иногда не замѣчалъ, или замѣтилъ слишкомъ поздно; тѣмъ не менѣе всѣ мои питомцы оставались для меня присными по духу и дорогими моему сердцу. Поэтому и Господь такъ часто сподоблялъ меня радости отыскать потерянную драхму и заблудившую овцу, что случалось нерѣдко уже по выходѣ питомца изъ академіи, иногда чрезъ 5, 10 лѣтъ. Такія и подобныя явленія исполняли сердце мое надеждою, даже увѣренностью въ несокрушимой силѣ Божественной благодати, дѣйствующей любовью, и вотъ почему я такъ мало боялся вліянія на васъ книгъ съ отрицательнымъ направленіемъ, знакомствъ съ людьми внѣшними для церкви, смѣлаго обмѣна мыслей. — Все это не страшно, пока человѣкъ не становится рабомъ чувственности, гордыни или злобы, которыя ищутъ предлоговъ для невѣрія, какъ пьяный безобразникъ съ нетерпѣніемъ ждетъ случая, чтобы затѣять ссору съ ближними.

Итакъ, не мои личныя достоинства, а сила благодати Божіей соединяла насъ въ одну любовь и васъ вдохновляла на добрыя дѣла, на добровольное послушаніе, на свободные подвиги благочестія, труда, проповѣданія.—Я привлекалъ благодать, стараясь подавлять свое самолюбіе и вознося молитвы, но ея дѣйствія далеко не были бы такъ обильны, еслибъ въ вашихъ добрыхъ сердцахъ она не обрѣтала для себя благопріятнаго вмѣстилища. Вмѣстилища эти были настолько благопріятны, что взирая на вашу жизнь, я оставался жизнерадостнымъ оптимистомъ среди постоянной томительной суеты, меня окружавшей, и среди множества служебныхъ и иныхъ непріятностей, а иногда и тяжкихъ огорченій.—Академическое юношество въ своей доброй половинѣ вступаетъ въ академію вовсе не съ тѣми жизненными цѣлями, которыя я всегда открыто признавалъ единственно законными для питомцевъ академіи; мой аскетическій взглядъ на жизнь вообще и на академическую въ частности, взглядъ, который я постоянно и иногда весьма рѣзко излагалъ предъ вами, конечно, не могъ быть по сердцу молодой крови и горячимъ головамъ; и при всемъ томъ ваши мягкія, добрыя и неиспорченныя сердца встрѣчали все это съ такою правдиволюбивою терпимостью и готовностью осуждать себя, что среди васъ я не могъ не

вѣрить въ человѣка, не могъ, еслибъ даже и хотѣлъ, не могъ не вѣрить въ близость къ намъ Бога Христа и Святого Духа, не могъ не вѣрить въ жизнь, не любить ея, не испытывать радости бытія. И если бы мнѣ отнынѣ было суждено прожить еще вдвое противъ того, что я прожилъ, и не видѣть ничего, кромѣ порока, торжествующей лжи и злобы, то все-таки, воспоминая васъ, я оставался бы счастливъ воспоминаніями и благословлялъ бы жизнь.

Пишу это не для того, чтобы хвалить васъ. Наши отношенія были слишкомъ возвышенны и святы, чтобы нуждаться въ комплиментахъ. И прежде, привѣтствуя васъ во дни праздниковъ, я затруднялся высказать предъ вами полноту своей любви къ вамъ. И теперь привожу эти слова не ради похвалъ, а для того, чтобы изложить вамъ свою исповѣдь. Вы знаете, что въ послѣдніе годы я началъ изнемогать на академической службѣ, да и теперь еще не чувствую въ себѣ силъ возвратиться къ ней. Вотъ это настроеніе, котораго я тоже отъ васъ не скрывалъ, требуетъ объясненія. Видите, высокая настроенность, которая невольно усваивалась моею совмѣстною жизнью съ молодыми жизнями студентовъ возможна при полной свободѣ отъ житейской суеты и толчеи. Поэтому, еще въ Петербургѣ, когда мои внѣучебныя и внѣпедагогическія отношенія были немногочисленны и не столь обязательны, я тяготился ими и нерѣдко совершенно изнемогалъ. Съ великою радостью я поступилъ на академическую службу въ удаленную и уединенную Московскую академію, ожидая въ ней найти возможность свободы отъ всего, кромѣ академическаго дѣла. Однако я ошибся! здѣсь ректора осаждали многочисленные посѣтители и богомольцы лавры, да сверхъ того академію постигли такія обстоятельства, которыя постоянно волновали и отвлекали меня. Именно, за мою пятилѣтнюю тамъ службу смѣнилось четверо ближайшихъ начальниковъ-архипастырей и болѣе пяти ближайшихъ помощниковъ, т. е. инспекторовъ. Все это такъ истомило мою душу, что когда меня спросили, гдѣ-бы я желалъ служить по выходѣ съ той службы, то я отвѣтилъ: „лишь-бы не снова въ академіи“. И однако меня снова назначили ректоромъ въ совершенно невѣдомую мнѣ академію, а когда она стала для меня совершенно своею, то меня посвятили въ санъ епископа и связали столькими нитями съ жизнью города и многочисленныхъ учрежденій, что я вовсе лишенъ былъ той сосредоточенности, безмятежности, спокойствія и досуга, которые столь нужны для всякаго ученаго и педагога, а для меня, который совершалъ это дѣло въ Богѣ, и вовсе необходимы. И вотъ я, истомленный тѣломъ, съ разрывающеюся отъ цѣлодневнаго

говоренія и пріемовъ сотни людей — грудью, со стучащими въ вискахъ молотками, съ заботою о томъ, чтобы не забыть того или иного распоряженія или отписки, выслушивалъ какую-нибудь сокровенную исповѣдь студента, привлекался къ уясненію мудренаго нравственнаго вопроса, долженъ былъ говорить воодушевленное увѣщаніе. И не такъ трудно было даже это все выполнять, какъ находиться подъ постоянно гнетущимъ сознаніемъ многихъ неисполненныхъ при такой жизни дѣлъ и нравственныхъ обязанностей по отношенію къ вамъ и по отношенію къ наукѣ; иногда по два года не могъ я добраться до прочтенія нужнѣйшей мнѣ книги, что и удавалось мнѣ, наконецъ, только въ вагонѣ или на пароходѣ, гдѣ написано и большинство моихъ литературныхъ произведеній за послѣдніе годы, хотя ѣздить мнѣ приходилось не болѣе, какъ пять—восемь дней въ году.—Благодать Божія, проходя чрезъ недостойные сосуды, жжетъ ихъ, и я начиналъ сгорать при такой невозможности создать благопріятныя условія для своей ректорской службы и потому ждалъ времени, когда съ меня снимутъ этотъ крестъ, тяжкій потому, что я уже не могъ нести достойно это по существу своему благое иго Христово. Впрочемъ, я терпѣлъ и не просилъ объ ускореніи смѣны; я пробылъ ректоромъ дольше всѣхъ своихъ сверстниковъ и прежнихъ іерарховъ, исключая Епископа Сильвестра.

Итакъ, скажу словами преподобнаго Арсенія Великаго: „*не потому удаляюсь отъ васъ, что не люблю васъ*“, но потому, что слишкомъ люблю васъ и не хотѣлъ бы съ надломленными душевными и нервными силами служить дѣлу вполовину.

Вы же, дорогіе мои, „*братіе мои возлюбленные и вожделѣнные, радость и вѣнецъ мой, стойте такъ въ Господѣ, возлюбленные*“ (Фил. IV, 1—2). Возрастайте духомъ, умудряйтесь, процвѣтайте, украшайтесь добродѣтелями.

Заочно цѣлую васъ *лобзаніемъ святымъ* — учащихся и учившихся при мнѣ въ Казанской академіи, а съ вами и питомцевъ моихъ по академіямъ Московской и Петербургской. Съ радостью буду встрѣчаться съ вами въ этой жизни и съ надеждою ожидать встрѣчи въ жизни будущей, гдѣ уже не будетъ разлуки, гдѣ ничто не помѣшаетъ намъ безъ конца бесѣдовать о славѣ Божіей, о мудрости Его откровеній и святости Его судебъ. Довольно ясно представлялъ я себѣ содержаніе жизни райской, когда велъ съ вами такія бесѣды въ академіи. Да будутъ онѣ залогомъ нашего общаго служенія Славѣ Божіей на землѣ и началомъ вѣчнаго прославленія Его на небѣ. Да не оскудѣваетъ же благодать Его и въ дальнѣйшихъ дняхъ жизни вашей. Поминайте меня въ молитвахъ. Любите другъ друга. „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое!“

Окружное посланіе къ духовенству Волынской епархіи.

(Объ условіяхъ моральнаго вліянія на паству).

Печальныя событія крестьянскихъ безпорядковъ, бывшія въ восточной Малороссіи, наводятъ насъ на грустныя размышленія о томъ, что во многихъ малороссійскихъ приходахъ подорвано сыновнее довѣріе мірянъ къ своимъ пастырямъ и притомъ, повидимому, такъ сильно, что священники иногда даже не знаютъ о начинающихся въ приходѣ бурныхъ волненіяхъ. Такое небывалое ослабленіе нравственной связи между пастырями и пасомыми едва ли не печальнѣе, чѣмъ самыя недавнія событія крестьянскихъ безпорядковъ. Послѣдніе произошли вслѣдствіе наивной довѣрчивости простодушныхъ малороссовъ хитро обдуманному извѣту враговъ нашего отечества. Ужасно то, что бѣдный народъ не имѣетъ около себя никого изъ просвѣщенныхъ людей, у кого бы онъ могъ провѣрить правдивость распространяемыхъ въ средѣ его ложныхъ надеждъ. Такимъ образомъ, въ этихъ условіяхъ народнаго быта, жители нашихъ деревень и на будущее время не ограждены отъ вліянія всякихъ негодныхъ людей, которые пожелали бы распространять среди нихъ ложные слухи, еретическія ученія и преступные замыслы подъ прикрытіемъ какихъ либо благословныхъ оправданій. Въ нашей епархіи, по милости Божіей, еще не наблюдается такихъ безобразныхъ явленій, какія были въ губерніяхъ Полтавской и Харьковской, — но явленія недовѣрія прихожанъ къ своему пастырю распространены у насъ повсюду. Ближайшимъ побужденіемъ къ моей письменной бесѣдѣ съ пастырями Церкви Волынской и служатъ подобныя явленія. Разумѣю ежедневно поступающія къ намъ жалобы цѣлыхъ приходовъ на своихъ священниковъ и безчисленныя судебныя дѣла между священниками и прихожанами, подобнаго чему не встрѣчалъ я ничего ни въ Казанской, ни въ Уфимской епархіяхъ, коими мнѣ пришлось управлять, хотя духовенство тѣхъ епархій наполовину не имѣло установленной обычаемъ подготовки къ своему служенію, т. е. семинарскаго образованія, да и паства, состоящая изъ разноплеменнаго, а иногда и пришлаго населенія, не могла считаться образцовой со стороны послушанія и устойчивости въ благочестивой жизни.

Священники Волынской епархіи въ личныхъ бесѣдахъ со мною ссылаются на расположенность жителей къ кляузамъ. Ссылка справедливая, снимающая вину со многихъ священниковъ, подвергшихся жалобамъ испорченныхъ прихожанъ,

но не снимающая ея съ Волынскаго духовенства въ цѣломъ: развѣ не виноваты родители, если дѣти ихъ не хороши? Впрочемъ, мы пишемъ не обвинительный актъ, а увѣщаніе о томъ, какъ помочь дѣлу: не то важно, виноваты-ли священники, или прихожане при возникающихъ между ними неудовольствіяхъ, но это множество неудовольствій свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что отношенія между священниками и прихожанами во многихъ селахъ нашей епархіи совершенно не правильныя, что довѣріе между ними подорвано, нерѣдко до полной потери взаимной нравственной связи, до полной замѣны ея связью чисто юридическою, въ Церкви Христовой вовсе неумѣстною. Нужно ли много распространяться о томъ, что въ подобныхъ селахъ широко открыты двери для растлѣвающаго воздѣйствія сперва самозванцевъ—проходимцевъ, а впослѣдствіи и для явныхъ еретиковъ и бунтовщиковъ!

Мы не надѣемся своимъ словомъ помочь такому печальному положенію вещей въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основаніи его лежатъ порочныя свойства пастыря — корыстолюбіе, пренебреженіе своимъ долгомъ, чувственность, или маловѣріе. Надѣемся, что такихъ случаевъ не много. Но едва ли болѣе утѣшительны такія явленія, когда ссора, а потомъ и ненависть возникаетъ у прихожанъ по отношенію къ священнику вполнѣ исправному, трезвому, доброму семьянину и исполнительному требоисправителю и законоучителю школы. За столь недолгое время пребыванія моего въ Волынской епархіи ко мнѣ являлись священники съ такими именно почтенными качествами и съ докладомъ о полной нравственной невозможности своего дальнѣйшаго пребыванія на прежнемъ приходѣ, вслѣдствіе давнишней и напряженной вражды къ нимъ прихожанъ. Объяснять такую вражду причинами случайными или нѣсколькими безтактностями, допущенными въ молодости, нельзя, потому что время и частыя взаимныя обращенія другъ съ другомъ въ сельской жизни постепенно устраняютъ всѣ случайно возникающія недоразумѣнія. Есть нѣчто болѣе глубокое среди причинъ такой вражды, нѣчто, заключающееся въ самыхъ убѣжденіяхъ священника, въ самыхъ воззрѣніяхъ его на дѣло своего служенія, и если эти воззрѣнія ошибочны только теоретически, а не исходятъ изъ черствости души и сознательнаго себялюбія, то можно надѣяться на то, что добрымъ словомъ и разъясненіемъ дѣла они будутъ разсѣяны.

Съ тѣхъ поръ, какъ духовенство обособилось отъ жизни народной черезъ воспитаніе въ прежнихъ латинскихъ семинаріяхъ, въ коихъ внушалось суевѣрное уваженіе къ чуждой православной Церкви средне-вѣковой схоластикѣ и усваивалось презрительное отношеніе ко всѣмъ не знающимъ латин-

скаго языка, риторики и метафизики, съ тѣхъ поръ, какъ вновь посвященные пастыри стали являться среди своихъ прихожанъ, какъ чужіе къ чужимъ, — правильное отношеніе пастыря къ своему дѣланію усваивалось имъ лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ втягивался въ жизнь прихода и отрѣшался отъ жизни школьной. То и другое въ прежнія времена происходило неизбѣжно, во-первыхъ, по причинѣ матеріальной зависимости отъ прихожанъ, во-вторыхъ по причинѣ замкнутости сельской жизни и отрѣшенности ея патріархальнаго быта отъ жизни просвѣщенныхъ центровъ. Да и сама натура молодого священника, еще въ школѣ привыкшаго къ терпѣнію и послушанію, не была настолько сложна и избалована, чтобы не поддаться доброму вліянію православнаго богослужебнаго строя и *силы земли*. Но теперь времена измѣнились: матеріальная зависимость духовенства отъ народа ослабла; молодой священникъ отрѣшенъ отъ народнаго быта уже не одной схоластикой, но и болѣе опасными приманками культурной жизни—поверхностной литературой, газетами, музыкой и всякими другими, если не барскими, то буржуазными привычками, которыя въ нашемъ ополяченномъ краѣ пріобрѣтаютъ въ глазахъ средняго сословія характеръ чего-то якобы въ высшей степени интеллигентнаго и благороднаго, не какъ терпимая слабость, не какъ выраженіе избалованности, а какъ плодъ высшаго развитія духа. И, конечно, съ этой же точки зрѣнія молодое духовенство пренебрегаетъ всѣмъ, что Св. Духомъ установлено въ Церкви для смиренія плоти, для возвышенія духа, для умиленія сердца, т. е. богослужебнымъ уставомъ, истовымъ крестнымъ знаменіемъ, келейнымъ молитвеннымъ правиломъ, святыми постами и даже чтеніемъ Священнаго Писанія и вообще ознакомленіемъ съ источниками христіанскаго учительства и христіанскаго подвижничества.

Это же польское суевѣрное преклоненіе предъ блестками внѣшней культуры, это же предпочтеніе мишуры и позолоты жизни предъ сокровищами духовно-внутренняго совершенства является причиной глубокаго враждебнаго презрѣнія къ простому сѣрому народу, не знающему ни французскихъ словъ, ни воротничковъ, ни перчатокъ, ни того, чтобы стоять за свою амбицію и отстаивать свой гоноръ.

Если подобныя воззрѣнія на жизнь вообще, и въ частности на жизнь народа, усвоены кѣмъ-либо изъ священниковъ, то какъ бы онъ ни старался быть исправнымъ въ своемъ дѣланіи, какъ бы ни былъ чуждъ грубыхъ пороковъ, какъ бы ни старался быть вѣжливымъ со всѣми, — но онъ никогда не будетъ въ глазахъ народа ни добрымъ пастыремъ, ни даже своимъ человѣкомъ, у котораго можно было бы спро-

сить совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. На почвѣ такого взаимнаго отчужденія жизнь подобнаго священника сама собою складывается такъ, что онъ оказывается среди народа просто землевладѣльцемъ — хозяиномъ, въ лучшемъ случаѣ — воспитателемъ своей семьи, а въ худшемъ — спеціалистомъ какой-либо праздной привычки, коннозаводчикомъ, музыкантомъ и тому под. Да, современная сельская жизнь уже безсильна для того, чтобы по примѣру прежнихъ лѣтъ понудить священника сблизиться съ народомъ, опроститься по своему внѣшнему человѣку и облагородиться, возвыситься по внутреннему человѣку. То, что прежде дѣлала за священника сама жизнь, теперь можетъ совершить только онъ самъ, какъ *добровольный подвигъ*. И, конечно, за этотъ подвигъ внутренняго сближенія съ народомъ возьмется всякій, кто только пожелаетъ разсмыслить о жизни, серьезно вдуматься и оцѣнить съ одной стороны путь добраго пастыря, посвятившаго себя духовному возрожденію великой и святой Руси, а съ другой стороны—буржуазный бытъ священника—чиновника, внутренне чуждаго и своему жребію, и окружающему его народу. Въ молодые годы здѣсь возможны колебанія, но подъ старость не только посвятившій себя религіи служитель Божій, но и почти всякій, даже плохой христіанинъ начинаетъ тяготиться всѣми внѣшними приманками жизни и подводить итоги своихъ грѣховъ. А если онъ хоть когда-нибудь былъ религіозенъ, то прежнія высшія стремленія его духа воспроизводятся подъ старость въ душѣ его съ двойною силой, и чего бы онъ только ни отдалъ за то, чтобы вычеркнуть изъ своей жизни плоды своихъ прежнихъ отступленій отъ своего призванія; но сдѣлать этого теперь уже никто для него не можетъ. Случилось мнѣ видѣть однажды одного весьма пожилого священника, смолоду державшагося мірского духа, но измѣнившагося къ старости и затѣмъ горячо посвятившаго себя интересамъ миссіонерскаго дѣла. Въ великомъ посту вечеромъ онъ сидѣлъ предъ тарелкой съ постной безрыбной пищей; рядомъ съ нимъ сидѣлъ съ папиросой во рту надъ кускомъ жаренаго мяса сынъ его студентъ-медикъ и велъ грязный разговоръ съ братомъ офицеромъ. Изъ сосѣдней комнаты доносились звуки веселой музыки подъ руками дочери священника, актрисы-любительницы, и двое младшихъ дѣтей его подростковъ упражнялись въ танцахъ, а бѣдный старикъ опустилъ голову въ тарелку, и горькія, но позднія слезы его падали на неначатую пищу: среди своей семьи онъ чувствовалъ себя, какъ Лотъ въ Содомѣ. Едва-ли многимъ разнится отъ жизни этого несчастнаго священника не только старость, но и вообще пожилые годы

всѣхъ батюшекъ, установившихся на ложномъ нецерковномъ строѣ жизни, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда внѣшнее благоустройство жизни достигается ими, когда они не впадаютъ въ какія-либо бѣды, праведно ими заслуженныя.

Они становятся одинаково чуждыми и своимъ духовнымъ чадамъ, которыми смолоду привыкли пренебрегать, и своимъ чадамъ по плоти, и прочимъ своимъ мірскимъ знакомымъ, потому что сознаніе незаконности, неправедности мірской жизни для священника никогда не покинетъ окружающихъ его и никогда не допуститъ въ его семьѣ и въ его обществѣ сохраняться тому мирному гармоничному настроенію, безъ котораго невозможно благополучное пребываніе даже чисто свѣтской семьи или общества.

Описывать-ли прекрасную картину жизни пастыря добраго, отца своего народа, благоговѣйнаго строителя Христовыхъ тайнъ? Такихъ картинъ много написано и церковными, и даже мірскими писателями, и надѣюсь, что наши священники видѣли ихъ среди своихъ собратій въ дѣйствительной жизни.

Благодаря Бога, духовное сословіе и до настоящаго времени еще не настолько развращено, чтобы представители его не были способны воспроизводить эту картину въ собственной жизни. Нужно только положить начало перевороту своихъ духовныхъ интересовъ отъ буржуазности къ народности, отъ свѣтскости къ православію. Иначе говоря, нужно отрѣшиться отъ того суевѣрнаго преклоненія предъ мишурой жизни, которое, къ сожалѣнію, невольно и безсознательно усваивается въ школѣ и юношами—будущими священниками, и дѣвицами—будущими матушками. Если-бы молодые дѣятели и дѣятельницы болѣе критически, болѣе сознательно относились къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ сторонъ своей жизни, то неужели они бы не поняли, что полнота и разнообразіе жизни многолюднаго крестьянскаго общества, которая готова всегда цѣликомъ отдаться имъ въ руки, что это таинство, то начинающихся, то оканчивающихся жизней, что это множество совѣстей, открывающихся предъ духовникомъ со своими подвигами и паденіями, со своею борьбою и мольбою о помощи и нравственной поддержкѣ, что эта борьба Духа Божія и духа обольстителя, которая совершается въ людяхъ предъ глазами священника, — есть величайшее и важнѣйшее содержаніе не только его пастырской жизни, но и жизни человѣчества вообще. И развѣ не приступно, не безбожно отвращать свое вниманіе и сердце отъ этого очевиднаго откровенія Божества въ сердцахъ человѣческихъ и отвлекать себя отъ борющихся совѣстей людей, за которыхъ умеръ Христосъ,

отвлекать отъ нихъ свое сердце и предавать его земнымъ стяжаніямъ,—разведенію лошадей, арендованію земель или игрѣ на скрипкѣ.

Люди, не вникающіе во внутреннюю сущность жизни, могутъ считать ничтожнымъ все, что происходитъ у жалкихъ мужиковъ, но священникъ, которому послѣдніе открываютъ свою совѣсть въ жизни и предъ смертью, онъ не долженъ быть большимъ философомъ для того, чтобы понять, какъ ничтожно въ мірѣ все сравнительно съ душою человѣка, которую спасти или погубить такъ часто зависитъ отъ его одного сердечнаго слова, или напротивъ, отъ одного черствaго и горделиваго отказа. Дѣла, которыя совершаются предъ его глазами, хотя бы и въ самомъ незначительномъ селеніи бѣдняковъ, имѣютъ гораздо большую важность, чѣмъ тѣ, повидимому, міровыя событія, за которыми съ такимъ любопытствомъ всѣ слѣдятъ по газетамъ; ибо всѣ эти конгрессы, выставки, паденія кабинетовъ, выборы, международныя войны и даже общественныя бѣдствія, какъ эпидемія и землетрясеніе — все это касается внѣшняго человѣка; а то, что совершается хотя бы и въ сельской тиши, но въ области совѣсти человѣческой, въ ея колебаніи между добромъ и зломъ — это опредѣляетъ собою вѣчную участь христіанскихъ душъ.

Постоянно напоминая себѣ объ этомъ, священникъ тѣмъ самымъ исполнилъ бы половину того подвига, который предлежитъ ему для достойнаго пасенія ввѣренныхъ ему словесныхъ овецъ. И пусть онъ не думаетъ, что жизнь ихъ такъ бѣдна духовнымъ содержаніемъ сравнительно со свѣтскимъ обществомъ сельской буржуазіи, или его собственной родни, или даже просвѣщенныхъ помѣщиковъ, если таковые имѣются въ его приходѣ. Насколько въ области внѣшняго быта жизнь послѣднихъ сложнѣе и разнообразнѣе жизни крестьянина, настолько по высотѣ внутренняго своего содержанія, по ясному различенію добра и зла, по готовности покориться божественному промыслу, по примиренности съ лишеніями и страданіями, по спокойному ожиданію смерти, по увѣренности въ праведномъ воздаяніи за гробомъ жизнь крестьянская возвышается надъ жизнью буржуазной и барской, проникнутой богопротивной гордыней, жаждой наслажденій, равнодушіемъ къ божественному закону и животнымъ страхомъ предъ смертью. Поэтому священникъ, пренебрежительно отвращающійся отъ своихъ прихожанъ въ сторону мірскихъ знакомствъ, уподобляется австралійскимъ дикарямъ, охотно мѣняющимъ золото и драгоцѣнные камни на стекляные бездѣлушки, привозимыя европейцами. Конечно, бываютъ благочестивые христіане и среди образованныхъ людей, но такіе не отвлекутъ

пастыря отъ народа, а напротивъ будутъ поддерживать его близость къ простолюдинамъ.

Но, можетъ быть, кто-либо изъ іереевъ скажетъ, что при всемъ уваженіи къ духовной жизни русскаго народа, при всей готовности быть руководителемъ его духовныхъ интересовъ онъ чувствуетъ себя совершенно къ тому неподготовленнымъ, что его поученія народу непонятны, что семинарскій дипломъ, свидѣтельствующій о его познаніяхъ въ области библейской и церковной хронологіи и германской философіи, не далъ ему рѣшительно никакихъ свѣдѣній о жизни человѣческой совѣсти, о средствахъ борьбы со страстями, ни даже о такой постановкѣ церковнаго богослуженія, которая нравилась бы крестьянъ и нравилась имъ.

Если ты такъ говоришь, любезный собратъ, то я заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ твоего дѣланія, ибо вижу, что ты свободенъ отъ высокаго мнѣнія о себѣ и о степени своего духовнаго образованія. Если ты искренно говоришь такъ, то будешь и искренно молиться Богу. Вникая съ благоговѣніемъ въ слова церковныхъ молитвъ, ты тогда не откажешь въ участіи къ обращенному къ тебѣ запросу прихожанина и хотя-бы и то и другое дѣланіе твое было сначала не твердо и не опытно, но въ душѣ твоей уже зародилась духовная жизнь. Подчини ее руководству Церкви, возьми себѣ любое отеческое руководство къ духовному совершенству, хотя-бы книжку епископа Ѳеофана: „Путь ко спасенію“, и вотъ ты теперь уже Христовъ работникъ: не человѣческая мудрость, но благодать божественная, не внѣшніе руководители, а Св. Духъ поведетъ тебя по этому новому для тебя, но весьма старому и извѣданному для православныхъ подвижниковъ, пути, невѣдомой міру, но знаемой для сыновъ благодати *мудрости духовной*.

Прежде всего ты съ удивленіемъ увидишь, что все наше богослуженіе содержитъ въ себѣ, въ каждой своей стихирѣ, въ каждомъ псалмѣ, не иное какое либо содержаніе, а именно отвѣты на эти вопросы духа, отвѣты, даваемые Богомъ душѣ, изнемогающей въ борьбѣ со страстями, и утѣшающіе ее напоминаніемъ о чудесахъ Спасителя и Его угодниковъ и обѣтованіями благодатной помощи. Тогда ты измѣнишь обычное у молодого духовенства полулютеранское - полукатолическое отношеніе къ православной службѣ: ты устыдишься своего прежняго высокомѣрнаго отношенія къ богослужебной дисциплинѣ, къ уставнымъ поклонамъ, постамъ и стояніямъ; тебѣ чуждымъ станетъ стремленіе наполнять службу новѣйшими произвольными эффектами, безобразною итальянской музыкой, всегда соединенной съ опущеніемъ важнѣйшихъ пѣсно-

пѣній праздника и доводящей содержаніе нашихъ службъ до степени того однообразія и безличія, которое они пріобрѣли у лютеранъ, папистовъ и уніатовъ, сохранившихъ только мшу да вычурные, безсодержательные акаѳисты новаго издѣлья.

Возвращая православной службѣ богатство ея содержанія и простоту ея формъ, ты съ удивленіемъ увидишь, какъ быстро возрастетъ къ ней усердіе народа, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ быстро поднимется въ глазахъ народа твой собственный пастырскій авторитетъ; а если ты, вникая въ содержаніе священныхъ службъ, будешь обогащать свой духъ ежедневнымъ чтеніемъ хотя бы святой Библіи и Златоуста, то душа твоя получитъ богатый источникъ постояннаго назиданія народа. Привыкнувъ къ его образной, чуждой отвлеченности бесѣдѣ, ты уже не будешь затрудняться тѣмъ, чтобы златоустовы толкованія божественнаго закона излагать рѣчью простой, свободною отъ періодовъ и подчиненныхъ предложеній. А если пожелаешь, чтобы слово твое неизгладимыми буквами сейчасъ же запечатлѣвалось на народномъ сердцѣ, то возьми Житія Святыхъ и Прологъ (или хотя бы переложеніе послѣдняго священникомъ Шумовымъ) и старайся каждую истину, каждое правило добродѣтели подтверждать примѣрами святыхъ; разсказывай слушателямъ, какъ хитро діаволъ искушалъ подвижниковъ и какъ мудро Духъ Божій училъ ихъ побѣждать искусителя.

Открывая людямъ въ доступномъ имъ видѣ божественную волю и совершая терпѣливо и неизмѣнно божественныя службы по уставу Церкви, ты привлечешь къ себѣ сердце народное раньше, чѣмъ ты смѣлъ того надѣяться. Тебѣ будетъ казаться, что ты еще ничего добраго не сдѣлалъ ни для людей Божіихъ, ни для храма Божія, а вотъ уже на первой исповѣди ты услышишь отъ многихъ именованіе благодѣтеля и отца; тебѣ будутъ говорить о томъ, что твоя служба и твое поученіе пробудили дремавшую совѣсть, будутъ просить у тебя благословенія на особенные добровольные подвиги, будутъ признаваться въ давно совершенныхъ и долго скрываемыхъ грѣхахъ и преступленіяхъ. Немного времени пройдетъ послѣ этого, какъ народъ настолько сроднится съ тобою, что ни одного дѣла ни семейнаго, ни общественнаго, не будутъ начинать безъ твоего указанія и благословенія. Такъ не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось видѣть одного сельскаго пастыря нашей епархіи, о которой говорилъ мнѣ его-же недоброжелатель, что весь народъ въ приходѣ добровольно подчиняется этому священнику во всѣхъ своихъ дѣлахъ и охотно исполняетъ все, чего только пожелаетъ послѣдній.

И когда Господь сподобитъ тебя достигать такой высоты

пастырскаго вліянія, когда сердце твое расширится настолько, чтобы вмѣщать заботы и духовную жизнь многочисленныхъ семействъ и сокровенныя тайны каждой души, и все это возводить въ мѣру Христова совершенства, — тогда сравни богатство твоего жизненнаго содержанія съ тою жалкою суетой, съ тѣмъ безпокойнымъ нетерпѣливымъ и безцѣльнымъ блужданіемъ, въ которомъ пребываютъ священники, пренебрегающіе своимъ высокимъ жребіемъ, тяготящіеся таинственною и благодатною бесѣдою съ Богомъ и брезгливо сторонящіеся отъ священнаго наслѣдія Его Единороднаго Сына, т. е. вѣрующаго народа. И скажи, возможно ли тогда будетъ въ твоемъ приходѣ вліяніе еретиковъ-штундистовъ или распространяемыхъ жидами и проходимцами-нигилистами прокламацій, ложно выдаваемыхъ за грамоты друзей народа? А если подобное растлѣніе коснулось твоей паствы еще раньше, то оно быстро исчезнетъ, оно истаетъ, какъ воскъ отъ лица огня, если только въ душѣ твоей возгорится огонь божественной ревности о спасеніи людей, — если ты только возлюбишь въ своемъ сердцѣ врученный тебѣ Св. Духомъ смиренный и христіанскій народъ русскій,—если по любви къ нему и къ собственному спасенію своему, ты подчинишь свою жизнь и свою волю руководству Святой Церкви и, усовершая себя въ молитвѣ и въ изученіи воли Божіей, будешь насаждать въ твоемъ храмѣ настоящую православно-церковную жизнь. „*Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею*“.

Второе окружное посланіе къ духовенству Волынской епархіи.

(О церковно-приходскихъ школахъ).

Въ послѣднее время было нѣсколько случаевъ передачи крестьянскихъ зданій, назначенныхъ подъ церковно-приходскую школу, въ пользу школъ министерскихъ, причемъ церковная школа оказывалась выгнанной на улицу. Явленія эти были бы очень печальны и даже зловѣщи, еслибъ въ основаніи ихъ не лежалъ обманъ бѣднаго народа со стороны лицъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, то прямыми приказаніями, какъ значится въ приговорахъ, то сокрытіями сущности дѣла, понуждавшихъ крестьянъ исполнять дѣйствіе, имѣвшее въ глазахъ послѣднихъ лишь одну цѣль: „вмѣсто малой школы устроить большую“. Различіе вѣдомствъ крестьяне узнавали только тогда, когда черезъ полгода выяснилось, что дѣтей ихъ перестали учить тому, что для нихъ всего дороже, т. е. цер-

ковному пѣнію и чтенію по славянски. Тогда только начинали раздаваться въ народѣ горькія сожалѣнія о своей довѣрчивости и опрометчивости съ прибавленіемъ малороссійскихъ эпитетовъ, но сдѣлать бывало уже нельзя ничего, и молодое поколѣніе являлось опять отодвинутымъ отъ алтаря Господня и отъ клироса.

„Моихъ прихожанъ безцеремонно обманули!“—жалуется мнѣ священникъ. Вѣрно, но не могли-бы ихъ обмануть, еслибъ ты былъ добрымъ пастыремъ, знающимъ своихъ овецъ? Смотри, чтобы ихъ не обманули бы и самой вѣрой, какъ обманывали недавно харьковцевъ ложными грамотами.

Правда, священникъ не заинтересованъ лично характеромъ школы. Даже наоборотъ: школа церковная въ приходѣ не даетъ ему никакого вознагражденія, но возлагаетъ на него отвѣтственность предъ различными представителями власти, а школа мірская, освобождая его отъ отвѣтственности, даетъ ему законоучительское жалованье отъ 60 до 120 рублей въ годъ.

Мнѣ поэтому приходилось слышать, что и самый подмѣнъ школъ происходитъ иногда по тайному соглашенію со священникомъ. Этому нельзя не печалиться, но радуюсь тому, что все-таки многіе священники остановили у себя такой подмѣнъ своимъ вліяніемъ; а теперь правительство озаботилось, чтобы это безобразное явленіе не повторялось.

Но, всечестные отцы! какъ стыдно принимать отъ гражданской власти то, что такъ легко могли бы мы имѣть сами! О, еслибъ только мы всѣ сознавали свой долгъ, то, конечно, крестьяне сами добивались-бы, чтобы всѣ ихъ школы были бы церковными. А теперь, когда на нѣкоторыхъ такихъ школахъ виситъ замокъ отъ апрѣля до декабря, мудрено-ли, что дѣятели иныхъ вѣдомствъ оправдываютъ свои притязанія на эти школы?

Мы не унижаемъ гражданской сельской школы: изъ всѣхъ видовъ мірскихъ школъ она, конечно, всетаки наиболѣе религіозная; учители ея трудятся усердно въ предѣлахъ начертанныхъ имъ обязанностей и они достойны всякаго сочувствія, какъ и ученики ихъ. Не призываю я васъ къ тому, чтобы стараться о перечисленіи министерской школы въ церковную: не будемъ мстить нашимъ недоброжелателямъ, хотя бы мы могли вчетверо воздать въ нѣдро ихъ, пользуясь вліяніемъ на народъ. Мы лучше будемъ направлять послѣднее на открытіе новыхъ училищъ, ибо ихъ все-таки страшно мало; однако, знайте, что школа церковная имѣетъ въ своей программѣ огромное преимущество надъ мірскою, что народъ нашъ желаетъ учиться прежде всего тому, какъ молиться и какъ вѣрить. И въ этомъ отношеніи не только гражданская, но и цер-

ковная школа недостаточно церковна; еще и отъ ней надо бы убавить много мірскихъ началъ, внушенныхъ нѣмецкой педагогикой. И если бы народные педагоги искренно держались либеральнаго правила—не насиловать народнаго ума, а только облегчать ему путь къ развитію въ присущемъ ему историческомъ направленіи: то, конечно, они бы не ослабляли церковнаго начала въ школѣ, не изгоняли бы славянскаго языка, псалтири и церковнаго пѣнія, — а намъ-то, учителямъ-пастырямъ, во всякомъ случаѣ надлежитъ возводить школьное преподаваніе на такую высоту духовную, чтобы оно имѣло характеръ какъ бы постояннаго богослуженія. Истинно-народная русская школа должна быть отраслью жизни церковной, должна научить крестьянскаго ребенка прежде всего тому, чтобы ясно понимать, что поютъ и читаютъ въ церкви и самому участвовать въ пѣніи и чтеніи церковномъ. А вѣдь это—цѣлое богословское и нравственное образованіе, это сознательное усвоеніе Св. Библіи, ясное усвоеніе Закона Божія, то единое на потребу, что дѣлаетъ рыбаковъ—мудрецами, сильнѣйшими языческихъ риторовъ.

Небезполезна школа мірская, но для усовершенія христіанина въ церкви она даетъ весьма мало. У ребенка, воспитаннаго въ мірской школѣ, остается раздвоеніе между Закономъ Божіимъ школьнымъ, господскимъ и Закономъ Божіимъ церковнымъ, храмовымъ. Тамъ по-русски, по-кацапски, нѣчто то слащавое, то сухо-законническое, а здѣсь славянское, святое, какъ бы съ неба сходящее, нечеловѣческое. Языкъ школьника отучается отъ церковно-славянской рѣчи, отъ речитативнаго чтенія; онъ разучивается правильно — по-мужицки — креститься, забываетъ о постахъ, ничего не слышитъ о подвигахъ святыхъ Угодниковъ, что разсказываетъ ему бабушка, ни о Кіевскихъ пещерахъ, ни о Почаевской Лаврѣ. Когда старшіе говорятъ обо всемъ этомъ, онъ старается припомнить свои уроки, берется за учебникъ съ картинками, но тамъ находитъ только портреты Пушкина, Памятникъ тысячелѣтія, да иллюстраціи къ баснямъ Крылова.

„А це нашъ хлопецъ польскимъ панычемъ зробывся“,—укоризненно замѣчаетъ крестная мать, видя, какъ онъ, по примѣру учительницы становится на одно колѣно, мотаетъ зря рукой по груди взамѣнъ истоваго креста,—а проходящій старый дьякъ прибавляетъ изъ Златоуста: „тому неистовому маханію бѣси радуются“.

Конечно, о. законоучитель могъ бы это отчасти поправить и, конечно, никто бы ему въ этомъ не сталъ препятствовать, но въ своей-то церковной школѣ сколько великаго и преславнаго можетъ онъ сдѣлать!

Когда я проѣзжаю по малороссійской деревнѣ и вижу бѣлыя головки невинныхъ созданій Божіихъ, неизбалованныхъ свѣтскими матерями, не наученныхъ лгать и притворяться, но во всей чистотѣ еще сохранившихъ благолѣпный образъ Божій, какъ я стремлюсь тогда къ нимъ! Какъ радъ бываю выйти хоть не надолго изъ своей неуклюжей кареты, изъ той тяжелой атмосферы, которая неизбѣжно давитъ всякое высокопоставленное лицо среди его окружающихъ, и подойти къ этимъ Христовымъ любимцамъ. „Дитя! скажи мнѣ молитву, покажи какъ изображаешь ты рукой спасительную страсть Христа Бога!“

Для дитяти нѣтъ различія между сословіями и положеніями людей. Оно не робѣетъ, если только ласково заговорить съ нимъ и будетъ говорить тебѣ священныя слова такъ-же просто, какъ говоритъ ихъ наединѣ со своимъ Небеснымъ Отцемъ. А тутъ насъ окружили взрослые крестьяне. Глаголы молитвъ, внушенные св. отцамъ Огненнымъ Духомъ Божіимъ, произносимые *изъ устъ младенецъ и ссущихъ* просвѣтляютъ и лица большихъ; послѣднія преображаются то умиленной улыбкой, то умиленною слезой. Два, три мгновенія такого общаго вниманія дѣтской молитвѣ и всѣ мы, ученые и простые, становимся лучше, ближе къ Богу, дальше отъ грѣха. Здѣсь исполняется слово Единороднаго: *„иже аще едино таковыхъ отрочатъ пріиметъ во имя Мое, Мене пріемлетъ; и иже Мене пріемлетъ, не Мене пріемлетъ, но Пославшаго Мя“* (Марк. IX, 37).

Смотри, іерей Божій, какъ легко тебѣ принять Христа и Бога! Одно только дитя приласкай во имя Его! Одно дитя,— вокругъ тебя ихъ сотни, тысячи. Смотри, какія сокровища тебѣ посылаетъ Богъ! Можно-ли не любить ихъ? Вспомни слово западника Некрасова:

„Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ
Крестьянскихъ дѣтей“.

Когда я вхожу въ сельскую школу, когда вижу тѣхъ, кому подобныхъ обнималъ нашъ Спаситель, то не сразу могу говорить отъ приступающихъ къ горлу слезъ. Поистинѣ здѣсь домъ Божій.

Сядемъ же у нихъ и разскажемъ изъ Христова ученія то, что наиболѣе доступно ихъ сердцамъ: о томъ, какъ Даніилъ являлся пастыремъ львовъ; какъ преп. Сергій кормилъ одного медвѣдя; какъ пахалъ на другомъ преп. Савва; какъ цѣломудренный Іосифъ простилъ своихъ братьевъ; какъ обрѣлъ потерянныхъ дѣтей своихъ великомученикъ Евстаѳій. Если

хочешь прослѣдить степень вниманія твоихъ слушателей, то начни ходить взадъ и впередъ по хатѣ, и увидишь, что всѣ 40 или 50 личиковъ правильно, какъ бы на веревкѣ, поворачиваются за тобою въ одну и другую сторону, ловя твои слова. Говори имъ все это просто, съ тою картинностью, съ тою выразительностью рѣчи, которая отличаетъ бесѣду малоросса и особенно малороссійскаго священника. Ты пользовался этими свойствами, чтобы восхищать своихъ товарищей на дружеской бесѣдѣ или на пирушкѣ, возбуждалъ веселый смѣхъ и рукоплесканіе! Отдай лучше Богу этотъ даръ и учащай такіе духовные пиры вѣры съ тѣми, кто всѣхъ насъ предваряетъ въ царствіи Божіемъ по неложному слову Евангелія. Или вотъ въ старшемъ отдѣленіи школы въ Великороссіи тебѣ прочитали молитву за Царя. Кто же это *сопротивные?* спрашиваешь. Мальчикъ подумалъ: „а вотъ китайцы, турки". Зачѣмъ мы съ ними воевали? — „Значитъ, заступались за христіанъ",—одобрительно говоритъ ребенокъ. О китайцахъ тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что ихъ особенность заключается въ томъ, что они носятъ косы. Сообщая объ этомъ, дѣти премило конфузятся. Покойныхъ Царей Александра III и Александра II тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что Царь-Мученикъ далъ крестьянамъ свободу. Знаютъ и то, что св. градъ Іерусалимъ находится въ рукахъ невѣрныхъ. Какъ все это у нихъ искренно, какъ задушевно, какъ прекрасно!

Священники Божіи! любите дѣтей, умиляйтесь ихъ невинностью, дорожите ихъ вниманіемъ божественному закону и, видя все это, сокрушайте сердце свое покаянной молитвой! Вы часто жалуетесь на испорченность прихожанъ. Но вотъ неиспорченные изъ нихъ, погруженные вами въ купель пакибытія и теперь приведенные къ вамъ родителями для наученія тайнамъ вѣры. Вѣдь это святыня Божія! это драгоцѣннѣйшій перлъ нашей святой земли православной! Отъ васъ зависитъ сдѣлать ихъ навсегда поборниками Церкви или, наоборотъ,— оттолкнуть отъ нея! Пусть святой храмъ всегда оглашается ихъ дѣтскимъ пѣніемъ и чтеніемъ, пусть родители ихъ плачутъ не отъ скорби о ихъ порокахъ впослѣдствіи, но пусть плачутъ теперь отъ умиленія, слыша ихъ голосъ во св. храмѣ, куда они входятъ съ благоговѣйнымъ страхомъ. „О чемъ ты плачешь сегодня всю вечерню, добрая женщина?"—„А то мій Опанасъ читае кахвизьму".

Старайся объ этомъ десять, пятнадцать лѣтъ, усердный іерей, и у тебя запоетъ вся церковь, и чтеніе будетъ вестись по очереди всѣми прихожанами, какъ монахами въ хорошей обители. Это все въ твоихъ рукахъ, только обрати твое сердце къ народу Божьему, къ дѣтямъ народа твоего...

Давно пришлось мнѣ слышать одно жестокое слово, котораго я никогда не забуду: „то вы, монахи, можете плакать надъ чужими дѣтьми, а намъ свои дѣти—дѣти, а чужія дѣти—поросята". Дѣти человѣка того скоро сдѣлались хуже поросятъ, но и ты знай, что Господь отмщаетъ на ослушникахъ Своей воли „до третьяго и четвертаго рода". Никогда не извиняй своего нерадѣнія къ дѣтямъ твоихъ прихожанъ заботою о собственныхъ дѣтяхъ. Самъ знаешь, сколько теперь священническихъ дѣтей сидятъ по тюрьмамъ, сколько умираетъ пьяными подъ заборомъ, сколько отравленныхъ позорными болѣзнями, постигающими развратниковъ. Всегда, а тѣмъ болѣе въ наше печальное время, никакія заботы родителей не обезпечиваютъ правильнаго воспитанія ихъ дѣтей. Иногда почти святые юноши развращаются въ высшей или даже въ средней школѣ до неузнаваемости въ какіе-нибудь полгода, теряя совѣсть, отечество, вѣру. Если любишь своихъ собственныхъ дѣтей, если трепещешь за здоровье младенцевъ, за нравственность отроковъ и юношей, то заработай себѣ защиту для нихъ у Бога: иначе *„всуе бдѣ стрегій"*. Бойся прогнѣвить Его пренебреженіемъ къ дѣтямъ чужимъ, — не чужимъ: они тоже твои, тѣхъ ты родилъ по плоти, а этихъ по духу благодати; отвѣтъ же долженъ дать и за тѣхъ и за этихъ. Пророки говорили о Навуходоносорѣ: какъ ты не миловалъ дѣтей Израиля, такъ Богъ не помилуетъ дѣтей твоихъ. То же говорю и тебѣ. Не бываетъ мира и любви въ семьѣ себялюбцевъ. Нѣтъ чести и родителямъ, любящимъ только своихъ дѣтей, ибо и волки и тигры дѣлаютъ то-же. Семья, замкнутая въ себѣ и безучастная къ окружающимъ, лишена взаимной теплой ласки; это не домашняя церковь, а торговый акціонерный союзъ, гдѣ всѣ хлопочутъ о пользѣ своей компаніи. Напротивъ, Божій Ангелъ не отходитъ отъ семьи, гдѣ родители еще раньше полученія своихъ дѣтей умѣли любить чужихъ, и на нихъ сбывается слово псалмопѣвца: *„Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба"* (Псал. XXXVI, 25).

Любите дѣтей, іереи Божіи, не препятствуйте имъ приходить ко Христу. Бойтесь потопленія съ жерновомъ осельскимъ, къ которому приговорены соблазнители Вѣчнымъ Судіей. Не будьте безучастны къ училищамъ благочестія; разъясняйте прихожанамъ высокое преимущество церковной школы и ограждайте ихъ отъ обмановъ. Но и въ школѣ мірской, какъ законоучители, не оставляйте дѣтей безъ теплаго сердечнаго участія. Разберите дѣтскія народныя книжки по Закону Божію, соберите все, что есть наилучшаго и назидательнаго для дѣтей и читайте имъ и сами, и чрезъ учителя и

псаломщика, а еще лучше, если разговорною простою рѣчью или даже во взаимной бесѣдѣ съ дѣтьми будете раскрывать имъ то, что содержатъ сіи книги. Больше всего раскрывайте имъ о такихъ событіяхъ, въ которыхъ Богъ вывелъ на свѣтъ правду, въ которыхъ положившіеся на Бога оказывались побѣдителями надъ хитрецами, дабы дѣти научились вѣрить въ правду жизни и противостоять искушеніямъ силы, искушеніямъ лжи. Разсказывайте имъ еще больше о томъ, какъ люди прощали другъ друга, какъ обиженные не мстили врагамъ, какъ сильные и знатные преклонялись предъ добродѣтельными простецами, какъ святые добровольно отказывались отъ богатства, власти, красивыхъ женъ и уходили въ пустыню, смирялись предъ всѣми и служили нищимъ. Увидите, сколь многіе изъ учениковъ вашихъ сдѣлаются подвижниками добродѣтели у себя-ли въ деревнѣ или въ монастырской обители. Поступая такъ, принадлежа школѣ и дѣтямъ, вы и весь народъ приведете въ послушаніе вѣры, какъ нѣкогда Святитель Леонтій Ростовскій, изгнанный взрослыми, но возлюбленный дѣтьми, которыя потомъ и взрослыхъ къ нему обратили. Я видѣлъ самъ, какъ старый крестьянинъ цѣлуетъ руку учителю-мальчику, уважая въ немъ носителя свѣта Божія. А учителю — священнику народъ цѣлуетъ ноги и края его одежды. О, Господи! научи насъ творити волю Твою. Научи насъ оправданіемъ Твоимъ. Да не обуяетъ соль! Да просвѣтится свѣтъ учениковъ Твоихъ предъ человѣки!

Архипастырское Окружное Посланіе къ паствѣ Волынской.

(Противъ невѣрія и иновѣрія).

Смиренный Антоній, Божіею милостіею епископъ Волынскій и Житомірскій своей возлюбленной паствѣ, іереямъ, діаконамъ, монахамъ, монахинямъ и всему православному народу, несущему крестъ Христова долготерпѣнія и уповающему на вѣчную жизнь — радоватися.

„Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко днiе лукави суть“ (Ефес. V, 15, 16). Врагъ нашего спасенія, діаволъ, всегда ведетъ борьбу противъ спасающихся, то воздвигая на нихъ лукавыхъ людей, то возмущая ихъ души грѣховными помыслами. Такъ и въ настоящее время онъ умножилъ свою брань противъ православнаго русскаго народа чрезъ своихъ клевретовъ, какъ это было и въ древнія времена, о чемъ мы знаемъ изъ посланій св. Апостолъ: *и у васъ будутъ лже-*

учители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель (2 Петр. II, 1).

Въ наши дни такіе лжеучители умножились и потому нужнымъ почитаю предостеречь отъ нихъ своихъ духовныхъ чадъ и убѣждать ихъ умножить свое усердіе къ истинной вѣрѣ православной, дабы ухищренія слугъ демоновыхъ отражались вашею благочестивою жизнью, какъ необоримымъ щитомъ, и враги Божіи далече бѣжали бы отъ васъ.

Какіе же это враги Божіи, наиболѣе лукавые и опасные? Прежде всего тѣ, которые, давно утерявъ вѣру въ Него, стараются о томъ, чтобы постепенно отвратить отъ вѣры и весь народъ русскій, убить въ немъ совѣсть, чтобы онъ безъ всякаго страха совершалъ убійства, грабежи и мятежъ и не различалъ бы добра отъ зла, а считалъ бы дозволеннымъ все, къ чему влечетъ злая похоть. Такіе лжеучители называются нигилистами, или соціалистами, или соціалъ-демократами. Не сразу внушаютъ они людямъ свое невѣріе въ Бога и въ Страшный Судъ Его. Принимая видъ друзей народа, они обольщаютъ легкомысленныя души притворнымъ участіемъ, начинаютъ говорить о томъ, въ какой бѣдности и обидѣ живутъ труженики крестьяне, какъ несправедливо распредѣлено имущество между богатыми и бѣдными; замѣтивъ далѣе, что ихъ слушаютъ сочувственно, они начинаютъ уже осуждать и высшее правительство, зачѣмъ оно не раздѣляетъ имущество всѣмъ поровну, а затѣмъ, добившись того, чтобы ихъ простодушныхъ слушателей охватили гнѣвъ и злоба на людей, стараются подорвать въ нихъ и покорность Промыслу Божію и посѣять въ души сомнѣніе въ томъ, что есть на небѣ Богъ, милующій праведнаго и карающій беззаконника.

О подобныхъ лжеучителяхъ предсказали еще при своей жизни Божественные Апостолы Петръ, Павелъ и Іуда, братъ Господень. Они предостерегали отъ тѣхъ, которые *„идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ“* (2 Пет. II, 10).

Помните, православные люди, что истинные друзья человѣчества, истинные посланники Божіи никогда не старались возбудить въ людяхъ недовольство жизнью и ропотъ на Бога, напротивъ, примиряли со скорбями и научали терпѣнію и покорности Божіей волѣ, какъ и сказано въ книгѣ Дѣяній, что св. Апостолы проходили города и страны, *„утверждая души учениковъ, увѣщевая пребывать въ вѣрѣ и поучая, что многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе“* (XIV, 22).

Гонимые языческими властями, они однако писали христіанамъ: *„всякая душа властемъ предержащымъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущыя же власти отъ Бога учинены суть; тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется; противляющіися же себѣ, грѣхъ пріемлютъ“* (Римл. XIII, 1, 2).

Не тѣхъ слушай, кто обращаетъ глаза твои на чужое добро, а тѣхъ, кто научаетъ свое добро отдавать бѣднымъ и на церкви; не къ тѣмъ склоняй свое сердце, кто указываетъ тебѣ на неправду людей богатыхъ и знатныхъ, но того считай своимъ благожелателемъ, кто съ любовью напоминаетъ тебѣ о твоихъ грѣхахъ и обидахъ, какіе нанесъ ты ближнимъ своимъ. Если такихъ будешь любить, то явишься мудрымъ въ очахъ Господнихъ, ибо Его неложныя уста сказали черезъ царя Соломона: *„обличай премудра, и возлюбитъ тя“* (Причт. IX, 8).

Никого не исправили и не привели къ добру тѣ, кто возмущалъ души недовольствомъ, злобой и завистью, хотя многіе слушали такихъ нечестивцевъ, какъ сказалъ св. Апостолъ Петръ: *„многіе послѣдуютъ ихъ развратy, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи“* (2 Петр. II, 2). Достигаютъ же они своихъ гнусныхъ цѣлей черезъ обманъ. Такъ было во многихъ деревняхъ Полтавской, Харьковской, Черниговской и Орловской губерніяхъ: мятежники являлись переодѣтыми въ генеральскую одежду съ подложными грамотами, писанными какъ бы отъ самого Царя, съ приказаніемъ грабить чужое добро и жечь усадьбы. Нѣкоторые глупцы вѣрили этимъ безсовѣстнымъ людямъ и бросались жечь и грабить богатыхъ людей, а потомъ приходили войска царскія, заключали грабителей въ тюрьму, а разграбленное возвращали владѣльцамъ. Итакъ, грабители, позавидовавшіе чужому богатству, проводили рабочую пору въ тюрьмѣ и еще болѣе раззорялись, а ихъ наглые совѣтчики, во время спрятавшись, потомъ смѣялись надъ простаками, злорадствовали о томъ, что посѣяли на землѣ смуту и озлобленіе, чего именно только и желали.

А лучше-ли бы было для самихъ грабителей, еслибъ они остались безнаказанными? Нѣтъ, еще хуже. Теперь они хоть вразумятся не вѣрить всякому проходимцу и обманщику, а еслибъ сошло съ рукъ ихъ беззаконіе, то, наживъ чужое богатство, они потеряли бы то, что дороже всякаго стяжанія, т. е. совѣсть свою, *еяже ничтоже въ мірѣ нужнѣйше*, какъ сказано въ Великомъ Канонѣ.

Итакъ, поминайте псаломское слово: *„не надѣйтесь на грабительство и не тщеславьтесь хищеніемъ; когда богатство умножается, не прилагайте къ нему сердца.*

Однажды сказалъ Богъ, и дважды я слышалъ это, что сила у Бога, и у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по дѣламъ его" (Пс. LXI, 11—13).

Никогда не придетъ такого времени, чтобы всѣ были богаты. Господь сказалъ Своимъ ученикамъ: „*всегда бо нищія имате съ собою, и егда хощете, можете имъ добро творити: Мене же не всегда имате*" (Марк. XIV, 7). И еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь говорилъ народу: „*нищіе всегда будутъ среди земли твоей; потому я и повелѣваю тебѣ: отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей*" (Втор. XV, 11).

Итакъ, братіе, не слушайте безумцевъ и лжецовъ, которые увѣряютъ васъ, будто возможно устроить на землѣ такіе порядки, когда не будетъ бѣдныхъ. Грѣшитъ предъ Богомъ богачъ, который затворяетъ сердце свое предъ бѣднякомъ, прогнѣвляетъ Бога владѣлецъ земель, если не помогаетъ земледѣльцамъ труженикамъ въ ихъ трудахъ, но не менѣе грѣшенъ предъ Богомъ и бѣднякъ, исполненный зависти и ненависти къ богатымъ и ропота на Бога. Развѣ у богатыхъ счастье? Развѣ они не исполнены бываютъ скорбей, и болѣзней, и страховъ, и унынія, и вражды въ семействѣ своемъ, и всякаго неудовольствія, и той-же зависти другъ къ другу? А еслибы они и были счастливы, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то и тогда не оправдался бы всякій завистникъ.

Насъ Богъ не для счастья послалъ на землю, а для спасенія; въ томъ заключается сущность христіанской вѣры, чтобы не счастья домогаться на землѣ, а добродѣтели, не богатства искать, а наученія святости, не деньгами утѣшаться, а молитвой. Никогда не будутъ всѣ богаты, но возможно пришествіе такого времени, когда въ православномъ народѣ, по слову Господню, „*будутъ всѣ научены Богомъ*" (Іоан. VI, 45). Вотъ, братіе, чего мы должны желать, а тѣхъ, кто даже не вѣруетъ въ Бога, не слушайте и гоните отъ своихъ жилищъ, чтобы они не развратили вашихъ ближнихъ и дѣтей вашихъ. „*Не пріемлите его въ домъ, и радоватися ему не глаголите. Глаголяй бо ему радоватися сообщается дѣламъ его злымъ*" (2 Іоан. I, 10—11). Такъ научаетъ насъ Св. Апостолъ Іоаннъ обходиться съ тѣми, которые разносятъ по землѣ ложное ученіе.

А что они разносятъ въ своихъ прокламаціяхъ кромѣ лжи? Богъ велѣлъ почитать царя (1 Петр. II, 17), а они возмущаютъ народъ противъ царя; Богъ велѣлъ повиноваться духовнымъ наставникамъ (Евр. XIII, 17), а они поносятъ и осмѣиваютъ священный санъ; Богъ въ десятой заповѣди не велѣлъ пожелать себѣ дома ближняго, ни села его, ни вола

его, ни всего, елика суть ближняго, — а они научаютъ жечь и грабить чужое достояніе. Предостерегайте другъ друга отъ этихъ лихихъ людей, не подпускайте ихъ къ дѣтямъ вашимъ. Всякую печатную бумажку или книжку, которую получите отъ незнакомаго человѣка, сомнительнаго духа, покажите прежде священнику и спросите, доброе или гибельное въ ней написано. Даже, если встрѣчается въ ней имя Господа Іисуса Христа, не довѣряйте ей безъ одобренія священника, потому что теперь умножаются кромѣ учителей мятежа еще и учители ересямъ, лжепророки, о которыхъ предсказали намъ Святые Апостолы.

Объ этихъ вредныхъ людяхъ должно сказать вамъ особо. Ихъ называютъ штундистами, и баптистами, и пашковцами. Они не отвергаютъ Господа Іисуса Христа, но не почитаютъ Пресвятую Богородицу, не молятся ни Ей, ни Угодникамъ Божіимъ; они не велятъ молиться за усопшихъ, поносятъ святые храмы и священниковъ. Тѣ—мятежники соціалисты—бунтуютъ людей противъ Царя, а эти бунтуютъ ихъ противъ православной вѣры и противъ Церкви Божіей. Но подобно первымъ, они не сразу объявляютъ себя, а подольщаются къ людямъ, *прелазяще инудѣ;* отсюда мы знаемъ, по слову Христову, что это люди не добрые, погибельные, потому что сказано во св. Евангеліи: *„а прелазяй инудѣ, той татъ есть и разбойникъ“* (Іоан. X, 1). Зная, что добрые и смиренные сердцемъ русскіе люди любятъ слушать о Богѣ и о святомъ Евангеліи, они, приходя въ крестьянскую хату, какъ странники, вынимаютъ Новый Завѣтъ и читаютъ хозяевамъ Слово Божіе о спасеніи, а затѣмъ допрашиваютъ, учатъ-ли ихъ тому въ церкви и понимаютъ-ли они, что поется въ церкви. А когда имъ отвѣтятъ, что мало понимаютъ крестьяне св. службу, то пришельцы принимаются осуждать священниковъ за лѣность и корыстолюбіе и такъ мало по малу соблазняютъ души недовѣріемъ къ священнику, къ службѣ церковной, но сами не объявляютъ, что они не православные, и если ихъ спросить: можетъ быть, вы штундисты, то они забезпокоятся и начнутъ увѣрять, что они вовсе не штунисты, не сектанты, а истинные христіане.

Чтобы узнать такихъ людей, попросите ихъ перекреститься, поцѣловать св. икону и прочитать „Достойно есть“, или просто сказать съ благоговѣніемъ: „Пресвятая Богородице, спаси насъ!“ Не сдѣлаютъ они ничего этого, и тогда спѣшите показать имъ двери и читайте имъ въ слѣдъ молитву: „Господи, оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ, трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его“.

Знайте, что люди эти выдумали свою баптистскую, или

штундовую вѣру 50 лѣтъ тому назадъ, а смѣютъ называть себя истинными христіанами. Выходитъ такъ, что христіанъ не было отъ времени Христа до нихъ 1800 лѣтъ и что святые Апостолы, мученики, святители и преподобные не были христіане, ибо у нихъ была другая вѣра: они чтили Богородицу, знаменовались крестомъ, цѣловали св. иконы, собирались въ церковь и почитали священниковъ, а штундисты все это дѣлать воспрещаютъ. Они не хотятъ признавать св. Отцевъ и ихъ правилъ о постахъ, о говѣніи, о церковныхъ службахъ, и говорятъ, что признаютъ только собраніе священныхъ книгъ Новаго Завѣта. Но спросите ихъ: почему они довѣряютъ нашимъ евангеліямъ и посланіямъ апостольскимъ? Кто соединилъ вмѣстѣ эти священныя книги? Кто призналъ ихъ Словомъ Божіимъ, спасительнымъ для людей? Все это сдѣлалъ Первый Вселенскій соборъ Святыхъ 318 Отецъ въ 325 году въ городѣ Никеѣ. Но они этихъ Отцевъ не признаютъ истинными христіанами и выдумали иную вѣру, чѣмъ исповѣдали св. Отцы. Почему же они берутъ то самое собраніе священныхъ книгъ, которое составили Отцы? Почему они эти книги называютъ Словомъ Божіимъ, а другія, тоже Апостолами писанныя, напр. Ап. Варнавой, Климентомъ и 85 правилъ св. Апостолъ,—отвергаютъ? Ничего на это они не могутъ отвѣтить, и такъ становится для всѣхъ яснымъ ихъ безуміе.

Но кромѣ того, въ самое послѣднее время открывается для православныхъ новая опасность отъ латинянъ и уніатовъ. Они желаютъ впустить къ намъ снова свою духовную заразу, которой насильно подвергли отцевъ вашихъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда пытками, и изгнаніями, и раззореніемъ св. церквей понуждали они народъ отрекаться отъ православія и принимать унію, т. е. единеніе съ ересью. Сто лѣтъ тому назадъ, освободившись отъ польской державы и возвратившись къ отечественной русской власти, отцы ваши сейчасъ же тогда сбросили съ себя обольщеніе уніи и возвратились къ православной вѣрѣ. А нынѣ, когда силою не препятствуютъ людямъ переходить изъ одной вѣры въ другую, лжеучители начали распространять тайно всякія басни о томъ, будто бы снова настанетъ такое время, когда всѣхъ насильно будутъ переводить въ унію, и убѣждаютъ православныхъ людей лучше заранѣе добровольно соединиться съ латинскимъ нечестіемъ. Они стараются убѣждать простолюдиновъ въ томъ, будто вѣра латинская та же, что и православная, уговариваютъ людей, женившихся на католичкахъ, дозволять дѣтей крестить въ католическую или уніатскую вѣру, приглашаютъ ихъ участвовать въ католическихъ отпустахъ, и другими многими способами стараются уловлять души людей на свой погибельный

путь хитростью, какъ прежде принуждали къ тому насиліемъ. Бойтесь, братіе, этихъ лукавыхъ людей! Помните, что отрекшійся отъ Церкви, не повинующійся ей, въ глазахъ Божіихъ все равно, что язычникъ и мытарь, какъ сказалъ Христосъ (Мѳ. XVIII, 17). Избѣгайте вступать въ браки съ католичками и знайте, что эти браки, допущенные недавно по слабости человѣческой, грѣховны въ очахъ Божіихъ, по 72 правилу Шестого Вселенскаго Собора. Откройте книгу Великій Требникъ и читайте въ немъ правило 58 по Номоканону: „Нелѣпо есть православному мужу съ еретическою совокупитися женою, ниже со еретическимъ мужемъ женѣ православнѣй; аще же и будетъ, нетвердый да вмѣнится бракъ и беззаконное да разрѣшится (расторгнется) сожитіе... Подобнѣ и съ латины, аще православная жена совокупися, съ разрѣшеніемъ (расторженіемъ) брака и прощеніемъ подлагати епитиміи. Аще же кто преступитъ повелѣнное, да отлучится".

Итакъ, кто, по невѣдѣнію своему, уже вступилъ въ бракъ съ католикомъ, того терпитъ св. Церковь по снисхожденію къ нынѣшнему общему растлѣнію и въ надеждѣ на обращеніе неправославнаго супруга къ истинной вѣрѣ, ибо въ томъ же правилѣ упомянуто: „аще же обѣщается каятися еретическое лице, да пребудетъ бракъ дондеже обѣщаніе утвердится".

Теперь, узнавъ Божественный законъ, удаляйтесь отъ устроенія брака съ католиками и опасайтесь сихъ сѣтей, ибо прежде отъ сего удерживали сами ихъ ксендзы, а теперь, напротивъ, будутъ содѣйствовать смѣшаннымъ бракамъ, дабы воспитывать дѣтей въ латинской вѣрѣ.

Удаляясь безбожниковъ, мятежниковъ и еретиковъ, утверждайтесь, братіе, въ любви къ Богу, ко св. Церкви. Тѣмъ и великъ русскій народъ, что, живя на землѣ, думаетъ о небѣ, трудясь въ потѣ лица своего надъ землею для исполненія заповѣди, онъ не прилѣпляется душою своею къ богатству, а ищетъ небеснаго Царствія и утѣшенія на небѣ. Посему и для дѣтей своихъ желайте не земныхъ благъ, а мудрости духовной. Поддерживайте и устраивайте въ своихъ селахъ школы церковно-приходскія, въ которыхъ ваши дѣти выучатся тому, что знаютъ св. Ангелы, т. е. воспѣванію Божественной славы на церковныхъ службахъ, научатся читать по славянски священныя книги и тѣмъ превзойдутъ даже господъ, которые считаютъ себя образованными, а ни одного псалма не могутъ прочитать безъ ошибки. Наша славянская грамота составлена святыми Равноапостольными Кирилломъ и Меѳодіемъ для того, чтобы мы на своей родной рѣчи прославляли Пресвятую Троицу, и забывать эту грамоту и учиться только по мірскому читать, какъ въ свѣтскихъ училищахъ, это значитъ отрекаться

отъ христіанскаго просвѣщенія, заключающагося прежде всего въ томъ, чтобы разумно участвовать въ церковномъ славословіи Христа, а не въ томъ, чтобы читать всякія побасенки. Усердствуйте же, братіе, о церковной школѣ, пріобрѣтайте себѣ книжки духовныя — евангелія, молитвенники, псалтири, житія святыхъ и наставленія проповѣдниковъ. Не смотрите на то, что эти книги совершенно неизвѣстны благороднымъ людямъ и что они, можетъ быть, будутъ смѣяться надъ вами за то, что читаете духовное. Напротивъ, они сами достойны осмѣянія за то, что пренебрегли „единымъ на потребу“ и потеряли путь спасенія, „*но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, объюродѣша... Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту*“ (Римл. I, 21—24). Знайте, впрочемъ, и то, что наиболѣе просвѣщенные люди и изъ благородныхъ чтутъ Бога и изучаютъ Его святой законъ. Таковы были у насъ, на Волыни, въ древности князья Константинъ Острожскій и Андрей Курбскій, всю жизнь изучавшіе святую Библію и богословіе святыхъ Отецъ, защищавшіе православную вѣру и ограждавшіе христіанъ отъ ереси кальвинской и папежской.

Есть и теперь такіе просвѣщенные и боголюбивые и вельможи, и профессора, и помѣщики, и чиновники, и военные и, конечно, всегда будутъ; но если вы такихъ и не встрѣчали, а знали больше недовѣрковъ и кощунниковъ, то не смущайтесь ради нихъ и не ослабѣвайте въ преданности Богу. Помни, что на Страшномъ Судѣ не оправдаешься въ своемъ маловѣріи и лѣности чрезъ указаніе на такихъ людей, ибо вмѣстѣ съ ними-же тебѣ тогда будетъ присуждена геенна. Господь скажетъ: ты подражалъ имъ при жизни, наслѣдуй же и то вѣчное осужденіе, которому они подвергаются за невѣріе и безпутную жизнь.

Вѣдь и при земной жизни Спасителя было такъ, что больше простой народъ и бѣдняки шли за Нимъ и принимали Его заповѣди, а съ ними и начатки вѣчнаго блаженства. А ученые законники старались вооружить противъ Него людей и говорили слугамъ своимъ, когда они увѣровали во Христа: „*еда и вы прельщени бысте? еда кто отъ князь вѣрова въ Онь, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть*“ (Іоан. VII, 47—49). „*Обаче убо*“,— говорится въ другой главѣ евангелія: „*и отъ князь мнози вѣроваша въ Него, но фарисей ради не исповѣдаху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ: возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію*“ (Іоан, XII, 42, 43). Жалкая это вѣра! Какъ презираемъ мы человѣка, который

стыдится предъ господами отца и матери за то, что они бѣдны и незнатны. Но насколько постыднѣе стыдиться Христа, насъ ради не постыдившагося бичеванія и глумленія воиновъ, заплеванія лица, вѣнца терноваго, наконецъ, распятія и смерти? Убоимся, братіе, страшнаго слова Его: „*иже постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми*“ (Марк. VIII, 38). Возлюбимъ пришествіе Его, возлюбимъ славу не человѣческую, а славу Божію. При всѣхъ соблазнахъ нашего времени и при множествѣ враговъ Православной Вѣры, поревнуемъ, братіе, жизни первыхъ христіанъ, учениковъ апостольскихъ, которые не боялись ни осмѣянія, ни изгнанія, ни темницы, ни мукъ, ни смерти, лишь бы не отступить отъ праваго исповѣданія. Они были лучшіе изъ всѣхъ христіанъ всѣхъ временъ, а были люди простые и бѣдные, какъ и написано въ посланіи апостола Павла къ Коринѳянамъ: „*Посмотрите, братія, кто вы призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ; но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ. Отъ Него и вы во Христѣ Іисусѣ, Который сдѣлался для насъ премудростію отъ Бога, праведностью и освященіемъ, и искупленіемъ; чтобъ было, какъ написано: хвалящійся хвались Господомъ*“ (1 Кор. I, 26—31).

Будемъ и мы, братіе, хвалиться Христомъ, а духомъ вѣка сего пренебрегать. Будемъ надѣяться, что наша твердость въ вѣрѣ, наша преданность Христу мало-по-малу воспитаетъ Россіи новыя поколѣнія людей, болѣе смѣлыхъ, которые, подобно древнимъ христіанамъ, опять вознесутъ на высоту православный обычай житія, исполненный молитвъ, воздержанія и смиренія, такъ что теперешній растлѣнный духъ, въ которомъ пребываютъ жители городовъ, предастся забвенію, и наша Русь, возродившись отъ простого народа, снова отъ верху до низу станетъ не по имени только, но и по истинѣ Русью Святою, какою она была 200 лѣтъ тому назадъ и ранѣе.

У насъ на Волыни два нетлѣнныхъ во плоти свидѣтеля святости первыхъ христіанъ и древнихъ русскихъ нашихъ предковъ: преподобномученица Анастасія, замученная язычниками 1700 лѣтъ тому назадъ, которой нетлѣнная глава почиваетъ въ Житомірѣ, въ православномъ соборѣ; — и преподобный Іовъ, почивающій нетлѣнно въ Почаевской Лаврѣ

250 лѣтъ. Воздавайте имъ честь, свидѣтельствуйте имъ свою любовь, вдохновляйтесь ихъ вѣрою.

Я буду ждать васъ, братіе, на духовное утѣшеніе наше славою сихъ святыхъ—на память св. Анастасіи въ Житомірѣ къ 13 іюня и на память преп. Іова въ Почаевѣ къ 28 августа, а нынѣ предаю Васъ ихъ заступленію и покрову Матери Божіей и благодати Пресвятой Троицы: Отца и Сына и Св. Духа — единаго истиннаго Бога, Ему же слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе къ пастырямъ Волынской Церкви.

(О борьбѣ съ латинствомъ).

Нынѣ время дѣлательное явися.

Скорбныя жалобы нѣкоторыхъ іереевъ на отпаденіе въ латинство нѣсколькихъ семействъ въ ихъ приходахъ и выраженныя ими опасенія, что таковыя отпаденія могутъ повторяться и впредь, побудили меня на съѣздѣ оо. Благочинныхъ 16 іюня сообщить имъ для передачи приходскимъ священникамъ мои мысли о главнѣйшихъ причинахъ подобныхъ гибельныхъ явленій и о способѣ ихъ прекращенія на будущее время.

Когда въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ на Волыни совращали народъ въ душепагубную унію съ латинскою ересью, то совращаемыхъ убѣждали въ томъ, будто вѣра у насъ съ латинянами одна и та же, а раздѣляетъ насъ разность богослужебныхъ обычаевъ, каковую нашимъ предкамъ уступали, лишь бы они присоединились къ латинской церкви. Присоединеніе это, однако, было настолько непрочно, что духовенство и народъ, освободившись отъ польскаго владычества въ концѣ XVIII вѣка, стали настойчиво просить о возвращеніи ихъ въ лоно Православной Церкви, что и исполнено было при державѣ Имп. Екатерины II-й, а для бѣлорусскихъ епархій въ 1839 году и для Холмской въ 1875-мъ. По отношенію къ той части духовенства и населенія, которая еще колебалась между латинствомъ, уніей и православіемъ, были приложены увѣщанія. Но эти увѣщанія были, къ сожалѣнію, исполнены той же неправды, какъ и совратительныя увѣщанія латинянъ: людямъ внушалось убѣжденіе, будто вѣра у насъ съ ними одна, а разны только обряды, причемъ и тѣ и другіе хороши, но первые приличны для поляковъ, а вторые—для русскихъ, такъ какъ предки послѣднихъ были искони православные.

Принимая такіе ложные взгляды, наши малороссы и бѣлоруссы, живущіе вблизи костеловъ, до послѣдняго времени, не прочь были молиться и въ церкви, и въ костелѣ, ходили на отпусты, или праздники и наши, и латинскіе, а нѣкоторые въ простотѣ души даже и исповѣдывались и причащались облатками въ костелахъ, и въ церквахъ св. Тайнами, иногда даже въ одинъ и тотъ же день, какъ, напр., въ Житомірѣ 13 іюня.

Естественно и неизбѣжно, что при разности душевныхъ склонностей и вкусовъ, были такіе міряне, которымъ болѣе нравилась обстановка латинской службы, и вотъ, при объявленіи вѣротерпимости, они предпочли переписаться къ той церкви изъ двухъ, одинаково хорошихъ по ихъ мнѣнію, которая имъ больше нравилась.

При этомъ ссылки на предковъ и на ихъ русскую народность очень мало могли удержать ихъ отъ перехода, потому что простолюдины ни геральдикой, ни этнографіей никогда не интересуются, а идутъ туда, гдѣ предполагаютъ найти обильнѣйшій источникъ благодати или въ худшемъ случаѣ житейскую выгоду и удобство семейнаго быта (при смѣшанныхъ бракахъ).

Священники, воспитавшіеся на семинарскихъ учебникахъ и очень мало ознакомленные съ прямымъ ученіемъ Церкви, выраженномъ въ книгѣ Правилъ Св. Вселенскихъ Соборовъ и въ прочихъ книгахъ, содержащихъ Священное Преданіе, тоже обыкновенно не рѣшаются со всѣмъ дерзновеніемъ указывать отпадающимъ бездну ихъ погибели и примѣнить къ нимъ всѣ прещенія св. Евангелія на уклоняющихся въ ересь, начиная словами Спасителя: „*аще же Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*“.

Вотъ о семъ-то и рѣшилъ я повѣдать вамъ, достолюбезные Отцы и братіе, что давно слѣдуетъ намъ отложить человѣкоугодіе и преступное умолчаніе истины. Католичество есть ересь, лютѣйшая прежнихъ, ибо если еретиками называются всѣ, возводящіе заблужденіе въ догматъ, то какъ избѣгнутъ такого наименованія латиняне, измыслившіе недавно пагубный и унизительный для вселенскаго христіанства догматъ о непогрѣшимости папъ, а раньше о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Ея родителями Іоакимомъ и Анною, и уже давно отвергнутые Церковью за ложный догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Восточные Соборы Отцевъ, видя упорство латинянъ въ ихъ искаженномъ ученіи о Пресвятой Троицѣ, а равно и то, что съ каждымъ столѣтіемъ они умножаютъ число своихъ еретическихъ мудрованій, постановили обращающихся отъ латинства принимать чрезъ троекратное по-

груженіе, какъ бы некрещенныхъ, и того же обычая держалась Церковь Россійская до времени присоединенія Малороссіи, когда, можетъ быть, ради уніатовъ, обращающихся въ православіе, постановила снизойти имъ чрезъ принятіе вторымъ или даже третьимъ чиномъ, при чемъ обращающійся торжественно проклиналъ латинскую ересь, всѣхъ папъ послѣ ихъ отпаденія бывшихъ, искаженное ученіе о Троицѣ, опрѣсноки, латинскіе посты въ субботу, ихъ праздники и пр.

Итакъ, взамѣнъ того двоедушнаго замалчиванія сущности латинства, какъ ложнаго вѣроученія, которое теперь губитъ души многихъ, отпадающихъ отъ православія, должно безъ стѣсненія проповѣдывать мірянамъ истину, должно прямо именовать латинство злою и душепагубною ересью и глубже и шире вырывать ровъ между бытомъ православныхъ христіанъ и латинскихъ еретиковъ, примѣняя къ послѣднимъ все, что Св. Духъ открылъ намъ чрезъ Вселенскіе и неизмѣнные каноны касательно обращенія съ еретиками. Больше же всего слѣдуетъ предостерегать вѣрныхъ отъ двухъ ловушекъ, коими души ихъ вовлекаются въ вѣчную погибель, т. е. отъ общенія съ латинянами въ молитвѣ и въ бракахъ, ибо, своими театруподобными шествіями и музыкой въ костелахъ, прельщаютъ они простодушныхъ, а чрезъ смѣшанные браки заканчиваютъ свои ухищренія. Итакъ, не должно болѣе скрывать отъ вѣрныхъ, какому осужденію подвергаются тѣ изъ нихъ, которые молятся въ костелахъ или посѣщаютъ латинскіе праздники, называемые здѣсь отпустами. Для того же, чтобы вразумительно было осужденіе таковыхъ, изреченное Божественнымъ Духомъ чрезъ Правила Святыхъ богопросвѣщенныхъ Апостоловъ и Вселенскіе Соборы, должно пріобрѣсти книгу, содержащую сіи правила и предлагать грамотному изъ крестьянъ вычитывать сіи правила вслухъ всего народа.

Предварительно сему должно объяснить народу, что законъ истиннаго христіанства порученъ Богомъ Вселенскимъ Соборамъ святыхъ Отцевъ; такихъ Соборовъ было семь, включая отвергаемый латинянами Пято-шестый Соборъ. Отвергаясь его, латиняне себя самихъ отвергли отъ Церкви и вѣчнаго спасенія, ибо какъ сей Соборъ, такъ и утвержденныя имъ 85 правилъ святыхъ Апостолъ и 9 помѣстныхъ Соборовъ, а равно и каноническія посланія нѣкоторыхъ Отцевъ, снова утверждены Седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ въ правилѣ первомъ, гдѣ все сіе признано постановленнымъ отъ Святого Духа съ такимъ заключеніемъ: „и кого они предаютъ анаѳемѣ, тѣхъ и мы анаѳематствуемъ“. Симъ уже изреченіемъ отлучены отъ спасенія латиняне, отвергающіе помѣстные Соборы и правила Отцевъ.

Итакъ, пояснивъ мірянамъ, что и четыре святыхъ Евангелія и посланія Божественныхъ Апостолъ мы принимаемъ потому, что они утверждены Первымъ и Вторымъ Вселенскими Соборами, слѣдуетъ прочитывать имъ прещенія Божественнаго Духа на молящихся съ еретиками.

Святыхъ Апостолъ правило 65-е: „Аще кто изъ клира или мірянинъ въ синагогу іудейскую или еретическую войдетъ помолиться: да будетъ и отъ чина священническаго изверженъ и отлученъ отъ общенія церковнаго". Подобное и въ 45-мъ правилѣ и въ 70-мъ.

Лаодикійскаго Собора правило 9-е: „На кладбища всякихъ еретиковъ и въ такъ называемыя у нихъ мученическія мѣста да не будетъ дозволено церковнымъ ходити для молитвы или для врачеванія. А ходящимъ, аще суть вѣрные, быти лишенными церковнаго общенія на нѣкое время". Правило 33-е и 34-е: „Не подобаетъ молитися со еретикомъ или отщепенцемъ. Всякому христіанину не подобаетъ оставляти мучениковъ Христовыхъ и отходити ко лжемучѐникамъ, которые, то есть, у еретиковъ находятся, или сами еретиками были (напр. Антоній Падуанскій, Іоаннъ Непомукъ, Іоса́фатъ Концевичъ). Ибо сіи удалены отъ Бога: того ради прибѣгающіе къ нимъ да будутъ подъ клятвой". Правило 32-е: „Не подобаетъ отъ еретиковъ принимать благословенія, которыя суть суесловія паче, нежели благословенія".

Прочитавъ сіи правила, полезно указывать на то, что и латинскіе ксендзы ни за что не войдутъ въ церковь для молитвы, ибо, будучи еретиками, чуждыми Церкви, естественно почитаютъ таковыми правосл. христіанъ.

Касательно браковъ съ православными они до послѣдняго времени чинили имъ всякія препятствія по той же причинѣ, а нынѣ, послѣ объявленія вѣротерпимости, начали поощрять таковые браки въ надеждѣ совращенія. Если же православное правительство и допускало такіе браки, то только въ надеждѣ обращенія еретическаго лица, послабляя немощи человѣческой, но Св. Церковь учитъ иначе и ей должно слѣдовать. Бракъ съ еретиками воспрещается Лаодикійскаго Собора правилами 10-мъ и 31-мъ, также 14-мъ правиломъ Четвертаго Вселенскаго Собора и 72-мъ правиломъ Шестого Вселенскаго Собора, которое читается такъ: „Недостоитъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православной жѐнѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися. Аще же усмотрѣно будетъ нѣчто таковое, содѣланное кѣмъ либо: бракъ почитати нетвердымъ и беззаконное сожитіе расторгати. Ибо не подобаетъ смѣшивати несмѣшаемое, ниже совокупляти со овцею волка и съ частью Христовою жребій

грѣшниковъ. Аще кто постановленное нами преступитъ, да будетъ отлученъ". А въ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ это же правило приведено въ статьѣ 58-й и прибавлено: „такожде и съ латины, аще кто совокупился бракомъ".

Для того же, чтобы прихожане ясно уразумѣли, что латиняне суть поистинѣ еретики, подпавшіе уже изреченному Соборами проклятію, должно указать, что ихъ нечестивое ученіе о томъ, будто Духъ Святый исходитъ отъ Сына, опровергаемое евангельскимъ сказаніемъ о томъ, какъ Сей Духъ сходилъ на Сына Божія при крещеніи, измышлено ими чрезъ 800 лѣтъ послѣ Вознесенія Господня, а раньше и они читали Символъ Вѣры такъ, какъ и мы. На измѣняющихъ же Символъ Вѣры изречено Третьимъ Вселенскимъ Соборомъ слѣдующее осужденіе. „По прочтеніи сего (Символа), святый Соборъ опредѣлилъ (правило 7-е): да не позволено будетъ никому произносити или писати, или слагати иную вѣру кромѣ опредѣленныя отъ святыхъ Отецъ, въ Никеи градѣ со Святымъ Духомъ собравшихся. А которые дерзнутъ слагати иную вѣру, или представляти, или предлагати хотящимъ обратитися къ познанію истины... таковые, аще суть епископы или принадлежатъ къ клиру, да будутъ чужды епископы епископства, а клирики клира; аще же міряне, да будутъ преданы анаѳемѣ".

Далѣе, св. Апостолы установили поститься въ среду въ память преданія Господа и пятокъ въ память Его распятія и смерти и разрѣшать постъ въ субботу и недѣлю, а латиняне, какъ бы посмѣваясь Апостольскому преданію, разрѣшили постъ въ среду и установили въ субботу и не оставили своего безумія, хотя и приняли укоризну отъ святыхъ Отецъ. Апостольское правило 69-е гласитъ: „аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или иподіаконъ, или чтецъ, или пѣвецъ не постится во св. Четыредесятницу предъ Пасхой, или въ среду, или въ пятокъ кромѣ препятствія отъ немощи тѣлесныя, да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ". То же подтверждается въ 15-мъ правилѣ св. Тимоѳея Александрійскаго.— Касательно поста въ субботу Апостольское правило 64-е говоритъ намъ: „аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень или въ субботу кромѣ единыя токмо (Великой Субботы): да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ". Св. Соборы усмотрѣли нарушеніе сего правила латинянами и 65-мъ канономъ Шестого Вселенскаго Собора постановили: „поелику мы увѣдали, яко обитающіи во градѣ Римѣ во св. Четыредесятницу въ субботы ея постятся вопреки преданному церковному послѣдованію: то святому Собору угодно, да и въ

римской Церкви ненарушимо соблюдается правило" (64-ое св. Апостолъ). Подъ постомъ въ субботу разумѣлось невкушеніе пищи до вечерни; сіе возбранялось, но предписывалось вкушать пищу только растительную въ субботы великаго и иныхъ постовъ, а римляне и армяне въ посты вкушаютъ молоко и яйца; таковой постъ тоже осуждается Соборами; именно, слѣдующее (66-ое) правило того же собора гласитъ: „увѣдали мы также, яко въ арменской странѣ и въ иныхъ мѣстахъ, въ субботы и въ воскресные дни святыя Четыредесятницы ядятъ нѣкоторые сыръ и яйца. Того ради за благо признано и сіе, да Церковь Божія по всей вселенной, слѣдуя единому чину, совершаетъ постъ и воздерживается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того, отъ чего воздерживается. Аще же сего не будутъ соблюдати, то клирики да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены".

Итакъ, сему отлученію подлежатъ всѣ католики, начиная отъ римскаго папы, коему и преподаны были Соборомъ послѣднія два повелѣнія. Онъ не покорился имъ со своею паствою, но по симъ правиламъ видимъ, что римскій папа былъ подчиненъ св. Соборамъ и потому не можетъ почитаться ни начальникомъ всей Церкви, если отъ нея получалъ повелѣнія, ни тѣмъ менѣе—непогрѣшимымъ намѣстникомъ Христовымъ, если явился со всѣми преемниками своими ея преступникомъ, каковый да будетъ намъ, по глаголу Господню, якоже язычникъ и мытарь (Мѳ. XVIII, 17).

Есть не мало и другихъ правилъ Божественнаго Духа, чрезъ Святые Соборы изреченныхъ, изъ коихъ мы видимъ, что не только мнимая непогрѣшимость папъ, но и самое ихъ главенство есть позднѣйшее измышленіе лжи, отвергаемое Соборами, которые признавали римскихъ папъ, пока они не отпали въ ересь, только первыми между равными пятью патріархами, а не начальниками ихъ, и самое почетное ихъ мѣсто объясняли вовсе не ихъ мнимымъ преемствомъ Ап. Петру, ни измышленнымъ еретиками намѣстничествомъ Христа, а только столичнымъ значеніемъ города Рима, каковое затѣмъ пріобрѣлъ и Царьградъ, а съ нимъ и Патріархъ Царьграда. „Опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія Церкви Константинополя—новаго Рима. Ибо престолу Великаго Рима Отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и 150 боголюбезнѣйшіе епископы (Второго Собора прав. 3-е) предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита, и имѣющій равныя преиму-

щества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ вторый по немъ". Такъ значится въ 28-мъ правилѣ Четвертаго Собора и въ 36-мъ правилѣ Шестого Вселенскаго Собора, опредѣлившемъ: „да имѣетъ престолъ Константинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима".

Когда же римскіе папы поступали своеправно или ошибочно, то получали отъ Соборовъ предписаніе, напр., папа Анастасій отъ Собора Карѳагенскаго (прав. 79), папа Иннокентій, ссорившійся съ Александрійскимъ Патріархомъ (прав. 114), а судъ папы надъ епископами африканскими, подчиненными граду Карѳагену, признанъ незаконнымъ и обращавшіеся къ такому суду епископы лишались церковнаго общенія (прав. 37—139), и когда папа римскій Келестинъ пытался заявлять о своемъ правѣ судить епископовъ, то Карѳагенскій Соборъ обличилъ его каноническимъ посланіемъ, гдѣ говорилось: „развѣ есть кто либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на Соборъ, откажетъ въ ономъ... О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы (для суда надъ епископами), мы не обрѣли опредѣленія и единаго Собора Отцевъ... Итакъ не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями и не попускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надменіе міра въ Церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія".

Однако римскіе папы ненадолго были послушны сему боговдохновенному постановленію Отцевъ и, отпадши въ ересь, возмнили себя судьями Соборовъ, хотя прежде два римскихъ папы были отлучены за ересь: Ливерій за аріанство, а Онорій за моноѳелитство, о чемъ записано и въ акты Вселенскихъ Соборовъ. Какъ же можетъ быть непогрѣшимо въ вѣрѣ званіе папы, если оно не ограждало ихъ отъ возможности впасть въ ересь и быть отлученными отъ Церкви?

Сіи явныя отступленія латинства отъ Вселенскихъ Соборовъ сообщилъ я вамъ, братіе, а прочія ихъ уклоненія изложены въ учебномъ руководствѣ по Сравнительному Богословію и, можетъ быть, будутъ воспроизведены здѣсь впослѣдствіи. Изъ нихъ наиболѣе понятнымъ для простолюдиновъ бываетъ искаженіе таинства св. Причащенія, которое они преподаютъ мірянамъ подъ однимъ видомъ, вопреки многимъ изреченіямъ Спасителя и Апост. Павла.

Опытные миссіонеры начинаютъ свою бесѣду съ папистами всегда съ разсужденій о семъ св. таинствѣ и, когда тѣ

повторяютъ глупую отговорку, внушенную имъ ксендзами, о томъ, что гдѣ тѣло, тамъ и кровь, то миссіонеры отвѣчаютъ имъ вопросомъ: если такъ, то зачѣмъ же Господь не догадался о томъ и научилъ причащаться подъ обоими видами и почему подъ обоими же видами считаютъ нужнымъ пріобщаться ихъ священники и епископы.

О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ для огражденія паствы отъ латинской ереси напишу вамъ впослѣдствіи, а пока прибавлю, что, завѣщая людямъ отдаленіе отъ костела и отъ его прихожанъ, внушайте имъ не оскорблять латинянъ, а обходиться съ ними кротко и прочитывайте при семъ пр. 77-е Карѳаг. Собора „О кроткомъ обращеніи еретиковъ“: „можетъ быть тогда, какъ мы съ кротостью собираемъ разномыслящихъ, по слову Апостола, дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины и возникнутъ отъ діавольскія сѣти“ (2 Тим. II, 24—26).

Окружное Посланіе къ Волынской паствѣ.

(О вѣрности православной Церкви).

Заканчивая дни своего лѣтняго пребыванія въ святой и чудотворной Лаврѣ Почаевской и уготовляясь къ переселенію на зиму во градъ Житоміръ, мысленно прощаюсь съ тобою, боголюбивый народъ Волынскій. Многотысячными толпами ты приходилъ во Святую Лавру на всѣ праздники молиться, пріобщаться святыхъ Таинъ и слушать поученія въ законѣ Божіемъ. Отъ года въ годъ умножаются у насъ въ Лаврѣ смиренные богомольцы и умножается ихъ умиленіе и разумѣніе словесъ Божіихъ. Да воздастъ вамъ Господь за вашу вѣру, за терпѣніе трудностей пути, за умиленіе сердецъ и слезы очей. Вмѣстѣ мы здѣсь молились съ вами, вмѣстѣ утѣшались дарами Божественной благодати и бесѣдами о Богѣ. Жалко было расходиться послѣ торжественныхъ служеній святого праздника; жалко уѣзжать изъ святой Лавры къ дѣланію своему! Не нашими силами вы привлекались сюда, но невидимая благодатная сила Христова собирала васъ со всѣхъ предѣловъ земли Волынской и окрестныхъ странъ. И что скажемъ? „*Ему, возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ Кровію Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь*“ (Апок. I, 5—6).

Народъ Божій! помни, какъ ты молился и каялся здѣсь. Народъ! помни, чему тебя здѣсь учили. О люди Божіи! не

забывайте, чѣмъ вы здѣсь обѣщались Матери Божіей и Преподобному Іову въ своемъ сердцѣ.

Другому будутъ учить тебя лихіе люди, которые, какъ голодные волки, рыскаютъ по городамъ и деревнямъ, смущаютъ православный народъ лукавыми рѣчами, желая отвратить его отъ православной вѣры и отъ вѣрности православному Царю. Они не рѣшаются прямо проповѣдывать безбожіе или ложную, неправославную вѣру, ибо знаютъ, что ихъ безуміе обличится свѣтомъ Божественныхъ Писаній; но они прелазятъ инудѣ, какъ сказалъ Господь о духовныхъ татяхъ. „*Аминь, аминь глаголю вамъ: не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазяй инудѣ, той татъ естъ и разбойникъ*“ (Іоан. X, 1). „Что должно разумѣть о дверяхъ?“ — вопрошаетъ на сіи слова Евангелія Святый Іоаннъ Златоустъ, и отвѣчаетъ: „Священное Писаніе, по которому можно различить истинное ученіе отъ лжи“. По Писанію знаемъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; по Писанію мы знаемъ, что Онъ нисходилъ на Сына Божія при крещеніи, а посему разумѣемъ, что ложна та вѣра, которая учитъ, будто Святый Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. И далѣе, въ Писаніи сказано: „*Аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго, ни піете Крови Его, живота не имате въ себѣ*“ (Іоан. VI, 53). Отсюда видимъ, сколько погрѣшаетъ та вѣра, которая преподаетъ причастіе подъ однимъ видомъ опрѣсноковъ.

Вотъ почему ея лжеучители, когда стараются прельстить православныхъ христіанъ, не о Богѣ говорятъ и не по Священному Писанію учатъ, но измышляютъ всякія небылицы: будто ихъ послѣдователи сдѣлаются дворянами, а православныхъ снова обратятъ въ крѣпостное право. Какой безумецъ можетъ повѣрить такимъ баснямъ? И говорятъ они сіе не явно, дабы ихъ не осмѣяли люди опытные, но отыскиваютъ простаковъ и наединѣ нашептываютъ имъ свои лживыя рѣчи. „*Прелазяй инудѣ, той татъ естъ и разбойникъ*“ (Іоан. X, 1).

„Замѣть признаки разбойника“, продолжаетъ Златоустый Іоаннъ: „во-первыхъ, онъ входитъ не явнымъ образомъ; во-вторыхъ, не по Писаніямъ, что значитъ *не дверьми*... Кто не пользуется Писаніемъ, но прелазитъ *инудѣ*, т. е. не идетъ установленнымъ путемъ, но пролагаетъ себѣ иной путь, тотъ есть татъ“ (Толков. на Евангеліе отъ Іоанна). Храните же, братіе, себя отъ татей и охраняйте другъ друга. Кто хочетъ говорить вамъ о вѣрѣ, пусть говоритъ изъ Писаній, пусть говоритъ не тайно, а явно, ибо Господь Іисусъ Христосъ такъ научилъ насъ: „*Азъ не обинуяся глаголахъ міру; Азъ по вся дни учахъ въ сонмищахъ и въ церкви, идѣже*

іудее всегда снемлются; и тай не глаголахъ ничесоже“ (Іоан. XVIII, 20).

Тѣ-же слова Божіи прилагайте, братіе, и къ безбожникамъ и къ штундистамъ, желающимъ смутить и развратить васъ. Не слушайте и не говорите съ ними, *„и не ходите вослѣдъ ихъ*“ (Лук. XXI, 8), но въ наши лютыя времена, когда возникли эти лжепророки и прельщаютъ многихъ, какъ предсказалъ намъ Господь Іисусъ Христосъ (Матѳ. XXIV, 11), въ нашъ маловѣрный вѣкъ *„стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся*“ (1 Кор. XVI, 13).

Теперь вы проснулись къ разумѣнію вѣры. Но само ученіе Божіе не войдетъ въ сердца ваши, если къ тому не приложите труда. Посему усердствуйте нелѣностно посѣщать службу въ сельскомъ своемъ храмѣ, *не твердите своихъ молитвъ во время службы,* а внимайте тому, что читаютъ и поютъ служащіе. „Не подобаетъ въ храмѣ шепты творити“,— такъ поучаютъ насъ Святые Отцы въ книгѣ Типиконъ и Тріодь Постная. Если не все вамъ понятно, что поютъ и читаютъ, спрашивайте другъ друга, и священника и псаломщика, сами прочитывайте богослужебныя книги, себѣ пріобрѣтайте святую псалтирь, и часословъ, и святое Евангеліе. Учитесь вѣрѣ Христовой всю жизнь, до самой преклонной старости, ибо и жизнь кончится, а познаніе Бога будетъ усовершаться и послѣ тѣлесной смерти.

Зимою въ Житомірѣ я рѣдко буду видѣть васъ, благочестивые сельскіе богомольцы, но уповаю, что многіе изъ васъ пожелаютъ почтить память св. Анастасіи Римлянины, которой св. мощи (глава) почиваютъ въ Житомірскомъ Каѳедральномъ Соборѣ. 29-го октября совершаемъ мы тамъ въ честь св. Мученицы торжественный праздникъ: обносимъ вокругъ храма ея священную раку.

Въ далекой странѣ и въ давнее время подвизалась за Христа Святая Дѣвственница и мученица Анастасія, но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, слава ея теперь возсіяла въ нашей Волынской странѣ, ибо покойный нашъ Владыка, Архіепископъ Модестъ, имѣвшій великую любовь ко святымъ Божіимъ, пріобрѣлъ еще давно отъ Патріарха Антіохійскаго ея нетлѣнную и чудотворную главу и съ этимъ сокровищемъ не разставался въ продолженіе сорока лѣтъ до самой смерти своей, а тогда завѣщалъ ее странѣ Волынской. Теперь она почиваетъ въ серебряной ракѣ и уже ознаменовала свою силу нѣсколькими исцѣленіями, о чемъ было оповѣщено въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Цѣни, народъ Волынскій, эту духовную жемчужину, которую, какъ лучшій даръ, подарилъ тебѣ усопшій старецъ — святитель.

Мы-же, вознося о своей паствѣ непрестанныя молитвы предъ гробомъ Святой, просимъ мч. Анастасію, чтобы она удѣлила всѣмъ православнымъ жителямъ страны нашей хотя бы нѣкую долю той ревности о вѣрѣ православной, какую сама она показала въ своей жизни и въ своей мученической кончинѣ. Свою молодость и красоту свою она пожертвовала Богу въ постническомъ житіи монастырскомъ, а жизнь земную отдала чрезъ руки мучителей за исповѣданіе Христовой вѣры. Она претерпѣла біеніе и жженіе огнемъ, и исторженіе волосъ, и ногтей, и сокрушеніе зубовъ, и отсѣченіе рукъ и ногъ, пока не отторгнута была ея глава, а душа соединилась со Христомъ.

Храните, братіе, любовь къ святымъ и вѣру въ ихъ помощь. До тѣхъ поръ не будете отступать отъ благочестія, пока будете поминать Угодниковъ Божіихъ и чрезъ то усердствовать въ подражаніи ихъ вѣрѣ, какъ научаетъ насъ Апостолъ Павелъ (Евр. XIII, 7). Ихъ небесному покрову ввѣряю я тебя, Волынскій сельскій народъ, удаляясь отъ тебя въ городъ до наступленія весны. Матерь Божія, преподобный Іовъ и преподобномученица Анастасія да хранятъ тебя отъ духовныхъ волковъ и татей, отъ нападенія безбожниковъ, мятежниковъ и ересеучителей. Святые Божіи да просвѣщаютъ ваши души любовію къ Богу, жалостію къ ближнимъ, прощеніемъ враговъ, вѣрностію Царю, страхомъ суда Божія и желаніемъ небеснаго царствія, котораго и да сподобитъ всѣхъ Господь по молитвамъ Святыхъ и по Своему милосердію. Тому слава, честь и держава Отцу, и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Окружное посланіе къ Волынской Паствѣ.

(По поводу мятежей).

> „*То угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро и страдая, терпите,—это угодно Богу. Ибо вы къ тому призваны*“ (1 Пет. II, 19—21).

Напоминаю вамъ, братіе, сіе слово Духа Божія, дабы вы знали, что надо отвѣчать всѣмъ мятежникамъ, которые теперь разосланы по вашимъ селамъ, чтобы подговаривать васъ къ забастовкамъ и грабежамъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ благоразумные крестьяне изгнали отъ себя смутьяновъ и заявили имъ, что если они добромъ не уберутся отъ нихъ, то будутъ

избиты,—но въ другихъ селахъ простодушные жители повѣрили мятежникамъ, будто они посланы отъ Царя заявить людямъ, чтобы не работали меньше, какъ по рублю въ день и другимъ не дозволяли бы работать дешевле. И вотъ неразумные люди поддались навѣтамъ этихъ враговъ Россіи и силою выгнали рабочихъ изъ помѣщичьихъ усадьбъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ еще пригрозили по веснѣ силою отнять у владѣльца поля и сѣнокосы. Зачѣмъ вамъ терпѣть нужду, когда паны богатѣютъ?—говорили мятежники: берите чужое, пока есть возможность. И неразумные крестьяне имъ вѣрили, рубили панскій лѣсъ, пока не приходили войска, не отнимали лѣса и не арестовывали виновныхъ. — Не хотѣли люди терпѣть честной и любезной Христу Богу бѣдности, такъ пришлось имъ терпѣть сверхъ бѣдности еще и постыдное темничное заключеніе, да напрасный трудъ.

Здѣсь, братіе, нарушено было другое апостольское слово: *„какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіи славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое“* (1 Пет. IV, 13, 15).

И вотъ посему, когда я слышу о безчинствахъ, какія произвели крестьяне въ усадьбахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, то не помѣщиковъ я жалѣю: ихъ обида, быть можетъ, искупитъ нѣкоторыя согрѣшенія ихъ предъ Богомъ. Но жалѣю я васъ, добрые крестьяне! Жаль мнѣ душъ вашихъ, которыя вы хотите губить, участвуя въ дѣлахъ разбойническихъ. Съ меня Богъ спроситъ о душахъ вашихъ. Могу ли я безпечно взирать на тотъ духъ зависти, наглости, дерзости и грабежа, которому желаютъ враги подчинить ваши сердца.

Люди! кого вы начали слушать? нанятыхъ, продажныхъ проходимцевъ, недоучившихся мальчишекъ, бѣглыхъ матросовъ, измѣнившихъ царской присягѣ, выгнанныхъ учителей, которые поступили въ услуженіе врагамъ Царя и Россіи.

Люди! вы знаете, кто пишетъ вамъ эти строки? Тотъ, кого увѣщанія вы такъ любите слушать во святой и чудотворной Лаврѣ Почаевской.

Люди! вы знаете, что я вашъ, мужицкій архіерей, не панскій, не польскій, а вашъ русскій, къ которому всегда открыты для васъ двери.

Итакъ, слушайте, что скажу вамъ. Поняли-ли вы, почему мятежники появились въ вашихъ деревняхъ не раньше, а сразу послѣ того, какъ по разнымъ городамъ крестьяне побили и пожгли огнемъ бунтовщиковъ, ругавшихся надъ царскими портретами около 20-го октября? Бунтовщики испуга-

лись простого народа и его любви къ Царю. Они увидѣли, что невозможно имъ уничтожить православную вѣру и извести Царя, пока не соблазнятъ преданныхъ вѣрѣ и Царю крестьянъ. Но поняли они и то, что возбуждать народъ открыто противъ Христа и противъ Царя невозможно, — и вотъ они рѣшили прежде какъ-нибудь испортить душу въ народѣ, помрачить въ немъ разумъ Божій и совѣсть христіанскую, сдѣлать людей безсовѣстными и злодѣями, а тогда уже не трудно будетъ повести ихъ противъ Церкви Божіей и противъ Царя Православнаго.

Какой-нибудь очень хитрый человѣкъ внушилъ имъ такую коварную мысль, какъ ложный пророкъ Валаамъ внушилъ врагамъ народа Божія погубить его чрезъ развращеніе душъ блудомъ съ дщерями Мадіамскими, и тогда возгорѣлся на народъ гнѣвъ Божій и началъ поражать сыновъ Израилевыхъ числомъ 24 тысячи мужей (Числъ XXV гл.).

Тѣхъ соблазнили блудною страстью, а васъ, русскіе земледѣльцы, враги св. вѣры соблазняютъ завистью къ чужой землѣ и къ чужимъ деньгамъ, видя вашу нужду и бѣдность. Для сего они наняли разныхъ негодныхъ людей по одному человѣку на каждыя пять селъ, дабы эти безсовѣстные и коварные люди, представляясь какъ-бы доброжелателями вашими, которымъ жаль вашей бѣдности и нужды, внушали бы вамъ забастовку и грабежъ и притомъ показывали бы вамъ ложные манифесты, какъ бы отъ Царя изданные.

Не вѣрьте имъ, возлюбленные братіе. Кто жалѣетъ ближняго, тотъ не будетъ учить его злодѣянію, но будетъ учить терпѣнію, какъ св. Апостолъ Павелъ: онъ проходилъ города и страны, *увѣщевая пребывать въ вѣрѣ и поучая, что многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царствіе Божіе* (Дѣян. XIV, 22),—а эти, разрушая вѣру, издѣваются надъ вашимъ долготерпѣніемъ и распускаютъ басни о Царѣ, будто бы разрѣшающемъ забастовки и грабительство.

Не вѣрьте имъ, возлюбленные, потому что манифесты Царя читаются въ церкви, а не въ подпольныхъ прокламаціяхъ печатаются.

Не вѣрьте имъ и не слушайте ихъ, потому что такою же притворною дружбою погубилъ діаволъ родъ человѣческій, когда въ раю, войдя въ змія, началъ внушать Евѣ непослушаніе Богу и сожалѣть о томъ, что людямъ воспрещено вкушать отъ древа познанія добра и зла. Если бы она не повѣрила его состраданію къ себѣ, если бы не забыла заповѣди Божіей и послушанія, то не была бы проклята Богомъ вмѣстѣ съ Адамомъ и со всѣмъ родомъ человѣческимъ. Такъ точно и мятежники совѣтуютъ вамъ простерать руки ваши на воспре-

щенное, на чужое достояніе, чтобы погубить васъ и изъ честныхъ, угодныхъ Богу тружениковъ сдѣлать васъ богомерзкими грабителями, ворами, бунтовщиками.

Да, братіе, въ этомъ заключается ихъ тайный умыселъ. Пока вы—честные люди, имъ не совладать съ вами, а если, прельстившись ихъ обманомъ, пойдете на всякія забастовки и грабежи, то вы имъ, бунтовщикамъ, уже безпрекословные рабы.

Почему такъ? а потому, что воръ и грабитель, терзаемый совѣстью, самъ будетъ радъ забыть Бога и уже не откажется, какъ теперь, слушать всякіе разговоры противъ вѣры, противъ Христа. Ему легче будетъ на сердцѣ отвергнуться совсѣмъ отъ Бога, чѣмъ считать себя повиннымъ въ нарушеніи Божественной заповѣди: *„не укради; не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего“* (Исх. XX, 14,.17).

Слышишь ли? даже въ сердцѣ своемъ позавидовать чужому богатству — это уже есть нарушеніе заповѣди. Итакъ, не будетъ ли слугою діавола и антихриста тотъ, кто научаетъ тебя грабить чужое? Ему, вѣдь, только того и нужно, чтобы ты сталъ безсовѣстнымъ человѣкомъ. Онъ хорошо знаетъ, что награбленное у тебя все равно отнимутъ и тебя накажутъ, но все же будешь ты считаться воромъ и грабителемъ, и твой взоръ сдѣлается на всю жизнь сумрачнымъ и бесѣда твоя суровой. Будешь ты тогда бояться оставаться одинъ, а когда подойдетъ къ тебѣ жена или ребенокъ, то будешь ты думать, что они уже презираютъ тебя въ душѣ, и будешь ты имъ отвѣчать со злобой и отучишь ихъ заговаривать съ тобою. Ихъ жизнь около тебя сдѣлается пыткой, и пыткой душевной будетъ тебѣ твоя собственная жизнь. И тогда начнешь ты роптать на Бога отъ внутренней муки, и будешь радъ на чемъ-нибудь сорвать свою злобу, и мало-по-малу до того ожесточишь свое сердце, что не будетъ для тебя на всей землѣ любезнаго, дорогого человѣка. А этого только и нужно нашимъ врагамъ—революціонерамъ. „Теперь наше дѣло сдѣлано“, скажутъ они себѣ. Тогда имъ легко будетъ повести тебя на мятежъ противъ Царя, и противъ храмовъ Божіихъ. Теперь, пока ты чистъ душою и имѣешь спокойную совѣсть, теперь тебѣ и подумать страшно, чтобы сдѣлаться отверженцемъ отъ Бога или мятежникомъ противъ Царя. Но когда ляжетъ тебѣ на душу укоръ совѣсти, какъ разбойника и грабителя, и вселится въ твою душу злоба на всѣхъ, то всякому разбою и бунту будешь ты сочувствовать, такъ что они уже не будутъ тогда бояться крестьянъ въ своихъ злодѣяніяхъ противъ Царя и Церкви, а когда крестьяне перестанутъ защищать вѣру, то уже легко будетъ уничтожить на Руси и

устроить вмѣсто православнаго царства шайку безбожныхъ разбойниковъ, чего они желаютъ.

Не вѣрьте же имъ, братіе. Не вѣрьте всякимъ воззваніямъ, какія приносятъ вамъ отъ ложнаго „Крестьянскаго Союза въ Москвѣ“. Такого союза нѣтъ. Посмотрите сами, развѣ крестьянскими (мужицкими) словами написаны всѣ ихъ мятежническія постановленія?

Если бы былъ тамъ настоящій Крестьянскій Союзъ, то изъ каждой волости выбирали бы туда уполномоченныхъ. А развѣ у васъ такихъ выбирали въ этотъ Союзъ? Развѣ кто туда ѣздилъ? Нѣтъ. Развѣ настоящіе крестьяне могли съѣхаться въ Москвѣ, не отслуживъ молебна, не пославъ телеграммы Государю Императору? А развѣ то исполнилъ ихъ самозванный союзъ? Нѣтъ, онъ только осыпалъ укорами Русское Правительство. Значитъ, это вовсе не Крестьянскій Союзъ, вовсе тамъ нѣтъ деревенскихъ крестьянъ, а бунтовщики, обманщики, главарей которыхъ уже арестовали.

Не вѣрьте имъ. Прошу васъ, братіе, и заклинаю. Всякое предложеніе отъ чужихъ людей, всякую смущающую васъ новость сообщайте своему священнику и спрашивайте его совѣта. Если тѣ проходимцы будутъ насмѣхаться надъ вами за это и порочить вашего священника, то отвѣчайте имъ такъ: „Навѣрно, нашъ батюшка не хуже тѣхъ священниковъ и клириковъ, которые распяли Господа Іисуса Христа, а однако Онъ повелѣлъ даже и тѣхъ священниковъ слушать, только не подражать ихъ злымъ дѣламъ. „*Все: что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте, по дѣламъ же ихъ не поступайте*“ (Матѳ. XXIII, 3). А о священникахъ христіанскихъ, ученикахъ Святыхъ Апостоловъ, Онъ сказалъ такъ: „*слушающій васъ, Меня слушаетъ, а отвергающій васъ, Меня отвергается*“ (Лук. X, 16). „*А если кто не приметъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома или города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ. Истинно говорю вамъ: отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморрской въ день суда, нежели городу тому*“ (Матѳ. X, 14—15).

Вотъ кто, братіе, ваши учители, посланные отъ Бога, а не отъ шайки безбожныхъ мятежниковъ и враговъ Русскаго Царя и народа. Знайте, братіе, и то, что гнѣвъ Божій открывается и на грабителей еще въ сей жизни, прежде чѣмъ постигнетъ ихъ вѣчное осужденіе въ жизни будущей. Поясню вамъ это притчею. Одинъ лѣсникъ, семейный человѣкъ, любилъ грабить проѣзжавшихъ чрезъ лѣсъ: заслышавъ колокольчикъ ночью, онъ выходилъ на дорогу съ большимъ желѣзнымъ ломомъ, оглушалъ ихъ ударомъ и, ограбивъ имуще-

ство, оставлялъ чуть живыми на дорогѣ. Однажды онъ, услышавъ бубенцы, хотѣлъ взять ломъ, но не нашелъ его, звалъ дѣтей-подростковъ, чтобы разыскали, но и дѣти куда-то убрались. Тогда пошелъ онъ бродить по дому и дошелъ до клѣти, куда складывалъ награбленное добро. Что-же онъ видитъ? Отъ клѣти отбитъ замокъ его ломомъ и все добро изъ клѣти унесено. „Вотъ и меня наказалъ воръ моимъ-же ломомъ", подумалъ онъ и крѣпко заскучалъ, но это было только начало его горести. На утро къ нему привели его обоихъ сыновей-подростковъ, избитыхъ и пьяныхъ, но одѣтыхъ въ богатые наряды. Оказалось, что они ограбили отца и завели въ ближайшемъ мѣстечкѣ драку, будучи пьяными, въ непотребномъ домѣ. Когда стражники ушли, оставивъ ему дѣтей на поруки, онъ началъ ихъ жестоко бранить и укорять за пьянство, за столь ранній развратъ и дерзкое воровство, но они только смѣялись ему, называя его самого воромъ и грабителемъ. Тогда онъ вышелъ изъ себя и схватилъ младшаго сына за волосы, а старшій, взявъ ломъ, подкрался къ нему сзади и изо всей силы ударилъ его по головѣ, такъ что онъ упалъ, обливаясь кровью, а потомъ недолго и прожилъ, оплакивая свои преступленія и свое одиночество, потому что дѣти его разбѣжались, забравъ себѣ остальныя его вещи, но онъ еще при жизни узналъ, что оба они сидятъ въ тюрьмѣ.

Вотъ и вы, братіе, спросите тѣхъ, которые побуждаютъ васъ къ забастовкамъ и грабежамъ, такъ: „Вы смѣетесь надъ нами, что мы терпимъ бѣдность, и радѣете о томъ, чтобы, награбивъ чужое или вмѣшиваясь въ чужое хозяйство, мы были бы богаты и счастливы. Но возможно-ли благополучіе и миръ въ домѣ грабителя и бунтовщика? Будутъ-ли его уважать и слушать дѣти? будетъ-ли его любить и вѣрить ему жена? Будутъ-ли жить между собою въ мирѣ сосѣди, когда каждый считаетъ другого воромъ и боится, чтобы онъ и въ его добро не запустилъ свою завистливую руку?" Да, это будетъ не жизнь мирная, а кромѣшный адъ, и тогда эти люди, разстроенные, боящіеся другъ друга и взаимно подозрѣвающіе, пожалѣютъ, — о, какъ они пожалѣютъ прежнихъ дней своей честной бѣдности, когда у каждаго немного было, да свое, честно и безъ насилія нажитое, когда дѣти уважали и чтили отца и мать, стыдясь предъ ними не только худого дѣла, но и худого слова, когда всѣ весело шли въ Божію Церковь и отъ бѣдности своей жертвовали хоть малую лепту, но столь угодную Спасителю нашему, какъ тѣ двѣ лепты вдовицы на храмъ Іерусалимскій, которыя Онъ назвалъ болѣе цѣнными въ очахъ Божіихъ, нежели дорогія жертвы богачей, дававшихъ отъ избытка своего, тогда какъ вдовица бѣдная отдала

на храмъ все свое скудное достояніе. Такъ, братіе, и я, грѣшный служитель Божій, со слезами умиленія взираю на васъ изъ своего окна, когда вы со своими смиренными приношеніями поднимаетесь огромными толпами на святую гору Почаевскую на праздники Пречистой, забывъ усталость отъ лѣтнихъ работъ, или весной, когда заботитесь не о томъ, чтобы повеселиться въ зеленый май мѣсяцъ и собрать силы для страдной поры, но спѣшите на духовную, божественную трапезу къ Матери Божіей и преподобному Іову.

И оттого Господь съ любовію принимаетъ вашу жертву, оттого радостными и здоровыми возвращаетъ васъ въ ваши домы, что руки ваши чисты отъ крови и воровства и совѣсть ваша чиста отъ лукавства и зависти. Но знайте, братіе, что не всякую жертву пріемлетъ Господь. По правиламъ Вселенскихъ Соборовъ цѣну блуда и добычу грабителя не должно вносить въ домъ Господень, а „дерзнувшіе учинить нападеніе на чужіе домы" лишаются причащенія св. таинъ и даже не допускаются для молитвы въ церковь (Григорія Неок. прав. 9). И если придетъ такой человѣкъ съ награбленнымъ достояніемъ, то жертва его будетъ отвергнута Богомъ, какъ жертва Каина, а молитва его будетъ во грѣхъ (Псал. CVIII, 7).

Вотъ какому осужденію Божію желаютъ подвергнуть васъ доброжелатели, подбивающіе васъ къ забастовкамъ и грабительству. Видите ли теперь, что они злѣйшіе враги ваши, вашего спасенія, т. е., слуги діавола, который желаетъ погубить ваши души.

Итакъ, братіе, смѣло противостаньте всѣмъ, кто будетъ внимать имъ. Души ваши да будутъ проникнуты послушаніемъ Богу, а сердца ваши—преданностью нашему Православному Царю, на котораго вооружить васъ стараются злые мятежники.

Не будемъ завидовать богатымъ и желать ихъ достоянія. Будемъ подражать людямъ трудолюбивымъ и добродѣтельнымъ и желать ихъ духовныхъ дарованій. Помните, что не богатые и мудрые шли за Спасителемъ нашимъ, но бѣдные и малосвѣдущіе, а богатые и ученые ругались этому и говорили другъ другу: *„еда кто отъ князь вѣрова въ Онь или отъ фарисей, но народъ сей, иже не вѣстъ закона, прокляти сутъ"* (Іоан. VII, 48—49). Такъ проклинали враги Христовы преданный ему народъ; такъ и теперь проклинаютъ васъ враги Его и враги Россіи за преданность вѣрѣ и Царю. Но за то благословляетъ васъ съ неба Господь, благословляетъ васъ Матерь Божія отъ горы Почаевской, благословляютъ святые Угодники Божіи Печерскіе и Почаевскій, которые складывали русскую землю и отражали отъ нея ереси и невѣріе.

Имъ, братіе, повинуйтесь, ихъ завѣтовъ слушайтесь,—

чтобы въ терпѣніи своемъ стяжать свои души (Лк. XXI, 19) по слову Христову, чтобы пріобрѣтать себѣ неветшающее сокровище на небѣ и бояться не бѣдности, но грѣха, стыдиться не убожества, но воровства и преступленія,—чтобы хранить свою русскую христіанскую душу и благочестивый обычай предковъ вашихъ передавать неповрежденнымъ вашимъ дѣтямъ изъ рода въ родъ.

Тогда сохранится русское царство непоколебимымъ отъ безбожниковъ и бунтовщиковъ; тогда сохранится неврежденною наша святая вѣра. О томъ буду возносить свои молитвы къ престолу Божію, потому что за ваши души долженъ я дать отвѣтъ на Страшномъ Судѣ Его, и да сподобитъ Онъ всѣхъ насъ непостыдно предстать Его страшному Престолу со всѣми, кого мы любили здѣсь на землѣ, и представить Ему наши души чистыми отъ тяжкихъ преступленій, увѣнчанными терпѣніемъ и святою бѣдностію, очищенными покаяніемъ съ молитвою и благодатію Божественныхъ таинствъ. *„Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“. Аминь.*

Обращеніе къ іереямъ и псаломщикамъ Волынской епархіи.

(О церковномъ пѣніи).

Божественные Апостолы и духоносные Отцы Церкви, единоправные Ученикамъ и Самовидцамъ Слова, преподали намъ не только слова для собесѣдованія съ Небеснымъ Отцемъ нашимъ и Его друзьями, но и созвучія, въ которыхъ они сами воспѣвали эти, внушенныя Святымъ Духомъ, молитвословія. Правда, подъ вліяніемъ времени, нѣкоторыя изъ этихъ созвучій и напѣвовъ претерпѣли измѣненіе ради сокращенія времени, но все-таки основное сочетаніе звуковъ въ нихъ сохранилось.

Изъ всѣхъ священныхъ напѣвовъ всего болѣе дорожитъ Вселенская Церковь охраненіемъ осьмогласія, преподаннаго намъ великимъ и наученнымъ отъ Ангеловъ Іоанномъ Дамаскинымъ. Внося разнообразіе въ исполненіе ежевоскресной и ежедневной службы, осьмогласіе есть лучшее пособіе и для запоминанія всѣхъ правилъ Устава, которыя подраздѣляются имъ и вводятся въ опредѣленное соотношеніе, какъ обращеніе съ числами четырьмя ариѳметическими дѣйствіями. Гдѣ строго хранится осьмогласіе, тамъ и пѣвцы одушевленнѣе и сознательнѣе относятся къ службѣ, и народъ не тяготится ея продолжительностью.

Вотъ почему мнѣ стоитъ большихъ усилій надъ собою, чтобы сохранять спокойствіе при упоминаніи о великомъ и непростительномъ безчинствѣ, допускаемомъ во многихъ церквахъ на Волыни въ видѣ какого-то, придуманнаго врагами Церкви, *общаго гласа* для всѣхъ ирмосовъ. Этотъ общій гласъ представляетъ собою искаженіе шестаго гласа и своими безсмысленными завываніями совершенно лишаетъ духовной красоты священные ирмосы, сообщенные Духомъ Божіимъ Святымъ Отцамъ, а ими всей вѣрующей вселенной. Я проѣхалъ всю Россію отъ Бѣлозерска до Симферополя, онъ Златоуста до Варшавы; много видѣлъ безчинствъ въ церковной службѣ, но такого безобразія, такого поруганія красоты церковной нигдѣ не встрѣчалъ. Въ благочестивыхъ приходахъ св. Руси всѣ міряне знаютъ наизусть ирмосы великихъ праздниковъ и ихъ напѣвы. Что могутъ они почувствовать, когда, напр., величественный канонъ Пятидесятницы: „Божественнымъ покровенъ“, или Богоявленія: „Глубины открылъ есть дно“, коверкаются на этотъ отвратительный, нищенскій вой?

Еретику Павлу Самосатскому вмѣнялось Церковью въ вину и то, что онъ искажалъ церковные напѣвы на страстные, безчинные вопли, и теперь въ Типиконѣ и въ книгѣ правилъ соборныхъ на такіе вопли положено строгое прещеніе. Навѣрно еще болѣе страшному осужденію предали бы Соборы Вселенскіе тѣхъ, кто дерзаетъ нарушать высшую красоту церковной службы, т. е. осьмогласіе Дамаскина.

Въ утѣшеніе можно сказать, что и у насъ этотъ развратъ началъ появляться недавно, что осьмогласіе не забыто, а только оставлено многими въ небреженіи, — конечно — вмѣстѣ съ заботой о своемъ спасеніи. А потому прошу, молю и съ прещеніемъ увѣщеваю отцовъ іереевъ, діаконовъ, псаломщиковъ и пѣвцовъ церковныхъ: теперь-же навсегда бросьте этотъ нелѣпый *общій гласъ*. Да погибнетъ онъ вмѣстѣ съ душою Павла Самосатскаго и послѣдователей его ереси! Да будетъ онъ преданъ забвенію! Да заградятся навсегда уста, желающія повторять его! Да утвердится незыблемо священное осьмогласіе! Да не постигнетъ насъ гнѣвъ св. Іоанна Дамаскина и всей Церкви Божіей! Да не будетъ земля Волынская оборвышемъ среди помѣстныхъ церквей, украшающихся богопреданнымъ осьмогласіемъ.

А чтобы утвердить эту заповѣдь Церкви, прошу на спѣвкахъ предъ службами исполнять правильно ирмосы, стихиры и прокимны, а не вымышлять разнообразія для херувимскихъ и прочихъ литургійныхъ пѣснопѣній, положенныхъ на ноты сочинителями, не знаемыми Церкви Божіей и несвидѣтельствованными въ своемъ житіи, ни въ чистотѣ помысловъ и дѣя-

ній, безъ чего, какъ сказано, никто не узритъ Бога. Въ обителяхъ и храмахъ, гдѣ содержится образцовый чинъ священнослуженія, литургійныя пѣснопѣнія исполняются обыкновенно, а то и всегда, одни и тѣ-же, наизусть, а разнообразіе пѣнія прилагается именно къ напѣвамъ гласовымъ и къ подобнымъ. Все это начали оставлять въ пренебреженіи подъ вліяніемъ душепагубной и проклятой Святыми Отцами латинской уніи, дабы обезличить духовную жизнь и молитвенные подвиги народа Божія и клира, а затѣмъ постепенно притупить ихъ въ такой степени, чтобы они остались лишь при немногихъ жалкихъ суевѣріяхъ и сдѣлались послушнымъ орудіемъ въ рукахъ еретиковъ. Напротивъ, твердое и сознательное охраненіе народомъ и клиромъ неискаженнаго и евангельскаго благовѣствованія, т. е: православія, возможно лишь чрезъ одушевленное исполненіе православной службы Божіей безъ искаженій, безъ грубыхъ опущеній, но со смиреннымъ сознаніемъ, что мы стоимъ не выше, а гораздо ниже уровня духовной жизни Отцевъ и Учителей Церкви и должны со вниманіемъ и послушаніемъ слѣдовать ихъ богопросвѣщенному руководительству.

Окружное Архипастырское посланіе къ Волынскому духовенству.

Смиренный Антоній, Божіею милостію Архіепископъ Волынскій и Житомірскій, возлюбленнымъ сопастырямъ и во Христѣ братіямъ іереямъ, священноиноками и всему освященному причту Церкви Волынской, Владимірволынской и Кременецкой о Господѣ радоватися.

(Противъ современныхъ развращеній).

Удаленный отъ дорогихъ святынь нашихъ и отъ вашей любви многоверстнымъ пространствомъ и на столь многіе мѣсяцы, умножаю печаль своей разлуки мыслью о томъ, что прошли уже весенніе и іюньскіе праздники, когда мы ежегодно объединялись въ молитвѣ у святынь Почаевскихъ и Житомірскихъ съ благоговѣйными богомольцами всей земли Волынской, и вкупѣ съ вами радовались объ умноженіи вѣры и разумѣнія нашей паствы; тогда мы бесѣдовали усты ко устомъ, а нынѣ могу умѣрить чувство своего одиночества письменною бесѣдою съ вами о дѣлахъ церковныхъ.

По молитвамъ Владычицы нашей, надъ Почаевомъ явшейся, и преподобнаго Іова, и преподобномученицы Анастасіи, и донынѣ народъ нашъ мужественно и твердо отражаетъ нападенія еретиковъ и безбожниковъ на храмъ души своей и

охраняетъ при вашемъ пастырскомъ попеченіи сокровище непорочной вѣры. И въ этомъ помогъ ему и вамъ Господь и святые Его потому, что сами вы, пастыри Христовы, не поддались лукавому духу времени, но подобно древнимъ Отцамъ дерзновенно учили паству, что всякій отступающій отъ истинной Церкви является, по глаголу Господню, „якоже язычникъ и мытарь", что кромѣ православныхъ христіанъ бываютъ только иновѣрцы, да еретики-отступники, лишенные Божественной благодати и спасенія. Этимъ рѣшительнымъ исповѣданіемъ истины, а также пастырскою любовію къ народу русскому, вы сохранили его въ годину искушеній.

Теперь простираю къ вамъ свое слово: не давайте сна очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманія, ибо упорство въ сѣяніи еретической лжи не потребится у враговъ Церкви отъ первой неудачи. Назирайте съ ревнивымъ вниманіемъ и отеческою любовію быть вашей паствы и, видя волка грядуща, выступайте противъ него со словомъ ученія и съ молитвой вѣры, да не спящимъ человѣкомъ пріидетъ врагъ и всѣетъ плевелы посреди пшеницы. Отраженный въ первыхъ натискахъ своихъ послѣ 17 апрѣля прошедшаго года, онъ, по слову Евангелія, ходилъ по мѣстамъ безводнымъ, ища покоя, а теперь взялъ съ собою семь другихъ духовъ, злѣйшихъ себя, и хочетъ, обольстивъ паству нашу, сдѣлать для нея послѣднее хуже перваго (Лук. XI, 24—26).

Сію восьмерицу бѣсовъ лютѣйшихъ и представляетъ собою современная проповѣдь мятежа и безвѣрія или, точнѣе сказать, полнаго искаженія христіанской вѣры, въ которое враги наши стараются вовлечь самихъ священниковъ Божіихъ, лукаво приводя слова св. Библіи въ извращенномъ смыслѣ. Будемъ-ли сему дивиться? конечно, нѣтъ, ибо и сатана подобнымъ же способомъ искушалъ Сына Божія. Нынѣ-же слуги его стараются склонить христіанъ и священниковъ христіанскихъ на подмѣну Христовыхъ заповѣдей своими развращенными обычаями, укрывая ихъ библейскими словами: любовь, свобода, всепрощеніе, истина и пр., на самомъ-же дѣлѣ проповѣдуя злобу, рабство, разбой и всяческую ложь.

Конечно, жизненная опытность и привычное священникамъ умѣніе распознавать людей оградитъ васъ, быть можетъ, за исключеніемъ самыхъ юныхъ между вами, отъ обмана лжеучителей, но должно не только самимъ различать истину отъ лжи, а и паствѣ открывать глаза на тотъ безсовѣстный обманъ, въ который стараются вовлечь ее мятежники, представляясь друзьями народа, а на самомъ дѣлѣ, имѣя одно только намѣреніе — уничтожить Россію и уничтожить въ Россіи христіанство. Не всѣ они рѣшаются открыто хулить святое Евангеліе

и Святыхъ Угодниковъ, но свое дѣло стараются исполнить чрезъ пробужденіе въ народѣ, да и въ прочихъ сословіяхъ, самыхъ сквернхъ желаній и порочныхъ стремленій. Такъ, въ учащихся дѣтяхъ и юношахъ они уничтожили всякую научную любознательность, всякое понятіе о нравственномъ долгѣ, всякое послушаніе учителямъ и родителямъ; они развратили ихъ, сдѣлали ихъ пьяницами и игроками отъ постоянной праздности и, быть можетъ, на долгое время, уже уничтожили въ Россіи и просвѣщеніе школьное, и школьное воспитаніе.

Здѣсь они могутъ похвалиться полнымъ успѣхомъ: благодаря имъ, русское общество будетъ имѣть нѣсколько въ конецъ развращенныхъ поколѣній.

Лучше меня знаете вы, какъ настойчиво нанятые ими проходимцы ходятъ по деревнямъ, возмущая народъ православный противъ всего, что имѣло въ глазахъ его значеніе авторитета и власти: противъ Бога, противъ Царя, противъ священниковъ, противъ властей, противъ войска царскаго. Не стѣсняясь никакою ложью, они представляютъ себя радѣтелями земельнаго надѣла, а правительство — помѣхой ему, хотя послѣднее прилагаетъ всѣ старанія къ благополучному разрѣшенію сего мудреннаго и назрѣвшаго вопроса.

Отцы и братіе! берегите народъ отъ сѣтей ихъ! Не съумѣли мы съ вами уберечь родныхъ дѣтей вашихъ отъ растлѣнія, сберегите хотя бы духовныхъ чадъ вашихъ, что неизмѣримо легче въ сельской тишинѣ и близости къ ней Бога. За это Богъ милосердый возвратитъ вамъ въ свое время и родныхъ вашихъ сыновъ, „оболченныхъ и смыслящихъ“ (Марк. V, 15), Самъ приложивъ средства къ исцѣленію ихъ, чего не могли сдѣлать люди.

Какъ же исполнять намъ это дѣло?—спросятъ нѣкоторые. Отвѣтъ на это и составляетъ главную цѣль моего обращенія къ вамъ. Начните, конечно, съ увѣщаній отъ слова Божія и постояннаго напоминанія десятой заповѣди съ поясненіями ея изъ событій Ветхаго Завѣта, гдѣ въ Пятокнижіи, въ книгѣ Судей, въ книгахъ Царствъ и въ книгѣ пророка Іереміи приведено много событій народнаго своеволія, наказаннаго страшными карами Божіими; напоминайте, далѣе, о томъ, какъ часто ослѣпленное лжеучителями народное множество, гоняясь за призракомъ свободы, поднимало камни на нашего Спасителя и оказалось безсердечнѣе черстваго язычника Пилата, потребовавъ распятія Единороднаго Сына Божія. Убѣждайте народъ свой, что истина не въ толпѣ, не въ той партіи, которою пріобрѣтено временное преобладаніе, и что на судѣ Божіемъ никто не оправдается въ своихъ грѣхахъ

ссылкой на громаду, ибо въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ нею будетъ ввержен въ геенну огненную. Припоминайте людямъ и то, сколь многіе изъ Угодниковъ Божіихъ, начиная отъ Апостола Павла, подвергались ненависти народной за правду Божію; таковы были св. Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый, и пр. Максимъ Исповѣдникъ, и на Руси—св. Леонтій Ростовскій, Іоаннъ Новгородскій, Нилъ Столбенскій и иные множайшіе. Повѣствуйте и о томъ, сколь велики явились въ очахъ Божіихъ тѣ, кто противосталъ общественной неправдѣ: праведный Іосифъ и Моисей, и Самуилъ, и Три Отроки въ пещи огненной, и Даніилъ пророкъ, и Іоаннъ Креститель, и пр. Ѳеодоръ Студитъ, и Филиппъ Московскій. Такъ должно постоянными увѣщаніями уничтожать противное духу Христову чувство безсознательной и безсовѣстной *стадности*, на которое болѣе всего разсчитываютъ враги вѣры и отечества. Съ другой стороны, должно укрѣплять въ народѣ тѣ сознательныя и святыя начала христіанскаго быта, которыхъ лишить хотятъ его лжеучители. Малороссы, и особенно бывшіе подданные Польши, въ этомъ особенно крѣпко нуждаются. Великороссы сами убѣждены въ превосходствѣ своего дѣдовскаго, деревенскаго разума предъ барскими выдумками и господскою спѣсью; они добродушно презираютъ все, воспринятое на Руси отъ иноземцевъ, презираютъ роскошь и нѣгу и стараются сами себя закалить въ борьбѣ съ суровою природой Сѣвера и со своею бѣдностью.

Не такъ наши западные малороссы, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ привыкшіе въ кличкѣ *быдла* и согбенные подъ крѣпостническимъ прежде, а нынѣ подъ экономическимъ игомъ помѣщиковъ — иновѣрцевъ и евреевъ, равно враждебныхъ всему, что народъ почитаетъ за святыню. Все свое, все православное, все русское имъ представляли какъ мужицкое, холопское, невѣжественное, хотя, благодаря Бога, все-таки до сихъ поръ не оторвали народнаго сердца отъ истиннаго христіанства: но чтобы и впредь народъ нашъ попрежнему оставался въ немъ непоколебимъ, нужно, чтобы вы, святые отцы, исполнились духомъ великаго Моисея, который *„лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божіимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе, и поношеніе Христово почелъ большимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища, ибо онъ взиралъ на воздаяніе“* (Евр. XI, 25, 26).

Разумѣю здѣсь не только внѣшнее сближеніе съ народомъ въ бесѣдѣ, въ домѣ своемъ и въ домахъ ихъ, но и собственное внутреннее отрѣшеніе отъ потерявшаго вѣру общества, съ коимъ наше духовенство сближалось не въ качествѣ представителей вѣры Христовой, но при полномъ умолчаніи

о ней,—въ качествѣ участниковъ ихъ развлеченій, духовному званію несоотвѣтственныхъ, и подобныхъ же бесѣдъ и сужденій. Не то хочу сказать, чтобы прекратить знакомство съ ними, но то, чтобы внутренно мыслить себя прежде всего членомъ и главой братіи святого храма своего и говорить о себѣ съ Христомъ Спасителемъ: „матерь Моя и братья Мои суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его“ (Лук. VIII, 21).

Не легко, конечно, такъ измѣнить *сокровище своего сердца*, но кто умѣетъ молиться Богу и просить отъ Него дарованій духовныхъ, какъ научилъ насъ братъ Божій Іаковъ (I, 5—11), тому Господь поможетъ уразумѣть нравственную высоту души народной и предпочесть смиренномудренную правдивость той пышной лжи и разврату, которыми исполнены души вашихъ мірскихъ знакомцевъ.

Въ этомъ внутреннемъ сближеніи вашемъ съ духомъ народнымъ и народнымъ бытомъ заключается *первое условіе* къ тому, чтобы ваша малороссійская паства устояла противъ вліянія нигилистовъ, которые осмѣиваютъ ея долготерпѣніе и призываютъ къ языческой борьбѣ за внѣшнее благополучіе съ забвеніемъ Бога и совѣсти.

Второе условіе, какъ я разъяснялъ въ прошломъ году съѣзду отцевъ благочинныхъ, заключается въ томъ, чтобы, научая всѣхъ личному смиренномудрію, открывать народу глаза на тѣ сокровища добра и разума, которыя опредѣляютъ его патріархальный бытъ, безъ всякаго сравненія превосходящій ту клоаку пороковъ и лжи, въ которой безпомощно плещутся его самозванные просвѣтители. Говоря прямо, должно разъяснить народу, что его бытъ вовсе не есть тьма невѣжества и бѣдствій, но что таковъ напротивъ строй общественный, отрѣшившійся отъ основъ вѣры Христовой и состоящій въ служеніи грубымъ страстямъ корысти, блудодѣянія, объяденія, пьянства, лѣности и тщеславія. Хорошее дѣло просвѣщеніе, но оно только на устахъ у современнаго человѣка, а на самомъ дѣлѣ не было эпохи болѣе чуждой наукѣ и любознательности, чѣмъ эпоха современная. Даже тѣ, для которыхъ наука является житейскимъ ремесломъ, ихъ питающимъ, и они давно перестали трудиться надъ изслѣдованіемъ истины, а ограничиваются тѣмъ, что переписываютъ на русскій языкъ нѣмецкія лекціи, и такъ поддерживаютъ посредствомъ обмана свое положеніе. Что сказать о бѣдныхъ ученикахъ такихъ руководителей? Что сказать о тѣхъ недоучкахъ, которые составляютъ сельскую интеллигенцію, если они не могли быть терпимы даже въ современной школѣ, которая разсовываетъ свои аттестаты кому попало, не требуя отъ людей не только успѣховъ, но даже и малаго трудолюбія?

Иное дѣло народъ земледѣльческій: здѣсь кто не трудится, тотъ и не ѣстъ (2 Сол. III, 10), и уже за это одно должны крестьяне высоко уважать свой земледѣльческій бытъ. Поднимайте въ нихъ все выше это уваженіе, чтобы они не согбеннымъ станомъ держались предъ всякимъ проходимцемъ-лжеучителемъ за то только, что онъ одѣтъ въ нѣмецкое платье, но чтили бы больше свой простой мужицкій строй, мужицкую рѣчь, мужицкую одежду и особенно — мужицкую вѣру—вѣру православную, истинную, Христову. Разъясняйте имъ, что истинное просвѣщеніе заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы знать Господа Іисуса Христа и чтить Его святыя слова; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы различать добро и зло, въ-третьихъ, въ томъ, чтобы не теряться, не падать духомъ въ несчастіи, и, наконецъ, въ томъ, чтобы не бояться смерти. Тотъ, кто эти четыре условія просвѣщенія имѣетъ, тотъ есть истинно мудрецъ, ибо мы считаемъ Сократа умнѣйшимъ изъ людей за два условія только, а имѣющій всѣ четыре вдвое мудрѣе его. И таковъ народъ нашъ, хотя и не знающій грамоты, но различающій доброе отъ злого совершенно такъ, какъ училъ Господь нашъ, народъ нашъ, любящій Господа и Его почитающій высшимъ Учителемъ жизни.

Не такъ тѣ, которые воспитались на книжкахъ. Хотя они любятъ говорить, что признаютъ ученіе Евангелія и чтутъ Іисуса Христа, но, говоря это, лгутъ: у нихъ даже языкъ не поворотится, чтобы назвать Его полнымъ именемъ, но, подобно Пилату, называютъ Его либо Іисусомъ, либо Христомъ, такъ и рука ихъ не можетъ подняться, чтобы положить на себя полный крестъ, но либо не могутъ они донести ее до лба, либо опускаютъ, не донеся до лѣваго плеча. — Не Господа Іисуса Христа они считаютъ судьею своихъ дѣйствій и мыслей, а сами высокомѣрно обсуждаютъ Его слова, нѣкоторыя одобряютъ, а нѣкоторыя отвергаютъ и тѣмъ снова восхищаютъ своимъ душамъ Пилатово мѣсто.

Любятъ они говорить, что, отвергая догматы, они чтутъ нравственное ученіе Христово, но снова лгутъ. Господь первою заповѣдью Своею провозгласилъ покаяніе и смиренномудріе и нищимъ духомъ обѣщалъ царство небесное, а ученики Европы весь строй жизни государственной, общественной, школьной основали на самолюбіи, тщеславіи и гордости; они выдумали какую-то *честь* вмѣсто Христова поношенія; они назвали гордость не бѣсовскою, а благородною, и издѣваются надъ всякимъ, кто „не имѣетъ самолюбія“, а вѣдь таковъ и Христосъ Спаситель, и Апостолъ Іоаннъ, и Ефремъ Сиринъ, и Марія Египетская, да и всѣ вообще Святые человѣки, и Ангелы Божіи.

Далѣе, Господь велѣлъ взирать на жизнь, какъ на крестъ, и полагать сокровище своего сердца въ жизни будущей, а наше общество даже дѣтей воспитываетъ въ чисто эпикурейскомъ отношеніи къ жизни, какъ къ чашѣ наслажденій, и именно на этомъ взглядѣ устанавливается и вожделѣнный сынами его „Правовой порядокъ“ и вся борьба сословій и политическихъ направленій и особенно ученіе соціалъ-демократовъ.

Такова основная рознь между руководящими понятіями европейскаго общества и христіанскою вѣрой, совершенно правильно понимаемой народомъ. Скажите теперь, кто темный язычникъ: народъ-ли—смиренный и убѣжденный крестоносецъ, или тѣ, которые смѣются надъ его невѣжествомъ и стараются вырвать изъ его сердца это сокровище христіанскаго свѣта и замѣнить своимъ языческимъ суемудріемъ. Это рознь въ убѣжденіяхъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ, но кромѣ открыто исповѣдуемыхъ убѣжденій, каждое общество имѣетъ еще не гласныя, но общепринятыя правила въ жизни и эти правила бываютъ для сыновъ его нерѣдко еще болѣе обязательными, чѣмъ всѣ прочія. Совпадаютъ-ли они съ ученіемъ Спасителя?

Господь сказалъ: „не прелюбы сотвориши“, а у насъ считаютъ глупцомъ того, кто удаляется блудодѣянія; Господь велѣлъ молиться день и нощь, уподобляясь вдовицѣ, умолявшей неправеднаго судію, а у насъ надъ людьми богомольными смѣются. Господь велѣлъ прощать обиды и не принимать къ сердцу оскорбленія, а у насъ такого человѣка исключаютъ изъ общества, какъ презрѣннаго труса. Господь велѣлъ раздавать имѣнія, а у насъ жизнь понимается, какъ скопленіе имущества. Итакъ, еще разъ: кто понимаетъ христіанскую вѣру и кто по убѣжденіямъ язычникъ? народъ или общество? Отвѣтъ ясенъ самъ собою. Внушайте же народу, чтобы онъ сознавалъ высокое преимущество своего быта и своихъ убѣжденій и не уступалъ бы своего духовнаго сокровища за чечевичную похлебку. Лучшіе умы Россіи, славянофилы и Достоевскій, понимали это; понимаютъ это и болѣе разумные враги православной вѣры, напр., Левъ Толстой, умѣющій при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ различать внутреннюю цѣнность народныхъ убѣжденій отъ внѣшнихъ блестокъ культурнаго быта, лишеннаго всякихъ возвышенныхъ понятій и стремленій.

И себѣ на сердцá положите это, духовные отцы, что разные автомобили, электрическіе фонари, моды, спектакли, изящные комплименты и трескучія газетныя передовицы—это въ Петербургѣ, а подвиги добродѣтели, духъ любви, покаянія, всепрощенія, живой вѣры и несомнѣннаго упованія на Бога — это у васъ въ деревнѣ.

Но людямъ всегда хочется того, чего нѣтъ у нихъ, а то, что предъ ними, они мало цѣнятъ; они ищутъ въ какихъ осязательныхъ проявленіяхъ можно показать достоинство ихъ убѣжденій? они измѣряютъ ихъ цѣну чрезъ житейское благополучіе, чрезъ успѣшное достиженіе поставленныхъ цѣлей жизни. Повидимому, всего труднѣе оцѣнить съ этой стороны христіанство, ибо оно отреклось отъ земного счастья и лобызаетъ страданія. — Однако, при всемъ томъ христіанинъ бываетъ радостнѣе, чѣмъ эпикуреецъ, и нашъ обездоленный крестьянинъ чаще бываетъ въ жизнерадостномъ настроеніи, чѣмъ его непрошенные радѣтели, и это потому, что скорби жизни тяжелы бываютъ не сами по себѣ, а въ зависимости отъ того, какъ принимаетъ ихъ человѣкъ. Невозможно прожить никому безъ скорбей, но мудрецомъ назови того, кто умѣетъ не падать подъ ихъ тяжестью, а таковъ именно нашъ народъ.

Онъ не считаетъ себя погибшимъ, если обѣднѣетъ, не ропщетъ, если сдѣлается калѣкой, не озлобляется, если напрасно его ввергнутъ въ темницу. Онъ знаетъ, что „егоже любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ“. Онъ знаетъ, что Богу угодны страдальцы и что безъ скорбей невозможно спастись.—Не то у людей образованныхъ: тамъ цѣнность жизни измѣряется деньгами и чинами, тамъ заботятся обо всемъ, кромѣ вѣчнаго спасенія, а лишеніе должности или имущества, или любви плотской побуждаетъ безумцевъ лишать себя и жизни — временной и вѣчной.

Одинъ мудрецъ сказалъ: „не тотъ философъ, кто умѣетъ жить, а тотъ, кто умѣетъ умирать“. Въ этомъ смыслѣ русскій народъ есть философъ по преимуществу; были народы, которые умѣли лучше его жить, но не было народа, который умѣлъ лучше его умирать. А вѣдь умирать приходится всѣмъ— и вѣрующимъ, и невѣрующимъ. Послѣдніе стараются не говорить и не думать о смерти, прячутся отъ мысли о ней, какъ страусы прячутъ голову свою отъ преслѣдованія, конечно, не имѣя никакой возможности вполнѣ отъ него скрыться. Но эти неразумныя птицы все-таки успокаиваютъ себя на нѣсколько минутъ, которыя имъ остается прожить, а людямъ это не удается, и вотъ они, какъ Каинъ, который, *стеня и трясыйся*, странствовалъ по землѣ, всегда преслѣдуемые ужасомъ смерти, окончательно разрушаютъ свое надломленное отъ грѣховъ молодости здоровье и на нихъ осуществляется Господне пророчество: *„люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій“* (Лук. XXI, 26). Поистинѣ ужасно положеніе человѣка, отвергнувшагося отъ христіанскаго упованія

и ожидающаго дней приближающейся кончины и отчета въ своей праздной и исполненной лжи жизни.

Не такъ наши простолюдины: они помнятъ апостольское слово: *„не скорбите, якоже прочіи, не имущіи упованія“*. Они не жалѣютъ о жизни, готовясь къ исходу; имѣя сами жалость къ людямъ, они уповаютъ и на милосердіе къ себѣ Предвѣчнаго Судіи и встрѣчаютъ день смерти, какъ перехода въ другое, лучшее жилище—спокойно, покорно и умиленно.— Мыслители разныхъ направленій съ изумленіемъ и даже со священнымъ ужасомъ взираютъ на подобныя явленія величія народнаго духа—Тургеневъ, Толстой, славянофилы, даже, наконецъ, Рѣшетниковъ,—всѣ оттѣняютъ полную неспособность другихъ народовъ и другихъ культуръ представить что-либо подобное. Поистинѣ: *„блажени мертвые, умирающіе во Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“* (Апок. XIV, 13).

Отцы и братіе, взирайте съ благоговѣніемъ на сокровище народной вѣры, на его терпѣніе, на воздержаніе, на равнодушіе къ міру. Учите и народъ благоговѣйно хранить и цѣнить это сокровище, бережно передавать его отъ поколѣнія къ поколѣнію и всѣ явленія жизни и всѣхъ приходящихъ къ нимъ цѣнить по этимъ именно убѣжденіямъ, а не взирать на лица, ни тѣмъ менѣе на одежду (Іак. II, 2—7) приходящихъ. Напоминайте имъ, что Спаситель принялъ зракъ раба-простолюдина и подобные же простолюдины возлюбили Его, уразумѣли Его истину и шли за Нимъ, а богатые и ученые не познали Его и отвергли съ презрѣніемъ.

Не должно, конечно, внушать народу враждебно презрительнаго отношенія къ обществу, но должно учить его больше уважать деревню, простоту, бѣдность и чуждаться современнаго соревнованія и тщеславной борьбы за житейское благополучіе.

Если воспитаете свою паству въ такихъ понятіяхъ, то не страшны будутъ ей и Церкви непрошенные просвѣтители, старающіеся вырвать изъ сердца народнаго и вѣру, и совѣсть, и благодушіе, а вселить въ него завистливую злобу и грубую чувственность. Лишь бы сохранить намъ хотя бы въ лучшихъ сынахъ народа неповрежденную вѣру православную, а она сама уже постоитъ за себя; она дастъ и силу, и мужество, и мудрость своимъ послѣдователямъ даже при самыхъ лютыхъ бѣдахъ, — если ихъ начнутъ снова мучить за вѣру, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, если будутъ осквернять св. храмы и обращать ихъ въ театры и блудилища. Тогда намъ бояться нечего будетъ, ибо вѣрующіе „пріемлютъ яко наслажденія муки“ и въ нихъ-то умножается и крѣпнетъ вѣра, расцвѣ-

таетъ надежда и возгорается любовь. Насадите въ умахъ людей христіанское разумѣніе жизни, презрѣніе къ богатству и наслажденіямъ, и любовь къ подвигу и тогда можете заранѣе торжествовать побѣду надъ ухищреніями слугъ демоновыхъ, ополчившихся на св. вѣру, на св. Русь.

«Въ оные дни послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ Апостолы шли вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили надменные:
Распятъ Мятежникъ, — что проку въ осмѣянномъ,
Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученьи?
Имъ-ли, убогимъ, идти галилеянамъ
Противъ теченья?
Други, гребите; напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордыней:
На́ берегъ скоро мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святыней.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ Безконечное
Вѣрою въ наше святое значенье,
Мы же поднимемъ теченіе встрѣчное
Противъ теченья".

Будемъ, отцы и братіе, жить нашею, внутреннею, церковною жизнью въ единеніи съ паствою нашей и тогда волны общественной бури будутъ разбиваться о церковный корабль безъ вреда для него; грохотъ Вавилонскаго столпотворенія останется чуждъ нашей паствѣ, какъ предкамъ Авраама; грядущія страшныя казни Божіи не охватятъ земли Гессемъ, въ которой будетъ обитать Божіе стадо, и безпроглядная „осязаемая тьма", уже начинающая сковывать современный общественный Египетъ, не дойдетъ до жилищъ народа Божія, надъ которымъ попрежнему будетъ сіять Солнце Правды, и мы, вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ, будемъ Тебе вѣдѣти съ высоты Востока", о, Спаситель нашъ и Господь, и возсылать Тебѣ славу, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Отвѣтъ на поднесенный адресъ кандидатовъ Казанской дух. академіи вып. 1903 г.

Любезные друзья!

Не стыжусь признаться, что горячо обрадовали вы меня своимъ любвеобильнымъ письмомъ и альбомомъ. Прежніе курсы были бы неправы предо мною, еслибъ не позаботились о томъ, чтобы изображенія ихъ лицъ были у меня, такъ много ихъ любившаго. Не имѣю я свободнаго времени, чтобы почасту

пересматривать 16 студенческихъ альбомовъ съ дорогими мнѣ лицами, но когда приходится случайно развернуть тотъ или другой, то не сразу могу оторвать отъ него своихъ взоровъ и мыслей: „воспоминанія безмолвно предо мной свой длинный развиваютъ свитокъ“. И радостное чувство духовнаго общенія и тихая грусть разлуки сливаются тогда въ моемъ сердцѣ. Живые во многомъ измѣнились и по внѣшности и по внутреннему настроенію, а многіе уже и не числятся въ живыхъ. Вотъ нѣсколько изображеній молодыхъ покойниковъ, которыхъ я съ товарищами ихъ проводилъ въ грядущій животъ со студенческой скамьи. Вотъ другіе, обросшіе бородами или возложившіе на себя духовныя одежды, но въ ихъ взорахъ та же еще неиспорченная юность и правдивость. Не имѣть у себя этихъ книгъ со многими живыми лицами и съ нѣсколькими, успокоившимися до общаго суда, было бы для меня лишеніемъ. Вотъ почему я такъ горячо обрадовался Вашему альбому. Однако на него не считалъ я за собою нравственнаго права, потому-что Вы, мои молодые друзья, жили и учились со мною въ тотъ послѣдній годъ моей академической службы, когда я, за отбытіемъ въ Св. Синодъ Владыки Архіепископа, долженъ былъ представительствовать его въ большой русской Казани, и сравнительно мало удѣлялъ времени и силъ студенческой жизни, тѣмъ болѣе, что и изъ силъ я тогда значительно выбился и часто недомогалъ.

Но видно не напрасно говорится: „сердце сердцу вѣсть подаетъ“. Вы чуяли и оцѣнили мою настроенность по отношенію къ вамъ, мою заботу о томъ, чтобы вы не уклонялись отъ пути истиннаго, а напротивъ обогащались всякою добродѣтелью, какъ сказалъ блаженный Іаковъ: „*до ревности любитъ духъ, живущій въ насъ*“ (IV, 5).

И вотъ, когда душа моя расширяется полнотою всего пережитаго съ вами и съ прежними моими учениками духовнаго общенія; то ей открываются новыя великія созерцанія, которыми и заключу мое послѣднее спасибо за вашу память и любовь. Созерцанія эти состояли въ томъ, что не на землѣ должно быть высшее сокровище нашего сердца, ибо здѣсь даже самое великое и священное чувство духовной любви и взаимнаго сотрудничества на святомъ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія не даетъ полнаго удовлетворенія душамъ нашимъ. Ибо и здѣсь горечь *разлуки* и сопряженнаго съ нею внутренняго измѣненія многихъ друзей научаетъ насъ ожидать иной жизни, гдѣ уже не будетъ ни разлуки, ни измѣненій, гдѣ священнѣйшія мгновенія и часы познанія истинъ Божіихъ и святыхъ рѣшеній вами бываютъ уже не мгновеніями и часами, а нескончаемою вѣчностью.

Мы отмѣчаемъ содержаніе нашей протекшей жизни не по распредѣленію ея внѣшнихъ условій, а по тѣмъ свѣтлымъ точкамъ высшихъ настроеній, когда мы чрезъ искреннюю духовную бесѣду и чрезъ молитву или чрезъ участіе въ дѣлахъ безкорыстной любви какъ бы соприкасаемся съ вѣчностью, съ обнаженною истиною бытія съ жизнью Божіей, которую осязали руками своими святые Апостолы (1 Іоан. I). И вотъ, вспоминая такія минуты и часы, и людей имъ причастныхъ и даже самую ихъ обстановку, мы ни за что не соглашаемся приравнять ихъ ко всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ нашей жизни, канувшимъ въ вѣчность, но всѣмъ сердцемъ привязываемся и къ тѣмъ людямъ и къ той обстановкѣ, какъ бы запечатлѣвъ, закристаллизировавъ въ нихъ свои высшія взаимныя пережитыя настроенія, и сохраняя неясную, но твердую увѣренность въ томъ, что пережитое не должно, не можетъ исчезнуть, а должно гдѣ-то снова повториться, и притомъ не на минуту, а навсегда, потому что въ томъ была истина, а истина престать не можетъ.

Подобное соприкосновеніе съ вѣчностью особенно отчетливо переживается нами при смертяхъ и погребеніяхъ дорогихъ друзей. И вотъ почему я люблю смотрѣть на изображеніе умершихъ и думать о нихъ. Для меня они живы и даже болѣе живы, чѣмъ многіе живые, но осуетившіеся въ своихъ помышленіяхъ. При подобныхъ же чувствахъ для меня постепенно уничтожается скорбное ощущеніе разлуки съ моими дорогими учениками, и мое общеніе съ ними не представляется дѣломъ прошедшимъ, но продолжающимся.

Итакъ, говоря о разлукѣ, напоминая о смерти вамъ, молодымъ и здоровымъ, весело вступающимъ въ жизнь, не хочу васъ печалить, но обрадовать удостовѣреніемъ, что для нашей духовной дружбы смерти нѣтъ, и мертвыхъ нѣтъ, и разлуки нѣтъ. Хочу увѣрить васъ въ томъ, что, вѣруя во Христа, любя людей и пребывая въ Церкви, мы обладаемъ тайной вѣчности, мы обладаемъ тайной глубокаго взаимообщенія душъ, чего не знаютъ люди невѣрующіе, которые томятся своимъ нравственнымъ одиночествомъ, тщетно протягиваютъ другъ другу руки общенія, но никогда не могутъ установить его между собою. Недавно вышли двѣ книжки, описывающія бытъ студентовъ обоихъ столичныхъ университетовъ. Тоска нравственнаго одиночества является у нихъ всеобщимъ всеподавляющимъ настроеніемъ, съ коимъ они тщетно борятся общеніемъ въ кутежахъ и въ безсмысленныхъ и имъ самимъ непонятныхъ демонстраціяхъ. Напротивъ мы, если только сохранимъ Бога въ сердцахъ своихъ, можемъ не тѣсно вмѣщать въ нихъ и ближнихъ нашихъ и такимъ образомъ, испытывая

высшую и достойнѣйшую человѣка радость бытія, смѣло смотрѣть въ глаза нашему земному исходу. Эта истина и вамъ знакома, друзья мои, судя по вашему письму. Храните же ее, какъ высшій залогъ разумной дѣятельности, и въ этомъ примите мое прощальное увѣщаніе. Я же навсегда сохраню благодарную память о своихъ друзьяхъ-студентахъ и въ частности о васъ, менѣе другихъ пользовавшихся моимъ обществомъ, но не менѣе другихъ возлюбившихъ мои правила и упованія.

„*Нынѣ предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати Его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ*“ (Дѣян. XX, 32).

Переписка съ Предсѣдателемъ VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія XV, старообрядческимъ, именуемымъ архіепископ. Іоанномъ Картушинымъ [1]).

29 апрѣля.

Смиренный и грѣшный Антоній, Божіею милостію Епископъ Волынскій и Житомірскій старообрядческому Владыкѣ Іоанну, чтимому своею паствою за богомольную жизнь и духъ смиренномудрія, — радоватися.

Призванный Духовною Властью для обсужденія мѣръ къ возстановленію единства народа русскаго въ Христовой Церкви и вмѣстѣ съ нѣкіими благоговѣйнѣйшими іереями единовѣрческихъ приходовъ, а равно и съ мірянами, трудящимися въ духовномъ писательствѣ, получилъ я нѣкоторыя заявленія отъ старообрядцевъ, Вашего священства держащихся, съ просьбою о приглашеніи ихъ духовныхъ пастырей и начетчиковъ для совмѣстнаго обсужденія сихъ дѣлъ.

Но и сверхъ того, всегда оплакивая наше печальное для Божественныхъ Апостоловъ и радостное для злочестивыхъ бѣсовъ раздѣленіе и призывая въ помощь своему убогому усердію молитвы святыхъ Угодниковъ Россійскихъ, утвердившихъ на родинѣ нашей правую вѣру, *по влеченію собствен-*

---

[1]) Въ разсѣяніе слуховъ о заискиваніи предъ австрійскимъ священствомъ со стороны православной церкви, оглашается въ подлинномъ видѣ истинно-пастырское обращеніе, совершенное отъ своего имени Предсѣдателемъ миссіонерской комиссіи Предсоборнаго Присутствія къ австрійскому согласію въ лицѣ высшаго его представителя въ Россіи.

Напечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“. № 26, 1906 г.

наго сердца, простираю руки къ Вашей любви и прошу Васъ и собратій Вашихъ: отложивъ грѣховное ожесточеніе другъ ко другу и, помолившись Богу, сойдемся на бесѣду о дѣлахъ церковныхъ. Поминайте примѣръ святыхъ и пребожественныхъ Отецъ, въ Карѳагенѣ древле собравшихся. Они въ 80-мъ правилѣ своего святаго и любезнаго Христу Богу собора постановили составить посланіе къ раздѣлившимся съ церковными чадами Донатистамъ, призывая ихъ къ единенію и нарицая ихъ заранѣе *братіями.*

Сіи Донатисты не бѣша еретицы, ни исказители Божественной вѣры, но весьма ревнуя о строгости церковныхъ правилъ, осудили Христову Церковь за благоснисхожденіе ея и въ великомъ множествѣ людей и епископовъ укоснѣли въ грѣховномъ раздѣленіи. Посему, не укоряя ихъ, но уважая ихъ ревность, святые Отцы сами спѣшатъ простирать имъ объятія любви и просятъ, обсудивъ посланіе ихъ, прислать къ нимъ представителей своихъ для бесѣдъ о Божественномъ законѣ и о соединеніи всѣхъ во единой святой, соборной и апостольской Церкви. Прошу и я, грѣшнѣйшій изъ всѣхъ, но вѣрующій евангельскимъ обѣтованіямъ, присылайте въ Сѣверную Столицу мужей отъ среды вашей, пріявшихъ рукоположеніе, и мірскихъ, четыре или пять человѣкъ, дабы обсудить вкупѣ съ моими собратіями, безъ огласки и шума, въ келліяхъ Ярославскаго Подворья (Николаевская набережная, 39) пути Божественнаго Промысла для уврачеванія нашихъ двухсотлѣтнихъ скорбей.

То священство, которое получили Вы чрезъ Амвросія митрополита нашего, желалъ бы я грѣшный утвердить за Вами чрезъ примиреніе со Вселенскою Церковью. *Сіе желаніе есть мое* и нѣкоторыхъ изъ собратій нашихъ, но всѣмъ еще не говорено о томъ, да *и говорить боимся,* ибо, хотя по моему личному разсмотрѣнію святыхъ Каноновъ сіе не есть невозможно, но доколѣ отъ Васъ равной любви не будетъ явлено, едва ли глаголъ сей примется съ довѣріемъ отъ Вселенскихъ Патріарховъ и Епископовъ Россійскихъ. Видимъ мы изъ перваго правила Святого и Небоявленнаго Василія, что онъ исповѣдуетъ возможность принимать въ сущемъ санѣ отдѣлившихся, хотя и утверждаетъ, что въ отдѣленіи уже престаетъ священство и всякое другое таинство, а сохраняется только его внѣшность, которая не ко очищенію, а ко омраченію отдѣляющихся бываетъ, якоже и Святіи Отцы, иже въ Карѳагенѣ 68-мъ правиломъ утвердиша. Обаче вся сія по возстановленіи единства церковнаго паки восполняются спасительнымъ даромъ освящающей благодати даже и безъ новаго дѣйствія хиротоніи, если на сіе послѣдуетъ соизволеніе Церкви,

руководящейся не суровостью прещающаго закона, но снисхожденіемъ ради духовной множества людей пользы.

Въ такомъ упованіи азъ грѣшный утвердихся, и *если усмотрится навстрѣчу грядущая ревность Ваша о единеніи церковномъ*, то сіи мысли *буду со всякимъ дерзновеніемъ сообщать собратіямъ своимъ по епископству*, дабы сотворить велію радость на небеси Сыну Человѣческому со Святыми Ангелы, дабы утѣшился Пастырь Добрый, и понынѣ невидимо ходящій по дебрямъ и горамъ, и заблудшихъ овецъ Своихъ ищущій. „Ему возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь". Итакъ да будетъ милостивъ Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ и да вложитъ въ сердца ваши, о братіе, слово взаимной любви и мира, да упразднится святотатственное раздѣленіе (103 правило Карѳагенскаго Собора) и да прославится Святая Церковь во всемъ мірѣ. О семъ прошу и Вашихъ къ Богу молитвъ.

Отвѣтъ воспроизводится съ орѳографіей подлинника.

20 мая 1906 года.

Смиреннаго Іоанна Архіепископа Моск-Старообрядческаго.

Многоученому и Любомудрому Антонію Епископу Волынскому и Житомірскому.

Отвѣтное посланіе.

Исполненное христіянской Любви Ваше посланіе къ моему смиренію Съ простертіемъ Вашихъ рукъ и сердечнаго влеченія, я привѣтствую съ душевною благодарностію.

Предложеніе же Ваше о присылкѣ въ Сѣверную Столицу мужей изъ среды нашей, пріявшихъ рукоположеніе и мирскихъ, въ коммисію для обсужденія мѣръ къ возстановленію Единства русскаго христіянства, очинь важное, но къ сожалѣнію едвали осуществимое.

Не по грѣховному ожесточенію другъ къ другу, А по тѣмъ понятіемъ и убѣжденіемъ, каковыя въ теченіе 250 лѣтъ между нами и вами, въ самой духовной жизни Сложились.

Старообрядцы, напуганныя реформами Патріарха никона, ко всему новому относятся всегда съ большимъ недовѣріемъ. Поетому намъ, Служителямъ церкви, приходится при каждомъ новомъ вопросѣ опасатся непріятныхъ послѣдствій.

Вслѣдствіе сего прежде чѣмъ назначить нашихъ собесѣдниковъ въ коммисію необходимо, требуется съ нашей стороны

высказать свой взглядъ по вопросу возстановленія Единства въ русскомъ христіянствѣ. Взглядъ Етотъ слѣдующій:

Единеніе весьма желательно; о семъ молитъ ежедневно и св. церковь: „о мирѣ всего міра и о совокупленіи всѣхъ"; во имя сего и отцы Карѳагенскаго собора приглашали увлеченныхъ въ—раздоръ данатомъ. Но суть дѣла въ томъ, что данатисты хотя и не такъ далеко отправославія ушли какъ другія, однако же ушли; Старообрядцы же, оставшись въ до никоновской православной церкви, нисколько отъ древняго православія не ушли, и по етому имъ нѣтъ нужды дѣлать уступки для Единенія съ какою либо церковію отъ падшего отъ древняго до никоновскаго православія.

По сему предпріятіе Ваше къ возстановленію Единства рускаго христіянства можитъ осуществится толко посредствомъ полнаго возвращенія Вашего къ до никоновскому православію, при отмѣнѣ всѣхъ новшествъ, и при отрѣченіи отъ тѣхъ порицаній и клятвъ, каковыми за двухъ вѣковой пиріодъ обоготилась господствующая въ росіи церковь.

Тогда, только тагда совершится величайшій важности событіе съ несомненно отрадными послѣдствіями, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. во первыхъ: упаваемъ исчезнетъ невѣріе во вторыхъ, всѣ рускія христіяни не имѣя чемъ упрекнутъ, объединятся во Единой древне православной Христовой церкви. А поступись старообрядчество чѣмъ либо новообрядчеству, оно растворится въ разныя свободомыслія. Господствующая же церковь будетъ идти тѣмже путемъ, каковымъ шла до сего времени.

Изъ етого нашего изложенія Вамъ видно будетъ, на сколко нужны или не нужны наши Собесѣдники въ Вашей комиссіи. Желательно получить на сіе, Ваше заключеніе.

Да поспѣшитъ Вамъ Господь Богъ возстановить древніе, до никоновское православіе. Съ неуклоннымъ исполненіемъ св. церковныхъ правилъ, Божіею милостію Смиренный Іоаннъ Архіепископъ Моск-Старообрядческій.

Второе приглашеніе отъ Архіепископа Антонія.

23 мая 1906 года.

Сегодня имѣлъ я честь получить посланіе Ваше, достолюбезный Владыко старообрядцевъ, и спѣшу отвѣтить Вамъ, что желаніе Ваше касательно снятія клятвъ съ древне-русскихъ обрядовъ въ нашей подкомиссіи тоже исповѣдуется, чему дока-

зательствомъ являются напечатанные журналы ея засѣданій, что посылаю Вамъ отдѣльно. Изъ этихъ журналовъ, отпечатанныхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, № 17, Вы увидите, что *не ради угожденія старообрядцамъ*, а по искреннему своему убѣжденію наша комисія желаетъ сохранить внутри церкви древнерусскій чинъ не временно, а навсегда и при томъ съ нарочитыми епископами сего чина. Правда, тамъ старообрядцы названы раскольниками, но сіе слово допущено потому, что писали мы тогда для себя самихъ и не думали, что придется Вамъ это посылать, какъ равно не обидимся и мы, узнавъ, что на своемъ собраніи Вы насъ называли никоніанами.

Если же и по прочтеніи всего, напечатаннаго тамъ, останутся у Васъ сомнѣнія, то для того и просимъ мы пожаловать Васъ и Вашихъ на разсужденіе, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Особенно было бы отрадно, еслибъ Вы сами благоволили пожаловать въ Петроградъ, навѣстили бы свою паству, осиротѣвшую послѣ усопшаго Владыки Виталія, да и съ нами побесѣдовали бы не для препирательства, а для отысканія пути къ блаженному единенію во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава и держава, честь, поклоненіе со Отцемъ и Св. Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Смиренный *Антоній, Архіепископъ Волынскій.*

Отвѣта никакого не послѣдовало.

Пастырямъ Церкви Волынской [1]).

Желаніе нашего христолюбиваго Самодержца о томъ, чтобы крестьяне русскіе вмѣстѣ съ прочими сословіями могли поднять свой голосъ въ Государственной Думѣ, не было выполнено при первомъ ея наборѣ. Въ ряды крестьянъ ворвались совершенно чуждые имъ обманщики — революціонеры, учившіеся въ заграничныхъ университетахъ; они произносили въ Думѣ оскорбительныя для всего крестьянства, враждебныя русской странѣ рѣчи, а настоящіе деревенскіе крестьяне робко молчали. Отъ насъ, пастырей христіанскаго народа, зависитъ поставить его такъ, чтобы онъ не отдавался слѣпо въ руки обманщиковъ и не робѣлъ бы предъ наглостью враговъ отечества, а послалъ бы въ Думу такихъ людей, которые бы, во-первыхъ, говорили такъ, какъ думаетъ деревенскій народъ

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“, № 47, 1906 г.

о строеніи земли нашей, а, во-вторыхъ, не робѣли бы предъ представителями прочихъ сословій и племенъ. Крестьяне могли бы составить самую сильную и вполнѣ единодушную часть Думы и направить русскую жизнь согласно своимъ желаніямъ и надеждамъ, еслибы съумѣли выбрать туда людей достойныхъ. А избрать такихъ людей имъ удастся тогда, если, во-первыхъ, имъ поможетъ Богъ, а, во-вторыхъ, если научатъ ихъ духовные отцы. Посему прошу Васъ, достолюбезные отцы и братіе, приложить душу свою къ этому святому дѣлу, а именно: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ будутъ предварительные или окончательные выборы, или же предвыборныя собранія, совершать въ тѣ дни служеніе молебновъ (лучше даже съ литургіей), на которые заблаговременно приглашать всѣхъ, и на молебнѣ говорить поученіе о великомъ долгѣ предъ Родиной и вѣрой, который лежитъ на избирателяхъ и избираемыхъ. Увѣщевайте прихожанъ избирать не льстецовъ, не бражниковъ, не хвастуновъ, но людей справедливыхъ, трудолюбивыхъ, непремѣнно трезвыхъ, не алчныхъ, но богомольныхъ, умѣющихъ разумно править своимъ домомъ.

Затѣмъ окропите выборщиковъ каждаго св. водой, и приложите ко св. кресту, и напомните имъ, чтобы во время выборовъ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, особенно, если будетъ въ сердцѣ ихъ борьба и смущеніе.

По окончаніи выборовъ, пусть избранные въ уѣздные или губернскіе выборщики снова придутъ во св. храмъ на молитву и выслушаютъ отъ васъ напутственное назиданіе. Увѣщевайте ихъ стоять за правду при дальнѣйшихъ выборахъ, заклинайте ихъ не принимать подарковъ или взятокъ, ни угощеній отъ льстивыхъ обманщиковъ и агитаторовъ. Убѣждайте ихъ не пугаться насмѣшекъ, не робѣть, если имъ будутъ говорить, будто всѣ уже рѣшили избрать такихъ-то и такихъ-то недобрыхъ людей. Такимъ именно способомъ безчестные смутьяны стараются перетянуть на свою сторону простодушныхъ. Угрозы ихъ и упрашиванья — первый признакъ ихъ обмана: если грозятъ или запугать стараются — значитъ силы у нихъ мало, потому что сильный врагъ обижаетъ безъ угрозъ.

Хорошо, если прихожане или избиратели сложатся и пріобрѣтутъ для губернскихъ выборщиковъ по крестику или по образочку, чтобы тѣмъ дать имъ вещественное и святое напоминаніе не отступать отъ завѣтовъ русскаго народа и православной вѣры. Эти крестики надѣть надо на нихъ священнику въ церкви и напутствовать благословеніемъ молитвы и кропленіемъ св. воды, какъ воиновъ, идущихъ отстаивать Родину и народъ христіанскій. Скажите имъ, отправляя ихъ въ

городъ, что Богъ и Ангелъ-Хранитель будутъ знать не только ихъ дѣла и слова, но и всѣ тайныя намѣренія и взыщутъ съ нихъ всѣ бѣды нашей Родины, если они изберутъ въ Думу людей недостойныхъ или неразумныхъ.

Еще скажите имъ, чтобы въ случаѣ какого сомнѣнія въ городѣ, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, если сами не поймутъ, какъ лучше сдѣлать, пусть спрашиваютъ у мѣстныхъ батюшекъ наученія и вразумленія, чтобы, еще, памятуя примѣры древнихъ Русскихъ людей, проводили-бы дни выборовъ въ молитвѣ церковной и воздержаніи.

Когда выборщики будутъ сходиться въ городъ, то мѣстное духовенство озаботится, чтобы въ храмахъ было ежедневное служеніе и чтобы церкви днемъ были отперты для молитвы людей, а вторичные выборы предварялись вновь торжественными молебнами и поученіемъ лучшихъ мѣстныхъ или изъ селъ приглашенныхъ проповѣдниковъ, могущихъ поднять духъ и пробудить совѣсть слушателей. — Священники Божіи! Порадѣйте о дѣлѣ Русскомъ! Если дружно приметесь за такое св. дѣло, то Дума Государственная уже не будетъ губительницею Россіи, какъ въ прошедшемъ году, но строительницею ея; она тогда поведетъ народъ не противъ Церкви Божіей, а за Церковь, за Царя, за правду святую, за помощь бѣднымъ, за милосердіе къ страдающимъ, за крѣпость страны, за славу Божію.

Напоминаніе Волынскому духовенству.

Прошу отцовъ іереевъ, діаконовъ и псаломщиковъ припомнить то, что я писалъ вамъ всѣмъ еще 5 лѣтъ тому назадъ — о необходимости сблизиться, слиться съ жизнью народной для возведенія ея ко Христу. Тогда для такого подвига я приводилъ только высшія, безкорыстныя, апостольскія побужденія. Многіе смѣялись надъ этимъ и упрекали меня, печатно даже, въ томъ, будто я хочу омужичить просвѣщенное духовенство. Теперь, конечно, всѣ поняли и оцѣнили значеніе тѣхъ совѣтовъ, если и не всѣ — съ высшей точки зрѣнія, то всѣ — съ практической.

Прежнему полусознательному послушанію народа насталъ конецъ; есть еще время, возможность сохранить это послушаніе, освѣтивъ его разъясненіемъ народу заповѣди Божіей о почитаніи Его священнослужителей и о храненіи духа смиренномудрія и чувства долга. Но, конечно, вы понимаете и

---

[1]) Напечатано въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ", № 6, 1907 г.

то, достолюбезные отцы и братіе, что подобное разъясненіе примется лишь тогда, если паства убѣдится въ вашей собственной любви къ ней и въ вашемъ собственномъ благоговѣніи предъ закономъ Божіимъ. „Господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ“ всегда было предосудительно, а теперь стало и невозможно. Нужно или, „подавая примѣръ стаду“, обручить его „единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвой“ (2 Кор. XI, 2), или примириться съ тою печальною участью изгнанника, которой теперь подвергаются нѣкоторые и не совсѣмъ плохіе пастыри при разбушевавшихся подъ вліяніемъ мятежниковъ и другихъ условій народныхъ страстяхъ.

Слава Богу, у насъ было еще немного въ этомъ печальномъ году случаевъ, чтобы возмутившіеся на священника крестьяне запирали церкви и оставались глухи къ увѣщаніямъ благочиннаго. Однако зловѣщее однообразіе четырехъ—пяти подобныхъ происшествій въ разныхъ селахъ заставляетъ насъ всѣхъ надъ этимъ призадуматься.

Правда, и спасибо вамъ, что духовенство повело себя почти вездѣ очень благоразумно, т. е. скромно, сдержанно и безъ потери, однако, пастырскаго достоинства. Еще болѣе отрадно то, что, поступаясь отчасти собственнымъ своимъ положеніемъ въ селѣ, обнаруживъ большую простоту и доступность, чѣмъ прежде, священники наши, не поступились ни истинами Божественной вѣры, ни священными канонами, ни вѣрноподданническими чувствами къ Царю, и благодаря *именно этому*, въ большинствѣ сохранили прежнее уваженіе къ себѣ паствы, когда то на половину рабское, а теперь уже сознательное.

Держитесь же, братіе, такого упованія и впредь. Пусть паства убѣдится, что каждый изъ насъ за себя не стоитъ и готовъ все претерпѣть для спасенія людей, но за Божіи святыни, за Его заповѣди, за правила нашей вѣры мы пойдемъ на все и твердо перенесемъ злобу толпы и даже мученія и смерть, еслибъ это понадобилось. Показавъ себя такими, вы и Бога содѣлаете своимъ другомъ, и на паству пріобрѣтете непоколебимое вліяніе и духовную мощь.

Болѣе трехсотъ священниковъ избрано паствою предсѣдателями основанныхъ ею свыше, чѣмъ въ тысячи деревняхъ, Русскихъ Союзовъ. Сіе весьма отрадно, потому-что Союзы эти наши крестьяне считаютъ именно мужицкими, и если приглашаютъ батюшку въ предсѣдатели, то тѣмъ самымъ показываютъ, что они цѣлымъ своимъ сословіемъ, уже опознавшимъ свою силу въ государствѣ, не чуждаются своего пастыря и того сословія, къ которому принадлежитъ онъ. Это отдалитъ, не говоря же обо всемъ прочемъ, отдалитъ, а можетъ быть

и устранить другую опасность для нашего сословія — отказъ прихожанъ давать церковныя деньги на духовную школу, что у насъ обнаружилось только въ трехъ селахъ, а въ нѣкоторыхъ поволжскихъ мѣстахъ — въ цѣлыхъ уѣздахъ.

Вы скажете: еще больше тому помогло бы надлежащее воспитаніе питомцевъ сихъ школъ, чтобы они не возмущали своимъ поведеніемъ прихожанъ. Увы, все приложено было къ этому дѣлу, но приходится припомнить слова евангелія: *„аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы были бывшія въ васъ, древле убо во вретищи и пепелѣ покаялися быша“*. Здѣсь дѣло погубили не наши педагоги, бывшіе на высотѣ призванія, но самыя новыя условія школьной жизни, опредѣлившіяся не у насъ.

Держите же крѣпче свой народъ у своего сердца, отцы и братіе; вразумляйте дѣтей своихъ, чтобы хотя бы на селѣ не разрушали своимъ поведеніемъ дѣла Божія, дѣла вашего. Ни единымъ поступкомъ, какъ въ пастырскомъ, такъ и въ хозяйскомъ вашемъ дѣлѣ не подавайте повода къ соблазнамъ. Кое-гдѣ прихожане ропщутъ на то, что причтъ отдаетъ въ аренду свою землю лицамъ постороннимъ, оставляя прихожанъ безъ работы и безъ хлѣба. Да не будетъ такъ. Пусть словесныя овцы ваши знаютъ и видятъ, что онѣ сами дороги вамъ, а не только та шерсть, которую можно съ нихъ стричь,— хотя нельзя, конечно, отрицать и того, что клиръ нашей Церкви Волынской давно примирился съ самою нищенскою платой за требы и живетъ не доходами, а земельнымъ надѣломъ, ибо здѣшній мірянинъ по приблизительному подсчету сравнительно съ великорусскими епархіями жертвуетъ причту въ продолженіе года едва одну пятую, а то даже и одну восьмую того, что жертвуютъ великороссы.

Отцы и братіе, берите въ руки бразды народной жизни! Не отдавайте ихъ мятежникамъ, не отдавайте и мѣстнымъ коноводамъ—честолюбцамъ. Будьте отцами народа, чтобы онъ былъ для васъ не Авессаломомъ, но Соломономъ. И еще лучше, если не свое благополучіе будете при этомъ имѣть въ виду, но славу истиннаго Бога, Которому Единому да будетъ честь и поклоненіе во святой Троицѣ отъ паствы нашей и отъ всѣхъ насъ. Аминь.

Смиренный *Антоній*, Божіею милостію
Архіепископъ Волынскій и Житомірскій.

Краткое поучительное посланіе [1]).

Православные христіане!

Народъ Волынскій до сихъ дней стоялъ твердо за вѣру и Царя православнаго противъ безбожниковъ и мятежниковъ. И вотъ они, желая разбить силу народную, начали сѣять смуту между христіанами и ихъ духовными отцами—священниками. Возами развозятъ изъ Бердичева прокламаціи, въ которыхъ велятъ крестьянамъ писать приговоры о томъ, чтобы не благодарить священниковъ Божіихъ за требы или уменьшать благодарность, а половину ея отдавать на церковь; другія прокламаціи велятъ отнимать землю церковную, а третьи—не отпускать отъ церковной казны сборовъ на нужды всего христіанства. Эти мятежники хотѣли бы и самыя церкви срыть или повернуть ихъ на блудные дома и кабаки, но знаютъ, что въ этомъ ихъ крестьяне не послушаютъ, такъ вотъ они и стараются раздѣлить духовныхъ овецъ отъ пастырей, какъ бы подъ видомъ усердія ихъ къ храму Божію: отнимайте отъ священниковъ доходъ и отдавайте въ церковь. Да развѣ о церквахъ заботятся безбожники? Нѣтъ, имъ бы только ссору посѣять между духовными отцами и дѣтьми духовными. Такъ дьяволъ, когда хочетъ смутить монаха, то не скажетъ ему: перестань молиться или читать св. евангеліе,—онъ знаетъ, что монахъ его не послушаетъ; но діаволъ завлекаетъ его какъ бы добрымъ совѣтомъ: онъ представляется ангеломъ и говоритъ ему: тебѣ игуменъ положилъ 50 поклоновъ, а ты клади 200; если неразумный монахъ повѣритъ, что это ангелъ, и начнетъ нарушать заповѣдь игумена, то потомъ возгордится надъ нимъ, перестанетъ слушать, а дьяволу только того и нужно, чтобы погубить монаха. Какъ поступаетъ сатана, такъ и нынѣшніе слуги его—мятежники и безбожники. Подъ видомъ ревности о Церкви они васъ вооружаютъ противъ священниковъ, чтобы потомъ командовать вами, какъ овцами, лишенными пастырей. Но знайте, что отнятое законное достояніе отъ ближняго нельзя приносить Богу. Богъ награбленнаго не принимаетъ; правила св. апостолъ не дозволяютъ принимать въ домъ Божій достоянія грабежа или блудницы. Послушайте, что говоритъ и Св. Библія о тѣхъ, которые жертвуютъ Богу награбленное: *„Кто приноситъ жертву отъ неправеднаго стяжанія, того приношеніе кощунственное, и дары беззаконныхъ не благоугодны. Не благо-*

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“ № 15, 1907 г.

волитъ Всевышній къ приношеніямъ нечестивыхъ и множествомъ жертвъ не умилостивляется о грѣхахъ ихъ. Что закалающій на жертву сына предъ отцомъ его, то приносящій жертву изъ имѣнія бѣдныхъ“ (Сирах. XXXIV, 18—21, ср. 7, 9). А о томъ, какъ грѣшно уменьшать принятое обычаемъ приношеніе за молитвы, вотъ что сказано въ Св. Библіи: *„Не являйся предъ лице Господа съ пустыми руками, ибо все это—по заповѣди... Съ веселымъ окомъ прославляй Господа и не умаляй начатковъ трудовъ твоихъ... Не уменьшай даровъ, ибо Онъ не приметъ ихъ, и не надѣйся на неправедную жертву. Ибо Господь есть Судія, и нѣтъ у Него лицепріятія*“ (XXXV, 4—12).

О семъ подробнѣе напишу вамъ чрезъ нѣсколько дней, а пока заклинаю васъ, братіе, не поддавайтесь врагамъ нашей вѣры въ эти лукавые дни и не огорчайте своихъ духовныхъ отцевъ, слушая навѣты безбожниковъ. Если они раздѣлятъ народъ отъ священниковъ, тогда настала ихъ побѣда, а нашей Св. Руси пришелъ конецъ. Да будутъ они прокляты, а вѣрныхъ сыновъ Своихъ да благословитъ Господь. Для бѣдняка священникъ даромъ исполнитъ требу, а гдѣ составили беззаконные приговоры, тамъ скорѣе уничтожьте ихъ, чтобы не возгорѣлся гнѣвъ Божій на все село то, какъ на Корея, Даѳана и Авирона, которыхъ живыми поглотила земля за противленіе священникамъ Божіимъ. Знайте, что передъ Св. Пасхою врагъ старается разстроить христіанъ, чтобы лишить ихъ благодати воскресенія. Гоните же отъ себя и невидимыхъ враговъ и видимыхъ, и бѣсовъ и мятежниковъ, и миръ Божій, который паче всякаго ума, да хранитъ васъ. Аминь.

Окружное посланіе къ Волынской Паствѣ [1]).

Смиренный Антоній, Божіею милостію Архіепископъ Волынскій и Житомірскій, возлюбленнымъ во Христѣ сопастырямъ-іереямъ, и всему клиру, и иноческому чину, и всѣмъ православнымъ христіанамъ паствы своей о Господѣ радоватися.

(О непреклонномъ сохраненіи Своей Св. Православной вѣры).

Господь сподобилъ насъ и въ это лукавое лихолѣтіе дожить до дней Его свѣтлаго воскресенія и приблизиться ко днямъ святыя Пятидесятницы, когда приходящіе въ храмъ на великую вечерню сподобляются особенной благодати Боже-

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“ № 20, 1907 г.

ственнаго Духа, которую испрашиваетъ Христова Церковь въ колѣнопреклонныхъ молитвахъ. Молитесь же, братіе, усердно, чтобы Господь послалъ и вамъ всѣмъ Духа-Утѣшителя, Духа премудрости, Духа разума, чтобы сохранить въ наши лукавые дни здравый умъ и не поддаться безумному и безстыдному крамольническому растлѣнію, которое, какъ зараза, расходится теперь по русской землѣ. Объ этомъ я и рѣшилъ написать вамъ: не своимъ словомъ хочу удержать васъ въ истинѣ Божіей, но увѣщевать васъ, чтобы всѣ вы, мужчины и женщины, усердно со слезами просили Бога въ праздникъ святой Троицы: *„не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене“*.

Однимъ человѣческимъ разумомъ теперь невозможно устоять въ истинѣ, или лучше скажу: безъ благодатной помощи Божіей невозможно въ наши дни сохранить свой здравый разумъ. Если враги Божіи сумѣютъ пробудить въ вашемъ сердцѣ духъ зависти, духъ непокорства, ропота или злобы, то наша лукавая душа сейчасъ-же подберетъ такія хитрыя слова, которыми ты будешь оправдывать и всякое безумное желаніе, и всякое безстыдное дѣло. И кто впадаетъ въ такую ложь и самого себя начнетъ обманывать, тому безполезны слова вразумленія: на краткія увѣщанія онъ отвѣчаетъ злобными насмѣшками, а болѣе пространныхъ доказательствъ онъ и слушать не станетъ, какъ не хотѣли слушать Христа ожесточившіеся іудеи, бывшіе прежде Его учениками, но говорили: *„жестоко слово сіе, и кто можетъ его послушати?.. Отъ сего мнози отъ ученикъ Его идоша вспять и ктому не хождаху съ Нимъ“* (Іоан. VI. 60, 66).

Разсудите, братіе, могъ-ли нашъ милосердый Спаситель говорить жестокія слова? Но они были не по сердцу лукавымъ и корыстолюбивымъ евреямъ, и вотъ люди выдумываютъ какъ-бы законную причину, чтобы не слушать Его: Онъ говоритъ слова жестокія, а мы желаемъ слушать только добрыя, благостныя рѣчи. Смотрите, какъ можетъ злой человѣкъ извратить свой умъ, какъ можетъ лгать самому себѣ.

Такую именно ложь и теперь сѣютъ между вами газетчики и всякіе агитаторы, враги Христовы и друзья бѣсовскіе. Они стараются поднять въ душахъ человѣческихъ всѣ зародыши злыхъ страстей и ими затуманить умъ нашъ и нашу совѣсть. Работаетъ бѣдный поденщикъ у богатаго помѣщика, а ему нашептываютъ: что тебѣ за нужда работать на другихъ? Бери себѣ силой, что попадется, и самъ будешь богатъ: справедливѣе будетъ, чтобы всѣ имѣли равное состояніе. — Бѣднякъ, можетъ быть, и прежде поглядывалъ съ завистью на чужое добро, но вспоминалъ, что зависть есть погибель

души, что *„зависти ради предаша Его архіерее“*,—нашего Спасителя (Марк. XV, 10); вспоминалъ это бѣднякъ и отгонялъ отъ себя бѣсовское искушеніе, примирялся со своею бѣдностью, которая любезна нашему Господу и жилъ спокойнѣе и радостнѣе, чѣмъ богачъ, исполненный грѣховныхъ заботъ и забывающій то, что едино есть на потребу, т. е. спасеніе души. Но вотъ пришли лихіе люди, опять разбередили въ его душѣ зависть, а затѣмъ начали говорить, что и худого ничего нѣтъ въ томъ, чтобы воровать или грабить чужое, потому-что справедливѣе всѣмъ быть одинаково достаточными, а не различаться богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простымъ. Въ другое время крестьянинъ бы сообразилъ, что грабежъ и воровство есть бо̀льшее зло для человѣка, чѣмъ бѣдность, что нельзя называть справедливостью отнимать у человѣка то, что нажилъ онъ или его отецъ и дѣды; но теперь, когда душу его растравили завистью, онъ уже не хочетъ спрашивать своего разума и совѣсти, а жадно слушаетъ и повторяетъ обманныя слова, какія слышалъ, и выдаетъ ихъ за слова разумныя, даже ученыя.

Такъ они затуманиваютъ разумъ христіанина противъ десятой заповѣди Божіей, воспрещающей желать чужое и завидовать. Подобнымъ же способомъ они исторгаютъ изъ совѣсти довѣрчивыхъ людей и пятую заповѣдь, научающую почитать родителей, и шестую и восьмую, воспрещающую убивать и воровать, и седьмую, воспрещающую прелюбодѣйствовать, и четвертую, повелѣвающую чтить святые праздники молитвой и оставленіемъ всякихъ житейскихъ работъ и заботъ. Слушающій ихъ мало-по-малу перестаетъ быть христіаниномъ, становится хуже еврея и татарина; онъ почти уже не человѣкъ, а звѣрь, потому что чрезъ разныя хитрыя словесныя прибаутки для его души не осталось никакого закона, никакой заповѣди; онъ уже самъ теперь научился кощунствовать и хулить Бога; ему вмѣсто Бога теперь чрево, да гордость бѣсовская; онъ самъ теперь отбросилъ и первыя три заповѣди отъ своего сердца. Злобный и насмѣшливый, онъ не станетъ слушать словъ увѣщанія. Самый видъ праведнаго человѣка, или священника—служителя Божія, его возмущаетъ, какъ возмущались и бились бѣсноватые, когда приближался къ нимъ Іисусъ Христосъ.

Чтобы не дать своему разуму опомниться и ужаснуться своего паденія, они опьяняютъ его, во-первыхъ, водкой, купленною на деньги, которыя получаютъ за агитацію, а во-вторыхъ, сквернымъ книжонками, изданными безбожниками. Читая эти книжонки, онъ старается увѣрить себя и другихъ, что его совратители не безумцы, не бѣшеные выродки, а умные,

ученые люди. Но если будешь ему предлагать другія книжки, обличающія ложь мятежниковъ-агитаторовъ, то онъ отворачивается со злобною бранью и рветъ на куски то, что даешь ему. Если начнешь словами вразумлять его, то онъ оглушаетъ тебя ругательствами и насмѣшками и никогда не согласится выслушать до конца вразумленія, ни даже одного разумнаго слова.

Вотъ, братіе, въ какое духовное бѣшенство впадаютъ многіе изъ васъ, открывшіе уши свои къ слышанію неподобныхъ глаголовъ отъ нынѣшнихъ мятежниковъ и закрывшіе уши отъ слышанія глаголовъ Христовыхъ.

Мудрено вразумить ихъ словами, ибо они поступаютъ подобно іудеямъ, о которыхъ сказалъ сперва пророкъ Исаія, а потомъ Самъ Спаситель и Его Апостолы: „*огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышатъ и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ*“ (Ис. VI, 10). Молитесь же, братіе, молитесь, чтобы Господь Самъ отверзъ умъ и сердце заблудшихъ сыновъ народа нашего, а наши сердца охранилъ отъ такого помраченія.

Отчего наши предки имѣли умъ здравый и сердце чистое? Отчего они могли противостоять чрезъ цѣлые вѣка противъ искушеній латинской ереси и охранять истинное православіе и любовь къ родной Руси? Потому-что просвѣщали свой умъ молитвой, потому-что постоянно взывали къ Богу и къ Святымъ Его, чтобы охраняли ихъ сердце отъ заблужденій. И нынѣ призываю васъ, братіе, спѣшите во святые храмы въ эти великіе и святые дни Пресвятой Троицы и Сошествія Святаго Духа. Да просвѣтитъ Онъ васъ, какъ нѣкогда просвѣтилъ Апостоловъ, въ истинной вѣрѣ православной, въ твердости и неустрашимости предъ врагами ея—агитаторами и всякими пропагандистами.

До дня Сошествія Святаго Духа Апостолы и ученики Христовы робко прятались отъ іудеевъ и нѣкоторые изъ нихъ сначала вѣрить не хотѣли Его воскресенію, видя силу Его враговъ и слушая ихъ клеветы на своего Учителя. Но когда благодать Божественнаго Духа озарила ихъ сердца, они уже со дерзновеніемъ возвѣщали имя Его и, обличая Его враговъ, радостно шли въ темницу, а потомъ, изведенные оттуда Ангеломъ, вознесли благодарственную Богу пѣснь, радуясь не тому, что Ангелъ Божій избавилъ ихъ отъ казни, а тому, что Богъ сподобилъ ихъ принять униженіе и страданіе за Его святое имя, и просили Бога не о томъ, чтобы избавилъ ихъ отъ новыхъ казней іудейскихъ, а говорили такъ: „*дай рабамъ Твоимъ со всею смѣлостью говорить слово Твое*“

(Дѣян. 4, 29). Такова да будетъ и наша колѣнопреклонная молитва въ день Св. Троицы. Приходите, братіе, молиться вмѣстѣ съ нами сюда, во св. Лавру, а къ средѣ послѣ Троицы, кому возможно, собирайтесь на молитву въ Житоміръ, ибо въ сей день, 13-го іюня, совершаемъ мы тамъ праздникъ св. Анастасіи Римлянины, и священная рака съ ея мощами обносится торжественно вокругъ соборнаго храма.

Нынѣ жители Житоміра устроили изъ себя Анастасіевское братство, которое приняло на себя заботу доставить сельскимъ богомольцамъ ночлегъ на эти дни, чтобы не было вамъ нужды ночевать на постоялыхъ дворахъ у иновѣрцевъ.

Почитайте, братіе, святую Анастасію и у нея также просите помощи стоять мужественно за истинную вѣру и за правду русскую,—какъ она твердо стояла за Христа и Пресвятую Троицу, мужественно претерпѣвая удары и терзаніе огнемъ и желѣзомъ. Святый Духъ да укрѣпитъ насъ всѣхъ въ подражаніи Святымъ, и благодать Его да пребываетъ со всѣми вами. Аминь.

Окружное посланіе Волынской Паствѣ [1]).

(О покорности и христіанской любви).

Смиренный Антоній, Божіею милостію Архіепископъ Волынскій и Житомірскій и священно-архимандритъ Почаевскія Успенскія Лавры, пастырямъ и паствѣ Волынской: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святого Духа буди со всѣми вами» (2 Кор. XIII,13).

Предъ праздникомъ Пресвятой Тройцы писалъ я вамъ, братіе, краткое увѣщаніе о молитвѣ и благоразуміи и обѣщалъ подробнѣе написать о томъ же вскорѣ, но нарочно промедлилъ нѣсколько седьмицъ, чтобы лучше узнать о тѣхъ дѣлахъ, которыя происходятъ среди васъ. Государственная смута, какъ будто поулеглась послѣ мощнаго Царскаго слова, распустившаго по домамъ мятежную Думу, но мятежники не унываютъ. Если имъ снова не удалось разрушить русское царство и предать его въ руки сосѣднихъ государствъ, то имъ удается другое, еще болѣе гибельное дѣло. Они повсюду развратили русскій народъ, многія тысячи спокойныхъ и смирныхъ людей сдѣлали негодяями, ворами, грабителями, убійцами; сколь многіе, слушая ихъ злочестивыя рѣчи, перестали слушаться родителей, молиться Богу, ходить въ церковь, почитать священниковъ.

---

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“, № 27, 1907 г.

Эти мятежники-развратители хуже враговъ Христовыхъ, книжниковъ и фарисеевъ, ибо тѣ, хотя сами были злы и коварны, но народъ злому не учили, почему Господь сказалъ о нихъ народу: „*Все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте*“ (Матѳ. XXIII, 3). А сіи христоненавистные бунтовщики все велятъ дѣлать противъ Христова закона. Впрочемъ, свой ядъ злобы они изливаютъ съ хитростью, представляясь друзьями народа, какъ нѣкогда діаволъ въ раю, обратившись въ змѣя, началъ соблазнять Еву къ противленію Богу лукавыми, но ласковыми словами.

Такъ обманулъ онъ первыхъ людей, а чтобы христіанъ обмануть, онъ принимаетъ иногда видъ ангела; слуги же его, ненавидящіе Христа безбожники, бунтовщики, принимаютъ для обмана вѣрующихъ видъ друзей народныхъ. Это и предсказалъ св. апостолъ Павелъ, говоря: „*Самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта, и потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды: но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ*“ (2 Кор. XI, 14, 15).

Вотъ объ этихъ-то обманахъ слугъ демоновыхъ желаю я васъ предупредить, братіе, людей сельскихъ и довѣрчивыхъ, чтобы они не могли васъ обманывать. А обманъ ихъ вотъ куда направленъ. Если злодѣи желаютъ разорить какую-либо семью, то стараются поднять дѣтей противъ отца и матери, и если это имъ удалось сдѣлать, то семья скоро придетъ въ полное разстройство и разореніе. Также, чтобы разстроить и погубить весь русскій народъ, злодѣи-бунтовщики поняли, что имъ нужно дѣлать. Нужно разсорить народъ съ его духовными отцами, священниками Божіими, и тогда некому уже будетъ открывать людямъ глаза на ту гибельную ложь, въ которую запутываютъ его мятежники, чтобы изъ христіанскаго народа сдѣлать вертепъ разбойниковъ. Но не просто поступаютъ мятежники, возстановляя народъ противъ служителей Божіихъ. Если кто просто скажетъ людямъ: не слушай священника, ни діакона, то найдутся крестьяне, которые остановятъ такого предъ всей громадой и скажутъ: а зачѣмъ же говорилъ Господь апостоламъ и всѣмъ поставленнымъ отъ Него: „*Слушающій васъ, Меня слушаетъ и отвергающійся васъ, Меня отвергается, а отвергающійся Меня, отвергается Пославшаго Меня*“ (Лук. X, 16).

Поэтому, бунтовщики не рѣшаются прямо натравливать людей на священниковъ, но говорятъ такъ: „вы даете священнику благодарность за требы, какъ бы жертву Богу: лучше отдавайте ее прямо на церковь, да не дозволяйте брать изъ церквей повинности на содержаніе духовныхъ училищъ. Пусть лучше все остается на домъ Божій“. Лукавыя и гибельныя

слова! Они-ли, богохульники и кощунники, заботятся о святыхъ храмахъ? Конечно, не то имъ нужно! И начали они эти лукавыя смущенія распускать сперва въ той самой Саратовской губерніи, гдѣ они въ одной церкви опрокинули св. престолъ и бросили на него зарѣзаннаго теленка въ насмѣшку надъ нашими святыми и пребожественными тайнами.

Однако, увы, лукавство ихъ не осталось безплоднымъ. Гдѣ были по деревнямъ злые люди, тамъ стали повторять ихъ лукавыя слова и отнимали у прихожанъ жертву, принесенную служителю Божію, и стали ее присчитывать къ деньгамъ церковнымъ, а церковныя деньги стали удерживать, чтобы ничего не давать на духовныя училища. — Посудите сами, нужны-ли Богу грабленныя деньги, отнятыя отъ Его служителя? Можно-ли принять въ церковь золото, которое похитили разбойники и принесли для смягченія своего грѣха? Апостольскія правила гласятъ: не вноси въ домъ Божій цѣну блудницы и разбоя. Тотъ, кто поступаетъ такъ, является опять хуже враговъ и распинателей Христовыхъ, потому что они не рѣшились возвратить въ церковную казну серебренниковъ, которые бросилъ имъ Іуда, но сказали: „*Недостойно есть вложити ихъ въ корвану, понеже цѣна крове есть*“ (Матѳ. XXVII, 6). Итакъ, можно-ли класть въ Христову церковь то, что разбойнически отняли отъ священника, которому Богъ велѣлъ питаться отъ молитвенныхъ трудовъ своихъ при алтарѣ Христовомъ, какъ пишетъ апостолъ Павелъ: „*Развѣ вы не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ благовѣствованія*“ (1 Кор. IX, 13). Слышите, какъ сказано: „Господь повелѣлъ“. Будете-ли слушать тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ противиться повелѣнію Божію? Да не будетъ! Ибо одинаково погрѣшаетъ тотъ, который ночью воруетъ деньги изъ церкви, какъ и тотъ, который самозванно отнимаетъ у причта и бросаетъ въ денежный ящикъ такую „цѣну крове“. Богу не деньги нужны, а послушаніе, ибо такъ сказалъ чрезъ пророка Своего Самуила: „*Неужели всесожженіе и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? И послушаніе лучше жертвы, и повиновеніе лучше тука овновъ. Ибо непокорность есть такой же грѣхъ, что волшебство, и противленіе то-же, что идолопоклонство*“ (1 Цар. XV, 22, 23).

Видите, какъ Господь отвергаетъ даже законную жертву, когда при ней нѣтъ послушанія, но самоуправство: сколь же противно Ему приношеніе, отнятое отъ Его избраннаго свя-

щеннослужителя? Не менѣе того прогнѣвляютъ Бога и тѣ, которымъ бунтовщики внушаютъ кричать: церковь наша и церковная казна наша; не будемъ ничего отдавать на духовныя училища, а будемъ все держать у себя. Нѣтъ, церковь не прихожанамъ принадлежитъ, а Богу. Когда освящаютъ храмъ, то читаютъ нѣсколько молитвъ, въ которыхъ говорится, что строители жертвуютъ этотъ домъ въ жилище Божіе. Не прихожане, а приставники Божіи, т. е. причтъ, суть его завѣдующіе, да и то не по своей волѣ, а по установленію святыхъ апостолъ и отецъ, научившихъ насъ, когда и какъ надо пѣть святую службу, когда и какъ освящать церковь, кадить, звонить на колокольнѣ и прочее.

А кто распорядитель церковныхъ денегъ? Объ этомъ нечего спорить, потому что на то есть прямой отвѣтъ въ 41-мъ правилѣ святыхъ двунадесяти апостолъ: „повелѣваемъ епископу имѣть власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоцѣнныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны, то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божіимъ“. Всѣ епархіальные сборы у насъ дѣлаются не тайкомъ, а самъ архіерей ни одной копѣйки отъ нихъ себѣ не беретъ, но каждый годъ избранные священники, 25 со всей епархіи, пріѣзжаютъ къ архіерею на совѣщаніе о томъ, сколько необходимо собрать денегъ на содержаніе духовныхъ училищъ, на выписку Епархіальныхъ Вѣдомостей и Почаевскихъ Листковъ, на помощь миссіонерамъ, которые въ Сибири крестятъ язычниковъ, на гробъ Господень въ Іерусалимѣ и прочее.

Въ каждой церкви, затѣмъ, причту и старостѣ, покажутъ списокъ всѣхъ этихъ нуждъ, которыя столько же необходимы, какъ въ государствѣ подати. Конечно, еще проще было бы собирать ихъ прямо отъ христіанскаго народа, какъ это бываетъ у православныхъ христіанъ на Востокѣ, въ Святой Землѣ и въ Цареградѣ: но, жалѣя бѣдность народную, Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ брать ихъ прямо изъ церкви, а на людей уже не возлагать церковной подати.

Итакъ, кто самочинничаетъ и противится такому апостольскому порядку, тотъ противится святымъ апостоламъ, а затѣмъ и Самому Богу. Богу угодна только законная жертва, а золота и денегъ Онъ Самъ можетъ создать цѣлыя горы изъ простыхъ камней; но хочетъ Господь, чтобы народъ отъ трудовъ своихъ жертвовалъ церкви, а архіерей съ іереями распредѣлялъ бы часть на нужды епархіи и часть на украшеніе св. храмовъ по усмотрѣнію священника, который, если пожелаетъ, посовѣтуется о семъ съ прихожанами.

Такъ учатъ правила св. апостолъ, и кто желаетъ ихъ читать, можетъ всегда купить въ Почаевской Лаврѣ „Книгу правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ“. Она стоитъ не дорого, а въ ней изложены всѣ законы Церкви.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ такъ: конечно, мы никогда не рѣшимся возстать противъ церковныхъ законовъ, преподанныхъ намъ отъ Господа чрезъ святыхъ апостолъ, но просимъ, чтобы начальство не облагало церкви податью на семинаріи, гдѣ учатся франты и бунтовщики, какъ намъ объяснилъ одинъ молодой монахъ въ Почаевской Лаврѣ.

Отъ этого монаха, о. Иліодора, я получилъ недавно оправданіе въ томъ, что онъ не воспрещалъ жертвовать отъ церквей на семинаріи, а только совѣтовалъ просить, чтобы въ семинаріяхъ учились благочестію будущіе священники, а не франты-адвокаты. Записка его хранится у меня и желающіе могутъ ее читать. Если же онъ, по молодости лѣтъ, сказалъ что-либо лишнее отъ своей ревности, то да проститъ ему Богъ, а вамъ подобаетъ исполнять законъ апостольскій. На вопросъ же вамъ скажу вотъ что: правда, есть въ Россіи нѣсколько семинарій, гдѣ бунтовщики развратили учащихся юношей; смутили было они и нашихъ семинаристовъ, но ненадолго. Послѣ Пасхи всѣ соблазненные ими семинаристы написали заявленіе о томъ, что они горько раскаиваются въ своей лѣности и будутъ выдерживать экзамены со всякимъ усердіемъ.

Но при всемъ томъ я до тѣхъ поръ не рѣшился написать своей паствѣ этого увѣщанія, пока они не окончили всѣхъ экзаменовъ и спокойно разъѣхались по домамъ. Теперь уже ясно, что ученики семинаріи будутъ учиться со всякимъ смиреніемъ, а лѣтомъ пѣть и читать на клиросѣ въ своихъ сельскихъ храмахъ, приготовляясь къ принятію священнаго сана.

Во дни праздника св. Анастасіи рымляныни въ Житомірѣ 12-го и 13-го іюня въ зданіяхъ семинаріи была устроена страннопріимная для сельскихъ богомольцевъ, и 700 человѣкъ христіанъ имѣли тамъ даровую трапезу и ночлегъ. Желаю, братіе, чтобы и на будущее время семинарія была другомъ христіанскаго народа и чтобы народъ любилъ ее, какъ разсадникъ своихъ духовныхъ отцовъ и пастырей. Нужно непремѣнно помогать ей учить юношей благочестію христіанскому, чтобы они могли назидать народъ и опровергать еретиковъ, штундистовъ, католиковъ, лютеранъ, евреевъ и безбожниковъ-революціонеровъ. А, если бы, сохрани Богъ, случилось такъ, что семинарія сама лишится благочестія, то я самъ прекращу на нее сборы отъ святыхъ храмовъ. Только,

надѣюсь, этого не будетъ, тѣмъ болѣе, что собравшіеся на сихъ дняхъ въ Житомірѣ священники-депутаты со всей епархіи составили и разослали умилительное, но и грозное увѣщаніе духовнымъ юношамъ подвизаться въ ученіи, благочестіи и въ смиренномъ послушаніи. Вотъ это вполнѣ прилично и похвально. Не дѣтямъ подобаетъ учить отцовъ, но отцамъ дѣтей. Такъ и вамъ, братіе, надлежитъ учить собственныхъ дѣтей уму-разуму, а не за іереями Божіими смотрѣть, ибо сказано въ Писаніи: *„Надъ высокимъ наблюдаетъ высшій, а надъ ими еще высшій; превосходство же страны есть царь, заботящійся о странѣ“* (Еккл. V, 7, 8).

Помните, братіе, какъ страшно покаралъ Господь Корея, Даѳана и Авирона за то, что они возстали противъ законнаго священства? По слову Моисея: *„разсѣлась земля подъ ними и разверзла земля уста свои и поглотила ихъ и домы ихъ и всѣхъ людей Кореевыхъ и все имущество. И сошли они со всѣмъ, что принадлежало имъ, живые въ преисподнюю, и покрыла ихъ земля, и погибли они изъ среды общества“* (Числ. XIX, 31—33).

Бойтесь же, братіе, противиться власти духовной, не возвышайте голоса своего съ грубостью, когда бесѣдуете со священникомъ, когда говорите въ церкви Божіей или на церковномъ погостѣ. Со страхомъ и вниманіемъ обдумывайте здѣсь свои слова, предстоя предъ лицемъ Божіимъ, какъ бы на страшномъ Его судищѣ. Если кажется вамъ, что васъ обижаютъ, говорите съ кротостью, или приносите жалобу о. благочинному и затѣмъ архіерею. Св. апостолъ Іуда, братъ Божій, говоритъ въ своемъ посланіи, что, какъ Содомъ и Гоморра сожжены были Богомъ: *„такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти“* (ст. 8). Вотъ почему и святые отцы постановили въ 121-мъ правилѣ Номоканона: „яко не достоитъ просту (т. е. мірянину) укорити священника, или бити, или поношати, или клеветати, или обличати въ лице, аще убо и истина суть. Аще же постигнетъ сіе сотворити, да проклянется мірскій, да отмещется отъ церкви, разлученъ бо есть отъ святыя Троицы и посланъ будетъ во Іудино мѣсто“.

Видите-ли, какая участь ожидаетъ бунтовщиковъ на пастырей духовныхъ? И всякій, кто научаетъ тебя на это, есть Іуда, предатель Христовъ. Берегитесь же ихъ, братіе. Они знаютъ, что пока народъ будетъ уважать и слушать священниковъ, до тѣхъ поръ будетъ вѣренъ и Царю православному, и обычаевъ христіанскихъ не оставитъ. А если его со священниками разлучить, какъ овецъ отъ пастуха, то

онъ скоро сдѣлается добычею волковъ, грядущихъ на русскую землю.

Учите же дѣтей своихъ уважать и любить служителей Христовыхъ. Мы одна семья Божія, одно тѣло Христово всѣ. Вмѣстѣ живемъ, вмѣстѣ молимся и вмѣстѣ умираемъ, и вмѣстѣ всѣ да сподобимся встрѣтиться въ животѣ грядущемъ, въ царствіи сладости, среди пѣнія ангельскихъ ликовъ, среди славословія пророковъ, и апостоловъ, и мучениковъ, и преподобныхъ предъ престоломъ Небеснаго Владыки. Тамъ жребій смиренныхъ и послушныхъ чадъ Церкви, тамъ не будетъ мѣста смутьянамъ и бунтовщикамъ. Да не будетъ имъ мѣста и среди тебя, христолюбивый, православный народъ Волынскій, наслѣдіе Матери Божіей, преподобнаго Іова и другихъ святыхъ. Да хранятъ они тебя отъ соблазновъ, да исполнятъ они сердце твое умиленія и вѣры, да ниспошлютъ они тебѣ ревность къ святымъ подвигамъ, да даруютъ миръ твоей душѣ въ жизни и въ смерти. Да помогутъ тебѣ и въ своемъ предѣлѣ удержать непорочное православіе и для всей Руси святой быть примѣромъ вѣрности, твердости, покорности и смиренномудрія,—чтобы возродился весь народъ русскій отъ нечестиваго революціоннаго безумія, чтобы исцѣлѣлъ у ногъ Христовыхъ, какъ исцѣлился глаголомъ Его бѣсноватый,—чтобы исцѣлившись, подобно ему же, проповѣдывалъ истиннаго Христа народамъ бусурманскимъ, чтобы сказалъ вмѣстѣ съ Давидомъ: *„Научу беззаконныя путемъ Твоимъ и нечестивіи къ Тебѣ обратятся“*. Ему же, Спасителю нашему, да будетъ слава, держава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Окружное посланіе духовенству Волынской епархіи [1]).

Смиренный Антоній, Божіею милостію Архіепископъ Волынскій и Житомірскій, своимъ во Христѣ собратьямъ и сопастырямъ о Господѣ радоватися.

На привѣтъ Вашихъ представителей, принесенный мнѣ 28-го августа, въ день праздника преподобнаго Іова, на привѣтъ любви и довѣрія, долгомъ сердца почитаю отвѣтить Вамъ симъ посланіемъ.

Потребно намъ, отцы и братіе, пребывать во взаимной любви и взаимномъ послушаніи. Всегда это потребно, потому

[1]) Напечатано въ «Почаевскомъ Листкѣ“ № 37—38, 1907 г.

что того требуетъ отъ насъ Пастыреначальникъ Господь, и безъ этого условія невозможно исполнять намъ дѣло служенія нашего и вести общую борьбу противъ демоновъ, воюющихъ на Церковь, и противъ міра, лежащаго во злѣ и всегда враждующаго на Христа.

Впрочемъ, эта вражда значительно ослабѣваетъ среди народа, единодушно преданнаго Церкви и построившаго свой бытъ согласно ея священнымъ уставамъ. Такъ ослабленъ былъ враждебный духъ міра сего въ царствѣ Московскомъ, когда Номоканонъ былъ для всѣхъ его сыновъ непререкаемымъ авторитетомъ по дѣламъ общественнаго благоустройства, а заповѣди Божіи были единственнымъ руководствомъ нравовъ: тогда поистинѣ русская страна была царствомъ Божіимъ.

Что было потомъ, во времена Государя Петра I-го и послѣ, вы сами знаете, но это печальное и лицемѣрное раздвоеніе жизни между Христомъ и міромъ, между евангеліемъ и римско-германскимъ язычествомъ мало коснулось простого народа нашего и сельской приходской жизни. До послѣдняго времени деревенское общество, будучи единицей государственно-правовою и экономическою, все-таки прежде всего было единицей религіозною, малою помѣстною Церковью, братіей святого храма своего, а священникъ высшимъ авторитетомъ и главнымъ руководителемъ жизни общественной и личной, если только самъ онъ не уклонялся по нерадѣнію отъ своего высокаго призванія.

Революція измѣнила условія пастырской жизни и дѣятельности. Вотъ теперь особенно ясно видно, что цѣль этого революціоннаго движенія, его одушевляющая идея вовсе не исчерпывается перемѣной одного государственнаго порядка на другой; правда, интересы евреевъ и другихъ бунтующихъ инородцевъ направлены преимущественно на такой способъ ослабленія русской народности: но сами русскіе бунтовщики — это не просто политическіе республиканцы, но прежде всего *враги христіанства* и всякой вообще религіи. Имъ ненавистенъ самый видъ молящихся людей и тѣмъ болѣе самый видъ священника. Свое ученіе они стараются распространить не иначе, какъ пробуждая въ человѣкѣ всѣ грѣховныя страсти, съ которыми онъ прежде боролся, какъ христіанинъ; пробуждаютъ въ немъ озлобленіе, зависть, непокорность родителямъ, изощряютъ его умъ въ искусствѣ постоянно лгать, прикрывать преступныя дѣянія благовидными названіями, обманывать не только другихъ, но и себя самого, затѣмъ совершенно забывать о томъ, что есть едино на потребу, становиться глухимъ и слѣпымъ въ отношеніи своей совѣсти и Христовыхъ заповѣдей.

Невозможно, чтобы такая гибельная работа была безуспѣшна тамъ, гдѣ она не возбраняется внѣшнею силой: одною силой вліянія нравственнаго невозможно спасти всѣхъ отъ растлѣнія, производимаго открыто и безнаказанно. Можно силою убѣжденія и ума разрушить теоретическое лжеученіе, но торжествующее безстыдство, обнаженная наглость, дѣлающая слабаго человѣка звѣремъ, она, конечно, всегда будетъ имѣть своихъ послѣдователей. Гнусенъ свальный развратъ, но если-бы онъ производился на улицахъ открыто и безпрепятственно, то не заражалъ-ли бы онъ собою большаго числа юношей, дѣвицъ и даже стариковъ? То самое должно сказать и о революціонномъ духѣ, распространяемомъ чрезъ газеты, прокламаціи и чрезъ личный примѣръ: этотъ духъ изувѣрнаго оплеванія всего святого, этотъ демонскій нигилизмъ для насъ, пастырей, является какъ уже торжествующій походъ возрожденнаго язычества противъ Христа и Церкви. Иногда онъ, правда, прикрывается названіемъ соціализма христіанскаго, общества христіанской борьбы, свободнаго христіанства и пр.: но вѣдь и ребенокъ умный пойметъ, что эти вывѣски суть не иное что, какъ только лукавый обманъ благочестивой страны нашей, и притомъ обманъ, давно предсказанный Спасителемъ и Апостолами, предупреждавшими христіанъ объ Антихристѣ, т. е. о врагахъ Христовыхъ, разрушителяхъ Его дѣла, которые, однако, будутъ выдавать себя за Его посланниковъ или даже за Самого Него. Итакъ у насъ, пастырей, нѣтъ друзей среди современныхъ направленій: всѣ они проникнуты напряженною ненавистью къ христіанству, и если, повидимому, они больше враждуютъ противъ порядка государственнаго, то именно потому, что послѣднимъ охраняется внѣшняя неприкосновенность Церкви: они надѣются скоро покончить съ нею, лишь только *„будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь“* (2 Θесс. II, 7).

Правда, и прежде дѣло Церкви немного имѣло друзей внѣ простого народа, но ей не противились и даже во многомъ помогали ради поддержки добрыхъ нравовъ, — а теперь на нее враждуютъ уже открыто.

Итакъ, отцы и братіе, мы одиноки! Даже многія изъ дѣтей вашихъ, согласно Христову пророчеству, возстали на дѣло ваше и на васъ (Лук. XII, 53). Правда, паства ваша, въ большинствѣ, не отступила отъ Господа, но она такъ мало приспособлена къ житейской борьбѣ, такъ довѣрчива и робка, что, смотрите, пять-шесть опытныхъ негодяевъ могутъ взбаламутить весь приходъ и отравить жизнь пастыря. Паства ваша, пока она была внѣ развращающаго вліянія среды, была добрымъ стадомъ Христовымъ; блаженъ тотъ пастырь, кото-

рый въ ней найдетъ себѣ нравственную опору въ борьбѣ съ врагами вѣры. Но это удается не многимъ. Большинство іереевъ Божіихъ, какъ написано въ Вашемъ привѣтствіи, чувствуютъ себя предоставленными самимъ себѣ среди враждебнаго бушующаго міра.

Вотъ на это-то слово я и отвѣчаю вамъ, братіе, своимъ посланіемъ. Слава Богу, если это такъ! Слава Богу, если вы терпите вражду отъ міра! Ибо къ вамъ тогда относится оный сладчайшій глаголъ: „*Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга; аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы, якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Поминайте слово, еже Азъ рѣхъ вамъ: нѣстъ рабъ болій Господа Своего. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ, аще слово Мое соблюдоша и ваше соблюдутъ*“ (Іоан. XV, 17—20).

Итакъ, ненависть міра насъ не унижаетъ, но возвышаетъ: она возводитъ насъ къ чести св. Апостоловъ; она удостовѣряетъ насъ въ томъ, что слово наше, подтвержденное гоненіемъ отъ міра, уже не останется тщетнымъ, но будетъ сооблюдаться избранными среди нашихъ скорбей. Однако, все это Господь обусловливаетъ нашею взаимною любовью другъ къ другу и къ Нему: „*о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*“ (XIII, 35). Не только учениками, но и друзьями Своими именуетъ Господь тѣхъ, кто раздѣляетъ съ Нимъ гоненіе отъ міра. „*Вы други Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ. Не къ тому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣстъ, что творитъ Господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ*“ (XV, 14, 15). Будучи вмѣстѣ друзьями Христовыми и общимъ предметомъ ненависти отъ міра, мы должны другъ друга любить, другъ другу повиноваться, другъ за друга держаться, ибо иначе и любовь Христову оскорбимъ, и дѣло Его на Св. Руси погубимъ, и сами погибнемъ.

Прежде я много увѣщевалъ васъ, братіе, любить простой народъ нашъ, вашу паству. Теперь вы видите, какъ укрѣпились и поднялись тѣ пастыри, которые поступали такъ. Они стали во главѣ народныхъ дружинъ мирной борьбы противъ современнаго революціоннаго растлѣнія; по ихъ слову воздвигаются въ приходахъ новые благолѣпные храмы, устраиваются церковно-приходскія школы, выписываются и читаются крестьянами патріотическія изданія. Напротивъ, гдѣ не было крѣпкаго духовнаго общенія и любви между пастыремъ и паствой, тамъ нашли себѣ мѣсто явленія возмутительныя и въ прежнее

время невѣроятныя. Крестьяне приговорами постановляли не платить за требы, либо отбирать священническій доходъ на церковь, не выдавать церковныхъ сборовъ на училищныя нужды епархіи, угрожали не впускать священниковъ въ церковь и вѣшали на двери церковныя свой замокъ. Правда, по милости Божіей, этимъ безчинствамъ приходитъ уже конецъ, но допущенное разъ возмущеніе не изглаждается изъ мѣстныхъ нравовъ безслѣдно.

Я писалъ вамъ о любви къ паствѣ. Теперь хочу напомнить вамъ о ближайшихъ сотрудникахъ каждаго изъ васъ — о псаломщикѣ и учителѣ. Не извергайте ихъ изъ своей любви. Они тоже служители Церкви. Они могутъ много и пользы, и вреда принести дѣлу вашему, дѣлу Христову. Забудьте, что они не получили семинарскаго образованія. Насъ объединяютъ въ Христово братство не семинарскіе дипломы, не воспоминанія о годахъ юношескихъ, не единство сословнаго происхожденія. Все это пусть тоже имѣетъ мѣсто въ вашихъ сердцахъ, но иное высшее призваніе друзей Христовыхъ должно тамъ первенствовать: ваше общее—пасеніе Христова стада, ваша общая борьба съ міромъ. А въ этомъ дѣлѣ вамъ помогаютъ или напротивъ мѣшаютъ ваши сотрудники—псаломщики, діаконы, учителя. Не гнушайтесь ими, не пренебрегайте ими. Они ближе васъ стоятъ къ народу, къ нимъ смѣлѣе подходитъ крестьянинъ и его семья. По большей части они — молодые люди, которые при вашемъ стараніи готовы усвоить все, что вы имъ внушите, если они почуютъ въ васъ любящаго отца и покровителя.

Встрѣчаются еще и псаломщики стараго типа, смиренные, благоговѣйные молитвенники, преданные церковной службѣ сознательно и умиленно. Учитесь у такихъ стяжанію молитвеннаго дара, учитесь Христову долготерпѣнію и горячей вѣрѣ. Молодыхъ учите усердно, давая имъ разумныя книги для чтенія, отмѣчая для сего полезныя статьи въ епархіальныхъ и синодальныхъ изданіяхъ и иныхъ подобныхъ. Въ дружномъ единеніи съ клирикомъ и учителемъ вы будете втрое сильнѣе для Христова воинствованія, а при враждѣ съ ними окажетесь безсильными въ приходѣ. Конечно, людей между ними безстыдныхъ и дерзкихъ надо смирять, но еще лучше — вразумлять и исправлять, помня притчу Господа о милостивомъ царѣ и немилостивомъ должникѣ его.

Иныя болѣе начальственныя отношенія установились въ нашемъ по-уніатскомъ краѣ между настоятелями приходовъ и низшими клириками, но жизнь предъявляетъ намъ новыя требованія и условія, и, если не ради заповѣди Божіей, то ради общаго блага, жертвуйте иногда тѣми изъ усвоенныхъ

съ дѣтства обычаями, которые мало въ себѣ имѣютъ добраго, но свято храните то, что было согласно съ заповѣдями Божіими. Помните, что времена наступаютъ лютыя: намъ будетъ все труднѣе и все хуже. Политическое благоустройство быть можетъ и водворится снова (допустимъ это), но исцѣлить разстройство нравственное гораздо труднѣе и, быть можетъ, уже не суждено. Вѣдь на нашихъ глазахъ цѣлыя поколѣнія становятся негодяями, а все это наростающее зло—развѣ оно не пожелаетъ посчитаться съ представителями правды Христовой? И уже считается, и уже грызетъ насъ, а будетъ грызть еще злѣе. *„Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ и печальми житейскими... Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ Человѣческимъ“* (Лук. XXI, 34, 36).

Декадентскія изданія призываютъ васъ сблизиться съ жизнью, сойтись съ современными направленіями, а Господь и исторія призываетъ васъ, какъ Апостолъ Павелъ и Исаія пророкъ призывали вѣрныхъ: *„выйдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь, говоритъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому и Я пріиму васъ“* (2 Кор. VI, 17). Будемъ держаться Церкви и другъ друга, не вдаваясь волнамъ еретическихъ блужданій, которыя вливаются уже въ духовную школу, особенно въ школу высшую, и въ духовное сословіе. Смотрите, обо всемъ пишутъ и говорятъ представители этого ложнаго направленія, кромѣ спасенія, кромѣ добродѣтели, кромѣ нравственнаго возрожденія народа и общества. Пробуждая личное и сословное самолюбіе и духъ противленія, они и знать не хотятъ того, что не могутъ-же іереи Божіи отказаться отъ своей клятвы при посвященіи въ священники, не могутъ, оставаясь іереями, отрекаться отъ вѣры и Церкви Православной, отъ молитвъ, священнодѣйствій и проповѣди.

Я увѣщеваю васъ, отцы и братіе, держаться другъ друга, держаться Церкви и вѣчнаго спасенія потому, что вижу въ васъ доброе стремленіе именно такъ поступать. Вы не поддались протестантскому или, вѣрнѣе сказать, языческому вліянію современныхъ теченій; вы старались по мѣрѣ силъ стоять за вѣру и народность русскую. Мнѣ особенно отрадно было узнать, съ какимъ единодушіемъ вы собрались на думскіе выборы, несмотря на то, что мои хлопоты объ облегченіи вамъ этого дѣла не увѣнчались успѣхомъ. Разумѣю то, что вамъ пришлось собираться не въ ближайшихъ мѣстечкахъ, а въ уѣздныхъ городахъ, иногда за 100 верстъ отъ своего села. Правда, въ трехъ уѣздахъ священники не могли дружно собраться, потому что даже извѣщенія о семъ не получили, а

мои заявленія о семъ тоже остались безуспѣшны: но что могли вы сдѣлать, то сдѣлали добросовѣстно и безкорыстно. За это вамъ спасибо. И не столько дороги самые результаты вашего участія въ выборахъ, сколько обнаруженная ревность о русскомъ дѣлѣ. Она найдетъ себѣ исходъ, если не въ Думѣ, то въ вашей непосредственной пастырской дѣятельности, а это гораздо цѣннѣе для Россіи, для народа нашего, для Господа Бога.

Будемъ же, достолюбезные сотрудники, сознавать себя единымъ братствомъ церковнымъ, пастырскимъ, воинствующимъ за Церковь противъ язычествующаго невѣрующаго міра! Будемъ повторять исповѣдь Божественнаго Павла: „*для всѣхъ я былъ всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ*“ (1 Кор. IX, 22).

Этого никакія революціи, ни конституціи, ни ереси, ни безбожіе, ни самые демоны не могутъ насъ лишить. Они могутъ многихъ отторгнуть, многихъ погубить, измѣнить нравы, разрушить храмы, осквернить святыни, но самаго дѣланія духовнаго пастырскаго уничтожить не могутъ.

Въ отношеніи лично къ себѣ скажу: за слово любви и довѣрія благодарю: оно меня окрыляетъ и радуетъ, но на будущее время да будетъ сіе отрѣшено отъ обстоятельствъ моей личной жизни. Ни на какіе дальнѣйшіе юбилеи мои, хотя бы и столѣтній, ни сборовъ, ни адресовъ, ни молебствій не творите. Святые отцы сего не дѣлали, и я не желаю, а будемъ вмѣстѣ работать во славу Господа, Который да будетъ милостивъ ко всѣмъ намъ по молитвамъ святыхъ Своихъ.

Къ Волынскому народу. Не переселяйтесь въ Америку!! [1])

Теперь то и дѣло слышишь, что такой-то и такой-то крестьянинъ уѣхалъ на заработки въ Америку или даже совсѣмъ переселился туда. Всякій разъ болитъ душа моя, когда я слышу такія вѣсти. Вы не знаете, простые люди, что это за страна Америка? Она гораздо хуже Турціи. Турки, хотя не любятъ христіанъ и имѣютъ богомерзкій законъ, но все же вѣруютъ своему Богу и бояться Его. А въ Америкѣ для огромнаго большинства людей нѣтъ Бога; у нихъ вмѣсто Бога ихъ собственное чрево, какъ сказалъ Апостолъ. Правда, большая часть жителей Америки или Соединенныхъ Штатовъ числятся

[1]) Напечатано въ „Почаевскомъ Листкѣ“ № 21—22, 1908.

въ какой-нибудь вѣрѣ—католической, или лютеранской, или англиканской, или іудейской, или другой какой, но мало кто изъ нихъ чему-нибудь вѣритъ, кромѣ денегъ. Деньги тамъ вмѣсто вѣры: всѣ только объ одномъ стараются, чтобы нажиться и потомъ говорить хульныя слова, какъ невѣрующіе евреи при Исаіи пророкѣ: *„будемъ пьсть и пить, ибо завтра умремъ“* (Ис. XXII 13). Не поселяйтесь, братіе, среди безбожниковъ, чтобы не потерять того, что есть самое дорогое для человѣка—т. е. вѣры и надежды на спасеніе. Но скажете, пожалуй; „мы не станемъ такими, какъ прочіе американцы, а останемся православными русскими людьми, какими остались и наши земляки, переселившіеся туда!“ Легко такъ говорить, но трудно исполнить. Слушайте, что написано въ Святой Библіи: *„кто прикасается къ смолѣ, тотъ очернится, и кто входитъ въ общеніе съ гордымъ, сдѣлается подобнымъ ему. Какое общеніе у горшка съ котломъ? Этотъ толкнетъ его и онъ разобьется“* (Сир. XIII, I, 3).

Въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ забыли о спасеніи души, а, возлюбивши нынѣшній вѣкъ, бьются только о богатствѣ неправедномъ, очень трудно сохранить страхъ Божій и любовь къ добродѣтели. Если не исторгнутъ св. вѣры изъ своего сердца тѣ, которыхъ дѣтство протекло на Святой Руси, но они вернутся домой уже не прежними Христовыми овечками, а козлищами, сердитыми и блудными. Но если они останутся на всю жизнь въ той нечестивой безбожной странѣ, то дѣти ихъ будутъ уже во всемъ подобны прочимъ американцамъ. Святыя для насъ слова: Господь Іисусъ Христосъ, Пресвятая Богородица, Святый Николай Чудотворецъ, градъ Божій Іерусалимъ, Святый Аѳонъ, Чудотворная Лавра Почаевская или Кіево-Печерская—все это для нихъ будутъ словами чуждыми, какъ для нѣмца или француза. Вы воздыхаете со слезами и падаете ницъ, когда читаетъ священникъ: „Духъ же цѣломудрія, и смиреномудрія, терпѣнія и любве́ даруй ми, рабу Твоему“.—А они, услышавъ эту молитву, скажутъ: „ну, намъ всего этого даромъ не надо, а дайте намъ хорошихъ сигаръ да рому, да колбасы, а паче всего золота, серебра и золота!

Вамъ больно бываетъ видѣть дѣтей своихъ больными, или голодными, или битыми. Но гораздо горестнѣе увидать ихъ безбожниками, безсовѣстными, ворами. А такими будутъ они, если родятся въ Америкѣ и съ дѣтства начнутъ уподобляться тамошнимъ жителямъ. Не поселяйтесь, братіе, въ Америкѣ и не ѣздите туда. Лучше прожить всю жизнь въ бѣдности, чѣмъ пріобрѣсти богатство и потерять свою душу да наплодить дѣтей безбожныхъ. *„Лучше умереть бездѣтнымъ“*, такъ написано во св. Библіи: *„нежели имѣть дѣ-*

тей нечестивыхъ" (Сир. XVI, 4). Не переселяйтесь, братіе, въ страну нечестія, гоняясь за богатствомъ суетнымъ. Помните Христовъ глаголъ: „*Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?*" (Мѳ. XVI, 26). Переселяйтесь въ нашу православную Сибирь, на Амуръ, въ Туркестанъ, на Пріуралье: тамъ православіе, тамъ усердіе къ спасенію души, тамъ держава нашего возлюбленнаго Царя, тамъ святыя церкви, тамъ не забудете Бога и святого евангелія.

Посланіе участникамъ Почаевскихъ Миссіонерскихъ курсовъ.

Смиренный Антоній Божіею милостію Архіепископъ Волынскій и Житомірскій всѣмъ участникамъ Почаевскихъ Миссіонерскихъ курсовъ, Божіимъ священникамъ и священномонахамъ о Господѣ радоватися.

Всегда бываетъ мнѣ утѣшительно видѣть собраніе служителей Божіихъ, соединяющихся для обсужденія дѣлъ церковныхъ, потому что помню я глаголъ Господень: „*аминь, глаголю вамъ, аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще проситa, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ, идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ*" (Матѳ. XVIII, 19, 20).

Слова эти, умилительныя и радостныя, воспоминаю я на всякомъ собраніи духовномъ, но особенно точно они соотвѣтствуютъ настоящему вашему недѣльному общенію въ бесѣдахъ о Божественной истинности нашей вѣры и о вразумленіи отпавшихъ. Съѣзды епархіальные большую часть своихъ трудовъ посвящаютъ дѣламъ жизни временной, дѣламъ сословнымъ, хотя тоже разумнымъ и полезнымъ, но земнымъ,—а этотъ вашъ съѣздъ имѣетъ цѣлью собранія тѣхъ небесныхъ сокровищъ, „*идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ*" (Матѳ. VI, 21).

Здѣсь вы упражняетесь въ изученіи того блаженнаго подвига, о которомъ говоритъ братъ Господень по плоти и другъ Божій по духу: „*братіе, аще кто въ васъ заблудитъ отъ (пути) истины, и обратитъ кто его, да вѣстъ, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ*" (Іак. V, 19, 20).

Возлагаемыя на меня Св. Синодомъ послушанія постоянно лишаютъ меня возможности участвовать во многихъ лучшихъ явленіяхъ нашей мѣстной церковной жизни, отвлекая меня

надолго въ столицу; лишили они меня возможности и исполнить свое намѣреніе о еженедѣльной письменной бесѣдѣ со своими сослужителями въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и понудили прекратить ихъ на третьей книжкѣ послѣднихъ. Даже и эти строки удается мнѣ вамъ написать только въ вагонѣ желѣзной дороги. Но духомъ я всегда съ тѣми, кто поборается за святую истину нашей вѣры.

Да пріидетъ же къ вамъ невидимо Божественный Духъ, Огнь отъ Огня происходяй, да просвѣтитъ ваши души разумѣніемъ Божественныхъ словесъ и да зажжетъ сердца ваши Иліиной ревностью о вразумленіи заблудшихъ и о наученіи невѣдущихъ.

Оный Утѣшитель, Духъ истины, да даруетъ вамъ не только уразумѣть и запомнить всѣ тѣ православныя истолкованія библейскихъ словесъ, въ чемъ будетъ и заключаться сущность вашего обученія благовѣстнической мудрости, но и изъ вашихъ собственныхъ сердецъ да откроетъ Онъ родникъ обильнаго наученія людей Божественнымъ истинамъ и Христовымъ заповѣдямъ! Объ этомъ молитесь, достолюбезные отцы и братіе, и объ этомъ выслушайте мое напоминаніе.

Знайте, что простая передача усвоенныхъ истинъ, простое повтореніе того, что вамъ сообщали,—мало можетъ воздѣйствовать на душу, поколебленную въ вѣрѣ. Правда, и это дѣло хорошее—имѣть въ своей памяти опроверженіе еретическихъ лжетолкованій, а равно и доказательства правильнаго толкованія. Но это убѣдительно только для слушателей безпристрастныхъ; гораздо труднѣе предварительная работа проповѣдника истины: возвести уклонившагося слушателя къ безпристрастію, внушить ему желаніе познать истину независимо отъ своихъ предубѣжденій, смирить въ его сердцѣ злобное непокорство, заставить посмотрѣть на свое прошлое съ осужденіемъ и затѣмъ сказать служителю Божію, какъ древніе іудеи Іоанну Крестителю или Апостоламъ въ день Пятидесятницы: что намъ дѣлать, чтобы спастись?

Вотъ для того, чтобы смирить, чтобы умилить отпадшихъ или колеблющихся, прежде чѣмъ начнете ихъ вразумлять касательно ихъ заблужденій, вотъ для этого благодатнаго на нихъ воздѣйствія, чтобы они говорили подобно Лукѣ и Клеопѣ: *„не сердце ли наю горя бѣ въ наю, егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама писанія“* (Лук. XXIV, 32).

Для такого-то уготовленія сердецъ человѣческихъ къ принятію истины потребно вамъ, отцы и братіе, исполненіе собственнаго сердца обильнымъ источникомъ общаго благовѣствованія, о которомъ сказалъ Господь *„вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды*

живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его" (Іоан. VII, 38, 39).

Тотъ проповѣдникъ можетъ обратить заблудшаго, который прежде покажетъ ему общую сладость ученія Христова и церковнаго въ своихъ устахъ и потомъ уже перейдетъ къ особенному предмету вѣры, спорному между сектантами и православными.

Какъ же снискать себѣ такой даръ духа, даръ благодатнаго учительства? Должно всегда помнить, что онъ отъ Бога и молиться о немъ, а не изъ себя выжимать искуственно, какъ дѣлаютъ инославные проповѣдники актеры. Должно, молясь о такомъ дарованіи, исповѣдать Богу свою грѣховность, свое недостоинство и внутренно отречься отъ желанія себѣ славы и высшихъ успѣховъ, но просить у Бога славы только Ему и спасенія душамъ, поколебленнымъ въ вѣрѣ. Нѣтъ тому благодатной помощи, кто желаетъ ею умножить собственную гордыню: „*Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*" (Притч. III, 34).

Второе условіе для стяжанія сего дара заключается въ постоянномъ, т. е. ежедневномъ, чтеніи Св. Библіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Хоть по два раза въ годъ старайтесь ее прочитывать всю съ благоговѣніемъ; не успѣете вы еще третій разъ ее дочитать, какъ почувствуете зажегшійся въ вашемъ сердцѣ пламень отъ сего огненнаго слова Божія. У васъ явится постоянное внутреннее понужденіе къ тому, чтобы вѣщать людямъ Божію волю. И не придирчивыми совопросниками явитесь вы тогда предъ лицемъ заблуждающихся, но слово ваше будетъ со властію, а не какъ у книжниковъ и фарисеевъ (Матѳ. VII, 9).

Это потому, что постоянное чтеніе Божественныхъ Писаній „скоро вземлетъ отъ земныхъ, восперяетъ, возвращаетъ, устрояетъ горѣ".

А если будете нѣсколько лѣтъ упражняться въ этомъ сладостномъ подвигѣ изученія слова Божія, то невозможно станетъ лжеучителямъ поставить васъ въ затрудненіе какимъ-либо новымъ сплетеніемъ лукавыхъ словесъ и пріисканіемъ новаго библейскаго изреченія, дающаго мнимую опору ихъ заблужденіямъ. Полнота Божественныхъ Откровеній, вмѣщенная въ вашемъ умѣ и сердцѣ, дастъ имъ чрезъ ваши уста побѣдоносный отпоръ въ цѣломъ потокѣ библейскихъ изреченій и ихъ взаимныхъ сопоставленій, и надолго отобьетъ у лжеучителей дерзостную рѣшимость нападать на церковную истину лукавымъ подборомъ текстовъ, ихъ извращенными толкованіями.

Да и самые эти лжеучители не могли бы у насъ по-

явиться, если бы всѣ церковные пастыри изучали науку врачеванія ихъ духовныхъ болѣзней и еслибъ усердно молились и читали слово Божіе.

Но поелику этого, къ сожалѣнію, не всѣ исполняютъ и всѣ исполнять не будутъ, то нарочитые ревнители слова и благочестія, т. е. вы, достолюбезные отцы и братіе, согласно выбору вашихъ собратій по священству, призываетесь къ сугубому усердію о вразумленіи заблудшихся не только въ приходѣ каждаго изъ васъ, но и во всемъ своемъ родномъ благочиніи въ помощь пастырямъ, менѣе опытнымъ.

Да не будетъ здѣсь мѣста ни зависти однихъ, ни пренебреженію другихъ. Преимущество дарованія и опытности своего избраннаго собрата да умножитъ напротивъ сорадующуюся братскую любовь прочихъ, а самими избранниками да внушается чрезъ то постоянное сознаніе своей преимущественной отвѣтствености предъ Богомъ, рекшимъ: „*проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ*“ (Іер. XLVIII, 10).

Врагъ обложилъ нашу помѣстную церковь разными соблазнами: и латинскою ересью и штундовымъ или баптистскимъ чужебѣсіемъ, и революціоннымъ нигилизмомъ, иногда тоже повторяющимъ въ извращенномъ смыслѣ слова Писанія. Всѣ эти заблужденія сходятся въ общей горячей ненависти къ христіанству, содержимому только у насъ, въ Христовой церкви, а у латынянъ и сектантовъ перемѣшиваются съ классическимъ суевѣріемъ, аѳинейскими плетеньями и языческимъ отношеніемъ къ жизни—себялюбивымъ, чувственнымъ и горделивымъ. Идите, говорилъ вамъ Христосъ: „*се, Азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе*“ (Матѳ. X, 16).

„*Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей-же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ*“ (Лук. XXI, 15.).

Письмо на имя К. П. Побѣдоносцева въ началѣ ноября 1905 г. [1]).

Я откладывалъ со дня на день сіе начертаніе Вамъ русскаго слова *прощайте* и *спасибо*, сомнѣваясь въ томъ, доставлю ли Вамъ удовольствіе или напротивъ—непріятное чувство. Однако наглыя выходки газетъ, которыя хотятъ свести на ничто Вашу высоко-цѣнимую патріотическую и народную

[1]) Напечатано въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ № 24, 1906 г.

дѣятельность, побуждаютъ меня все-таки исполнить требованіе своего сердца и высказать Вамъ свое высокое уваженіе и благодарность. Промыслу Божію угодно было ставить меня въ такія положенія по отношенію къ людямъ, пользовавшимся Вашимъ довѣріемъ, что я часто навлекалъ на себя Ваше неудовольствіе; кромѣ того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патріаршество не могли встрѣтить въ Васъ сочувствія и одобренія; однако при всемъ томъ, я никогда не могъ сказать по отношенію къ Вашей личности словъ укорительныхъ или враждебныхъ: такъ непоколебимо было мое къ Вамъ уваженіе. Я чтилъ въ Васъ христіанина, чтилъ патріота, чтилъ ученаго, чтилъ труженика. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 году, исключительно благодаря Вамъ и Вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня Вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее Вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что въ этомъ дѣлѣ Вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателемъ административной рутины, какъ желаютъ представить Ваши жалкіе, бездарные критики. Напротивъ, Вы поднимали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до Васъ администраціи невѣдомыя. Первое — дѣло церковно-приходскихъ школъ Вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ. Второе—приближеніе духовной школы къ духовнымъ нуждамъ народа, къ жизни церкви — Вы старались выполнить, но здѣсь наткнулись на слишкомъ неодолимую двухвѣковую косность самоувѣренной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее съ мѣста, но значительно поколебали ее въ ея самоувѣренности, и успѣли внести въ нее нѣсколько сильныхъ, оздоравливающихъ лучей церковнаго и народнаго духа. Вы подняли надъ грамотной Россіей свѣтъ Божественной Библіи, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ на всѣхъ нарѣчіяхъ православныхъ племенъ Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ. Вы украсили изданія книгъ святыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, и старались убѣдить духовенство и общество въ томъ, что послѣпетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напѣвы и богослуженіе. Вы убѣдили лучшаго изъ покойныхъ царей нашихъ приказать строить православные храмы въ православномъ ихъ архитектурномъ благолѣпіи, а не въ безобразномъ видѣ еретическихъ капищъ. Вы оцѣнили высокія качества единовѣрческихъ общинъ, подлержали и ободрили поборниковъ этого единственно надежнаго моста отъ раскола къ Церкви; Вы умѣли цѣнить снѣдающую ревность о Богѣ подъ мужицкими зипунами, подъ бешметами учителей изъ кре-

щеныхъ инородцевъ. Вы отыскивали ревнителей вѣры и Церкви и не стыдились учиться у смиренныхъ тружениковъ провинціи — Рачинскаго и Ильминскаго въ то время, когда Царь Россіи имѣлъ Васъ своимъ главнымъ совѣтникомъ, а Европа знала Васъ, какъ просвѣщеннѣйшаго профессора и общественнаго дѣятеля. Тѣ самые восьмидесятые годы прошедшаго столѣтія, столь ненавистные нынѣшнимъ, ненавистнымъ для Россіи, либераламъ, но цѣнные въ глазахъ истинно-русскаго патріота, какъ годы реформы нравовъ, тѣ восьмидесятые годы отрезвленія русскихъ умовъ и обращенія ихъ къ родной забытой старинѣ, имѣли въ лицѣ Вашемъ одного изъ главныхъ вдохновителей собиранія Руси—въ области убѣжденій и нравовъ—и несомнѣнно самаго главнаго—въ области преобразованій административныхъ, законодательныхъ.

Я не встрѣчалъ ни одного умнаго человѣка, желающаго быть безпристрастнымъ, который-бы не отдавалъ дани глубокаго уваженія Вашей дѣятельности и Вашей личности. Зато всѣ люди нашего образованнаго общества, ненавидящіе Россію, а такихъ весьма много, — ненавидѣли и Васъ, и ненавидѣли пропорціонально своей ненависти къ отчизнѣ. Такая ненависть—едва-ли не большая честь, чѣмъ уваженіе людей благонамѣренныхъ. Послѣдніе иногда могутъ и ошибаться, но первые не могли ошибиться, сливая Вашу дѣятельность съ благоденствіемъ ненавистной имъ Русской Монархіи.

Теперь, когда она обуревается, аки овощное хранилище, когда преданные Церкви и отечеству дѣятели просятъ себѣ у Бога скорѣйшей смерти, и говорятъ горамъ: „падите на насъ“, и холмамъ: „покройте насъ“, — теперь русскимъ людямъ отрадно оглянуться на отходящихъ честныхъ дѣятелей и поклониться имъ. Я льщу себя надеждой, что эти искреннія строки утвердятъ въ Васъ заслуженную Вами предъ Россіей увѣренность въ томъ, что Вы не отходите отъ государственной службы непонятымъ со стороны Вашихъ соотечественниковъ и со стороны служителей Церкви. Вы не только служили, Вы подвизались добрымъ подвигомъ. Вы не были, однако, сухимъ фанатикомъ государственной или церковной идеи: Вы были человѣкомъ сердца добраго и снисходящаго, какъ и всѣ три Государя, которымъ Вы служили. Люди бѣдные, люди скорбящіе духомъ, люди споткнувшіеся находили сердечный откликъ въ Вашемъ сердцѣ. Вы не отступали передъ страхами человѣческими, но часто отступали передъ слезами. Быть можетъ, даже иногда погрѣшали противъ принципа, подчиняясь жалости, но не погрѣшали этимъ противъ Господа Іисуса Христа. Вопреки заявленію Вашихъ презрѣнныхъ враговъ, форма и буква закона не были для васъ высшимъ доводомъ:

горячая и убѣжденная просьба склоняла Васъ на изъятія во имя милосердія. Особенно цѣнно въ Васъ было то, что Вы вѣрили въ человѣческое раскаяніе и исправленіе: въ 1883 году Вы простили одного раскаявшагося семинариста-революціонера, а въ 1898 году онъ былъ епископомъ, и такихъ случаевъ было много за время Вашей службы. Одинъ легкомысленный Вашъ диффаматоръ предсказывалъ вамъ тяжелую смерть. Я, напротивъ, увѣренъ, что Ваша кончина будетъ христіанская, непостыдная и мирная. Но я желаю, чтобы ей предшествовала еще долгая и безболѣзненная старость не для того, чтобы видѣть вакханаліи революціонеровъ, какъ они Вамъ того желаютъ, но чтобы Вы еще здѣсь на землѣ увидѣли русское общество, образумившееся послѣ взрывовъ народной мести за поруганіе его святынь, чтобы Вы могли увидѣть всходы интеллигенціи возрожденной, народной, православной.

Таковы мои Вамъ искреннія пожеланія, въ знакъ которыхъ не откажите принять отъ меня св. икону, посылаемую особо отъ Вашего покорнѣйшаго слуги и богомольца.

Письмо къ Члену Государ. Совѣта Владиміру Карловичу Саблеру 16 мая 1905 г.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владиміръ Карловичъ!

Покинувъ столицу и разставшись съ Вами, считаю долгомъ исполнить желаніе своего сердца и облечь въ правдивую форму письменнаго слова тѣ чувства, которыя тѣснятся въ моей груди при воспроизведеніи Вашего нравственнаго облика и Вашей дѣятельности по Духовному Вѣдомству, которая окончилась въ текущемъ мѣсяцѣ къ нашей общей печали.

Дѣятели, справедливо пользующіеся общимъ сочувствіемъ, извѣстны своимъ почитателямъ либо по какой-нибудь симпатичной, высокой чертѣ характера, либо по преданности той или иной идеѣ. При всякой мысли о такомъ дѣятелѣ возникаетъ и представленіе объ его духовномъ сокровищѣ, о томъ добромъ дѣлѣ, которое ему дорого, и всякій чувствуетъ, что то не обыкновенный человѣкъ, устраивающій свое земное благополучіе, а человѣкъ особенный, высшаго порядка, и внутренно его привѣтствуетъ. Блаженъ тотъ изъ насъ, чья душа, чья жизнь, возвышаясь надъ себялюбіемъ, безкорыстно привязана къ какому-либо доброму началу жизни; блаженъ тотъ, кто

имѣетъ въ душѣ неугасимый свѣточъ хотя бы одной добродѣтели, которой онъ никогда не измѣнитъ!

Но есть подвигъ еще высшій такого строя жизни. Есть жизнь, которая вся цѣликомъ проникнута самоотверженіемъ; встрѣчаются сердца, наполненныя заботою о томъ, чтобы ничего никогда не желать для себя, а только для своей идеи—въ области отношеній общественныхъ, — и для исполненія воли Божіей — въ жизни личной. Такіе люди не имѣютъ покоя и не владѣютъ своимъ днемъ, ни даже своимъ ночлегомъ. Какъ бурное море съ безконечными волнами окружаетъ корабль и старается его потопить, такъ ихъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ безконечная, неутолимая, все возрастающая человѣческая нужда, нужда общественной жизни и нужды частныя. Духъ, отзывчиво сочувственный ко всякому общественному благу,—сердце, не отворачивающееся отъ ближнихъ, требующихъ сострадательнаго участія — это такая рѣдкая диковина въ нашъ черствый и себялюбивый вѣкъ, что къ ней стремительно несутся учрежденія и люди со всего города, съ цѣлой губерніи, съ цѣлаго государства, со всей вселенной. Ніагарскій водопадъ, соборъ Петра въ Римѣ, Бразильскіе брилліанты или Калифорнское золото не такъ притягиваютъ къ себѣ людей, какъ всеобъемлющее сердце, какъ духъ, свободный отъ себялюбія. Это уже вторая высшая ступень возрожденнаго человѣка—христіанина. Это тотъ же жребій жизни, который взяли Вы, Владиміръ Карловичъ, изъ Божіей десницы.—Люди справедливо ублажаютъ такихъ подвижниковъ любви. Но жизнь ихъ блаженна не въ обычномъ смыслѣ сего слова. Они всегда подавлены заботой, они всегда огорчены за многое и за многихъ. Постоянно разочаровываясь въ друзьяхъ, постоянно наживая себѣ враговъ при желаніи быть другомъ всѣхъ, постоянно скорбя о недостигнутыхъ высокихъ цѣляхъ общественнаго благоустройства, постоянно оскорбляемые неблагодарностью однихъ и косною черствостью другихъ, подобные люди могутъ побѣждать горе жизни только потому, что у нихъ нѣтъ возможности отдаться своему чувству ни на минуту, — только потому, что имъ некогда жаловаться, плакать и унывать, такъ какъ они, добровольно поработившись всѣмъ, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи ни свободнаго часа времени, ни свободнаго уголка сердца или кусочка мозга для своихъ собственныхъ настроеній — все для дѣла, все для ближнихъ, все для Церкви, все для Господа.

Я упомянулъ, что люди ублажаютъ такое самоотверженіе, но они замѣчаютъ его не скоро, они оцѣнятъ его обыкновенно лишь тогда, когда его носитель отъ нихъ удалится надолго или навсегда. Напротивъ, вблизи себя мы прослав-

ляли тѣхъ, которые не прочь *иногда* сдѣлать доброе дѣло и умѣютъ это подчеркнуть, но тѣхъ немногихъ людей, которые всегда вѣрны евангельской заповѣди, мы не замѣчаемъ, какъ они сами не замѣчаютъ себя, а видятъ предъ собою только дѣло. Обыватель казенной квартиры бережно обходится со своею хорошей керосиновой лампой, но безконечнаго запаса электрическаго свѣта онъ не бережетъ, а смѣлой рукой поворачиваетъ пуговицу, когда нужно и когда не нужно. Также склонны обращаться люди съ тѣми, кто неистощимъ въ сочувствіи къ нимъ, въ состраданіи, въ безкорыстномъ трудѣ и услужливости. Они его не жалѣютъ, какъ онъ не жалѣетъ себя; они готовы забыть, что и онъ живой человѣкъ, а не машина добра и участія. Тяжелъ подвигъ такого человѣка, но чѣмъ выше этотъ подвигъ, тѣмъ онъ угоднѣе Христу, а таковъ именно подвигъ Вашей жизни. Вы не искали себѣ награды у людей, но по Апостолу ждали похвалы отъ Христа. Она не испразднится для Васъ, ибо неложныя уста обѣтовали ее кроткимъ, милостивымъ и миротворцамъ: но Вы пріобрѣли себѣ и дальнѣйшія блаженства Евангелія. Одушевленный дѣятель богатъ бываетъ врагами, а вражда въ средѣ психическихъ профессій, т. е. среди служителей науки, искусства и религіи, выражается прежде всего *клеветой*. Но эта гидра, гнавшаяся за Вами съ первыхъ шаговъ Вашей церковной дѣятельности, не ожесточила Васъ и не ослабила той нѣжной симпатіи, которую Вы съ дѣтства питали къ нашей духовной средѣ. Всѣ отзывчивыя сердца цѣнили это, а ихъ все-таки у насъ большинство, и теперь телеграфная вѣсть о Вашемъ удаленіи, какъ болѣзненный токъ электрической искры, ущемила за сердце духовныхъ отцевъ и матерей, начиная съ бѣлаго клобука и украшенной звѣздой протоіерейской рясы до сельскаго пономаря, аѳонскаго послушника, деревенскаго учителя и церковнаго старосты — крестьянина. Едва ли былъ на Руси человѣкъ, имѣющій столько друзей въ духовномъ мірѣ, какъ Вы. Нашъ Волынскій край помнитъ Константина Острожскаго. То былъ мірянинъ, который ревностью о Церкви и разносторонними заслугами церковному дѣлу превзошелъ современныхъ ему священниковъ и архіереевъ. Я, однако, склоненъ думать, что Ваша дѣятельность на пользу Церкви Божіей — еще разностороннѣе и шире.

Своею горячею любовію къ Божественной службѣ Вы, можно сказать, поворотили исторію русскаго богослуженія, Вы удержали ее отъ ея стремительнаго удаленія отъ богопреданныхъ образцовъ къ западно-европейскимъ чувственнымъ эффектамъ; подъ Вашимъ вліяніемъ церковная служба духовныхъ школъ, монастырей и приходовъ вновь украсилась забытыми со-

кровищами молитвы, созданными богопросвѣщенными мужами, или вѣрнѣе Святымъ Духомъ. Не всѣ духовныя лица цѣнятъ эти возвращенныя церквамъ стихиры, антифоны и осмогласіе, но должно помнить, что, помимо прочаго, богослуженіе и въ наше время составляетъ девять десятыхъ созидающихъ силъ Церкви, а проповѣдь у насъ такъ скудна и школьное обученіе богопознанію такъ формально, бѣдно и далеко отъ жизни, что едва ли одна десятая воспитывающихъ силъ Церкви выполняется этими отправленіями. Но и здѣсь дѣло не шло внѣ Вашего вліянія. Благодаря послѣднему, наши семинаріи хоть нѣсколько проникались началами духовнаго воспитанія, и проповѣдничество стало предметомъ практическихъ упражненій учащихся. Говорить ли о миссіонерской проповѣди, о борьбѣ съ ересями и расколомъ, объ утвержденіи единовѣрія? Здѣсь все живое по всей Россіи и далеко за границей носитъ печать Вашего вліянія и покровительства, и всѣ почти до одного миссіонеры считаютъ Васъ своимъ личнымъ другомъ. Строеніе храмовъ Божіихъ, учрежденіе святыхъ обителей, церковно-народная школа — все это двигалось и, можно сказать, дышало Вами.

Дѣла подобнаго рода, восходя въ центральное управленіе въ огромномъ количествѣ, поневолѣ превращались здѣсь въ ряды наименованій и цифръ, но то и другое въ Вашемъ всеобъемлющемъ сердцѣ, въ Вашей всеохватывающей памяти получали жизнь и встрѣчали не формальное только отношеніе, но были разсматриваемы по существу. Особенно трогательнымъ для меня въ частности являлось то чисто материнское участіе, съ которымъ Вы, никѣмъ не побуждаемые, вникали во всякое ходатайство крестьянъ по своимъ приходскимъ дѣламъ; можно было думать, что Вы сами прихожанинъ любого села далекаго Заволжья или Сибири, откуда приходили малограмотныя просьбы приходскихъ уполномоченныхъ. Одинъ маститый іерархъ говорилъ мнѣ, что хотя скопленіе дѣлъ и понуждаетъ всѣхъ насъ быть подчасъ чиновниками, но наименѣе чиновникомъ среди насъ являлись всегда Вы, незабвенный Владиміръ Карловичъ.

Да, будучи по своему званію чиновникомъ Духовнаго Вѣдомства, Вы на самомъ дѣлѣ были прежде всего сыномъ Церкви и радѣтелемъ ея славы.

А въ комъ, какъ не въ Васъ, искали правды всѣ напрасно обиженные? въ комъ, какъ не въ Васъ, искали милосердія всѣ, пострадавшіе по закону человѣческому, но имѣвшіе право на снисхожденіе по высшему Закону Божію? За тѣхъ и дугихъ Вы начинали хлопотать съ такимъ усердіемъ, какъ не хлопочутъ за близкихъ родственниковъ, съ такимъ

терпѣніемъ, какъ не всякій станетъ хлопотать за самого себя.

Живя для другихъ, стоя выше пониманія большинства, Вы не оцѣнены по достоинству даже друзьями. У насъ благоговѣютъ болѣе предъ спеціалистомъ, нежели предъ всеобъемлющимъ дѣятелемъ, предъ ходульнымъ авторитетомъ, нежели предъ умственнымъ и нравственнымъ талантомъ: еслибъ Вы дали вчетверо меньше того, чѣмъ Вы были для Церкви и русскаго народа, Васъ бы оцѣнили въ восемь разъ больше; толпа всегда будетъ удивляться Гераклиту болѣе, чѣмъ Сократу. Но Вамъ ли жалѣть объ этомъ? Вы ревновали не о себѣ, а о правдѣ Божіей; не для своей славы Вы видѣлись со своею семьей меньше, нежели съ сослуживцами; примѣръ Вашего самоотверженнаго трудолюбія воспиталъ Вашихъ сыновей лучше, чѣмъ постоянное пребываніе съ дѣтьми тѣхъ отцевъ, которые могутъ научить ихъ только борьбѣ за личное благополучіе.

Теперь, когда труженики Церкви лишаются Вашего покровительства, когда скорбящіе и нуждающіеся въ Вашемъ участіи узнаютъ о Вашемъ удаленіи, — теперь тѣ и другіе поймутъ, кого они потеряли и найдутъ слово, чтобы выразить это. Но Васъ будетъ радовать не похвала и благодарность, а напротивъ то, что, какъ покажетъ дѣйствительность, Ваши насажденія вкоренились въ церковную ниву такъ глубоко и прочно, что большинство ихъ будутъ возрастать во славу Божію даже и лишенныя теперь Вашего покровительства, но подкрѣпляемыя Вашимъ сочувствіемъ.

Инъ есть сѣяй и инъ есть жняй; но кто сѣетъ не для своей славы, а въ животъ вѣчный, тотъ утѣшается дѣломъ Божіимъ, хотя бы оно процвѣло въ рукахъ уже другого дѣятеля, *да сѣяй вкупѣ радуется и жняй.*

Послѣдніе дни Вашей службы Вы ознаменовали подвигомъ, которымъ увѣнчали цвѣтущее древо своихъ заслугъ, какъ бы золотымъ вѣнцомъ, проявивъ столь горячее сочувствіе возстановленію каноническаго строя церковной жизни. Я бы сказалъ, что Вы превзошли самого себя, но выражусь еще точнѣе: Вы превзошли ожиданія даже самыхъ искреннихъ Вашихъ друзей и почитателей.

Вашъ Ангелъ Хранитель радуется за Васъ, а мы, Ваши преданные и благодарные богомольцы, возносимъ молитвы, чтобы Господь сторицею воздалъ Вамъ за подвигъ Вашъ, и вѣру, и терпѣніе, и любовь.

Примите отъ меня въ залогъ непрекращаемой любви во Христѣ св. Икону Почаевской Матери Божіей.

Ж) Слова и рѣчи позднѣйшія.

Слово на перенесеніе св. мощей преподобной Евфросиніи Полоцкой, сказанное въ Полоцкомъ Николаевскомъ соборѣ 21-го мая 1910 года.

Мнѣ же зѣло честни быша други Твои, Боже.

(Псал. 138, 17).

Друзьями Божіими, братіе, именуются святые угодники, отрѣшившіеся отъ грѣховныхъ земныхъ привязанностей и возлюбившіе единаго Бога и Божіе царство. Они *честни* не только для послѣдователей истиннаго благочестія, но и для всякаго благороднаго сердца.

Воины благоговѣютъ предъ великими героями, одушевляются къ подвигамъ памятью объ ихъ заслугахъ, стараясь узнать всѣ подробности ихъ жизни; ученые съ такимъ же уваженіемъ относятся къ великимъ философамъ и изобрѣтателямъ и стараются руководиться въ своихъ трудахъ примѣромъ знаменитыхъ предшественниковъ; поэты, художники и пѣвцы точно также мыслятъ себя учениками и послѣдователями знаменитостей въ области своего призванія,—словомъ, всякое званіе, и даже ремесло, хранитъ почтительное общеніе съ его древними изобрѣтателями и наиболѣе славными мастерами.

Но среди всѣхъ званій, талантовъ и ремеслъ есть одно величайшее—наше званіе, или призваніе, *быть человѣкомъ*, не забывать этого „святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ*“, какъ писалъ нашъ отечественный поэтъ Наслѣднику царственнаго трона. Быть человѣкомъ, осуществлять святѣйшее это званіе—значитъ побѣдоносно вести ту внутреннюю борьбу между добромъ и зломъ, въ которой обрѣтаетъ себя наше сознаніе отъ самыхъ юныхъ лѣтъ до глубокой старости. Два начала борются въ сердцѣ человѣка и добраго, и злого, и безучастно-равнодушнаго къ себѣ, и самаго строгаго подвижника добродѣтели. Тяжелая это борьба: на какую бы сторону ни склонялась наша свободная воля, всегда начало противоположное ея рѣшенію будетъ мстить за себя то въ мученіяхъ неудовле-

творенной страсти, то, наоборотъ, въ терзаніяхъ оскорбленной совѣсти, — мстить, и лишать безпечнаго покоя людей даже самыхъ безпечныхъ, налагая на ихъ сердца благородныя или позорныя раны.

Увѣнчанные Промысломъ герои, ученые, поэты и изобрѣтатели имѣютъ свой опредѣленный кругъ поклонниковъ; но имѣть поклонниками всѣхъ людей, весь человѣческій родъ, это подобаетъ увѣнчаннымъ побѣдителямъ въ той общечеловѣческой борьбѣ съ самимъ собою, въ которой состоитъ высшее призваніе человѣка.

Вотъ почему не только послѣдователи Евангелія, но и всѣхъ тѣхъ религій, гдѣ высоко поднято нравственное начало жизни, чтутъ глубоко, благоговѣйно и восторженно чтутъ засвидѣтельствованныхъ въ ихъ обществѣ праведниковъ. Такъ поступаютъ и буддисты, и магометане, и іудеи, и весь Востокъ, всегда стремившійся къ небу, всегда учившій о суетѣ всего земного. Героевъ нравственныхъ они почитаютъ несравненно выше всякихъ иныхъ знаменитостей, хотя имъ и приходится собственнымъ вымысломъ дополнять дѣйствительныя достоинства первыхъ, и ничѣмъ нельзя такъ огорчить людей восточнаго уклада жизни, какъ разоблаченіемъ недостатковъ ихъ мнимыхъ святыхъ. Но эти недостатки были въ нихъ и превышали собою ихъ добродѣтели, потому что извращенная первороднымъ грѣхомъ человѣческая природа можетъ только стремиться къ совершенству, терзаться своими паденіями, но побѣждать ихъ и приближаться къ чистотѣ могутъ лишь тѣ праведники, которые находились въ чудесномъ общеніи съ Богомъ и бесѣдовали съ Ангелами, либо тѣ, которые вошли въ благодатное общеніе Его Церкви, гдѣ Онъ пребываетъ всегда и *взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. XI, 6). И вотъ эти-то „церковная чада“, не только наиболѣе ревностныя въ исканіи совершенства, но и болѣе слабыя, подавленныя житейскою нуждой и отвлекаемыя суетой жизни отъ главной и высшей ея задачи, съ великимъ благоговѣніемъ и любовію поднимаютъ свои смиренные взоры къ тѣмъ, *иже вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львомъ* (Евр. XI, 33). Такъ чувствуютъ не „только церковная чада“, но и послѣдователи большей части ересей, именующіе себя христіанами, ибо и они помнятъ о томъ, что призналъ Господь, какъ *единое на потребу* (Лук. X, 42). Мы же, христіане православные, умножаемъ свою любовь къ святымъ еще и потому, что взираемъ на нихъ не только, какъ на данныхъ намъ для подражанія и засвидѣтельствованныхъ Самимъ Богомъ успѣшныхъ исполнителей высшаго человѣческаго призванія, но еще болѣе

по той причинѣ, что знаемъ ихъ, какъ нашихъ благодатныхъ помощниковъ въ этомъ величайшемъ дѣланіи, въ этой тяжелой, но благородной и священной борьбѣ съ самимъ собою. Мы знаемъ изъ слова Христова, что у ангеловъ бываетъ великая радость о кающемся грѣшникѣ (Лук. XV, 10); знаемъ, какъ Зритель таинственныхъ откровеній призываетъ къ ликованію усопшихъ пророковъ и апостоловъ о радостныхъ событіяхъ въ жизни земной Церкви (Апок. XVIII, 20); мы знаемъ еще несравненно болѣе; мы имѣемъ безчисленныя свидѣтельства о явленіяхъ усопшихъ святыхъ, объ исцѣленіяхъ и обличеніяхъ, объ утѣшеніяхъ и предвареніяхъ, посылавшихся ими вѣрующимъ во всѣхъ племенахъ, исповѣдующихъ православіе.

Не ошибусь я при этомъ, если скажу, что среди всѣхъ православныхъ народовъ наиболѣе любитъ святыхъ угодниковъ народъ русскій. Только ихъ житіе считаетъ онъ настоящею, достойною человѣка жизнью; только ихъ считаетъ онъ настоящими учителями мудрости и праведности, настоящими и всемощными друзьями человѣчества. Въ этомъ восторженномъ, умиленномъ, нѣжномъ и непоколебимо увѣренномъ чувствѣ нашего народа къ святымъ угодникамъ виновны: и ясно напечатлѣнное на русской душѣ сознаніе высшей и единственно цѣнной цѣли жизни, состоящей въ достиженіи праведности, и глубокое смиренномудріе и постоянное самоосужденіе, съ которымъ онъ относится къ своей собственной жизни. Всегда недовольный собой, онъ утѣшается созерцаніемъ нравственнаго образа тѣхъ, которыхъ засвидѣтельствовалъ Господь, какъ побѣдителей въ тяжелой борьбѣ съ прирожденнымъ человѣку злымъ началомъ. Народная душа восторженно стремится къ ихъ подножью; духовный взоръ русскихъ людей какъ бы съ неутомимою жаждой ищетъ видѣть все, что свидѣтельствуетъ о побѣдоносной борьбѣ и подвигахъ святыхъ мужей и женъ: ихъ нетлѣнныя мощи, ихъ священныя гробницы, ихъ сохранившіяся келліи или пещеры, ихъ вериги или одѣянія, ихъ кресты или иконы. Все это для нашего народа дорого, священно, мило.

И вотъ съ ранней весною, вмѣсто того, чтобы набираться силъ на предстоящую лѣтнюю страду или любоваться на праздникъ оживающей природы, берутся русскіе люди за страннический посохъ и, истомляя плоть трудами и голодомъ, идутъ въ далекій путь, чтобы насытить душу умиленнымъ созерцаніемъ *иной жизни*, чтобы своими глазами увидѣть побѣду добра и достигнутую здѣсь на землѣ чистоту и святость.

А если узнаютъ русскіе люди о томъ, что и среди живыхъ открылся праведникъ, стяжавшій „плоды духа“, тогда спѣ-

шитъ онъ къ нему, какъ олень на источники водъ: онъ ждетъ его приказаній, онъ дѣлаетъ его диктаторомъ своей жизни; онъ отыскиваетъ его въ глухихъ лѣсахъ, въ топкихъ болотахъ, на далекихъ островахъ и среди неприступныхъ горъ. Такому стремленію бываютъ причастны и всѣ сословія нашего племени. Нѣтъ болѣе вожделѣнной красоты для русскаго сердца, какъ красота богоподобной святости, и гдѣ она просіяетъ, гдѣ явятся плоды духа, тамъ перебываетъ все лучшее въ Россіи. И понятно. *Плодъ духовный есть: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 22). Что за чудное сочетаніе духовныхъ драгоцѣнностей! Это какъ бы само небо, перелившееся въ сердце земнороднаго! Это какъ бы само Солнце Правды, отразившееся въ прекрасныхъ цвѣтахъ духовной радуги! Мы любуемся на такую сокровищницу добродѣтелей, потому что все же, хоть не надолго, но вкушали эти плоды духа, эти священныя настроенія сердца, какъ быстролетные лучи небеснаго солнца въ пасмурномъ днѣ нашей грѣховной жизни. „И порознь ихъ отыскивая жадно“, мы всю свою жизнь, собственно, постольку и цѣнимъ, поскольку доступны ей были подобныя священныя минуты. А душа святыхъ была полна ими безпрерывно въ продолженіе многихъ лѣтъ! Какъ же не любоваться ими? Какъ не утѣшаться? Какъ не просить ихъ удѣлять и намъ хоть малую часть своихъ небесныхъ дарованій.

Такъ, именно, и относились наши древніе предки къ св. Евфросиніи еще при ея жизни и затѣмъ по преставленіи. Но прежде, чѣмъ скажемъ объ этомъ, дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какую высокую духовную цѣнность имѣетъ установленное Церковью и столь горячо принятое въ народное сердце почитаніе святыхъ, усопшихъ и еще подвизающихся,— и какъ жалки тѣ люди, которые, сами не разумѣя этого высокаго стремленія духа, стараются осмѣивать его въ нашемъ великомъ народѣ и даже вырвать его изъ народнаго сердца чрезъ развращающія секты протестантскаго пошиба...—Итакъ, св. Евфросинія еще при жизни была предметомъ любви и общаго уваженія своихъ современниковъ. Не искала она житейской славы: напротивъ, уединялась въ затворъ и смирялась въ добровольной нищетѣ, на которую смѣнила свое княжеское богатство. Но именно этимъ своимъ смиренномудріемъ она и привлекла къ себѣ тѣ благодатныя дарованія, къ которымъ тянулись души ея присныхъ. Явленіе это—обычное въ православномъ мірѣ: еще и древніе пустынники обладали такою привлекающею силою, что пустыни ихъ обращались въ многолюдные грады, а города пустовали отъ

жителей, спѣшившихъ въ пустыню созерцать и слушать святого. Впрочемъ, русское монашество, русское отшельничество, въ несравненно большей степени, чѣмъ монашество восточное, но столь же непроизвольно, соединялось съ общественною дѣятельностью. Неизвращенныя многовѣковою языческою культурой души русскихъ подвижниковъ очищались и просвѣтлялись настолько проще и безыскуственнѣе сравнительно съ греческими подвижниками, насколько дѣтей и подростковъ легче воспитывать въ вѣрѣ и въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ, нежели людей пожилыхъ, уже искалѣченныхъ грѣховнымъ опытомъ жизни. Не знала русская смиренная душа почти вовсе той тяжкой борьбы съ главнымъ врагомъ нашего спасенія — природною гордыней, которую такъ развила и умножила въ сердцахъ людей языческая философія и гражданственность, что подвижники Востока боролись въ себѣ съ этимъ грѣховнымъ чувствомъ цѣлыя десятилѣтія, скрываясь отъ лица человѣческаго и налагая на себя обѣты молчанія. Не была сильна у нашихъ сѣверныхъ подвижниковъ и страсть чувственная, не знали они ни злобы, ни мести. Все это дѣлало для нихъ не столь нужнымъ продолжительное и полное удаленіе отъ ближнихъ, а любовь послѣднихъ къ людямъ Божіимъ и понуждала нашихъ выдающихся иноковъ и инокинь еще смолоду становиться *общественными дѣятелями*, не умаляя строгости монашескаго быта.

Въ какую же сторону направила свою дѣятельность виновница нашего нынѣшняго торжества? О, въ самую возвышенную! Подобно Спасителю, призывавшему богатаго юношу оставить все и идти вслѣдъ за Нимъ, св. Евфросинія своимъ неотразимымъ вліяніемъ превращала царственныхъ княженъ въ смиренныхъ послушницъ и монахинь, была другомъ и кормильцемъ бѣдняковъ и больныхъ, и, раздавъ имъ все, что имѣла своего, потомъ зарабатывала для нихъ милостыню самымъ святымъ и тогда особенно цѣннымъ для безкнижной Руси трудомъ — списываніемъ Евангелій и др. священныхъ книгъ, чтеніе которыхъ было, послѣ молитвы, ея излюбленнымъ дѣланіемъ.

Такъ протекала ея долгая, смолоду подъятая, подвижническая жизнь, это неустанное славословіе Господа, какъ непрерывная за цѣлую ночь соловьиная пѣснь, какъ непрекращаемое благоуханіе прекрасныхъ цвѣтовъ. Но до глубокой старости не могла, да и не хотѣла, она отрѣшиться отъ одного еще желанія, столь свойственнаго русскому сердцу отъ временъ Ярославовыхъ и до настоящихъ дней. Своими глазами еще здѣсь на землѣ хотѣла она видѣть мѣсто, на которомъ совершилось спасеніе міра; хотѣла своими устами

лобызать треблаженное древо, „на немже распяся Христосъ, Царь и Господь". Какъ всѣ истинно-русскіе люди, она совмѣщала въ своей душѣ и самую нѣжную попечительную любовь къ своему городу и своему племени съ мыслью объ Іерусалимѣ, какъ истинномъ и дорогомъ отечествѣ всѣхъ христіанъ, и о вселенской Церкви, какъ общей и ближайшей нашей матери, независимо отъ государственныхъ раздѣленій. И вотъ она пускается въ далекое и столь опасное тогда путешествіе, преодолѣвая преграды, ставившіяся ей слезами и стонами руководимыхъ ею монахинь и мірянъ, и утѣшая ихъ обѣщаніемъ пребывать съ ними всегда и вездѣ духомъ и молитвою, — тѣмъ обѣщаніемъ, котораго достославное и пресвѣтлое исполненіе мы видимъ сегодня и въ предшествовавшіе дни въ слезахъ восторга народнаго предъ ея священною ракою,—въ слезахъ радости, коими свидѣтельствовалъ нашъ молящійся народъ и восторженно рыдавшія здѣшнія монахини, что къ нимъ пришла *своя, родная* подвижница святости, долговременно и нетерпѣливо ожидавшаяся къ себѣ, домой, уже издавна.

Не отлучаясь духомъ отъ присныхъ своихъ по родной обители, по городу, по удѣлу и по всей тогдашней Руси, святая, уже старица, Евфросинія не могла оторваться тѣломъ своимъ отъ священнаго Іерусалима и, не желая обидѣть духовныхъ друзей и ученицъ и учениковъ своимъ постояннымъ удаленіемъ, просила у Господа себѣ скорой смерти въ священномъ градѣ, чтобы въ царствѣ славы Его быть одновременно близкой и къ Его пресвѣтлому престолу, и къ душамъ всѣхъ почитающихъ и любящихъ ее. Господь услышалъ молитву праведницы, и наша Русь приняла только ея бездыханное, но исполненное благолѣпнымъ нетлѣніемъ тѣло, которое, пролежавъ семь вѣковъ въ святыхъ пещерахъ Кіева, нынѣ предлежитъ нашимъ благоговѣйнымъ взорамъ.

Устремимъ же свой мысленный взоръ на тотъ свѣтлый, блаженный духъ, который обиталъ въ этихъ святыхъ мощахъ. Устремимъ свой мысленный взоръ на тотъ духъ благоговѣйной любви ко Христу и къ Его Церкви, которымъ была исполнена наша земля русская на зарѣ своей жизни и затѣмъ во все время своего самобытнаго существованія до XVII вѣка включительно.

Едва ли когда былъ народъ, который такъ безраздѣльно, такъ сердечно и искренно посвятилъ себя евангельскому благочестію, какъ народъ русскій. Св. Евфросинія была не одинока въ своемъ высокомъ подвигѣ. Мы знаемъ изъ Печерскаго Патерика и другихъ священныхъ лѣтописей нашей Церкви, еще съ XI вѣка, сколь многіе юноши и дѣвы, тайно

покидая отчій домъ и родителей своихъ, бѣжали къ пустынникамъ или пещернымъ старцамъ и, истлѣвая тамъ своимъ „ветхимъ человѣкомъ“, обновлялись въ новаго, созданнаго по образу создавшаго его. Мы знаемъ, что все высокое, святое и прекрасное въ нашемъ народѣ, тѣ евангельскія черты его духа и его быта, предъ которыми изумляются иностранцы, все это раскрылось въ немъ въ первомъ же вѣкѣ его обращенія въ христіанство. Только недальновидные подражатели нѣмецкихъ историковъ могутъ повторять ихъ неразумныя заявленія о русскомъ двоевѣріи; не двоевѣріе, а всецѣлое посвященіе себя Христу и подвигу духовнаго совершенства, — вотъ, чѣмъ опредѣляется русская жизнь на зарѣ своей юности, не знавшей обветшанія цѣлыхъ 7 вѣковъ.

Но вотъ теперь, въ XX вѣкѣ оно наступило, если не для народа, то для русскаго общества. Спросимъ же себя: съ какимъ чувствомъ можемъ мы оглянуться на годы юности своего народа? Съ такими же чувствами, какъ пожилой и уже старѣющійся человѣкъ вспоминаетъ о дняхъ своего непорочнаго дѣтства и своей чистой юности, исполненной высокихъ порывовъ.

Чувства эти различны у разныхъ людей. Если зрѣлый мужъ не только не отступилъ отъ высокихъ предначертаній, поставленныхъ себѣ въ годы чистой юности, но выполнилъ больше, чѣмъ даже уразумѣлъ въ то время; если мечты сдѣлалъ дѣйствительностью, а дѣйствительность эта создавала и продолжала осуществлять еще высшія требованія личной добродѣтели и общественной дѣятельности: то на годы своего духовнаго пробужденія взираетъ онъ радостнымъ, смѣлымъ и спокойнымъ взоромъ и затѣмъ снова устремляетъ его впередъ и впередъ, повторяя слова Апостола Павла: *„я не почитаю себя достигшимъ; а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. III, 13—14).

Но если возмужаніе человѣка было сопровождаемо лишь паденіями и паденіями, и отступленіями отъ высокихъ завѣтовъ юности, если онъ, какъ блудный сынъ, можетъ только одно сказать Небесному Отцу: *согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой* (Лук. XV, 18): тогда, тогда, братіе, все-таки двоякое, совершенно противоположное настроеніе можетъ онъ вынести изъ такихъ скорбныхъ воспоминаній.

Блаженъ онъ будетъ, если дѣйствительно скажетъ эти слова блуднаго сына, но горе ему, если вмѣсто раскаянія ожесточится, если будетъ стараться отогнать отъ себя увѣщевающій голосъ совѣсти, если злобною, кощунственною нас-

мѣшкой броситъ онъ въ свой чистый юный обликъ, предъявленный ему воспоминаніемъ.

Что сказано о личности, то приложимо къ народу и къ обществу. За послѣднее пятилѣтіе и часть народа и большая часть общества постыдно поколебались въ своемъ христіанскомъ призваніи; въ любомъ встрѣтившемся вамъ десяткѣ русскихъ людей навѣрное окажется одинъ или нѣсколько такихъ, которые постыдно отреклись 5 лѣтъ тому назадъ и отъ своей вѣры, и отъ своего отечества, и отъ своихъ святынь, и отъ завѣтовъ подвижнической жизни, оставленныхъ предками. Души такихъ людей стали глухи къ высокимъ заповѣдямъ духовнаго совершенства; имъ постыла родина и родной народъ; они всецѣло отдались или на служеніе грубымъ страстямъ, или на ревнивое исканіе благъ земныхъ, каковое теперь сопряжено съ постоянною ложью и притворствомъ, съ постояннымъ угодничествомъ вліятельнымъ людямъ и началамъ, быстро смѣняющимъ другъ друга и потому требующимъ отъ „поклонниковъ успѣха“ постоянной смѣны мнимыхъ убѣжденій. Не любятъ поэтому современные люди оглядываться на себя, бѣжать отъ самихъ себя, гоняясь для сего за разсѣянностью свѣтской жизни.

Но вотъ наступили, по крайней мѣрѣ для насъ, здѣсь собравшихся, священные Евфросиньевскіе дни, когда такое закрытіе духовныхъ очей невозможно, когда намъ необходимо спросить себя, въ какомъ отношеніи стоимъ мы къ высокимъ стремленіямъ священныхъ нашихъ предковъ осуществлять на землѣ царствіе Божіе? Кто раздраженно и горделиво отвертывается отъ такого запроса совѣсти, кто оправдываетъ себя въ своемъ отступленіи отъ завѣтовъ христіанской родины,— тотъ человѣкъ погибшій: *„слово крестное погибающимъ убо юродство есть“* (1 Кор. I, 18).

Но тѣ изъ насъ, которые, взирая на славу Святой, на народное умиленіе предъ нею, глубоко осуждаютъ свое безразличное равнодушіе къ вѣрѣ, свою отчужденность отъ народной жизни, которые каются и просятъ себѣ у Бога духовнаго возрожденія по молитвѣ Праведницы, — тѣ пусть не унываютъ. Господь былъ силенъ духовно возродить покинувшихъ Его учениковъ, возвратить отрекшемуся Петру апостольское достоинство, ввести первымъ въ рай покаявшагося разбойника и бывшую порочную блудницу изъ Египта содѣлать предметомъ благоговѣйнаго изумленія для святыхъ ангеловъ.

Въ русскомъ сердцѣ каждаго изъ насъ, въ русской жизни нашей, еще довольно силъ, братіе, для того, чтобъ при помощи Божественной благодати зажили язвы нашего нрав-

ственнаго разложенія, покрылось бы Божіимъ и народнымъ прощеніемъ іудино отступничество многихъ и все общество наше вмѣстѣ съ православнымъ народомъ вошло бы въ свѣтлую радость нынѣшнихъ святыхъ воспоминаній, прославленій и молитвъ. Лишь бы сами мы того искренно пожелали, а у святыхъ Божіихъ довольно есть молитвеннаго дерзновенія и у Господа Бога милости для того, чтобъ снова стремленіе къ совершенству духовному содѣлалось главнымъ началомъ русской жизни, личной и общественной, и опять бы небо стало сходить на русскую землю, а земля подниматься къ небу, забывая все земное, но именно чрезъ это становясь несокрушимою для враговъ и супостатовъ, страшною для злодѣевъ-завистниковъ и столь же любезною для друзей Божіихъ, какою она была во время оно для преподобной Евфросиніи, мощамъ которой мы нынѣ благоговѣйно покланяемся, возсылая къ ней смиренныя молитвы объ исполненіи такихъ пожеланій и упованій. Аминь.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Оглавленіе перваго тома.

стран.

Рѣчь при нареченіи въ санъ епископа 7

А) Слова общеназидательныя.

Слово въ день Святителя Николая Чудотворца 10
Слово въ день рожденія Государя Императора 14
Слово въ день сошествія Святаго Духа 18
Бесѣда въ недѣлю четвертую св. постовъ 21
Слово на Великій Пятокъ 31
Слово на освященіе М. Исидоромъ новозданнаго приходскаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, Новгородской губерніи, Крестецкаго уѣзда, Каевской волости, на пустырѣ — Козловкѣ 37
Слово на св. Пасху 42
Слово въ Великій Пятокъ 47
Слово на день св. благовѣрнаго велик. князя Александра Невскаго 50
Слово на день святителя Николая Чудотворца и тезоименитства Наслѣдника Цесаревича 53
Рѣчь, сказанная (съ сокращеніями) на молебствіи Безплотнымъ Силамъ въ день открытія академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“. 58
На день памяти преподобнаго Сергія 64
Слово при открытіи памятника Императору Александру II 68
Слово въ день святителя Николая Чудотворца и тезоименитства Государя Императора 73
Слово въ день священнаго коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ. 79
Слово на Богоявленіе. 82
Слово на день восшествія на престолъ Государя Императора. . . 88
Слово въ день открытія Святыхъ Мощей Святителя Ѳеодосія Черниговскаго 93
Слово въ Великій Четвергъ о любви къ ближнимъ. 97
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ по окончаніи III-го Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда. 100
Слово въ день Преображенія Господня 103
Рѣчь при вступленіи въ управленіе Уфимскою епархіею. 107
Рѣчь, произнесенная въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ при вступленіи на Волынскую паству 112
Слово въ недѣлю св. Женъ Мироносицъ, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 20 апрѣля 1903 года 118
Слово, сказанное 30 января 1904 года въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ во время молебствія о побѣдѣ на супостатовъ. 123
Слово въ день четырехъ Московскихъ святителей и Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 5 октября 1904 года 127
Слово о Страшномъ Судѣ и современныхъ событіяхъ, произнесенное въ Исаакіевскомъ соборѣ 20 февраля 1905 г. 135
Слово предъ молебствіемъ на заключеніе мира съ Японіей, произнесенное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 9 октября 1905 г. . . 143

стран.

Слово, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 21-го октября 1905 года 148
Размышленіе въ ночь святой Пасхи 154
Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Предсоборнаго Присутствія 1 іюня 1906 года 157
Поученіе сельскимъ прихожанамъ противъ безпорядковъ 160
Слово на Рождество Христово 163
Слово на молебствіи 6 февраля 1907 года предъ выборами членовъ Государственной Думы отъ Волынской губ. 170
Слово на благодарственномъ молебнѣ 7 февраля послѣ выборовъ членовъ Государственной Думы 173
Слово на Пасху 177
Слово на благодарственномъ молебнѣ послѣ выборовъ въ 3-ю Государственную Думу 181
Поученіе на поминовенный день по князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, 13 февраля 1908 года 185
Рѣчь при поднесеніи иконы Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ 14 іюня 1908 года 189
Рѣчь, произнесенная при открытіи Миссіонерскаго Съѣзда въ Кіевѣ 12-го іюля 192
Изъ поученія, сказаннаго въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 15-го іюля, въ день св. равноап. князя Владиміра 196
Рѣчь, произнесенная послѣ 21-й бесѣды миссіонеровъ со старообрядцами—въ Петербургѣ, въ залѣ Калашниковской биржи 198
Наставленіе новобранцамъ изъ Волынской епархіи. 200
Слово въ честь святой великомученицы Варвары 204
Рѣчь при представленіи Государю Императору депутаціи отъ Почаевскаго союза 211
Рѣчь, сказанная Его Императорскому Величеству, Государю Императору при всеподданнѣйшемъ представленіи мѣстнаго населенія на станціи Коростень 25 іюня 1909 года 211
Привѣтственная рѣчь е. к. в. наслѣднику сербскаго престола при прощаніи на вокзалѣ желѣзной дороги 213
Храмъ славы и храмъ скорби 214
О національнизмѣ и патріотизмѣ 220

Б) Слова воспитанникамъ духовной школы.

Слово въ день академическаго акта, къ студентамъ СПБ. Академіи. 226
Слово о крестѣ пастырскаго служенія 230
Слово на 14-е ноября 237
Слово въ день апостола Матѳея. 240
Бесѣда въ навечеріе свв. Праотецъ 243
Слово на день св. Димитрія Ростовскаго 246
Слово на день св. апостола Іоанна Богослова. 248
Слово къ студентамъ Петербургской Духовной Академіи. 251
Слово въ день Богоявленія Господня о томъ, какими средствами усовершенствуется общественная жизнь 255
Слово на молебнѣ предъ началомъ ученія 260
Слово на Покровъ Пресвятыя Богородицы. 266
Слово на молебствіи предъ началомъ ученія 273
Слово къ окончившимъ курсъ слушателямъ миссіонерскихъ курсовъ. 279
Слово о духовныхъ дарахъ юности. 282
Рѣчь къ воспитанникамъ Уфимск. Духовн. Семинаріи при первомъ посѣщеніи ея 291

стран.

Рѣчь на торжественномъ актѣ 26-го сентября 1900 года, — въ день празднованія 100-лѣтняго юбилея Уфимской Духовной Семинаріи. . . . 296

В) Слова на постриженіе въ монашество и на посвященіе епископовъ.

Слово при постриженіи студентовъ Московской Духовной Академіи — свящ. Іоанна Грекова (Василія) и Николая Борисоглѣбскаго (Григорія) 300

Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи — діакона Павла Сосновскаго (Діонисія) 303

Слово при постриженіи въ монашество студента Московской Духовной Академіи Данилова (Стефана) 306

Слово при постриженіи вольнослушателей Московской Духовной Академіи М. Ѳ. Алексѣева и В. М. Машкина 309

Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи Николая Безсонова (Никона) 311

Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи Владиміра Никольскаго (Андроника). 314

Слово при постриженіи магистранта Московской Духовной Академіи Василія Мещерскаго (Евдокима) 317

Слово при постриженіи въ монашество 322

Слово при постриженіи студентовъ Казанской Духовной Академіи, священниковъ,—Михаила Павлова (Макарія) и Павла Раевскаго (Ѳеодосія). 325

Рѣчь при вручениі жезла хиротонисанному во епископа Уфимскаго архимандриту Клименту 329

Рѣчь при вручениі жезла Преосвященному Арсенію, еписк. Владиміро-Волынскому. 332

Рѣчь при вручениі жезла архимандриту Ѳаддею, инспектору Уфимской Духовной Семинаріи 337

Рѣчь при вручениі жезла новопоставленному Епископу Кременецкому Димитрію 343

Г) Слова и рѣчи надгробныя.

Слово въ день годовщины смерти доцента Спб. Дух. Академіи Александра Александровича Приселкова. 347

Извлеченіе изъ церковнаго слова надъ тѣмъ же усопшимъ. . . . 350

Слово при погребеніи проф. С.-Петербургскаго Университета О. Ѳ. Миллера 352

Слово при открытіи памятника Оресту Ѳеодоровичу Миллеру, 1-го іюня 1890 г. 357

Слово въ годовщину со дня кончины профессора А. Е. Свѣтилина. 361

Слово при погребеніи профессора В. Д. Кудрявцева 364

Рѣчь у гроба въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго 368

Слово при поминовеніи дѣятелей Братства Пр. Сергія 371

Слово на кончину Государя Императора Александра III. 375

Слово при погребеніи преосвященнѣйшаго епископа Михаила. . . 379

Слово предъ панихидой о Пушкинѣ 383

Слово на панихидѣ по Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, во инокинѣхъ Анастасіи, сказанное въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ . 396

Слово, сказанное въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Ѳеогноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 26-го января 1903 г. 399

СТРАН.

Слово на заупокойномъ служеніи по адмиралѣ Стефанѣ Макаровѣ и православнымъ воинамъ, на брани животъ свой положившимъ, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 5-го апрѣля 1904 года . . 404

Слово, произнесенное 15-го апрѣля 1904 г. при погребеніи архіепископа Ювеналія 408

Рѣчь, сказанная предъ отпѣваніемъ А. С. Родосскаго, библіотекаря С.-Петербургской Духовной Академіи 415

Слово при погребеніи Антона Семеновича Будиловича, 15-го декабря 1903 года 421

Посланіе на кончину настоятеля Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря Архимандрита Андрея 8-го ноября 1903 года 424

Д) Слова юношескія.

Слово въ годовщину послѣ сибирской язвы 427

Слово на Богоявленіе 429

Слово въ день юбилейной памяти св. равноап. Меѳодія 433

Е) Посланія.

Посланіе къ Уфимскому духовенству. 443

Посланіе къ патріарху Іоакиму III по поводу его возвращенія на Константинопольскій патріаршій престолъ 448

Посланіе къ студентамъ Казанской Духовной Академіи 450

Окружное посланіе къ духовенству Волынской епархіи 455

Второе окружное посланіе къ духовенству Волынской епархіи . . 463

Архипастырское Окружное Посланіе къ паствѣ Волынской. . . . 469

Посланіе къ пастырямъ Волынской церкви. 478

Окружное Посланіе къ Волынской паствѣ 485

Окружное Посланіе къ Волынской паствѣ 488

Обращеніе къ іереямъ и псаломщикамъ Волынской епархіи . . . 495

Окружное Архипастырское посланіе къ Волынскому духовенству . 497

Отвѣтъ на поднесенный адресъ кандидатовъ Казанской Дух. Академіи вып. 1903 г. 506

Переписка между Высокопреосвящ. Антоніемъ Архіеписк. Волынскимъ, Предсѣдателемъ VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія и старообрядческимъ, именуемымъ архіепископ. Іоанномъ Картушинымъ 509

Второе приглашеніе отъ Архіепископа Антонія 512

Пастырямъ Церкви Волынской 513

Напоминаніе Волынскому духовенству 515

Краткое поучительное посланіе. 518

Окружное посланіе къ Волынской паствѣ 519

Окружное посланіе Волынской паствѣ 523

Окружное посланіе духовенству Волынской епархіи 529

Къ Волынскому народу. Не переселяйтесь въ Америку 535

Посланіе участникамъ Почаевскихъ Миссіонерскихъ курсовъ . . . 537

Письмо Преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго, на имя К. П. Побѣдоносцева въ началѣ ноября 1905 г. 540

Письмо къ Члену Государ. Совѣта Владиміру Карловичу Саблеру 16-го мая 1905 г. 543

Ж) Слова и рѣчи позднѣйшія.

Слово на перенесеніе св. мощей преп. Евфросиніи Полоцкой, сказанное въ Полоцкомъ Николаевскомъ соборѣ 21-го мая 1910 г. 548

и въ безплат. народн. читальни и библ. (15 декабря 1902 г., № 35173).

Антоній (Храповицкій), архіеп. Волынскій. Полное собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Съ портретомъ автора. Изданіе второе, значительно дополненное СПБ. 1911 г. Ц. 6 р.

Отъ издателя. Съ Божіею помощію приступая ко второму значительно дополненному и исправленному изданію полнаго собранія сочиненій Высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Волынскаго и Житомірскаго въ трехъ большихъ томахъ, считаю нужнымъ заявить читателямъ, что въ эти три тома вошло все то, что было помѣщено въ четырехъ томахъ перваго изданія и кромѣ того сдѣлано много дополненій изъ позднѣйшихъ сочиненій Владыки, не вошедшихъ въ первое изданіе.

Антоній, іером. (нынѣ архіеп. Волын.). Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравствен. отвѣтственности. Изд. 2-е. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Арндтъ, Іоаннъ. Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовок. райскаго вертограда, исполненнаго христ. добродѣтелей, или собранія поучит. и утѣшител. молитвъ. 2 тома въ 5 ч. Спб., 1875 г., ц. 4 р., въ изящн. пер. 6 р. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. сред. учеб. завед. и начал. школъ.*

Арсеньевъ, І. Руководство къ чтенію священныхъ книгъ на урокахъ Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

Арсеній, еп. Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1898 г. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб., 1900 г., ц. 3 р., въ изящн. коленк. перепл. 4 р. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. рекоменд. для фунд. библ. средн. учебн. завед. Внес. въ списокъ книгъ для библ. церк. прих. школъ* („Церк. Вѣд.“, № 2, 1896 г.).

Архангельскій, І., свящ. Поученія къ простому народу. Изд. 7-е. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ красив. переп. 2 р. 25 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учеб. зав.*

— Катихизическія поученія о семи грѣхахъ смертныхъ. Изд. 2-е (извлечено изъ книги: „Поученія къ простому народу“). Спб., 1898 г., ц. 25 к.

Бажановъ, В. Б. Протопресвит.: 1) Воинъ христіан. Изд. 5-е. Спб., 1889 г., ц. 5 к.

2) Воскресный день. Изд. 6-е. Спб., 1889 г., ц. 5 к.

3) Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изд. 16-е. Съ 10-ю рисунками. Спб., 1905 г., ц. 25 к. *Опред. Учил. Сов. при Св. Сѵн. утвержд. Г. Сѵн. Оберъ-Прокурор., постанов. допуст. въ библ. церковн. школъ двухкласси. и одноклассн.* („Церк. Вѣд.“ № 39, 1901 г.).

4) Объ обязанностяхъ христіанина: I. Объ обязанностяхъ къ Богу. II. Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ. III. Объ обязанностяхъ христіанина въ отношеніи къ ближнимъ. IV. Объ обязанностяхъ христіан. въ состояніи домашнемъ. V. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи гражданскомъ. VI. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи церковномъ. Изд. 8-е. Спб., 1905 г., ц. 30 к. *Опредѣл. Учил. Сов. при Св. Сѵн., утвержден. Г. Сѵнод. Оберъ-Прокуроромъ, постановл. допустить въ библ. церк. школъ второкл. и учительск.* („Церк. Вѣд.“ № 39, 1901 г.).

5) О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 8-е. Спб., 1904 г., ц. 10 к.

6) О религіи: I. О религіи естественной. II. О недостаточности ея. III. Объ откровеніи. IV. О христіанской религіи. Изд. 3-е. Спб., 1905 г., ц. 30 к.

7) Пища для ума и сердца, или собраніе христ. размышл. Спб., 1889 г., ц. 1 р.

8) Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. Изд. 10-е. Съ 10-ю рисунк. Спб., 1906 г., ц. 25 к.

9) Притчи, избранныя изъ Круммахера. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 11-е. Спб., 1904 г., ц. 25 к.

10) Сокровище духовное, отъ міра собираемое. Изъ твореній св. Тихона, еп. Воронежск. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., ц. 20 к. *Книги подъ № 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 включ. въ катал. книгъ, одобрен. для употр. въ низш. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. въ отд. III для ученич. библ. и для народ. чтенія (стр. 117, 1901 г.) въ безплатн. народн. читальни (Дополненіе къ каталогу, стр. 1-я, 1903 г.).*

Бакстръ, Р. Вѣчное блаженство святыхъ. Пер. съ франц. свящ. А. Свѣтлакова (законоучит. Нижегор. губ. гимн.). Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ кол. перепл. 1 р. 75 к.

Барсуковъ, И. Памяти Діонисія, еписк. Якутск. и Вилюйск., а затѣмъ Уфимск. и Мензелинскаго. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Бернардъ, Авва. Правила святой жизни. Изложены въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахинею. Спб., 1894 г., ц. 50 к., въ кол. пер. 1 р.

Берсье, Евг. Бесѣды, томы 1, 2, 3, 4 и 5-й. Пер. пр. А. П. Мальцева. Спб., 1890—1902 гг. Ц. 4 р. 40 к., въ одномъ коленк. переп. за всѣ 5 томовъ 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобр. въ уч. библ. ср. уч. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобр. для фундам. библ. средн. дух. учебн. зав.* („Церк. Вѣд.“ № 29, 1898 г.).

— Избранныя бесѣды. Пер. А. Забѣлинъ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея св. иконы. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1905 г., ц. 2 р., въ роскошн. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв., отъ 10—19 нояб. 1901 г. за № 31977, допус. въ учит. библ. низш. учил. и въ безплат. народ. читал. и библ. Учил. Сов. при Св. Сѵн. одобр. для библ. церк.-прих. школъ* („Церк. Вѣд.“ № 31, 1900 г.).

Бобровъ, П., прот. Бесѣды священника съ наставниками молок., въ опроверженіе мнѣній по главнымъ пунктамъ вѣроученія молоканъ и штундистовъ. Спб., 1896 г., ц. 30 к.

— Поученія сельскаго пастыря на весь Православный Катихизисъ, между которыми есть поученія, направленныя противъ молоканъ. Изд. 3-е, исправл. и дополн. примѣрами. Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Богородскій, Ѳ., священ. Голосъ сельскаго пастыря. Поученія, рѣчи и внѣбогослужебныя чтен. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Пр., отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библ.*

Божественное лицо и дѣло Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб., 1883 г., ц. 1 р.

Борисъ, архимандр. (бывшій еписк.):

1) Объясненіе XLIX гл. книги Бытія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетическое ея значеніе. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 20 к.

2) Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церк. обладать научнымъ знаніемъ Богословія? Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 10 к.

3) О невозможности чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка. Апологетическое изслѣдованіе. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 20 к.

4) О сравнительной миѳолог. Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 30 к.

5) О началѣ міра. Аполог. изслѣдованіе. Изд. 2-е. Кіевъ, 1891 г., ц. 1 р.

Бородкинъ, М. Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб., 1897 г., ц. 40 к.

Бувье, пасторъ. Письма больного къ другу, также больному. Съ испр. по духу учен. правосл. церк. Перев. съ франц. А. П. Озерова. Спб., 1895 г., ц. 30 к.

Булгаковскій, Д.: 1) Храмъ Божій и его священная важность для христіанъ. Изд. 4-е. Спб., ц. 10 к.

— 2) Молитва—царица добродѣтелей (Бес. о молитвѣ), съ рис. Изд. 4-е, ц. 10 к.

— 3) Знаменіе Божіей Матери. Съ изображ. Изд. 2-е. Спб., ц. 5 к.

— 4) Память о покойникахъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 5 к.

— 5) Такъ ли мы живемъ, какъ Богъ велитъ? Изд. 3-е. 1905 г., ц. 3 к.

— 6) Будемъ-ли мы жить послѣ смерти? Спб. 1906 г., ц. 15 к.

Буткевичъ, Т., прот. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическ. изложенія евангельской исторіи. Съ опроверж. возраженій, указываемыхъ отрицательн. критикою новѣйш. врем. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1887 г., ц. 4 р., въ изящ. кол. перепл. 5 р.

— Иннокентій Борисовъ, бывш. архіеписк. Херсонскій. Съ портр. Спб., 1887 г., ц. 2 р.

Быковскій, И. К., магистръ древней философіи. Исторія старообрядчества всѣхъ согласій, Единовѣріе, начало Раскола и Сектантства. Съ иллюстраціями и портретами выдающихся дѣятелей. Очеркъ. М., 1906 г., ц. 1 р.

Бѣлоцвѣтовъ, А., прот. Кругъ поученій (110) на всѣ воскресные и праздничн. дни въ году и на седьм. пасхальн., первую поста и страстную, съ біогр. и прилож. къ нимъ особо семи словъ и поученій, не относящ. къ сему кругу. Изд. 6-е. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к., въ красив. колен. пер. 2 р. 25 к. *Св. Сѵн. опред. 1—20 мая 1881 г. одобрилъ для пріорб. въ церк. библ.* („Церк. Вѣд." № 3, 1881 г.).

— Приготовленіе къ исповѣди и св. причащ. Св. Христовыхъ Таинъ. Поученія великопостныя (Извл. изъ кн. „Кругъ Поуч.*"). Спб., 1894 г., ц. 20 к.

— О сквернословіи. Поученіе. Спб., 1901 г., ц. 2 к.

Валуевъ, П. А., графъ. Сборникъ кратк. благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. Спб., 1885 г., ц. 4 р., въ кол. перепл. 5 р.

Варсануфій Великій и Іоаннъ препод. Руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ. Изд. 4-е. Спб. 1905 г., ц. 2 р. въ роскошномъ коленкор. перепл. 3 р.

Веніаминъ, архіеп. Нижегор. и Арзамасск. Новая Скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Въ 4 ч. Съ 77 рис., грав. на дер. В. Сѣряковымъ. 17-е изд. (восьмое по переложеніи на современный языкъ), отпечатано на веленевой бумагѣ. Спб., 1908 г., ц. 2 р., въ роск. кол. пер. 3 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для фунд. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

Вержболовичъ, М. О., маг. бог. Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., ц. 40 к.

— Міръ таинственныхъ явленій. СПБ. 1904 г., ц. 50 к.

Виноградовъ, І., прот. „Духоборецъ". Изд. 2. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Подробный Каталогъ на 1911 г. высылается за 35 коп.

Требованія иногородныхъ исполняются съ первою почтою.